КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго,** Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

		стр.
I.	НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ О ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ ВЪ ЮЖНОЙ УКРАИНѢ ВЪ XV СТОЛѢТІИ. **В. Антоновича**	1—19
II.	АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ. **Н. Бѣляшевскаго.**	20—64
III.	КЪ ВОПРОСУ О СТАРИННЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ СКАЗАНІЯХЪ. По поводу брошюры проф. Н. Сумцова «Къ библіографіи старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаній». **А. Крымскаго**	65—76
IV.	ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА. (1817—1830 г.г.)	77—92
V.	НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВЛЕВОЛЫНСКАГО БЫТОПИСАНІЯ. **Волынца**	93—109
VI.	НОВЫЯ ДАННЫЯ О СОЮЗАХЪ НЕЖЕНАТОЙ МОЛОДЕЖИ НА ЮГѢ РОССІИ. **В. Ястребова.**	110—128

ОТДѢЛЪ II-й.

I.	ДОКУМЕНТЫ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Письмо святителя Феодосія Углицкаго. **А. Л.** б) Къ исторіи возстанія Наливайка. **В. А.** в) Изъ разсказовъ о дикихъ лошадяхъ на югѣ Россіи. Сообщилъ **В. Н. Ястребовъ.** г) Полтава восемьдесятъ лѣтъ назадъ. **Егора Акимова.** д) Къ исторіи бродячихъ сказаній о мудрыхъ судьяхъ. **А. Крымскаго.** е) Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича. Сообщ. **В. Науменко.**	1—17
II.	БИБЛІОГРАФІЯ. а) Списокъ населенныхъ мѣстъ кіевской губерніи. Изданіе Кіевск. Губ. Стат. Комитета. **Ал. А—ча.** б) А. Н. Лисовскій. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченко. **И. Стешенка.** в) Выставка древностей, представляемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею на возрѣніе Государя Императора. **Б.** г) Записки наукового товариства імени Шевченка. Виходять у Львові під редацією Михайла Грушевскаго. **Н. М.**	18—36
	ОБЪЯВЛЕНІЯ о журналахъ 1897 г.	1—4
	КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» (*въ концѣ книги*).	1—
III.	ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (353—368). 2) Любецкій Архивъ. (209—224).	

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою Кіевъ 9 октября 1896 года.

Библиотека "Руниверс"

Нѣсколько данныхъ о землевладѣніи въ южной Украинѣ въ XV столѣтіи.

При пересмотрѣ гродскихъ книгъ Брацлавскаго воеводства XVIII столѣтія мы встрѣтили нѣсколько документовъ XV столѣтія, явленныхъ въ эти книги въ позднѣйшее время; въ виду малочисленности документальныхъ свидѣтельствъ о землевладѣніи въ Украинѣ въ XV столѣтіи, мы полагаемъ, что документы эти не лишены историческаго интереса по данному вопросу, и потому приводимъ ихъ въ связи съ другими данными, касающимися исторической судьбы упомянутыхъ въ нихъ мѣстностей. Къ несчастію, русскіе акты XV ст., явленные въ XVIII, переписаны въ гродскихъ книгахъ латинскимъ шрифтомъ, потому, возстановляя языкъ подлинниковъ, мы не могли возстановить ихъ правописанія. Встрѣтившіеся намъ документы относятся къ слѣдующимъ четыремъ мѣстностямъ:

1. Жаботинъ и Оловятинъ.

Въ 1722 году братья Яковъ и Петръ Житкевичи продали чашнику Летичевскому Лаврентію-Стефану Каменскому свои наслѣдственныя имѣнія: мѣстечко Жаботинъ и село Оловятинъ „съ селами и селищами, издавна къ этому имѣнію принадлежащими, а именно: Куликовцы, Лубенецъ, Плескачевка, Дѣтвѣвый Островъ, Каменка, лѣсъ Бовтыкъ, поляны: Бузукова и Солопов-

Библиотека "Руниверс"

ка“ [1]). При этомъ случаѣ братья Житкевичи явили въ гродскую книгу всѣ сохранившіеся у нихъ фамильные документы, удостовѣрявшіе ихъ права на владѣніе исчисленными имѣніями. Древнѣйшій изъ этихъ документовъ—выпись изъ книгъ гродскихъ Кіевскихъ, выданный 1609 года октября 19, Василію Житкевичу, посвидѣтельствованный членами гродскаго кіевскаго суда съ приложеніемъ гродской печати. Въ выписѣ этомъ сказано, что Василій Житкевичъ явилъ въ гродскія кіевскія книги другой, болѣе древній, выпись изъ тѣхъ-же книгъ, выданный его отцу Тихону Житкевичу, 1570 г. октября 8, посвидѣтельствованный урядомъ замку кіевскаго: Остафіемъ Ивановичемъ Ружинскимъ, намѣстникомъ, Иваномъ Солтаномъ, судьею, и Леономъ Верещакою, писаремъ. Послѣдній выпись свидѣтельствуетъ, что въ 1570 г. Тихонъ Житкевичъ явилъ въ книги кіевскаго замка подлинный документъ, снабженный королевскою печатью и подписью короля Александра слѣдующаго содержанія:

„Александръ Божею милостью король польскій Великій князь литовскій, русскій, прусскій, жомоитскій и пр. ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всѣмъ, кто на него воззритъ или услышитъ его чтеніе, кому о томъ вѣдати нужно будетъ, что билъ намъ челомъ земянинъ брацлавскій, Мокій Житкевичъ, и сказалъ передъ нами, ижъ дей дѣдъ его, небожщикъ Стефанъ выслужилъ на продку нашемъ, на великому князю Витовду имѣнія въ воеводствѣ кіевскомъ на имя: Жаботинъ [2]) и Оловятинъ и селища къ нимъ здавна надлежачіе, пустые и оселые надъ рѣкою Тасьминомъ. Листы предковъ нашихъ онъ дей у себя мѣлъ, и якъ поганство татарове брали имѣнія его, и жену и дѣтей взяли, и тѣ листы у него на тотъ часъ побрали, а къ тому дей якъ нашъ замокъ кіевскій сгорѣлъ, не доставши (онъ Мокій записей замковыхъ) тѣхъ листовъ, они въ замкѣ были истреблены; а то дей вѣдомо всѣмъ земянамъ кіевскимъ, што тѣ имѣнія и селища его дѣдизна и отчизна; ино земяне нѣ-

---

[1]) Книга гродская Винницкая записовая и поточная № 4607, листы 49 на оборотѣ и 55.

[2]) Нынѣ мѣстечко черкасскаго уѣзда.

Библиотека "Руниверс"

которые о томъ повѣдали, што тѣ имѣнія и селища его дѣдизна и отчизна; и билъ намъ челомъ, абысьмо въ томъ ему ласку нашу учинили и подтвердили ему симъ нашимъ листомъ на вѣчность. Ино мы з ласки нашой за его намъ вѣрные и справедливые службы тѣ вышеписанныя его имѣнія: Жаботинъ и Оловятинъ, со всѣми до нихъ надлежачими селищами и пустыми урочищами надъ рѣкою Тасьминомъ потверждаемъ симъ нашимъ листомъ на вѣчность ему самому, дѣтямъ и напотомъ будучимъ щадкамъ з людьми и землями пашными, з пасѣками, з ловы рыбными и бобровыми гоны, зъ лѣсами и дубровами, болотами и сѣножатями, зъ гаями, зарослями, зъ рѣками, рѣчками и крыницами, зъ ставами и ставищами, зъ млынами и вшелякими платами и доходами ихъ и данями, по тому, якъ на тии имѣнія и селища вышеписанные продокъ нашъ дѣду его далъ и якъ здавна въ границахъ своихъ были. Воленъ онъ тие свои имѣнія и селища вышеписанные отдать, продать, обмѣнять, на церковь записать и ку лучшому своему пожитку обратить и разширить, якъ самъ найлепѣй разумѣетъ. На потверженіе чего и печать нашу королевскую привѣсить разказали к сему нашему листу. Писанъ въ Кракови в лѣто 1509 [1]), августа 6 дня. Подпись руки е. к. м. тыми словы: Александръ король [2]).

Приведенный документъ удостовѣряетъ, что Жаботинъ и обширная, тянувшая къ нему полоса земли надъ Тасьминомъ состояли de jure въ преемственномъ владѣніи земянскаго рода Житкевичей со времени Витовта (въ первой половинѣ XV столѣтія) до 1722 года. Изъ данныхъ какъ приведеннаго документа, такъ и другихъ документовъ, явленныхъ Житкевичами, можетъ быть съ незначительными пробѣлами возстановлена родословная

---

[1]) Очевидно, вслѣдствіе незнанія польскими канцеляристами славянскаго счисленія, въ цифрѣ, обозначающей годъ, сдѣлана ошибка. Александръ умеръ въ 1506 году.

[2]) Кн. гродск. Винницкая записовая и поточная 1722 г. № 4607 л. 52—53. Въ актовой книгѣ документъ этотъ переписанъ латинскимъ шрифтомъ со вставкою по мѣстамъ польскихъ терминовъ; мы старались по возможности установить русскій текстъ документа.

Библиотека "Руниверс"

этого земянскаго рода; она представляетъ слѣдующую генеалогическую таблицу:

Стефанъ (современникъ Витовта)
№
Мокій (упом. 1509)
№
Тихонъ (уп. 1570).

Василій (уп. 1609) Тихонъ

Лука (уп. 1621) Даніилъ (уп. 1653—55) Федоръ (уп. 1621—29)

Иванъ (уп. 1692)

Яковъ (уп. 1703—1722) Петръ (уп. 1713—1722).

Изъ письма, писаннаго въ 1621 году Федоромъ Тихоновичемъ къ его двоюродному брату Лукѣ Василіевичу, видно, что дѣдъ ихъ Тихонъ пріобрѣлъ сверхъ Жаботинской волости другія имѣнія въ брацлавскомъ воеводствѣ, именно—въ винницкомъ повѣтѣ Войтовцы на р. Бугѣ и Новоселки, въ которыхъ и жили его внуки, споривше между собою о дѣлежѣ наслѣдства; Федоръ желалъ оставить за собою владѣнія въ винницкомъ повѣтѣ и предоставить Лукѣ Жаботинскій ключъ, между тѣмъ какъ послѣдній требовалъ на свою долю Новоселокъ [1]).—Федоръ Тихоновичъ занималъ важную должность судьи гродскаго Винницкаго и сверхъ своей отчины владѣлъ еще селомъ Шандыровомъ (нынѣ брацлавскаго уѣзда), доставшимся ему въ приданное за женою [2]). Братъ Федора, Даніилъ Тихоновичъ занималъ въ 1653—1655 г.г. должность инстигатора короннаго и въ 1654 и 1655 годахъ избранъ былъ депутатомъ на сеймъ отъ воеводства брацлавскаго [3]).—Обоимъ братьямъ, повидимому надлежали также въ Брацлавскомъ воеводствѣ въ 1664 г. села: Бушинцы и Остапковцы (нынѣ брацлавскаго уѣзда) [4]).—Впрочемъ въ второй половинѣ XVII столѣтія линія Тихоновичей-Житкевичей прекратилась,

[1]) Кн. град. Винницкая № 4607, л. 53 на обор.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р. ч. VII, т, II, стр. 399.

[3]) Тамже, ч. II, т. I, стр. 453 и 465 и т. II, стр. 4.

[4]) Тамже, ч. VII, т. II, стр. 548.

Библиотека "Руниверс"

ибо въ продажной записи Якова и Петра Ивановичей 1722 г. они заявляли, что они единственные наслѣдники какъ прадѣда своего Василія, такъ и двоюродныхъ дядей Даніила и Федора Тихоновичей.

Принадлежность Жаботина Житкевичамъ фактически была упразднена въ половинѣ XVII столѣтія.—Во время Богдана Хмельницкаго, они, подобно другимъ украинным шляхтичамъ, должны были удалиться изъ края, и Жаботинъ вошелъ, въ качествѣ сотеннаго города, въ составъ Чегринскаго козацкаго полка; въ 1649 г. сотникомъ Жаботинскимъ былъ Иванъ Шуликъ [1]). При преемникахъ Хмельницкаго Жаботинъ, среди гетманскихъ междуусобій, стоитъ всегда на сторонѣ того гетмана, который владѣлъ Чегриномъ; онъ поддерживалъ до конца Дорошенка, послѣ его паденія сдался въ 1677 г. туркамъ, а послѣ ихъ ухода призналъ власть Самойловича; но въ 1678, послѣ прихода новой турецкой арміи, Жаботинъ подчиняется Юрію Хмельницкому; въ наказаніе за это, послѣ ухода турокъ, Семенъ Самойловичъ въ 1679 г. разрушилъ городъ и всѣхъ жителей перевелъ на лѣвый берегъ Днѣпра [2]).

Такимъ образомъ Жаботинъ пришелъ въ совершенное запустѣніе; между тѣмъ его бывшіе владѣльцы Житкевичи—Лука Василіевичъ и сынъ его Иванъ—скрывались въ Польшѣ, ожидая удобнаго случая, чтобы предъявить свои права на дѣдизну. Только въ исходѣ XVII столѣтія Иванъ Лукичъ, служившій въ польскомъ войскѣ въ качествѣ, „полковника его королевской милости“, появился въ кіевскомъ воеводствѣ; въ 1692 году мы встрѣчаемъ его подпись на протестѣ дворянъ кіевскихъ противъ притѣсненій, испытываемыхъ ими отъ козацкаго полковника Василія Искрицкаго [3]). Вскорѣ потомъ престарѣлый полковникъ вѣроятно умеръ, потому что уже въ 1703 году представителями ро-

[1]) Максимовичъ. Собраніе сочиненій, т. I, стр. 669. Въ 1649 году король Янъ Казиміръ, желая задобрить Хмельницкаго, далъ ему жалованную грамоту на потомственное владѣніе разными имѣніями; въ числѣ ихъ названы: Жаботинъ съ слободкою Каменкою и лѣсъ Болотышъ. Впрочемъ грамота эта осталась повидимому безъ примѣненія. Акты Южной и Западной Россіи т. X, стр. 463.

[2]) Лѣтопись Самовидца, стр. 128, 138, 146, 147, 282 и 285.

[3]) Архивъ Ю. З. Р. ч. III, т. II, стр. 248.

Библиотека "Руниверс"

да являются его сыновья: Яковъ и Петръ. Подпись перваго изъ нихъ мы находимъ на постановленіи съѣзда кіевскихъ дворянъ, состоявшагося въ 1703 г. подъ Лугинами [1]), а въ 1713 оба брата принимаютъ дѣятельное участіе въ защитѣ Евстратія Самборовича, игумена кіевскаго Кириловскаго монастыря, противъ заѣзда на его имѣніе, Андреевку, произведеннаго дворянами Шумлянскимъ и Щеневскимъ [2]).—Въ это время братья Житкевичи попытались возстановить свои права на Жаботинское имѣніе; но колонизація запустѣвшей области подвигалась слишкомъ медленно; кромѣ Жаботина и Оловятина [3]) остальныя урочища оставались пустыми селищами, и доходъ изъ обширныхъ притасьминскихъ земель былъ ничтожный [4]); вслѣдствіе этихъ экономическихъ причинъ, Житкевичи рѣшились продать свою Жаботинскую дѣдизну, оставивъ за собою лишь имѣнія въ Брацлавщинѣ. Новый владѣлецъ, Каменскій, смотрѣлъ впрочемъ на свое пріобрѣтеніе, доставшееся ему весьма дешево, какъ на выгодную спекуляцію; воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что князья Любомирскіе, купившіе Смѣлянщину, стремились къ округленію своихъ владѣній, Каменскій продалъ имъ около 1730 года свои права на Жаботинскую волость, которая такимъ образомъ вошла въ составъ Смѣлянскаго имѣнія. Въ 1787 г. кн. Ксаверій Любомирскій продалъ это имѣніе цѣликомъ, въ томъ числѣ и Жаботинъ, кн. Потемкину; послѣ смерти послѣдняго оно было раздѣлено между его наслѣдниками, и Жаботинъ пришелся на долю его сестры графини Самойловой, наслѣдниками которой былъ вновь проданъ шляхтичу Фльорковскому.

---

[1]) Тамже, стр. 594.

[2]) Тамже, ч. I, т. IV, стр. 366—369.

[3]) Нынѣ село Головятинъ

[4]) Изъ мѣстностей, упомянутыхъ въ запродажной записи, Солоповка и Вузукова (нынѣ с. Вузуковъ) названы—полянами; далѣе слѣдуетъ „лѣсъ Болтыкъ", вѣроятно нынѣшнее село Болтышка чигрин. у., и Дѣтковый Островъ, мѣстоположеніе котораго намъ неизвѣстно; Куликовка, Лубенцы, Плескачевка и Каменка были пустыми селищами.

Библиотека "Руниверс"

2. Мліевъ.

Документы, явленные Житкевичами, свидѣтельствовавшіе какъ о древности ихъ рода, такъ и о правахъ владѣнія обширными украинными помѣстіями, очевидно произвели впечатлѣніе на дворянъ Брацлавскаго воеводства и возбудили соревнованіе лицъ, сохранившихъ фамильныя преданія о родовомъ землевладѣніи въ Литовское время; лица эти готовы были заявить въ гродъ свои документы и на основаніи ихъ отыскивать давно утерянныя земельныя владѣнія; къ несчастью, у многихъ документы не сохранились; тогда у нѣкоторыхъ лицъ явилось стремленіе восполнить этотъ недостатокъ, взявъ за образецъ документы Житкевичей; одна изъ попытокъ подобнаго рода относится къ Мліеву (мѣстечко чернасскаго у.). Годъ спустя послѣ Житкевичей въ Винницкій гродскій судъ явился Федоръ Пашута „пресвитеръ ritus gvaeco-uniti при церкви архистратига Михаила въ селѣ Сорокотяжинцахъ“ [1]) и явилъ для занесенія въ гродскія книги документъ, „писанный русскимъ стилемъ, безъ печати и корректы“ [2]), который долженъ былъ удостовѣрять о правахъ рода Пашутъ на м. Мліевъ. Гродскій судъ принялъ и записалъ документъ въ актовую книгу, присоединивъ, впрочемъ, вышеприведенную оговорку объ отсутствіи печати и корректы, которая лишала этотъ документъ всякаго юридическаго значенія [3]). При сличеніи оказывается, что документъ, явленный свящ. Пашутою, есть не что иное, какъ буквальная копія документа Житкевичей, съ тою лишь разницею, что вмѣсто Жаботина вставленъ Мліевъ, вмѣсто Витовта находимъ имя Великаго князя Владиміра и вмѣсто Василія, Тихона и Стефана Житкевичей вписаны имена: Богдана, Ермолая и Ларіона Пашутъ. Впрочемъ, апокрифическій характеръ документа явствуетъ не только изъ самаго текста и отсутствія печати и „корректы“; онъ можетъ быть доказанъ свидѣтельствомъ другихъ, извѣстныхъ понынѣ, документовъ. Названіе Мліева упоминается первый разъ въ до-

[1]) Нынѣ брацлавскаго уѣзда подольской губ.

[2]) Т. е. не посвидѣтельствованный гродскимъ судомъ.

[3]) Книга гродская Винницкая, записовая и поточная 1723 г. № 4608 л. 40—41.

Библиотека "Руниверс"

кументѣ 1499 года; въ этомъ году В. К. Александръ пожаловалъ селища: Имгліево, Орловичи и Линчинцы Черкасскому земянину Грыньку Васькевичу; селища эти составляли раньше „отчизну и выслугу“ звенигородскаго земянина Федька Васькевича, но послѣдній былъ убитъ татарами, дѣтей онъ не оставилъ, а на вдовѣ его женился Грынько Васькевичъ, которому В. К. Александръ и разрѣшилъ владѣть выслугою покойнаго. Въ 1510 г. Сигизмундъ I подтвердилъ грамоту Александра на потомственное владѣніе Грынька Васькевича селищами: Мліево, Орловичи и Линчинцы [1]). Жена Грынька, Анна Васькевичева, пережила и второго мужа и въ 1533 году передала всѣ три упомянутые селища, въ качествѣ приданаго за дочерью, зятю своему Черкасскому земянину, Ивану Зубрику; передачу эту утвердилъ В. К. Сигизмундъ I [2]). Наслѣдникомъ Ивана Жибрика былъ сынъ его Василій, извѣстный по документу 1562 года [3]); послѣ смерти послѣдняго, имѣнія его перешли во владѣніе его единственной дочери Христины, которая, доживъ до глубокой старости, продала въ 1633 г. Мліевъ и другія свои наслѣдственныя имѣнія гетману Станиславу Конецпольскому, желая избѣгнуть „великихъ досадъ, причиняемыхъ ей козаками“. Мліевъ оставался собственностью Конецпольскихъ до начала XVIII столѣтія. Послѣ смерти послѣдняго изъ рода Конецпольскихъ—Яна-Александра (1719) украинныя его имѣнія достались его родственникамъ Валевскимъ; но послѣдніе жиливъ Великой Польшѣ и затруднялись наслѣдствомъ, расположеннымъ въ отдаленной области, экономическія условія которой были имъ неизвѣстны потому уже въ 1723 году они продали всѣ свои украинныя помѣстья кн. Юрію Любомирскому; послѣдній присоединилъ ихъ къ Смилянской волости; при этомъ за владѣніе Мліевымъ ему пришлось вести упорную тяжбу съ князьями Яблоновскими, владѣвшими Корсунскимъ староствомъ и послѣ „руины“ захватившими безправно Мліевъ, какъ анексъ этого староства [4]). Лю-

[1]) Грамоты великихъ князей Литовскихъ, изд. В. Антоновича и К. Козловскаго, стр. 33 и 44.

[2]) Тамъ же стр. 58—59.

[3]) Тамъ же стр. 92.

[4]) Руликовскій. Słownik geograficzny VI, 522, 526.

Библиотека "Руниверс"

бомирскіе владѣли Мліевымъ до 1787 года, когда кн. Ксаверій Любомирскій продалъ Смѣлянщину кн. Григорію Потемкину, наслѣдникамъ котораго (Воронцовымъ) Мліевъ принадлежитъ понынѣ.

Изъ этого краткаго перечня судьбы Мліева видно, что документъ, предъявленный въ 1723 году свящ. Федоромъ Пашутою, утверждавшій, будто Мліевъ принадлежалъ его предкамъ со времени „Великаго князя Владиміра“ до 1609 года, представляетъ совершенный вымыселъ; составленъ онъ притомъ съ явнымъ разсчетомъ на неопредѣленность въ то время правъ на землевладѣніе въ Украинѣ, въ которую шляхта едва стала возвращаться послѣ „руины“ и „паліивщины“; въ этомъ именно 1723 году право на Мліевъ было продано Валевскими кн. Юрію Любомирскому, но фактически имѣніемъ владѣли Яблоновскіе; среди этой путаницы, очевидно, Федоръ Пашута разсчитывалъ предъявить свои права и, конечно, не надѣясь добиться Мліева, могъ попытаться получить нѣкоторую сумму за уступку своихъ мнимыхъ правъ, которыя могли еще болѣе усложнить и безъ того запутанное дѣло.—Впрочемъ, претензіи на Мліевъ не были чистымъ продуктомъ фантазіи отца Федора; въ семьѣ Пашутъ, вѣроятно сохранялось преданіе о томъ, что нѣкогда одинъ изъ ихъ предковъ владѣлъ Мліевымъ и преданіе это было основано на дѣйствительномъ фактѣ. Дѣло въ томъ, что Христина Васильевна Жубриковна была замужемъ 3 раза: первые два мужа ея: Филонъ Балакиръ и Ѳедоръ Розношинскій погибли въ стычкахъ съ татарами; третій-же мужъ ея былъ Андрей Пашута—Кореневскій, который и показанъ въ тарифѣ подымной подати воеводства кіевскаго 1631 г. какъ владѣлецъ Мліева [1]).

---

3. Рашковъ.

Въ числѣ замковъ, построенныхъ В. К. Витовтомъ для охраны южныхъ предѣловъ его государства, упоминается замокъ

[1]) Słownik geograficzny т. VI, стр. 522. Архивъ Ю. З. Р. ч. VII, т. I стр. 382—фамилію даннаго лица пишутъ Пашута, Пахута и даже Пахула вѣроятно вслѣдствіе извращенія въ транскрипціяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Калауръ или *Каравулъ*. Замокъ этотъ существовалъ уже въ 1402 году; въ спискѣ областей, городовъ и замковъ, входившихъ въ составъ В. К. Литовскаго, который Свидригайло приложилъ къ договору, заключенному имъ съ крестоносцами въ 1402 г., названъ Калавуръ [1]). Мѣсто, гдѣ находился этотъ замокъ, долго оставалось неизвѣстнымъ,—подобно многимъ другимъ Витовтовымъ замкамъ (Упскъ, Гербедеевъ и т. д.). Нѣсколько лѣтъ назадъ извѣстный знатокъ русско-литовской старины А. П. Яблоновскій сообщилъ мнѣ свѣдѣніе, что въ окрестности м. Рашкова (подольской губ. ольгопольскаго у.) на Днѣстрѣ есть урочище, сохранившее понынѣ названіе „Калауръ“. Года два спустя мнѣ случилось посѣтить Рашковъ, и я занялся собраніемъ свѣдѣній, относящихся къ этому урочищу. Нынѣшнее мѣстечко Рашковъ расположено частью на низменномъ берегу Днѣстра, частью въ долинѣ рѣчки Рашковки, впадающей здѣсь въ Днѣстръ; надъ мѣстечкомъ господствуетъ высокій незаселенный кряжъ приднѣстровской плоской возвышенности, подымающійся почти отвѣсно на 70 саженъ высоты; въ углу этой возвышенности, между Днѣстромъ и Рашковкою, на лѣвомъ берегу послѣдней, на горѣ, сохранилось прекрасное городище; оно обнесено валомъ, имѣетъ видъ неправильнаго четыреугольника и на трехъ углахъ вооружено обширными ронделями, которые характеризируютъ фортификаціонныя сооруженія XV столѣтія; вблизи городища, съ южной его стороны, находится небольшой лѣсокъ, сохранившій понынѣ названіе „Калауръ“. Всѣ перечисленныя обстоятельства наводили на предположеніе, что упоминаемый въ началѣ XV столѣтія витовтовый замокъ Калауръ находился вблизи нынѣшняго Рашкова. Предположеніе это вполнѣ подтвердилось слѣдующимъ документальнымъ свидѣтельствомъ: 29 января 1742 года въ Винницкія гродскія книги Петръ Яковлевичъ Судимунтовичъ-Чечель явилъ цѣлый рядъ хранившихся у него фамильныхъ документовъ, по поводу тяжбы, которую Чечели давно уже вели съ Мелешками за межи своихъ имѣній; въ числѣ этихъ документовъ представленъ былъ выписъ изъ

[1]) Daniłowicz. Skarbiec dyplomatów etc т. I стр. 331.

Библиотека "Руниверс"

книгъ гродскихъ Брацлавскихъ, выданный 13 октября 1580 г. Григорію Судимунтовичу-Чечелю, прапрадѣду Петра [1]), удостовѣренный судовою гродскою печатью и подписью брацлавскаго гродскаго писаря, Григорія Байбузы: выписъ этотъ, писанный по русски, къ несчастію нѣсколько пострадалъ отъ времени, такъ что нѣтоторыя мѣста не могли быть прочитаны въ 1742 году. Вотъ его текстъ:

„1580 г., октября 13 дня на уряде гродскомъ Брацлавскомъ ставши очевисто земянинъ Е. К. М. воеводства Брацлавскаго Григорій Судимунтовичъ-Чечель оповедалъ тыми словы: ижъ што привилегія, наданые предку моему отъ славное памети великого князя Витовда и короля Е. М. Ольбрыхта, Андрею Судимунту, на селища мои отчизные, лежачіе въ воеводствѣ Брацлавскомъ: Кущинцы, Борсуковцы, Щуринцы, а надъ рѣкою Днѣстромъ селище *Калауръ* зъ приселкомъ *Рашковомъ* и селищами, въ воеводствѣ Брацлавскомъ лежащими, (одна строка не разобрана); которые-то я привилегія свое ($^1/_2$ строки не разобрано) козацкого, яко въ Украинѣ, въ замку Винницкомъ приятелю моему ($^1/_2$ строки не разобрано); што изъ допущеня Божого року теперъ идучого 1580, мѣсяца октября 8 дня, той замокъ Винницкій згорилъ, въ которомъ замку схованые у пана Семена Ободенскаго тыи привилегія мои погорили“ [2]).

Приведенный документъ ясно удостовѣряетъ, что Рашковъ былъ въ XV—XVI столѣтіяхъ приселкомъ Калаура, и дозволяетъ безъ колебаній считать слѣдами этого замка какъ существу-

---

[1]) Вотъ данныя генеалогіи Чечелей, извлеченныя изъ явленныхъ фамильныхъ ихъ документовъ:

Андрей Судимунтъ (XV в.).

Борисъ

Григорій подстароста гродск. Брацлав. (упом. 1545—1596).

Андрей

Григорій (*упом. 1617—1644*).

Яковъ

Петръ. (упом. 1742).

[2]) Книга гродская Винницкая записовая и поточная, 27, листъ 28.

Библиотека "Руниверс"

ющее городище, такъ и урочище, сохранившее названіе бывшей Витовтовой крѣпости.

Калауръ, впрочемъ, не долго оставался достояніемъ Судимунтовичей; уже въ 1442 году онъ былъ пожалованъ вмѣстѣ съ обширною степною полосою простиравшеюся до береговъ Чернаго моря, въ пожизненное владѣніе Бучацкому [1]);—но въ 1545 году „Калауръ на Днѣстрѣ держалъ Грицко Чечель“ [2]). Въ концѣ XVI столѣтія поселеніе уже извѣстно подъ названіемъ бывшаго предмѣстія *Рашкова* и принадлежитъ къ числу обширныхъ помѣстій, пріобрѣтенныхъ въ Поднѣстровіи Яномъ Замойскимъ. Въ 1617 году замокъ былъ добровольно сожженъ поляками въ угоду туркамъ, которые, заключая договоръ у Буши съ гетманомъ Жолкевскимъ, потребовали упраздненія пограничныхъ крѣпостей подъ предлогомъ, что онѣ служатъ притонами, изъ которыхъ козаки врываются въ Турцію [3]).—Поселеніе было вновь возстановлено около 1646 года; въ этомъ году Замойскій наградилъ своего слугу Юрія Тржцинскаго „за многолѣтнія его заботы въ осаживаніи Рашкова“ [4]) Въ это же время и возникла новая крѣпость у подножія горы, о которой Целларіусъ упоминаетъ, какъ о „Сильной крѣпости на границѣ безлюдной степи“ [5]). Въ 1648 году Рашковъ вошелъ въ составъ Брацлавскаго козачьяго полка въ качествѣ сотеннаго города [6]). Послѣ гибели въ Сучавѣ Тимофея Хмельницкаго, Богданъ назначилъ Рашковъ на содержаніе его вдовѣ Розандѣ.

Съ 1662 года, во время „руины“ городъ подвергался, подобно всей правобережной Украинѣ, превратностямъ и разореніямъ; онъ поочередно признавалъ надъ собою власть соперничавшихъ гетмановъ: Дорошенка, Брюховецкаго, Ханенка, вслѣдствіе чего подвергался нападеніямъ и разореніямъ какъ

---

[1]) Маркевичъ.—Записки Одесскаго Общ. ист. и древн. т. XVII, ст. 19—20.

[2]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. VI, т. I, стр. 26.

[3]) Pamiętniki do panowania Zygm. III. Wład. IV i Iana Kazim. т. I, 56. Piasecki. Kronika стр. 227.

[4]) Книга град. Винницкая № 4597, л. 222.

[5]) Cellarius. Regni Poloniae. D. d. novissima descriptio. Amsterdam 1659, стр. 368.

[6]) Акты Юж. и Зап. Рос. т. X, стр. 305.

Библиотека "Руниверс"

этихъ гетмановъ, такъ и войскъ тѣхъ державъ, которыя имъ покровительствовали; въ теченіе 12 лѣтъ (1663—1675) Рашковъ переходилъ 11 разъ изъ рукъ въ руки и 3 раза взятъ былъ приступомъ и разоренъ. (1665—Дорошенкомъ, 1671—Собесскимъ, 1675—Ибрагимъ-пашею). Среди этой сумятицы погибла и владѣлица Рашкова Розанда Хмельницкая, ограбленная и замученная сторонникомъ Брюховецкаго, полковникомъ Дроздомъ [1]).—Вѣроятно, вслѣдствіе послѣдняго турецкаго разоренія городъ совершенно запустѣлъ, такъ какъ до конца столѣтія имя его уже не упоминается ни въ документахъ, ни въ козацкихъ лѣтописяхъ.

Между тѣмъ въ теченіе всего этого времени Замойскіе считали Рашковъ своею собственностію, если не de jure, то de facto. Въ 1664 году владѣльцемъ Рашкова числился Янъ Замойскій, воевода сендомірскій [2]), вскорѣ-же потомъ онъ передалъ права на всѣ свои украинныя имѣнія, въ томъ числѣ и на Рашковъ, въ качествѣ приданаго, дочери своей Іоаннѣ-Варварѣ, вступившей въ бракъ съ Александромъ Конецпольскимъ [3]). Фактически Конецпольскіе могли овладѣть Рашковымъ только послѣ прутскаго договора (1711) и владѣли имъ недолго. Въ 1719 году умеръ послѣдній представитель этого рода, и нѣсколько лѣтъ спустя наслѣдники его продали всѣ украинныя имѣнія Конецпольскихъ Любомирскимъ; послѣдніе владѣли Рашковымъ до исхода XVIII ст., когда онъ былъ проданъ за долги Александра Любомирскаго и пріобрѣтенъ въ казну по приказанію Екатерины II. Затѣмъ, Павелъ Первый подарилъ это имѣніе волынскому намѣстнику Тутолмину, но внукъ послѣдняго вновь обременилъ имѣніе неоплатными долгами, вслѣдствіе которыхъ Рашковъ путемъ публичной продажи перешелъ во владѣніе Барщевскаго, наслѣдникамъ котораго принадлежитъ понынѣ.

Другія имѣнія, пожалованныя Андрею Судимунту Витовтомъ: Кущинцы, Барсуковцы и Щуринцы (лежавшія въ нынѣш-

[1]) Тамъ же т. V, стр. 264.

[2]) Кн. град. Винницкая № 4602, л. 79.

[3]) Słownik geograficzny, т. IX, стр. 533.

Библиотека "Руниверс"

немъ гайсинскомъ уѣздѣ подольской губерніи) остались во владѣніи его потомковъ Судимунтовичей-Чечелей до исхода XVIII столѣтія. Щуринцы не сохранили своего прежняго названія или, можетъ быть, перестали существовать во время руины; имени этого села мы не встрѣчаемъ ни въ документахъ XVII и XVIII столѣтій, ни въ спискахъ населенныхъ мѣстъ нынѣшней подольской губерніи. Барсуковцы принадлежали Чечелямъ въ XVII столѣтіи; въ 1616 году Чечель велъ тяжбу съ Адамомъ Сенявскимъ за земли, захваченныя незаконно послѣднимъ, принадлежавшія селамъ Чечеля Барсуковцамъ и Кущинцамъ [1]). Въ описаніи Брацлавскаго замка 1545 года сказано, что „Кущинци держитъ Грицько Чечель“ [2]). Въ 1629 году Кущинци, „alias Чечелевка“, принадлежали Григорію Андреевичу Чечелю, который продолжалъ владѣть селомъ въ 1664 году; въ то время въ Кущинцахъ, „alias Чечелевкѣ“, считалось 34 дома и двѣ мельницы [3]). Наконецъ, послѣднее встрѣтившееся намъ извѣстіе объ этомъ селѣ относится къ 1754 году—тогда оно находилось во владѣніи Петра Яковлевича Судимунтовича-Чечеля [4]).

---

4. Микулинцы.

Въ нынѣшней подольской губерніи, въ долинѣ рѣки Згари, праваго притока Буга, на границѣ уѣздовъ Литинскаго и Винницкаго, расположена группа селъ, составлявшая уже въ началѣ XV столѣтія крупное помѣстіе мѣстнаго земянскаго рода Микулинскихъ, заимствовавшаго свою фамилію отъ названія главнаго поселенія своихъ имѣній, села Микулинецъ. Вотъ интересный по бытовымъ подробностямъ документъ, свидѣтельствующій о происхожденіи землевладѣнія Микулинскихъ.

„Жигимонтъ, Божею милостію король польскій, В. К. Литовскій, Русскій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ,

---

[1]) Zródła Dziejowe, т. XXI, стр. 582, 599.

[2]) Арх. юго-зап. Рос. ч. VI, т. стр. 26.

[3]) Кн. гродская Винницкая № 4602, л. 63 на об. и 75 на обор.

[4]) Кн. гродская Винницкая № 4638, Л. 354.

Библиотека "Руниверс"

чинимы знаменито симъ нашимъ листомъ привилеемъ, хто на него посмотритъ, албо его услышитъ, нынешнимъ и потомъ будучимъ, кому того потреба вѣдати будетъ: біючи намъ чоломъ земянинъ нашъ повету Брацлавского Олехно Иванковичъ Микулинскій, покладалъ передъ нами привилей на имѣнія свое дидызные и отчизные; а то естъ перший привилей отъ продка нанашого Швидригайла, великого князя Литовского, у которому князь Швидригайло пишетъ, штожъ вел. кн. Витовтъ послалъ былъ Богдана Микулинского зъ войскомъ своимъ на татаре; которого за Браславомъ татарове убылы, и, уторгнувши въ повитъ Брацлавскій, шкоды немалые учнилы и, замокъ Винницкій добувши, спалыли и Ивана Богдановича сына его зъ жоною взялы, при которому вси привилея и твердости на имѣнія его отчизные: села—Микулинци, Борковъ Новоселицю, Рогъ и Почапинци, въ повити Брацлавскомъ лежачие, побрали. Ино В. К. Швидригайло того Ивана Богдановича Микулинского откупиты зъ орды повелилъ и тыи вси села его отчизные ему и потомкомъ его на вичность опять далъ и тымъ привилеемъ своимъ потвердилъ. Притомъ и другий привилей святои и хвалебнои памяти найяснѣйшого короля Е. М. Казимира, пана отца нашого покладалъ, где, зъ ласки своей господарской, король Е. М. Супрунови Ивановичови Микулинскому за вирные его послуги тотъ привилей В. К. Швидригайла, отцу его Ивану на тые села и имѣнія даный, тымъ привилеемъ своимъ потвердылъ вѣчностью, къ тому еще село Супруновъ и половыцю села Мызякова [1]) также ему и потомкамъ его на вѣчность далъ. И бiючи намъ чоломъ, просилъ насъ тотъ Олехно Микулинскій, шчо будучи многокротъ у потребахъ и колко разъ въ тяжкомъ вязеню татарскомъ. За чолобытіемъ и прозьбою его и за причиною пановъ родъ нашихъ, тые привилея, такъ Швидригайла В. К. Л. яко тежъ и тотъ привилей короля Е. М. Казимира, пана отца нашого, продкомъ його на тые имѣнія, села: Микулинци, Берковъ, Новоселыцю, Рогъ, Почапинци и половыцю

[1]) Села: Микулинцы, Початинцы, Новосельца и Борковъ лежатъ въ литинскомъ уѣздѣ, Супруновъ и Мизяковъ въ Винницкомъ, Рогъ теперь не существуетъ; вѣроятно въ послѣдствіи имя этого поселенія было замѣнено.

Библиотека "Руниверс"

Мизякова, даные, симъ привилеемъ нашимъ тое все потвержаемъ и также зъ ласки нашои королевскои даемъ; маетъ тотъ Олехно имѣній своихъ дидизныхъ и отчизныхъ самъ и по нимъ диты, потомки и щадки его вично и непорушно держаты и уживаты, а намъ, Господарю, зъ ныхъ имѣній своихъ службу земскую военную служыты маетъ такъ якъ и инные шляхта В. князства Литовского. А на твердость того и печать нашу казалы есьмо прывиситы къ сему нашому листу. При томъ булы: панъ Миколай Выжыгайло, бискупъ Жомоитскій, а воевода Подляскій, маршалокъ нашъ, панъ Богданъ Ивановъ Сопига. Писанъ въ Неполомыцахъ, подъ літы Божого нароженя 1531, мисяца августа 5 день, индыктъ 4. Михайло писарь, намѣстникъ Медницкій. Sigismundus Rex. M. P.—Привѣшена печать великая коронная [1]).

Кромѣ приведеннаго текста, уцѣлѣлъ другой документъ, свидѣтельствующій о принадлежности Згарскихъ имѣній Микулинскимъ въ первой половинѣ XV вѣка: Иванъ Богдановичъ Микулинскій, кромѣ упомянутаго въ выше приведенномъ актѣ Супруна, имѣлъ еще другого сына Карпа, получившаго при раздѣлѣ имѣній съ братомъ село Почапинцы. Карпъ Ивановичъ Микулинскій билъ челомъ В. К. Свидригайлу, прося защиты отъ сосѣдей, захватившихъ принадлежавшія ему земли; вслѣдствіе этой просьбы Свидригайло назначилъ коммиссію межевую, состоявшую подъ предсѣдательствомъ державцы Брацлавскаго кн. Василія Сангушковича изъ брацлавскихъ земянъ: Тихона Слупицы, Василія Омельковича и Семена Юсыповича. Коммиссія эта объѣхала межи земель, принадлежащихъ къ Почапинцамъ, закрѣпила ихъ межевыми знаками: „на деревьяхъ грани вытесали, копцы усыпали есмы и въ рици Згару, въ озери Антоновы для вечистого знаку паль забити казали“. Затѣмъ коммиссары составили подробное описаніе границы, отдѣлившей земли Почапинскія отъ земель Хмѣльницкихъ бояръ: Васька, Кондрата и Евсея (изъ Багриновецъ), людей Солискихъ и земянъ: пана Максима Тимковича, п. Ярмолы изъ Пултовецъ, п. Евсея Якушинскаго (изъ Якушинецъ), пана Данила и п. Кмиты. До-

[1]) Книга гродская Винницкая № 4615, Л. 174 на. об. 177. Кн. Летичевская № 5253 Л. 177 на об. Такъ же „Грамоты великихъ князей Литовскихъ“ стр. 76—78.

Библиотека "Руниверс"

кументъ этотъ, составленный въ Новоселицѣ 17 декабря, индикта 7 (1444 г.), былъ утвержденъ В. К. Свидригайломъ 21 мая, индикта 9 (1446 г.) [1]).

Родъ Микулинскихъ продолжалъ владѣть пожалованными ему Витовтомъ и Свидригайломъ имѣніями до половины XVII столѣтія. По свидѣтельству граничнаго документа въ 1546 году Микулинцы принадлежали Яну и Петру Микулинскимъ, а Почапинцы пани Духнѣ Микулинской [2]). По словамъ описанія Брацлавскаго замка въ 1552 году Микулинцы принадлежали вмѣстѣ съ приселками: Новоселицею и Барковымъ тѣмъ-же Микулинскимъ; въ имѣніи этомъ была церковь и при ней приходской священникъ, въ селѣ находилось 130 крестьянскихъ дворовъ и 18 дворовъ вольныхъ людей; владѣльцы устроили прудъ на Згарѣ и построили мельницу. Почапинцами продолжала владѣть Духна Микулинская; въ селѣ существовала церковь, былъ приходской священникъ, 13 людей данныхъ, 4 вольныхъ, „два ставы и млынъ“ [3]). Въ 1570 году Почапинцы принадлежали Петру Микулинскому, а въ 1580 году онъ владѣлъ и Супруновымъ [4]). Въ концѣ XVI столѣтія родъ Микулинскихъ дѣлится на двѣ вѣтви: Микулинскую и Почапинскую; въ первой вѣтви представителемъ рода является Янъ Микулинскій, который стремится всякими правдами и неправдами объединить въ своемъ владѣніи большую половину Микулинской дѣдизны: въ 1596 году онъ владѣетъ Микулинцами; въ 1598 изгоняетъ путемъ заѣзда изъ Боркова вдову Гордія Микулинскаго—Раину Чечелевну; въ 1606 отнимаетъ посредствомъ заѣзда части Микулинецъ, Боркова и Новосельцы, купленныя у его-же родного брата его дядею Иваномъ Микулинскимъ; въ 1613 онъ покупаетъ у племянницы Маруши Коліевской (урожденной Микулинской) принадлежавшія ей части въ селахъ: Микулинцахъ, Рогѣ, Супруновѣ, Борковѣ, Новоселицѣ и Почапинцахъ и въ

---

[1]) Кн. гродская Винницкая № 4615, л. 174 на об. Кн. град. Летичевская № 5953 л. 177 на об. Также грамоты В. К. Литовскихъ стр. 6—9.

[2]) Dagiel. Lustracya Regni Poloniae II, 196.

[3]) Арх. Ю.-З. Россіи ч. VII, т. I 609—610

[4]) Арх. Ю.-З. Россіи ч. VII, т. I, 228. Документъ собранія Ц. Неизвѣстна.

Библиотека "Руниверс"

1618 изгоняетъ изъ этихъ селъ племянника Александра Микулинскаго, во владѣніи котораго оставляетъ только Новоселицу. Въ томъ-же 1618 году Янъ Микулинскій вѣроятно скончался, потому что пріобрѣтенными имъ имѣніями владѣетъ уже его жена Маріанна, урожденная Стрыжевская; въ 1629 году владѣльцами этихъ имѣній являются его дѣти: Романъ Микулинскій и Анна Рушковская, урожденная Микулинская [1]). Въ концѣ XVI и XVII столѣтія представителемъ другой линіи Микулинскихъ—Почапинской былъ Иванъ Микулинскій, писарь земскій Брацлавскій; въ 1602 году онъ владѣлъ Почапинцами и въ 1606 велъ съ своимъ родственникомъ, Яномъ, тяжбу за купленныя имъ земли у брата Яна въ Микулинцахъ и т. д. Около 1618 года имѣнія его: Почапинцы и Супрунковъ наслѣдовалъ сынъ его Александръ, у котораго они были отняты тѣмъ-же Яномъ Микулинскимъ. Вслѣдъ за тѣмъ Александръ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, изъ котораго былъ выкупленъ въ 1621 г. за 4,000 злотыхъ, занятыхъ для этой цѣли княземъ Стефаномъ Четвертинскимъ. Мы встрѣчаемъ актовыя свидѣтельства, что съ 1629 по 1638 г. Александръ Микулинскій владѣлъ Почапинцами, гдѣ онъ построилъ замокъ; въ селѣ этомъ числилось тогда 128 крестьянскихъ дымовъ [2]). Документъ 1638 года есть послѣднее извѣстіе, сообщаемое архивными источниками о родѣ Микулинскихъ; очевидно, родъ этотъ исчезъ въ грозное для дворянскаго сословія время Хмельницкаго; мы не знаемъ, погибли-ли послѣдніе представители рода во время крестьянскаго возстанія, или бѣжали изъ Брацлавщины и, разорившись, уступили свои права на брацлавскія помѣстія другимъ лицамъ, но, во всякомъ случаѣ, имя ихъ болѣе не упоминается въ брацлавскихъ гродскихъ книгахъ. Во второй половинѣ XVII столѣтія новые владѣльцы появляются въ згарскихъ помѣстіяхъ: въ 1664—1666 годахъ Микулинцы, Почапинцы, Борковъ и Новоселица (во всѣхъ этихъ селахъ считалось 56 дымовъ и двѣ мельницы) принадлежатъ

---

[1]) Zródła dziejowe т. XXI, стр. 398, 405, 522, 561, 562, 307, 312. Кн. городск. винницкая № 3602 л. 59 на об.

[2]) Zródła dziejowe, т. XXI стр. 72, 522, 307. Kwiaty i owoce (Kulikowski) стр. 296, книги гродскія Винницкія: № 4597, л. 25 и 4602, л. 65 на об.

Библиотека "Руниверс"

Стефану Волинскому [1]). Но Волинскіе не долго удержали въ своихъ рукахъ бывшіе Микулинскія имѣнія; уже въ началѣ XVIII столѣтія имѣнія эти распадаются и переходятъ каждое порознь къ новымъ владѣльцамъ. Микулинцами владѣютъ въ XVIII столѣтіи Кордыши, Карчевскіе и др., Почапинцами—Зелинскіе, Супруновъ, основанный въ XV столѣтіи Супруномъ Ивановичемъ Микулинскимъ, раньше другихъ помѣстій былъ отчужденъ Микулинскими; еще до 1644 года село это пріобрѣлъ покупкою гетманъ Мартинъ Калиновскій, владѣвшій имъ до смерти; затѣмъ во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій Супруновъ принадлежалъ Солтыкамъ и, наконецъ, около 1740 пріобрѣтенъ Потоцкими [2]).

В. Антоновичъ.

---

[1]) Кн. град. Винницкаго № 4602, л. 71—72 и кн. град. летичевская № 5245, л. 59 и об. 60, 63 на об. и 72.

[2]) Кн. град. Винницкія: № 4597, л. 26 на об., № 4602, л. 74 и № 4603, л. 231, также арх. Стрыжовскій—замѣтки Ц. Неймана.

Библиотека "Руниверс"

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ.

Три года тому назадъ археологическій съѣздъ и связанныя съ нимъ археологическія изслѣдованія обхватили территорію Литвы. Настоящій съѣздъ подвинулся на сѣверъ, въ сосѣднюю область балтійскаго поморья, и, такимъ образомъ, въ своемъ движеніи является вполнѣ послѣдовательнымъ. Замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ, кажется, впервые осуществился этотъ принципъ послѣдовательности, такъ какъ прежніе съѣзды обыкновенно дѣлали большіе скачки, перенося свою дѣятельность изъ одного угла нашего обширнаго отечества зачастую въ совершенно противоположный. Система эта имѣетъ много и за, и противъ. Именно благодаря обширности Россіи, съѣзды, перескакивая съ одного мѣста на другое, возбуждали энергію мѣстныхъ обществъ и дѣятелей, вносили жизненный элементъ, не будь скачковъ—многія окраины такъ бы и не получили всего этого, имъ долго пришлось бы ждать своей очереди, и это было бы тѣмъ болѣе печально, что археологическіе съѣзды, какъ прежде, такъ особенно въ послѣднее время, никогда не были чисто археологическими: подъ знаменемъ археологіи собирались представители различныхъ научныхъ дисциплинъ, занимающихся изслѣдованіемъ различныхъ сторонъ какъ прошлой, такъ отчасти и современной жизни; археологическіе съѣзды послѣдняго времени можно поэтому съ полной справедливостью назвать историческими съѣздами въ томъ обширномъ значеніи, какое придается теперь исторической наукѣ. Необходимость объединенія, живого обмѣна всегда чувствовалась и чувствуется; нужно было только явиться объединяющему началу, и работающія въ одинаковыхъ или близко соприкасающихся

Библиотека "Руниверс"

областяхъ силы неминуемо должны были потянуться къ нему. Такъ и случилось; объединяющимъ началомъ сдѣлались археологическіе съѣзды. Но эти скачки, съ другой стороны, вредили систематичности, такъ необходимой во всякаго рода научной работѣ, не давали возможности выработать извѣстный общій планъ дѣйствій, результатомъ котораго могла быть цѣльность работы. Все это такъ, но въ данномъ случаѣ мы можемъ представить и серьезныя причины, оправдывающія такой образъ дѣйствій, прибавимъ—образъ дѣйствій, вытекающій вполнѣ естественно изъ общаго хода нашей жизни; причины эти общеизвѣстны: наука наша еще очень молода, у насъ мало научнаго багажа, сравнительно съ пространствомъ, мало работниковъ, громадныя области отстаются еще почти незатронутыми научными изслѣдованіями, поэтому, еслибы съѣзды и не выходили изъ роли иниціатора, только пока еще лишь возбуждающаго къ научной работѣ, вызывающаго къ жизни новыя силы, собирающаго научный матеріалъ, то этого было бы вполнѣ достаточно, и за съѣздами навсегда бы осталась громадная заслуга, оказанная ими наукѣ. Но обыкновенно наряду съ собираніемъ идетъ и обобщеніе, поднимаются общіе вопросы, а тамъ, гдѣ почва подготовлена, подводятся и итоги.

Характеристикой недавно закончившагося X-го археологическаго съѣзда является именно послѣднее обстоятельство. Не даромъ какъ въ рефератахъ, такъ и въ различныхъ рѣчахъ, произносившихся въ теченіе съѣзда, часто упоминалось слово „культура“, и дѣйствительно, благодаря этой „культурной насиженности“, роль съѣзда выразилась, главнымъ образомъ, въ подведеніи итоговъ тому, что сдѣлано было многими годами даже десятилѣтіями сознательной умственной работы на полѣ познанія прошлаго мѣстнаго края. Благодаря этому обстоятельству, была достигнута и другая цѣль, преслѣдуемая съѣздами,—научный обмѣнъ: многочисленные члены съѣзда, пріѣхавшіе съ разныхъ сторонъ, многіе изъ захолустныхъ угловъ, могли воочію убѣдиться, къ какимъ результатамъ приводитъ энергичный, упорный трудъ, могли видѣть, какъ слѣдуетъ работать, какъ слѣдуетъ относиться къ прошлому своей страны, къ тѣмъ памятникамъ, которые остались намъ отъ этого прошлаго. Резуль-

Библиотека "Руниверс"

таты того впечатлѣнія, которое производило все видѣнное, отчасти уже отразились и на самой работѣ съѣзда: если не ошибаемся, еще ни на одномъ изъ нихъ не поднималось столько вопросовъ, не высказывалось столько пожеланій, касавшихся различныхъ сторонъ исторической науки, какъ именно здѣсь, на рижскомъ съѣздѣ; правда, въ данномъ случаѣ нужно считаться съ общимъ ходомъ научнаго движенія, но, съ другой стороны, можно думать, что однимъ изъ импульсовъ были представленные съѣзду результаты работъ мѣстныхъ ученыхъ. Чтобы дать понятіе объ этой работѣ, коснемся вкратцѣ того, что сдѣлано было *предварительными комитетами* по устройству съѣзда.

Кромѣ предварительнаго комитета въ Москвѣ, при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, имѣвшаго объединяющее значеніе, были образованы также два комитета на мѣстѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ: одинъ въ Ригѣ, другой въ Ревелѣ, причемъ въ составъ рижскаго комитета вошли и представители недалеко лежащей Митавы. Разумѣется, на рижскій комитетъ легла главная масса работы; центромъ здѣсь было Общество Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній съ предсѣдателемъ бароном*ъ* Бруйнинкгом*ъ* во-главѣ; вокругъ этого общества группировались и раздѣляли съ нимъ общіе труды какъ отдѣльныя лица, такъ и другія общества, и таковыхъ въ Прибалтійскомъ краѣ не мало; именно принимали непосредственное участіе: Общество Литературы и Исторіи въ Митавѣ, Ученое Эстляндское Литературное Общество въ Ревелѣ, Эстонское Ученое Общ. въ Юрьевѣ, Общество для изученія острова Эзеля, Литературное Общ. въ Феллинѣ, Ученое Латышское Общество въ Ригѣ. Уже этотъ одинъ перечень показываетъ, что недостатка въ мѣстныхъ рабочихъ силахъ не было; если мы еще замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ обществъ насчитываютъ не одинъ десятокъ лѣтъ существованія и дѣятельности, то станетъ яснымъ, почему почва оказалась такъ хорошо подготовленной. Предварительнымъ комитетомъ были произведены въ разныхъ мѣстахъ раскопки, разрабатывались различные вопросы, касающіеся мѣстныхъ древностей. Главнымъ результатомъ дѣятельности рижскаго предвар. комитета явилась превосходно составленная Археологическая

Библиотека "Руниверс"

выставка; въ нее вошли предметы изъ музеевъ Риги, Митавы, Ревеля, Юрьева, Феллина, Аренсбурга, Вильны и нѣкоторые частные экспонаты; выставка состояла изъ пяти главныхъ отдѣловъ: 1) наиболѣе обширный—предметы собственно археологическіе, эпохъ первобытной и до-исторической, 2) матеріалы археографическіе, 3) печати, 4) монеты и медали, 5) золотыя и серебряныя издѣлія болѣе поздняго времени изъ различныхъ церквей, обществъ (напр. Черноголовыхъ Гильдій и др.). Всѣхъ предметовъ на выставкѣ около полторы тысячи; но что особенно цѣнно въ данномъ случаѣ—это научно составленный *каталогъ* выставки, составляющій томъ въ 255 страницъ, со вступительной статьей (въ 85 стр.) проф. Гаусмана, дающей прекрасный очеркъ прибалтійскихъ древностей, и съ 34 таблицами фототипій, изображающихъ наиболѣе типичные предметы; выставка дѣло переходящее, каталогъ-же навсегда закрѣпилъ ее.

Археологическая выставка дала понятіе о внѣшней сторонѣ прошлой жизни; устроенная же по случаю съѣзда *Латышская этнографическая выставка* представила яркую, наглядную картину быта современнаго населенія Прибалтійскаго края—Латышей и Эстонцевъ. Въ виду того, что выставка эта является *первой* областной этнографической выставкой въ Россіи, въ виду того, что задача эта, не смотря на новизну дѣла, выполнена блестяще, мы считаемъ не лишнимъ вкратцѣ передать исторію возникновенія выставки и указать на тѣ матеріалы, которые она заключаетъ. Дѣло это возникло по иниціативѣ и трудами Ученаго Латышскаго Общества въ Ригѣ. Еще раньше общество это задалось цѣлью устроить Латышскій этнографическій музей и уже начало собирать матеріалъ для него; снаряжены были даже съ этой цѣлью на частныя средства экспедиціи; но всего этого было недостаточно. Когда образовался предварительный комитетъ, и Общество приглашено къ участію въ немъ, дѣло было поставлено въ новыя условія и пошло успѣшно: въ теченіе 1894—5 г.г. мѣстности, населенныя Латышами и пограничныя, посѣтило *10 экспедицій*, членами ихъ были собраны богатыя коллекціи старинныхъ костюмовъ и другихъ этнографическихъ предметовъ, былъ возбужденъ интересъ среди деревенскаго населенія къ вы-

Библиотека "Руниверс"

ставкѣ, такъ что и по возвращеніи экспедицій поступленія продолжались. Въ виду изобилія матеріала, рѣшено было устроить выставку на особой площади и размѣстить въ нарочно съ этой цѣлью построенныхъ зданіяхъ. Для устройства выставки былъ образованъ особый комитетъ съ Ф. П. Гросвальдомъ во главѣ; комитетъ этотъ отправилъ спеціалистовъ въ столицы и въ Прагу для ознакомленія съ существующимъ этнографическимъ матеріаломъ и технической стороной дѣла, имъ-же были разосланы циркуляры священникамъ, волостнымъ старшинамъ, народнымъ учителямъ и другимъ лицамъ по всей Курляндіи и Лифляндіи съ указаніемъ, какимъ путемъ любители этнографіи могутъ содѣйствовать комитету выставки. На этотъ призывъ отозвалось 60 лицъ, взявшихся собирать матеріалы; нѣкоторыя лица взялись самостоятельно устроить цѣлые отдѣлы на выставкѣ; благодаря отзывчивости общества, была улажена и матеріальная сторона дѣла, и этнографическая выставка, стоившая 20,000 рублей, была готова ко дню открытія съѣзда. Выставка расположена на красивой площади, среди разбитаго парка, тянущагося по берегу городского канала; большинство предметовъ распредѣлено въ главномъ зданіи, часть въ крытыхъ навѣсахъ, часть-же въ особыхъ зданіяхъ, представляющихъ изъ себя въ то-же время и экспонаты; ихъ нѣсколько: курляндская старинная изба, старинная лифляндская изба, жилой домъ новѣйшаго времени, баня. Выставка устроена по широкому плану, обнимаетъ всѣ стороны жизни латышскаго народа, какъ матеріальныя, такъ и духовныя; состоитъ она изъ 18-ти отдѣловъ, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) территорія, 2) исторія и право, 3) антропологія и статистика, 4) языкъ, 5) народная словесность, 6) литература, 7) школа, 8) общества (отдѣлъ характерный для Прибалтійскаго края: обществъ, преслѣдующихъ различныя цѣли, въ Лифляндіи—*372*, въ Курляндіи—201; цыфры говорятъ сами за себя), 9) музыка и пѣніе, 10) живопись, 11) театръ, 12) одежда, 13) строенія, 14) кустарная промышленность, 15) пчеловодство, 16) сельское хозяйство, 17) рыболовство, 18) мореходство. Выставка имѣетъ каталогъ (на русскомъ и латышскомъ языкахъ), въ которомъ, кромѣ объясненія предметовъ, каждому

Библиотека "Руниверс"

изъ отдѣловъ предпосланы небольшіе очерки, гдѣ помѣщены также и указанія на литературу по каждому вопросу. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли соединить съ археологическимъ съѣздомъ этнографическую выставку; наше настоящее такъ тѣсно связано съ прошлымъ, что такія выставки являются необходимымъ дополненіемъ, не говоря уже о томъ самостоятельномъ интересѣ, какой онѣ представляютъ въ различныхъ отношеніяхъ научно-общественнаго характера. Примѣръ такого сравнительно небольшого народа, какъ народъ латышскій, наглядно показалъ, что можно сдѣлать, если отнестись сознательно къ дѣлу, если внести въ него ту любовь, безъ которой все будетъ носить мертвый отпечатокъ. Кромѣ этихъ двухъ выставокъ, во время съѣзда была открыта еще третья,—*Цеховая*, гдѣ были выставлены предметы, принадлежащіе мѣстнымъ цехамъ, пользующимся въ Ригѣ большимъ значеніемъ и имѣющимъ особую организацію.

Укажемъ въ заключеніе на тѣ работы, которыя были исполнены къ съѣзду отдѣльными лицами: А. Бухгольцъ составилъ библіографическій указатель сочиненій по археологіи Прибалтійскаго края, І. Зицка (I. Sitzka)—археологическія карты того-же края, Лебисъ-офъ-Менаръ вмѣстѣ съ маститымъ ученымъ пасторомъ Биленштейномъ — карту лифляндскихъ городищъ, тотъ-же Лебисъ-офъ-Менаръ — карту Лифляндіи времени Ливонскаго ордена.

Перейдемъ къ самому съѣзду.

Нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ его. Благодаря энергіи и предупредительности *Распорядительнаго комитета съѣзда*, она была обставлена какъ нельзя лучше: купеческими обществами (т. н. большая и малая гильдіи) съѣзду были предоставлены двѣ роскошныя залы—одна для археологической выставки, другая для засѣданій съѣзда, депутатамъ отведены помѣщенія, организованы обѣды и т. д. Кромѣ того, городомъ, дворянствомъ и мѣстнымъ губернаторомъ были устроены пріемы членовъ съѣзда, отличавшіеся радушіемъ и гостепріимствомъ.

Рижскій съѣздъ былъ однимъ изъ наиболѣе многолюдныхъ и оживленныхъ; всѣхъ записавшихся членовъ было 627, изъ

Библиотека "Руниверс"

нихъ 185 пріѣхало изъ внутреннихъ губерній, было также довольно много и заграничныхъ ученыхъ, главнымъ образомъ германскихъ—въ ихъ числѣ и Рудольфъ Вирховъ.

Засѣданія съѣзда, по принятому обыкновенію, раздѣлились на секціи по характеру трактуемыхъ предметовъ, причемъ однако была образована особая секція „Древностей Прибалтійскихъ", куда вошли рефераты разнороднаго характера (всѣ на нѣмецкомъ языкѣ). Всѣхъ засѣданій состоялось 33, на нихъ было доложено 98 рефератовъ; въ свободное время члены съѣзда осматривали Ригу и ея достопримѣчательности, кромѣ того, были совершены и загородныя поѣздки—въ Митаву [1]) и въ Трейденъ, лежащій въ чудномъ уголкѣ, т. н. Ливонской Швейцаріи; здѣсь были произведены раскопки кургановъ, наглядно познакомившія членовъ съѣзда какъ съ погребальными типами, такъ и съ характеромъ находимыхъ въ могильникахъ предметовъ; болѣе отдаленныя поѣздки были предприняты нѣсколькими членами съѣзда, уже послѣ его закрытія,—въ Кенигсберегъ, а также въ Маріенбургъ и Данцигъ, гдѣ были осмотрѣны мѣстные музеи.

Цѣль нашей замѣтки—передать вкратцѣ содержаніе рефератовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Южной Россіи, поэтому на остальныхъ мы останавливаться не будемъ, упомянемъ лишь о тѣхъ, которые представляютъ болѣе или менѣе общій интересъ. Но, прежде, чѣмъ перейти къ этому, и чтобы покончить съ прибалтійской стариной, приведемъ названія нѣкоторыхъ рефератовъ изъ этой группы; сдѣлаемъ это съ цѣлью указать тѣ *темы*, которыя были взяты для рефератовъ. Вотъ эти рефераты: проф. Гаусманъ—*Обзоръ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣд-*

[1]) Въ Митавскомъ музеѣ хранится, между прочимъ, надгробная бляха, украшенная гербомъ и арматурой, съ нѣмецкой надписью (въ стихахъ) приблизительно слѣдующаго содержанія: „Когда Янъ Казиміръ, Полякъ, былъ избранъ королемъ и когда татары и козаки поднялись противъ него, я, Германъ Майдель, былъ военнымъ сотоварищемъ, я былъ молодъ, трудолюбивъ, самоотверженъ, работалъ на пользу отечества, внушавъ страхъ рабочимъ, во многихъ смѣлыхъ битвахъ побѣждалъ врага, и моей наградой было то, что я былъ убитъ, моя слава въ томъ, о король, что я умеръ на твоей службѣ; род. 1625, умеръ 1651.

Библиотека "Руниверс"

нія 50 лѣтъ"; баронъ Бруйнингкъ—„*Обзоръ возникновенія, развитія и дѣятельности историческихъ обществъ въ Прибалтійскомъ краѣ*"; проф. Гаусманъ—„*О разныхъ типахъ ливонскихъ могильниковъ*"; К. Бой—„*О курляндскихъ могильникахъ*"; пасторъ Биленштейнъ—„*О древне-латышскихъ городищахъ*"; проф. Р. Вирховъ—„*О древнѣйшихъ жителяхъ сѣверной Европы и особенно Ливоніи*", пасторъ Гуртъ—о собранной имъ коллекціи эстонскихъ народныхъ преданій (собраніе состоитъ изъ 136-ти томовъ, сюда вошло: около 40500 древнихъ народныхъ преданій, около 8500 сказокъ, около 45000 пословицъ, около 37000 народныхъ загадокъ, около 52000 записей народныхъ суевѣрій и т. п.). А. Бертинъ—„*Собираніе и изученіе латышскихъ народныхъ пѣсенъ*"; И. Крюгеръ—„*О вліяніи русскихъ на общественный бытъ латышей по даннымъ языка*". Къ этому перечню нужно прибавить еще одинъ рефератъ на русскомъ языкѣ такого же обобщающаго характера—А. А. Спицына—„*Общій обзоръ доисторическихъ древностей Прибалтійскихъ губерній*".

Рефератовъ, посвященныхъ Южной Россіи, было въ общемъ немного; но и они въ достаточной мѣрѣ показываютъ, что изслѣдованіе древностей юга идетъ непрерывно, что интересъ къ нимъ не прекращается и что, съ другой стороны, почва юга не перестаетъ быть неизсякаемымъ источникомъ находокъ разнаго рода предметовъ, такъ что недостатокъ чувствуется лишь въ рабочихъ силахъ.

Остановимся прежде всего на двухъ рефератахъ проф. В. Б. Антоновича. Первый изъ нихъ озаглавленъ—„*Памятники каменнаго вѣка, найденные въ Кіевѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ*". Матеріаломъ для этого сообщенія послужили находки и изслѣдованія, сосредоточенныя въ нѣсколькихъ усадьбахъ, лежащихъ на гористой сторонѣ Кирилловской улицы. Въ 1893 году, при срѣзываніи подножія горы, были обнаружены кости мамонта. На эту находку обратилъ вниманіе мѣстный любитель и собиратель древностей г. Хвойка, который сообщилъ о ней референту, и послѣдній обслѣдовалъ ее съ археологической стороны, проф. же Армашевскій—съ геологической.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ костей мамонта, которыя принадлежали нѣсколькимъ особямъ, было найдено 15 бивней, тутъ-же найдены и кремневыя отбивныя орудія, такъ что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ т. н. стоянкой палеолитическаго періода каменнаго вѣка, т. е. съ самой древнѣйшей эпохой человѣчества, какую мы знаемъ. Въ Россіи подобнаго рода находокъ было сдѣлано уже нѣсколько (7), но особенность кіевской стоянки состоитъ въ томъ, что кости и орудія найдены на значительной глубинѣ отъ поверхности, и не въ слоѣ лёсса, какъ всѣ другія находки, а на границѣ съ пластами третичной эпохи, который составляла синяя глина, такъ что стоянку эту нужно признать древнѣйшей изъ доселѣ обнаруженныхъ въ Россіи.

Въ этомъ же самомъ мѣстѣ, но только въ верхнемъ слоѣ холма оказались слѣды другого поселенія, относящагося уже къ болѣе позднему періоду каменнаго вѣка—неолитическому. Стоянка расположена на большомъ пространствѣ; разнаго рода остатки встрѣчались въ культурномъ слоѣ, толщиной $^1/_2$—2 арш.; найдены здѣсь очаги съ углемъ и золой, рядомъ съ ними встрѣчались пищевые остатки—раковины двухъ видовъ, орудія изъ кремня и кости, черепки отъ сосудовъ; присутствія металла не обнаружено.

Преобладающими орудіями являются изготовленныя изъ роговъ или костей животныхъ, начиная отъ лося, кончая козулей; это разнаго рода острія, наконечники стрѣлъ и копій, топоры; нѣкоторыя изъ орудій орнаментированы. Гораздо меньше кремневыхъ орудій—полированные топоры, ножи, скребки и т. п. Большое разнообразіе представляютъ предметы гончарства; здѣсь встрѣтилось даже нѣчто въ родѣ гончарныхъ печей; однѣ изъ нихъ имѣютъ видъ нишей, другія—цилиндрическихъ углубленій, стѣнки и своды ихъ обмазаны толстымъ слоемъ глины, которая укрѣплялась расщепленными кольями; ниши наполнены сосудами, иногда въ нѣсколько рядовъ, въ одномъ случаѣ встрѣтилась печь съ уцѣлѣвшими сосудами. Гончарство не отличается совершенствомъ: сосуды приготовлены безъ помощи гончарнаго круга, глина не чистая, иногда съ примѣсью кусочковъ раковинъ. Что касается формы сосудовъ, то можно отмѣтить 3—4

Библиотека "Руниверс"

вида: довольно большіе широкогорлые горшки, нѣчто въ родѣ кувшиновъ съ узкими горлышками, небольшія мисочки, чарки; орнаментъ очень разнообразенъ, состоитъ изъ разныхъ наколовъ, нарѣзовъ, оттисковъ и т. п. На этомъ же мѣстѣ открыты и 3 погребенія; въ двухъ случаяхъ скелеты лежали въ согнутомъ положеніи, въ третьемъ—въ полусидячемъ; при одномъ изъ скелетовъ найденъ топоръ изъ рога, круглый камень-отбойникъ, служившій для приготовленія кремневыхъ орудій, глиняная пряслица и черепки отъ сосуда,—всѣ эти предметы совершенно аналогичны другимъ предметамъ, найденнымъ на стоянкѣ. Мѣстность, гдѣ находится стоянка, лежитъ рядомъ съ оврагомъ, въ которомъ гораздо раньше были обнаружены пещеры, относящіяся къ той же эпохѣ, и по этому поводу референтъ высказалъ предположеніе, что пещеры могли служить для первобытныхъ жителей этой мѣстности зимними помѣщеніями, стоянки же—лѣтними. Раскопки, продолжавшіяся здѣсь 2 года, заинтересовали и другихъ мѣстныхъ жителей, и въ одной изъ сосѣднихъ усадьбъ—художника Святославскаго—открыта такая же стоянка, отличающаяся, однако, отъ предыдущей нѣкоторыми особенностями. Среди пищевыхъ остатковъ здѣсь преобладали кости рыбъ, раковинъ найдено меньше, меньше было и костяныхъ и роговыхъ издѣлій, кремневыхъ же—больше; среди глиняныхъ предметовъ встрѣтился новый для данной мѣстности видъ—черепки, покрытые орнаментомъ путемъ раскраски; б. м. въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ иноземной культуры; дѣйствительно, есть мѣстность, гдѣ такіе раскрашенные сосуды встрѣчаются очень часто,—это Поднѣстровье; среди глиняныхъ издѣлій обращаютъ на себя вниманіе антропоморфическія—грубыя изображенія людей—мужчинъ и женщинъ; на этой же стоянкѣ встрѣчались еще какіе-то загадочные камни, состоящіе изъ костей мелкихъ животныхъ, рыбъ и остатковъ органическихъ веществъ; не есть ли это консервы, аналогію которымъ можно найти въ пищевыхъ остаткахъ свайныхъ построекъ? Что запасы существовали и на этой стоянкѣ, на это указываетъ одинъ изъ найденныхъ сосудовъ—онъ былъ наполненъ раковинами, еще не

Библиотека "Руниверс"

раскрытыми и, слѣдовательно, приготовленными лишь къ употребленію.

Третья группа памятниковъ, открытыхъ все въ той-же мѣстности, относится уже къ гораздо болѣе позднему времени. У подошвы горы, составляющей одну сторону Кирилловской улицы, на пространствѣ полуверсты, обнаружено старо-славянское языческое кладбище; скелеты лежатъ головами къ востоку, при нихъ находятся желѣзныя вещи и украшенія; послѣднія не богаты—кольца и серьги изъ низкопробнаго серебра, бусы; всего здѣсь найдено 80 гробницъ. Одна изъ могилъ представляетъ нѣкоторыя особенности, выдѣляющія ее изъ остальныхъ: скелетъ лежалъ головой на сѣверо-востокъ, у головы находился отдѣланный клыкъ кабана, возлѣ рукъ какое-то костяное орудіе, сколоченное желѣзными гвоздями, тутъ-же найдены кремни и раковины; б. м. это могила переходнаго періода—отъ каменнаго къ желѣзному. Въ заключеніе референтъ остановился еще на одной могилѣ той-же мѣстности, могилѣ, еще болѣе близкой къ намъ по времени, чѣмъ вышеописанное старо-славянское кладбище; здѣсь найдены бусы изъ сердолика, 2 серебряныя серьги, серебряныя же большія бусы и на шеѣ—арабская монета.

По поводу первой части реферата, гдѣ описаны находки палеолитической стоянки, В. Д. Соколовъ высказалъ предположеніе, что большую глубину залеганія костей и орудій можно объяснить оползнемъ горы, и, если это такъ, то и глубокая древность этой стоянки подлежитъ сомнѣнію. На это проф. Антоновичъ отвѣтилъ, что сомнѣнія, конечно, возможны, но въ данномъ случаѣ онъ высказываетъ лишь мнѣнія геологовъ—проф. Армашевскаго и проф. Феофилактова, производившихъ геологическое изслѣдованіе мѣста находки. Въ дополненіе къ этому А. М. Покровскій замѣтилъ, что неправильности въ залеганіи пластовъ нѣтъ, нѣтъ также и оползней, и что поэтому пластъ, въ которомъ обнаружены находки, дѣйствительно нужно признать переходнымъ между третичнымъ и слѣдующимъ за нимъ болѣе новымъ.

Упомянемъ за одно о новѣйшей находкѣ остатковъ мамонта вмѣстѣ съ крестьянскими орудіями. Обнаружена она возлѣ го-

Библиотека "Руниверс"

рода Томска на берегу рѣки Томи. Ее обслѣдовалъ проф. Н. Ѳ. Кащенко и результаты изложилъ въ рефератѣ: „*Къ вопросу объ одновременномъ существованіи человѣка и мамонта*“. Особенность этой находки заключается въ томъ, что здѣсь кости скелета принадлежали одному мамонту; скелетъ почти полный, не хватаетъ только нѣсколькихъ незначительныхъ костей.

Другой рефератъ проф. Антоновича носитъ иной характеръ; онъ тѣсно примыкаетъ къ другимъ работамъ того-же автора, въ которыхъ дѣлается систематическое распредѣленіе памятниковъ старины юга Россіи на типы; онъ озаглавленъ: „*Попытки группировки городищъ по ихъ контурамъ въ бассейнѣ Днѣпра*“. Сравнительно съ другими видами древностей городища до сихъ поръ пользовались небольшимъ вниманіемъ археологовъ; между тѣмъ городища представляютъ особенный интересъ.

Указавъ на то, что нужно разумѣть подъ словомъ городище—оставленное укрѣпленное мѣсто поселенія,—референтъ перешелъ къ вопросу о распредѣленіи городищъ по типамъ. Сортировка городищъ по предметамъ, найденнымъ случайно или добытымъ путемъ раскопокъ, не даетъ желаемыхъ результатовъ, такъ какъ находки на городищахъ обыкновенно очень рѣдки (бываютъ, конечно, и исключенія), а раскопки сопряжены съ разнаго рода неудобствами: городища зачастую занимаютъ большую площадь, и нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ собственно нужно производить раскопки, раскапывать же всю площадь нѣтъ смысла, какъ въ виду большихъ матеріальныхъ затратъ, такъ и въ виду указанной выше рѣдкости находимыхъ предметовъ. Референтъ предлагаетъ свой методъ, состоящій въ наблюденіи подъ контурами, въ сличеніи содержимаго городищъ, если таковое имѣется, съ содержаніемъ расположенныхъ по близости кургановъ и, наконецъ,—въ сопоставленіи съ лѣтописями и извѣстіями. При помощи этого метода городища бассейна средняго теченія Днѣпра распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Древнѣйшимъ типомъ можно считать *городища-майданы*; майданы, по народной терминологіи—раскопанныя могилы, представляютъ до сихъ поръ научную загадку; ихъ существуетъ нѣсколько видовъ (3), обычную существенную часть ихъ состав-

Библиотека "Руниверс"

ляетъ кольцеобразное возвышеніе съ выходомъ съ одной стороны; это центральное возвышеніе снабжено бываетъ побочными, т. н. крыльями, которыя располагаются иногда въ нѣсколько рядовъ; различныя предположенія о назначеніи и времени этихъ городищъ-майдановъ не были основаны на чемъ-ниб. положительномъ, такъ какъ и раскопки майдановъ не давали почти никакихъ результатовъ; вопросъ этотъ остается открытымъ. Только пока въ одномъ случаѣ можно сказать кое-что, болѣе или менѣе опредѣленное о майданахъ: въ бассейнѣ южнаго Буга, возлѣ Кальныка, на длинномъ узкомъ мысѣ, отрѣзанномъ рвомъ и валомъ, стоятъ два громадныхъ городища-майдана и возлѣ нихъ т. н. скифскіе курганы,—эти послѣдніе даютъ указаніе и на время возникновенія майдановъ; но это только единичный случай.

Слѣдующій типъ—*циркулярныя городища*; по формѣ они представляютъ кругъ или овалъ, образованный невысокимъ валомъ—въ 2—$2^1/_2$ арш. высоты, иногда и рвомъ; площадь ихъ въ разрѣзѣ даетъ обыкновенно выпуклую по срединѣ линію. Что касается времени ихъ, то въ данномъ случаѣ можно пользоваться двумя указаніями: прежде всего, въ лѣтописи нѣтъ никакихъ указаній на мѣстности, гдѣ расположены городища; затѣмъ, городища эти непосредственно находятся въ связи съ древне-славянскими курганами; на основаніи всего этого ихъ можно считать первоначальными славянскими городищами.

Еще ближе къ намъ по времени *городища княжескія*; въ эту группу включены городища только до половины XIII вѣка. Расположены они на возвышенности, обыкновенно надъ рѣкой; мѣсто выбиралось такъ, чтобы возвышенность была соединена съ материкомъ возможно узкимъ перешейкомъ, который перекапывался рвомъ и укрѣплялся валомъ. Контуры городищъ имѣютъ неправильную форму: валомъ, идущимъ по внѣшнему краю, старались охватить всю поверхность городища; послѣдняя бываетъ выпуклой и вогнутой; не довольствуясь однимъ валомъ, ихъ насыпали параллельно нѣсколько, и городище является окруженнымъ рядомъ концентрическихъ валовъ, и это служитъ однимъ изъ отличительныхъ признаковъ этого рода городищъ; такихъ, расположенныхъ концентрически, валовъ бываетъ нѣ-

Библиотека "Руниверс"

сколько—2, 3, 5, и на городищѣ Вышгорода—даже 8; валы въ общемъ довольно высоки. Названіе *княжескихъ* придано имъ на томъ основаніи, что по справкамъ съ лѣтописью, на всѣхъ этихъ мѣстахъ въ великокняжескую эпоху существовали города. Для примѣра можно указать на территорію Черныхъ Клобуковъ; въ лѣтописи мы находимъ упоминаніе о семи городахъ, принадлежащихъ Берендичамъ, два изъ нихъ названы—это Ставецъ и Неятынъ. Семь древнихъ городищъ и обнаружены на р. Раставицѣ; изъ нихъ городище у м. Бѣлиловки было древнимъ Раставцемъ, такъ какъ въ одномъ документѣ XVII в. м. Бѣлиловка названа Раставцемъ, городъ же Неятынъ—городище у с. Ягнятина; 5 другихъ городищъ находятся у Ружина (древн. Щербовъ), Буки (Бакожинъ), Коропчіева, Таборова и Шендеривки; время всѣхъ этихъ городищъ—XII вѣкъ. Но, конечно, не всѣ мѣстоположенія древнихъ лѣтописныхъ городовъ установлены точно, напр.—г. Юрьевъ, жители котораго въ виду набѣговъ Половцевъ были переселены Святополкомъ въ г. Святополчь (теперешнее село Витачово); онъ находился на среднемъ теченіи Роси, и можно высказать догадку, что въ настоящее время это городище не далеко отъ м. Бѣлой Церкви; на немъ, между прочимъ, въ 1877 году была найдена позолоченная панагія съ надписью Георгій. Другимъ такимъ же неопредѣленнымъ по мѣстоположенію лѣтописнымъ городомъ является Пересѣченъ, лежащій недалеко отъ Кіева, по направленію къ Переяславу; по мнѣнію Максимовича, Пересѣченъ могъ находиться въ мѣстности, носящей теперь названіе Китаевской Пустыни или Китаева; здѣсь, дѣйствительно, расположено городище этого типа. Всѣ такія городища относятся къ концу XI, XII и къ половинѣ XIII ст.

Городища литовскаго времени составляютъ слѣдующій типъ: по времени они относятся къ XV—XVI в.в.; вслѣдствіе того, что въ эту эпоху вводится въ употребленіе огнестрѣльное оружіе, городища измѣняютъ свою форму: стороны ихъ выравниваются, по угламъ дѣлаются круглые выступы—„рондели“.

Какъ на образецъ городищъ этого типа, референтъ указалъ на городъ Караулъ, основанный Витовтомъ, построившимъ

Библиотека "Руниверс"

много укрѣпленій по нижнему Днѣстру, Поморью и Днѣпру; до послѣдняго времени мѣсто этого города не было точно опредѣлено; въ настоящее время это можно сдѣлать: въ одномъ изъ документовъ XV в. упоминается г. Караулъ съ приселкомъ Рашковымъ; Рашковъ существуетъ въ настоящее время; по справкѣ на мѣстѣ возлѣ Рашкова оказалось городище и лѣсокъ, носящій названіе Караула; въ документахъ находятся также извѣстія, что городище это было заброшено и, слѣдовательно, сохранилось оно до настоящаго времени въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Съ конца XVI, въ XVII и XVIII в.в. укрѣпленія получаютъ новыя характерныя особенности—они прямолинейны, снабжены бастіонаяи. Такихъ, оставленныхъ уже, крѣпостей, много; для примѣра можно указать на м. Бѣлую Церковь или на Кодакъ; въ послѣднемъ укрѣпленія были построены Боплановъ въ 1635 г.

Отмѣтимъ замѣчаніе В. Д. Сизова, высказанное по поводу реферата. В. Д. Сизовъ выступилъ въ защиту раскопокъ городищъ, такъ такъ раскопки, хотя бы въ видѣ пробныхъ траншей, могутъ дать кое-какіе предметы, а эти послѣдніе могутъ служить нѣкоторымъ основаніемъ при опредѣленіи времени городищъ.

Въ общемъ система проф. Антоновича по своей ясности и обоснованности, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Если при группировкѣ и были опущены нѣкоторые типы городищъ, встрѣчающіеся въ данной мѣстности, о чемъ заявилъ и самъ референтъ, то это сдѣлано или въ виду рѣдкости ихъ, или малоизвѣстности.

Въ началѣ своего сообщенія референтъ заявилъ о малой обслѣдованности городищъ, пожелаемъ же, чтобы и въ этомъ направленіи шло такое-же движеніе впередъ, какое идетъ въ другихъ областяхъ археологіи, напримѣръ, въ изслѣдованіи кургановъ.

Выскажемъ кстати нѣсколько пожеланій болѣе общаго характера. Въ каждомъ дѣлѣ, въ каждой работѣ удовлетворительное исполненіе находится въ зависимости отъ полноты находя-

Библиотека "Руниверс"

щагося въ распоряженіи матеріала. Эта же самая азбучная истина имѣетъ мѣсто и при археологическихъ работахъ, и именно здѣсь мы зачастую натыкаемся на недостаточность или—правильнѣе—малоизнѣстность нужнаго матеріала. Дѣйствительно, свѣдѣнія о нашихъ памятникахъ старины по большей части носятъ случайный характеръ, они разбросаны по разнымъ источникамъ, и только въ рѣдкихъ случахъ можно встрѣтиться съ систематическимъ собираніемъ (какъ напримѣръ, собираніе такого рода свѣдѣній черезъ волости, предпринятое въ началѣ семидесятыхъ годовъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ). Въ послѣднее время въ нашей наукѣ замѣчается стремленіе къ обобщенію такихъ данныхъ въ формѣ составленія археологическихъ картъ. Кто хотя немного знакомъ съ процедурой этого рода работъ, тотъ знаетъ, какая масса трудностей встрѣчается на пути, сколько ненужнаго хлама приходится перебрать, сколько потратить безплодныхъ усилій! И часто въ концѣ концовъ нужно бываетъ отказываться отъ работы изъ-за отсутствія матеріала. Вотъ почему намъ кажется, что вопросъ о приведеніи въ извѣстность существующихъ у насъ памятниковъ старины (мы имѣемъ въ виду болѣе крупные виды: городища, курганы, валы, стоянки и др.) долженъ быть поставленъ на первую очередь,—необходимъ *инвентарь* нашей старины, тогда только и можно будетъ намѣтить общій планъ изслѣдованій, приступить къ систематизаціи. Но вопросъ, конечно, въ осуществленіи. Есть два способа: первый, практиковавшійся уже и практикующійся отчасти и въ настоящее время—собираніе свѣдѣній отъ мѣстныхъ жителей; такимъ путемъ добыто уже много данныхъ, но здѣсь неудобнымъ представляется то обстоятельство, что эти свѣдѣнія поступаютъ отъ разныхъ лицъ, различно понимающихъ предложенные имъ вопросы, вслѣдствіе чего имѣютъ мѣсто иногда и недоразумѣнія; второй состоитъ въ осмотрѣ и зарегистрированіи памятниковъ старины *на мѣстѣ* лицами, знакомыми хотя бы и въ общихъ чертахъ съ задачами и пріемами науки о древностяхъ. Если бы были организованы съ этой цѣлью экспедиціи, или, выражаясь скромнѣе экскурсіи, состоящія изъ нѣсколькихъ лицъ или порученныя одному, то, ведя дѣло постепенно, не го-

Библиотека "Руниверс"

нясь за быстротой и соединивши затѣмъ свѣдѣнія, собранныя первымъ способомъ и взятыя изъ другихъ источниковъ, можно было бы, дѣйствительно, получить въ концѣ концовъ сравнительно полный инвентарь памятниковъ старины какой-нибудь извѣстной области.

Послѣ этого небольшого отступленія обратимся снова къ съѣзду и къ сообщеннымъ на немъ рефератамъ.

Оживленный обмѣнъ мнѣній вызвалъ рефератъ Н. Е. Бранденбурга—„*Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ кіевской губерніи, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остатки убитыхъ лошадей?*“ Могилы эти, типъ которыхъ довольно извѣстенъ и раскопкой которыхъ спеціально занимался референтъ, кромѣ костяковъ, съ постоянно сопутствующими имъ костями лошадей, даже тамъ, гдѣ погребены женщины и дѣти, заключаютъ разнообразные предметы: шлемы, сабли, золотыя и серебряныя украшенія; однѣ изъ нихъ схожи съ скиѳскими, другія напоминаютъ кіевскія (серьги), третьи же указываютъ на связь съ Византіей; черепа въ могилахъ всѣ короткоголовые. По времени могилы могутъ граничить съ XI вѣкомъ. Основываясь на находкахъ въ могилахъ и сопоставляя византійскія извѣстія, референтъ приходитъ къ заключенію, что племя, оставившее могилы, было кочевое, воинственное и находилось въ связяхъ съ тогдашними культурными центрами, каковыми, съ одной стороны, была Византія, съ другой—Кіевъ. Племя это—Печенѣги (Пацинаки византійскихъ извѣстій).

Послѣ прочтенія реферата, отличавшагося полнотой и обстоятельностью, первымъ сдѣлалъ замѣчаніе академикъ Анучинъ. Замѣтивъ, что *при раскопкахъ не слѣдуетъ пренебрегать не только костями человѣка, но также и животныхъ*, акад. Анучинъ остановился на скелетахъ двухъ лошадей изъ этихъ раскопокъ, которые ему пришлось видѣть въ артиллерійскомъ музеѣ. Для Европы существуютъ два типа лошадей: западный, европейскій, и восточный, азіатскій; найденные въ курганахъ кіевской губ. скелеты относятся къ первому типу, и обстоятельство это нѣсколько усложняетъ вопросъ о принадлежности могилъ восточнымъ кочевникамъ.

Библиотека "Руниверс"

Проф. Антоновичъ, остановившись на двухъ основныхъ положеніяхъ референта—на воинственности и кочевомъ бытѣ племени, оставившаго эти могилы,—замѣтилъ, что нахожденіе остововъ лошадей еще не говоритъ за кочевой бытъ, а указываетъ лишь на то, что народъ этотъ былъ конный; что-же касается воинственности, то нужно принять въ соображеніе эпоху, къ которой могутъ быть отнесены могилы: это—эпоха князей завоевателей; сдѣлавъ затѣмъ характеристику предметовъ, оппонентъ считаетъ нѣкоторые изъ нихъ скорѣе славянскими, чѣмъ восточными; наконецъ территорія: это территорія Полянъ, никогда не бывшая вся цѣликомъ во владѣніи кочевниковъ. Такимъ образомъ, могилы эти могутъ принадлежать славянскому племени и, прежде всего, Полянамъ.

А. А. Спицынъ выразилъ мнѣніе, что курганы, раскопанные Н. Е. Бранденбургомъ, принадлежатъ Половцамъ. Вещи изъ этихъ кургановъ, особенно серьги характернаго типа, зеркала, золотая ткань и кораллы, могутъ быть относимы приблизительно лишь къ XIII в.; совершенно такія-же серьги и подобныя зеркала найдены были въ курганахъ Донской области и ставропольской губ., которые естественнѣе всего приписывать Половцамъ, такъ какъ на это указываютъ и мѣсто, и время погребеній, и неизмѣнность погребенія съ конемъ, свидѣтельствующая о степномъ образѣ жизни народа, оставившаго курганы.

Послѣ замѣчанія Н. Е. Бранденбурга, что онъ не ограничиваетъ территорію предѣлами кіевской губ., въ преніяхъ приняли участіе проф. А. И. Соболевскій, проф. Ю. А. Кулаковскій и С. С. Слуцкій, послѣдній по поводу мнѣнія, высказаннаго А. А. Спицынымъ. Проф. Соболевскій замѣтилъ, что подходящимъ народомъ въ мѣстахъ, указанныхъ А. А. Спицынымъ, могутъ быть Ясы, находившіеся въ сношеніяхъ съ Косогами и носящіе въ XV в. названіе Черкасъ. Названіе это появляется затѣмъ на западѣ Россіи, по отношенію къ жителямъ степной области; по имени этого народа и названъ г. Черкассы. Ясы появляются далѣе въ Бессарабіи и Трансильваніи, и о нихъ, какъ объ особой народности, сообщаютъ писатели XVI в.; и они оставляютъ слѣдъ въ названіи города Яссы

Библиотека "Руниверс"

Проф. Ю. А. Кулаковскій, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Ясахъ, которыхъ онъ отождествляетъ съ Аланами, привелъ извѣстія о пребываніи этого народа въ Крыму и въ южно-русскихъ степяхъ въ XIII и началѣ XIV вв., а именно: указалъ на данныя, заключающіяся въ посланіи еписк. Ѳеодора отъ 1240 г., а также на сообщенія объ участіи Аланъ въ походахъ Ногая и др. Обращаясь затѣмъ къ „національности“ погребенія съ конемъ, проф. Кулаковскій не высказывался за опредѣленное племя, но настаивалъ на принадлежности этого типа погребенія „народу-коннику“, какимъ не могли быть Поляне.

С. С. Слуцкій высказался противъ пріурочиванія могилъ съ конемъ Половцамъ, т. к. типъ могилъ, принадлежащихъ Половцамъ—курганы съ каменными бабами.

На что А. А. Спицынъ возразилъ, что раскопки кургановъ съ каменными бабами показали, что насыпи эти заключаютъ необыкновенное разнообразіе въ погребеніяхъ, начиная отъ скиѳской эпохи, и что вопросъ, какому времени и народу принадлежатъ каменныя бабы, остается все еще нерѣшеннымъ.

Д. И. Иловайскій внесъ въ вопросъ новое предположеніе, напомнивъ о Черныхъ Клобукахъ, территорія которыхъ какъ разъ совпадаетъ съ той, гдѣ были найдены погребенія съ конемъ. Народъ этотъ въ XI вѣкѣ потерялъ кочевой характеръ, но остался конным и, благодаря сосѣдству съ Полянами, воспринялъ извѣстную степень культуры.

Проф. Антоновичъ по поводу мнѣнія Д. И. Иловайскаго замѣтилъ, касаясь одного народа Берендѣевъ, что имъ изслѣдована территорія, которую занималъ этотъ народъ—долина рѣки Раставицы, но даннаго погребальнаго типа тамъ не обнаружено.

И такъ, какъ видимъ, вопросъ объ этнографической принадлежности могилъ съ остовами лошадей вызвалъ цѣлый рядъ разнообразныхъ мнѣній: тутъ мы встрѣчаемъ и Печенѣговъ, и Полянъ, и Половцевъ, и Ясовъ, и Аланъ, и Черныхъ Клобуковъ, но все таки вопросъ остается нерѣшеннымъ, какъ не рѣшены и многіе другіе, гдѣ дѣло касается этнографическаго пріурочиванія памятниковъ нашей старины.

Библиотека "Руниверс"

Раскопокъ кургановъ на югѣ Россіи касались еще два сообщенія. Проф. Ю. А. Кулаковскій доложилъ *„О раскопкахъ крымскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г.“* Разрытые курганы находятся между нижнимъ теченіемъ рѣкъ Качи и Бельбека, на югъ отъ Бахчисарая, и являются самыми южными курганами. Погребенія обнаружены двухъ типовъ, но принадлежатъ повидимому одному и тому-же племени. Первый типъ—могилы, углубленныя въ материкѣ, покрыты онѣ деревомъ или камнемъ, скелетъ большей частью крашенный, лежитъ на подстилкѣ изъ рѣчного камня или на землѣ, головой на сѣверо-востокъ, ноги поджаты; въ могилахъ встрѣчаются грубые горшки, изрѣдка кремневыя орудія; бронза встрѣчается, какъ украшеніе, въ видѣ тонкихъ пластинокъ, нашитыхъ повидимому на кожу. Второй—каменные склепы, устраивавшіеся на готовыхъ уже курганахъ; склепы состоятъ изъ четырехъ большихъ плитъ, накрытыхъ пятой; извнутри плиты украшены линейнымъ орнаментомъ изъ черныхъ и красныхъ полосъ; костяки, также окрашенные, лежатъ въ такомъ-же положеніи, какъ и въ могилахъ перваго типа; встрѣчаются погребенія и въ сидячемъ положеніи; предметы, находимые въ нихъ—горшки, кремневыя орудія и бронзовые наконечники копій. Курганы съ такого рода погребеніями часто встрѣчаются какъ въ Крыму, такъ и сѣвернѣе; принадлежали они повидимому племени, которое застали скиѳы, двигаясь съ востока; на это даетъ указаніе и то обстоятельство, что самыя древнія могилы, вставленныя уже въ существовавшіе курганы съ вышеописаннымъ погребальнымъ типомъ, принадлежатъ скиѳамъ.

Въ заключеніе референтъ предложилъ назвать типъ такого погребенія *киммерійскимъ*.

Относительно послѣдняго предложенія референта В. З. Завитневичъ замѣтилъ, что это названіе, по отношенію къ тѣмъ-же курганамъ, уже раньше было употребляемо Д. И. Самоквасовымъ въ его классификаціи кургановъ.

Большой интересъ представляютъ кости, добытыя изъ этихъ кургановъ; племя, повидимому, было большого роста съ сильно развитой мускулатурой. Слѣдуетъ только пожалѣть, что на этотъ, въ высокой степени важный антропологическій матеріалъ, какъ

Библиотека "Руниверс"

въ данномъ случаѣ, такъ и вообще, обращается очень мало вниманія. На наше замѣчаніе, высказанное въ этомъ духѣ, уважаемый референтъ отвѣтилъ, что невозможно забирать изъ кургановъ и сохранять всѣ кости. Мы вполнѣ согласны, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это отчасти и излишне; если, напр., раскапываются сотни славянскихъ могилъ, то забирать всѣ костяки цѣликомъ—и неудобно и, пожалуй, безполезно для цѣлей науки; въ этихъ случаяхъ достаточно занести въ дневникъ раскопокъ точныя измѣренія какъ всего костяка, такъ и его конечностей (исключеніе представляютъ черепа—они обязательно должны быть сохраняемы, какъ это давно признано въ наукѣ); но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ раскапываются курганы, которые можно считать самыми древнѣйшими, курганы въ общемъ сравнительно немногочисленные, то тщательное сохраненіе всѣхъ частей скелета, зачастую представляющаго очень важныя остеологическія особенности, является необходимымъ.

І. А. Хойновскій, въ докладѣ—„*Курганы окрестностей г. Канева, кіевской губ.*“, изложилъ результаты раскопокъ, также произведенныхъ лѣтомъ этого года. Охарактеризовавъ предметы, добытые въ курганахъ и продемонстрировавъ рисунки съ нихъ [1]), референтъ очень обширно распространился объ этнографической принадлежности этихъ кургановъ и пришелъ въ концѣ концовъ къ заключенію, что курганы эти—славянскіе.

Проф. Антоновичъ возразилъ на это, что типъ этихъ кургановъ давнымъ давно извѣстенъ—ничего славянскаго въ нихъ нѣтъ, и они относятся къ т. н. скиѳскимъ курганамъ.

По имѣющимся у насъ частнымъ свѣдѣніямъ мы знаемъ, что вмѣстѣ съ г. Хойновскимъ раскопку этихъ кургановъ производилъ Н. Я. Тарновскій, у котораго хранятся и вещи, добы-

[1]) Рисунки эти были выставлены на археологической выставкѣ; вмѣстѣ съ рисунками были выставлены и нѣкоторыя вещи коллекціи г. Хойновскаго. Обращаютъ на себя вниманіе бронзовыя цѣпи и другія украшенія съ красной эмалью, подобныя найденнымъ въ масальскомъ у. калужской губ. и спорадически встрѣчающимся въ южной и западной Россіи; по словамъ экспонента, вещи эти найдены выше Кіева, если не ошибаемся, у села Петровецъ. Находка эта настолько важна, что ее слѣдовало провѣрить на мѣстѣ. Напрасно только г. Хойновскій назвалъ эти украшенія „уборомъ жреца съ III столѣтія“ (sic!).

Библиотека "Руниверс"

тыя изъ кургановъ. Будемъ надѣяться, что этимъ послѣднимъ со временемъ будетъ опубликованъ и дневникъ раскопокъ; только такимъ путемъ эти раскопки и могутъ сдѣлаться достояніемъ науки, всякія-же „мудрствованія лукавыя", съ прибавкой большой дозы фантазіи, затемняютъ дѣло, и зачастую только смѣшны, а съ другой стороны, вызываютъ сожалѣнія, что научные факты, вслѣдствіе неумѣлаго обращенія съ ними, гибнутъ для науки.

Очень важнаго по своему значенію вопроса касался рефератъ академика Д. Н. Анучина—„*О христіанскихъ крестахъ и образкахъ въ могилахъ средней и западной Россіи*". Рефератъ этотъ съ очевидностью показалъ, насколько, съ одной стороны, тѣсна связь археологіи съ этнографіей, съ другой—какую услугу можетъ оказать археологія въ вопросахъ междуплеменныхъ сношеній и культурныхъ вліяній. Референтъ остановился главнымъ образомъ на древнихъ могилахъ X—XII вв. средней полосы Россіи, въ которыхъ встрѣчались, и довольно часто, кресты и образки. Нѣкоторые изъ крестовъ представляютъ изъ себя одинъ изъ разновидностей орнамента, употреблявшагося на украшеніяхъ,—ихъ референтъ не касался, но за то другіе, какъ напр. съ изображеніемъ распятія, и въ особенности образки, несомнѣнно христіанскаго происхожденія. Вопросъ сводится къ тому: имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ христіанами, погребенными по языческому обряду, или кресты и образки употреблялись язычниками только въ качествѣ украшеній или символовъ безъ сознанія ихъ настоящаго значенія? Въ томъ и другомъ смыслѣ были высказываемы мнѣнія учеными; референтъ склоняется къ послѣднему, и въ качествѣ доказательства приводитъ результаты раскопокъ, произведенныхъ въ послѣднее время Ф. Д. Нефедовымъ въ курганахъ костромской губ. Курганы по содержанію представляютъ найбольшее сходство съ мерянскими, изслѣдованными гр. Уваровымъ; въ нихъ обнаружены погребенія, а иногда и трупосожженія; характеръ находимыхъ предметовъ указываетъ на болѣе тѣсныя сношенія съ востокомъ, чѣмъ съ западомъ. Среди подвѣсокъ найдено было также болѣе 40 крестовъ и образковъ; кресты разныхъ типовъ: врѣзанные въ круглые медальоны, соединенные съ полумѣсяцемъ, отдѣльные

Библиотека "Руниверс"

кресты, обыкновенно равноконечные, иногда съ финифтью; разныхъ типовъ и образки: съ изображеніемъ Богородицы со Спасителемъ на рукѣ, святого съ копьемъ—вѣроятно св. Георгія и двухъ святыхъ. Большинство изъ нихъ найдено на груди и шеѣ; составляли они вѣроятно часть ожерелья, наряду съ другими привѣсками. Но 6 образковъ (2—Богоматери и 4—св. Георгія) найдены соединенными съ бронзовыми колечками около черепа и служили украшеніемъ серегъ, что говоритъ за употребленіе образковъ не какъ предметовъ священныхъ, а какъ украшеній. Въ одномъ только случаѣ среди данныхъ кургановъ встрѣтилось, повидимому, погребеніе христіанина; погребеніе ничѣмъ не отличалось отъ другихъ языческихъ, но у скелета, немного выше его, нашелся довольно большой складной крестъ, съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ стоящихъ фигуръ святыхъ; на одной сторонѣ находится надпись: $\frac{\text{ГЛБ}}{\text{БО}}$, что очевидно обозначаетъ „Глѣбъ“—„Борисъ“; подобные кресты очень часто встрѣчаются въ южной Россіи и относятся къ XII—XIII вв. Въ заключеніе референтъ привелъ нѣсколько параллелей къ сообщеннымъ фактамъ изъ современной этнографіи; такъ напр., у Остяковъ кресты привѣшиваются къ вышитымъ бисеромъ нагрудникамъ наряду съ другими привѣсками.

Въ обсужденіи различныхъ вопросовъ, поднятыхъ этимъ рефератомъ, принимало участіе нѣсколько лицъ. Упомянемъ о замѣчаніи В. И. Сизова, о профилактическомъ значеніи разныхъ символовъ, которые брались и изъ другихъ религій, какъ напр.—наши „змѣевики“ съ головой Медузы.

Тема реферата Д. Н. Анучина настолько интересна, что весьма желательна дальнѣйшая разработка ея. Референтъ коснулся главнымъ образомъ этнографической стороны, въ такой-же мѣрѣ заслуживаетъ вниманія и другая сторона—культурныхъ взаимоотношеній.

Распространенія христіанства среди языческихъ племенъ касалось и сообщеніе свящ. С. Е. Звѣрева—*„Слѣды христіанства на Дону въ дожонгольскій періодъ“*. Для рѣшенія этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ референтъ указалъ,

Библиотека "Руниверс"

съ одной стороны, на косвенныя обстоятельства—давность христіанства на югѣ Россіи, сосѣдство съ епархіями Черниговской и Рязанской (между прочимъ проф. Голубинскій утверждаетъ, что часть нынѣшней воронежской губерніи входила тогда въ составъ обширной черниговской епархіи), и т. п., съ другой—на прямыя, заключающіяся въ находкахъ; такъ напр., въ Цимлянскомъ городищѣ вмѣстѣ съ предметами языческаго быта, встрѣчались разнаго рода крестики.

Замѣтимъ отъ себя, что кресты эти, насколько можно было судить по рисункамъ, представляютъ полное тождество съ находимыми въ большомъ количествѣ на югѣ—въ Кіевской и сосѣднихъ областяхъ.

Другому роду памятниковъ былъ посвященъ рефератъ проф. В. К. Мальмберга—„*Время и мѣсто происхожденія греческихъ и греко-варварскихъ издѣлій, найденныхъ въ Южной Россіи*“. Матеріаломъ для реферата послужили два рода предметовъ: предметы изъ благородныхъ металловъ и расписныя вазы. Первые изъ нихъ, напр.—золотые и серебряные сосуды и украшенія, встрѣчаются обыкновенно въ большихъ курганахъ, т. н. скифскихъ царей; вторые—въ небольшихъ могилахъ, какъ полагаетъ референтъ—эллинскихъ колонистовъ. Выдающіеся по совершенству работы экземпляры, какъ металлическихъ, такъ и глиняныхъ издѣлій, считаются привозными; въ вопросѣ же, вызывающемъ разногласія, откуда привозились эти предметы—изъ Аттики или изъ Малой Азіи,—референтъ держится второго мнѣнія, замѣчая при этомъ, что нѣкоторыя вещи, какъ напр., чертомлыцкая и кульобская вазы приготовлялись греческими мастерами въ Россіи; референтъ особенно подробно остановился на одномъ ажурномъ золотомъ предметѣ, найденномъ проф. Н. И. Веселовскимъ, по которому можно замѣтить вліяніе мѣстнаго вкуса на греческаго мастера. Что касается расписныхъ вазъ, то референтъ соглашается съ тѣмъ, что лучшія изъ нихъ вывезены изъ Аттики, гдѣ въ концѣ VI и въ теченіе V в.в. эта отрасль искусства достигла высшаго совершенства и сдѣлала невозможной конкурренцію другихъ мѣстностей; но однако нѣкоторыя привозились изъ Малой Азіи, на что указываютъ, напр.,

Библиотека "Руниверс"

амфорныя ручки съ штемпелями. Существованіе сношеній между югомъ Россіи и Малой Азіей подтверждается и находками другихъ предметовъ; изъ нихъ референтъ упомянулъ о двухъ бронзовыхъ вещахъ конца V вѣка,—это горгона, найденная въ 1892 году въ херсонской губерніи, и женская статуэтка, найденная около Херсонеса въ нынѣшнемъ году.

Рефератъ проф. Х. Р. фонъ-Штерна—„*О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи*“ касался тѣхъ-же древностей, что и предыдущій, но касался „жгучаго“, по выраженію референта, вопроса о все болѣе и болѣе усиливающейся фальсификаціи ихъ. Фальсификація распространяется на всѣ виды предметовъ: поддѣлываются монеты, терракоты, расписныя вазы и особенно въ послѣднее время издѣлія изъ золота. Референтъ дѣлаетъ характеристику поддѣлокъ каждаго вида древностей.

Менѣе всего опасной и мало распространенной является фальсификація монетъ; центръ поддѣлыванія монетъ Босфорскаго царства находился не въ Россіи; затѣмъ, поддѣлки, за исключеніемъ поддѣлокъ фабриканта Сазонова, настолько грубы, что ихъ всегда легко отличить.

За то поддѣлка другихъ предметовъ поставлена иначе: она производится на мѣстѣ, распространяется все сильнѣе и зачастую доводится въ техническомъ отношеніи до такого совершенства, что и спеціалисту трудно разобраться.

Глиняные сосуды въ общемъ фабрикуются также довольно грубо: они не такъ легки, какъ настоящіе, лакъ наводится толстымъ слоемъ, изображенія на сосудахъ примѣтивны; встрѣчаются между ними и не фальсификаты, а подражанія древнеклассической церамикѣ, какъ напр.—вазы, сдѣланныя не изъ глины, а изъ тяжелой алебастровой массы, въ стилѣ работъ Торвальдсена, и только впослѣдствіи пущенныя торговцами въ продажу подъ видомъ древнихъ. Терракотовыя издѣлія поддѣлываются искуснѣе, фабриканты иногда прибѣгаютъ къ разнымъ уловкамъ, напр.: разбиваютъ ихъ и послѣ склеиваютъ, чтобы замаскировать вѣсъ, помѣщаютъ между фальшивыми и настоящія вещи, и т. п. Терракоты представляютъ обыкновенно человѣ-

Библиотека "Руниверс"

ческія или звѣриныя фигуры; иногда фантазія фальсификатора разыгрывается—и поддѣлку легко отличить, въ общемъ же поддѣлка ограничивается копированіемъ извѣстныхъ образцовъ, и въ этомъ отношеніи особенной опасности для науки не представляется. Референтъ предлагаетъ въ болѣе значительныхъ собраніяхъ и музеяхъ выдѣлять такіе фальсификаты, это помогло бы разбираться въ нихъ и предостерегало бы отъ пріобрѣтенія поддѣлокъ.

Гораздо большій вредъ приноситъ фальсификація надписей (о ней были уже статьи В. В. Латышева и референта, послѣдняя въ XVIII т. Записокъ Одесскаго Общ. Исторіи и древностей). Фальсификація существовала уже и до выхода въ свѣтъ сборника надписей Латышева; послѣ выхода она усиливается, но, на первыхъ порахъ, въ сравнительно небольшой степени; надписи эти изготовлены на кускахъ древняго мрамора и представляютъ пеструю смѣсь греческихъ буквъ, причемъ шрифты взяты изъ различныхъ періодовъ; на нѣкоторыхъ надписяхъ встрѣчаются фантастическія изображенія, а иногда и рельефы. Но въ началѣ 90-хъ годовъ главные фальсификаторы—братья Гохманы въ Очаковѣ—заручились содѣйствіемъ болѣе образованныхъ сотрудниковъ, знакомыхъ съ греческой исторіей, литературой и эпиграфикой; фальсификація надписей приняла другой оборотъ, появляются связные греческіе тексты, въ эпиграфическомъ отношеніи сработанные безукоризненно, и только по нѣкоторымъ мелкимъ промахамъ (неумѣнье отличать буквы Θ и Φ, неправильность въ образованіи и согласованіи падежей) можно открыть поддѣлку. Мраморныя плиты—товаръ очень громоздкій, неудобный для далекаго траспорта, поэтому въ послѣднее время по незначительности сбыта поддѣлка надписей пріостановилась—мѣстные собиратели, наученные опытомъ, воздерживаются отъ пріобрѣтенія ихъ. Тогда вниманіе фальсификаторовъ обращается на другой родъ предметовъ.

Поддѣлка золотыхъ древнихъ издѣлій оказалась гораздо болѣе выгодной, такъ какъ для нихъ открывался широкій рынокъ и за границей. Поддѣлка производится подъ руководствомъ тѣхъ-же, или правильнѣе—того-же ученаго сотрудника. Трудно

Библиотека "Руниверс"

точно опредѣлить, когда началась поддѣлка: въ одной коллекціи, находящейся въ Эрмитажѣ и составленной до 80-хъ годовъ, поддѣлокъ немного; съ 80-хъ годовъ фабрикація фальшивыхъ вещей все увеличивается и достигла въ настоящее время большихъ размѣровъ. Первыя поддѣлки, которыя референтъ имѣлъ возможность изучить, находились въ коллецкіи покойнаго Бурачкова, пожертвованной въ Одесскій музей; здѣсь есть золотая круглая коробочка со вставленными сирійскими гранитами, пара серегъ, браслетъ и золотая бляшка съ мифологической сценкой, исполненной плоскимъ рельефомъ; всѣ эти вещи, по словамъ жертвователя, были найдены въ Ольвіи. Однимъ торговцемъ была пріобрѣтена въ Екатеринославѣ бляшка съ такой-же сценкой; третій экземпляръ ея находится въ коллекціи Д. И. Толстаго. Референтъ останавливается на этихъ поддѣлкахъ потому, что онѣ представляютъ и нѣкоторыя черты общаго характера. Именно: прежде всего мѣстомъ нахожденія такихъ вещей всегда называется Ольвія,—мѣсто выбрано очень удачно, такъ какъ оно лежитъ въ глуши, въ другихъ-же мѣстахъ на побережьи Чернаго моря установленъ надзоръ: живутъ любители, которые легко могутъ разслѣдовать дѣло на мѣстѣ, или производятся раскопки, какъ напр.—въ Херсонесѣ. Вблизи Ольвіи (теперешнее село Парутино), въ Очаковѣ, живутъ главные распространители этихъ фальшивыхъ вещей—братья Гохманы; они то и являются руководителями дѣла. Пользуются они тѣмъ, что въ публикѣ распространены слухи о раскопкахъ парутинскими крестьянами своихъ участковъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, тѣ мѣста, гдѣ могутъ встрѣтиться цѣнныя находки, лежатъ внѣ крестьянскихъ участковъ, и здѣсь мѣстной владѣлицей гр. Мусиной-Пушкиной установленъ строгій надзоръ. Кромѣ того, характернымъ представляется и то, что поддѣлки, какъ напр., вышеупомянутая бляшка, распространяются въ нѣсколькихъ экземплярахъ—поддѣлыватели стараются вознаградить себя за приготовленный, штемпель или форму.

Не перечисляя всѣхъ извѣстныхъ поддѣлокъ, референтъ останавливается на болѣе замѣчательныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Такъ, кишиневскимъ собирателемъ г. Суручаномъ, лѣтъ пять тому назадъ была пріобрѣтена золотая корона съ надписью; надпись оказалась безграмотной, и поддѣлка была обнаружена.

Вслѣдъ за короной были изготовлены и другія вещи, напр. 3 пары золотыхъ сандалій и нѣсколько діадемъ; большинство этихъ вещей продано за границу.

Изъ письма покойнаго Курціуса референтъ узналъ, что въ Краковѣ находится пара золотыхъ сандалій, діадема и маска съ надписью; надпись эта, повидимому, принадлежитъ тому-же автору, что и надписи на мраморахъ, а поэтому можно судить, что и всѣ вещи поддѣльныя; между тѣмъ, одинъ нѣмецкій молодой ученый собирался даже писать статью по поводу этихъ вещей, а также и по поводу другихъ, происходящихъ будто-бы также изъ Ольвіи и находящихся въ Франкфуртѣ; можно поэтому судить, насколько совершенно исполнена поддѣлка. Изъ указанныхъ выше вещей другая пара сандалій была послана графу Бобринскому, третья-же была передана золотыхъ дѣлъ мастеру де-Морье въ Одессѣ для переплавки, такъ какъ компанія фальсификаторовъ не надѣялась сбыть ее; изъ этихъ сандалій была сдѣлана корона, попавшая въ коллекцію г. Фришена въ Николаевѣ; о ней сдѣлалъ сообщеніе Курціусъ въ засѣданіи Берлинскаго археологическаго общества и писалъ въ недавнее время членъ Имп. археологической коммисіи г. Веселовскій. Для того, чтобы продать эту корону, шайка поддѣлывателей пустилась на разныя хитрости, и черезъ подставныхъ лицъ—парутинскихъ крестьянъ—корона и другія вещи дѣйствительно были проданы за довольно большую сумму; въ поддѣльности же вещей нельзя сомнѣваться; ее обличаютъ надписи на нѣкоторыхъ изъ нихъ: предметы, по словамъ мнимыхъ находчиковъ, найдены въ одной могилѣ, надписи же, по характеру шрифтовъ, отдѣлены промежуткомъ въ 6 или 8 столѣтій!

Фальшивыя вещи въ общемъ изготовляются очень искусно, помощь образованнаго сотрудника очень усложняетъ дѣло опредѣленія, и, поддаваясь первому впечатлѣнію, легко впасть въ ошибку; только болѣе внимательное изслѣдованіе вещей людьми,

Библиотека "Руниверс"

знающими дѣло, и можетъ открыть фальсификацію. Референтъ упомянулъ также и о пресловутой тіарѣ, пріобрѣтенной Лувръ-скимъ музеемъ: по его мнѣнію, она также фальшивая. Въ заключеніе референтъ перешелъ къ важному и насущному вопросу—о мѣрахъ искорененія или на первыхъ порахъ сокращенія этого предосудительнаго промысла. Судебное или полицейское преслѣдованіе является дѣломъ очень труднымъ, такъ какъ, съ одной стороны, шайка дѣйствуетъ очень ловко, съ другой—жертвы этой шайки—коллекціонеры и любители—изъ ложнаго стыда обыкновенно не поднимаютъ дѣла; остается одно—дѣйствовать путемъ широкой гласности, предостерегая публику отъ покупки поддѣлокъ.

Мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію референта и вотъ почему позволили себѣ такъ подробно передать содержаніе его интереснаго реферата.

Проф. фонъ-Штернъ коснулся только фальсификацій предметовъ классической древности, мѣстомъ производства которыхъ является Одесса (поддѣлкой здѣсь занимается мастерская де-Морье и какой-то литовскій еврей). Въ послѣднее время промыселъ этотъ захватываетъ болѣе широкій раіонъ, что находится въ связи съ увеличивающимся спросомъ на древности. Чтобы далеко не ходить, замѣтимъ, что въ Кіевѣ и, кажется въ Бердичевѣ, имѣются мастерскія древностей, правда, по работѣ, очень уступающія Одесскимъ; поддѣлываются тутъ древности главнымъ образомъ великокняжескаго періода, такъ какъ таковыя чаще всего встрѣчаются въ нашемъ краѣ. Кіевскіе коллекціонеры знакомы съ ними, и не мало ихъ перешло черезъ руки извѣстнаго кіевскаго торговца Богданова; при сбытѣ вещей употребляются и одинаковые пріемы: дѣйствуютъ черезъ подставныхъ лицъ, обыкновенно крестьянъ, распускаются слухи о находкахъ, помѣщаютъ среди поддѣлокъ нѣсколько настоящихъ вещей и т. п. Кіевскія поддѣлки еще пока довольно грубы, легко отличаются, но, благодаря тому, что нѣкоторые изъ кіевскихъ любителей древностей не обладаютъ въ достаточной мѣрѣ ни знаніями, ни опытомъ, онѣ все таки имѣютъ сбытъ. Еще разъ пожелаемъ вмѣстѣ съ референтомъ о возможно большемъ рас-

Библиотека "Руниверс"

пространеніи гласности въ этомъ дѣлѣ; много могли бы помочь тутъ сами собиратели, оглашая тѣ непріятные случаи, жертвой которыхъ имъ пришлось быть, называя и тѣхъ лицъ, черезъ которыхъ они введены были въ заблужденіе, и зачастую заблужденіе довольно дорогое. Отъ ошибки никто не гарантированъ, такъ что ложный стыдъ можно и отбросить.

Древнѣйшей географіи и этнографіи южной Россіи касался частью рефератъ проф. Ѳ. Г. Мищенка—„*Извѣстія Геродота о внѣ-скифскихъ земляхъ Россіи*“, въ которомъ референтъ, сдѣлавъ подробную характеристику Геродота, какъ историка и этнографа, постарался дать объясненія тѣмъ мѣстамъ его извѣстій о Россіи, которыя касались народовъ, обитавшихъ за предѣлами Скиѳіи. Одни изъ нихъ занимали части нынѣшней Европейской Россіи, другіе—Азіатской и даже заходили за предѣлы теперешнихъ русскихъ владѣній. Референтъ отмѣчаетъ, что вообще Геродотъ обращаетъ больше вниманія на народы востока, съ которыми у грековъ были болѣе тѣсныя связи, чѣмъ на народы запада. При распредѣленіи народностей Геродота по племенамъ, проф. Мищенко приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: гелоны—это эллины, смѣшанные со скифами, и поэтому городище Укекъ, лежащее въ 8-ми верстахъ отъ Саратова, не было городомъ Гелономъ, какъ это нѣкоторые полагаютъ; будины, невры и агасфиры принадлежали къ народамъ иранскимъ; андрофаги, меланхлены, іирки, фиссагеты—къ финнамъ; аиппаи, песедоны—къ монголамъ; тавры—къ кельтамъ; массагеты—коллективное названіе многихъ племенъ, въ число которыхъ входили нынѣшіе киргизы и киргизъ-кайсаки. Что касается западной Скиѳіи, то Геродотъ болѣе всего интересуется днѣпровскимъ воднымъ путемъ, благодаря которому, вѣроятно, и въ то уже время предпріимчивые люди достигали береговъ Балтійскаго моря ради добычи янтаря.

Мы не будемъ останавливаться на замѣчаніяхъ, вызванныхъ этимъ, составленнымъ съ такимъ знаніемъ дѣла, рефератомъ,—они касались частныхъ вопросовъ—и повторимъ вмѣстѣ съ референтомъ, что изученіе Геродота, отца русской исторіи, лежитъ на обязанности русскихъ ученыхъ, изученіе тѣмъ болѣе

Библиотека "Руниверс"

желательное, что Геродотъ даетъ обильный матеріалъ какъ географическій, такъ и этнографическій.

Скажемъ нѣсколько словъ и о другихъ рефератахъ, такъ или иначе касавшихся южной Россіи. Проф. Н. И. Петровъ въ сообщеніи *„Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуня, черезъ Ригу, въ Зарайскъ въ 1224—5 годахъ“* отрицаетъ возможность существованія этого образа въ Корсунѣ или Херсонесѣ Таврическомъ, и дѣлаетъ предположеніе, что такой образъ находился въ Кіевѣ, откуда былъ перенесенъ черезъ Смоленскъ, Ригу, Кессъ (проф. Соболевскій, по прочтеніи реферата, разъяснилъ, что Кессъ—это теперешній Венденъ) и Новгородъ въ Рязанскую землю; въ подтвержденіе своего мнѣнія проф. Петровъ указалъ на то, что въ русской церкви установленіе праздника въ честь перенесенія мощей св. Николая въ Баръ-градъ произошло въ 1089 г. и что слѣдовательно, образъ не могъ быть написанъ раньше, что въ Кіевѣ въ до татарскую эпоху былъ образъ этого типа, и т. д.

М. П. Истоминъ въ рефератѣ *„Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ“* старался опредѣлить время и путь, какимъ западное вліяніе проникло въ южно-русскую церковную живопись. Референтъ въ своихъ выводахъ основывается на матеріалѣ, найденномъ въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры. Это, прежде всего, рисовальныя руководства, изданныя въ Германіи, Голландіи, Англіи, Франціи, Италіи и Венеціи, конца XVII и XVIII вв., по которымъ происходило обученіе; они наполнены главнымъ образомъ гравюрами изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ; съ этихъ гравюръ и брали свои сюжеты южно-русскіе художники. На это даетъ нѣкотарого рода указанія другой видъ матеріала—*кужбушки* (Kunstbuch), въ которыхъ помѣщались пробные рисунки, эскизы и т. п. Такимъ образомъ, время особаго развитія западнаго вліянія опредѣляется концомъ XVII и первой половиной XVIII вв. Въ распоряженіи референта находился еще третій родъ матеріала—рукописные перечни тѣхъ иконныхъ и портретныхъ изображеній, какими были украшены стѣны лаврской церкви въ XVIII в.; на основаніи ихъ референтъ приходитъ къ заключенію, что эта стѣнная живопись, хотя и возоб-

Библиотека "Руниверс"

новлялась нѣсколько разъ въ XVIII и XIX вв., но, по выработкѣ своего первоначальнаго содержанія, относится ко времени митрополита Петра Могилы.

Это послѣднее заключеніе вызвало замѣчаніе со стороны проф. Н. И. Петрова, доказывавшаго, что живопись Лаврской церкви XVII в. не имѣла ничего общаго съ живописью XVIII в. Вопросъ о живописи лаврской церкви—вопросъ животрепещущій, по крайней мѣрѣ онъ былъ такимъ до послѣдняго времени; теперь, какъ извѣстно, вся стѣнная живопись уничтожена и стѣны будутъ расписываться заново художникомъ П. В. Верещагинымъ. Уничтоженіе старой живописи уже успѣло вызвать полемику въ газетахъ, гдѣ особенно высказывались сожалѣнія объ уничтоженіи портретовъ благотворителей Лавры, и очень жаль, что уважаемый референтъ не затронулъ этого вопроса въ своемъ интересномъ сообщеніи;—пора бы спеціалистамъ объяснить намъ, дѣйствительно ли въ данномъ случаѣ уничтожена живопись, имѣющая историческое значеніе, или не имѣвшая его? Хотѣлось бы получить отвѣты и на нѣкоторые болѣе частные вопросы: сняты ли были точныя копіи или, по крайней мѣрѣ, фотографіи со всѣхъ изображеній, приняты ли были вообще мѣры къ тому, чтобы живопись эта, каково бы ни было ея происхожденіе, осталась доступной для изученія. Вѣдь и она составляетъ ступень въ исторіи живописи Лаврской церкви, и она оставила слѣды въ душахъ тѣхъ сотенъ тысячъ богомольцевъ, которые стекались съ разныхъ угловъ Россіи для поклоненія древней святынѣ....

Закончимъ нашъ перечень двумя рефератами проф. Д. И. Багалѣя. Первый изъ нихъ—„*О Магдебурскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи*“ представлялъ изъ себя краткое изложеніе обширнаго изслѣдованія автора, посвященнаго этому вопросу и составленнаго въ параллель къ изслѣдованіямъ профессоровъ Владимірскаго-Буданова и Антоновича о Магдебурскомъ правѣ въ городахъ правобережной Малороссіи. Для своего изслѣдованія референтъ пользовался главнымъ образомъ архивными матеріалами. Изслѣдованіе состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) внѣшняя исторія Магдебурскаго права въ городахъ Переяславѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Стародубѣ и менѣе зна-

Библиотека "Руниверс"

чительныхъ—въ Погарѣ, Почепѣ, Мглинѣ и др.; 2) внутреннее устройство городского управленія на основаніи фактическихъ матеріаловъ; 3) послѣдняя судьба городского самоуправленія по Магдеб. праву, съ указаніемъ причинъ и условій, неблагопріятствовавшихъ самоуправленію городовъ по магдеб. порядкамъ [1]).

Другой рефератъ проф. Багалѣя—„*Роль Харьковскаго университета въ дѣлѣ изученія древностей въ эпоху императора Александра I*“, помимо спеціальной темы, заключалъ и нѣсколько соображеній общаго характера; на нихъ мы прежде всего и остановимся. Упомянувъ о дружной работѣ на полѣ археологіи, которая замѣчается въ послѣднее время, референтъ указалъ на одинъ источникъ, недостаточно еще эксплуатированный русской археологіей,—это письменные памятники. И въ настоящее время многіе археологи пользуются историческими матеріалами для своихъ спеціальныхъ темъ, но этого въ общемъ недостаточно: вопросъ долженъ быть поставленъ шире, необходимо приступить къ систематизаціи тѣхъ данныхъ, которые касаются матеріальной стороны прошлой жизни и которыхъ такъ много какъ въ печатныхъ, такъ и въ письменныхъ источникахъ. Для этой цѣли могутъ дать обильный матеріалъ, напр., писцовыя книги или другіе историко-географическіе матеріалы, путешествія, содержащія много указаній археологическаго характера, много драгоцѣнныхъ свѣдѣній могутъ дать и архивы нашихъ археологическихъ учрежденій и статистическихъ комитетовъ, заключающіе огромный запасъ данныхъ для исторіи русской археологіи. Референтъ обращалъ вниманіе на эту послѣднюю; безъ нея въ большой степени будетъ затруднена классификація нашихъ памятниковъ; попытки научной классификаціи были уже, но, благодаря разбросанности источниковъ, при отсутствіи библіографическихъ указателей, общей археологической карты и исторіи изысканій, попытки эти оказались преждевременными и недостаточно обоснованными. Исторія археологическихъ изученій необходима и для опредѣленія достоинства и недостатковъ

[1]) Въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, мы пользовались для изложенія краткими резюме, помѣщенными въ „Извѣстіяхъ“ съѣзда.

Библиотека "Руниверс"

самихъ методовъ и пріемовъ собиранія матеріала, а это имѣетъ большое значеніе, такъ какъ нигдѣ въ археологіи, особенно въ прежнее время, не было пущено въ научный обиходъ такъ много неосновательныхъ мнѣній и гипотезъ. Важное значеніе имѣла-бы такая исторія и въ нравственно-общественномъ отношеніи: была бы произведена оцѣнка работъ какъ крупныхъ дѣятелей, такъ и болѣе мелкихъ, зачастую посвятившихъ всю свою жизнь безкорыстной работѣ; наконецъ, и масса малоизвѣстныхъ или забытыхъ труженниковъ увидѣли бы, что ихъ скромныя усилія не пропали даромъ. Предлагаемая задача очень трудна, но все таки исполнима, а главное необходима; выполнена она можетъ быть только соединенными усиліями какъ центральныхъ археологическихъ учрежденій, такъ и областныхъ провинціальныхъ обществъ и дѣятелей; въ основу долженъ быть положенъ тотъ областной методъ, который далъ такіе блестящіе результаты при разработкѣ исторіи.

Программа, только что приведенная, очень широка; референтъ коснулся ея слегка, и, конечно, желательно, чтобы она была разработана детально. Если нѣкоторыя изъ ея частей не являются чѣмъ-то новымъ, то за референтомъ остается заслуга, что онъ снова поднялъ эти вопросы. Напр., мысль о выборкѣ археологическихъ данныхъ изъ разныхъ источниковъ явилась уже давно въ Имп. Московскомъ Археологическомъ Обществѣ; ее предположено было осуществить въ формѣ „*Археологическаго словаря*“; было уже положено и начало словарю, но дѣло это впослѣдствіи замерло. Что касается исторіи археологическихъ изслѣдованій, то здѣсь основой, первымъ камнемъ должна явиться археологическая библіографія; вопросъ этотъ также давно уже былъ поставленъ на очередь покойнымъ представителемъ Московск. Археологич. Общества гр. А. С. Уваровымъ, такъ широко всегда понимавшимъ задачи русской археологіи; имъ была даже учреждена на этотъ предметъ премія при Обществѣ, но, до послѣдняго времени, дѣло это находилось въ зачаточной стадіи, и только теперь поставлено на надлежащую почву членомъ Имп. Археологической Коммиссіи А. А. Спицынымъ; имъ собранъ уже богатый матеріалъ; часть его, съ распредѣленіемъ по гу-

Библиотека "Руниверс"

берніямъ, напечатана и скоро выйдетъ въ свѣтъ (въ I-мъ т. Трудовъ Русскаго Отдѣленія Императ. Русскаго Археологическаго Общества).

Въ второй части реферата проф. Багалѣй иллюстрировалъ свои вышеизложенныя соображенія краткими справками о томъ, что сдѣлано было Харьковскимъ университетомъ для археологіи въ царствованіе имп. Александра I. Уставъ 1804 г., дышавшій полнымъ довѣріемъ къ университетамъ, отдалъ въ ихъ вѣдѣніе среднія и низшія учебныя заведенія; такимъ образомъ установилась связь, и, благодаря ей, получило первый толчекъ и дѣло изслѣдованія мѣстныхъ древностей. Профессора, при осмотрѣ училищъ, и дѣятели этихъ послѣднихъ стали собирать свѣдѣнія о древностяхъ, сюда-же были включены метереологическія и физико-географическія наблюденія, собираемыя по программамъ, составленнымъ физико-математическимъ и историко-филологическимъ факультетами Харьковскаго университета; историко-географическую программу составилъ авторъ „Русскихъ древностей“ проф. Г. П. Успенскій. Одинъ изъ визитаторовъ (профессоровъ, командированныхъ для осмотра училищъ)—Дюгуровъ, во время пребыванія въ Нѣжинѣ, изучилъ тамошніе древніе малорусскіе акты, а, отправившись въ Новороссію, изслѣдовалъ бытъ жившихъ тамъ Ногайскихъ Татаръ и напечаталъ о нихъ изслѣдованіе. Референтъ остановился главнымъ образомъ на трехъ типичныхъ археологическихъ развѣдкахъ: проф. Рижскаго, проф. Раммеля и Бѣлецкаго-Носенко.

Проф. Рижскій отправился на мѣсто древней Ольвіи. Въ своемъ отчетѣ онъ сообщилъ о древней надписи, высѣченной на камнѣ, найденномъ въ имѣніи адмирала де-Рибаса и сообщенной профессору свящ. Куницкимъ; на основаніи личнаго осмотра дѣлаетъ онъ описаніе Ольвійскаго городища; при отчетѣ препровождаетъ списки съ двухъ надписей, видѣнныхъ имъ у тамошнихъ жителей, и разныя древнія вещи—сосудъ, обломки сосудовъ, монеты. Проф. Рижскій, будучи въ Екатеринославѣ, ѣздилъ также на каналъ, который рылся въ обходъ пороговъ, такъ какъ узналъ, что тамъ находятъ разныя вещи; онъ сдѣлалъ описаніе Ненасытецкаго порога и канала, описалъ одно солено-горькое

Библиотека "Руниверс"

озеро въ новомосковскомъ у. екатеринославской губ. и сдѣлалъ перечень различныхъ камней, доставленныхъ въ университетъ для минералогическаго кабинета.

Свѣдѣнія объ экскурсіи проф. Раммеля сохранились въ его воспоминаніяхъ. Онъ описываетъ, какъ отправился осматривать камень возлѣ Святогорскаго монастыря на берегу Донца. Камень былъ съ надписью; разобрать ее проф. Раммель не могъ, но сдѣлалъ факсимиле и отправилъ въ Петербургъ; надпись онъ сближаетъ „съ рунами сибирскихъ или скиѳскихъ народовъ", обнародованными Палласомъ.

Бѣлецкій-Носенко сообщаетъ данныя объ одномъ городищѣ прилуцкаго уѣзда, объ остаткахъ у населенія языческихъ обычаевъ, передаетъ разсказъ о находкѣ въ 1808 г. въ с. Радьковкѣ древней бронзовой статуи и прилагаетъ очень поэтическое описаніе ея.

Этимъ и исчерпывается все, что непосредственно касается южной Россіи.

Въ многочисленныхъ другихъ рефератахъ, доложенныхъ на съѣздѣ, затрогивались какъ частные, такъ и общіе вопросы русской археологіи. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ.

А. Я. Ефименко, въ рефератѣ „*Объ археологическихъ формахъ землевладѣнія у германцевъ и славянъ*", указавъ, прежде всего, на то, что археологія должна включить въ область своихъ изученій и первобытное землевладѣніе, остановилась на недавно вышедшей работѣ берлинскаго проф. Мейцена. (A. Meitzen, Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, den Kelten, Römer, Finnen und Slawen) и, разобравши нѣкоторыя выводы ея, подвергла ихъ критическому разбору. Докладчица не соглашается съ основнымъ положеніемъ нѣмецкаго ученаго, что т. н. „клиновая деревня" (Gewandorf) есть исключительная принадлежность германскаго племени и что у славянъ она отсутствуетъ; факты, между прочимъ и акты XVII в., говорятъ противное; изъ нихъ, напр., видно, что наши сѣверно-русскія деревни состояли иногда изъ нѣсколькихъ дворовъ, владѣвшихъ землей въ патріархальномъ родственномъ союзѣ, дѣлившихъ ее по частямъ въ собственность и отчуждавшихъ ее,

Библиотека "Руниверс"

но съ соблюденіемъ на долгое время числа первоначальныхъ паевъ; такая деревня, по мнѣнію докладчицы, есть то-же, что и Gewandorf. Коснувшись затѣмъ деревенской общины, главнымъ образомъ, по отношенію къ вопросу—что было исходнымъ пунктомъ поземельныхъ отношеній—частная собственность или община, и не рѣшая этого вопроса въ ту или другую сторону, докладчица высказала мысль, что вопросъ о первобытномъ и послѣдующемъ землевладѣніи долженъ быть изслѣдуемъ многосторонне, на фактической почвѣ и строго научнымъ образомъ, и что разныя формы землевладѣнія не могутъ быть рѣзко противополагаемы.

Докладъ А. Я. Ефименко, отличавшійся обычнымъ блестящимъ изложеніемъ, вызвалъ продолжительныя пренія, главнымъ образомъ, по второму изъ затронутыхъ вопросовъ.

Проф. А. Ѳ. Мѣржинскій, съ неуставающей энергіей работающій надъ изученіемъ первобытной культуры литовскаго племени, прочелъ на этотъ разъ рефератъ *„О священномъ дубѣ въ Ромове“*, гдѣ, помимо спеціальной темы, высказалъ и нѣсколько общихъ соображеній о почитаніи деревьевъ: съ деревомъ была соединена жизнь человѣка, въ дерево переходила душа усопшаго, въ немъ проживала душа предковъ и наконецъ въ немъ жило само божество; лѣчебную силу приписывали деревьямъ, стволъ или вѣтки которыхъ, разъединившись, снова срастались въ образованное такимъ путемъ отверстіе пролѣзали больные (напр. глазами, грыжей), будучи убѣждены, что болѣзнь переходила въ дерево.

Живой интересъ возбудилъ среди членовъ съѣзда докладъ В. И. Сизова—*„Характерныя черты могильника въ Пассельнѣ въ Курляндіи.“* Вещи, найденныя въ этомъ могильникѣ, ставятъ его отдѣльно отъ могильниковъ латышей, ливовъ и эстовъ; это и дало основаніе референту высказать предположеніе о принадлежности его курамъ или *вендамъ;* существованіе послѣднихъ въ Балтійскомъ краѣ подтверждается съ другой стороны извѣстіями Генриха Латыша.

Не обошлось, конечно, на съѣздѣ и безъ вѣчнаго вопроса о Руси. Въ сообщеніи *„О происхожденіи слова Русь“* К. И.

Библиотека "Руниверс"

Якубовъ, изложивъ литературу вопроса и остановившись на мнѣніи, по которому слово Русь ставится въ связь съ финскимъ словомъ Ruotsi, а само финское слово производится отъ названіи общины гребцовъ—rods-män, жившихъ въ области Rodslagen, указалъ на новое толкованіе этого слова, предложенное гельсингфорскимъ профессоромъ Ю. Крономъ, именно, что Ruotsi есть финскій переводъ имени Норманнъ.

По поводу этого реферата, разумѣется, возникли пренія; основная мысль ихъ заключалась въ томъ, что за объясненіемъ этого слова надо идти не на сѣверъ, а на югъ и юго-западъ, гдѣ на существованіе племени Русь указываютъ названія рѣкъ, урочищъ и т. п. Между прочимъ, Д. И. Иловайскій высказался въ томъ смыслѣ, что въ лѣтописи Нестора испорченъ текстъ, и мѣсто о призваніи Варяговъ нужно понимать такъ что Русь призвала Варяговъ.

Не можемъ, наконецъ, не упомянуть о рефератѣ акад. В. В. Суслова—„*Новгородскій Софійскій Соборъ*,“ въ которомъ были изложены результаты реставраціи этого древняго храма, произведенной въ 1893—95 г. и поведшей къ очень важнымъ открытіямъ. Открыты фресковыя изображенія XI (свв. Константинъ и Елена) и XII вв. (ангелы и пророки въ главномъ барабанѣ храма и др.); ремонтъ собора далъ затѣмъ возможность въ деталяхъ изучить всю исторію храма, возстановить его первоначальный видъ, прослѣдить тѣ измѣненія, которымъ онъ подвергался въ послѣдующее время. Референтомъ была затрачена масса труда; уже одинъ бѣглый обзоръ художественно исполненныхъ копій съ открытыхъ фресковыхъ изображеній и многочисленныхъ рисунковъ и чертежей, которыми былъ наполненъ залъ засѣданія, могъ показать, сколько работы, интереса было вложено въ это дѣло, и потому намъ показались совершенно негармонировавшими съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое оставлялъ послѣ себя рефератъ, пренія, возникшіи послѣ прочтенія его, прибавимъ—пренія, выходившія иногда за предѣлы необходимой сдержанности. Замѣчаній, касавшихся сущности реферата, было немного; весь же сыръ-боръ загорѣлся по поводу заявленія проф. Соболевскаго, что при ремонтѣ храма

Библиотека "Руниверс"

были уничтожены нѣкоторыя древнія надписи. Во время преній выяснено, что надписей было открыто около 200; онѣ выцарапаны въ штукатуркѣ, по содержанію особеннаго интереса не представляютъ, а интересны съ палеографической точки зрѣнія; относятся онѣ къ XII—XIV вв.; объ открытіи этомъ сейчасъ-же было дано знать въ Имп. Археол. Коммиссію, были командированы спеціалисты (И. А. Шляпкинъ и проф. Соболевскій), и большинство надписей снято и описано; только часть ихъ осталась недоступной для изслѣдованія, потому-что надписи находились на стѣнахъ подъ теперешнимъ поломъ собора, и, наконецъ, самый незначительный процентъ пришлось задѣлать или совсѣмъ уничожить, такъ какъ этого требовала ветхость нѣкоторыхъ частей зданія и неотложность ремонта, но со всѣхъ ихъ были сдѣланы снимки.

Результаты преній были перенесены въ совѣтъ съѣзда, гдѣ и было постановлено слѣдующее: „По поводу сообщенія академика Суслова о реставраціи храма св. Софіи Новгородской возникли пренія, изъ которыхъ выяснилось, что при реставраціи частію пострадали нѣкоторые важные памятники древностей, частію совсѣмъ уничтожены: X археологическій съѣздъ выражаетъ по этому случаю свое глубокое сожалѣніе и проситъ Императорскую Археологическую Коммиссію принять мѣры предупрежденія подобныхъ нежелательныхъ случайностей.“ На нашъ взглядъ, если высказывать сожалѣнія, то ужъ не по этому поводу: какъ мы видѣли, акад. Сусловъ отнесся къ своему дѣлу съ полнымъ сознаніемъ важности изслѣдуемаго памятника, съ любовью занимался научнымъ изслѣдованіемъ его, поэтому для высказыванія сожалѣній можно было найти другой поводъ; къ прискорбію, такихъ поводовъ можно найти довольно много; въ томъ-же засѣданіи мы указывали, напр., на то печальное состояніе, въ какомъ находятся остатки „божницы“ XII в. въ селѣ Старогородкѣ возлѣ г. Остра черниговской губерніи: здѣсь дѣло идетъ не о десяткѣ нацарапанныхъ надписей, а гибнетъ цѣлый рядъ фресковыхъ изображеній, покрывающихъ сохранившуюся часть алтарной абсиды этой „божницы“, гибнетъ никѣмъ

Библиотека "Руниверс"

научно не изслѣдованный, не сохраненный хотя бы въ точно снятыхъ копіяхъ...

Въ заключеніе два слова объ одномъ изъ техническихъ вопросовъ, имѣвшемъ мѣсто на съѣздѣ. Дѣло идетъ объ отчисткѣ и сохраненіи древнихъ металлическихъ предметовъ. Этого вопроса касались доклады д-ра Я. Аппельгрена, хранителя историческаго музея въ Гельсингфорсѣ, и В. Д. Бока, хранителя средневѣковаго отдѣла Имп. Эрмитажа. Ими былъ указанъ новый способъ консервированія древностей путемъ химической обработки ихъ при помощи эллектричества; способъ этотъ изобрѣтенъ норвежскимъ инженеромъ А. Крефтингомъ; а результаты получаются дѣйствительно замѣчательные — на предметахъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ ржавчины, появлялись орнаменты, клейма, надписи и т. п. Но повидимому для обработки этимъ способомъ пригодны главнымъ образомъ предметы не особенно древніе, или сравнительно хорошо сохранившіеся, такъ какъ все, что подверглось окисленію, не годится для обработки. Во всякомъ случаѣ изобрѣтеніе это представляетъ большой интересъ и заслуживаетъ возможно широкаго распространенія. Было бы очень полезно, если бы на съѣздахъ почаще поднимались различные вопросы техническаго характера: о сохраненіи древностей, отчисткѣ, сортировкѣ, моделировкѣ ихъ и т. д.; на съѣзды собираются какъ хранители общественныхъ собраній, такъ и владѣльцы частныхъ коллекцій, и было бы интересно и поучительно услышать отъ нихъ о тѣхъ пріемахъ и порядкахъ, которые практикуются при храненіи древностей.

Какъ мы упомянули уже въ началѣ, рижскій съѣздъ отличался, сравнительно съ прежними, довольно многочисленными выраженіями пожеланій и предложеній. Этому обстоятельству мы придаемъ особенное значеніе; оно указываетъ на жизненную силу съѣздовъ, служитъ яркимъ доказательствомъ того, что въ ученой средѣ сознано уже вліяніе съѣздовъ на общій ходъ развитія научныхъ изысканій. Эти пожеланія являются тѣмъ элементомъ, который говоритъ о поступательномъ движеніи науки, и нѣтъ нужды, если не всѣ изъ этихъ предложеній могутъ быть

Библиотека "Руниверс"

сейчасъ удовлетворены: много значитъ уже одно то, что они высказаны.

На первомъ мѣстѣ мы ставимъ тѣ пожеланія, которыя были высказаны членами губернскихъ архивныхъ коммисій, собравшимися на съѣздѣ съ разныхъ концовъ Россіи. Ими были устроены при участіи и другихъ членовъ съѣзда, при археографическомъ отдѣлѣ, предсѣдателемъ котораго состоялъ проф. Д. И. Багалѣй, два засѣданія, гдѣ обсуждались различные вопросы, имѣющіе отношеніе къ постановкѣ у насъ дѣла губернскихъ архивныхъ коммиссій. Мало отраднаго пришлось услышать на этихъ засѣданіяхъ: тяжелое впечатлѣніе оставляли по себѣ эти скорбныя повѣсти, гдѣ описывалось людьми, близко стоящими къ дѣлу, то положеніе, въ какомъ находятся нѣкоторыя изъ коммиссій. Этими собраніями было высказано нѣсколько пожеланій, и, основываясь на нихъ, съѣздъ постановилъ: „Въ виду печальнаго положенія многихъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммисій, не имѣющихъ ни опредѣленнаго помѣщенія, ни опредѣленныхъ денежныхъ средствъ, обратить вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ на большую государственную пользу, приносимую коммиссіями, и ходатайствовать, чтобы имъ оказываема была помощь и субсидія при посредствѣ г.г. губернаторовъ. Ни одно изъ другихъ пожеланій не заслуживаетъ большаго сочувствія и вниманія, чѣмъ это. И чѣмъ скорѣе пожеланіе это перестанетъ быть только пожеланіемъ, тѣмъ лучше.

Довольно много рефератовъ на съѣздѣ явилось результатомъ научной дѣятельности *Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ*. Дѣйствительно, за короткое время своего существованія имъ было сдѣлано много научныхъ открытій. Пространство, входящее въ сферу научныхъ изысканій Института, очень обширно: сюда включены области Турецкой имперіи, Греческаго королевства и Славянскихъ земель на Балканскомъ полуостровѣ. Институтъ существуетъ 2 года; за это время были совершены экскурсіи въ Анатолію, на Аѳонъ, въ Аѳины, Никею, Бруссу, Никомидію и въ Болгарію; было пріобрѣтено древнѣйшее греческое евангеліе VI вѣка, изслѣдованы древніе монумен-

Библиотека "Руниверс"

тальные памятники скульптуры, мозаики, надписи, открыты новые литературные памятники и т. д. Рефераты и были посвящены различнымъ вопросамъ, выдвинутымъ этой плодотворной, живой научной работой. Проф. Ф. И. Успенскій, директоръ института и предсѣдатель ученаго комитета съѣзда, сдѣлалъ общій очеркъ дѣятельности этого учрежденія въ рефератѣ „*О Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ*“; имъ же было сообщено: „*О вновь открытомъ пурпуровомъ кодексѣ евангелія*“, „*Археологическіе памятники города Никеи*“ и „О Болгаріи въ археологическомъ отношеніи“; проф. Д. В. Айналовъ представилъ рефератъ „*О древне-христіанскомъ саркофагѣ, вновь найденномъ въ Константинополѣ*“; проф. А. А. Павловскій докладывалъ „*О фрагментахъ классической скульптуры, найденныхъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ*“ и заключилъ свой рефератъ пожеланіемъ, чтобы представители русской науки пошли на помощь Институту, изслѣдуя и обрабатывая найденные Институтомъ памятники; наконецъ, О. В. Вульфъ въ докладѣ „*Древности Никомидіи*“, изложилъ результаты экскурсіи въ этотъ городъ и подробно описалъ найденные тамъ памятники древности.

Если мы замѣтимъ при этомъ, что личный составъ Института не великъ (директоръ, секретарь и одинъ командированный), и что не велики также и средства, находящіяся въ его распоряженіи, то ниже приводимое ходатайство съѣзда является вполнѣ умѣстнымъ и своевременнымъ. Вотъ это постановленіе совѣта съѣзда: „Въ виду важности и необходимости дальнѣйшей разработки русскими учеными древностей Балканскаго полуострова, прилегающихъ къ нему славянскихъ государствъ и мало-азіатскаго полуострова, X археологическій съѣзъ ходатайствуетъ объ увеличеніи средствъ и ученаго персонала Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Другое постановленіе касалось болѣе частнаго вопроса, также въ зависимости отъ дѣятельности Института, именно: „Въ виду поднятаго французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія вопроса о совмѣстномъ обслѣдованіи и изданіи ру-

Библиотека "Руниверс"

кописныхъ сокровищъ Аѳона, X археологическій съѣздъ ходатайствуетъ о предоставленіи средствъ Русскому Археологическому Институту въ Константинополѣ на осуществленіе этого важнаго научнаго предпріятія.

Проф. И. П. Филевичъ въ рефератѣ *„Нѣсколько замѣчаній по поводу разработки географической номенклатуры“* обратилъ вниманіе на значеніе географической номенклатуры, какъ главнаго показателя этнологическаго характера страны, указалъ на недостатки научной обработки этого матеріала и высказалъ пожеланіе, имѣя въ виду главнымъ образомъ территорію славянъ и русскихъ въ частности, чтобы дѣло собиранія данныхъ этого рода, данныхъ „языка земли“, было ведено по болѣе широкой программѣ; слѣдуетъ собрать матеріалъ для полнаго номенклатурнаго словаря русскихъ земель, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и за предѣлами ея; это дастъ возможность уяснить типичный характеръ номенклатуры въ мѣстахъ этнологически наиболѣе устойчивыхъ и возстановить его тамъ, гдѣ русская номенклатура, подъ чужимъ вліяніямъ, подверглась искаженіямъ.

Несомнѣнно, что собираніе и разработка „языка земли“ можетъ повести къ цѣннымъ научнымъ выводамъ, но, съ другой стороны, необходимо вести параллельно съ этимъ и историко-географическія изысканія,—въ этомъ духѣ и высказались нѣкоторые изъ оппонентовъ проф. Филевича.

Проф. А. С. Будиловичъ закончилъ свой обширный рефератъ *„О задачахъ славянорусской археологіи по отношенію къ областямъ и народностямъ нынѣшней Венгріи“*, предложеніемъ снарядить археологическую экспедицію въ Венгрію; съѣздъ, въ своемъ постановленіи, выразилъ сочувствіе къ этой мысли.

Въ нашемъ сообщеніи *„Объ изслѣдованіи стоянокъ неолитической эпохи“*, мы коснулись частнаго вопроса первобытной археологіи. Суть нашего предложенія сводилась къ организаціи, путемъ спеціальныхъ экскурсій, систематическаго изслѣдованія тѣхъ мѣстъ, гдѣ сохранились слѣды доисторическихъ поселеній (главнымъ образомъ по берегамъ рѣкъ на песчаныхъ буграхъ). Если такія изслѣдованія и не дадутъ ничего особенно новаго для уясненія культуры этого періода (хотя несомнѣнно нѣко-

Библиотека "Руниверс"

торыя детали могутъ оказаться и новыми, а при поразительной однородности этой культуры на всемъ земномъ шарѣ и детали имѣютъ свое значеніе), то, во всякомъ случаѣ, систематическія изслѣдованія могутъ дать указанія на географическое распространеніе стоянокъ, могутъ собрать данныя объ ихъ количествѣ, и такая статистика является весьма важной: основываясь на ней, можно дѣлать выводы о количествѣ и густотѣ первобытнаго населенія.

Чтобы покончить съ предложеніями и постановленіями, приводимъ еще одно изъ этихъ послѣднихъ: „Просить Императорскую Археологическую Коммисію, чтобы вещи, добываемыя на казенныхъ земляхъ изъ могильниковъ извѣстной мѣстности, если онѣ не нужны главнымъ музеямъ Имперіи—Императорскому Эрмитажу и Императорскому Россійскому Историческому въ память Императора Александра III Музею,—предоставлялись музеямъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ найдены эти вещи. Вмѣстѣ съ тѣмъ просить коммиссію въ сношеніяхъ ея съ мѣстною администраціей по вопросу о случайныхъ находкахъ, разъяснять этимъ властямъ, что, на основаніи существующихъ законовъ Имперіи, вещи, находимыя на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, принадлежатъ симъ послѣднимъ и отчуждаемы быть не могутъ".

Насколько намъ извѣстно, все вышеприведенное, вошло уже отчасти въ практику коммиссіи. Но по этому поводу невольно возникаетъ мысль о насущной потребности правильной постановки и развитія у насъ дѣла областныхъ музеевъ.

Круглыя числа во всякаго рода дѣятельности обыкновенно даютъ поводъ оглянуться назадъ, посмотрѣть, что сдѣлано за протекшее время. Рижскій съѣздъ заключилъ собою первый десятокъ; по этому поводу неутомимый работникъ и энергичный организаторъ дѣла археологическихъ съѣздовъ—г р. П. А. У в а р о в а, она-же и предсѣдатель съѣзда, въ прочувствованной рѣчи сдѣлала общій очеркъ дѣятельности предшествовавшихъ съѣздовъ. Безъ преувеличиванія можно сказать, что сдѣлано очень много. Не говоря уже о сотняхъ прочтенныхъ рефератовъ, на съѣздахъ поднималось не мало и общихъ вопросовъ, завязывались сношенія между учеными, происходилъ живой обмѣнъ мнѣній, научныя силы стягивались со всѣхъ сторонъ для общей

Библиотека "Руниверс"

работы, возбуждалась энергія цѣлыхъ учрежденій, иногда обязанныхъ своимъ возникновеніемъ иниціативѣ или поддержкѣ съѣздовъ. Успѣхъ съѣздовъ въ извѣстной мѣрѣ зависѣлъ отъ направленія, даннаго ихъ иниціаторомъ, покойнымъ гр. А. С. Уваровымъ, котораго держится и которое отстаиваетъ въ настоящее время, замѣнившая его гр. П. А. Уварова. Направленіе это заключается въ преслѣдованіи чисто научныхъ цѣлей, безъ всякой иной подкладки, безъ всякихъ задникъ мыслей. Пусть же и на будущее время это искреннее служеніе дѣлу науки останется лозунгомъ русскихъ археологическихъ съѣздовъ!

Мѣстомъ слѣдующаго археологическаго съѣзда избранъ Кіевъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы главное вниманіе было обращено на Волынь и вообще на западную часть юга Россіи, въ общемъ сравнительно очень мало еще изслѣдованную въ археологическомъ отношеніи. Тутъ мы снова наталкиваемся на круглое число: если кіевскій съѣздъ состоится черезъ три года—обычный промежутокъ между съѣздами,—то къ тому времени исполнится ровно 25 лѣтъ съ устройства перваго съѣзда въ Кіевѣ. Итакъ, нашему югу предстоитъ задача достойно приготовиться къ съѣзду, показать, насколько подвинулось дѣло за истекшій довольно продолжительный срокъ, и здѣсь были-бы очень желательны работы обобщающаго характера, какихъ напр. было не мало на рижскомъ съѣздѣ по отношенію къ прибалтійскимъ древностямъ. Можно надѣяться, что къ тому времени будетъ законченъ и Кіевскій Историко-художественный Музей; это дастъ возможность устроить, какъ слѣдуетъ, и археологическую выставку, для обоюдной пользы какъ съѣхавшихся ученыхъ, такъ и самого музея. Будемъ надѣяться, что не будетъ забыта также и этнографія, занимавшая такое видное мѣсто на томъ-же рижскомъ съѣздѣ, и, по отношенію къ ней, было бы очень кстати осуществленіе пожеланій, высказанныхъ, между прочимъ, по поводу 50-ти лѣтняго юбилея Императорскаго Русскаго Географическаго Общества,—о возстановленіи Юго-Западнаго Отдѣла его.

Н. Бѣляшевскій

Библиотека "Руниверс"

Къ вопросу о старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаніяхъ.

По поводу брошюры проф. Н. Сумцова „Къ библіографіи старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаній". Харьковъ 1896 г. (Изъ VIII тома Харьковскаго Сборника Историко-филологическаго Общества за 1895 г.), стр. 8.

Подъ именемъ „религіознаго сказанія" проф. Сумцовъ понимаетъ не всякое произведеніе народнаго эпоса, говорящее о чемъ нибудь религіозномъ (каковы, напр., апокрифы), а только легенды, и исключительно имъ посвящаетъ онъ свою брошюру. Легенды, и въ частности наши малорусскія легенды—дѣйствительно заслуживаютъ особаго вниманія. Если мы возьмемъ апокрифы, то, вѣроятно, даже безъ спеціальнаго изслѣдованія [1]), просто съ перваго взгляда почувствуешь, что это произведенія не родныя, а чужія, заносныя. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производятъ наши религіозныя легенды. Въ нихъ все дышетъ чѣмъ-

[1]) Я прибавилъ слово „вѣроятно", такъ какъ, кажется, только при внѣшнихъ успѣхахъ фольклора въ плоть и кровь каждаго успѣла проникнуть безсознательная увѣренность, что апокрифы ни въ коемъ случаѣ не могутъ считаться національнымъ изобрѣтеніемъ нашего народа. Какихъ-нибудь лѣтъ сорокъ тому назадъ такая увѣренность могла кое-кому (можетъ быть, даже многимъ) казаться очень странной: напримѣръ, извѣстный малорусскій писатель Степанъ Руданскій, этнографическія записи котораго (отъ 1854—1856 г.) недавно изданы полностью (см. „Творы Степана Руданського, томъ другый, Львивъ 1896), совершенно искренно былъ убѣжденъ, что существующія въ Малороссіи сказанія объ Адамѣ, потопѣ, птицѣ-носорожцѣ и проч. ни откуда не заимствованы и принадлежатъ чистѣйшей украинской „утворѣ" (т. е. фантазіи, или творчеству); онъ даже находилъ возможнымъ высказывать догадку, что Божья казнь постигла гордую птицу-носорожца (во время потопа) нигдѣ, какъ въ Подольской губерніи, неподалеку отъ Голендръ.

Библиотека "Руниверс"

то такимъ близкимъ, такимъ хорошо знакомымъ, такимъ роднымъ! Тутъ и мѣстности указываются наши украинскія, тутъ и имена—все имена нашихъ славныхъ историческихъ дѣятелей, тутъ черты быта выступаютъ ярко малорусскія, тутъ даже въ образѣ мыслей такъ и чувствуется вездѣ все родное, національное: мы вполнѣ согласны съ проф. Сумцовымъ, когда онъ утверждаетъ, что малорусскія легенды имѣютъ „своеобразный характеръ произведеній близкихъ, какъ бы издавна знакомыхъ и почему-то привлекательныхъ“ (стр. 1).—„Это нѣчто привлекательное“, продолжаетъ проф. Сумцовъ, „кроется въ теплой вѣрѣ людей старыхъ поколѣній, въ душевномъ ихъ мирѣ и сердечной ихъ простотѣ“. Не только въ этомъ, а больше всего въ національномъ духѣ, которымъ для насъ пропитаны легенды: этотъ духъ роднитъ насъ, скептиковъ-интеллигентовъ, и съ нашими наивными предками и съ нынѣшнимъ простымъ народомъ....

Таково впечатлѣніе. Однако впечатлѣніе обманываетъ: кто познакомился съ международной странствующей словесностью, тому, конечно, давно ужъ бросался въ глаза фактъ, что многія малорусскія якобы „щиро“-національныя легенды принадлежатъ къ разряду странствующихъ повѣстей. Самъ собою возникаетъ вопросъ: „стало быть, эти столь родныя намъ легенды—произведенія не самостоятельныя, не наши?“ Отвѣтить: „да, не наши“—едва ли будетъ правильно, потому что нашъ народъ совершенно вѣдь переработалъ чужіе сюжеты. Прослѣдить процессъ этой переработки—чрезвычайно интересно: не только установится критерій для сужденій о томъ, что же собственно мы смѣемъ назвать нашимъ роднымъ, безусловно національнымъ этическимъ достояніемъ,—но уяснить также и самое понятіе о томъ, что такое народное творчество. Это будетъ въ высшей степени поучительная для насъ вещь—прослѣдить, какимъ образомъ чужое сказаніе успѣло проникнуть къ намъ, распространиться въ народѣ, пріурочиться къ извѣстной мѣстности и національзироваться во всѣхъ подробностяхъ [1]).

[1]) Есть еще одна отрасль нашей народной словесности, которая настоятельно требуетъ подобныхъ же изслѣдованій, но какъ-то мало затрогивается учеными: я говорю о малорусскихъ произведеніяхъ юмористическаго характера. Нашъ народъ

Библиотека "Руниверс"

Поле для изслѣдованій—обширнѣйшее. По выраженію англійскаго поэта, оно

Exceeding rich, and long, and wide,
And sprinkled with a sweet variety
Of all, that pleasant is to the ear or eye

Но сдѣлано на немъ чрезвычайно мало, почти ничего. До недавняго времени можно было извлечь пользу развѣ изъ статьи Н. П. въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1877 г., далѣе изъ очень важныхъ „Очерковъ южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ“ проф. Н. Ѳ. Сумцова („Кіев. Стар.“ 1887)[1]) и еще изъ нѣкоторыхъ его замѣтокъ и статей. Въ виду такой скудости, очень важное значеніе пріобрѣтаетъ недавно вышедшая систематическая брошюра того же уважаемаго автора, проф. Сумцова, заглавіе которой мы выписали сверху и которая имѣетъ спеціальную цѣль—пролить извѣстный свѣтъ на сущность малорусской религіозной легенды.

Сразу ничто не дѣлается. Нужны подготовительныя работы. Почтенный авторъ покамѣстъ рѣшилъ порыться въ старинныхъ малорусскихъ сочиненіяхъ XVI—XVII в. и выбрать разбросанныя по нимъ тѣ легенды, которыя связаны съ малорусскими историческими лицами и событіями. Какъ видно изъ цитатъ, онъ взялъ на себя трудъ пересмотрѣть Переторогу, Денисовича, Кальнофойскаго, Петра Могилу, Галятовскаго, сдѣлалъ (если имѣлся матеріалъ) сопоставленія съ соотвѣтственными произведеніями современной малорусской народной словесности и (опять таки, если имѣлся матеріалъ) подобралъ также пареллели изъ

считается юмористомъ по преимуществу, малорусскій юморъ вошелъ въ пословицу, а между тѣмъ даже тѣ бѣглыя изслѣдованія, которыя мимоходомъ касались нашихъ анекдотовъ, фабліо и бытовыхъ сказокъ, давно ужъ успѣли намекнуть, что эти произведенія малорусскаго народнаго творчества не оригинальны. Нельзя отрицать, что обработка ихъ оригинальна, но въ чемъ же собственно заключается эта оригинальность? показалъ ли намъ кто-нибудь, въ чемъ она состоитъ?—Никто. И я думаю, что диссертація на тему: „Черты и пріемы малорусскаго юмора“—давно ужъ стоитъ на очереди. Скорѣе всего мы смѣемъ ждать такой диссертаціи отъ проф. Сумцова, который обыкновенно является піонеромъ въ различныхъ областяхъ нашей этнографіи и проливаетъ свѣтъ въ нетронутые ея закоулки.

[1]) При случаѣ поправляемъ описку г. Сумцова, который въ свой ссылкѣ (стр. 3) относитъ свое изслѣдованіе къ 1888-му, а не къ 1887-му году.

Библиотека "Руниверс"

письменной и устной словесности другихъ народовъ. Такимъ образомъ изслѣдователь коснулся семнадцати сюжетовъ: 1) Странствованіе церкви или иконы изъ одного мѣста въ другое; 2) Сверхъестественное огражденіе малоруссовъ во время татарскаго нашествія; 3) Кара Божья, постигающая татаръ за порчу иконы; 4) Построеніе монастырей и церквей на мѣстахъ побѣды надъ врагами; 5) Сверхъестественное покровительство малоруссамъ въ борьбѣ съ турками и поляками; 6) Необыкновенный случай при постриженіи Григорія Загор[ов]скаго въ епископы; 7) Случай при постриженіи въ монашество Ипатія Потѣя; 8) Оскорбленіе церкви или иконы иновѣрцами или безбожниками (собственно это тотъ же сюжетъ, что и въ № 3); 9) Самовозгараніе церковныхъ свѣчей; 10) Погребеніе въ церкви грѣшнаго человѣка; 11) Оскорбленіе духовныхъ лицъ и наказаніе обидчиковъ; 12) Разрѣшеніе проклятаго самозванца; 13) Малорусскія иконы кисти св. евангелиста Луки; 14) Плачущія иконы; 15) Измѣненіе цвѣта лика пр. Богородицы на иконахъ 16) Отяжелѣніе иконы, которую желаютъ увезти еретики (срв. № 1) и 17) Животныя (лошади и волы) чувствуютъ близость чудотворныхъ иконъ.

Въ виду новизны и трудности задачи, неудивительно, что въ статьѣ почтеннаго ученаго можно указать нѣкоторые пропуски.

Считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько, быть можетъ, полезныхъ дополненій по памятникамъ XVI—XVII вѣка. Такъ, замѣтимъ, что, извлекая чудеса, сообщенныя въ „Перестороѣ“, (изд. въ „Актахъ, относ. къ исторіи Запад. Россіи“, т. IV), проф. Сумцовъ забываетъ взять изъ той же „Перестороги“, указаніе на одно такое чудо, которое наиболѣе было извѣстно на Украинѣ, въ концѣ 16-го и въ началѣ 17-го вѣка, а именно: когда на Берестейскомъ соборѣ 1596-го года Михаилъ Рогоза, Потій, Терлецкій и другіе отступники „зъ бискупами римскими згоду свою (т. е. унію) учинили“ и вздумали сообща служить обѣдню, то „Богъ отринулъ ихъ офѣру“, и вино въ чашахъ уніатскихъ владыкъ превратилось въ воду, такъ что пришлось для окончанія литургіи налить другого вина въ другую чашу

Библиотека "Руниверс"

(см. „Акты, отн. къ ист. З. Росс." IV, 214). Авторъ „Перестороги, который не мало черпалъ изъ посланій Іоанна Вышенскаго, записалъ эту легенду; вѣроятнѣе всего, подъ вліяніемъ „Писанія ко утекшимъ отъ православнои вѣры епископомъ" (изд. въ „Актахъ Ю. и З. Россіи", т. II, стр. 245—251, новое изданіе проф. Сырку въ „Оправданіяхъ" къ III тому „Исторіи Аѳона" преосв. Порфирія Успенскаго, стр. 1014 и слѣд.), хотя, конечно, онъ зналъ эту легенду и раньше, безъ Вышенскаго. А Вышенскій поднялъ вопросъ объ этомъ чудѣ съ цѣлью опровергнуть возраженія Петра Скарги, который свою „Оборону Берестейского руского собору" (Вильно 1597) заключаетъ словами: „Puszczają (православные) y podmiatają kartelusze o cudach w Brześciu: iż się przy mszy wino w wodę odmieniło gdy jeden tam iezuita w cerkwi ś. Mikołaja służył". Potwarzy się tey nie wstydzą. Żaden tam jescze iezuita, ani kapłan Rzymski mszey nie miał; a jeśli się Grekowi, który w ten czas służył, to trafiło, iż w kielich miasto wina z omyłki wody nalał,—cuda żadnego nie masz: trafia się to y u pilnych y nabożnych. To cud, iż ludzie rozumni y chrześciańscy tak sprosne kłamstwo mowią, abo wierzyć śmieją (см. „Русс. Ист. Библ.", т. VII, стр. 1000—1001) [1]).

Въ дополненіе къ сказаніямъ „о странствованіи церкви или иконы" (№ 1) можно напомнить объ иконѣ Лѣсненской. Въ концѣ XVII в. въ православномъ селѣ Буковичахъ на Подлясьи пастухи нашли въ лѣсной чащѣ на вѣтвяхъ груши икону Богородицы, написанную на темнокрасномъ камнѣ. Икона была признана за чудотворную, была поставлена въ сельской церкви и творила чудеса. Однако, по разсказамъ католиковъ, православный храмъ оказался недостойнымъ для такой святыни, и потому

---

[1]) Въ своей рецензіи на „Івана Вишенського" доктора Ив. Франка („Кіев. Стар." 1895, окт., стр. 24) я доказывалъ, что Вишенскій пользовался книгой Скарги не въ польскомъ, а въ русскомъ изданіи; поэтому я допускаю нѣкоторую неточность, цитируя Скаргу по-польски, а не по-русски. Русское изданіе (перепечатка) должно войти въ новый томъ „Русск. Ист. Библ", который въ настоящую минуту, быть можетъ, уже и вышелъ въ свѣтъ и доступенъ для пользованія публикѣ; но для меня въ той дебри, гдѣ я нахожусь, онъ еще совершенно не доступенъ.

Библиотека "Руниверс"

черезъ три года ангелы Господни перенесли ее ночью передъ разсвѣтомъ изъ Буковичей въ Лѣсно, въ новоотстроенный храмъ-костелъ; это видѣли три мѣстныхъ жителя. Лѣсненскій ксендзъ сталъ записывать чудеса въ особую книгу, и за одно время его настоятельства ихъ оказалось пятьсотъ. Въ протоколѣ 24 ноября 1700-го года икона даже оффиціально была признана за чудотворную. Въ настоящее время она принадлежитъ православнымъ (подробная исторія сообщена въ брошюрѣ Холмскаго Богородицкаго братства: „Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси“ В. Т. М-ча. Варш. 1883 г. Рецензія въ „кіев. стар.“ 1883, сент.—окт., стр. 294—297).—Къ этому же циклу сказаній относится современная полтавская легенда о царскихъ врата хъ, скрывшихся на днѣ колодца вблизи села Хорошекъ кобелякскаго уѣзда („Зоря“ 1895, стр. 356: „Чудодійна криниця„г. Коваленка. Въ статьѣ этой, замѣтимъ кстати, есть новыя свѣдѣнія о нѣсколькихъ чудотворныхъ колодцахъ, но наиболѣе обстоятельный разсказъ, т. е. о криницѣ Лубенской, совсѣмъ не новъ, —см. старую статью А. Лоначевскаго во II т. „Записокъ Юго-Зап. отдѣла за 1873-й годъ“, стр. 130—134 и статью Ор. Левицкаго въ „Кіев. старинѣ“ 1883, № 9—10, стр. 301—309).—У Ст. Руданскаго есть литературная обработка Подольской легенды о церкви, которая скрылась отъ черта подъ землею и выходитъ на свѣтъ только „на Велыкдень до зори“ („Творы“, т. II. Львовъ 1896, стр. 50—51; тоже въ „Зори“ 1895, стр. 347.)

Сюжетъ № 12 у г. Сумцова—„Разрѣшеніе проклятаго самозванца“: тѣло самозванца не могло разложиться, пока проклятія не снялъ Петръ Могила. Въ старинныхъ памятникахъ проф. Сумцовъ этой легенды не нашелъ и приводитъ ее по новѣйшему разсказу Думитрашка: „Заклятый“ (въ Истор. Вѣстн.“ 1880, сент., 46). Я тоже не вспоминаю, чтобы въ старинной нашей литературѣ былъ записанъ такой случай, пріуроченный къ имени Петра Могилы, но вспоминаю аналогичныя, въ „Палинодіи“ Захаріи Копыстенскаго (1621-го года). „Блаженной памяти патріархъ Антіохійскій Іоакимъ, подъ часъ бытности своей въ коронѣ Полской року 1579 во Львовѣ, отлучилъ былъ отъ

Библиотека "Руниверс"

церкве священника именемъ Григоріа, прозвискомъ Горбачевскаго, за нѣкоторыи ексцессы, а меновите: же учинивши первѣй обѣтъ Богу и черницемъ зоставши, присягу зламалъ, оженился и священникомъ зосталъ. Той, року 1589, въ лѣтъ по томъ отлученю и завязаню десятъ, въ Львовѣ умеръ и погребенъ былъ на цментару церкве брацкой, Успенія Пречистои Дѣвы Богородици, въ мѣстѣ. Въ лѣто по томъ погребѣ его тр (етье), то есть року 1591, подъ часъ разбираня той церкви, гды были фундаменты на заложеніе теперь поднесенной церкви копаны, откопана была съ припадку и тая яма, въкъ оторой той священникъ лежалъ. Зъ которого кгды ся дощка верхняя зъ труны зсунула, обачено было тѣло надутое якъ мѣхъ, твердое якъ камень, очернѣлое якъ уголь (на полѣ прибавлено: „Бойся, кождый гвалтовнику, поприсягненой обѣтницы живота иноческаго!“). Людъ посполитый, духовный и свѣцкій, которыи о той на немъ палой екскоммуникаціи албо отлученю отъ церкве вѣдали, зъ политованьемъ велце сь тому дивовали. И мусѣлъ быти таковый же закопанъ, ажъ братнимъ политованьемъ порушоний мужъ подобный, книжный, именемъ Сімеонъ Горбачевскій, працы ся поднялъ, до Константинополя шолъ и блаженной памяти отцу Іереміи, на тотъ часъ патріарсѣ Константинопольскому, о томъ ознаймилъ, отъ которого одержалъ листъ разрѣшалный. И кгды по первомъ откопаню немаль въ лѣтъ полтора зась былъ откопанъ и таковый же найденъ,—листъ той разрѣшалный надъ нимъ былъ прочитанъ [1]), и заразъ въ колко днiй тѣло надутое опало и въ порахъ ся обернуло“ („Русск. Истор. Библ.“, т. IV, стр. 470—471). Тотъ же Захарія Копыстенскій самъ приводитъ параллельныя греческія сказанія о томъ, какъ „отъ патріарховъ нашихъ христіанскихъ звязаныи тѣла згнити не могутъ, але ся одымаютъ, твердѣютъ, чорнѣютъ и такъ, якъ мѣхъ надутый, лежатъ поты, ажъ будутъ отъ тыхъ же владзою, имъ отъ Бога данною, розвязаны“, послѣ чего, конечно, „въ порохъ ся обертаютъ“ („Русск. Ист. Библ.“, IV, 471—475); ссылки у

[1]) Здѣсь я измѣняю пунктуацію издателей, такъ-какъ ставить точку послѣ „найденъ“ и начинать словомъ „Листъ“ новую фразу—едва ли возможно.

Библиотека "Руниверс"

Копыстенскаго дѣлаются на „Турко-Грецію“, Мартина Крузія „зъ Ѳедосія Зигомалы.“ Вообще надо замѣтить, что въ „Палинодіи“ сообщено всякихъ чудесъ немало, но въ большинствѣ случаевъ они относятся не къ Малороссіи, а къ Греціи. Таковъ, напр., разсказъ объ обвалѣ церкви въ Аѳонской лаврѣ именно въ ту минуту, когда на литургіи былъ помянутъ папа Римскій („Р. Ист. Б.“ IV, 1020) [1]); разсказъ этотъ одинаково подходилъ бы къ Сумцовскому циклу № 3 и къ циклу № 8.

Сказаніе № 6 („Необыкновенный случай при постриженіи Григорія Загор(ов)скаго въ епископы“) взято проф. Сумцовымъ изъ „Пересотроги“ (которую, замѣтимъ въ скобкахъ, онъ неправильно относитъ къ 1600—1605 годамъ). При посвященіи этого будущаго уніата „Богъ чудо показалъ, же при звоненію къ службѣ Божей порвалъ его духъ нечистый и кинулъ, и такъ ницъ лежалъ безъ памяти черезъ всю божественную службу“ („Акты Зап. Росс.“, IV, №149). Я добавляю, что дальнѣйшую стадію развитія этой легенды мы видимъ во „Ѳриносѣ“ Мелетія Смотрицкаго (Вильно 1610), именно въ томъ интересномъ мѣстѣ, гдѣ Мелетій влагаетъ въ уста Восточной Церкви обращеніе къ Потѣю и выставляетъ на видъ чудесныя наказанія Божьи, постигшія каждаго изъ уніатскихъ владыкъ (стр. 75—76). По Мелетіевымъ словамъ, Германа (въ мірѣ—Григорка) Загоровскаго, этого „mało nie przednieyszego tey waszey uneiy forytarza, sprawidliwym sądem Pańskim ieszcze za żywota zły duch *częstokroć* y przy samym nabożeństwa przezeń odprawowaniu z niezmiernym wszystkich tam będących ludzi postrachem po cerkwi *tam y sam* srodze-straszliwie *rzucał* y zaczętey przezeń liturgiey aż y do samey śmierci skończyć *nigdy* nie dopuścił“. Какъ видимъ изъ подчеркнутыхъ мною мѣстъ, fama crescit eundo.—Здѣсь же я считаю умѣстнымъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе: по вопросу о времени написанія „Пересотроги“. Проф. Сумцовъ (слѣдуя, значитъ, мнѣнію А. Н. Попова) относитъ ее къ 1600—1605 гг. а галичанинъ А. Петрушевичъ считаетъ авторомъ „Пересотроги“ Михаила Гунашевича, который родился не раньше 1610-го года,

[1]) Этотъ же разсказъ есть и у Вышенскаго въ его „Писаніи къ утекшимъ отъ православной вѣры епископомъ“.

Библиотека "Руниверс"

а въ 1647-мъ году былъ посвященъ въ иподіаконы во Львовѣ (Ант. Петрушевичъ: „Сводная гал.-р. лѣт. 1600—1700 г.“, Львовъ 1874, стр. 7). Петрушевичъ опирается только на очень шаткія данныя палеографическія, и приведенная нами цитата изъ Ѳриноса, думаемъ, ясно свидѣтельствуетъ, что „Пересторога“ писалась раньше Ѳриноса, т. е. раньше 1610-го года [1]); если мы сверхъ того обратимъ вниманіе, что авторъ, говоря много о князѣ Острожскомъ, нигдѣ не называетъ его мертвымъ, то получимъ извѣстное основаніе думать, что „Пересторога“ составлена раньше 1608-го года. Но считать для нея возможнымъ временемъ написанія даже промежутокъ между 1600-мъ и 1605-мъ годомъ—раньше нельзя: авторъ ссылается на уніатское изданіе „Посольство Мисаила къ папѣ Сикству IV“, а оно напечатано въ 1605-мъ году. Слѣдовательно, „Пересторога“ составлена между 1605-мъ и 1608-мъ годомъ.

Чтобы закончить замѣтку, сдѣлаемъ еще одно дополненіе не частнаго, а общаго характера. Д-ръ Иванъ Франко въ своей прекрасной диссертаціи о Вышенскомъ [2]) разсыпаетъ множество подобныхъ замѣчаній историческаго и историко-литературнаго характера. Между прочимъ, коснувшись сообщенной у Вышенскаго легенды объ Аѳонскомъ чудѣ временъ Михаила Палеолога, д—ръ Франко выставилъ нѣкоторыя соображенія, которыя я

---

[1]) Существуетъ указаніе (Вишневскаго: „Hist. liter. polsk.“. Крак. 1840 — 1857, т. VIII, стр. 293), что впервые Ѳриносъ былъ изданъ не въ 1610-мъ, а въ 1596-мъ году. Голубевъ („Библіографич. замѣчанія“, К. 1876, стр. 4.) считаетъ указаніе Вишневскаго не несомнѣннымъ. Но если первое изданіе Ѳриноса и существуетъ, то въ немъ во всякомъ случаѣ нѣтъ тѣхъ посмертныхъ подробностей о Загоровскомъ, какія есть въ изданіи 1610-го года, потому-что въ 1596-мъ году тотъ былъ живъ.

[2]) Въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ „Кіевской Старины“ за 1895-й годъ я посвятилъ диссертаціи моего уважаемаго друга особую статью, въ которой доказывалъ, что многія изъ его гипотезъ не могутъ быть окончательно приняты. За эту статью я получилъ достаточно укоровъ (между прочимъ отъ очень авторитетныхъ лицъ): я-де выставилъ на видъ только недостатки работы д-ра Франка, а не упомянулъ о ея солидныхъ достоинствахъ. Упреки эти основаны на чистомъ недоразумѣніи: статья моя вызвана была желаніемъ указать д-ру Франку тѣ пункты, на которые ему полезно будетъ обратить вниманіе при второмъ изданіи своей книги (а второе изданіе обѣщано было самимъ авторомъ), и я раза три повторилъ въ статьѣ, что она не должна быть принимаема за разборъ цѣлой диссертаціи.

Библиотека "Руниверс"

считаю не лишнимъ привесть здѣсь цѣликомъ (въ переводѣ съ малорусскаго), какъ библіографическое дополненіе къ статьѣ проф. Сумцова. „Эта легенда, равно какъ и упреки Вышенскаго, направленные къ владыкамъ за то, что они не вѣрятъ чудесамъ въ родѣ Берестейскаго и Аѳонскаго, интересны для насъ, какъ одно изъ проявленій довольно новаго у насъ и сильнаго направленія, которое начинаетъ заявлять себя въ нашей литературѣ въ концѣ XVI вѣка, а въ XVII вѣкѣ доходитъ до вершины своего развитія. Я здѣсь имѣю въ виду эпидемическую наклонность къ чудесному, которую замѣчаемъ у насъ въ XVII вѣкѣ во всѣхъ слояхъ общества, безразлично—у духовныхъ ли или свѣтскихъ, у простыхъ или по-тогдашнему высокообразованныхъ (Евлашевскій[1]), Петръ Могила, Галятовскій, Барановичъ и друг.). Конечно, вѣра въ чудеса существовала у насъ и прежде, начиная отъ временъ введенія христіанства, и была неразрывно связана съ самой религіей. У нашихъ писателей и лѣтописцевъ встрѣчаемъ много записей о чудесныхъ случаяхъ, вѣщихъ снахъ, пророчествахъ, знаменіяхъ и т. п. Но у нихъ чудесное является спорадически и, очевидно, не играетъ важной роли среди общества, въ которомъ и для котораго пишутъ тѣ авторы; можно думать даже, что тѣ чудесные случаи были не разъ скорѣе только выраженіемъ особенной точки зрѣнія набожныхъ авторовъ-монаховъ, чѣмъ предметомъ живой вѣры всего общества. Но въ концѣ 16-го вѣка наступаетъ значительная перемѣна. По иниціативѣ общества западно-европейскаго, особенно же нѣмецкаго и польскаго, овладѣваетъ понемногу и нашимъ южнорусскимъ обществомъ какой-то духъ мистическій, какая-то общая наклонность вѣрить въ чудеса и видѣть чудеса, какая-то потребность въ чудесномъ на каждомъ шагу. Припомнимъ только, какую большую роль играли чудеса, явленія чертей и ангеловъ въ жизни Лютера, Мюнцера и анабаптистовъ. Пробужденное реформаці-

[1]) Іранко, конечно, имѣетъ въ виду его дневникъ 1564—1604 г., изданный В. Б. Антоновичемъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1886, янв. Дневникъ этотъ (авторъ былъ даже кальвинистъ) свидѣтельствуетъ даже о сильнѣйшемъ развитіи вѣры въ чудесное въ XVI вѣкѣ.; для исторіи религіозныхъ сказаній онъ матеріаловъ еще не заключаетъ.

Библиотека "Руниверс"

онной проповѣдью въ массахъ народныхъ чувство доходило до экстаза, до видѣній и до вѣщунства. Чудеса перестали быть привилегіей избранныхъ и святыхъ: теперь едва ли не каждый могъ видѣть, а то и творить ихъ. Этому общему настроенію соотвѣтствовала и литература. Тысячи рукописныхъ и печатныхъ свитковъ и листковъ распространяли вѣсть о новомъ чудѣ, разсказывали прозой и стихами о явленіи святого во снѣ, о появленіи иконы, о чудесномъ исцѣленіи больныхъ. Массами стекался народъ въ такія мѣста. Со временемъ стали собирать такіе листки, записки и преданія, потянулся длинный рядъ т. н. Mirakelbücher, начатки которыхъ въ Германіи восходятъ еще къ среднимъ вѣкамъ, но на которыя у насъ пришла мода собственно ужъ въ XVII столѣтіи. Вышенскій былъ однимъ изъ первыхъ, почувствовавшихъ эту струю [1]). Въ введеніи къ повѣсти о нападеніи латинянъ на Аѳонъ онъ съ удареніемъ подчеркиваетъ потребность вѣрить въ чудеса,—не только въ тѣ, прежнія, сообщенныя въ священномъ писаніи и въ житіяхъ, но и въ новыя, современныя, въ которыхъ точно также проявляетъ себя сила и правда Божья. Да и самъ онъ въ первомъ [2]) своемъ произведеніи является однимъ изъ первыхъ въ нашей литературѣ повѣствователей о такихъ современныхъ чудесахъ, сообщая объ обрѣтеніи тѣла Варлаама Охридскаго... Послѣ того грамотная наша публика почти два столѣтія удовлетворялась чтеніемъ своихъ собственныхъ Mirakelbuch'овъ въ родѣ „Тератургемы“ Кальнофойскаго, „Неба новаго“ Галятовскаго, „Огородка“ Радивиловскаго, „Перла многоцѣннаго“ Транквилліона, „Phoenix“а Суши, (1685), а то и громаднаго сборника чудесъ, изданнаго съ 1672 году въ Мюнхенѣ іезуитомъ Гумпенбергомъ подъ заглавіемъ: „Atlas Marianus“, куда вошли также многочисленныя описанія чудесныхъ иконъ литоворусскихъ (Stebelski: Dwa wielkie światła, I, XXXII). Въ 17-мъ вѣкѣ чудеса появляются на

[1]) Преувеличено. Евлашевскій жилъ нѣсколько раньше Вышенскаго, а у него крайняя вѣра въ чудесное господствуетъ во всей силѣ.

[2]) Авторъ считаетъ „Новину“ первымъ произведеніемъ Вышенскаго. Согласиться съ этимъ невозможно, и я на это ужъ указывалъ въ своей статьѣ. Самое авторство Вышенскаго по отношенію къ „Новинѣ“ подлежитъ сомнѣнію.

Библиотека "Руниверс"

нашей Украинѣ цѣлыми кучами (у Франка: „чередамы“) одновременно съ каждымъ бо́льшимъ общественнымъ бѣдствіемъ, пропитываютъ собою всю духовную атмосферу нашего народа, порождаютъ множество мѣстъ „видпустовыхъ“, около которыхъ нагромождается множество повѣстей, повѣрій, преданій, суевѣрій, а затѣмъ и пѣсенъ книжнаго или полукнижнаго склада, изъ которыхъ значительная часть впослѣдствіи собирается въ базиліанскомъ „Богогласникѣ“, чтобы отчасти сохранить свое значеніе и понынѣ“. (Ив. Фанко: „Иванъ Вышенськый“, Львивъ 1895, стр. 227 и сл.).

Съ нетерпѣніемъ ждемъ отъ проф. Сумцова обстоятельнаго изслѣдованія по затронутому имъ предмету и будемъ очень довольны, если и наша замѣтка окажетъ ему хоть маленькую услугу въ его разборѣ.

А. Крымскій.

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА[1].

(1817—1830 г.г.)

II. Письма Василія Васильевича Капниста[2].

(1818—1823 г.)

10. М. г. мой Иванъ Романовичъ!

Чувствительнѣйшую приношу вамъ благодарность за участіе, которое вы принимаете въ сынѣ моемъ.—Мы воспользуемся совѣтами вашими; но какъ бы исполненіе оныхъ нибыло благоуспѣшно, не будетъ онъ имѣть такъ добраго начальника, какъ вы были. Андрей Андреевичъ извѣщаетъ меня, что вы располагаете ѣхать къ какому то пріятелю вашему, а я прошу васъ для проведенія осени, по крайней мѣрѣ, дать мнѣ предпочтеніе. Повѣрьте мнѣ, что Обуховское понравившееся вамъ мѣстоположеніе и лѣчебная Псольская вода были бы весьма полезны для вашего здоровья; сверхъ того, вы бы здѣлали посѣщеніемъ вашимъ чувствительнѣйшее одолженіе. Не откажите онаго истинно

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., іюнь, 344—368.

[2]) Василій Васильевичъ Капнистъ (р. 1757 † 1823) авторъ извѣстной комедіи прошлаго столѣтія *Ябеды* и немевѣе извѣстной оды *На рабство*. Печатаемыя письма относятся ко времени, когда В. В. Капнистъ, выйдя въ о ставку, поселился въ своей Обуховкѣ (при Пслѣ, Миргородск. уѣзда), былъ избранъ (1821 г.) губернскимъ маршаломъ Полтавскаго дворянства. См. о немъ статью Е. С. Некрасовой, *Артистъ* 1894 г., октябрь, № 42 (81—91) и ноябрь, № 43 (39—49). Здѣсь указана довольно полная библіографія Капниста.

Библиотека "Руниверс"

почитающему васъ преданному вамъ и признательному, м. г. мой, вашему покорнѣйшему слугѣ Василію Капнисту.

1818 года, октября 1, Обуховка.

11. М. г. мой Иванъ Романовичъ!

Чувствительнѣйше благодарю васъ, что вы меня не забываете,—взаимно поздравляю васъ съ наступившимъ новымъ годомъ. Пошли вамъ Богъ въ ономъ новаго здоровья, новыя отрады и всего, чего душа ваша желаетъ. Пожелалъ бы вамъ и важнѣйшаго чѣмъ все—спокойствія душевнаго, но вы не имѣете нужды въ таковомъ пожеланіи: вы находите предметъ онаго въ избранномъ вами тихомъ уединеніи, въ удаленіи отъ мірскихъ столичныхъ суетъ. Отъ всего сердца благодарю васъ за доброе ваше расположеніе къ молодому моему ефрейтору; больше всего радуетъ онъ меня тѣмъ, что старается заслуживать одобреніе почтенныхъ и достойно почтенныхъ людей. Съ частію молодого моего семейства и съ нимъ, провели мы первые четыре дни праздника у почтеннѣйшаго общаго благодѣтеля нашего Дмитрія Прокофьевича (Трощинскаго). Хвалимый вами танцоръ мой, которому вы пожелали отысканія боба въ пирожкѣ, танцовалъ, танцовалъ, что называется до положенія честныхъ ризъ...

Но ахъ!
Его такая доля,
Что щастье вѣтреныхъ не холя,
Въ пирожномъ чаще чѣмъ бобы,
Ему подноситъ лишь—грибы.

Боюсь, чтобъ на ваше доброхотное пожеланіе, не случичилось съ нимъ того-же теперь, хотя работалъ онъ до пота лица, какъ истинный труженникъ. Прошу совсѣмъ тѣмъ продолжать любить его, онъ будетъ тѣмъ для меня любимѣе. Благодарю васъ искренно за напоминовеніе обо мнѣ Ивану Ивановичу Дмитріеву; было время, что онъ былъ ко мнѣ весьма пріятельски расположенъ, но долговременное удаленіе могло меня привесть у него въ забвеніе; когда онъ музъ забылъ, то весьма легче позабыть старого ихъ волокиту; послѣднее извинительнѣе, но перваго трудно извинить. Если вамъ можно, то спросите у него:

Библиотека "Руниверс"

Зачѣмъ, не только въ то лишь время,
Когда его тягчило бремя
Ѳемидиныхъ несносныхъ узъ
Отрекся онъ отъ милыхъ музъ,
И съ ними разорвалъ любезный,
Для всѣхъ питомцевъ ихъ полезный,
Скрѣпленный славою союзъ?
Но даже, посреди свободы,
Сестеръ Парнасскихъ хороводы
Его ужъ болѣ не манятъ?
Но пусть неблагодарный знаетъ,
Что хоть онъ ихъ и забываетъ,
Онѣ взаимно не хотятъ
Платить любимцу ихъ забвеньемъ
И съ нѣжнымъ дружескимъ терпѣньемъ,
Безсмертный лавръ ему хранятъ.

Признаюсь, что мнѣ очень досадно, что наши археологи не практикуютъ и даже бранятъ меня за дерзость, заставляющую премудраго Одиссея мореплавствовать около Крыма и переносящую сосѣднихъ Скиллу и Харибду изъ Месины въ Цареградскій проливъ, а Ѳеокію изъ Корсиры въ сосѣдство Ѳеодосіи. Я посылалъ старшого сына моего Семена въ Тавриду для лучшого освидѣтельствованія мѣстъ и онъ отыскалъ на указанномъ мною мѣстѣ развалины Алкиноевой столицы, каменный корабль ея и прочая, и прочая. Я намѣренъ будущимъ лѣтомъ поѣхать для повѣрки. Но до того вижу, что пора окончитъ длинное письмо мое искреннимъ удостовѣреніемъ въ отличномъ моемъ къ вамъ почтеніи и душевною преданностію, съ которыми пребуду навсегда, м. г. мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Василій Капнистъ.

1823 года, генваря 7 дня. Обуховка.

12. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Чувствительнѣйше благодарю васъ, что вы меня не забываете и напомнили обо мнѣ забывшему можетъ быть старому пріятелю моему, хотя и заблаговременно увѣренъ, что стихи мои не подвигнутъ его возобновить союзъ съ музами, забытыми

Библиотека "Руниверс"

неблагодарнымъ ихъ любимцемъ. Не знаю удастся ли мнѣ повѣрить глазами изыскиваемые мною предметы, ибо старость дѣлаетъ меня неспособнымъ къ новымъ подвигамъ и заставляетъ меня думать, что я не долженъ отлучаться отъ любимаго мѣста въ Обуховской палестинѣ, надъ украшеніемъ котораго и съ началомъ сей весны тружусь, желая увѣковѣчить въ ономъ пребываніе мое. Опасаюсь отлучаться вдаль, чтобы паче чаянія не отлучиться изъ него на весьма долговременный и неопредѣленный срокъ. Радуюсь, слыша, что вы въ скромномъ уединеніи вашемъ здоровы, желаю продолженія и впередъ. О себѣ сказать вамъ ничего пріятнаго не могу и для того рѣшаюсь молчать, ибо весьма непріятно сообщать непріятности любящимъ насъ людямъ. Прощайте! Искренно благодарю васъ за благосклонность вашу къ моему молодому солдату, это дѣлаетъ ему въ глазахъ моихъ великую рекомендацію. Прощайте! будьте здоровы и для преуспѣванія въ добромъ здоровьѣ, не подражайте моей сидячей или лучше сказать лежачей жизни, этимъ дадите вы мнѣ надежду видѣть васъ въ нашей округѣ, а можетъ быть и въ уединенномъ моемъ жилищѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію пребуду на всегда, м. г. мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Василій Капнистъ.

1823 г., октября 10 дня. Обуховка.

13. М. г. Иванъ Романовичъ!

Благодарю васъ искреннѣйше за напоминовеніе обо мнѣ почтенному общему нашему знакомому. Мнѣ кажется, что музы весьма необдуманно поступили, выбравъ васъ, дѣятельнаго человѣка, меркуріемъ между двухъ парнасскихъ лѣнивцовъ. Вы похожи на гласъ вопіющій въ пустынѣ—уготовайте путь, а никто и не пошевелится. Я таки кое какъ подметаю пыль на дорогѣ, а почтенный Аполлоновъ и Ѳемидинъ клевретъ не возлетитъ на Апиру, чтобъ угладить просѣки, ведущія къ Парнасу. Благодарю васъ, что вы меня, лѣнтяя, не забываете и любите ефрейтора моего. Вѣрьте, что мнѣ всегда пріятно помнить васъ, но жалѣю что вы такъ далеко избрали келью себѣ отъ береговъ Псла. Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію пребуду

Библиотека "Руниверс"

навсегда, м. г. мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Василій Капнистъ.

1823 г., іюня 23 дня. Обуховка.

III. Письма Данила Михайловича Велланскаго [1]).

(1818—1819 г.)

14. М. г. Иванъ Романовичъ.

Письмо ваше отъ 3-го получилъ я 25-го прошлаго іюня. Сердечно я возрадовался, извѣстясь чрезъ оное, что вы еще существуете съ нами въ семъ мірѣ! Между несмѣтными обитателями нашей планеты, немногіе находятся съ твердой правотой духа, чистою ясностію ума и благимъ расположеніемъ характера. Таковые только человѣцы составляютъ истинное сокровище земли, для котораго она и сотворена во Вселенной; и потеря таковаго одного должна быть гораздо важнѣе потери многихъ, неимѣющихъ надлежащаго человѣческаго свойства. Господинъ Тишевскій, принимая только искреннее участіе въ направленіи вашего здравія, доказываетъ доброту своего духа, ибо по психическому закону природы, истинная любовь и дружба находится только между равными въ душевномъ расположеніи. Ваша болѣзнь нервнаго свойства и которая конечно можетъ зависить и отъ солитера; но злой и упорный гостъ не уступаетъ легкимъ средствамъ, а сильныя лекарства можетъ быть противны вашему чувствительному сложенію. Упорные солитеры безъ сильныхъ проносныхъ не изгоняются, и хотя находится множество

---

[1]) Данило Михайловичъ Велланскій (1774†1847), сынъ Борзенскаго мѣщанина (Черниговск. губ.) Михаила Кавунника, усвоившій затѣмъ себѣ фамилію Велланскаго (отъ слова *vaillant*), учился въ Кіевской академіи, а затѣмъ за границей. Тамъ онъ изучалъ науки врачебныя и естественныя подъ вліяніемъ идей школы натуръ-философовъ. Въ Германіи онъ слушалъ курсы у Шеллинга (вмѣстѣ съ Океномъ) и Стефана. Вернувшись на родину, В. былъ профессоромъ въ медико-хирургической академіи, гдѣ около 20-ти лѣтъ читалъ лекціи по физіологіи и патологіи. Біографическія свѣдѣнія о В-мъ и перечень его сочиненій въ Русск. Вѣстн. 1867 г., ноябрь, статья Н. Розонова. О В-мъ, какъ натуръ-философѣ и послѣдователѣ Шеллинга, см. Русск. Богатство 1894 г., № 3, *Судьбы русской философіи*, М. Филиппова.

Библиотека "Руниверс"

противуглистныхъ лѣкарствъ, но всѣ они употребляются вмѣстѣ съ приносными. Господину Тишевскому извѣстны противуглистныя средства, и я для споспѣшествованія вашему здоровью, представляю здѣсь нѣкоторые изъ самыхъ дѣйствительныхъ способовъ противъ солитера, равно какъ помѣщаю здѣсь рецептъ для спирта и ароматныхъ травъ, которыя вы употребляли въ Петербургѣ. Книга моя *О животномъ магнитизмѣ* будетъ отпечатана слѣдующаго августа первыхъ чиселъ; и прошу увѣдомить меня, куда къ вамъ прислать оную? Г. Ярославцевъ ко мнѣ еще не являлся. Я не помню его и не знаю его лично. Но я вамъ пошлю 2 экземпляра *О животномъ магнитизисѣ* и 2 экземпляра *О свѣтѣ и теплотѣ*. Критика моя противъ Шуберта, *О солнцѣ и свѣтѣ*, напечатана въ Московскомъ Вѣстникѣ Европы на 1814 годъ, въ маіѣ мѣсяцѣ, и я оной у себя не имѣю. Недавно пріѣхалъ въ Полтаву родной мой братъ Матвѣй Велланскій, опредѣленный дивизіоннымъ врачемъ въ 26 пѣхотную дивизію, и котораго покорнѣйше прошу васъ почтить вашимъ знакомствомъ! Въ Полтаву буду я посылать нѣсколько книгъ, съ которыми вмѣстѣ, ежели прикажите, доставлю и вамъ къ слѣдующему сентябрю. Книга будетъ самая любопытная для каждаго грамотнаго. Изъ многихъ мѣстъ Россіи подписались на оную до 250 экземпляровъ. Я хотѣлъ отпечатать ее прошлую зиму, но не могъ, по другимъ занятіямъ и обстоятельствамъ, и жалѣю, что многіе, прислави мнѣ деньги на книгу, ожидаютъ оной долѣе осьми мѣсяцевъ! Ивану Алексѣевичу г. Тишевскому прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и признательность за доброе его ко мнѣ расположеніе, которое потому не можетъ быть ложнымъ, что не происходитъ отъ личнаго часто обманчиваго знакомства, а протекаетъ отъ согласія его понятій съ моими идіями (sic). Весьма немногіе изъ старыхъ врачей читаютъ мои сочиненія; и я еще не знаю не одного, который бы понималъ оныя. Напротивъ того, многіе изъ молодыхъ лѣкарей весьма занимаются оными. Студенты здѣшней академіи восхищаются физіологическими моими лекціями гораздо болѣе, нежели Петербурская публика театральными представленіями; и сіе служитъ мнѣ главнымъ вознагражденіемъ за мои

Библиотека "Руниверс"

непріятности и вредъ, оказываемыя мнѣ учеными невѣжами. Теперь господствуетъ двѣ секты, такъ называемаго просвѣщенія: одна состоитъ изъ французскаго пустословія, которымъ научаются, какъ обманывать простой народъ, то есть русскихъ бояръ; а двугая—массонская мистика, которая приняла на себя ложный видъ благочестія и занимаетъ людей склонныхъ къ сумашествію. Пожелавъ вамъ здравія въ пріятной жизни, остаюсь искренно любящій васъ Данила Велланскій.

4 іюль, 1818. С.Петербургъ.

15. М. г. Иванъ Романовичъ!

Прошлаго года, въ сентябрѣ, ѣхалъ изъ Петербурга въ Полтаву служащій здѣсь на статской службѣ нѣкто Ковалевскій, изъ дворянъ Полтавской губерніи. Онъ самъ предложилъ мнѣ услугу доставить вамъ книги, которыя намѣривался я послать чрезъ почту, ибо онъ, служивши подъ вашимъ начальствомъ, знаетъ васъ лично. При такомъ случаѣ я не усумнился поручить знакомому и мнѣ г. Ковалевскому пакетъ съ двумя книгами—*О животномъ магнитизмѣ*, для доставленія вамъ, въ Полтаву. На пакетѣ надписалъ я: буде вы въ Полтавѣ не находитесь, то поручить книги г. Тишевскому, который бы доставилъ вамъ оныя, куда онъ знаетъ. Сверхъ того, послалъ я чрезъ г. Ковалевскаго нѣсколько, книгъ брату моему Матвѣю Велланскому, дивизіонному доктору 26-ой пѣхотной дивизіи, квартирующей въ Полтавѣ. Въ концѣ октября прошлаго года получилъ я отъ васъ записочку изъ Пирятина, гдѣ вы упомянули, чтобы я вамъ прислалъ туда книги. Но я, будучи въ надеждѣ, что книги посланныя въ Полтаву пришлются къ вамъ въ Пирятинъ, не отвѣчалъ вамъ, ибо особенное письмо находилось къ вамъ при книгахъ. Не получая отъ васъ долгое время никакого отзыва, думалъ я, что причиною тому ваше разстроенное здравіе или другія какія обстоятельства. Въ концѣ прошедшего марта сего года встрѣтился я нечаянно, въ одномъ домѣ, съ г. Ковалевскимъ, который сказалъ мнѣ, что онъ былъ въ Полтавѣ, доставилъ книги моему брату, но узнавши, что васъ нѣтъ въ Полтавѣ и не прочитавши адресъ на пакетѣ, привезъ оный обратно въ Петербургъ. Сія вѣсть огорчила меня до крайности,

Библиотека "Руниверс"

паче, что г. Ковалевскій возвратился въ Петербургъ еще въ декабрѣ, и три мѣсяца не далъ мнѣ никакого извѣстія! Не зная, гдѣ вы находитесь и куда къ вамъ адресоваться, послалъ я, въ первыхъ чиселъ истекшаго апрѣля, къ брату моему Велланскому, въ Полтаву, двѣ книги въ переплетѣ: одну, *О животномъ магнитизмѣ*, а другую, *О свѣтѣ и теплотѣ*, и написалъ, ему, чтобы онъ спросилъ у г. Тишневскаго, который ему очень знакомъ, о мѣстѣ вашего пребыванія и переслалъ бы къ вамъ оныя книги. Между тѣмъ внерашній день, 4-го мая, получилъ я отъ васъ письмо изъ Кіева, въ которомъ вы изъявляете свое удивленіе о неприсылкѣ къ вамъ книгъ. Посему я сего дня, маія 5-го, спѣшу увѣдомить васъ о семъ обстоятельствѣ, и на сей же почтѣ пишу брату моему въ Полтаву, чтобы онъ, естли еще по незнанію о вашемъ мѣстопребываніи, не отправилъ къ вамъ книгъ, отослалъ бы оныя, какъ можно скоро, на имя ваше въ Кіевъ. Васъ-же, м. г. Иванъ Романовичъ, покорнѣйше прошу не вмѣнить сего обстоятельства моему нерадѣнію! Таковой поступокъ не сообразенъ съ правилами моей жизни и я бы оного никогда не могъ учинить съ вами, къ которому я имѣю истинное почтеніе, усерднѣйшую любовь и неограниченную преданность, съ каковыми навсегда пребудетъ вашъ покорнѣйшій слуга Данила Велланскій.

5 мая, 1819 года. С.П.Б.

IV. Письма Воронежскаго архіепископа Антонія Смирницкаго [1]).

(1826—1827 г.),

16. М. г. Иванъ Романовичъ!

Всеотраднѣйшее ваше для меня писаніе отъ 28-го мая, изображающее такъ живо и трогательно ваше поздравленіе съ

[1]) Преосв. Антоній, архіеп. Воронежскій и Задонскій, (р. 1773 † 1846) родомъ изъ с. Повстина Пирятинскаго уѣзда, Полтавской губерніи, былъ сынъ священника Гавріила Смирницкаго; учился онъ въ Кіевской академіи, принялъ монашество въ Печерской лаврѣ, которой потомъ былъ намѣстникомъ. Отсюда онъ былъ назначенъ епископомъ Воронежскимъ. См. *Жизнь преосв. Антонія, архіеп. Воронежскаго и Задонскаго*, Н. Савостьянова. Спб. 1895. въ 8 д. л. 270 стр.

Библиотека "Руниверс"

прибытіемъ моимъ на паству, ваше дружеское благорасположеніе ко мнѣ, имѣлъ я удовольствіе получить и отъ всего сердца моего благодарю васъ за оное. Я нѣсколько лѣтъ, сряду, во святѣй Лаврѣ, пользуясь вашею личною бесѣдою для меня назидательною и усладительною, всегда былъ въ несомнительной надеждѣ, что вы и въ отсутствіи моемъ, посредствомъ пера не перестанете собесѣдовать со мною. И се! въ столь скоромъ времени вижу ясные опыты моей непогрѣшительной надежды. Вижу и съ радостію удостовѣряюсь, что я отъ Кіева не забвенъ! Тайна судебъ божіихъ о мнѣ преосвященнѣйшимъ Евгеніемъ вамъ сообщенная, до сего времени и мнѣ была неизвѣстна; потому я вамъ въ ней и не открывался. Теперь узнавши чрезъ васъ о ней, болѣе и болѣе обязанъ внимать званію и избранію своему, съ трепетомъ спасеніе свое содѣлывать, а въ прочемъ ничто мною никогда отъ васъ скрываемо не было. Не могу скрыть и нынѣшняго моего сѣтованія о разлукѣ моей съ Лаврой, къ которой я приверженъ отъ юности моей. Не притворно, но истинно, что чувствую то и пишу: что еслибы сіе отъ меня зависѣло, то нынѣшнее мое епископство не только на намѣстничество Лаврское, но на привратничество святыя небеси подобныя Кіево-Печерскія Лавры охотно промѣнилъ. Я теперь, находясь внѣ ея, несравненно лучше имѣю понятіе о ней, гораздо больше прежняго усердіе и уваженіе имѣю къ ней По пріѣздѣ моемъ въ Воронежъ, я по внутренности моей ощутилъ въ себѣ сильную въ здравьи моемъ перемѣну. Послѣ простуды въ путешествіе мое полученной, открылись во мнѣ мучительные ревматизмы въ спинѣ, ногахъ, а болѣе въ ногахъ. Я и теперь, по причинѣ несносной болѣзни чувствуемой въ ногахъ, съ великой трудностію по комнатѣ пройти могу. Вотъ какое мое епископство! Обождавъ не много, если и далѣе мои обстоятельства не перемѣнятся, то принужденъ буду у преосвященнѣйшаго Евгенія просить совѣта: какимъ образомъ безъ оскорбленія начальства, можно мнѣ увольниться отъ управленія епархіей. Остановка могущая случиться въ теченіи епаршескихъ дѣлъ по причинѣ болѣзни моей для меня несноснѣе всякой болѣзни. Если угодно будетъ вамъ доставить мнѣ трудовъ вашихъ

Библиотека "Руниверс"

садоводство, то извольте поручить посылку сію вмѣстѣ съ письмомъ отцу Авксентію; онъ съ Воронежскими богомольцами, которыхъ теперь въ Кіевѣ немало, не умедлитъ мнѣ прислать. Жалѣю, чтъ и вы нездоровы. Часто посѣщайте лекарей: Агапита, Пимена, Ипатія, Даміана и о моихъ болѣзняхъ ихъ извѣстите. Поручая себя вашей памяти о мнѣ и дружеской вашей непреставной любви, съ моимъ къ вамъ искреннѣйшимъ благоуваженіемъ и душевною преданностію пока живъ, пребуду вамъ м. г., усерднѣйшимъ слугою и богомольцемъ Антоній, епископъ Воронежскій и Черкасскій.

Воронежъ. 15 іюня, 1826 г.

17. М. г. Иванъ Романовичъ!

Я непростительно виноватъ предъ вами, что по неаккуратности моей, по сіе время не отвѣчалъ вамъ на два пріятнѣйшія ваши писанія, въ прошедшемъ іюлѣ и третье, отъ 10 ноября, съ приложеннымъ садоводствомъ, мною полученныя. Не представляя вамъ въ оправданіе всего того, что могло мнѣ въ семъ препятствовать, яко преступникъ, милостиваго вашего прощенія прошу. Чѣмъ вамъ угодно, накажите меня за грѣхъ мой предъ вами, не наказывайте только молчаніемъ. Если бесѣда ваша дорога для меня была во время пребыванія моего въ подобной небеси Лаврѣ, то тѣмъ болѣе сладостна и полезна она по отшествіи моемъ изъ нея. Садоводство Иларіона я нѣсколско разъ прочитавъ съ душевнымъ моимъ удовольствіемъ и искренною признательностію къ новому садовнику, своимъ тщаніемъ полезнымъ для святой обители, неуступающему и образцовому эконому Ефрему, поставилъ себѣ за правило, руководствуясь онымъ заняться, если Богъ дастъ дождаться весны, заняться симъ сколько невиннымъ, столько и полезнымъ упражненіемъ. Оно столь ясно и обстоятельно изложено, что можно и неопытному съ пользою предпринять дѣло сіе. Здѣсь есть при загороднемъ архіерейскомъ дѣлѣ, въ близкомъ разстояніи отъ города, прекрасная роща, при которой для саду имѣются единственныя мѣста. Живъ ли отецъ протопопъ Августиновичъ? я къ нему одинъ разъ отвѣчалъ на два его пріятные ко мнѣ отзывы. Думаю, что онъ по приверженности своей ко мнѣ, извѣстясь о

Библиотека "Руниверс"

моихъ здѣшнихъ непріятностяхъ, поскорбѣлъ душею; но сего для меня не довольно; я бы желалъ, чтобы онъ чаще ко мнѣ писалъ. Поздравляя васъ съ новымъ годомъ, нѣсколько уже протекшимъ, молю Господа сподобить васъ жительствуя въ столь благодатномъ мѣстѣ, съ приращеніемъ времени болѣе и болѣе преуспѣвать въ любви къ нему! Съ истиннѣйшимъ моимъ къ вамъ усердіемъ, любовію и почтеніемъ, пока живъ пребуду, м. г., вашего высокобларородія преданнѣйшимъ слугою и богомольцемъ Антоній, епископъ Воронежскій и Черкасскій.

Генваря 24, 1827 г. Воронежъ.

18. М. г. Иванъ Романовичъ!

Почтеннѣйшее вашего высокоблагородія отъ 19 апрѣля писаніе, которымъ вы поздравляли съ праздникомъ Воскресенія Христова, съ душевнымъ моимъ удовольствіемъ получилъ и всеусерднѣйше благодарю васъ за оное. Вѣдая вашу слабость въ здоровьи, прошу васъ писать ко мнѣ тогда только, когда здоровье позволитъ. Я и самъ, и по немощамъ моимъ и по многочисленнымъ дѣламъ, скоро отвѣчать на получамые мною отзывы не въ состояніи. Теперь занимаюсь поправленіемъ ветхаго архіерейскаго дома, огромностію своею и Софійскому неуступающаго. Здѣсь имѣются три загородные развалившіеся домы, весьма худо обгороженные, окруженные впрочемъ прекрасными рощами и мѣстами къ садоводству удобными, которые также возобновляются. При сихъ я часто васъ вспоминаю, что вы келіи въ которой нынѣ обитаете, предполался немногими сотнями поправить, а начавши дѣло, нѣсколько тысячъ на сіе употребили. Теперь точно и со мною то случилось. Думалъ одни только необходимыя строенія поисправить, а прочее предоставить времени, но какъ при начатіи все ветхое рушилось, то и принужденъ теперь заняться житейскими попеченіями, которыхъ я и не предполагалъ. Впрочемъ и то меня немало утѣшаетъ, что здѣшніе жители во всемъ моемъ великое участіе пріемлютъ и по возможности успокоить меня стараются. Управившись съ починками, аще Господь восхощетъ и живъ буду, руководствуясь вашимъ садоводствомъ, предполагаю и обзаведеніемъ садовъ позаняться. Примѣчаніе ваше на счетъ служенія я практически выполняя, въ семъ вы-

Библиотека "Руниверс"

полненіи съ приращеніемъ времени, болѣе пріятности и удовольствій нахожу Здѣсь пѣвшіе церковное ирмолойное пѣніе къ моей отрадѣ весьма хорошо выполняютъ. Похвалюсь вамъ отличнымъ усердіемъ и любовію отца протоіерея Августиновича ко мнѣ, который меня любезными своими писаніямя нерѣдко посѣщаетъ. Я ему совѣтую, не теряя времени, опредѣляться въ семинарію. Призывая на васъ Божіе благословеніе, съ искреннѣйшимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и душевною преданностію, всегда пребуду м. г. вашего высокоблагородія усерднѣйшимъ слугою и богомольцемъ Антоній, епископъ Воронежскій.

Мая 30, 1827 года. Воронежъ.

V. Письма архитектора Николая Ефимовича Ефимова [1]).

(1826—1827 г.)

19. М. г. и почтеннѣшій благодѣтель Иванъ Романовичъ! Никогда я не ощущалъ такой великой радости, какъ нынѣ, ибо по пріѣздѣ моемъ изъ Воскресенска, я прямо нашелъ у себя на столѣ пакетъ съ бумагами и письмомъ моего благодѣтеля. Сія ваша довѣренность и расположеніе ко мнѣ, совершенно вознаградили мнѣ то несчастіе, которое со мною случилось на дорогѣ. Представьте, Иванъ Романовичъ, я выѣхалъ ночью изъ Можайска, былъ выброшенъ изъ повозки такъ неосторожно, что чуть не лишился правой руки; однако же, славу Богу! нынѣ уже поправился, а потому благодарю Всемогущаго болѣе за то, что помощію его воли могу теперь писать правою рукою къ вамъ и благодарить васъ чувствительнѣйше за тѣ попеченія, которыми я такъ много пользовался, живши въ Кіевѣ. А потому усерднѣйше прошу васъ, Иванъ Романовичъ, доставьте

---

[1]) Николай Ефимовичъ Ефимовъ. (р. 1799†1851), архитекторъ, учился въ Спб. академіи художествъ. Въ 1896 году занимался составленіемъ плана возобновленія Десятинной церкви, для чего пріѣзжалъ въ Кіевъ и изучалъ остатки храма на мѣстѣ.

Библиотека "Руниверс"

мнѣ случай показать вамъ на самомъ дѣлѣ мою чрезмѣрную благодарность, ибо сіе крайнимъ бы было моимъ утѣшеніемъ. Въ разсужденіи моихъ занятій, я осмѣливаюсь вамъ изъяснить, что я большую часть жилъ и занимался въ Воскресенскомъ монастырѣ, ибо тамъ я обязанъ былъ срисовать портретъ патріарха Никона и самый монастырь; теперь же живу въ Москвѣ, но въ теченіи полутора недѣли надѣюсь и въ оной всѣ дѣла мои покончить, и потомъ уже поѣду въ Звенигородъ, въ Новъгородъ и въ Петербургъ. Но не смотря на таковые скачки мои, я осмѣливаюсь надѣятся, что вы никогда не откажите мнѣ пользоваться вашими наставленіями и позволите отъ всюда прибѣгать къ вамъ, какъ наставнику моему, по важнѣйшимъ дѣламъ, ибо ваши наставленія столь сдѣлались для меня привычны, что я безъ оныхъ обходиться могу только съ величайшимъ трудомъ. Итакъ будте моимъ навсегда благодѣтелемъ и наставте того вашими полезнѣйшими наставленіями, который единственнымъ себѣ удовольствіемъ поставляетъ то, чтобы на всю мою жизнь быть въ вамъ съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ и совершенѣйшею преданностію, вашего высокоблагородія, милостивѣйшаго г—ря и почтенѣйшаго благодѣтеля, всѣпокорнѣйшій слуга Николай Ефимовъ. Сіе мое письмо придетъ уже къ вамъ въ 1827 годѣ, а потому примите мое усердное поздравленіе съ новымъ годомъ. Я вамъ осмѣливаюсь пожелать того, чтобы вся ваша жизнь состояла въ такомъ великомъ удовольствіи, каковое вы изливали на меня, во время вашихъ со мною бесѣдъ. Примите сіе, это отъ души. Бумаги, присланныя ко мнѣ, не премину тотъ часъ представить Алексѣю Николаевичу Оленину, какъ только пріѣду въ Петербургъ. Извините, но не желалъ бы растаться съ сей бумагой, ибо съ каждымъ днемъ я не перестаю о васъ вспоминать и думать.

Декабря 29 дня. 1826 г. с. г. Москва.

Если что удостоете мнѣ препоручить, то до 12 генваря я живу въ Звенигородѣ, а до 24-го въ Новѣ-городѣ, а послѣ уже въ Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

20. М. г. почтеннѣйшій благодѣтель Иванъ Романовичъ!

Чувствительнѣйше благодарю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Романовичъ, за рекомендацію и попеченіе объ мнѣ у высокопреосвященнѣйшаго владыки. Сія вѣсть столько меня обрадовала, что послѣ сего, если бы мои дѣла направили и худое теченіе, то и тогда бы я сказалъ съ восторгомъ: я былъ счастливъ, ибо съ помощію вашего расположенія и полезныхъ наставленій, удостоился по своимъ слабымъ трудамъ вниманія того человѣка, который есть одинъ изъ самыхъ высокихъ и просвѣщенныхъ особъ въ Россіи. И такъ, выразя сіе, недолжно объяснить, какое я чувствовалъ удовольствіе отъ прилежащихъ (sic) мнѣ трудовъ, препорученныхъ мнѣ высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Кіевскимъ Евгеніемъ. Мнѣ же сіе легко будетъ самому исполнить, ибо я всѣ свои чертежи рѣшился выгравировать, а потому прошу васъ объ одномъ только—увѣдомите меня, какъ вамъ оныя отсылать, частями или уже по окончаніи всѣ вообще?-сіе зависитъ отъ вашего распоряженія. 1 апрѣля я пріѣхалъ въ Петербургъ и немедленно выполнилъ ваши препорученія: первое, вручилъ письмо и посылку Ивану Петровичу. Сіе препорученіе доставило мнѣ нѣсколько минутъ пріятныхъ, во время бесѣды съ почтеннѣйшимъ Иваномъ Петровичемъ, Василіемъ Ивановичемъ Григоровичемъ и прочими особами, принадлежащими къ семейству его превосходительства; всѣ съ жадностію слушали все то, что я разсказывалъ о васъ и многіе мнѣ завидовали о семъ счастіи. 2-е, нѣсколько спустя, я представилъ тѣ описанія ваши, которыя были ко мнѣ доставлены въ Москву-г. президенту; его превосходительство съ большимъ любопытствомъ оныя прочитавъ, сказалъ мнѣ, что нехудо имѣть хотя маленькій кусочекъ отъ тамошней мастики и хотѣлъ о семъ написать письмо къ своему родственнику, въ той губерніи находящемуся. Какое будетъ дѣйствіе я сообщу подробно, а теперь скажу нѣсколько о себѣ. Съ помощію непріятныхъ и несправедливыхъ интригъ противъ меня господъ Анненкова и Лохвицкаго, мои дѣла на счетъ Десятинной церкви кончились такъ сказать ничѣмъ, ибо президентъ и мой благодѣтель былъ безпрестанно обезпокоиванъ раз-

Библиотека "Руниверс"

ными несправедливыми на меня доносами, не могъ имѣть удобнаго случая представить мой реставрированный проэктъ Десятинной церкви на всемъ ея пространствѣ, во всемилостивѣйшее вниманіе императора, а потому государь ни видавъ онаго, повелѣть соизволилъ г. архітектору Стасову для постройки церкви г. Анненкову составить проэктъ, который вы сами въ скорости увидите. Составленный проэктъ не на всемъ пространствѣ фундаментовъ, сдѣланъ во вкусѣ древней Россійской архитектуры, принадлежащей къ 16-му и 17-му столѣтіямъ. И такъ мой, реставрированный точно по вашимъ словамъ, сдѣлался бумажнымъ [1]) и недѣйствительнымъ. Не ожидая такого несчастнаго случая, можно было мнѣ потужить, и почти близокъ былъ къ этому; какъ вдругъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, во время представленія моихъ трудовъ г. президенту Алексѣю Николаевичу, услышалъ отъ его превосходительства лестныя одобренія, какъ за Кіевскія, такъ и за другія дѣла, совершенно успокоился и теперь одно только и занимаетъ меня, чтобы все свое собраніе привести въ совершенный порядокъ и окончаніе, и тогда можетъ быть отправлюсь въ чужіе края, дабы научиться знать тѣ погрѣшности, которыхъ теперь не примѣчаю. Въ Италію хочу поѣхать по тракту черезъ Кіевъ, ибо крайне желаніе имѣю еще почерпнуть что либо отъ васъ, почтеннѣйшій Иванъ Романовичъ. За симъ желаю вамъ добраго здоровья и благополучія, ибо оныя для многихъ будутъ еще нужны.

Честь имѣю быть къ особѣ вашей съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію, вашего высокоблагородія, м. г—ря, покорнѣйшій слуга Николай Ефимовъ. Просите кого либо изъ архитекторовъ Кіевскихъ срисовать крокѣ (sic) Софійскій соборъ съ сѣверной стороны, съ означеніемъ на планѣ всѣхъ куполовъ, и ежели возможно прислать также, хотя черновый рисунокъ, Спасской церкви съ однимъ куполомъ. Мнѣ сіе нужно, крайне нужно и въ скорости.

---

[1]) Я понимаю бумажнымъ, потому что по оному строиться не будетъ Десятинная церковь.

Библиотека "Руниверс"

Апрѣля 28 дня, 1827 года. Адресъ мой въ императорскую академію художествъ, на мое имя, въ С.-Петербургѣ.

Мое почитаніе засвидѣтельствуйте Максиму Федоровичу Берлинскому и скажите—я никогда его незабуду за его обо мнѣ попеченіе.

Библиотека "Руниверс"

Новыя открытія въ области древле-волынскаго бытописанія.

Истекающій 1896 годъ на вѣки будетъ отмѣченъ на скрижаляхъ исторіи, какъ годъ открытія рѣдчайшаго лѣтописнаго памятника, относящагося къ отдаленнѣйшимъ вѣкамъ нашей исторіи. Не нужно быть историкомъ-спеціалистомъ, достаточно быть просто образованнымъ человѣкомъ, чтобы понять и оцѣнить важность подобнаго счастливаго открытія. Когда легковѣренъ и молодъ я былъ, то, помнится, въ перемежку съ праздными мечтаніями о любви прекрасной королевны, я гораздо чаще и настойчивѣе мечталъ о другомъ: а что, еслибъ мнѣ посчастливилось открыть самую что ни есть древнюю лѣтопись, этакъ изъ временъ царя Гороха, или же такую древне-русскую поэму, передъ которой только ахнули бы почитатели „Слова о полку Игоревѣ!“ И право, еслибы Фортуна подслушала мои тогдашнія мечтанія и предложила осуществить одно изъ нихъ, на выборъ, то я сильно бы затруднился, что выбрать: прекрасную ли королевну, или подлинникъ „Слова о полку Гороховѣ“. Позже, когда я страстно увлекался древней исторіей Волыни, моей прекрасной родины, и до слезъ огорчался тѣмъ, что драгоцѣнная Ипатская лѣтопись такъ неожиданно прерывается подъ 1292 годомъ, оставляя изслѣдователя въ полныхъ потемкахъ относительно событій столь таинственнаго XIV и отчасти XV вѣковъ, я положительно терзался мыслью: неужели въ тогдашней Волыни не нашлось добраго и знающаго человѣка, который взялъ бы на себя благородный трудъ продолжить драгоцѣнныя сказа-

Библиотека "Руниверс"

нія Ипатской лѣтописи? Вѣдь, по сказаніямъ новѣйшихъ Волынскихъ историковъ, тамъ уже со временъ (или даже до временъ) св. Владиміра существовали и процвѣтали многіе и многіе монастыри, славившіеся не только святостью жизни иноковъ, но и раченіемъ ихъ въ „книжномъ почитаніи". Неужели же, думалось мнѣ, между ними не нашлось въ тѣ времена второго Нестора! И я тщательно рылся въ монастырскихъ библіотекахъ и разныхъ древлехранилищахъ, снѣдаемый страстнымъ желаніемъ отыскать хотя бы фрагментъ какой-нибудь мѣстной лѣтописи о событіяхъ XIV—XV вѣковъ; рылись тамъ же и многіе другіе ревнители книжной старины въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, и никому изъ нихъ не было суждено отыскать ничего, кромѣ громадной массы церковно-учительныхъ и богослужебныхъ рукописныхъ книгъ, но и то не древнѣе XV ст. И вотъ наконецъ въ исходѣ вѣка отыскано и явлено міру безцѣнное сокровище, о какомъ едва смѣли мечтать многіе историки: житомирскій протоіерей Н. Трипольскій открылъ подлинную *лѣтопись Почаевскаго монастыря*, веденную съ 1213 по 1441 годы. Когда именно совершилось это великое открытіе, достовѣрно неизвѣстно: Россійское телеграфное агентство, еще недавно съ такимъ шумомъ повѣдавшее orbi et urbi объ открытіи въ Харьковѣ въ университетской библіотекѣ какого-то письма Гете, по какому-то необъяснимому упущенію умолчало о несравненно болѣе важномъ житомирскомъ открытіи; во всякомъ случаѣ отрывки новоявленной Почаевской лѣтописи опубликованы въ самое недавнее время, въ 18, 25 и 26 №№ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей" вышедшихъ въ свѣтъ 21 іюня, 1 сент. и 11 сент. текущаго года. Можно пожалѣть, конечно, что такой безцѣнный въ научномъ отношеніи памятникъ опубликованъ въ столь скромномъ органѣ, пригодномъ, по мнѣнію волынскихъ матушекъ, единственно для печенія просфоръ. Безъ сомнѣнія, въ самомъ непродолжительномъ времени новооткрытый памятникъ сдѣлается предметомъ вниманія и изслѣдованія цѣлаго легіона ученыхъ, отрывки изъ него войдутъ даже въ учебныя христоматіи; а пока это случится, я крайне счастливъ, что на мою долю выпадаетъ лестная задача повѣдать о немъ болѣе широкой и ученой публикѣ.

Библиотека "Руниверс"

Подобно тому, какъ открытію Нептуна предшествовало рѣшительное убѣжденіе астрономовъ въ существованіи этой планеты, при чемъ ученый Леверрье заранѣе вычислилъ ея разстояніе отъ солнца, величину, массу, и даже указалъ мѣсто, гдѣ она должна быть видна на небѣ въ данное время,—нѣчто подобное случилось съ октрытіемъ и нашего памятника. Дѣло шло о древности Почаевскаго монастыря. Самое старинное документальное свидѣтельство объ этомъ монастырѣ—это извѣстная фундушевая запись 1597 года Анны Гойской, въ которой она пишетъ: „Такъ какъ въ моей маетности, при селѣ Почаевѣ, съ давнихъ временъ существуетъ каменная церковь въ честь Успенія Пречистой Богоматери, то, чтобы при той церкви было постоянно славословіе Божіе, я рѣшилась основать при ней монастырь для жительства въ немъ восьми чернцовъ... и на содержаніе ихъ я надаю въ пользу той св. Успенской церкви и будущаго при ней монастыря“... и проч. Судя по этому документу, Почаевскій монастырь былъ основанъ въ 1597 г. Но можно ли допустить, чтобы столь знаменитая обитель была столь недавняго происхожденія, когда на Волыни основаніе всякой маломальски старинной церкви или монастыря привыкли относить по меньшей мѣрѣ ко временамъ св. Владиміра? Давно уже волынскіе историки, ревнуя о славѣ Почаевской обители, прониклись убѣжденіемъ, что она получила начало едва ли не на зарѣ христіанства въ краѣ Волынскомъ; но чѣмъ доказать эту fidem bonam? До сихъ поръ обыкновенно ссылались на уніатскую книгу, изданную въ 1772 г., подъ названіемъ „Гора Почаевская“, въ которой, въ числѣ другихъ чудесъ, бывшихъ въ Почаевѣ, приводится извѣстное сказаніе о явленіи Божьей Матери на скалѣ и это чудесное событіе относится къ 1240 году; сверхъ того ссылались еще на хранящуюся въ лаврскомъ архивѣ рукописную книгу монастырскихъ исковъ и документовъ, составленную въ 1661 г., въ которой первоначальное поселеніе иноковъ на горѣ Почаевской также пріурочивается къ 1240 году. О. Трипольскій, вникнувъ въ это дѣло, совершенно основательно призналъ, что эти доказательства недостаточны и что вообще древняя исторія Почаевскаго монастыря мало изслѣдована. Изъ

Библиотека "Руниверс"

дѣлъ лаврскаго архива видно, что тамъ существовала нѣкогда книга подъ названіемъ „Памятникъ монастыря Почаевскаго". Книга эта давно исчезла; нѣкоторые историки полагали, что ее навѣрное уничтожили базиліане, „видя въ ней древній документъ многовѣковаго существованія православія въ Почаевской обители, рѣзко обличающій ихъ въ отступничествѣ". О. Трипольскій не успокоился этимъ предположеніемъ: онъ рѣшилъ, что исчезнувшій „Памятникъ" несомнѣнно „содержалъ всю древнѣйшую исторію Почаевской обители" и что его непремѣнно слѣдуетъ разыскать. „Кто ищетъ, тотъ и находитъ", сказалъ какой-то мудрецъ, а по пословицѣ—на ловца и звѣрь бѣжитъ. Такъ случилось и съ о. Трипольскимъ. Едва предпринялъ онъ свои розыски, какъ сразу же обрѣлъ и въ 15—17 №№ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей" 1896 г. напечаталъ никому невѣдомую доселѣ польскую базиліанскую рукопись подъ заглавіемъ: Monastyr Skit, составленную въ 1732 г. почаевскимъ провинціаломъ, „имя и фамилію котораго, по неразборчивости подписи, прочесть не возможно". Этотъ неразборчивый базиліанинъ повѣдаетъ чрезвычайно „странные глаголы" о началѣ Почаевской обители. По его словамъ, 25 ноября 1197 года (sic!)на Почаевскую гору съѣхались человѣкъ тридцать помѣщиковъ (?) изъ имѣній: Перегина, Будня, Львова и Кракова", въ числѣ коихъ поименованы: Центеръ и Потоцкій—„владѣльцы Галича и горъ Карпатскихъ", и владѣлецъ Тарнополя Янъ Туркулъ. Это были любители-охотники, имѣвшіе обычай дважды въ годъ, весною и осенью, съѣзжаться сюда для охоты и дружеской бесѣды. Въ означенный день, во время охотничьяго привала, они, сидя на Почаевской горѣ, разговорились о томъ, что есть на свѣтѣ люди, сомнѣвающіеся въ бытіи Божьемъ, между тѣмъ какъ одно внимательное созерцаніе красотъ природы могло бы разубѣдить этихъ неразумныхъ людей въ ихъ заблужденіи. Пока шла эта бесѣда, зашло солнце, наступила ночь, и охотники улеглись на покой. Вдругъ на свѣтъ горящаго костра появляется необычайный олень. Въ него выпустили 15 стрѣлъ, а онъ стоялъ неподвижно, а затѣмъ чудесно исчезъ, оставивъ послѣ себя слѣдъ какъ-бы падающей звѣзды. Весной слѣдующаго 1198 г. охотники снова прибыли на преж-

Библиотека "Руниверс"

нее мѣсто, и тутъ 17 апрѣля, ночью, они были свидѣтелями цѣлаго ряда чудесныхъ явленій, въ ознаменованіе коихъ ими была построена на скалѣ часовня; а скоро послѣ того пришелъ сюда изъ Греціи инокъ Меѳодій, поселился близъ часовни, видѣлъ здѣсь многія чудесныя знаменія и въ 1219 году заложилъ „Монастырь-Скитъ“, а самое мѣсто прозвалъ *Почадъвъ*, потому что здѣсь *почá* (начала) *Дѣва* являть свои чудеса. Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе новопостроенаго монастыря и исторія управленія имъ Меѳодіемъ, умершимъ 3 іюня 1228 года. Въ заключеніе словоохотливый базиліанинъ сообщаетъ и такія небылицы, будто въ Монастырѣ-Скитѣ въ XV ст. открыта была богословская школа вмѣстѣ съ типографіей и будто иноки оставили свою св. Гору лишь послѣ того, какъ Потоцкій построилъ для нихъ на новомъ мѣстѣ, хотя и по сосѣдству съ прежнимъ, новый монастырь. Отъ этого переселенія, заключаетъ авторъ, „весьма много утратила литература (sic!)“, такъ какъ-де иноки въ прежнемъ Скитѣ усердно занимались писательствомъ, преимущественно лѣтописаньемъ.

Мы начертали только самый краткій конспектъ новооткрытаго базиліанскаго произведенія, не приводя крайне любопытныхъ подробностей; но полагаемъ, что читатель и самъ съ изумленіемъ замѣчаетъ, какой яркій лучъ свѣта бросаетъ это произведеніе на древнюю исторію Волыни вообще и Почаевскаго монастыря въ частности. Но погодите изумляться, дорогой читатель: о. Трипольскій хвалится, что у него имѣется другая, еще болѣе любопытная базиліанская рукопись 1702 г., тоже на польскомъ языкѣ, въ которой подробно изложены жизнь и труды первооснователя Почаевскаго монастыря Меѳодія. Судя по нѣкоторымъ цитатамъ, приведеннымъ о. Трипольскимъ, эта послѣдняя рукопись будетъ куда „горше первой“, и намъ остается лишь выразить нетерпѣливое желаніе поскорѣе ознакомиться съ этой заманчивой новинкой.

Будь я на мѣстѣ о. Трипольскаго, я былъ бы вполнѣ доволенъ и тою „частью“, что явилъ міру двѣ замѣчательныя рукописи, проливающія столь яркій свѣтъ на исторію моей пре-

Библиотека "Руниверс"

красной родины. Но нашъ почтенный изслѣдователь не таковъ: ему положительно не даетъ покоя мысль—куда же дѣвался тотъ рукописный „Памятникъ Почаевскаго монастыря", о которомъ упоминается въ дѣлахъ лаврскаго архива? Онъ не хочетъ вѣрить, что базиліане совсѣмъ уничтожили его; какой-то внутренній голосъ шепчетъ ему, что онъ существуетъ, этотъ драгоцѣнный Памятникъ, и еще не потеряна надежда открыть его. По временамъ онъ какъ-бы видитъ его духовными очами, угадываетъ, съ какого именно года „Памятникъ" начинается, предвидитъ его содержаніе и даже, по какому-то наитію, кое-что впередъ цитируетъ изъ него. Съ каждой строкой рѣчь его о „Памятникѣ" становится все загадочнѣе: „Книга эта доселѣ никѣмъ надлежаще не изслѣдована и въ цѣломъ своемъ видѣ нынѣ она не существуетъ, а оказывается разорванною и разбросанною... Если удастся найти эту книгу, или лучше, составить ее изъ частей, на которыя она разорвана,—*на что имѣется нѣкоторая доля надежды*,—тогда можно будетъ точно опредѣлить" и проч.; а еще нѣсколькими строками ниже читаемъ: „на основаніи же тѣхъ сравнительно немногихъ отрывковъ этого „Памятника", *которые имѣются у насъ подъ руками*, мы можемъ указать на слѣдующую особенность его"... и т. д. Это было сказано въ № „Вол. Епарх. Вѣдомостей" отъ 1 іюня, а черезъ три недѣли послѣ того о. Трипольскій началъ обнародывать эти таинственные отрывки подъ скромнымъ именемъ „Документовъ, относящихся къ древней исторіи Почаевскаго монастыря", заявивъ, что документы эти „составляютъ частную собственность одного намъ извѣстнаго лица". Видно, что это лицо скупо дѣлилось съ издателемъ своими сокровищами, или же поступало, какъ разсчетливая хозяйка, угощающая блинами: скушаютъ гости десятокъ блиновъ—подается другой, а тѣмъ временемъ готовится третій и т. д., а разомъ весь запасъ не ставится на столъ. Напечатавъ три первыхъ отрывка, о. Трипольскій объясняетъ: „уже мы заканчивали настоящую нашу замѣтку, какъ совершенно неожиданно намъ доставленъ еще одинъ документъ"; а послѣ четвертаго номера опять слѣдуетъ объясненіе: „нельзя

Библиотека "Руниверс"

не пожалѣть о томъ, что мы лишены возможности предлагать читателямъ нашимъ документы эти въ хронологическомъ порядкѣ; но съ этимъ обстоятельствомъ поневолѣ должно мириться; слѣдуетъ напротивъ радоваться и тому, что представляется возможность знакомиться съ этими документами въ такомъ порядкѣ, въ какомъ попадаютъ они въ наши руки". Этой разрозненностью поступленія матеріаловъ слѣдуетъ объяснить то обстоятельство, что о. Трипольскій въ первое время какъ-будто не сознавалъ, какой безцѣнный памятникъ онъ обнародываетъ. Только послѣ четвертаго отрывка онъ разобралъ наконецъ, въ чемъ дѣло, и отмѣтилъ: „теперь мы съ полною увѣренностью утверждаемъ, что документы эти—части именно древней рукописной книги „Памятникъ монастыря Почаевскаго", не уничтоженной въ конецъ врагами православія, а только лишь разорванной... и кѣмъ-то сохранно подобранной. Есть надежда—постепенно собрать всѣ эти важные отрывки—а ихъ весьма много—и такимъ образомъ возстановить въ цѣломъ видѣ древній рукописный „Памятникъ" православнаго монастыря Почаевскаго... Будемъ ждать и желать скорѣйшаго исполненія такой надежды". Съ тѣхъ поръ о. Трипольскій издалъ пока *десять* значительныхъ отрывковъ, составляющихъ итого 28 печатныхъ страницъ; изъ нихъ 7 отрывковъ лѣтописныхъ (1224—1441 гг.), два документальныхъ (1213 и 1414 гг.) и одинъ стихотворный (1415 г.).

Такова въ краткихъ чертахъ исторія замѣчательнѣйшаго открытія въ области древле-волынскаго бытописанія. Нѣтъ сомнѣнія, что историки, ознакомившись съ новооткрытымъ памятникомъ, придутъ въ неописанное ликованіе, но палеографы, я знаю, будутъ нѣсколько огорчены: дѣло въ томъ, что почтенный издатель очень уже поскупился дать хотя бы краткое описаніе открытаго памятника.На чемъ онъ написанъ—на пергаментѣ или берестовой корѣ, чѣмъ писанъ—чернилами или киноварью, объ этомъ не говорится ни слова, а лишь упоминается, что подлинники „писаны на славянскомъ языкѣ, довольно правильнымъ полууставомъ, и сохранились прекрасно, почти безъ малѣйшаго поврежденія", и что на каждомъ изъ нихъ обозначенъ особый

Библиотека "Руниверс"

счетъ страницъ римскими буквами, изъ чего можно заключить, что они представляютъ отдѣльныя части какой-то цѣлой тетради или книги. Конечно, этого очень мало для палеографовъ, и они, вѣроятно, попросятъ у издателя дополнительныхъ поясненій.

Впрочемъ, что мнѣ за дѣло до того, будутъ ли огорчены господа палеографы! Я имъ ни сватъ, ни братъ, а къ историкамъ издавна питаю слабость, родъ недуга, ибо и самъ мечтаю сдѣлаться историкомъ—если не всероссійскимъ, то хотя бы волынскимъ,—и потому съ безмятежнымъ ликованіемъ приступаю къ ознакомленію ихъ съ перлами и адамантами новооткрытаго сокровища. Предупреждаю, однако, что они узнаютъ много такого, что принудитъ ихъ отказаться отъ многихъ предразсудковъ, доселѣ признаваемыхъ ими за доказанныя положенія въ ихъ наукѣ. Еще большая непріятность въ этомъ отношеніи угрожаетъ господамъ россійскимъ филологамъ: всѣ ихъ изысканія въ области древнерусскаго языка окажутся не стоющими и поломаннаго гроша, и имъ волей-неволей прійдется начать дѣло сначала.

Древнѣйшій изъ новообрѣтенныхъ отрывковъ—это дарственная запись знакомаго уже намъ любителя охоты Михаила Центера Почаевскому монастырю на „землю десять волокъ съ лѣсомъ и хотаръ (хуторъ) Комната“, выданная „оу градѣ Маковѣ, ѧ͠ѕ͠г͠ год, ѧ͠і͠ февруар“, т. е. 11 февр. 1213 года. Здѣсь что ни слово, то яркій лучъ, особымъ свѣтомъ освѣщающій давнопрошедшую жизнь моей родной Волыни. Начать съ того, что этотъ документъ въ подлинникѣ озаглавливается: „*дыпломатъ*“; ну, кто бы могъ подумать, что такой латинскій терминъ уже употреблялся на Волыни въ самомъ началѣ XIII ст.! Не даромъ и фамилія дарителя такъ напоминаетъ римскихъ центуріоновъ. А кто такой былъ этотъ самый Центеръ? Галицкій или волынскій бояринъ? Вовсе нѣтъ, это была владѣтельная особа; вотъ какъ онъ самъ себя титулуетъ: „Михаилъ Центеръ, воевода Божіею милостію, господаръ земли владсной (sic) на горѣ чуда пресвятой Дѣвы Маріи Почадѣва“ (т. е. Почаева). Очевидно, въ тѣ времена (вѣкъ Романа и Даніила) между Галичемъ и Волынью

Библиотека "Руниверс"

существовало какое-то независимое государство *Почадъвское,* о которомъ историки до сихъ поръ и не слыхивали. А какимъ мудренымъ языкомъ писали въ этомъ Почадѣвскомъ государствѣ! Пусть-ка господа филологи объяснятъ хотя бы эту тираду изъ „дыпломата“: „Почто сы люди чужди отъ лядской земли, и того ради да неимаетъ ни какая потребу съ послушницы ни хансари да не изводятъ отъ нихъ, и въ за всѣхъ антерахъ да будутъ въ покои“. Существовала въ Почадѣвскомъ государствѣ и отдѣльная епархія; по крайней мѣрѣ такъ надо понимать слова Центера, когда онъ говоритъ, что дѣлаетъ даръ монастырю „съ нашимъ благимъ хотеніемъ и благословеніемъ *святителемъ* нашимъ Меѳодіемъ“. Въ одномъ изъ лѣтописныхъ отрывковъ, обрѣтенныхъ о. Трипольскимъ, этотъ Меѳодій именуется даже *патріархомъ*. Возникаетъ вопросъ: не существовалъ ли въ древнее время особый, независимый отъ Константинопольскаго, патріархатъ Почадѣвскій, и не ему ли обязана св. крещеніемъ Волынская земля?

Итакъ, вотъ какую кучу новинокъ обрѣли мы въ одномъ лишь небольшомъ документѣ, занимающемъ всего $1^1/_2$ печатныхъ страницы. Чего же ждать можно отъ лѣтописи!

Древнѣйшіе лѣтописные отрывки, обрѣтенные о. Трипольскимъ, относятся къ 1224—26 годамъ. Здѣсь первыя строки уже въ состояніи повергнуть нашихъ историковъ въ полное оцѣпенѣніе: „Рокъ ѯ҃кд҃ (1224) былъ весьма печаленъ: появившася великое множество Татарина въ князствѣ Русскомъ, ктерія опустошая градъ огнемъ и мечемъ“. Вы полагаете, читатель, что рѣчь идетъ о первой встрѣчѣ русскихъ съ татарами въ Половецкой землѣ, на р. Калкѣ? Но вотъ что повѣствуется дальше: „Въ той часъ татаринъ опустошилъ дванадесятъ града, изъ коихъ ни іединъ домъ не цѣленъ былъ“: „градъ Борщовъ, на рѣцѣ Роси, въ немъ же попалено огнемъ четыре святыни православна и іедина греческа, и друзи на той же рѣцѣ: Кошев, Воловодъ и Обозовъ. Друзи грады подпадоша разграбу, мечу и огню: Буговъ, при рѣцѣ Роскѣ, Плосковъ, Живоградъ и Темереновъ“, да еще Зозовъ.—Я рѣшительно недоумѣваю,

Библиотека "Руниверс"

какъ господа историки пріймутъ это извѣстіе, столь противорѣчащее общепринятому мнѣнію, будто южная Русь подверглась татарскому опустошенію не раньше конца 1240 года. Выходитъ одно изъ двухъ: либо почадѣвскій лѣтописецъ плохо выучилъ учебникъ исторіи Иловайскаго въ Почадѣвской семинаріи (была таковая уже въ XIII в., какъ ниже увидимъ), либо ошибаются всѣ извѣстныя доселѣ древнерусскія лѣтописи. Конечно, какъ природный волынецъ, я всецѣло склоняюсь къ послѣднему предположенію. Жаль, конечно, цѣлыхъ двѣнадцати „градовъ", столь преждевременно подвергшихся „разграбу, мечу и огню"; но если принять во вниманіе, что объ этихъ „градахъ" мы до сихъ поръ и слыхомъ не слыхали и что населеніе ихъ, по сказанію почадѣвскаго лѣтописца, благополучно ушло въ Почадѣвскій монастырь и населило цѣлый рядъ монастырскихъ „хотаровъ" (хуторовъ), то, по правдѣ сказать, и жалѣть не о чемъ.

Татарское нашествіе 1224 года нисколько не помѣшало процвѣтанію наукъ и искусствъ въ Почадѣвскомъ государствѣ: по свидѣтельству новаго лѣтописца, „въ томъ же року преполобный Меходый (это извѣстный уже намъ патріархъ Меѳодій) избудовавъ для законниковъ *училину главну* на сто учениковъ"— рѣчь идетъ, очевидно, о постройкѣ зданія для духовной семинаріи, а можетъ быть и академіи. Въ послѣдующемъ 1227 году тотъ же Меѳодій „выстроилъ (въ) збудованѣмъ домѣ законниковъ *виблію* монастыру на св. горѣ Пресвятои Дѣвы Маріи Почадѣва в ни Библютеку за трома одѣла, а одѣлъ іесмъ перьвое главна тоя монастиръ. Завѣдоша тѣмъ іеромонахъ Ѳеоѳаній". Насколько я разумѣю Почадѣвское нарѣчіе, здѣсь идетъ рѣчь о постройкѣ помѣщенія для монастырской библіотеки съ тремя отдѣлами и о назначеніи „завѣдующаго", т. е. библіотекаря; такъ понимаетъ это мѣсто и ученый коментаторъ новооткрытой лѣтописи о. Трипольскій.

„Року 1224 на монастыру, по права сторонѣ, оустроенъ велій *часовинъ* паномъ Центеромъ коштомъ 400 злотій". О. Трипольскій толкуетъ это сказаніе такъ, что рѣчь-де ведется объ устройствѣ въ монастырѣ часовъ. Судя по значительной стои-

Библиотека "Руниверс"

мости ихъ, я полагаю, что это были не песочные и не солнечные часы, а очевидно, механическіе, съ боемъ или даже съ музыкой, т. е. такіе, какихъ и не было еще въ то время въ Европѣ. Вотъ какъ высоко стояло искусство въ Почадѣвѣ уже въ началѣ XIII столѣтія! Къ сожалѣнію, щедрый благотворитель не долго наслаждался созерцаніемъ этого дивнаго произведенія искусства: „въ томъ же року (читаемъ въ лѣтописи), октоврія 10, совершенъ обрядъ надъ оумерщвленимъ тѣломъ пана Центера препод. Меходемъ и погребенъ въ Поча-Дѣву". Кѣмъ и за что былъ „умерщвленъ" этотъ добродѣтельный мужъ—лѣтописецъ не говоритъ ни слова. Вѣроятно, съ цѣлью навѣстить печальную его вдову, 15 августа 1226 года въ Почадѣвъ пріѣзжалъ какой-то „князь Георгій к Всеволодъ и здѣ засѣдоша трое дни".

Опуская затѣмъ цѣлый рядъ сказаній о чудесахъ и знаменіяхъ, явленныхъ въ тѣ годы „чудотворнымъ икономъ (sic!) Пресвятой Дѣвы Маріи на горѣ Поча-Дѣва", мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что въ этихъ сказаніяхъ рѣчь идетъ не о нынѣшней чудотворной Почаевской иконѣ Б. Матери, принесеніе которой изъ Греціи на Волынь, по единогласному свидѣтельству даже волынскихъ историковъ, совершилось всего лишь въ 1559 году, а о какой-то другой, неизвѣстно гдѣ нынѣ находящейся.

Переходимъ къ разсмотрѣнію слѣдующихъ лѣтописныхъ отрывковъ, относящихся къ годамъ: 1301, 1310, 1413, 1440, и 1441. И здѣсь, конечно, что ни строка, то яркій лучъ, ослѣпляющій глаза довѣрчиваго читателя; но краткости ради, мы извлечемъ лишь одни перлы и адаманты.

„Року ѯ҃ѧта (1301), сентября к҃ дня монастыръ Почадѣва былъ въ великомъ расторствѣ и смутѣ: по близѣ на востоцѣ въ сей окрести появиша (sic) невѣрный душегубинаръ татаринъ въ велицей туцѣ подъ владыцемъ Данатера и въ велицемъ страсѣ граби грады и пустоша огнемъ и мечемъ, яко множіе народи притекоша монастыру..." и проч. Далѣе перечисляются разоренные татарами города: „градъ *Жити-мирно* [1]) на брегѣ рѣцѣ

[1]) Т. е. Житомиръ. По поводу происхожденія этого имени не могу удержаться отъ замѣчанія: какъ многозначительны вообще наименованія почти всѣхъ

Библиотека "Руниверс"

Тетера, при упадѣ рѣци маліей“ (NB Не могу не замѣтить хоть въ скобкахъ: о какъ поразительно плохо преподавался церковно-славянскій языкъ въ Почадѣвской семинаріи тѣхъ вѣковъ!); градъ *Кодень*, славенъ въ таргу; градъ *Слободевъ*, *Славицъ*, *Зозевъ* и др. Итакъ, вотъ когда только Волынская земля подверглась татарскому нашествію, а не въ 1241 г., какъ насъ доселѣ учили! Пріймите это къ свѣдѣнію и руководству, гг. преподаватели исторіи въ волынскихъ „оучилинахъ“.

Въ томъ же 1301 году прибыла въ Почадѣвскій монастырь „жена князя Даніила (Романовича) Анна“ съ малолѣтними дѣтьми: Георгіемъ 11-ти лѣтъ и Василіемъ 9-ти лѣтъ. Воображаю, какая это была древняя старуха, если вспомнить, что она выходила замужъ еще въ 1213 году! Еще удивительнѣе, какъ она могла имѣть малолѣтнихъ дѣтей, когда князь Даніилъ скончался въ 1264 году. Ипатская лѣтопись, перечисляя сыновей князя Даніила, даетъ имъ совсѣмъ другія имена; но почадѣвскій бытописатель, очевидно, не знакомъ съ этой лѣтописью.

Въ 1310 году, декабря 13, пришли въ Почадѣвъ 15 человѣкъ изъ Чехіи, Моравіи, Венгріи и стали разсказывать „о великомъ бѣдищи, ктерое запановало въ странахъ ихъ: появилися отъ Папы великіе объязы въ вѣрѣ католическія, за непризнаніе и неисполненіе (коихъ) отдаютъ казни великой: іединаго предаютъ огню на надровни, на степу, другіе на кручахъ жива за тѣла повѣшени зостаютъ... наставницы Папы, повсюду блукая съ грамотами и вынужая послѣдню пѣню, за грѣхъ тое не раховали, ибо должны суму велику выручити съ народа и Папѣ вручити“... и прочіе неподобные глаголы. Пришелъ съ ними и епископъ Прагельскій (Пражскій?) Береговичъ, „имѣя глази въ вѣцѣ тѣни“. Получивъ исцѣленіе предъ образомъ Богородицы, онъ далъ монастырю въ даръ 75 тысячъ „злотій“ и самъ „при-

---

поселеній Волынскихъ! Кромѣ *Поча-Дѣва* (Почаева) и *Жити-мирко*, укажу еще два-три примѣра: с. *Тихомль* получило названіе отъ того, что тамъ была мельница, которая „*тихо молола*“; с. *Перемиль*—тамъ мельница „*перемалывала*“; с. *Боремель*—мельница такъ громко молола, что народъ говорилъ: „*якъ боръ меле*“ и проч. (См. Историко-стат. описаніе церквей Вол. епархіи).

Библиотека "Руниверс"

нялъ санъ мниха". Послушаніе его состояло вотъ въ какомъ трудѣ: „Того же року, 21-го децембрія, выправенъ велицей отодѣлъ на 10 человѣкъ старшаго оученика для вѣдена іязыца латинаго; въ оучители призначенъ Береговичъ". Итакъ, вотъ съ какого именно времени почадѣвскіе семинаристы стали обучаться латинскому „языцу"! Вѣроятно, по этой причинѣ они и стали писать свою лѣтопись такимъ страннымъ „язычіемъ", какъ, напримѣръ: „Децембрія 22 *выполненъ чинъ* погребенія игумена Павла съ *велицею парадою*"... Оумеръ онъ, имѣя лѣтъ отъ *родія своя* 125". Въ приведенныхъ доселѣ выпискахъ читатель могъ видѣть еще болѣе характерные образцы того же „язычія".

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше Почаевъ становится какимъ-то центральнымъ убѣжищемъ, къ которому тяготѣютъ едва ли не всѣ концы вселенной. Разорятъ ли татары какую область, начнетъ ли папа жечь еретиковъ или грабить вѣрныхъ католиковъ, случится ли въ какой странѣ потопъ, гладъ, нашествіе иноплеменныхъ, междуусобная брань—всѣ уцѣлѣвшіе отъ погрома идутъ, какъ домой, въ Почаевскій монастырь, заселяютъ его „хотары" (хутора) и живутъ тамъ припѣваючи. Выше мы приводили подобные факты, отмѣтимъ еще два-три новыхъ. Въ декабрѣ 1310 года „придоша путешественники изъ далей страны, отъ берегъ хладнаго водою мора", потому что тамъ „запановали смуты и бѣдища велици: сосѣди невѣрни засѣдоша болоти въ лѣси глушиномъ Кураливы и разгромиша до 50 града въ власти Новагограда и до 30 градовъ въ власти Юрева". Подъ 1440 годъ отмѣчено: „прибыша множіе народи изъ страны дальней, изъ градовъ по рѣцѣ Днѣстру и Вольги, и благали монастыря, жебы пособити имъ заселити въ сей странѣ сѣдалины (?) для прежитины въ тишеного смиренно" (каково язычіе!!); имъ дали „хотари въ окрести монастыря Трипогори" (Тригорскаго). Въ слѣдующемъ 1441 году опять „притекоша множіе народи" изъ Москвы и другихъ мѣстъ сѣверовосточной Руси и „повѣдаша, яко смуты въ Русскомъ княжествѣ появишася за *пасъ* (поясъ) велицей цѣны", а начались эти смуты въ Москвѣ „во время пираженства (свадьбы) князя Василія 2-го". Въ числѣ пришель-

Библиотека "Руниверс"

цевъ, къ удивленію, оказалась и мать московскаго великаго князя Василія Васильевича, княгиня Софья Витовтовна, прибывшая сюда подъ строгимъ инкогнито. Она открыла тайно игумену свое имя и санъ и пренелѣпымъ языкомъ повѣдала ему несладную повѣсть о ссорѣ князей, приключившейся на свадьбѣ ея сына изъ-за украденнаго и опознаннаго на Вас. Косомъ драгоцѣннаго пояса. Разсказъ ея представляетъ какъ-бы рабское подражаніе повѣствованію Карамзина о томъ же событіи. Къ сожалѣнію, лѣтописецъ умалчиваетъ о томъ, приняла ли московская великая княгиня „монасій законъ“ въ Почаевской обители, или же поселилась въ одномъ изъ ея „хотаровъ“.

Наконецъ, въ томъ же году „прейшли 2 римско-католич. священника изъ града Вильна, Доминикъ Монацеввити и Казиміръ Коновецкій, „для отданя чести Матки Божей“, получили здѣсь исцѣленіе и, вѣроятно, были назначены на должности штатныхъ преподавателей итальянскаго и „латинаго языцовъ“ въ Почадѣвской академіи.

На этомъ, къ сожалѣнію, прерываются доселѣ опубликованные отрывки Почадѣвской лѣтописи. Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ будемъ ожидать ихъ продолженія, согласно великодушному обѣщанію о. Трипольскаго.

Кромѣ лѣтописныхъ сказаній, въ тѣхъ же отрывкахъ найдено доселѣ три документа. Объ одномъ изъ нихъ, *дипломатѣ* 1213 года, мы уже говорили; другой относится къ 1414 году и представляетъ что-то въ родѣ окружной грамоты, изложенной такимъ тарабарскимъ... то бишь почадѣвскимъ нарѣчіемъ, что я, при всемъ стараніи, не понялъ въ ней ни бельмеса. По изъясненію же извѣстнаго знатока сего нарѣчія о. Трипольскаго, грамота эта представляетъ будто бы подробное описаніе того, какъ производились въ древнемъ Почаевскомъ монастырѣ выборы игумена. Между прочимъ, избираемый долженъ былъ клятвенно засвидѣтельствовать преданность свою православной вѣрѣ, что необходимо было особенно въ то время: „зане ереси и въ той часъ *проклятои оуніи* плевело непріятель размножилъ бяше“. Это единственное удобопонятное мѣсто въ грамотѣ повергаетъ

Библиотека "Руниверс"

меня въ неописуемое недоразумѣніе: о какой *уніи* (да еще *проклятой*) здѣсь говорится?! О. Трипольскій, съ свойственною ему находчивостью, рѣшаетъ быстро: о Флорентійской. Но вѣдь даже лицамъ, не учившимся въ семинаріи, хорошо извѣстно, что Флорентійская унія состоялась лишь въ 1439 году, а грамота писана въ 1414 году. Тутъ что-то да не такъ! Приглашаю о. Трипольскаго разрѣшить это забавное недоразумѣніе.

Остается еще третій и послѣдній документъ; но я не спроста приберегъ его для самаго конца моей бесѣды. Это уже не грамота и не сухая лѣтопись—это поэтическая жемчужина. Любите ли вы, читатель, стихи? Я, признаюсь, безъ ума отъ нихъ и кое-что самъ кропаю риѳмованною рѣчью. А приходилось ли вамъ почитывать стишки этакъ временъ царя Гороха или того древнѣе? То-то что не приходилось. Такъ вотъ пользуйтесь счастливымъ случаемъ: о. Трипольскій открылъ стихотворную „*Пѣснь справедливому и святому Меѳоду Почаевскому*“, котораго онъ считаетъ основателемъ знаменитаго монастыря того же имени. На подлинномъ стихотвореніи есть помѣта, что оно записано 22 сентября 1415 года; но, судя по тому, что этотъ Меѳодій скончался въ 1228 году, означенное стихотвореніе можно относить по крайней мѣрѣ къ половинѣ XIII ст. Какова древность! Вотъ эта драгоцѣнная жемчужина:

Велыкый предъ Богомъ въклеіоный вкоронѣ,
Походню свѣта, родаковъ патронѣ!
Славу въ Почаевѣ на скальце въ монастыру
О то даешъ вѣру...
Живъ же святый патріархъ въ Почаевѣ на славу,
Іаснивъ, іакъ солнце, по всихъ краяхъ
И правдою въ рѣчахъ...
Въпавъ въ невирность народа невирного,
Же твоими нападамы вылыкая слава на ныхъ повлыяла,
Выклынаешъ, прыступу не даешъ,
Въ монастыру Почаевскомъ лаешъ (sic)... и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Неправда ли, какая величавость тона, античная простота слога и выразительность языка! Только позднѣйшія почаевскія псальмы, особенно переиначенныя безграмотными лирниками, нѣсколько приближаются къ этому неподражаемому образчику древле-волынской лирики.

Оканчивая этимъ мою бесѣду объ открытіяхъ, столь счастливо совершенныхъ о. Трипольскимъ, не могу не выразить опасенія, какъ бы не пришлось ему подвергнуться обычнымъ огорченіямъ, какія всегда и вездѣ постигали великихъ изобрѣтателей. Извѣстно, какой это завистливый народъ господа ученые и какъ подозрительно и недоброжелательно относятся они ко всему, что идетъ въ разрѣзъ съ привычными для нихъ понятіями и фактами. Вѣдь находились же такіе скептики, что осмѣливались подвергнуть сомнѣнію подлинность даже „Слова о полку Игоревѣ!“ Боюсь, какъ бы не случилось того же и съ драгоцѣнными памятниками, открытыми о. Трипольскимъ: найдутся, чего добраго, злонамѣренные скептики и начнутъ придираться: и то не вѣроятно, и другое не правдоподобно, и третье сомнительно. Конечно, почтенный о. Николай тотчасъ предъявитъ имъ подлинные пергаменты или листки корельской березы—и злые навѣты разсѣются аки дымъ отъ лица огня; а все же, знаете, нѣсколько обидно такое недовѣріе. А по моему разсужденію, всякое сомнѣніе въ этомъ дѣлѣ совершенно неумѣстно: о. Трипольскій самъ человѣкъ ученый, навѣрное магистръ какой-либо герменевтики или другой подобной науки и, слѣдовательно, въ состояніи отличить подлинную древность отъ поддѣльной. Нѣтъ, прочь недостойное сомнѣніе! Ликуй и веселися, Волынская земле! Отнынѣ ты ничимь же меньши въ колѣнахъ Іудовахъ: изъ тебе бо изыде почадѣвскій лѣтописецъ. Хвалитъ похвальными гласы Россійская страна графа Мусина-Пушкина, открывшаго „Слово о полку Игоревѣ“; похвалимъ же и мы, о волынцы, по силѣ нашей, великая и дивная сотворшаго нашего соотчича Н. Трипольскаго, иже яви міру перло многоцѣнное изъ области нашего древняго бытописанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ ждать и надѣяться,

Библиотека "Руниверс"

что нашъ почтенный соотчичъ станетъ и впредь продолжать столь счастливо имъ начатыя изысканія и еще извлечетъ изъ праха забвенія не одно сокровище сѣдой старины. По крайней мѣрѣ, я твердо убѣжденъ, что эпоха великихъ открытій въ этой области еще только наступаетъ для Волыни и что настанетъ нѣкогда день, когда сбудется наконецъ златая мечта моей юности — будетъ явлено міру „Слово о полку Гороховѣ". Qui vivra—verra.

Волынецъ.

Новыя данныя о союзахъ неженатой молодежи на югѣ Россіи.

„Парубоцкія и дивоцкія громады не разъ уже привлекали къ себѣ вниманіе изслѣдователей народнаго быта. Одни признавали въ нихъ слѣды первобытныхъ брачныхъ формъ (Чернышевъ), другіе—остатки церковныхъ братствъ (Василенко и Боржковскій), третьи—пытались примирить эти два взгляда (проф. Сумцовъ) [1]). Мы лично держимся примирительнаго взгляда, но думаемъ, что въ названныхъ „громадахъ“ болѣе остатковъ первобытныхъ, чѣмъ историческихъ формъ жизни. Но вопросъ объ эволюціи семьи и брака въ послѣднее время подвергнутъ въ наукѣ новому пересмотру; теоріи, недавно считавшіяся послѣднимъ словомъ науки, не удовлетворяютъ болѣе; дѣлаются новыя попытки построенія исторіи семьи; и пока наука не выработала прочныхъ основаній для новаго теоретическаго построенія, мы считаемъ для себя преждевременнымъ пускаться въ сравнительное истолкованіе подробностей устройства и жизни „громадъ“, которое представляетъ собою путь особенно скользкій для лицъ, по мѣсту жительства, лишенныхъ, подобно намъ, возможности пользоваться большой библіотекой. Поэтому ограничиваемся здѣсь сводомъ фактическихъ свѣдѣній, собранныхъ нами по особой программѣ изъ разныхъ мѣстъ юга Россіи, преимущественно, впрочемъ, изъ херсонской губ., держась того мнѣнія, что факты

[1]) Статьи означенныхъ авторовъ напечатаны въ „Кіевск. Стар.“ 1885—87 и 90 года.

Библиотека "Руниверс"

долговѣчнѣе теорій, и что съ собираніемъ и опубликованіемъ этнографическихъ фактовъ необходимо спѣшить [1]).

Главнымъ и всеобщимъ условіемъ поступленія въ парубоцкую громаду является возрастъ. Онъ колеблется между 16 и 18 годами, при чемъ громада обращаетъ вниманіе на ростъ и физическую силу новаго товарища, имѣя въ виду пріобрѣсти въ немъ надежнаго бойца, на случай, если придется охранять свой кутокъ отъ другихъ парубоцкихъ громадъ (Ингульская Каменка, александрійскаго уѣзда, Эд. Іодковскій). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при появленіи новаго парубка на вечерницѣ, если онъ покажется недостаточно зрѣлымъ, дивчата встрѣчаютъ насмѣшкой: „сему треба дать ц... и“, говорятъ онѣ, и парубчакъ уходитъ посрамленный (с. Погребки, новгородъ-сѣверскаго уѣзда, М. В. Рклицкій).“ Въ прежнее время водилось такъ (пишетъ К. Д. Морозъ): какъ не ходитъ косить да молотить, такъ тотъ еще и не парубокъ, его и гулять не пустятъ, а если выйдетъ, то ему очкуръ перервутъ, а то зимою на досвиткахъ заставятъ дивчатъ достать сажи изъ печи, разведутъ водою, потомъ вытащатъ въ сѣни, разстегнутъ штаны, да въ штаны и вылютъ. (Глодоссы, елисаветгр. уѣзда“. Исключеніе въ пользу младшаго возраста допускается иногда для сыновей крестьянъ зажиточныхъ или занимающихъ почетныя должности волостного старшины, сельскаго и церковнаго старосты и проч. (Южная Кіевщина и югъ александрійск. уѣз.,—Т. И. Осадчій).

Если въ семьѣ есть нѣсколько сыновей, то между ними обыкновенно соблюдается очередь при поступленіи въ громаду. Такъ, въ с. Петроостровѣ елисаветград. уѣзда младшій братъ не смѣетъ парубковать до тѣхъ поръ, пока старшій не женится, или не пойдетъ на службу; если же случится, что меньшой парубкуетъ одновременно со старшимъ, то говорятъ, что „меньшый

---

[1]) Свѣдѣнія сообщили: Т. И. Осадчій, М. В. и В. В. Рклицкіе, М. С. Крыжановская, Н. И. Борисовъ, А. Ѳ. Цимбиди, А. Школа, И. А. Римскій, А. Малиновскій, Л. Воликовскій, Эд. Іодковскій, С. Гирскій. Всѣмъ названнымъ лицамъ свидѣтельствуемъ искреннѣйшую и живѣйшую благодарность.

Библиотека "Руниверс"

пидвернувъ (иначе: засадывъ) старшого брата пидъ корыто (И. А. Римскій; тоже въ Глодоссахъ, по словамъ К. Д. Мороза)". Въ послѣднемъ случаѣ возникаютъ даже ссоры между братьями. Иногда братья признаютъ болѣе удобнымъ поступать въ разныя громады (Антоновка, елисаветгр. уѣзда, Л. Воликовскій). Если старшій долго не женится, а младшій достигъ уже парубоцкаго возраста, то отецъ укоряетъ старшаго, говоря, что пора уже ему уступить мѣсто младшему (Трушки, васильков. уѣзда, А. Малиновскій). Нарушеніе очереди нарушается иногда въ томъ случаѣ, если младшій физически развитѣе старшаго (Шамраевка и Трушки, васильков. уѣзда, А. Малиновскій).

Согласія родителей для поступленія въ парубоцкую громаду обыкновенно не требуется; иногда даже этотъ фактъ совершается безъ вѣдома послѣднихъ (Шамраевка). Но родители относятся къ этому факту различно: для нѣкоторыхъ изъ нихъ сынъ, достигшій парубоцкаго возраста, составляетъ предметъ гордости; самъ отецъ снаряжаетъ его въ первый его выходъ къ парубкамъ, напутствуя словами: „иды, сыну, уже пора тоби парубкувать" (Трушки); другіе—покоряются обычаю, какъ преданію старины, и поощряютъ его, добровольно выдавая сыну деньги для складчины (Петроостровъ). Но многіе отцы, а особенно матери-вдовы смотрятъ на парубоцтво неблагосклонно: „тильки начне гулять съ хлопцямы,—говорятъ они,—такъ и розбалуется,—хаты зовсимъ не держится". И дѣйствительно, парубоцтво доставляетъ много хлопотъ родителямъ, которые по этому бываютъ склонны оттягивать поступленіе сына въ громаду возможно дольше. Гулянье парня, прежде всего, невыгодно отражается на хозяйствѣ: поступленіе въ громаду и состояніе въ обществѣ парубковъ влекутъ за собою порядочные расходы, для которыхъ къ тому же парубки прибѣгаютъ въ нерѣдкихъ случаяхъ къ похищенію у родителей сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; во-вторыхъ, парубки проводятъ ночное время на „улыцяхъ", когда нужно стеречь на пастбищѣ лошадей; въ-третьихъ, причиняютъ родителямъ хлопоты своими проказами; наконецъ, прогулявъ цѣлую ночь напролетъ, утромъ спятъ, вмѣсто того, чтобы работать (наблюденія Т. И. Осадчаго и К. Д. Мороза).

Библиотека "Руниверс"

На нравственныя качества вновь поступающаго парубка рѣдко обращаютъ вниманіе,—обыкновенно, этому вопросу не придается значенія; слишкомъ тихими даже пренебрегаютъ, насмѣхаются надъ ними. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ избѣгаютъ принимать въ громаду пьяницъ (Ивота и Мамекино, В. В. Рклицкій) или вообще людей дурного поведенія (Губовка, александрійск. уѣзда, М. С. Крыжановская); иногда отказываютъ въ пріемѣ за то, что навредилъ парубкамъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но за то высоко цѣнятся въ парубкѣ храбрость, находчивость, умѣнье пѣть пѣсни и разсказывать сказки (Т. И. Осадчій).

Во многихъ мѣстностяхъ считается обязательнымъ для парубка въ день пріема его въ громаду особый костюмъ, а именно: въ южной кіевщинѣ—новая черная свита подъ станъ сшита, свита кирея съ видлогою, въ видѣ бурки, зеленый поясъ, хорошіе сапоги; въ херсонщинѣ—пиджакъ, иногда суконный, а по большей части шерстяной, или черкасиновый, твинчикъ—вродѣ короткаго теплаго пальто, цвѣтная рубаха, штаны на выпускъ; въ нѣкоторыхъ селахъ, вмѣсто пиджака употребляется „пальто“, костюмъ нѣсколько длиннѣе, вышитый разноцвѣтными шагреневыми ремешками. (Т. И. Осадчій, К. Д. Морозъ); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ херсонской губ. считаются необходимыми для парубка высокая шапка, красный поясъ и лента, того же цвѣта, для сорочки; это—отличительный признакъ и исключительная принадлежность для парубка, такъ что, если замѣтятъ эти принадлежности парубоцкаго наряда на подросткѣ, то, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, сдираютъ съ нихъ. Въ васильковскомъ уѣздѣ для парубка считается приличнымъ надѣть въ день пріема жупанъ и поясъ (Трушки, васильковскаго уѣзда). Въ донской области парубокъ обязательно надѣваетъ высокую барашковую шапку, вышитую сорочку съ красной застежкой и чемерку; послѣдняя считается необходимою для парубка до такой степени, что безъ нея онъ не можетъ появиться ни на сходѣ, ни въ церкви, ни на вечерницяхъ, ни даже выйти на улицу въ праздничный день (с. Гирскій). Повсюду приличіе требуетъ, чтобы въ

Библиотека "Руниверс"

день пріема въ громаду парубокъ тщательно побрился и причесался.

При пріемѣ въ громаду почти вездѣ требуется обычаемъ, чтобы принимаемый поставилъ атаману и парубкамъ могорычъ. Угощеніе происходитъ обыкновенно въ праздничный день въ шинкѣ или около шинка, причемъ вновь-поступающій иногда нанимаетъ и музыку (Ингульская Каменка александрійск. уѣзда, Эд. Іодковскій). Въ угощеніи этомъ принимаетъ участіе и онъ самъ, наравнѣ съ другими. Размѣръ могорыча колеблется въ зависимости отъ численности громады, отъ имущественнаго положенія родителей новаго парубка и отъ личныхъ качествъ новичка: тотъ—большой мастеръ пѣть пѣсни или сказки хорошо разсказывать, тотъ находчивъ, умѣетъ „выговориться", высмѣять другихъ, тотъ умѣетъ представиться чудакомъ, а этотъ—не трусливаго десятка парень, съумѣетъ постоять за себя и за товарищей въ случаѣ надобности; такихъ и безъ могорыча примутъ (Глодоссы); съ богача, напротивъ, сдерутъ вдвое больше обыкновеннаго. Вообще говоря, при этой оказіи выпивается отъ полкварты до ведра водки, а на закуску идутъ бублики и рыба (Т. И. Осадчій).

Кромѣ могорыча обыкновенно требуется отъ вновь поступающаго денежный взносъ въ громадскую кассу, въ обычномъ, или въ двойномъ размѣрѣ (Ивота и Мамекино, новгородъ-сѣверскаго уѣзда); судя по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, размѣръ этого взноса колеблется отъ 15 до 50 к. (Ингульская Каменка, Губовка, алекс. у. и Константиновка, черкас. у.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло обходится безъ особой торжественности и обрядности: просто на просто, хлопецъ, достигшій извѣстнаго возраста, начинаетъ ходить на „улицу", заигрывать съ дивчатами и незамѣтно присоединяется къ парубкамъ; сначала смотрятъ на него свысока, но потомъ, когда новичекъ начинаетъ участвовать въ общественныхъ складчинахъ и вносить столько же, сколько и другіе, его начинаютъ считать уже настоящимъ, равноправнымъ парубкомъ (Петроостровъ, Ингульская Каменка). Иногда парубки и помнутъ новичка немного гдѣ нибудь въ уголку, или научатъ меньшихъ, чтобы поколотили

Библиотека "Руниверс"

затѣмъ, чтобы поставилъ могорычъ, и тогда уже дѣло оканчивается миромъ (Глодоссы). Въ Ингульской Каменкѣ водится слѣдующій обычай: если парубокъ вышелъ на „улыцю“ и запѣлъ а денегъ не имѣетъ на могорычъ, то громада несетъ его къ мельницѣ, разрываетъ поясокъ у штановъ и бросаетъ въ лото-, кы. Въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ, черниговской губ. первое появленіе парубка на вечерницахъ соотвѣтствуетъ пріему его въ громаду; новичка приводитъ на вечерницы какой нибудь товарищъ, при чемъ особаго угощенія не требуется (М. В. Рклицкій) [1]).

Съ поступленіемъ въ парубоцкую громаду, парубокъ пріобрѣтаетъ право на свободный выборъ невѣсты; выборъ же невѣсты для жениха, который не состоитъ въ парубоцкой громадѣ, болѣе зависитъ отъ родителей (Трушки, васильковскаго уѣзда); его могутъ женить даже въ такомъ случаѣ, если старшій братъ „гуляетъ“ съ парубками, но тогда послѣдній подвергается насмѣшкамъ товарищей: они говорятъ, что братъ заткнулъ его за поясъ (Ингульская Каменка). Съ поступленіемъ въ громаду парубокъ разсматривается, какъ членъ семьи съ правомъ самостоятельнаго голоса, и мнѣнія его по хозяйственнымъ вопросамъ, нерѣдко уважаются родными (Ивота и Мамекино, новгородъ-сѣверскаго уѣзда); въ немъ уважаютъ лицо, способное къ самостоятельному труду: „винъ уже косарь“ (Петроостровъ, Ингульская Каменка); онъ работаетъ тамъ, гдѣ ему больше нравится; заработанныя деньги можетъ употреблять на личныя потребности по собственному усмотрѣнію (Губовка). Онъ и самъ усваиваетъ высокое понятіе о личномъ достоинствѣ; ему уже нельзя сказать: дуракъ,—тогда какъ до того времени можно было его и за уши выдрать (Ингульская Каменка). Младшіе хлопцы и дивчата говорятъ ему *вы* и при встрѣчахъ первые кланяются (Петроост-

[1]) Въ с. Погребкахъ этого уѣзда тотъ же корреспондентъ наблюдалъ замѣчательный обрядъ при пріемѣ мальчиковъ въ общество „конюховъ“—молодежи мужскаго пола разнаго возраста, пасущей лошадей, а именно: вновь явившагося мальчика обводитъ вокругъ костра взрослый парубокъ, пользующійся особымъ уваженіемъ среди конюховъ, λαβών αὐτόν τοῦ φαλλοῦ, при чемъ вся компанія участвуетъ въ процессіи съ горящими головнями въ рукахъ; обводимый никогда не сопротивляется и не плачетъ,—мало того, если съ нимъ пріѣхалъ другой новичекъ, то, по окончаніи процессіи, говоритъ „водить же и сёго!“.

Библиотека "Руниверс"

ровъ, Донская Область). Отлучки парубка изъ дома безконтрольны со стороны родителей (Ивота и Мамекино). Онъ получаетъ право приказывать младшимъ братьямъ и сестрамъ (Антоновка, елисаветгр. уѣзда, Л. Воликовскій). Во время ночовокъ въ степи съ табуномъ лошадей парубокъ не пойдетъ ни за дровами для костра, ни за огурцами и картошкой на огороды, вмѣняя это въ обязанность младшимъ хлопцамъ (Погребки, новгородъ-сѣверск. уѣзда). Впрочемъ, положеніе парубка въ нѣкоторой степени зависитъ отъ взгядовъ родителей: бываютъ такія семьи, въ которыхъ парубокъ остается въ полномъ послушаніи до самой своей женитьбы (Шамраевка, васильков. у.).

Бываютъ случаи исключенія парубковъ изъ громады („выгоняютъ въ шею"). Это дѣлается главнымъ образомъ за нарушеніе товарищескихъ отношеній, обычаевъ и правилъ: за выдачу тайны, за издѣвательства надъ товарищами (Т. И. Осадчій, Л. Воликовскій—Антоновка); особенно не переносятъ парубки бахвальства: иной пойдетъ на чужой край гулять, а тамъ какая нибудь дѣвушка ласково съ нимъ заговоритъ,—онъ готовъ уже и батька передъ нею осудить и осмѣять, не только хлопцевъ; или начнетъ выхваляться, что молъ я тамъ (т. е. на своемъ куткѣ) прямо что захочу, то и сдѣлаю,—тамъ молъ меня слушаютъ, боятся,—если я разсержусь на кого, то тотъ и изъ хаты не выглянетъ...,—а тогда хлопци, какъ узнаютъ про такія его слова, начнутъ дразнить его, или прямо прогонятъ: „лучше, скажутъ, пусть онъ самъ не выходитъ изъ хаты, чѣмъ мы черезъ него", да гдѣ нибудь такъ его пошкаютъ, что онъ и не узнаетъ кто,—только догадывается, а то въ шутку одинъ другого на него толкнетъ, или съ мѣста прогонятъ, будто шутя нужно другому сѣсть, или дивчатъ научатъ, чтобы смѣялись надъ нимъ,—такъ допекутъ таки, что больше не выйдетъ на улицу (К. Д. Морозъ—Глодоссы); не любятъ также такихъ, которые передаютъ всюду слышанные разговоры; для такихъ существуетъ еще особое названіе *почта* (К. Д. Морозъ). Бываютъ случаи исключенія изъ громады за нетрезвое поведеніе (Ивота и Мамекино). На исключеннаго изъ громады молодежь смотритъ съ нѣкоторымъ

Библиотека "Руниверс"

пренебреженіемъ, его не принимаютъ и въ другія громады (Т. И. Осадчій, М. С. Крыжановская,—Губовка).

Форма взаимныхъ обращеній парубковъ соотвѣтствуетъ природѣ ихъ товарищескихъ отношеній. Они называютъ другъ друга братъ, братуха, сватъ, кумъ: сватами приходятся другъ другу братья невѣсты и жениха; взаимныя отношенія кумовьевъ въ сельскомъ быту извѣстны своей короткостью и задушевностью. Кромѣ названныхъ обращеній, парубки называютъ одинъ другого по имени и отчеству. (Петроостровъ, Ингульская Каменка, Ивота и Мамекино).

Во многихъ селахъ парубоцкая громада имѣетъ во главѣ должностное лицо, которое называется *атаманомъ*. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ иныхъ селахъ онъ называется *береза* (Вербовецъ, звенигородскаго уѣзда, Петроостровъ); но одинъ крестьянинъ таращанскаго уѣзда разъяснилъ намъ, что въ ихъ селѣ *береза и атаманъ*—два различныя лица: береза—это предводитель и регентъ колядниковъ, и съ окончаніемъ колядованія прекращается и его званіе, тогда какъ атаманъ—постоянное должностное лицо у парубковъ. Обыкновенно, атаманъ—лицо выборное, и иногда на опредѣленный срокъ,—на годъ, или на три года, чаще до вступленія въ бракъ; иногда оставляютъ въ этомъ званіи и женатаго, (Петроостровъ, Ингул., Константиновка, Губовка); въ нѣкоторыхъ селахъ принятъ порядокъ выбора по большинству голосовъ (Константиновка). Послѣ выбора новый атаманъ угощаетъ громаду водкой. Но выборы—явленіе не повсемѣстное, въ нѣкоторыхъ селахъ въ атаманы выдвигается, непосредственно въ силу уваженія къ нему, безъ всякихъ выборовъ, какой нибудь парубокъ, своими личными достоинствами (Т. И. Осадчій). Отъ атамана требуются слѣдующія личныя качества: онъ долженъ быть красивъ, высокъ ростомъ и обладать физической силой; онъ долженъ и внѣшнимъ своимъ видомъ внушать къ себѣ уваженіе; физическая сила необходима ему для водворенія порядка въ товариществѣ и устрашенія непокорныхъ; отъ него требуется также умъ, расторопность и опытность, а потому обыкновенно въ атаманы выбираютъ парубка, давно состоящаго въ громадѣ; качества эти необходимы ему для избѣ-

Библиотека "Руниверс"

жанія разныхъ невзгодъ, лежащихъ на пути безпокойной парубоцкой жизни. Наконецъ, отдаютъ предпочтеніе сыну состоятельныхъ родителей и человѣку честному, въ предупрежденіе растраты громадскихъ денегъ. Растрату покрываетъ отецъ атамана, а самого атамана за растрату бьютъ, снимаютъ съ него свиту и, лишивши его присвоеннаго ему званія, исключаютъ изъ громады.

Обязанности атамана можно раздѣлить: на финансовыя и судебно-административныя. Громадскіе капиталы составляются изъ взносовъ парубковъ и ихъ сборовъ при колядованьѣ, щедрованьѣ и вожденіи козы. Въ нѣкоторыхъ селахъ, вмѣсто постоянной кассы, дѣлаются складчины, копѣекъ по 50, для выпивки и найма музыки, только въ извѣстныхъ случаяхъ, а именно: на Андрія, на запусты (заговѣнье), на рождественскіе праздники, на святой (Петроостровъ); въ другихъ взносы имѣютъ болѣе правильный и постоянный характеръ; при чемъ размѣръ взноса опредѣляется атаманомъ, который собираетъ и хранитъ деньги. Въ с. Ингульской Каменкѣ, одинъ разъ въ годъ, послѣ Пасхи, происходитъ общій подсчетъ денегъ и распредѣленіе ихъ: часть идетъ на церковь, другая на выпивку, третья на сооруженіе или на починку колодца или креста при дорогѣ; въ нѣкоторыхъ селахъ пожертвованія на церковь дѣлаются по прямому распоряженію мѣстнаго священника; такъ, одинъ крестьянинъ таращанскаго уѣзда говорилъ намъ, что въ ихъ селѣ часть парубоцкихъ денегъ употребляется на покупку свѣчей и хоругвей (это дѣлается по требованію обычая), а остальныя священникъ самъ отбираетъ на церковь. Атаманъ поддерживаетъ порядокъ между парубками. Атаману парубки заносятъ жалобы, онъ разбираетъ ихъ, миритъ спорящихъ и налагаетъ штрафы и наказанія, при чемъ парубки подчиняются ему безпрекословно (Губовка, Константиновка). Въ с. Вербовецъ, звенигородскаго уѣзда, одинъ парубокъ занесъ атаману жалобу на одну знакомую ему дѣвушку въ томъ, что при встрѣчѣ съ нимъ она обратилась къ нему съ насмѣшливымъ привѣтствіемъ: „здоровъ дидусю“ (*дидусь*—была уличная кличка парубка); атаманъ приговорилъ побить ей морду (Е. И. Борисовъ). Какъ лицо, пользующееся уваженіемъ и довѣріемъ парубковъ, атаманъ является ихъ главнымъ совѣт-

Библиотека "Руниверс"

никомъ въ разныхъ случаяхъ ихъ жизни, какъ то: въ случаяхъ несогласія съ другими парубоцкими громадами, необходимости побить кого-нибудь, намѣренія вымазать дивчинѣ ворота дегтемъ или занести куда нибудь ворота отъ ея хаты и т. п. (Михайловка, александровск. уѣзда). Атаману воздается почетъ при товарищескихъ выпивкахъ: во время пріемовъ въ громаду новыхъ сочленовъ, онъ, вмѣстѣ съ старшими парубками, выпиваетъ добрую половину могорыча, а остальнымъ дается по чаркѣ, по двѣ (Т. И. Осадчій).

Въ с. Константиновкѣ черкасскаго уѣзда, въ парубоцкой громадѣ, кромѣ атамана, есть еще помощникъ атамана. Онъ—тѣлохранитель атамана и долженъ его защищать въ случаѣ нападенія чужихъ парубковъ, а потому повсюду сопровождаетъ его. Парубоцкая громада въ этомъ селѣ очень многочисленная,—60 человѣкъ (А. Я. Цимбиди).

Въ иныхъ селахъ парубоцкая громада не имѣетъ внѣшней организаціи, т. е. не выбираетъ атамана; въ такихъ случаяхъ единственнымъ связующимъ учрежденіемъ для парубковъ служатъ „улыци“ и „вечерныци“ (Погребки, Глодоссы, Новоархангельскъ и др.).

„Гулять“ на „улыцяхъ“ начинаютъ иногда еще въ постъ, въ воскресенье, или подъ воскресенье, когда стало уже тепло. Съ Пасхи начинается уже настоящее гулянье. На пасхальной недѣлѣ гуляютъ и днемъ, и вечеромъ: днемъ на качеляхъ, сооруженіе которыхъ лежитъ на обязанности парубковъ, вечеромъ дивчата садятся на толокѣ, или гдѣ нибудь подъ тыномъ на бревнѣ и поютъ; парубки собираются къ атамановой хатѣ и отсюда идутъ всѣ вмѣстѣ, распѣвая пѣсни, къ дивчатамъ; придя къ нимъ, примащиваются и начинаютъ приставать съ шутками и шалостями, иногда вольнаго характера. Сборища эти, иногда продолжающіяся до полуночи, вообще отличаются очень оживленнымъ характеромъ. Одинъ корреспондентъ (Морозъ), самъ парубокъ, такъ описываетъ ихъ: „Тамъ всего бываетъ: поютъ, кричатъ, смѣются, шутятъ, представляются—тотъ жидомъ, а тотъ дурнемъ, тотъ собакою, а тотъ кошкою, или жабою, да заведутъ возню двѣ собаки съ кошкою, а то, глядишь, кто и

Библиотека "Руниверс"

козою прикинется... Смѣхъ, хохотъ, шумъ!... Или начнутъ бороться; а то кто нибудь дѣвку прогонитъ съ мѣста, а другіе не даютъ, или за что другое начнутъ браниться, такъ что чертямъ станетъ весело, а то такъ даже и подерутся: свою ладонь подставитъ къ его лицу, да какъ ударитъ по ней,—то совсѣмъ будто по щекѣ; а тотъ кричитъ да сплевываетъ, да жалуется, будто бы зубы ему выбилъ и кровь идетъ... А то играютъ на языкѣ, если гармоніи нѣтъ, а другіе всѣ танцуютъ, кто какъ умѣетъ, а кто такъ просто скачетъ. Нерѣдко парубки нанимаютъ и музыку. А то дивчата начнутъ въ полголоса пѣть, а хлопци подтягиваютъ, или перебьютъ ихъ и начнутъ каждый свое, да такъ, что хоть уши затыкай; къ дивчатамъ пристаютъ, щекочатъ, обнимаютъ. Такъ гуляютъ каждый вечеръ до Вознесенья, а отъ Вознесенья до Покрова собираются только подъ праздники и въ праздники, тоже по вечерамъ (Глодоссы)". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гульбища молодежи происходятъ у шинка—этого деревенскаго клуба, при чемъ атаманъ собираетъ деньги, нанимаетъ музыку и покупаетъ водку (Константиновка).

Съ Покрова, а изрѣдка и раньше, начинаются зимнія собранія молодежи, извѣстныя подъ именемъ *досвитокъ* и *вечерницъ*. Такъ какъ эти собранія по необходимости происходятъ въ хатѣ, то молодежь въ большихъ селахъ разбивается на партіи и каждая партія ищетъ помѣщенія для вечерницъ. Обыкновенно просятся къ какому нибудь бѣдняку, у котораго нѣтъ дѣтей, или если и есть, то маленькія, потому что на досвиткахъ, случается, поютъ безстыдныя пѣсни и говорятъ что попало,—поэтому, у кого взрослыя дѣти—тотъ и не пуститъ; а то обращаются къ какой нибудь вдовѣ, обѣщая ей повисму [1]) конопли, мѣшокъ картофеля, а то и пшеницы мѣрки двѣ. Получивъ разрѣшеніе отъ кого нибудь, къ нему и ходятъ цѣлую зиму, при чемъ хозяевъ величаютъ батькомъ и матерью и относятся къ нимъ съ видимымъ почтеніемъ, предоставляя имъ первое мѣсто за столомъ во время угощеній (Петроостровъ). На Покрова, на *пущинья* передъ филиповкою, противъ Андрея (29 ноября) и на риздвяныхъ святкахъ устра-

[1]) 10 ручаекъ или жмень (сколько рукой обхватить можно).

Библиотека "Руниверс"

ивають угощенья, для чего дивчата дѣлають складку, т. е. сносятъ съѣстные припасы: муки, сала, куръ, говядины, картофеля, а также кухонную посуду—сковородку, горшки, и топливо—солому и кирпичъ; керосинъ для освѣщенія приносятъ также дивчата, по очереди. Собравшись, принимаются всѣ хлопотать: варятъ, пекутъ. На Андрея варятъ постное: жарятъ рыбу на оліи, пекутъ млынци, пампушки съ медомъ, плачынды зъ озюмамы та зъ рысомъ, съ калыною та съ корынкою перижки, узваръ; кромѣ того, каждая дѣвушка печетъ по пампушкѣ для извѣстнаго гаданья о замужествѣ и, сверхъ того, *калыту* для извѣстной также игры, составляющей необходимую принадлежность этого вечера. Доставить водку считается обязанностью парубковъ; въ нѣкоторыхъ селахъ эти игрушки принимаютъ иногда характеръ безчинно-пьяный. Вотъ какъ описываетъ ихъ упомянутый выше парубокъ Морозъ, „ужинаютъ всѣ вмѣстѣ и водку пьютъ, а когда подопьютъ, то бываетъ всего: и поютъ, и танцуютъ; бываетъ—такъ раздурятся, что ужъ не знаютъ, что и дѣлать. Такъ гуляютъ за полночь. Кто упьется—лежитъ, а другой еще что-то плететъ,—ужъ гляди, едва языкомъ ворочаетъ. А тотъ танцуетъ, а тотъ поетъ, а того, гляди, уже сморило,—такъ онъ на дворъ пошелъ прогуляться, а другой еще такъ только веселенькій. И такъ „перевертается пекло“ пока сморятся дивчата и начнутъ парубкивъ уговаривать ложиться спать; воспользовавшись заташьемъ, дивчата начинаютъ стелить,—таскаютъ солому, раскладываютъ на полу и стелятъ рядна. Парубки падаютъ на постель; тотъ рядно тянетъ, тотъ смѣется, а тотъ солому треплетъ; того съ постели тянутъ... и опять, точно пекло, заворушится: смѣхъ, хохотъ, толкотня; одинъ другого душитъ, а тотъ того тянетъ, а того соломою прикроютъ, или рядномъ обмотаютъ... и такая „тяганына“ тянется еще долго, пока дивчатамъ удастся какъ нибудь постлать. А дивчата тоже подъ хмѣлькомъ,—такъ одному настелятъ соломы много, а другому—гляди—только рядно достанется; но пьяные не очень разбираютъ. Утромъ встаютъ, опохмѣляются, доѣдаютъ, что осталось съ вечера, а потомъ, вечеромъ случается, принимаются снова гулять.

Библиотека "Руниверс"

Бываетъ, что такое веселье продолжается 3—4 дня подъ рядъ (Глодоссы).

Обыкновенныя вечерницы проходятъ значительно тише. Въ условленную разъ на всегда хату, подъ воскресенье или подъ праздникъ дивчата собираются съ работой: шьютъ, прядутъ.. Парубки играютъ въ карты и пьютъ водку. Начинаются шутки, затягиваютъ пѣсни. Дивчата поютъ насмѣшливыя пѣсни по адресу парубковъ, тѣ тоже не остаются въ долгу, при чемъ пѣсни парубковъ не рѣдко отличаются нескромнымъ содержаніемъ. Эта пѣсенная перебранка продолжается, пока парубки не наймутъ музыку: тогда дивчата допускаютъ парубковъ къ себѣ поближе и начинаютъ величать ихъ пѣснями, а они отвѣчаютъ тѣмъ же (Ингульская Каменка); иногда величаютъ или дразнятъ какую нибудь парочку (Глодоссы). Къ сожалѣнію, намъ не посчастливилось по части пѣсеннаго матеріала. Съ появленіемъ музыки начинаются танцы. Танцуютъ метелицу; козачка и пр., часовъ до 9—10, а иногда и за полночь (Ингул. Каменка).

Случаи нарушенія дѣвичьей чести на вечерницахъ бываютъ рѣдко. Впрочемъ, парубки въ нѣкоторыхъ селахъ относятся къ такимъ случаямъ не только безъ осуженія, но считаютъ ихъ для себя признакомъ отличія, а скромнаго товарища называютъ дурнымъ, бабою, неумѣлымъ (Трушки, Глодоссы и др.). Только въ случаѣ допущенія насилія наказываютъ обольстителя тумаками, особенно если между парубками есть родственники потерпѣвшей дѣвушки (Т. И. Осадчій). Порицаніе и протестъ встрѣчаютъ такіе случаи чаще со стороны дивчатъ, и если, нарушивъ невинность дѣвушки, парубокъ не женится на ней, то, случается, его изгоняютъ изъ вечерницъ (Погребки). Заступниками обманутыхъ дѣвушекъ выступаютъ, кромѣ того, ихъ отцы. Для начала дѣла обыкновенно отецъ считаетъ необходимымъ выбранить и побить пострадавшую; потомъ онъ заноситъ жалобу въ расправу или въ волость и требуетъ, чтобы обольститель женился на его дочери, или вознаградилъ ее за безчестіе деньгами; иногда дѣло оканчивается примиреніемъ: виновный покупаетъ водку и на томъ оканчивается тяжба (Ингульская Каменка, Петроостровъ). Если случай сдѣлался извѣстнымъ, дѣ-

Библиотека "Руниверс"

вушка иногда подвергается жестокому преслѣдованію со стороны парубковъ; много ей всякихъ, иногда мерзкихъ и жестокихъ, обидъ приходится претерпѣть отъ мужской молодежи: ей вымазываютъ дегтемъ хату, рисуютъ на стѣнкахъ непристойныя изображенія, выносятъ ночью ворота куда нибудь и пр. (Петроостровъ). Страхъ огласки и позора иногда доводитъ дѣвушку до полнаго развращенія. „Если дѣвушка потеряла честь (пишетъ не разъ упомянутый Морозъ), то уже поневолѣ слушаетъ своего обольстителя, потому что онъ начнетъ стращать, что другимъ разскажетъ, при всей громадѣ,—вотъ она, изъ боязни, и повинуется ему, а отцу, или матери, стыдно признаться: такъ она, бѣдная, поневолѣ живетъ съ нимъ,—случается, и съ дѣтьми бываютъ; да хорошо еще, если обольститель имѣетъ намѣреніе взять ее за себя,—живутъ себѣ, и вдвоемъ только и знаютъ про то; а если онъ хочетъ только поглумиться надъ нею, такъ и броситъ, да и разскажетъ товарищу, а тотъ добьется того же самаго да разскажетъ третьему; наконецъ поведеніе дѣвушки становится извѣстнымъ всѣмъ; тогда она дѣлается предметомъ общаго презрѣнія, всѣ издѣваются надъ нею, а она—съ досады и горя—уже и не уклоняется отъ распутства,—думаетъ: коли такъ, такъ пусть и будетъ такъ, какъ говорятъ; пускай говорятъ не даромъ (К. Д. Морозъ)“...

Въ Кіевщинѣ, какъ бы ни было обширно поселеніе, существуетъ по большей части только одна парубоцкая громада съ однимъ атаманомъ, разбивающаяся, во время командованья, на двѣ или на три партіи; въ херсонщинѣ же наблюдается другое: напр., большое село Верблюжка (алекс. у.) раздѣляется на четыре кутка, или сотни (по терминологіи бывшихъ военныхъ поселеній), и, соотвѣтственно этому, въ немъ существуетъ четыре громады; такова же организація и въ сосѣднихъ селахъ; каждая изъ этихъ громадъ имѣетъ своего атамана, свою кассу, свою колядку и пр. (Т. И. Осадчій). Взаимныя отношенія между отдѣльными громадами всецѣло зависятъ отъ дивчатъ, и пока дѣло не дойдетъ до нихъ, онѣ имѣютъ мирный характеръ. Дѣло въ томъ, что каждая громада парубковъ ревниво оберегаетъ дѣвушекъ своего кутка отъ всякихъ покушеній со стороны чу-

Библиотека "Руниверс"

жихъ парубковъ. Атаманъ с. Константиновки черкасскаго у. Юхв. Глущенко, въ отвѣтъ на запросы наши, пишетъ: „когда приходитъ изъ сосѣднихъ деревень хлопецъ и желаетъ погулять съ дѣвками, то мы требуемъ съ него четверть водки, а который прійдетъ погулять съ хлопцами, то съ него не требуется ничего (сообщ. А. Ѳ. Цимбиди; тоже въ Ингул. Каменкѣ)". Подъ условіемъ могорыча, пустятъ чужого парубка и на музыки, и на вечерницы, позволятъ полюбезничать съ дивчатами, но ни подъ какимъ видомъ не допустятъ лечь спать на соломѣ съ дивчиной (Погребки. М. В. Рклицкій). Иногда при первыхъ же попыткахъ его завязать любовныя отношенія, съ приходомъ его „на выглады", дѣло приходитъ къ кулачной расправѣ (Ивота и Мамекино), при чемъ бываютъ случаи жестокаго избіенія пришельцевъ; товарищи побитаго выступаютъ защитниками и мстителями, и тогда побоище принимаетъ болѣе широкіе размѣры; дѣло доходитъ до того, что парубки портятъ гребли, чтобы прекратить доступъ противникамъ на свой кутокъ или въ свое село. Для характеристики этихъ войнъ приводимъ разсказъ объ одной изъ нихъ одного корреспондента изъ крестьянъ. „Село наше (Новоархангельскъ), пишетъ онъ, дѣлится на два кутка: Михайловскій и Варваровскій, которые получили свои названія по церквамъ, бывшимъ въ нихъ прежде. Ежегодно происходили между парубками этихъ кутковъ постоянныя драки, и больше всего изъ-за дѣвокъ. На первый день пасхи въ нынѣшнемъ году, послѣ обѣда, парубки изъ Варваровскаго кутка пришли на Михайловскій кутокъ, наняли качель Михайловскимъ дѣвкамъ, да еще выбрали самыхъ красивыхъ, и сами сѣли съ ними. Михайловскіе хлопцы моргали дивчатамъ, чтобы не садились съ варваровскими, но дивчата не то не рѣшились отказать варваровскимъ хлопцамъ, а, можетъ, не захотѣли слушаться своихъ. И вотъ, только слѣзли съ качели варваровскіе парубки и стали въ сторонѣ, какъ подходятъ къ нимъ человѣкъ шесть михайловскихъ, какъ влѣпятъ имъ хорошихъ пощечинъ... и скрылись въ толпѣ. Тогда варваровцы молча пошли на свой кутокъ, подговорили своихъ товарищей, душъ двадцать, захватили здоровыя дубины, пошли и засѣли въ огородахъ на михайловскомъ куткѣ, недалеко отъ

Библиотека "Руниверс"

качели, а одного изъ своей компаніи, самаго сильнаго и ловкаго, послали къ качели; тотъ принимается дразнить парубковъ, и вотъ, одинъ изъ нихъ подходитъ къ нему и спрашиваетъ: „шо ты задаесся?“—а этотъ какъ свиснетъ его въ морду,—тотъ даже пошатнулся... Тогда душъ пятнадцать, а можетъ быть и больше, кинулись на него, а онъ—шмыгъ въ огороды, гдѣ сидѣли его товарищи; когда михайловскіе минули засаду, варваровскіе кинулись на нихъ съ люшнями и дубинами и хорошо-хорошо отлупили ихъ (А. Школа.)“.

Въ нѣкоторыхъ селахъ херсонскаго края такія отношенія между кутками получаютъ національный отпечатокъ; соотвѣтственно условіямъ заселенія села, оно раздѣляется, напр., на малорусскій и молдаванскій кутки, и вотъ парубки этихъ національныхъ группъ ревниво оберегаютъ своихъ дивчатъ отъ ухаживаній и отъ непріятностей со стороны парубковъ другой національности (Т. И. Осадчій). Въ этомъ случаѣ мы наблюдаемъ приспособленіе древняго обычая къ новымъ условіямъ жизни.

Общія собранія молодежи, „вулыци“ и „вечерныци“, составляютъ главное, а часто и единственное начало, которое связуетъ ее воедино и сообщаетъ ей общественную организацію. Но есть и другія области для взаимнаго общенія сельской молодежи; есть дѣла и обязанности, которыя исполняются совокупными силами всей молодежи села. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоятъ святочные обряды и увеселенія: колядованье, хожденіе со звѣздою и съ козою и щедрованье; къ этому прибавляется еще въ нѣкоторыхъ селахъ херсонской губ. представленіе такъ наз. „Трона“ („Царя Максимиліана“). Приступая къ колядованью, парубки—всѣмъ обществомъ, или раздѣлившись на партіи, предводимыя особымъ лицомъ, „березою“,—считаютъ необходимымъ предварительно получить отъ священника благословеніе (Петроостровъ). Получаемый при этомъ хожденіи доходъ деньгами, калачами, паляницами и пр. колядники дѣлятъ между собою, а треть или двѣ трети отдаютъ на церковь (Петроостровъ, Губовка); въ нѣкоторыхъ селахъ на вырученныя деньги парубки покупаютъ сами къ церковь иконы, кресты и хоругви (Антоновка, Константиновка и др.) и пріобрѣтаютъ особыя свѣчи для церковныхъ цере-

Библиотека "Руниверс"

моній (Вербовецъ, звенигор. у., Е. И. Борисовъ). На Крещенье парубки вырубываютъ крестъ во льду (Губовка), на Пасху устраиваютъ „качельню“, „коныки“, иначе—„карюсель“, при чемъ за пользованіе ими берутъ съ чужихъ парубковъ плату, обыкновенно крашанками (Новоархангельскъ). Далѣе парубоцкія громады многихъ селъ считаютъ на своемъ попеченіи колодцы, особенно въ полѣ, они копаютъ, поправляютъ и чистятъ ихъ; колодцы, на границахъ земель, сооружаются сообща парубоцкими громадами сосѣднихъ селъ, при чемъ иногда парубки одного изъ нихъ поставляютъ матеріалъ, а парубки другого—даютъ свой трудъ. Разъ въ году парубоцкая громада приглашаетъ духовенство освятить колодезъ, при чемъ въ крестномъ ходѣ парубки несутъ свои хоругви. Обыкновенно, это освященіе имѣетъ мѣсто на Макковея (1 августа), при чемъ дивчата надѣваютъ вѣнки и по окончаніи молебствія расходятся съ пѣснями (Вербовецъ, Петроостровъ). Возлѣ с. Константиновки черкасскаго у., криница расположена на возвышенности и возлѣ нея поставленъ крестъ; освящаютъ ее на Тройцу, послѣ чего парубоцтво направляется къ атаману и гуляетъ передъ его хатой съ дивками (Юхв. Голущенко). Въ нѣкоторыхъ селахъ послѣ освященія колодца слѣдуетъ общественный обѣдъ на травѣ (Т. И. Осадчій, Щербановская вол. 44), при чемъ расходы покрываются въ складчину. Въ нѣкоторыхъ селахъ херсонской губ. такимъ же образомъ парубки устраиваютъ освященіе царины (Т. И. Осадчій). Въ Донской области на обязанности парубковъ лежитъ оберегать по ночамъ посѣвы отъ выпаса чужими лошадьми и ночные обходы въ деревнѣ (Гирскій), въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ—пасти по ночамъ лошадей (М. В. Рклицкій).

Таковы существенныя обязанности союзовъ мужской молодежи, по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ нашемъ распоряженіи. У П. И. Якушкина въ замѣчаніяхъ о Донской области находимъ весьма любопытный разсказъ о томъ, какъ дѣвки-козачки мучили мужичку-наймичку за то, что она отбивала у нихъ парней [1]). Подобныхъ разсказовъ намъ не приходилось получать

[1]) Сочиненія, Спб. 1884, стр. 405.

Библиотека "Руниверс"

отъ нашихъ корреспондентовъ. На нашемъ югѣ дѣвичье общество имѣетъ мало самостоятельнаго значенія и лишено своей собственной организаціи. Любопытно, однако, что въ весенней игрѣ *нелюбъ* есть *атаманша* [2]). Въ с. Михайловкѣ, александрійск. у., дѣвушки выбираютъ изъ своей среды разъ въ годъ атаманшу, которая собираетъ деньги на освященіе своего, *дивочьяго* колодца за селомъ и припасы на общее угощеніе послѣ него, при чемъ обѣдъ варятъ матери ихъ (Т. О. Курловъ). Въ нѣкоторыхъ селахъ звенигородскаго у. дивчата покупаютъ свою свѣчу для церкви (Е. И. Борисовъ). Для устройства вечерницъ и гаданій дѣвушки собираются въ кружки, при чемъ хозяйственная часть собраній лежитъ на нихъ (Осадчій, Крыжановская и др.). Въ с. Константиновкѣ черкасскаго у. первое появленіе „на вулыци“ дѣвушки 15—16 лѣтъ сопровождается наймомъ музыки на парубоцкій счетъ (А. Ѳ. Цимбиди).

Этимъ мы заканчиваемъ обозрѣніе нашего матеріала о союзахъ и сборищахъ сельской молодежи зрѣлаго возраста. Но во многихъ селахъ и молодежь незрѣлая устраиваетъ „гулянья“ и на улицахъ, и въ хатахъ, при чемъ занимается борьбой, пѣніемъ (Шамраевка), играетъ въ карты, предпочтительно въ фильку и стуколку, на бублики и спички (Ивота, Мамекино, Глодоссы), а въ селахъ съ расшатанной нравственностью, изъ подражанія старшимъ, пьютъ и водку (Губовка). При колядованьи подростки нерѣдко составляютъ особый кружокъ (Ивота и Мамекино, Глодоссы и др.). Старшіе парубки относятся къ зеленой молодежи, „парубчакамъ“, насмѣшливо, а если захватятъ кого нибудь изъ нихъ у старшихъ дивчатъ, то подвергаютъ униженіямъ, такъ заставляютъ ихъ „гавкать на куцюбу (кочергу)“ и т. п. „Батьки“ на сборища подростковъ смотрятъ снисходительно, только не позволяютъ возвращаться домой поздно.

Наконецъ, кромѣ сборищъ молодежи, и представители другихъ возрастовъ, возмужалаго и старческаго, также имѣютъ

---

[2]) Чуб., III, 90.

Библиотека "Руниверс"

обыкновеніе собираться кружками въ одной какой либо хатѣ бесѣдовать и угощаться; когда собравшіеся повеселѣютъ, то является потребность вспомнить старину не однимъ только словомъ, но и пѣсней, и пляской (Глодоссы, К. Д. Морозъ).

В. Ястребовъ.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо святителя Феодосія Углицкаго. Въ Черниг. губ. вѣд. за настоящій годъ (№ 863) напечатанъ фототипный снимокъ съ письма святителя Феодосія Углицкаго (мощи котораго торжественно открыты мѣсяцъ назадъ въ Черниговѣ), письма, писаннаго въ 1691 г. къ «державцѣ» с. Обтова (Кролевецк. у.) Ивану Забѣлѣ, съ предстательствомъ за тамошняго священника, чтобы послѣдній «не былъ отдаленъ» отъ Обтовской церкви. Письмо это приводимъ здѣсь полностью.

Мосцѣ пане Забѣла, мнѣ велце мосцѣ пане.

Честный отецъ Григорій, священникъ Обтовскій, просилъ мя слезне о причину до вашей мости пана, абы не былъ отдаленный отъ церкви Обтовской, до которое и святился. Прошу теды за нымъ, вм. м. милостивого пана, абысь его в ласце своей заховалъ. Если бы зась згола не поступовалъ такъ, яко потреба, то правне его треба зъ парохіе закладати, тоесть передъ судомъ духовнымъ припозвати, вины его доводне показати, а такъ правилно если з парохіе и изженется, безгрѣшно будетъ. Молитвы мои затымъ и поволне услуги, вм. м. пану, залецаю. Писанъ в монас. Елец. Чер. року 1691, мар. 18.

Вм. м. м. пана всѣхъ добръ спрыяючий богомолецъ и радъ служити Ѳеодосій Углицкій Ар. Елец. Чер.[1]).

Приведенное письмо представляетъ собою любопытное свѣдѣніе о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существовали въ старой Малороссіи между сельскими священниками и державцами ихъ селъ. На страницахъ «Кіевской Старины» недавно былъ напечатанъ (1896 г., іюнь, 88) отрывокъ изъ тѣхъ дезидератъ, которыя были заявлены малорусскимъ духовенствомъ въ Екатерининскую коммисію;

[1]) На письмѣ надпись: „Моему мл. пану его мл. пану Іоану Забѣлѣ на Обтовѣ отдати належитъ“.

Библиотека "Руниверс"

здѣсь между прочимъ «бѣлое священство», жалуясь на гнетъ державцевъ надъ сельскими священниками, указываетъ, что послѣдніе очень часто не смѣютъ и литургіи начать безъ разрѣшенія «владѣльцевъ». При такихъ отношеніяхъ сельскій священникъ, конечно, вполѣ зависѣлъ отъ мѣстнаго державцы.

А. Л.

Къ исторіи возстанія Наливайка. Осенью 1594 г. Наливайко съ собранною имъ вольницею возвратился въ Брацлавщину изъ набѣга, предпринятаго на Молдавію. Расположившись въ Брацлавѣ и его окрестностяхъ, Наливайко потребовалъ отъ земянъ воеводства Брацлавскаго «стаціи и поверного», т. е. квартиръ и корма для своей дружины, а также доставки нѣсколькихъ сотъ лошадей; земяне отказались исполнить это требованіе и для совѣщанія о мѣрахъ защиты назначили съѣздъ въ Брацлавѣ подъ предлогомъ «судовыхъ рачковъ»; они не рисковали однако являться въ Брацлавъ по одиночкѣ и рѣшили собраться предварительно въ таборъ подъ городомъ и затѣмъ въѣхать въ городъ вмѣстѣ; они извѣстили объ этомъ брацлавскій магистратъ «жебы ся тымъ не ображали противно насъ, же громадою въ одномъ местцы до Браславля съ судомъ земскимъ ѣдемо».—Но магистратъ, встрѣтилъ предложеніе земянъ недружелюбно: посланный въ городъ съ извѣщеніемъ дворянинъ Григорій Цурковскій былъ задержанъ въ городѣ, и магистратъ, «маючи собе на помочь того-то человѣка незбожного, Наливайка зъ его дружиною», организовалъ вооруженное нападеніе на шляхецкій таборъ, расположенный вблизи города на берегу Буга. Мѣщане и козаки застигли неожиданно ночью шляхецкій таборъ и совершенно его разгромили: нѣкоторые шляхтичи и ихъ слуги были убиты, многіе поранены, имущество ихъ разграблено и весь таборъ разсѣянъ [1]). Изъ ниже приведеннаго документа видно, что брацлавскіе мѣщане предприняли нападеніе имѣя въ виду ясно опредѣленную цѣль: они желали, пользуясь помощью козаковъ, избавиться отъ тяготѣвшей надъ ними власти старосты и отъ преобладанія дворянскаго сословія, поддерживавшаго старостинскую власть и покровительствуемаго ею. Дѣйствительно, брацлавяне достигли на нѣкоторое, весьма впрочемъ непродолжительное, время полной автономіи своего города.

---

[1]) Арх. Юго-Зап. Рос. ч. III, т. I, стр. 66—68.

Библиотека "Руниверс"

Весною 1595 г. Наливайко съ своею дружиною ушелъ въ походъ въ Трансильванію; обстоятельствомъ этимъ воспользовались польскія власти для того, чтобы усмирить строптивый городъ. Въ концѣ мая гетманъ польный коронный, Станиславъ Жолкевскій, послалъ «напомненіе» брацлавскому магистрату, требуя, чтобы городъ призналъ вновь власть старосты и отдалъ въ его распоряженіе захваченные мѣщанами замокъ и гродскую канцелярію, въ которой хранились имущественные документы земянъ всего воеводства. Увѣщаніе гетмана передано было магистрату ротмистрами панцырныхъ хоругвей, командированныхъ гетманомъ для усмиренія города. Мѣщане, лишенные теперь помощи козаковъ, не разсчитывали отстоять городъ собственными силами; они должны были смириться. Въ знакъ покорности они составили повинную, въ которой просили прощенія и обѣщали пополнить причиненные ими старостѣ убытки. Документъ этотъ былъ явленъ въ гродскія брацлавскія книги 9 іюня 1595 года. Приводимъ его полный текстъ:

«Я Романъ Тишченко, войтъ брацлавскій, Илько Манъ, Яцко Забила, Наумъ Гратченко, Васько Биlоусенко, Михно Коваленко, Ясько Гаченко, Ивашко Стешенко, Семенъ Бордушка, Іосипъ Гончаренко, Грышко Москоуда, Савка Наполисный, Савка Бондуганъ, также вся громада, мещане брацлавскіе, вызнаваемъ тымъ лыстомъ нашимъ, кому того потреба будетъ вѣдати, або, чтучи его, слышати, теперъ и завжды у кождого права и на кождымъ мейсту: А што есьмо зъ глупости нашои, не установавши пана подстаростого его милости пана Юрія Струся зъ Коморова, старосты брацлавского, винницкого и звенигородского—пана Станислава Ястрембского, замокъ его королевской милости Брацлавскій, для небезпечности, которая на насъ заходыла, взялы; который мы вси одностайне, за напомненемъ Е. М. п. Станислава Жулковского, каштеляна Львовского, гетмана польного коронного, старосты Грубешовского, Калуского, подъ писаніе листу Е. М., которому то его королевская милость и речь посполитая за вины наши, абы, ведле декрету Е. К. М-ти, зъ казни скутокъ привезти рачилъ, особливо его милость насъ напомнети рачилъ, предъ Е. М. п. Крыштофа Творянского, ротмистра Е К. М-ти, абысьмы замокъ Е. К. М-ти брацлавскій, Е. М. старосте нашому Брацлавскому, пану Юрію Струсю зъ Коморова въ цале вернулы. Мы вси одностайне, одъ старшого аж до меншого, взнавши выступокъ нашои вины, не припущаючи до чинепя екзекуціи, на насъ взказаное ведле декрету Е. К. М-ти, черезъ певныхъ особъ: Е. М. п. Крыштофа Творянскаго, п. Ми-

Библиотека "Руниверс"

хайла Ласка, подсудка и при иныхъ не мало ихъ мылостей пановъ шляхты воеводства Брацлавского, товаришовъ роты Е. М. п. Творянского, также и товаришовъ роты Е. М. п Яна Замойского, стражника и ротмистра Е. К. М-ти и презъ возныхъ повѣтовыхъ—воеводства Брацлавского: генерала земли Кіевское, Волынское, Брацлавкое, Яцка Шиколовского и Дмитра Щыкитинского, замокъ Е. К. М-ти Брацлавскій Е. М. пану Юрію Струсю, старостѣ нашому Брацлавскому, зо всіми дилы, зъ гаковницами, зъ прохи, зъ кули и иншую армату, до стрельбы належачую, книги, которые въ замку, въ схованю, въ коморе были: року 1578 и 1579, року 1580, 1581, 1582, 1583, 1884, 1585, 1586 и 1590, подалы. Который то замокъ и всю стрельбу его милость панъ староста Брацлавскій подстаростему своему, томужъ пану Станиславу Ястрембскому одобраты, а пану Григорію Байбузѣ, писарю гродскому брацлавскому, книги гродскіе одобраты розказати рачилъ. При которомъ одбираніи панъ Григорій Байбуза, писарь, то оповѣдалъ и ихъ милостью панами и возными сведчилъ, ижъ за рокъ 1577, 1587, 1588, 1589, 1591, 1592, 1593 и 1594—не маешь; которые книги мы одыскаты будемъ повинни, такожъ за вси выны Е. К. М-ти и речи посполитее чинить и полнить ведлугъ воли и разказаня Е. К. М-ти будемъ повинни, а особливе, штосьмы винни за шкоды Е. М-ти п. старостѣ зосталы и листы и запысы наши на себе есьмо Е. М-ти далы и то все присягою телесною есьмо потвердылы и тотъ листъ нашъ, печатью нашею мескою притыснувши, Е. М-ти п. старосте Брацлавскому далы есьми; до которого за устною а очевистою прозьбою нашею Е. М. п. Крыштофъ Творянскій, ротмистръ Е. К. М-ти, п. Михайло Ласко, подсудокъ земскій брацлавскій, п. Людвикъ Злотницкій, п. Мыколай Злочевскій, п. Павелъ Прилуцкій, п. Войтехъ Богуславскій, п. Вацлавъ Тернавскій и возные воеводства Брацлавского: Яцко Шиколовскій генералъ, а Дмитръ Щыкитинскій, печати свое приложылы и руки свое, хто зъ ихъ милостей писаты умелъ, подписаты рачылы. Писанъ въ Брацлавли лета Божого нароженя 1595, мисяца іюня 8 дня (слѣдуютъ подписи) [1]).

Замокъ съ артиллеріею и амуниціею былъ сданъ мѣщанами немедленно намѣстнику старосты, но пополнить недостающія въ гродской канцеляріи актовыя книги оказалось невозможнымъ; книги эти были частью изорваны, частью унесены козаками; неудивительно, что поиски мѣщанъ, если даже таковые и предпринимались, не увѣнча-

[1]) Кн. гродск. винницкая записовая и поточная № 4627, стр. 46—48.

Библиотека "Руниверс"

лись успѣхомъ. Полтора года спустя послѣ явки ими вышеприведеннаго документа, канцлеръ Янъ Замойскій, скупавшій въ то время помѣстья въ Брацлавщинѣ, записалъ въ брацлавскія гродскія книги 1596 года, декабря 14, слѣдующее заявленіе: «Тыхъ недавно прошлыхъ часовъ люде сваволны, украинны—козацтво, на место и замокъ Брацлавскій наѣхавши, шляхту тамошнюю, которые ся были на роки, подъ часъ наѣхання ихъ припалы, зъѣхали, разгромивши, немало гвалтовъ и шкодъ причинили: книги земскіе и гродскіе тамошніе показили, а нѣкоторые побрали». Въ томъ числѣ истреблены были и документы Замойскаго: «листы головные, купни и записи на Стинку, Свиндеровщину и Бушую» [1]).

В. А.

Изъ разсказовъ о дикихъ лошадяхъ на югѣ Россіи.— Дикимъ конямъ въ послѣднее время посчастливилось: имъ посвящены (въ Ж. М. Нар. Пр.) два обширныхъ изслѣдованія П. И. Кеппеномъ и Д. Н. Анучинымъ, которые много потрудились надъ изученіемъ литературныхъ, главнымъ образомъ, извѣстій о дикихъ лошадяхъ на югѣ Россіи: о мѣстностяхъ, гдѣ водились дикіе кони, о физическихъ способностяхъ и нравахъ дикихъ коней, о пріемахъ охоты на нихъ, о прирученіи и пр. Однако, оба изслѣдователя не могли прійти къ соглашенію по вопросу первой важности: между тѣмъ какъ г. Кеппенъ выступаетъ съ мнѣніемъ, что позднѣйшія, водившіяся на югѣ Россіи еще не на памяти старожиловъ, дикія лошади суть потомки дикихъ лошадей древняго, скифскаго періода,— проф. Анучинъ считаетъ ихъ одичавшими домашними лошадьми. Предоставляя спеціалистамъ окончательное разрѣшеніе этого спорнаго вопроса, предлагаю въ настоящей замѣткѣ вниманію читателей имѣющіеся у меня разсказы двухъ стариковъ о дикихъ лошадяхъ; первый изъ этихъ разсказовъ записанъ В. Юрьевичемъ, второй—Ив. Экскузовичемъ; въ моей передачѣ разсказы должны были подвергнуться небольшой редакціонной обработкѣ.

I. Въ черноморскихъ степяхъ въ старое время водились лошади совершенно дикія, никому не принадлежавшія. Роста онѣ были менѣе двухъ аршинъ, масти—темно-мышастой, съ черной полосой на хребтѣ, съ короткими шеями, съ очень сухими ногами на короткихъ бабкахъ

[1]) Книга гродская винницкая № 4627, л. 44 на об.

Библиотека "Руниверс"

и съ очень твердымъ копытомъ; лопатки и ноги, отъ колѣнъ до копытъ, были такой же масти, какъ спинная полоса; хвостъ, грива, концы ушей и конецъ морды были тоже темной масти. Водились онѣ табунами. Въ табунѣ обыкновенно было ихъ по нѣсколько десятковъ головъ. Водилъ и сторожилъ табунъ одинъ жеребецъ, который, при приближеніи опасности, уводилъ за собой весь табунъ, при чемъ нерѣдко послѣдній мчался безъ остановокъ нѣсколько десятковъ верстъ. Такъ какъ черноморскія степи орошены на сѣверѣ обильнѣе, чѣмъ на югѣ, то табуны лѣтомъ подвигались на сѣверъ, а на зиму переходили на югъ, такъ какъ зимы тамъ теплѣе, и выгребали себѣ изъ подъ снѣга въ пищу сухую траву. Нрава онѣ были очень дикаго; охота на нихъ была очень трудна и не представляла никакой пользы, такъ какъ, будучи пойманы, онѣ не принимали пищи и умирали съ голода, или убивались при выѣздкѣ. Охотились на нихъ при помощи заранѣе вырытыхъ ямъ, въ которыя старались ихъ загнать. По мѣрѣ увеличенія населенія черноморскихъ степей, дикія лошади постепенно отодвигались къ юго-востоку и впослѣдствіи совершенно исчезли въ закаспійскихъ степяхъ.

II. Въ тридцатыхъ годахъ, имѣя лѣтъ 8 отъ роду, я гостилъ у тетки моей, помѣщицы херсонскаго уѣзда, въ обществѣ тройхъ ея сыновей, моихъ сверстниковъ. Однажды намъ сказали, что поваръ, бывшій ночью на засѣдкѣ, убилъ дикаго жеребца, и что этого послѣдняго привезли уже въ экономію. Не теряя ни минуты времени, всѣ мы ввалились въ большой сарай, въ которомъ стояли сани съ убитою лошадью, которую осматривала вся дворня. При нашемъ появленіи, зрители разступились и уступили намъ лучшія мѣста, такъ что мы получили возможность отлично разсмотрѣть лошадь: роста она была ниже средняго, кажется, менѣе извѣстныхъ намъ пони, хвостъ густой, кудрявый, чорный, грива тонковата, также курчавая и черная, рубашка вся безъ отмѣтъ, мышинаго цвѣта, глянцовитая, уши маленькія, стоячія. Поваръ получилъ съ нея 4 пуда сала. Охота на дикихъ лошадей производилась слѣдующимъ образомъ. Съ осени вокругъ скирдъ сѣна копались волчьи ямы, которыя хорошо закрывали хворостомъ и тростникомъ и засыпали соломой и бурьяномъ; а притрушенныя снѣгомъ, онѣ и вовсе становились незамѣтными. И вотъ косякъ дикихъ лошадей приходилъ покормиться сѣномъ, и нѣкоторыя, не замѣтивъ ямъ, попадали въ нихъ. Существовалъ еще такой способъ охоты. Ставили три скирды сѣна такимъ образомъ, что образовывался четыреугольный загонъ, одна изъ сторонъ котораго

Библиотека "Руниверс"

служила входомъ. Въ большіе холода, особенно при вѣтрѣ, дикія лошади сами заходили въ такіе загоны, чтобы укрыться отъ стужи, при чемъ охотники прятались въ сѣнѣ и при первой возможности набрасывали на нихъ прихваченные съ собою арканы. Не помню случая приручения взрослой дикой лошади; обыкновенно, онѣ не переносили неволи: пойманныя ничего не ѣли и погибали отъ тоски и голода. Но бывали рѣдкіе случаи выдерживанія дикихъ лошадей, пойманныхъ лошатами. Одному охотнику удалось поймать матку съ двумя маленькими лошатами. Матка черезъ нѣсколько дней пала, а двухъ лошатъ охотникъ-любитель собственноручно выкормилъ молокомъ. Когда они достигли двухлѣтняго возраста, онъ началъ запрягать ихъ, по очереди, вмѣстѣ съ домашней смирной лошадью. Послѣ настойчивыхъ и долгихъ усилій ему удалось нѣсколько усмирить дикарей; очень часто они пробовали проявлять свои природные инстинкты, но старая домашняя лошадь укрощала ихъ своимъ участіемъ въ запряжкѣ. Наконецъ, настойчивый учитель-охотникъ рискнулъ запречь двоихъ лошаковъ вмѣстѣ; но только-что онъ это сдѣлалъ, какъ лошаки вырвали изъ рукъ возжи, рванули телѣгу, разбили ее, а сами, какъ вѣтеръ, исчезли въ широкой степи навсегда.

Сообщилъ **В. Н. Ястребовъ.**

Полтава восемьдесятъ лѣтъ назадъ [1]). Полтава стоитъ по правую сторону рѣки Рогозны, неподалеку вытекающей и впадающей въ Ворсклу,—на горѣ, отбрасывающей восемь вѣтвей, съ небольшими оврагами, лѣсочками и садами въ средину города. Между ними протекаютъ небольшіе ручейки и впадаютъ въ рѣчки: Чорную и Полтавку, а сіи въ Рогозну. Съ восточной стороны у подошвы горы развертывается прекраснѣйшая равнина и касается прелестнаго холма, на которомъ возвышается монастырь, окруженный садомъ и рощею; по лугу, пересѣкаемому извилистою рѣкою и ручейками, разсыпаны кое-гдѣ лѣсочки; за равниною чрезъ лѣсъ мелькаютъ сельскія хижины, пески въ пріятной разнообразности. Обращаясь къ городу отъ Харьковской дороги—по косогору растянуты обывательскія хижины, осѣ-

---

[1]) Перепечатывая здѣсь любопытныя свѣдѣнія о Полтавѣ въ 1816 г. (Украинск. Журналъ 1816 г., май, 235—246 г.), усердно просимъ полтавскихъ старожиловъ о разъясненіи и дополненіи этихъ свѣдѣній. Насколько, напр., вѣрно свѣдѣніе, что въ срединѣ города находился садъ Кочубея, занимавшій будто *сто десятинъ*? — *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

нѣмые садами; на высотѣ горы нѣсколько красивыхъ домиковъ, а за ними—церкви. Съ Южной стороны обнимаютъ городъ покосы; а съ Западной и Сѣверной на равнинѣ пахатныя земли, по коимъ лежатъ дороги въ города: Зѣньковъ, Кременчугъ и Кобылякъ.—Прекрасное положеніе и виды—смѣло могу сказать—рѣдкіе около Полтавы. Перо путешественника-поэта и кисть живописца найдутъ здѣсь пріятнѣйшее для себя занятіе.

Городъ раздѣленъ на семь большихъ площадей, двѣнадцать площадокъ для красивости и сто три улицы, расположенныхъ по плану. Все это занимаетъ 1087 десятинъ.

Зданія на старыхъ мѣстахъ оставленныя.

Монастырь, Соборъ, три каменныя и четыре деревянныя приходскія Церкви, два каменныхъ казенныхъ дома: для воспитанія бѣдныхъ въ три, и для Городской Думы и Ратуши въ два этажа.

Частные домы—исключая не многіе—всѣ назначены къ сломкѣ и перенесенію по плану.

Казенныя зданія, вновь по плану устроенныя.

(Съ 1803—по открытіи губерніи).

Въ центрѣ круглой площади, называемой Александровскою, имѣющей въ діаметрѣ 162 сажени и принимающей въ себя восемь правильныхъ улицъ, воздвигнутъ монументъ въ воспоминаніе достославной побѣды Великаго Петра надъ Карломъ XII, королемъ Шведскимъ.

Безъ сомнѣнія, ты видѣлъ рисунокъ онаго въ Петербургѣ; но мудрено ли забыть? Я напомню: онъ имѣетъ изъ полированнаго гранита квадратное основаніе, изъ коего выглядываютъ со всѣхъ сторонъ 18 большихъ чугунныхъ пушекъ; по краямъ онаго желѣзные мечи съ позолоченными эфесами составляютъ балюстраду; съ двухъ сторонъ ступеньки изъ песковатаго камня ведутъ къ пьедесталу изъ гранита-жъ, на коемъ возвышается чугунная колонна, украшенная бронзовою коринѳскою капителью; на ней полушаріе, на которомъ утвержденъ орелъ съ распростертыми крыльями, держащій въ носу лавровый вѣнецъ, а въ лапахъ перуны; колонна въ трехъ мѣстахъ обвита лавровыми вѣнками; по двумъ сторонамъ пьедестала—арматура, на третьей—среди свитой въ кольцо змѣи написано: *іюня 27 дня 1709 года*; на четвертой:—*Окончена 1809 года*, а внизу: *Попеченіемъ Малороссійскаго Генералъ-Губернатора Князя Алексѣя Борисовича Куракина*[1]),

[1]) Всѣ сіи украшенія—изъ бронзы.

Библиотека "Руниверс"

около основанія на небольшомъ разстояніи поставлены изъ дикаго камня тумбы, соединенныя желѣзными цѣпями. Высота монумента $6^1/_2$ саженъ.

Въ Полтавѣ прежде былъ кирпичный монументъ, въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ поставленный, въ видѣ конической пирамиды съ позолоченною короною, треугольнымъ сіяніемъ на верху, и стихами на мѣдной доскѣ, изображающей Полтавское сраженіе. Но онъ вмѣстѣ съ другими строеніями уничтоженъ по предназначенію.

Вотъ *стихи вырѣзанные на доскѣ:*

„Полтавской брани видъ являетъ сей металлъ,
Какъ въ день Самсоновъ Карлъ, сраженъ Петромъ, упалъ;
Симъ сдѣлалъ Богъ съ небесъ начало Русской славы,
Руденко, гражданинъ усерднѣйшій Полтавы,
Котораго отецъ въ сей славной битвѣ былъ,
И вольность чрезъ Петра изъ плѣна получилъ,
Въ благодареніе Всевышнему Сіону,
Устроилъ каменный священный храмъ Самсону;
Въ хвалу-жъ Петровыхъ дѣлъ, грядущихъ въ память дней,
Средъ стѣнъ Отечества поставилъ образъ сей".

Доска сія нынѣ хранится въ церкви Воскресенія Христова.

Монументъ и стихи, конечно, недостойны были своего назначенія. Но ихъ произвело усердіе частнаго человѣка и пламенная любовь къ Отечеству, Государю, въ память потомству. Сія чистая жертва, на олтарь Отечества возложенная, возбуждала бы кажется въ согражданахъ его, въ друзьяхъ, въ дѣтяхъ, въ потомкахъ чувство подобное его чувству, и дѣяніе глубже врѣзывалось бы въ сердца ихъ.—Надлежало бы потому его оставить; но рука времени начала разрушать его и портить мѣсто.

Обратимся къ новымъ казеннымъ зданіямъ пріятнѣйшей архитектуры, площадь Александровскую украшающимъ.

Іоническаго ордена въ три этажа: домъ генералъ-губернатора обведенный стѣною; губернскія присутственныя мѣста въ два этажа; Малороссійскій почтамтъ [1]) обведенный стѣною. Дорическаго: домъ Губернатора въ три, Вицъ-Губернатора въ два этажа. Смѣшеннаго: домъ Повѣтовыхъ присутственныхъ мѣстъ въ два, почтовый станъ и городской трактиръ въ одинъ этажъ. Коринѳскаго: дворянскій домъ въ два этажа. На второмъ этажѣ онаго между крайними колоннами поставлены двѣ алебастровые Богини: *Слава и Изобиліе.*

[1]) Назначенъ быть. Нынѣ занятъ—только экспедиціею и проч.

Библиотека "Руниверс"

На другихъ мѣстахъ одноэтажныя каменныя строенія:

Два корпуса, для воспитанія бѣдныхъ назначенные, съ высокою стѣною и четырьмя башнями; по разнымъ улицамъ десять теплыхъ будокъ, сукновальня (съ прудомъ).

Изъ неженаго кирпича:

Съѣзжая съ конической башнею; при въѣздѣ съ Зѣньковской дороги двѣ харчевни съ куполами; семь кузницъ.

Деревянныя:

Богоугодное заведеніе или больница (нѣкоторыя принадлежности каменныя). При оном заведены сады: Ботаническій, и для прогулки больныхъ. Домъ вмѣщающій Гимназію и Повѣтовое Училище; оба приобрѣтены отъ частнаго лица и поправлены. На другой площади 50 сажень въ діаметрѣ имѣющей,—мясные лавки правильный многоугольникъ составляющія. Галлереи для продажи печенаго хлѣба на площади торговой. Пять правильныхъ кварталовъ вмѣщаютъ въ себѣ одинаковыхъ оплѣтенныхъ хворостомъ и обмазанныхъ глиною (нѣкоторые подведены кирпичемъ) чистенькихъ домиковъ 51; въ нихъ живутъ иностранные фабриканты вывезенные изъ Германіи послѣ Тильзитскаго мира; въ срединѣ одного квартала устроенъ механическій колодизь съ бассейномъ.

Каменныя частныя строенія:

11 торговыхъ лавокъ съ деревянною колонадою, изъ коихъ крайняя съ куполомъ; недоконченныхъ—семь. По такъ называемой Александровской улицѣ, ведущей отъ монумента къ соборной колокольнѣ и отличающейся отъ прочихъ строеніемъ, два дома-въ два, и одинъ въ полтора этажа. (По бульвару—домикъ, въ одинъ этажъ). На той же улицѣ.

Деревянныя:

Въ два—два, въ полтора—четыре, въ одинъ этажъ два дома.

Въ пятнадцати кварталахъ семнадцатью правильными улицами ограниченныхъ и расположенныхъ по чистому и ровному полю построено 176 домиковъ большею частію съ соломянными крышами. По очищеннымъ и неочищеннымъ отъ стараго строенія улицамъ по плану построено 131 домикъ.

На улицахъ столярной работы красивыхъ колодцевъ устроенныхъ на щетъ городской думы—пять.

Библиотека "Руниверс"

До открытія Губерніи не было и десятка порядочныхъ домовъ, ни одной прямой улицы.

Замѣчу еще: Новополтавская улица умощенная битымъ кирпичемъ, залитая известью и усыпанная пескомъ съ тротуаромъ по обѣ стороны—одна въ городѣ не ужасаетъ грязью; Александровская шириною въ 13 сажень съ тротуарами же по обѣ стороны, набитая землею между оплѣтенныхъ хворостомъ квадратно набитыхъ колковъ и усыпанная пескомъ, также и другія старыя и новыя улицы—непроходимы въ дождливое время.

Теперь, другъ мой, пройдя со мною до двухъ верстъ по бульвару между двумя рядами деревьевъ насаженныхъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ крѣпостной валъ, войди въ городской садъ обнесенный вокругъ рѣшеткою съ тремя воротами. Онъ достоинъ вниманія. Ты ненайдешъ въ немъ огромныхъ пирамидъ, великолѣпныхъ павильоновъ, бассейновъ, фонтановъ; не перейдешъ ни одного мостика; любопытные твои взоры не остановятся ни на одной Греческой или Римской статуѣ: но тебя восхититъ прелестнѣйшее мѣстоположеніе. Излучистыя усыпанныя пескомъ дорожки то поведутъ тебя между густыхъ сиренгъ, черезъ многія площадки; то спустятъ по деревяннымъ ступенькамъ подъ горку и остановятъ у впадины съ дерновыми диванами предъ которыми четвероугольный гранитный камень занимаетъ мѣсто столика: тутъ глазамъ твоимъ представляется рытвины и прекраснѣйшіе виды между двухъ нависшихъ надъ головою деревьевъ; ты сойдешъ внизъ густою алейкою, и передъ тобою зазеленѣется бархатной лугъ, въ концѣ котораго развѣсистый кленъ заманитъ тебя подъ тѣнь свою; неуспѣешъ сѣсть на рѣшетчатое бѣлое полукруглое канапе, какъ пожелаешъ итти къ представляющейся невдалекѣ на возвышеніи свѣтлой бесѣдкѣ съ зеленымъ куполомъ покрывающимъ восемь колоннъ; небольшой утесъ, поднимаясь доведетъ тебя до возвышенности; тутъ полукруглая лѣстница введетъ тебя въ бесѣдку—и ты захочешъ быть поэтомъ, живописцемъ: лѣсочки, кустики, хижинки то на горѣ то въ оврагахъ разбросанныя, опускающіяся и подымающіяся вокругъ дорожки, по коимъ земледѣлецъ гонитъ воловъ своихъ или овецъ, синѣющійся чрезъ поле ландшафтъ—заведутъ духъ твой въ волшебную область мечтаній, упоятъ сердце твое удовольствіемъ. Выди изъ бесѣдки, кружись вмѣстѣ съ дорожками, любуйся кудрявыми деревьями, дерновыми диванами около нихъ, отдохни на скамеечкѣ, послушай пѣвца весны,—и дойди до площадки усѣянной цвѣтами: тутъ готическая бесѣдка съ соломенною крышею и

Библиотека "Руниверс"

фронтономъ поддерживаемымъ четырью суковатыми березами привлечетъ тебя къ себѣ для отдохновенія; посмотри вверхъ—и на кровлѣ увидишъ два растущіе дуба укоренившіеся въ стѣнѣ... Но можно ли изчислить всѣ красоты природы въ саду семь встрѣчающіяся? Можно ли не вспомнить на каждомъ шагу того кто его усовершенствовалъ?

Полтава никогда не забудетъ князя Алексѣя Борисовича Куракина бывшаго Малороссійскимъ Генералъ-Губернаторомъ [1]) Онъ былъ виновникомъ преобразованія ея; попеченіямъ его обязана она удовольствіемъ, которое доставляетъ садъ купленный отъ частныхъ лицъ, который могъ бы украсить и столицу!

Сады графа Разумовскаго и ст. сов. Кочубея—также заслуживаютъ вниманіе. Послѣдній съ домомъ занимаетъ слишкомъ 100 десятинъ. Полтава вообще изобильна—*садиками*, особливо между овраговъ.

Въ заключеніе повторю: положеніе и виды Полтавы, Александровская площадь и городской садъ суть предметы, безъ коихъ городъ, за всѣми отчасти устроенными правильными улицами—не можно было бы назвать и *посредственнымъ*; много еще надобно усилій и времяни чтобъ привесть его къ совершенству по предназначенію.

Не забудь—я хотѣлъ тебя только познакомить съ мѣстоположеніемъ и новыми постройками Полтавы. О числѣ жителей, старыхъ обывательскихъ домовъ и проч.—почелъ излишнимъ распространяться. Прости.

Егоръ Акимовъ.

Къ исторіи бродячихъ сказаній о мудрыхъ судьяхъ.—*(По поводу одной малорусской литературной обработки).* Существуетъ очеркъ ст. фонъ-Носа [2]), составленный «по фамильнымъ воспоминаніямъ»: «Украинскій Соломонъ, его кейфъ и судъ». Здѣсь разсказывается, какъ къ смѣлянскому сотнику Тарану (въ концѣ прошл. в.) пришла дивчына Ганка Левадивна жаловаться на молодого козака Корнія Заволоку, который ее изнасиловалъ, и просила взыскать съ него деньги за безчестье. Сотникъ приказалъ парубку уплатить дѣвкѣ двадцать золотыхъ. Ганка положила ихъ за пазуху и пошла домой. Сотникъ велѣлъ Корнію догнать ее и отобрать деньги: «А не однимешъ, барбарамы на пекарни будешъ бытый!» Однако Ганка оказа-

[1]) Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій въ послѣдствіи также способствовалъ украшенію города.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1883, іюль, стр. 492—505.

Библиотека "Руниверс"

лась такой сильной и такъ «штурхнула» козака, что тотъ «и тыну диставъ». Вернулась она съ жалобой къ сотнику, но онъ самъ забралъ у нея деньги, возвратилъ парню и заявилъ: «Ну, а тогди—чомъ ты не штурхнула його, якъ винъ теечкы... якъ його?!...» Послѣ того,—говоритъ г. фонъ-Носъ,—за сотникомъ Тарановъ утвердилось названіе «украинскаго Соломона», и сохранилось оно за нимъ въ фамильномъ преданіи.

Г. фонъ-Носъ ведетъ свой разсказъ въ такомъ тонѣ, что читатель можетъ принимать все, какъ сообщеніе о достовѣрнѣйшемъ историческомъ фактѣ, только облеченномъ въ беллетристическую форму. Но, вѣроятно, каждый изъ нашихъ читателей вспомнитъ также, что подобный же судъ приписывается Санчо-Пансѣ въ «Донъ Кихотѣ» (т. II, гл. 45) [1]); если кто пожелаетъ сопоставить разсказы фонъ-Носа и Сервантеса поближе, тотъ усмотритъ сходство не только въ самомъ сюжетѣ, но и въ обработкѣ, въ мелкихъ подробностяхъ. Между тѣмъ г. фонъ-Носъ два раза ясно говоритъ, что онъ писалъ по фамильнымъ воспоминаніямъ.

Разсказъ Сервантеса самъ по себѣ не самостоятеленъ: ужъ издатели [2]) замѣчаютъ это, указывая, что исторія о Санчо-Пансиномъ судѣ встрѣчается еще въ книжкѣ Франциска де-Осуна: Note de los Estados, напечатанной въ 1550-мъ г., причемъ полагаютъ, что эта исторія могла быть вымышлена Осуной, а могла и дѣйствительно случиться. Конечно, ни то, ни другое. Упомянутый мудрый судъ встрѣчается еще у Жака де Витри и Этьена де Бурбона [3]). Въ сборникѣ средневѣковыхъ латинскихъ разсказовъ (latin stories»), который

---

[1]) По новѣйшему русскому изданію (М. 1895) это будетъ страница 283—285 второго тома.

[2]) Стр. 285 цитированнаго изданія.

[3]) Напомнимъ, что Жакъ де Витри (Jacobusde Vitriaco) былъ однимъ изъ первыхъ проповѣдниковъ, которые, съ цѣлью привлечь вниманіе слушателей, стали вводить въ свою проповѣдь интересные разсказы и анекдоты—т. н. exempla (у насъ въ 17-омъ в. это слово переводилось: „приклады“). Онъ много лѣтъ былъ съ крестоносцами въ Палестинѣ, былъ въ 1217-омъ г. поставленъ даже въ епископы г. Акры, и бо́льшую часть своихъ exempl'овъ онъ несомнѣнно заимствовалъ изъ восточной словесности. Его сборникъ наз. „Sermones de tempore et sanctis“. Умеръ онъ въ Римѣ ок. 1240 г. Этьенъ Бурбонскій (Stephanus de Borbone)—его современникъ. (умеръ около 1261 г.)—писалъ „Liber de septem donis“, гдѣ собраны всякіе exempla для употребленія проповѣдниковъ. Извлеченіе изъ Этьена Бурбона даны Лекуа де ла Маршемъ (Пар. 1877), а сборникъ Ж. де Витри вскорѣ будетъ полностью напечатанъ въ Бельгіи.

Библиотека "Руниверс"

изданъ Райтомъ (Wright) для «Percy society», этотъ судъ изложенъ подъ № 20: «Слышалъ я объ одной женщинѣ, которая обвиняла одного юношу, будто онъ ее изнасиловалъ. Юноша отрицалъ вину. Судья сказалъ: «уплати ей десять серебряныхъ марокъ за безчестье, которое ты ей причинилъ». Женщина, получивши деньги, ушла довольная, но судья сказалъ юношѣ: «догони ее и отними деньги». Тотъ попытался было исполнить приказаніе судьи, т. е. отнять деньги, но женщина храбро вступила съ нимъ въ бой и звала на помощь: сбѣжалось много народа и не дали ему ничего сдѣлать. Опять представили обоихъ къ судьѣ.—«Женщина!» спросилъ онъ: «что съ тобой? чего ты желаешь? чего ты такъ громко кричишь?» Она отвѣтила: «Потому что онъ попытался было отнять деньги. Но я храбро отразила его и кричала такъ, что онъ ничего не сдѣлалъ».—«А если такъ», сказалъ судья, «то возврати юношѣ его деньги. Вѣдь еслибъ ты и раньше старалась храбро отразить его и кричала, то онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы тебя изнасиловать: ты больше любишь деньги, чѣмъ женскую честь».—Тоже разсказывается въ старинныхъ итальянскихъ новеллахъ Маллеспини (II, № 56) и въ старинномъ французскомъ сборникѣ: «Cent nouvelles (25, «Forcèe de Gré»). Происхожденіе этой темы, повидимому, восточное, такъ такъ она встрѣчается и въ числѣ персидскихъ анекдотовъ, собранныхъ у Гледвина въ его «Persian Moonshee» (Кальк. 1801 и Лонд. 1840), и въ различныхъ индійскихъ сборникахъ разсказовъ[1]).

Какъ видимъ, разсказъ г. фонъ-Носа такого рода, что такъ и просится въ кругъ фольклористическихъ изслѣдованій. Для избѣжанія различныхъ произвольныхъ догадокъ и гипотезъ желательно было бы получить отъ самого автора всѣ необходимыя разъясненія. Писалъ ли онъ подъ какимъ-нибудь вліяніемъ Сервантеса, или нѣтъ? Какъ возникъ его разсказъ? Сотникъ Таранъ и вся прочая историческая обстановка—не введены ли они въ разсказъ просто въ силу писательскаго права художественной выдумки, вполнѣ понятной въ беллетристическомъ произведеніи? или же въ преданіяхъ семьи фонъ-Носовъ дѣйствительно фигурируетъ имя Тарана? И самое то семейное преданіе (буде оно есть),—изложилъ ли его авторъ вполнѣ точно, этно-

---

[1]) См. нашъ переводъ В Клоустона: „Народни казки та выгадки Якъ воны блукають та перевертаються“ Львовъ 1896, страница 40—41. Въ англійскомъ ориг.—стр. 29.

Библиотека "Руниверс"

графически, не позволяя себѣ ничего вставить своего, или же, напротивъ, съ добавками? Сотникъ Таранъ—дѣствительно ли носилъ въ народѣ имя «украинскаго Соломона»?.

Если почтенный авторъ прямо намъ заявитъ, что онъ «Донъ-Кихотомъ» не пользовался, что онъ сообщилъ только чистое преданіе безъ всякихъ своихъ добавленій, и если будетъ констатировано, что сотникъ Таранъ дѣйствительно носилъ прозвище Соломона, то въ такомъ случаѣ, кажется намъ, очень естественно будетъ допустить слѣдующую догадку: въ судебной практикѣ Тарана врядъ ли состоялось именно такое рѣшеніе, о какомъ у насъ идетъ рѣчь, но, такъ какъ сотникъ (по крайней мѣрѣ хоть въ роду фонъ-Носовъ) слылъ Соломономъ, то къ его имени впослѣдствіи легко могло припутаться вообще всякое гдѣ-либо услышанное сказаніе о мудромъ судѣ, и вотъ въ томъ числѣ Тарану было приписано и рѣшеніе Санчо-Пансы или какого-нибудь судьи средневѣковыхъ сборниковъ. Другое менѣе вѣроятное объясненіе—что сотникъ Таранъ могъ слышать «прыкладъ» о мудромъ судѣ въ проповѣди какого-нибудь южно-русскаго казнодія, и, когда ему самому представился аналогичный случай, воспользовался слышаннымъ. Третья догадка, довольно мало вѣроятная, но все же болѣе или менѣе допустимая,—что сотникъ могъ самъ собою додуматься до остроумнаго рѣшенія.

Надѣемся, что сообщенія, которыя, вѣроятно, не откажется дать самъ почтенный авторъ разсказа: «Украинскій Соломонъ», въ значительной степени, разъяснятъ вопросъ, имѣющій даже теоретическую важность.

А. Крымскій.

Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича.— Помѣстивъ въ прошлой книжкѣ журнала (№ 9) письма М. А. Максимовича къ С. П. Шевыреву, мы въ предисловіи къ нимъ высказали желаніе видѣть напечатаннымъ въ теченіе ближайшихъ годовъ возможно большее количество фактовъ, касающихся характеристики личности и дѣятельности М. А. Максимовича, біографія котораго въ ближайшемъ будущемъ должна быть составлена. Въ настоящее время нами добыты нѣкоторыя мелочныя справки, которыя мы и помѣщаемъ на страницахъ этой книжки.

Библиотека "Руниверс"

I.

Письмо Максимовича къ И. М. Снегиреву.

Письмо это, хранящееся въ Императорской Публичной библіотекѣ, не имѣетъ даты года и мѣста, а только помѣчено 24 мая; но по тексту письма видно, что оно писано въ Москвѣ въ 1858 году, когда Максимовичъ проживалъ въ Москвѣ, будучи вызванъ туда для веденія дѣлъ редакціи «Русской Бесѣды».

Почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ!

Позвольте возобновить мою просьбу о переписываніи вашей статьи на-бѣло: этого желаетъ А. Н. Кошелевъ, который сегодня отъѣзжаетъ изъ Москвы къ себѣ въ деревню и тамъ хочетъ предварительно прочесть статью вашу и нѣкоторыя другія, предназначенныя имъ для 3-й книги «Русской Бесѣды». Я не могу не передать Вамъ его желанія, котораго и съ своей стороны не могу отвергнуть, ибо какъ для чтенія издателю, такъ и для набора типографскаго чистая рукопись удобнѣе, чѣмъ автографская съ поправками et cetera, хотя въ другихъ отношеніяхъ этою послѣднею можно дорожить несравненно болѣе первой, хотя-бы и каллиграфической. Мнѣ сегодня что-то весьма нездоровится; дождь что-ли крѣпко ослабляетъ нервы мои. Въ началѣ слѣдующей недѣли буду имѣть удовольствіе видѣться съ вами. Съ истиннымъ почтеніемъ къ вамъ остаюсь на всегда вашъ М. Максимовичъ. 24 мая.

Статья ваша къ издателю Бесѣды перешлется изъ редакціи.

II.

Стихи Максимовича на смерть Т. Г. Шевченка.

Въ журналѣ «Основа», въ статьѣ съ описаніемъ похоронъ Т. Г. Шевченка на горѣ подлѣ Канева (1861 г. № 6) приведено то стихотвореніе, которое произнесено было Максимовичемъ на могилѣ поэта; начинается это стихотвореніе словами:

„Сподивалыся Шевченка
Сей годъ на Вкраину“...

Было это въ маѣ 1861 года. Теперь намъ сообщенъ автографъ другого стихотворенія Максимовича, написаннаго имъ сейчасъ по полученіи извѣстія о смерти Шевченка. Жилъ Максимовичъ въ то время

Библиотека "Руниверс"

у себя на хуторѣ, на Михайловой Горѣ, а верстахъ въ двухъ отъ него проживала семья его ближайшихъ родичей, Деркачей. Находясь со всей этой семьей въ хорошихъ отношеніяхъ, а особенно съ однимъ изъ своимъ двоюродныхъ братьевъ, Петромъ Львовичемъ Деркачемъ, Максимовичъ подѣлился съ нимъ тѣмъ грустнымъ настроеніемъ, которое охватило его послѣ полученія извѣстія о смерти Шевченка и которое вылилось въ стихотворной формѣ на языкѣ самого поэта. Вотъ текстъ коротенькой записки, сопровождавшей это стихотвореніе при посылкѣ его къ П. Л. Деркачу.

Посылаю вамъ, любезнѣйшій братъ Петръ Львовичъ, мою пѣсню на смерть Шевченка. Коли не отмолишься и не отплачешься отъ печали по умирающимъ друзьямъ, то хоть отспѣваться... Когда вы къ намъ? Дорога, говорятъ, совершенно неудобоѣзжая. Однако, я посылаю пѣшехода своего, не принесетъ ли чего желаннаго. Если будете ѣхать, то возьмите съ почты могущія тамъ быть посылки, въ томъ числѣ съ чаемъ; объявленіе можетъ быть подписано послѣ [1]).

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и въ Русской Рѣчи уже объявлено, что будетъ освобожденіе крестьянъ въ великій постъ—славный будетъ Великъ-день!

Кланяемся вамъ всѣ трое [2]).

Любящій васъ М. Максимовичъ.

15 марта 1861 года. М. Г. (Михайлова Гора).

Стихотвореніе будетъ напечатано въ одной изъ ближайшихъ книжекъ.

Сообщ. **В. Науменко.**

---

[1]) Получка писемъ, газетъ и посылокъ совершалась въ то время только въ г. Золотоношѣ, находящемся отъ хутора Максимовича въ 30 вер.

[2]) Т. е. онъ самъ, жена и маленькій сынъ.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Списокъ населенныхъ мѣстъ Кіевской губерніи. Изданіе 3 Кіевск. Губ. Стат. Комитета. Кіевъ. 1896 г. въ 8 д. л. 367 стр.

Книга эта напечатана третьимъ изданіемъ; состоитъ она изъ слѣдующихъ главъ. Въ первой говорится объ административномъ дѣленіи губерніи; во второй—о положеніи ея; въ третьей—о рѣкахъ и озерахъ; въ четвертой—о составѣ поверхности, при чемъ указано мѣстонахожденіе гранитовъ и подчиненныхъ имъ породъ: сіенита, гиперстенита и пеликанита; а равно осадочныя породы губерніи: глины разныхъ видовъ, пески и песчаники и мѣстонахожденія горючихъ веществъ—торфа и бураго угля. Слѣдующая затѣмъ глава трактуетъ о населеніи. Господствующее населеніе губерніи принадлежитъ къ малорусской народности; далѣе—по численному составу слѣдуютъ евреи, поляки, великороссы и нѣмцы. По величинѣ площади кіевская губернія занимаетъ 27 мѣсто въ числѣ губерній Европейской Россіи, а по числу жителей—первое. Всѣхъ жителей къ началу 1895 г. считалось 3,450,000, т. е. 27 жителей приходится на одну квадратную версту. Наиболѣе заселенъ кіевскій уѣздъ. Если сравнить число жителей въ 1845 году съ числомъ ихъ въ 1895, то окажется, что населеніе губерніи увеличилось болѣе, чѣмъ въ два раза, а именно: число православныхъ увеличилось на 97%, число католиковъ уменьшилось на 4%, а число евреевъ увеличилось на 207%. На тысячу всѣхъ вообще жителей приходилось въ 1845 г. 1895 г.:

православныхъ	848	825
католиковъ	56	26

Библиотека "Руниверс"

евреевъ	93	141
прочихъ	3	8

на одну тысячу православныхъ въ эти же годы приходилось:

католиковъ	65	32
евреевъ	109	171
прочихъ	4	9

Впрочемъ, большинство населенія (82,50) составляютъ православные, именно: въ уѣздахъ % православныхъ выражается 78,4° и 81°, а въ городахъ колеблется между 12,5% и 75,3. Въ Кіевѣ еврейское населеніе равняется 8,6% общаго числа жителей. Католики тоже сосредоточены въ Кіевѣ, гдѣ ихъ число равно 30,740 чел.; въ бердичевскомъ уѣздѣ 14,378, радомысльскомъ 11,165 человѣкъ, а по отношенію къ общему числу жителей въ Кіевѣ, населеніе католиковъ выражается 13,4%, въ бердичевскомъ уѣздѣ 7,6%, радомысльскомъ 4,2%, въ гор. Липовцѣ 4%; въ остальныхъ городахъ и уѣздахъ число ихъ колеблется между 2% и 0,1%.

Среди привилегированныхъ сословій православные занимаютъ первое мѣсто, а именно $^2/_3$ всего населенія, католики $^1/_5$ и евреи $^1/_{10}$.

Крестьяне кіевской губерніи состоятъ изъ 1985 сельскихъ обществъ, образующихъ 203 волости. На одно сельское общество приходится 1547 жителей всего сельскаго населенія и 1226 крестьянъ. По свѣдѣніямъ Временника Центральнаго Статистическаго Комитета 1894 г. число мужчинъ въ сельскихъ обществахъ равнялось 679,525 душамъ; число крестьянскихъ дворовъ (домохозяевъ) 306,367, въ числѣ которыхъ 44,995 безземельныхъ дворовъ.

Глава «о распредѣленіи земель въ губерніи», не смотря на то, что въ основу ея легли изданія Статистическаго Временника Россійской Имперіи за 1881 г. и Временника Центральнаго Статистическаго Комитета 1894 г., представляетъ большой интересъ. Вся площадь губерніи составляетъ 4,668,042 дес.; изъ этого числа въ 1895 г. было обложено разными сборами 4,199,285 дес. за исключеніемъ неудобной (подъ дорогами, озерами и т. п.) 468,757, т. е. 10%. Земли обложенныя распредѣляются такъ по угодіямъ: а) подъ усадьбами, садами и огородами 284,571 дес.; б) подъ пахатною 2,709,188 дес.; в) подъ сѣнокосами и выгонами 374,174 дес. и г) лѣсами и кустарниками 831,352 дес.; въ процентномъ отношеніи количество пахатной земли выражается 64,5%; лѣсная площадь 19,8%; сѣнокосы и выгоны 9% и усадебныя—6,7%. Больше всего пахатной земли находится въ бердичевскомъ, уманскомъ, таращанскомъ, звенигород-

Библиотека "Руниверс"

скомъ, липовецкомъ и сквирскомъ уѣздахъ. Съ 1881 года площадь посѣвовъ на всѣхъ крестьянскихъ земляхъ увеличилась на 6%, а на владѣльческихъ земляхъ на 10%. Раздѣляя площадь посѣвовъ на число крестьянскихъ домохозяйствъ, увидимъ, что на одинъ дворъ приходится въ среднемъ 5,7 десятинъ, а на одного рабочаго 1,5 дес. Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время, какъ площадь пахатной земли увеличилась, площадь сѣнокосной, выгонной и лѣсной уменьшилась, а именно: сѣнокосной—на 39,247 д., а лѣсной на 83,466 дес.

Что касается распредѣленія земли по владѣніямъ, то оно такое: а) городамъ, казнѣ и удѣламъ принадлежитъ 7,6% земли; остальная же часть ея распредѣляется поровну между частными владѣльцами и крестьянами; дворянамъ принадлежитъ 84,8%, а лицамъ другихъ сословій—15,2%. Въ частности казнѣ принадлежитъ 4,6% всей обложенной земли, удѣлу 2,2%. Изъ количества владѣльческихъ земель, которое равняется 46,3% всей обложенной площади земли, 40% принадлежитъ дворянамъ, а 6,3% лицамъ другихъ сословій. Наибольшее количество земель, принадлежащихъ дворянамъ, находится въ липовецкомъ, бердичевскомъ и сквирскомъ уѣздахъ (отъ 46,8% до 50,9%); наименьшее—въ васильковскомъ (27,9%); въ остальныхъ уѣздахъ отъ 33% до 43,7%. Крестьянскія земли въ уманскомъ, васильковскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ занимаютъ площадь болѣе 50%, въ радомысльскомъ 38,1%, а въ прочихъ отъ 40 до 49%. Наконецъ, нужно замѣтить, что болѣе $^3/_4$ имѣній принадлежитъ къ числу мелкихъ. Изъ общаго числа обложенной земли полякамъ принадлежитъ 810 имѣній въ губерніи; они занимаютъ площадь въ 780,029 дес. земли. Количество земли въ польскихъ владѣніяхъ уменьшилось съ 1872 года на 524,233 дес., а число владѣній на 324.

Землевладѣльцы поляки по отношенію къ общему числу владѣній составляютъ 7,1%, а принадлежащая имъ земля 18,6%. Въ черкасскомъ, чигиринскомъ, кіевскомъ, каневскомъ и звенигородскомъ уѣздахъ имъ принадлежитъ земли отъ 4,4% до 11,2%; въ васильковскомъ же, бердичевскомъ, сквирскомъ, таращанскомъ и липовецкомъ отъ 25% до 32%.

Можно пожалѣть, что Статистическій Комитетъ не дополнилъ свѣдѣній о земельномъ владѣніи болѣе новыми свѣдѣніями, которыя можно было взять изъ мѣстной казенной палаты; равнымъ образомъ весьма жаль, что составитель книги, говоря о задолженности помѣщичьихъ владѣній, ничего не говоритъ о задолженности крестьянскихъ владѣній и о количествѣ разныхъ платежей, упадающихъ на одну де-

Библиотека "Руниверс"

сятину, т. е. выкупныхъ платежей, поземельнаго налога и мірскихъ сборовъ. Конечно, въ этой же главѣ слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, сказать подробно и о натуральныхъ повинностяхъ крестьянъ, переведши ихъ въ денежную. Лучше всего было бы даже посвятить отдѣльную главу о натуральныхъ повинностяхъ, отбываемыхъ только крестьянами. Всѣ эти свѣдѣнія—неоспоримо весьма цѣнныя, можно было бы безъ труда добыть отъ гг. мировыхъ посредниковъ и отъ волостныхъ правленій. О натуральныхъ повинностяхъ слѣдовало уже потому сказать, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ—дорожная, не достигаютъ цѣли, крайне обременительны для населенія и стоятъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ болѣе 20,000 руб. по числу потраченныхъ дней населеніемъ.

Глава «о фабрично-заводской промышленности»—одна изъ самыхъ слабыхъ, между тѣмъ какъ могла быть одною изъ самыхъ интересныхъ и самыхъ полныхъ. Она составлена на основаніи книги, озаглавленной «Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1892 г.».

Значитъ, въ этой главѣ свѣдѣнія о фабрикахъ и заводахъ относятся къ 1892 году. Естественно, что эти свѣдѣнія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и не выражаютъ вполнѣ истиннаго состоянія фабрично-заводской промышленности губерніи, такъ какъ относятся къ 1892 г. и такъ какъ въ послѣдніе три года произошли значительныя перемѣны. Вообще не понятно, почему составителю книги понадобилось пользоваться старыми источниками, когда онъ могъ заимствовать самыя точныя свѣдѣнія за прошлый годъ. Стоило обратиться въ Кіевскую Казенную Палату или къ податнымъ и фабричнымъ инспекторамъ, и свѣдѣнія могли быть легко добыты. Правда, податные инспектора могли бы сообщить свѣдѣнія только о фабричныхъ заведеніяхъ, которыя облагаются дополнительнымъ раскладочнымъ сборомъ, но эти свѣдѣнія существеннѣйшія. Мы вполнѣ увѣрены, что какъ палата, такъ и податные и фабричные инспектора охотно исполнили бы просьбу Статистическаго Комитета. Въ послѣднемъ случаѣ картина фабрично-заводской промышленности получилась бы вѣрная и полная.

Не понятно также въ книгѣ подведеніе всѣхъ фабрикъ и заводовъ подъ общія рубрики: *обрабатывающіе растительные продукты, ископаемые и животные* безъ перечисленія этихъ заводовъ по каждому уѣзду.

Библиотека "Руниверс"

Вѣдь справочная книга должна служить для точныхъ справокъ. Слѣдовательно, важно въ данномъ случаѣ знать, въ какомъ уѣздѣ какія существуютъ фабрики. Перечислить ихъ поименно и обозначить по каждому заводу производительность его крайне необходимо. Если въ главѣ о составѣ поверхности упомянуты карьеры лабрадора Корчакъ-Новицкаго, годичная производительность которыхъ равнялась 5000 р., то почему же не перечислить поименно всѣхъ крупнѣйшихъ по крайней мѣрѣ фабрикъ и заводовъ по каждому уѣзду. Вѣдь человѣкъ, просмотрѣвшій весьма интересную *Справочную книгу*, можетъ и не подозрѣвать, что въ бердичевскомъ уѣздѣ существуетъ, напримѣръ, кожевенный заводъ Карла Шленкера, въ устройствѣ котораго примѣнено послѣднее слово науки; читатель, повторяю, и не подозрѣваетъ, что многія издѣлія этого завода не уступаютъ нисколько англійскимъ; что этотъ заводъ поставляетъ своихъ издѣлій на нужды войскъ ежегодно болѣе чѣмъ на 200,000 р. Равнымъ образомъ читатель не догадается, что въ томъ же уѣздѣ существуютъ прекрасныя вальцовыя мельницы кн. Кудашева и двор. Подгорскаго, перерабатывающія каждая ежегодно сырого продукта болѣе чѣмъ на 300,000 р. Конечно, еслибы подъ каждою общею рубрикою были перечислены и поименованы всѣ заводы, существующіе въ каждомъ уѣздѣ, то тогда только можно было бы судить вѣрно о фабричной производительности губерніи.

Относительно вѣрности производительности кожевенныхъ заводовъ мы позволяемъ себѣ усомниться. Укажемъ, напр., на то, что въ бердичевскомъ уѣздѣ оборотъ въ пяти заводахъ на 1895 г. опредѣленъ уѣзднымъ податнымъ присутствіемъ въ 900,000 р. Неужели производительность остальныхъ 65 заводовъ губерніи равняется только 1,000,000 р.?

Наконецъ, послѣдняя категорія—заводы, обработывающіе смѣшанные продукты, совсѣмъ непонятна для непосвященнаго читателя. Повторяемъ, что въ такихъ книгахъ, какъ Справочная книга, общія рубрики подраздѣленія заводовъ не удобопонятны для обыкновеннаго читателя и не даютъ точнаго понятія о производительности губерніи. Онѣ умѣстны только въ учебникахъ Статистики и въ статистическихъ работахъ по цѣлой странѣ.

Послѣ этой главы идутъ населенныя мѣста Кіевской губерніи по уѣздамъ. Здѣсь указано, на сколько становъ раздѣленъ каждый уѣздъ, сколько волостей, военно-конскихъ участковъ, сколько судебно-мировыхъ и судебно-слѣдственныхъ участковъ. Затѣмъ подъ

Библиотека "Руниверс"

слѣдующими рубриками: названіе волостей—перечисляются всѣ волости уѣзда въ алфавитномъ порядкѣ; число жителей число населенныхъ мѣстъ, число православныхъ приходовъ, молитвенныхъ зданій и учебныхъ заведеній; родъ землевладѣнія: сколько усадебной, пахатной и т. п. и качество земли. Послѣ исчисленія волостей идутъ въ алфавитномъ порядкѣ по каждому уѣзду населенныя мѣста съ указаніемъ, къ какой волости они принадлежатъ, при какой рѣкѣ находятся, сколько дворовъ, число жителей, разстояніе отъ уѣзднаго города, отъ становой квартиры, отъ станціи желѣзной дороги и въ примѣчаніи указаны церкви, почтовыя станціи, ярмарки, базары, пристани, фабрики, заводы и почтовыя учрежденія, черезъ которыя получается корреспонденція.

Эта глава отличается нѣкоторыми пропусками. Въ то время, какъ сюда занесены даже отдѣльно стоящія по дорогамъ корчмы, пропущено, напримѣръ, около г. Бердичева поселеніе «Бараній островъ», гдѣ живетъ около 200 лицъ и гдѣ находится замѣчательный кожевенный заводъ съ 300 рабочими. Замѣтимъ еще, что въ книгѣ допущено много сокращеній словъ, затемняющихъ смыслъ.

Не смотря на указанные недостатки, «Списокъ населенныхъ мѣстъ кіевской губерніи» имѣетъ весьма важное значеніе для знакомства съ губерніею.

Ал. А—чъ.

А. Н. Лисовскій. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченко. Издана въ Полтавѣ.

Начавъ съ удовольствіемъ читать упомянутую книгу, изданную въ Полтавѣ, которая не особенно любитъ дѣлиться съ міромъ состояніемъ своей мысли,—мы вынесли изъ нея прежде всего странное впечатлѣніе и непониманіе, для кого написана эта книга? Ясно, что она написана не для народа, такъ какъ одѣта въ чужую для него форму и притомъ изобилуетъ массой выраженій, требующихъ высшаго развитія; но, съ другой стороны, и для читателя, привыкшаго къ нѣкоторой солидности историко-литературныхъ работъ, названная книга ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть пригодной и оправдывающей преслѣдуемыя авторомъ цѣли... Какъ-же это произошло? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужитъ разборъ самой книги г. Лисовскаго. Въ этой книгѣ авторъ задумалъ уловить «главные

Библиотека "Руниверс"

мотивы» въ поэзіи Шевченка, — вещь во всякомъ случаѣ чрезвычайно сложную. Для исполненія задуманной задачи, авторъ выбралъ четыре поэмы Шевченка (Наймычка, Катерына, Гайдамаки, Неофиты), послужившія для него прототипомъ «главныхъ мотивовъ», пробѣжалъ вскользь нужные ему элементы въ лирической поэзіи Кобзаря и закончилъ указаніемъ въ поэзіи Шевченка личнаго его элемента,—исполняя все это весьма неудовлетворительнымъ образомъ. Эта неудовлетворительность исполненія обнаруживается какъ въ научномъ методѣ автора, такъ и въ болѣе мелкихъ пріемахъ анализа и синтеза поэзіи Шевченка и, наконецъ, въ выясненіи общеизвѣстныхъ истинъ теоріи литературы. Начнемъ съ метода...

Въ анализѣ г. Лпс—аго основной точкой зрѣнія являются чисто формальныя положенія теоріи поэзіи,—именно: дѣленіе ея на поэзію жизни, силы, правды, чувства и т. д. Мы не станемъ говорить объ очевидной ненаучности дѣленія этихъ «поэзій», объ ихъ крайней метафизичности и безпочвенной абстрактности,—мы только спросимъ г. автора «главныхъ мотивовъ», неужели эти «поэзіи» жизни, чувства и т. д. говорятъ что-нибудь не только читателю, принявшему ихъ за научныя истины, но даже самому г. автору разбираемой книги? Неужели понятія жизни, силы, чувства, правды,—составляющія высшія обобщенія конкретныхъ фактовъ біологіи, психологіи, этики и т. д., могутъ что-нибудь значить тогда, когда они, какъ у г. Л—го, употреблены безъ всякаго опредѣленнаго значенія, какъ какія-то висящія въ воздухѣ метафизическія сущности?.. Г. Л—му нужно было помнить, что въ лицѣ своихъ основъ—«поэзій» онъ имѣетъ дѣло не съ положеніями физики, психологіи и т. д., а съ мало понятными абстракціями, которыя онъ долженъ былъ-бы, по крайней мѣрѣ, объяснить, если захотѣлъ поставить ихъ въ основу своего разсужденія... Но г. авторъ этого не сдѣлалъ, и поэтому «анализъ» произведеній Шевченка вышелъ у него не анализомъ, а ложнымъ пригнаніемъ поэзіи Шевченка подъ неправильныя и ничего не говорящія читателю формулы.

Не отдавая себѣ отчета въ реальномъ значеніи своихъ формулъ, г. Л—ій такъ подвелъ подъ нихъ нѣкоторыя поэмы нашего генія, наговорилъ такую массу крайне непонятныхъ вещей, пересыпанныхъ затемняющими изложеніе лирическими отступленіями, что о значеніи сущности, наконецъ, о мотивахъ поэзіи Шевченка мы получаемъ какое-то чрезвычайное впечатлѣніе. Обратимся къ первому произведенію Шевченка,—Наймычкѣ, въ которой г. Л—ій находитъ картину необъясняемой имъ поэзіи жизни... Съ первыхъ же строкъ авторъ

Библиотека "Руниверс"

замѣчаетъ, что въ ней нѣтъ «ни завязки, ни развязки,—нѣтъ ни интересныхъ національныхъ типовъ, ни оригинальныхъ обычаевъ, даже «отсутствуетъ въ ней романическій интересъ, интересъ повѣствованія или изображенія»... Стоитъ-ли послѣ этого говорить о самой «Наймычкѣ»,—если значеніе ея приводится въ ней къ нулю? Конечно, не стоило-бы! Но авторъ не такого мнѣнія: онъ наговариваетъ Шевченку еще кучу комплиментовъ вродѣ того, что въ поэмѣ его замѣчается «отсутствіе всего оригинальнаго, незауряднаго», что «поэтъ ни однимъ словомъ не описываетъ ихъ (дѣйствующихъ лицъ); но ихъ фигуры сами собою возникаютъ въ нашемъ воображеніи, какъ возникаютъ въ воображеніи картины уединеннаго хутора» (стр. 5); наконецъ, заканчиваетъ свое введеніе тѣмъ, что говоритъ, будто-бы въ «Наймычкѣ», «собственно говоря, и событія никакого нѣтъ (?)» и послѣ этого приступаетъ къ анализу, т. е. къ подведенію содержанія «Наймычки» подъ формулу поэзіи жизни. Тутъ у г. Лис—каго выходитъ вдругъ, что дѣйствующія лица у Шевченка почему-то живутъ и что даже «судьба ихъ интересуетъ насъ, какъ судьба живыхъ людей; затѣмъ, при дальнѣйшемъ изученіи поэмы, г. автора даже «охватываетъ мягкая волна душистаго степного воздуха; чувствомъ и мыслью (говоритъ онъ) мы переносимся на этотъ уединенный хуторъ, затерявшійся среди неизмѣримаго зеленаго простора. Такимъ образомъ, при всей безъискусственности поэмы, высшія цѣли достигаются ею. Какъ это происходитъ?»

Тутъ г. Л—ій начинаетъ намъ объяснять эту поистинѣ удивительную вещь, какъ изъ ничего у Шевченка является все; разсказываетъ намъ содержаніе «Наймычки», отмѣчаетъ «умилительное благочестіе» украинскаго народа, расхваливаетъ дивный языкъ поэмы, но все это пишетъ не на тему: не объясняетъ совершенно, почему-же «Наймычка» есть продуктъ «поэзіи жизни», и что, самое главное, какой именно жизни? Поговоривши о «Наймычкѣ» еще немного и не замѣчая, что имъ въ сущности не сказано ничего и что анализа «поэзіи жизни» у него нѣтъ никакого,—бросивши, наконецъ, «философское» замѣчаніе, «что поэты славянскіе, въ противоположность романскимъ, не умѣютъ ни радоваться жизни, ни бороться съ нею, (?) г. Л—ій кончаетъ свой метафизическій этюдъ о Наймычкѣ и переходитъ къ слѣдующей своей поэзіи—поэзіи чувства... Нечего и говорить, что дальнѣйшее изложеніе г. автора, въ силу неправильнаго примѣненія невѣрныхъ положеній, идетъ такимъ же ненаучнымъ путемъ, какъ и разсужденіе о «Наймычкѣ»... Во второй главѣ г. Лисов-

Библиотека "Руниверс"

скій выдумываетъ какую-то особенную «поэзію чувства»,—какъ будто вообще можетъ быть поэзія не чувства?—и подводитъ «Катерыну» подъ эту «поэзію», когда совершенно легко, по терминологіи автора, ее можно подвести и подъ пресловутую «поэзію жизни»! Все вообще изложеніе мыслей у г. Л—аго спутано здѣсь невѣроятно, благодаря, конечно, ненаучному методу автора; но кромѣ «неметодичности», у него является масса и всякихъ другихъ серьезныхъ промаховъ. Возьмемъ, напримѣръ, самое начало второй главы: «поэзія чувства не есть поэзія любви или гнѣва, жалости или отчаянія; вообще не есть поэзія того или другого чувства въ отдѣльности; это есть поэзія чувства вообще»... Удивительныя вещи! Гдѣ это г. Л—ій взялъ поэзію чувства, которая изображала бы чувство «вообще?» Гдѣ онъ нашелъ это «чувство вообще»? До сихъ поръ привыкли думать въ наукѣ, что абстракція «чувства», употребляемая въ психологіи, даже и въ этой наукѣ имѣетъ смыслъ только тогда, когда за нею разумѣется какое-нибудь конкретное чувство, а тѣмъ болѣе, конечно, въ литературѣ, гдѣ каждое поэтическое произведеніе непремѣнно изображаетъ какое-нибудь чувство *въ отдѣльности* и внѣ этого отдѣльнаго чувства не можетъ даже быть мыслимо. Не удивительно, поэтому, что при такихъ взглядахъ даже на свою оригинальную «поэзію чувства», которая никакого чувства не изображаетъ, г. Л—ій, кромѣ метафизическаго тумана, ничего больше въ своемъ изслѣдованіи о Катеринѣ и не даетъ! Мало того, потративъ нѣсколько времени на разговоры о «Катеринѣ», г. Л—ій въ концѣ концовъ заявляетъ, что въ поэмѣ нѣтъ «ни дѣйствующихъ лицъ, ни дѣйствія» (стр. 12), или что въ ней нѣтъ ни событій, ни лицъ,—только слезы и пѣсни!». Вотъ поэма, подумаешь со словъ г. Л—каго. И вотъ изслѣдователь, который, не взирая на пустоту и отсутствіе лицъ и событій, своими неумѣренными лирическими порывами и неумѣлыми пріемами находитъ какія-то пѣсни и слезы, появившіяся или откуда-то съ небесъ, внѣ лицъ и событій, или-же оставшіяся послѣ событій и лицъ, утонувшихъ въ кладезѣ историко-литературныхъ познаній г. Л—каго. Многое можно было-бы говорить о литературныхъ грѣхахъ автора изслѣдованія о «Катеринѣ», да не стоитъ, и мы ограничимся только указаніями двухъ наиболѣе крупныхъ прегрѣшеній г. Л—каго, которыя познаніямъ нашего изслѣдователя придадутъ довольно правильное освѣщеніе. Первый его грѣхъ,—это огульное обвиненіе Шевченка въ сантиментализмѣ, который якобы присутствуетъ въ его поэзіи въ обильномъ количествѣ (14 стр.) и который г. Л—ій даже считаетъ «естественнымъ» для молодой поэзіи.

Библиотека "Руниверс"

Не знаемъ, какъ понимаетъ г. Л—ій сантиментализмъ,—но, какъ-бы онъ его ни понималъ, для насъ очевидно одно, что правильнаго понятія о немъ онъ должно быть не имѣетъ и, обвиняя Шевченка въ сантиментализмѣ, разумѣетъ подъ этимъ «романтизмъ», что, разумѣется, не одно и тоже, что сантиментализмъ,—при томъ у Шевченка совершенно отсутствующій... Странны затѣмъ понятія г. Л—го о возрастахъ литературъ, если онъ на основаніи какого-то присутствія сантиментализма считаетъ малорусскую литературу молодою, тогда какъ англійская литература, только въ концѣ прошлаго вѣка имѣвшая родоначальника сантиментализма Стерна, навѣрное никому изъ историковъ литературы не можетъ уже показаться молодой... Второй грѣхъ г. Л—каго еще болѣе крупенъ: въ заключеніе разбора «Катерины» онъ заявляетъ, что, «строго говоря», Шевченко былъ первымъ малорусскимъ поэтомъ»... и что въ малорусской литературѣ «не проявилось еще ни одного самостоятельнаго мотива, который бы гласно засвидѣтельствовалъ о нахожденіи новой литературы». Этотъ грѣхъ уже болѣе серьезенъ,—такъ какъ здѣсь является на сцену не философская слабость г. Л—аго, а самое удивительное нежеланіе признавать общеизвѣстные литературные факты. Неужели-же въ новой русской литературѣ Пушкинъ—первый поэтъ только потому, что онъ наиболѣе великъ по сравненію со своими предшественниками?

А по отношенію къ Шевченку нечего и говорить, что онъ не былъ первымъ поэтомъ: стоитъ только раскрыть извѣстную исторію украинской литературы Петрова, чтобы убѣдиться въ томъ, что кромѣ Котляревскаго и Гулака, которыхъ г. Л—ій почему-то затушевываетъ, есть рядъ поэтовъ, которые во всякомъ случаѣ могутъ имѣть притязаніе на то, чтобы быть поэтами по времени болѣе первыми, чѣмъ геніальный Шевченко. И такая подтасовка фактовъ сдѣлана только для того, чтобы доказать, что Шевченко, какъ представитель народа, долженъ былъ быть по разсчетамъ г. Л—го непремѣнно сантименталистомъ! А о томъ, что въ нашей литературѣ не было будто-бы самостоятельныхъ мотивовъ, нечего и говорить: фактъ несправедливости этой мысли слишкомъ очевиденъ, чтобы о немъ можно было распространяться! Удивительно только одно,—именно, что авторъ черезчуръ уже безцеремонно обращается съ такими фактами, къ которымъ нужно относиться поделикатнѣе! Довольно плачевныя страницы представляютъ изъ себя и разсужденія г. Л—го о «Гайдамакахъ». Въ предисловіи къ «Гайдамакамъ» г. авторъ «главныхъ мотивовъ» объясняетъ читателямъ, что въ исторіи литературы поэзія силы представляется въ

Библиотека "Руниверс"

трехъ формахъ, въ поэзіи титанической, героической (идеи долга!) и демонической, и рѣшаетъ, что «у Шевченка поэзія силы является въ героической формѣ»... (стр. 17). Интересно знать, въ какой это допотопной исторіи литературы узналъ г. Л—ій о такой мудрости, какъ дѣленіе поэзіи силы на три упомянутые ея періода и отождествленіе героическаго ея періода съ идеей долга? Мы, по крайней мѣрѣ, такихъ диковинокъ не находили нигдѣ и не думаемъ, чтобы находка ихъ принесла что-либо другое, кромѣ затемненія всякаго вопроса, который-бы мы желали разрѣшить съ помощью историко-литературныхъ изобрѣтеній г. Л—го. Не станемъ говорить много о тѣхъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ нашего автора въ области «Гайдамакъ», которую онъ освѣщаетъ свѣточемъ своей «поэзіи силы»,—скажемъ только, что въ «Гайдамакахъ» онъ находитъ цѣлый культъ силы, который онъ считаетъ даже украинско-національнымъ, хотя и полагаетъ эту силу въ видѣ какой-то идеи долга, притомъ, по г-ну Л—му, долга узкаго (стр. 23). Выводъ этотъ, собственно говоря, довольно странный, и особенно потому, что авторъ хочетъ выразить въ немъ всю суть какъ гайдамацкаго движенія, такъ и такого сложнаго явленія, какъ Запорожье, возникновеніе и крѣпость котораго авторъ хочетъ объяснить привязанностью козачества къ какой-то абстрактной идеѣ долга (стр. 23). Сказавши, помимо дифирамбовъ Шевченку, нѣсколько объяснительныхъ, и, какъ думаетъ г. авторъ, «анализирующихъ» мыслей по поводу ношенія «Гайдамаками» культа силы, онъ въ концѣ концовъ рѣшаетъ, что «Гайдамаки» не поэма, а какія-то развалины, даже печальныя развалины, похоронившія подъ собою чистое золото и драгоцѣнный мраморъ (стр. 25). Читаешь и поистинѣ видишь какой-то хаосъ: развалины, величіе, культъ силы, лирика—и все это перемѣшано комплиментами и упреками Шевченку, словомъ, картина изслѣдованія положительно непостижимая. За то «поэзія правды», отражающаяся въ «Неофитахъ», еще любопытнѣе. Правда у г. Л—го оказывается выше жизни, потому что она есть идеалъ жизни, и выше чувства и силы... (стр. 26), однимъ словомъ, какая-то правда выше какой-то силы, чувства, жизни,—словомъ, чего хотите!... За эту поэзію правды принялся и нашъ злополучный Шевченко, и вышло, конечно, какъ нашелъ г. Л—ій, что ему до этой поэзіи пришлось бы слишкомъ долго идти, чтобы онъ могъ схватить ее и воплотить въ своей поэмѣ. «Вся исторія въ «Неофитахъ» разсказана слабо, блѣдно; характеры не выяснены; сильныя драматическія положенія совершенно не разработаны... и т. д. (стр. 27),—словомъ,

Библиотека "Руниверс"

о «Неофитахъ» нечего и говорить. Напрасно только и самъ г. Л—ій взялся за ихъ изслѣдованіе; впрочемъ, онъ, вѣроятно, имѣлъ другую цѣль независимо отъ изслѣдованія «слабыхъ Неофитовъ»: объ этомъ позволяетъ намъ думать вторая половина IV-й главы; здѣсь г. Л—ій высказываетъ свои неизвѣстно, на чемъ основанныя, этнологическія знанія,—именно, проведеніе разницы между Великоруссомъ и Украинцемъ, изъ которыхъ перваго онъ надѣляетъ отравленными стрѣлами иронiи, а второго библейскимъ мечемъ пафоса (ср. 29)... Однако, нахожденіе въ украинскомъ народѣ «библейскаго меча» пафоса г. Л—ій сдѣлалъ не даромъ: онъ захотѣлъ объяснить намъ, почему Шевченко не оставилъ (?) произведеній, достойныхъ его таланта. Причиной и виной этому былъ тотъ украинскій «библейскій мечъ», овладѣвъ которымъ себѣ на горе, Шевченко потерялъ вкусъ ко всему остальному... Чистая бѣда, да и только! До сихъ поръ думали, что чѣмъ поэтъ лучше отражаетъ въ себѣ различныя стороны народной психологіи, тѣмъ онъ стоитъ выше, а теперь вдругъ г. Л—ій неожиданно заявляетъ, что Шевченко потому и не оказался достойнымъ себя, что былъ самимъ собою, т. е. сыномъ владѣльца «меча»—украинскаго народа... Чѣмъ же тогда прикажете рождаться, г. Л—ій, чтобы избѣгать вліянія народно-національной среды? Посовѣтуйте, пожалуйста... такъ какъ во всѣхъ четырехъ поэзіяхъ нашему поэту совершенно не везетъ!

Чтобы не получить затѣмъ упрековъ въ неполнотѣ, г. Л—ій, на помощь къ своимъ «поэзіямъ» прихватилъ всю вообще лирику, находящуюся въ «Кобзарѣ» и, какъ онъ заявляетъ въ началѣ V-й главы, учинилъ изъ нея синтезъ, которымъ онъ «возстановилъ книгу и оживилъ человѣка» (стр. 33). Привыкши дѣлать крупныя натяжки, г. Л—ій не стѣсняется сказать, что Кобзарь,—«не есть сборникъ произведеній, а одно произведеніе, одна поэма и т. д.,»—такъ какъ его проникаетъ «поэтическая идея, не поддающаяся опредѣленіямъ, убѣгающая отъ формулъ...» (стр. 35) и поддавшаяся, какъ видно, одному только г. Л—му... Тутъ г. Л—аго не переспорить; важно только въ концѣ концовъ то, что онъ приходитъ къ сознанію громадной важности Кобзаря и даже находитъ въ немъ «много живого драматизма» (стр. 40), который прежде отрицался. Вообще въ V-й части «главныхъ мотивовъ», г. авторъ, повторяя прежнія ошибки, разсуждаетъ о сантиментализмѣ и героизмѣ, словомъ о какихъ-то древностяхъ, и только въ концѣ нѣсколько поправляется, трактуя о

Библиотека "Руниверс"

крупномъ значеніи Шевченка, который вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ говорилъ раньше, не написалъ достойныхъ себя произведеній... Много курьезовъ встрѣчается также и въ главѣ «Личный элементъ»: здѣсь г. авторъ говоритъ о громадной роли любви въ творчествѣ міровыхъ поэтовъ и высказываетъ слишкомъ несостоятельную мысль, что Данте, Петрарка и т. д. не написали бы всѣхъ произведеній, еслибы въ ихъ жизни не встрѣтились Беатриче, Лаура (которой такъ таки и не было),—мысль слишкомъ неправильная, чтобы это можно было доказывать! Затѣмъ г. Л--ій удивляется, что въ поэзіи Шевченка видно отсутствіе юмора, которое объясняется тѣмъ, что народъ въ поэзіи Шевченка изображается въ видѣ бездомнаго скитальца, «чужого-чужаныци», а не въ видѣ козака-нетяги, сверкающаго насмѣшкой и т. д. (45). Довольно странное объясненіе и притомъ совершенно не нужное: высшей степенью юмора является сатира, полная горечи, и ужъ такого повышеннаго юмора въ поэзіи Шевченка и не оберешься, а г. Л—ій скорбитъ объ его отсутствіи, сочиняя для этого «чужую-чужаницю».

Еще далѣе г. Л—ій даритъ насъ слѣдующей глубиной мысли: «личный факторъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ, есть факторъ національный. Въ немъ чрезвычайно мало случайнаго и индивидуальнаго. Ему присущъ характеръ необходимаго и неизбѣжнаго и т. д. (стр. 46). Слишкомъ много категорическаго и неправильнаго!... Какъ же разобраться въ путаницѣ г. автора, если коллективное (національное) у него отождествляется съ индивидуальнымъ (личнымъ) и личному приписывается характеръ неизбѣжнаго? Если личный равенъ національному, то почему-же тогда не существуетъ однородности въ мотивахъ всѣхъ личныхъ поэзій, а наоборотъ, по закону литературной эволюціи, существуетъ прогрессивное дифференцированіе? Если, затѣмъ, личному свойственъ характеръ неизбѣжнаго, то какъ же тогда понимать личный активъ, который, какъ и у Шевченка, перерабатываетъ вліяніе прежней среды и вырабатываетъ новую, болѣе прогрессивную... Словомъ, у г. Л—го недочетъ за недочетомъ, но на этомъ послѣднемъ мы и остановимся, такъ какъ можемъ теперь вполнѣ оцѣнить значеніе «главныхъ мотивовъ» г. Л—го. О нихъ мы можемъ произнести такое рѣшеніе: отсутствіе правильнаго метода помѣшало г. Лисовскому произвести научный анализъ. и показать намъ дѣйствительныя основы или главные мотивы поэзіи Шевченка; отсутствіе пониманія задачъ историка литературы и литературнаго критика не дало ему возможности представить предъ нами

Библиотека "Руниверс"

жизненные элементы этой поэзіи и ея силу; вмѣсто же этого у г. Л—го получился рядъ метафизическихъ упражненій, гдѣ ненаучная дедукція и апріоризмъ играютъ первую роль, и отъ которыхъ пользы весьма мало... Вообще же работа г. Л—го очень слаба и, отличая въ немъ человѣка съ нѣкоторой эстетической жилкой, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ въ немъ слабость научной дисциплины и малое умѣніе обращаться съ очень крупными вещами.

И. Стешенко.

Выставка древностей, представляемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею на воззрѣніе Государя Императора. Спб. 1896 г., 34 стр.

Въ помѣщеніи Имп. Археолог. Коммиссіи ежегодно устраиваются выставки, на которыхъ выставляются предметы, явившіеся результатомъ дѣятельности Коммиссіи за извѣстный годъ. Брошюра, заглавіе которой приведено выше, представляетъ изъ себя каталогъ такой выставки, устроенной въ настоящемъ году, куда поступили какъ отдѣльные предметы, доставленные на основаніи существующихъ узаконеній, такъ и цѣлыя коллекціи, добытыя при раскопкахъ, произведенныхъ на средства Коммиссіи спеціально командированными лицами въ теченіе 1895 г. Кромѣ того, тутъ-же помѣщены коллекціи и отдѣльныя вещи изъ раскопокъ, разрѣшенныхъ Коммиссіею различнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

Предметы поступили изъ разныхъ мѣстъ; въ данномъ случаѣ мы отмѣтимъ только тѣ, которые происходятъ изъ южной Россіи.

Изъ *кіевской* губ. имѣется собраніе глиняныхъ сосудовъ изъ кургановъ близъ с. Васильковки звенигородскаго у., принесенное въ даръ Коммиссіи отъ г-жи Ю. Ф. Абаза. Сосуды изготовлены изъ красной глины, покрыты росписнымъ орнаментомъ въ формѣ черныхъ разводовъ и сѣтки; всѣ сосуды одной формы—съ острыми выступающими боками; болѣе низкіе сосуды снабжены на днищахъ нѣсколькими ножками. По мнѣнію Г. Е. Кизеритцкаго сосуды эти могутъ быть отнесены приблизительно ко II в. по Р. Х. Изъ этихъ-же кургановъ происходитъ и желѣзный мечъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ г. Черкассъ имѣется мѣдный четырехконечный крестъ, найденный съ золотоордынской монетой.

Изъ *подольской* губ. поступили шлемъ, обрывки кольчуги, стремя и другія вещи изъ кургановъ, раскопанныхъ близъ Межирѣчки, въ имѣніи А. М. Абазы; съ вещами были найдены и золотоордынскія монеты XIV в.

Изъ *черниговской* губ. есть только серебряная ушная подвѣска, въ видѣ кольца съ посаженными на него шариками, найденная въ с. Обмачевѣ, конотопск. у., вмѣстѣ съ чешскими монетами XIII в.

Въ *полтавской* губ. раскопки производили Н. П. Авенаріусъ и предсѣдатель Коммиссіи гр. А. А. Бобринскій.

Н. П. Авенаріусомъ были раскопаны курганы близъ с. Поставмукъ, лохвицкаго у. Курганы невысоки, распаханы; костяки головой лежатъ на востокъ: въ 4-хъ курганахъ найдены двойныя погребенія. Изъ вещей найдены: длинныя и болѣе короткія булавки, мѣдная фибула, бусы, пряслица, мѣдные наконечники стрѣлъ, зеркало, амфора и маленькая вазочка классическаго происхожденія; эта послѣдняя, по мнѣнію Г. Е. Кизерицкаго, можетъ быть отнесена къ концу IV-го или началу III в. до Р. Х.

Н. П. Авенаріусомъ доставлены также два палаша, найденные у того-же с. Поставмукъ. Въ курганѣ близъ с. Гнилицы, зѣньковскаго у., раскопанномъ гр. Бобринскимъ, встрѣтились слѣдующія вещи: мѣдные наконечники стрѣлъ, золотая серьга позднe-скифскаго типа, кусочки краски, каменная буса, кольцо съ шипами; предметы эти могутъ быть отнесены къ первымъ вѣкамъ по Р. Х. Курганъ оказался уже расхищеннымъ.

Въ *херсонской* губ. раскопкой кургановъ занимался В. И. Гошкевичъ. Изъ раскопокъ 1895 г., близъ с. Архангельскаго, херсонск. у., имъ представлено 20 плоскихъ костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ, золотыя спиральныя трубочки и золотой небольшой браслетъ, украшенный по поверхности тремя продольными полосками. При раскопкахъ-же болѣе раннихъ—1893 г., близъ с. Дымовки того-же херсонск. у., было изслѣдовано 17 кургановъ, изъ которыхъ нѣкоторые оказались относящимися къ мѣдному вѣку (найдено мѣдное остріе, каменныя буссы), другіе къ XIV (амулетъ изъ лапись-лазура, пряслица, кораллъ), остальные-же не могутъ быть отнесены къ опредѣленному типу.

Библиотека "Руниверс"

Упомянемъ также о коллекціи днищъ сосудовъ съ клеймами, доставленной Н. П. Авенаріусомъ изъ Дрогичинскаго городища *гродненской* губ.

Обильную археологическую жатву дало по обыкновенію побережье Чернаго моря. Тутъ находятся вещи изъ раскопокъ К. К. Косцюшко-Волюжинича въ Херсонесѣ, члена Коммиссіи Н. И. Веселовскаго близъ Симферополя, проф. Ю. А. Кулаковскаго между нижнимъ теченіемъ Альмы и Качи, Н. Ф. Романченка въ Евпаторіи и собранныя А. А. Бертье-Делагардомъ въ Феодосіи, при устройствѣ порта. Б.

Записки наукового товариства імени Шевченка. Виходять у Львові під редакциею Михайла Грушевського. Томы XI и XII (1896, кн. III и IV). Стр. 191 и 194 [1]).

Не смотря на трудныя матеріальныя условія, научное общество Шевченка продолжаетъ съ обычною аккуратностью издавать свои «Записки», собираетъ матеріалы для отдѣльныхъ изданій по исторіи и этнографіи, обсуждаетъ въ своихъ засѣданіяхъ разнообразные вопросы, вызываемые развитіемъ научной дѣятельности на родномъ языкѣ. Если взять въ разсчетъ спеціальныя галицкія условія и новизну дѣла, то нельзя не признать, что общество съ честью справляется съ предлежащею ему симпатичною задачею.

Указанные въ заголовкѣ два новыхъ тома «Записокъ» составлены по прежней программѣ. Научная хроника и отдѣлъ библіографіи отличаются обычною обстоятельностью и разнообразіемъ, тонъ рецензій и отчетовъ строго выдержанный и обнаруживаетъ умѣлое руководство въ выборѣ и единство научнаго направленія. Въ настоящихъ томахъ данъ болѣе или менѣе подробный отчетъ о 70 книгахъ и статьяхъ по южно-русской исторіи и литературѣ, въ томъ числѣ начало обширнаго обозрѣнія содержанія «Кіев. Стар.» за 1895 г. (XII, 1—26)

Изъ отдѣльныхъ статей XI и XII т. т. «Записокъ» отмѣтимъ прежде всего принадлежащую г. Конискому новую главу изъ предпринятой имъ подробной біографіи Шевченка: «Т. Шевченко на пер-

---

[1]) Обзоръ содержанія I—X тт. „Записокъ" см. въ „Кіев. Стар." 1895 г., №№ 11 и 12, 1896 г., №№ 2 и 5.

Библиотека "Руниверс"

шому засланію», т. е. до высылки въ новопетровское укрѣпленіе въ 1850 г. (XI, 1—62). Въ настоящей главѣ авторъ пользуется уже изданными матеріалами, подвергая ихъ критическому разбору и удачно иллюстрируя отдѣльные эпизоды трагической судьбы поэта ссылками на его сочиненія и письма. Въ біографіи такого могучаго таланта, какъ Шевченко, каждая подробность заслуживаетъ критическаго обслѣдованія, и поэтому мы не рѣшаемся поставить въ упрекъ біографу пытку, которой онъ подвергаетъ письмо поэта къ Репниной 27 февр. 1848 г. для разрѣшенія вопроса, дѣйствительно-ли писалъ Ш. дневникъ въ Орской крѣпости. Справедливость требуетъ замѣтить, однако, что подобные критическіе экскурсы нѣсколько нарушаютъ цѣльность картины, тѣмъ болѣе, что вопросъ такъ и остался неразрѣшеннымъ. Точно также мы не вполнѣ уясняемъ себѣ цѣль разсмотрѣнія вопроса о правильности перевода Ш. въ Новопетровское укрѣпленіе съ формально-юридической точки зрѣнія (60—62), а догадку автора о случайномъ происхожденіи извѣстной резолюціи имп. Николая I, воспретившаго поэту не только писать, но и рисовать, должно признать неудачною. Не подлежитъ сомнѣнію, что имп. Николай I лично просматривалъ документы по дѣлу мнимаго Кирилло-Меѳодіевскаго общества; кромѣ того, въ докладѣ графа Орлова по этому дѣлу, утвержденномъ 28 мая 1847 г., хотя и нѣтъ рѣчи о рисункахъ Ш., но послѣдній именуется «художникомъ Спб. академіи художествъ» или просто «художникомъ». Если взять въ разсчетъ, что на допросѣ 21 апрѣля 1847 г. Ш—ку былъ предложенъ вопросъ, кто иллюстрировалъ рукописную книгу его стихотвореній, и что содержаніе «Сна» было подробно описано послѣ отобранія рукописей у поэта, то едва-ли можетъ быть рѣчь о случайномъ характерѣ резолюціи 28 мая 1847 г.)— Конечно, эти замѣчанія не могутъ умалять достоинствъ весьма обстоятельной біографіи Ш., принадлежащей г. Конискому.

Въ статьѣ «Политическія событія 1340 г. въ Галицкой Руси» (XII, 1—24) г. О. Терлецкій подвергаетъ критическому обслѣдованію взгляды новѣйшихъ историковъ на вопросъ объ извѣстномъ походѣ кор. Казимира на Русь и отношеніяхъ его къ Дезку, Даніилу и татарамъ. Значеніе этого вопроса, какъ намъ кажется, сильно преувеличено нѣкоторыми писателями, особенно г. Филевичемъ. Критическій очеркъ г. Терлецкаго полезенъ въ томъ отношеніи, что довольно убѣдительно показываетъ скромныя рамки, въ предѣлахъ которыхъ приходится держаться при обсужденіи этого вопроса, благодаря скудности историческихъ свидѣтельствъ.

Библиотека "Руниверс"

Г. Радакова въ статьѣ: «Украинскіе козаки на Ладожскомъ каналѣ» (XII, 1—20) даетъ не лишенную интереса сводку сохранившихся разрозненныхъ данныхъ о первыхъ опытахъ примѣненія натуральной повинности къ «канальнымъ» работамъ при Петрѣ I и Екатеринѣ I. Прискорбную картину этой знаменитой безурядицы весьма картинно дополняетъ найденная авторомъ въ Харьковскомъ историч. архивѣ «вѣдомость сотнѣ кременчуцкой, коликое число ходило козаковъ до Ладоги на каналную работу и як много ихъ од нужды померло» (1721 г.).

Д-ръ Кир. Студинскій продолжаетъ изданіе малоизвѣстныхъ панегириковъ XVII в. (см. т. VIII «Записокъ»). Въ XII т. (1—32) изданы: «Имнологія» кіевской печати 1630 г., Ἀναθῆμα τῆς τιμῆς венеціанской печ. 1641 г. и «Ἐωθία» львовской печ. 1642 г. Панегирики эти снабжены критико-библіографическимъ комментаріемъ на основаніи работъ Пекарскаго, Головацкаго, Каратаева, Виндакевича и нѣк. др. Съ исторической точки зрѣнія наибольше интересенъ венеціанскій панегирикъ, составленный Як. Седовскимъ изъ Галичины въ честь Григ. Кирницкаго, «обывателя Львовскіа земля въ Россіѣ» по случаю возведенія его въ степень доктора философіи падуанскаго университета. Данныя панегирика оттѣняютъ нѣсколькими новыми штрихами изслѣдованіе Виндакевича о польской студенческой колоніи въ Падуѣ.

Редакторъ «Записокъ» г. Грушевскій помѣстилъ въ XI и XII т. т. нѣсколько найденныхъ имъ въ архивахъ неизвѣстныхъ дотолѣ документовъ, снабдивъ ихъ историческимъ комментаріемъ. Таковы 1) грамота кн. Александра Владиміровича кіевскаго 19 февр. 1450 г. писанная въ Овручѣ, объ освобожденіи слуги Ларивона Велавскаго отъ службъ, податей и пошлинъ (въ подтвержд. 1486 и 1574 г.); 2) того-же князя жал. грамота 8 мая 1451 г. боярамъ Ивашку и Петру Григоровичамъ на селище Таганчу, выданія въ Кіевѣ (подтвержд. 1494, 1520 и 1572 г.); 3) жал. грамота кн. Семена Александровича 23 іюля 1459 г. кіевскаго боярину Андрею Морозову на село Жердеву, выданная въ Кіевѣ (подтвержд. 1571 г.); 4) продажная запись 1571 г. на селище Сѣряково близъ Кіева, съ упоминаніемъ пожалованій съ 1465 г. (подтв. 1572 г.)—всѣ четыре акта изъ коронной метрики Моск. Арх. Мин. Юст., и 5) опись Львовскаго замка 1495 г.—изъ архива варшавской казенной палаты.

Въ т. XII, отд. miscellanea, напечатаны, съ предисловіемъ г. Франка, воспоминанія свящ. Юрія Гладиловича о рѣзнѣ 1846 г. въ

Библиотека "Руниверс"

саноцкомъ округѣ Галичины, представляющія нелишенный интереса вкладъ для исторіи этого еще не вполнѣ разъясненнаго явленія.

Наконецъ, г. Вл. Левицкимъ предложены въ XI т. матеріалы для разработки украинской терминологіи по отдѣлу механики, съ соотвѣтственными терминами нѣмецкими и французскими. Авторъ проситъ совѣтовъ и указаній со стороны спеціалистовъ.

Въ приложеніи къ XI т. напечатана программа для собиранія свѣдѣній о писанкахъ, составленная г. Кордубою. Н. М.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1897 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ“

съ безплатнымъ приложеніемъ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ

безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ руб.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—3 рубля.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи. Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки спеціально юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собр. узак. и распор.

Библиотека "Руниверс"

прав.).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору «Юридической Газеты» за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе въ «Юридической Газетѣ», въ отдѣлѣ «Почтоваго ящика», справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписного года, дѣлается безплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ состовляющаго предметъ особаго порученія, болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ «Юридическую Газету»; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностного лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 6. При невзносѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія оставляются безъ движенія, такъ

Библиотека "Руниверс"

какъ порученія предусмотрѣнныя § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія указанныя въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнныя въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи «Юридической Газеты» также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

3—3

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ

2-ой годъ изданія. „НОВОЕ СЛОВО“ 2-ой годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «Новое Слово» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на запросы и нужды провинціи, съ которою желательна живая связь. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно большаго числа мѣстъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ мѣстной жизни. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще «письма изъ провинціи».

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, мы желаемъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Максимовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимиряевъ, Проф. К. Тимирязевъ, Ант. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.), проф. В. Г. Яроцкій, А. И. Эртель и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по

Библиотека "Руниверс"

примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Вслѣдствіе этого годовая подписка на **«Новое Слово»** принимается.

съ 1-го октября 1896 года по 1-ое октября 1897 года.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10	р. — к.
» » » » » полгода. . .	5	» — »
» » » » » три мѣсяца. .	2	» 50 »
» » безъ пересылки на годъ. . .	9	» — »
» » съ перес. за границу на годъ.	12	» — »

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій О. Н. Поповой, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Спасская ул. (уг. Надеждинской) д. № 15, кв. № 1. Отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 54, «Библіотека Черѣсова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала **«Новое Слово»** въ книжномъ магазинѣ «Трудъ» —Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпускѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова, и изданій по подпискѣ, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію. Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно. Новый каталогъ выйдетъ въ сентябрѣ.

3—3

Библиотека "Руниверс"

Ездилъ у вечеру до Миклашевскихъ и посидѣвши, повернулся домой. Вѣжевскій посланъ въ Нѣжинъ зъ унтеръ офѣцеромъ по грековъ Фармакѣя и Юрія Гору, зъ которихъ послѣднего, такъ же Пѣперовъ облѣкчи саморучніе далъ ему за росписко и денегъ 10 р. на разніе покупки, особливе для вина.

Субота 16. День былъ хмаренъ, мокръ и вѣтрянъ, зъ дощемъ густимъ. Ночъ випогодилась мало, однако жъ безъ морозу и къ свѣту мокра. Рано ездилъ я въ Сварковъ, а оттоль въ футоръ, где овесъ молотятъ. У вечеру ездилъ до Борзни суддѣ и оттоль домой не ездилъ. Вѣдомо зде учинилось, по писмамъ полковниковъ Полтавского и Миргородского до суддей нашихъ писаниимъ, что татаре идучи Бѣлогородскіи и Ногайскіе къ рубежамъ полскимъ, напали на село полку Полтавского, сотнѣ Орѣлской, прозиваемое Биркутъ (?) и человѣка зъ 20 убили, а зъ 12 взяли въ полонъ, а отъ тамошнихъ жителей одинъ сокѣрою одного татарина убилъ, для чего полковникъ Миргородскій вийшолъ зъ полкомъ своимъ до Кременчука, такъ же и Полтавскій.

Неделя. 17. День былъ хмарній, холодноватъ почасти и свѣтлій, безъ морозу. Ночъ сперва свѣтла, а посля хмарна и дощъ ишолъ густий, отъ чего много снѣгу пропало, а води везде умножилось. Былъ я на службѣ божой у ст. Николая, а оттоль зайшолъ до п. Михайла, брата, позавчира пріехавшаго, куда прійшолъ и пѣвчій государини цесаревни Божокъ, зъ С.П.Бурху пріехавшій. Обѣдалисмо въ дому, а въ вечеру знову ездилъ я до п. Михайла и посидѣвши повернулся домой.

Понедел. 18. День былъ вѣтрянъ, хмаренъ, а посля свѣтелъ зъ таяніемъ снѣгу, у вечеру стало примерзать, ночъ вияснилась, тиха и зъ морозомъ. Рано въ лазню ходилъ и кровъ банками пускалъ; рано жъ п. Михайло пріездилъ, обѣдалисмо въ дому и никуда сегодня не ездилъ, кромѣ что Зварковского болного, зятя Астровской, посѣщалъ.

Вовтор. 19. День былъ свѣтелъ, тихъ, зранку зъ морозомъ, а посля зъ отлигою, ночъ тиха, безъ морозу, хмарна. Обѣдалисмо въ дому, а у вечеру били Тарицинъ и Александеръ, играли въ карти зъ проиграшомъ 80 к.

Библиотека "Руниверс"

Середа 20. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, зъ таяніемъ снѣгу. Ночъ свѣтла, тиха, тепловата, къ свѣту морозець. Андрѣй Проценко, староста бывшій Короваювскій, которого допросить о пріемѣ и о висилкѣ бѣглого приговорено въ судѣ енер., пріехалъ зъ розсилщикомъ, которій зде при п. Михайлу говорилъ, что онъ засталъ того бѣглого въ селѣ, а висилалъ по свѣдителству и не представлялъ родителеви. Обѣдалисмо въ дому и съ нами Лизакевичъ; по обѣдѣ п. Михайло пріездилъ ко мнѣ и отехалъ.

Четвер. 21 День былъ свѣтлій, теплій, тихій, такова жъ и ночъ, толко къ свѣту зъ морозцемъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ я въ городъ до Кишкина, оттоль до п. Михайла.

Пятокъ. 22. Денъ былъ хмарній, почасти холодненкій зъ ранку, а посля зъ таяніемъ снѣгу, ночъ свѣтла, тиха, зъ морозомъ а особливе къ свѣту. Ездилъ я въ Сварковъ, где молодыхъ мужиковъ, которія причетни до казловой рани (?), велѣлъ сѣкти розгами. Приехавши оттоль, обѣдалъ въ дому. Вахмистръ конной гвардіи Сабуровъ отъ князя Шаховского пріехалъ въ С.П.Бурхъ, а про князя говорилъ, что въ Бѣлой Церквѣ и что стать князю хочай на минѣстерскомъ дворѣ, хочай и въ гетманскомъ, въ городѣ.

Субота. 23. День былъ вѣтрянъ, хмарний, холодний зъ морозомъ хорошимъ, что и все померзло и чрезъ увесь день не таяло. Ночъ хмарна, мокра и холодновата, а къ свѣту зъ морозомъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ зъ женою ездилъ до Радищева, Мякинина, Хрипунова и Синявина прощатись для того, что посля завтра постъ.

Неделя. 24. День былъ хмарній, вѣтряний зъ маленкимъ снѣжкомъ, холодний, такова жъ и ночъ была. Сегодня на службѣ божой былъ я у церквѣ ст. Анастасіи, оттоль заехалъ до п. Михайла Скоропадского, которой переехалъ на Бѣлополовку, для того что тамъ домъ гетманскій въ квартиру означенъ князю Шаховскому. Полковникъ Лубен. п. Апостолъ пріехалъ въ Глуховъ и сталъ вкупѣ зъ п. Михайломъ, до которого я и по обѣдѣ ездилъ и тамъ доволно позабавилъ до позна, где приехавшій присутствовалъ и Худолѣй. Брати Семенъ и Марко пріехали въ Глуховъ по дѣлу Коховского.

Библиотека "Руниверс"

Постъ велик. Попедел. 25. День былъ холодний очинь, хмарний почасти, и почасти свѣтлий, ночъ такова жъ была и свѣтла. Не ездилъ я никуда сегодня. Пріехалъ Семенъ Шохъ, стар. Криск., и обявилъ, что купилъ дворъ у Крискахъ за 15 р. у капитанши, да привезлъ бѣлугу и осятра, и далъ за все то 2 р. 50 к. Таращенко отправленъ въ Перер. до Клима. О присилкѣ сюда описѣ урочищей степу Кривор. писалъ до его, да о присилке сюда масла и сира къ святамъ.

Вовтор. 26. День былъ подобний вчорайшимъ и ночъ толко хмарна, а морозъ однаковъ. Ездилъ я по обѣдѣ до пол. Луб. и п. Михайла и посидѣвши, повернулся домой. Отправленъ Шохъ въ Криски, а ему за дорогу далъ 2 р.

Середа. 27. День былъ хмарний, холодний же, тихій, ночъ свѣтла, тиха зъ морозомъ. Ездилъ я въ Сварковъ, а оттоль у футоръ и съ футора пріехалъ въ Глуховъ смеркомъ

Четвер. 28. День былъ свѣтлій, тихій, холодний, особливе къ вечору, ночъ такова жъ свѣтла, тиха и холодна очинь. Слишно, что князь Шаховскій повернулся зъ Бѣлой Церкви въ Кіевъ, а съ Кіева виехалъ сюда, еще въ пятокъ, противъ которого поехалъ братъ п. Михайло. Посланъ Алексѣй Полуденскій, въ Нѣжинъ, до Вѣжевского виручать его зъ подъ караула, за который взялъ его комендантъ Нѣжинскій и далъ ему 1 р. и 3 червонніи и данъ приказъ и писма до Кучарского и Вѣжевского, чтобъ Юрія Гору принаймной сюда въ судъ приправадилъ, если нелзя Фармакѣя. Пріехалъ другій Алексѣй зъ Ромна и привезлъ вина волоского стоянець, соку око, оливи полъ 2 фунта, родзѣнокъ фунтъ 2. Былъ я у вечору у пол. Луб., который мнѣ подалъ, виписавши моею рукою, вѣдомость зъ писма Павла Корнѣевича о степу Криворудскомъ, что мнѣ до футорця моего уступаетъ, а именно такъ: по шляхъ тотъ, который идетъ зъ Лукомля до Самосѣдовки, да съ того жъ шляху спустя на дорожку тую, что идетъ до футора Ореховского, мимо могилу тую, до которой толока присагла зъ Самосѣдовки.

Библиотека "Руниверс"

М-ць Мартъ. Пятокъ. 1. День былъ зранку очинь студений, толко велми тихій и свѣтлій, что отъ слонца стало тепло, а къ вечеру знову морозъ, ночъ зъ силниимъ велми морозомъ, тиха и свѣтла. Ездили род. и я, и всѣ зъ господ. и пановъ старшини на стрѣчъ, противъ князя Шаховского, которого стрѣтили при виездѣ зъ Тулиголовъ и пріехали въ Глуховъ смеркомъ, а при немъ Хрущовъ, Нѣжинскій полковникъ, Пасекъ и швакгеръ мой п. Андрѣй Полуботокъ. Отиѣнное вишнее правленіе малор. стало: сталъ князь отъ себе писатѣ указами и листами, по примѣру гетманскому.

Субота. 2. День былъ и ночъ свѣтліе, тихіе, холодніе. Приобщались ст. Тайнамъ род. и мы всѣ, въ церквѣ ст. Анастасіи; у вечеру ездилъ я до п. Михайла и посидѣвши повернулся назадъ.

Неделя. 3. День былъ хмарний зъ отлигою, и снѣгъ густий ишолъ толко и потаялъ увесь къ вечору, ночъ такъже хмарна зъ морозомъ. Сегодня по приказу князя Шаховского, обявленномъ намъ черезъ писара енералного, собрались старшина енералныя и полковники Нѣжинскій и Лубенскій въ столовую гетманскую и отпечатавши клейноти гетманскіе, булаву, бунчукъ, короговъ и пѣрначи, въ другой скринцѣ, несли въ присутствіи онихъ старшинъ и насъ бунчуковихъ на квартеру до князя Шаховского многіе и я. По обѣдѣ заездили ко мнѣ п. полков. Луб. и п. Михайло а посля знову отехали до князя. Петро кухаръ пріехалъ съ Москви и попривозилъ деякіе рѣчи.

Понедел. 4. День былъ свѣтлій, тихій и холодний, зъ стужею, особливо ночъ холоднѣйша еще, тиха и свѣтла. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ пріездилъ сюда прощатись къ родителю и ко мнѣ пол. Луб., зъ которимъ я до его квартери на Бѣлополовку заехалъ и при мнѣ онъ виехалъ въ С.П.Бурхъ, просить милости ея величества на мать свою гетманову и на весь свой домъ. Оттоль былъ у князя и долго позабавили, ходили при немъ до двора гетманского осматривать и поворотясь, заходили до Мануйловича, асаула енер., болѣзнуючого паралѣжемъ.

Вовтор. 5. День былъ свѣтлій, тихій, холодний и хмарний почасти, подобний вчорайшому, такова жъ и ночъ. Обѣдалисмо въ

Библиотека "Руниверс"

дому, а по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла и поворотился домой. Аргамакъ мой турецкій захоровалъ на залози, которого лѣчили пластромъ, сало старое товкли зъ зѣллемъ росходникомъ и прикладали, отчего помоглось.

Середа. 6. День былъ свѣтлій, холодний сперва, а после таяло у вечеру и черезъ ночъ морозъ хороший и померзло все; свѣтло и тихо. Рано былъ у князя, обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до Синявина и швагера п. Андрѣя. Кровъ пускалъ зъ головной жили. У вечеру, якъ я виехалъ отъ Борзни, то не доежджаючи воротъ, увидѣлъ коляску родителскую зъ самими конми, въ самомъ пруткомъ імпетѣ бѣжавшими, которіи слава Богу проминули мене и прибѣгши до брами якъ ударили коляску отъ дороги, то оная надробки вся розбита и поламана, а я такъ отъ тяжкого случая избавился.

Четвер. 7. День былъ свѣтлій, тихій, холодний, зъ сухимъ морозомъ. Ночъ такова жъ. Рано былъ у судѣ енер. и у князя, обѣдалъ въ дому зъ швагромъ п. Андрѣемъ, у вечеру знову былъ у князя. Вѣжевскій съ подъ караулу освободившись, пріехалъ въ Глуховъ зъ Алексѣемъ, такъ же и Климъ зъ степу.

Пятокъ. 8. День былъ свѣтелъ, холоденъ, тихъ, ночъ почасти свѣтла, тиха, къ свѣту вѣтрена и снѣжна зъ отлигою. Сегодня нигде я не бывалъ, жена отехала въ Тулиг., а швагеръ п. Андрѣй посѣщалъ мене для жени отежджаючой.

Субота. 9. День былъ хмарний зъ снѣгомъ и великою метелицею, которая до полудня вся перестала и снѣгъ ростаялъ, зъ полдня дощъ великій, потомъ ясно и у вечеру морозецъ, ночъ сперва зъ морозцемъ, после зъ дощемъ и зъ влагою до свѣта. Былъ я на службѣ божой у ст. Анастасіи и у князя, обѣдалъ зъ род. въ дому. Въ банѣ мился.

Неделя. 10. День былъ свѣтлий, тихій, теплій, а между тимъ почасти хмарний, ночъ тиха, свѣтла зъ маленкимъ морозцемъ, таяніе сегодня снѣгу велико и наводненіе зъ того. На службѣ зъ княземъ у его церквѣ и у его обѣдали многіе и я, а оттоль заехалъ до швагера п. Андрѣя, которий после до мене заехалъ и отъ мене домой отехалъ.

Библиотека "Руниверс"

Понедел. 11. День былъ холодний велми, вѣтрянъ полунощнимъ вѣтромъ и зъ метелицею снѣжною, такова жъ и ночъ, отчего по лду знову безпечно стали ездить. Былъ я рано у судѣ енер., а оттоль повернувшись домой, обѣдалъ. Генералъ и ст. Андрѣя кавалеръ князь Гессенгомбурскій, отправленний на мѣсто князя Шаховского въ Полщу, пріехалъ въ Глуховъ и сталъ квартерою у Мануйловича.

Вовтор. 12. День былъ еще холоднѣйшій и хмарний, и ночъ такова жъ, а къ свѣту виногодилась метелиця. Сегодня рано род. и я были у князя Гессегонбурского, а у князя Шаховского съ нимъ кушали.

Середа. 13. День былъ свѣтлій, тихій, очинъ холодний, къ полдню съ таяніемъ снѣгу, а къ вечору знову студенъ, такова жъ и ночъ была. Ездилъ рано до Сваркова, где приказалъ гончарамъ въ будинку великомъ отъ саду коменъ и пѣчъ разбирать, а теслямъ свѣтелку зъ комнатою отъ двора розбирать; оттолъ заехалъ до футора и до дому на обѣдъ, хочай и дорога очинъ была грудна, потому что мало снѣгу.

Четвер. 14. День былъ зранку холоденъ, а после тепелъ, въ денъ снѣгъ, ночъ свѣтла, тиха и холодна, а особливе къ свѣту. Былъ род. и я у князя Гессенгомбурского рано, зъ которимъ прійшли до князя Шаховского, у куторагo и кушали и подпіяхомъ, и оправадили его, виехавшого отсель ку Кіеву.

Пятокъ. 15. День былъ холодний зъ ранку, а после тепловатъ, свѣтелъ и тихъ, ночъ свѣгла, тиха и холодна. Сегодня никуда я не ездилъ.

Субота. 16. День бѣлъ и ночъ сходніе во всемъ вчорайшимъ и прежнимъ. Сегодня по обѣдѣ былъ у князя Шаховского и позно домой повернулъся.

Неделя. 17. День былъ и ночъ подобніе во всемъ вчорайшимъ, толко мало похмурніе. У церквѣ соборной на службѣ билъ князь и всѣ присутствовавшіе, где читана грамота ея величества, за подписаніемъ собственноручнимъ, въ якой показана сила тая: сожалѣніе о преставленіи гетмана Апостола, опредѣленіе до избранія генералной канцеляріи новое, где бить 6 персонамъ, князю Шаховскому и еще

Библиотека "Руниверс"

двомъ великороссійскимъ, да обозному енеральному Якову Лизогубу и еще двомъ малороссійскимъ, которіе ко благоизобрѣтенію назначени и имъ быть въ засѣданіи въ равенствѣ, а сидѣть великороссійскимъ по правой сторонѣ, а малороссійскимъ по лѣвой, и править обще зъ совѣту и согласія, и подписиватись всѣмъ на указахъ. И сей указъ привезъ Сабуровъ зъ С.П.Бурху до князя позавчорайшого дня. По службѣ кушали у князя и подпіяхомъ для тезоименитства того княжого, понеже онъ Алексѣй. Ундиръ-офѣцеръ, держанний въ Нѣжинѣ у коменданта подъ карауломъ, отпущенъ зъ подъ караула и пріехалъ въ Глуховъ, и явилъся, которому я далъ 1 р., 10 квартъ гор. и проч.

Понедел. 18. День былъ подобній вчорайшому во всемъ и ночъ, толко зъ морозомъ отъ прежнихъ меншимъ. Сегодня никуда я не ездилъ, ради приключившойся мнѣ болезни въ ушѣ правомъ. Сегодня по силѣ вишипомянутого указу, опредѣленніе до правленія енералной канцелляріи засѣдали при князеви: Радищевъ и Кишкинъ, да родитель и суддя Забѣла, а обозній въ походѣ.

Вовтор. 19. День былъ зранку хмаренъ и холоденъ почасти, а посля свѣтелъ и тепелъ, ночъ хмарна, тиха и мало холодновата. Сегодня никуда я не ездилъ ради болезни ушей моихъ.

Середа. 20. День былъ зранку зъ морозцемъ, хмарний и посля свѣтлій, а потомъ знову хмарний и теплій, ночъ свѣтла зъ морозцемъ. Принималъ я сегодня лыкарство проносное Бока и имѣлъ доволно операцѣй.

Четвер. 21. Сей день былъ подобний вчорайшому, свѣтлій, тихій и хмарний, между тимъ холодноватъ толко безъ морозцу, ночъ свѣтла, тиха зъ морозцемъ. Сегодня алтерацѣи имѣлъ, на видъ якоби фабри.

Пятокъ. 22. День былъ свѣтлій, тихій, зранку зъ морозцемъ, а посля тепелъ, ночъ свѣтла, тиха, зъ морозцемъ. Сегодня тожъ мене проносило еще и слабъ былъ. Впервое члени гетманского правленія засѣдали зъ княземъ Шаховскимъ. Несторовичъ зъ Ромна пріехалъ.

Библиотека "Руниверс"

Субота. 23. День былъ сперва зъ туманомъ, а посля свѣтлій, тихій и теплій, ночъ такова жъ, свѣтла, тиха зъ морозцемъ, а къ свѣту хмарна зъ морозцемъ и вѣтромъ. Сегодня никуда я не ездилъ ради слабости своей.

Неделя. 24. День былъ хмарний вѣтряний и силная снѣжная метелиця, которая покрила землю добре, такова жъ и ночъ была, а къ свѣту ясно и холодно велми. Сегодня рано били у князя, и по службѣ обѣдали и до вечора просидѣли.

Понедел. 25. День былъ свѣтлій, теплій, а первей зъ морозцемъ, тихій, къ вечору и черезъ ночъ знову морозъ, а ночъ такъ же была свѣтла, тиха. Сегодня обѣдалисмо у князя и подпіяхомъ.

Вовтор. 26. День былъ свѣтлій, тихій, холодний, ночъ холоднѣйшая. Сегодня никуда я не ездилъ, и въ дому обѣдалъ.

Середа. 27. День былъ свѣтлій, холодний же попрежнему и хмарний, посля зъ вѣтромъ, ночъ хмарна, вѣтряна и холодна. Ездилъ рано до князя въ судъ и въ дому обѣдалъ.

Четвер. 28. День былъ почасти хмаренъ и почасти свѣтелъ, толко вѣтрянъ, холоденъ, ночъ свѣтла, тихшая отъ дня, а посля хмарна зъ растворенiемъ. Сегодня былъ я у князя Шаховского, а обѣдалъ у себе. У лазнѣ мился и кровъ банками пускалъ.

Пятокъ. 29. День былъ хмарний, туманний зъ дощемъ, тепловатъ, ночъ такова жъ. Вѣдомо зде учунилось отъ вѣдомостей, что сынъ Михайла Забѣли судiи енер., которiй въ походѣ билъ при обозномъ енер. въ Полщѣ, взятъ въ неволю отъ партизантовъ Лящинского. Теперъ сталъ ставъ роспускать здѣшнiй Глуховскiй, толко еще вовсе не очистился.

Субота. 30. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, самий весняний. Ночъ тиха, тепловата, отчего стала земля просихать. Обѣдалъ въ дому, у вечеру ездилъ до князя и тамъ долго позабавился. Денги, должнiе на Iотiю греку 36 р. отобралъ я всѣ сполна черезъ Тараса и уже онъ теперъ мнѣ не долженъ сталъ.

Неделя. 31. День былъ почасти свѣтелъ, а особливе къ вечору и хмаренъ зъ дощикомъ веснянимъ, ночъ свѣтла, почасти жъ и хмарна. Ставъ здешнiй по болшой части отъ лiоду очистился.

Библиотека "Руниверс"

Были у церквѣ ст. Анастасіи зъ княземъ, у его жъ и обѣдали. Отъ енерала графа Вейзбаха прислано предложеніе до князя, чтобъ всѣ козаки и стрелцѣ, и бунчуковіе товарищи, кои въ Полщѣ не обрѣтаются, были готови въ походъ на 20 число априля, а сіе онъ предлагаетъ въ содержаніи именного указу ея величества. Воску зъ вощинъ вибили кругъ у 2 пуда.

Априль м-ць. Понедел. 1. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарний, тепловатъ. Ночъ такова жъ, а къ свѣту хмарна и и холодна, острий вѣтеръ, Былъ въ городѣ, обѣдалъ у князя, а оттоль у Синявина. У лавкахъ купилъ локоть 5 таѳи зеленой по 16 шаг., всего 1 р. 50 к. Два вози сѣна купилъ по 11 к., всего 22 к. Черезъ Омеляна писалъ до Янѣшевского, чтобъ курѣнчики и дворяне били къ походу со мною и чтобъ кобилъ 10 пригнали были у футоръ Гамал., и отправилъ оного Омеляна съ тимъ, чтобъ онъ Клима дожидался у Сухонос., ислі що ему доводимется въ заплату за прежную службу его, тое би ему далъ.

Вовтор. 2. День былъ хмарний, вѣтряний, холодний зъ снѣгомъ, которий и потаялъ заразъ, ночъ такова жъ била, толко безъ вѣтру. Сегодня ездилъ я въ Сварковъ, где приказалъ направлять вози и спалню и проч. Оттоль въ футоръ Калюжновскій, где уже 4 овини сеей другой скирти жита змолотили, а пятая у овинѣ, и пріехалъ оттоль въ Глуховъ и заехалъ до Оболонского.

Середа. 3. День былъ почасти свѣтелъ, а особливо зранку и посля хмаренъ и холоденъ, и посля знову свѣтелъ, ночъ хмарна и вѣтряна и холодна, къ свѣту снѣговая жестокая метелиця. Не ездилъ я сегодня никуда, въ дому обѣдалъ. Рѣшени два дѣла родителскихъ въ судѣ енер., одно зъ Даниломъ Забѣлою, которому отказано отъ мелницѣ Пулинця Добротовскихъ, о которихъ онъ билъ челомъ, а другое зъ архимандритомъ Новгородскимъ за перевозъ Шабалиновскій, которий онимъ утвержденъ, а родителю перевозу не имѣть на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ перевозъ. Служителямъ сукно роздано: Климу, Вѣжевскому, Петру и Янѣшевскому и по пол. 2 р., Алексѣямъ обоимъ, Тарасу, Демяну и Юску подлѣйшое сукно и по 40 а., да Александру персянину и хлопцеви рудому

Библиотека "Руниверс"

сукна, хлопцеви полтину и Степану слѣпому габа. Приходилъ Заборовскій и говорилъ, что писаръ судовий Оболонскій, призивалъ его и наущалъ, чтобъ онъ далъ челобитте въ судъ, уступуючи матери своей претенсѣи на нашей п. Чарнишевой за сѣножать Потитиху, за котору она, мать его, претендуетъ около 4000 р. Отправлени Петро въ Новгородокъ за байдакомъ и вапномъ, а Алексѣй старий въ Ямполь за пивомъ.

Четвер. 4. День былъ холодний, хмарний съ жестокою метелицею снѣжною, отчего снѣгу доволно умножилось и покрило, а посля къ вечору мало не ввесь потаялъ, ночъ тиха, почасти свѣтла изъ морозомъ хорошимъ. Обѣдалъ я сегодня въ дому, а у вечеру ездилъ въ городъ до князя и позабавивши тамъ и увидѣвшись зъ новопріежджими Семеномъ Карпѣкою, артилерійнимъ асауломъ, зъ С.П.Бурху, да Иваномъ Кондратіевимъ зъ... (?) повернулся домой.

Пятокъ. 5. День былъ до полдня свѣтелъ, толко холоденъ, а посля хмаренъ, ночъ хмарна, холодна и вѣтряна, особливо къ свѣту зъ снѣжкомъ. Не ездилъ никуда, кромѣ церкви Веригинской. Уговорили рускихъ, захожихъ зъ губерніи Смоленской, первей человѣка 4-хъ, а посля пяти, въ работу, на мѣсяць человѣку по 50 к.

Субота. 6. День былъ хмарний, холодноватъ, зъ снѣгомъ. прориваючимся часто, и вияснился на время, ночъ такова жъ, къ свѣту зъ морозомъ и зъ снѣгомъ густимъ. Сегодня обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ пріехалъ п. Михайло и посидѣвши съ нимъ, отехалъ онъ на Бѣлополовку, где и живетъ.

Неделя. 7. День былъ подобний вчорайшому и ночъ такова жъ. Были рано у князя, а служби слухали у ст. Анастасіи и обѣдали у него и подпіяхомъ,

Понедел. 8. День былъ подобний вчорайшому и ночъ такова жъ хмарніе, холодноватіе и снѣговіе. За 14 копѣекъ возъ сѣна купили.

Вовтор. 9. День былъ сперва хмарний и холодний, а посля свѣтелъ и теплелъ, ночъ свѣтла, тиха и не очинь холодна, а къ свѣту съ морозомъ. По службѣ Божой я ездилъ до Сваркова, где

Библиотека "Руниверс"

приказалъ все виносить зъ великихъ будинковъ, а оніе до фундаменту розбирать. Да тамъ же видѣлъ, якъ плетѣнь около всего двора дѣлаютъ зъ острогомъ и уже коло недѣлѣ, якъ робятъ 4 человѣка рускихъ наемнихъ, за пашпартомъ покормежнимъ. Пріехавшого сюда зъ Сухонос. Паламаренка волѣлъ Климови отправить, а у его взять 26 р. за дойво взятихъ имъ, да Климу жъ приказялъ взять у его записъ, чтобъ доправить еще на немъ 24 р. зъ товаришемъ другимъ, хто съ нимъ продавалъ. Зъ Гойскимъ уговорился, что онъ видастъ въ Новгородку мнѣ 100 осмачовъ вапна, за 18 р., и уже 6 р. взялъ у мене задатку.

Середа. 10. День былъ напротивъ вчорайшого хмарний, холодний, дощоватъ. Ночъ такова жъ, яковъ и день, а къ свѣту и еще мокрѣйша. Зъ Крисіокъ пріехалъ коберникъ и привезлъ коберець новоробленний имъ, да привезлъ мнѣ табаку à la violette столичикъ, да примѣчанія рускіе академіи С.П.Бургской. По сказкамъ пріѣховшымъ многихъ зъ С.П.Бургу, вѣдомо, что Галецкій Семенъ, сотникъ полковий Стародубовскій, пожалованъ именнимъ указомъ ея величества бунчучнимъ енераломъ, а сынъ его на его мѣсто сотникомъ. Дѣла наши малороссійскіе, которіе были по смерть гетманскую у коллегіи іностранныхъ дѣлъ, перенесени зъ оной коллегіе въ сенатъ, гдѣ малороссійскимъ дѣламъ особливая якоби имѣетъ бить контора.

Четвер. 11. День былъ хмарний, тихій, теплій къ веснѣ склонний, ночъ такъ же до половини была тепла, тиха, а посля хмарна, вѣтряна, холодна и мокра. Сегодня причащалисмося ст. тайнамъ въ церквѣ Чарнишевой, и никуда я не ездилъ

Пятокъ. 12. День былъ хмарній, вѣтряний, холодний, ночъ тихшая и къ свѣту погодна. Князь разговаривалъ, что вѣдомости имѣются, что наши добули Гданской крѣпости Столцемберга.

Вел. субота. 13. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, ночъ таковажъ, а къ свѣту хмарна. Служби божой слухалъ у Чарнишевой церквѣ.

Воскресеніе Х—во. Неделя. 14. День былъ хмаренъ и отчасти холоденъ, ночъ хмарна зъ великимъ дощикомъ и холодна. Были зъ ро-

Библиотека "Руниверс"

для поздравленія у князя Шаховского, которого застали у церквѣ соборной на утренѣ, где не виходя и служби слухали, у его и обѣдали.

Понедел. 15. День былъ хмаренъ и свѣтелъ, почасти и тепловатъ, ночъ хмарна и вѣтряна. Сегодня были на службѣ у ст. Анастасіи и обѣдали у князя, и доволно просидѣли.

Вовтор. 16. День былъ хмаренъ, отъ болшой части холодноватъ зъ великимъ дощемъ и густимъ, отчего много води прибавилось, такова жъ и ночъ была, толко безъ дощу. Не ездилъ я никуда, обѣдалисмо всѣ въ дому, а род. у вечеру до князя ездилъ и скоро пріехалъ.

Середа. 17. День былъ почасти хмаренъ, а по болшой свѣтелъ и тепелъ, ночъ хмарна, вѣтряна зъ великимъ дощемъ и густимъ. Обѣдалъ сегодня у себе и съ нами Заборовскій зъ женою.

Четвер. 18. День былъ холодний, хмарний, осѣнному подобний, зъ великимъ дощемъ, отчего много води и грязѣ умножилось, къ вечору мало випогодилось, а съ ночѣ знову дощъ, къ свѣту стало випогажуватись. Обѣдалисмо вкупѣ зъ род. и никуда я для дожчу не ездилъ. Климъ Пѣщанскій для управленія господарства въ поля отправленъ и данъ ему приказъ пунктами.

Пятокъ. 19. День былъ почасти хмарний и почасти свѣтлій и между тимъ дожчъ, ночъ почасти жъ хмарна и почасти свѣтла. Сегодня обѣдалисмо у князя и при немъ ездили до Кищкина, Синявина и Мякинина.

Субота. 20. День былъ свѣтлій, мало вѣтрянъ, а однако жъ теплій, весняний и ночъ такова жъ. Сегодня въ дому обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилъ въ Сварковъ и тамъ приказавши въ станѣ станки позагорожувать, стелю у новихъ будинкахъ застелить и сходцѣ здѣлать, вернулся. Петро кухарь посланъ въ Новгородокъ за вапномъ и байдакомъ, отобрать сталное вапно отъ Гойского все, которого купили усего 100 осмачокъ по 18 копѣекъ осмачка, на что въ доплатку дани денги 18 р.

Неделя. 21. День былъ свѣтлій тихій, теплій, весняний, ночъ такова жъ. Не ездилисмо въ городъ зъ тимъ, что князь Шаховскій

Библиотека "Руниверс"

поехалъ на охоту къ Путимлю. Служби слухали на Веригинѣ и обѣдали у себе, и съ нами п. Михайло.

Понедел. 22. День былъ израдний и ночъ веснание, свѣтліе, день зъ вѣтромъ толко. Рано зъ Глухова поехавши зъ п. Михайломъ, пріехали до Дунайця, где у его и обѣдалисмо, а по обѣдѣ поехали ко мнѣ въ Сварковъ и отсель передъ вечоромъ виехалъ онъ въ Глуховъ, а я тутъ заночевалъ, бо и жена сюда жъ пріехала. У первое до вороной нѣмецкой кобили припускали дриганта турецкого гнѣдого.

Вовтор. 23. День былъ израдний весняний, теплій, тихій, ночъ такова жъ, толко по сторонамъ хмарно, гримѣло и блискало. Сей день продновалъ я въ Сварковѣ и ночевалъ.

Середа. 24. День былъ хмарний, холодвий велми и вѣтряний, а особливо къ вечеру, ночъ такова жъ была. Рано до футора ездилъ зъ Сваркова и оттоль повернувшись обѣдалъ и ночевалъ у Сварковѣ.

Четвер. 25. День былъ же якъ и вчора хмарний, вѣтряний и холодний, ночъ тиха, свѣтла зъ морозцемъ, малимъ, остримъ, а къ свѣту вѣтеръ. Рано поехалъ зъ Сваркова и пріехалемъ въ Глуховъ рано; былъ у князя и обѣдалъ зъ род. п. Михайломъ и писаремъ печерскимъ Савѣцкимъ, оттоль пріехалъ съ п. Михайломъ и посидя играли у пѣкетъ. Черезъ печерскихъ пронеслася вѣсть, что наши войска израдний виграшъ имѣютъ надъ непріятелскими и яко бы запорожци приняти и присягали на вѣрность государинѣ... (?) и зъ новой Сѣчи на старую перейшли. Бяловскій, служитель швагеровъ моихъ п. п. Полуботковъ, сказивалъ, что якобы швагеръ мой Яковъ Полуботокъ волею Божею въ походѣ нинѣшнемъ, между бунчуковимъ товариствомъ обрѣтавшійся, умре.

Пятокъ. 26. День былъ холодний, вѣтряний и хмарній, а посля къ вечору свѣтелъ и тихъ сталъ. Сегодня никуда я не ездилъ черезъ день, а у вечеру до швагера своего Андрея Полуботка, пріехавшого ездилъ. Солгалось слава Богу, что будто швагеръ мой Яковъ Полуботокъ преставился, а то сіе пріизійшло отъ помилки канцелляристи, которий зъ енер. кріи пишучи позовъ до

Библиотека "Руниверс"

швакгра Андрѣя, по челобитію Ланка, капитана, прописался и вмѣсто Григорія Журавки, Якова Полуботка написалъ, а того не дописалъ. Панѣкадило болшое, сребраное, покойной тіотки отдано въ Лавру Печерскую черезъ писара Савѣцкого.

Субота. 27. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, а после мало вѣтрянъ, ночъ такожде тепла. Рано поехалъ я зъ Глухова на обѣдъ въ Сварковъ, где зъ женою и дочерю и обѣдалъ. По обѣдѣ здесь въ Сварковѣ розмѣрилъ новий будинокъ свой, которий мѣетъ при помощи Божой строитись; то совершивши, пріехалъ позно въ Глуховъ.

Неделя. 28. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ, толко мало вѣтряни и хмарни. Ради коронацѣи ея величества подпіяхомъ зѣло у князя, а были отъ компанѣи: князь, Радищевъ, Кишкинъ, Синявинъ, порутчикъ гвардіи Остафѣевъ, родитель, маіоръ Іобъ, Кочубей, Павелъ Апостолъ, Михайло Скоропадскій, я, архимандритъ Онполскій, Волчанскій и проч.

Понедел. 29. День былъ свѣтлій, тихій, теплій и ночъ такова жъ. Сегодня после вчорайшого шуму еще подбраживъ за пріездомъ ко мнѣ швакгра моего Андрея Полуботка, а уснувши ездилъ въ гостѣ до Синявина, Радищева и Борзни, пріехавшого сюда вчора увечеру.

Вовтор. 30. День былъ свѣтлій, тихій и теплѣій еще отъ прежнихъ, а у вечеру хмаренъ зъ дощемъ, и въ ночѣ тако жь зъ громомъ и блискавицею, толко теплота била. Ездилъ рано до князя, а оттоль въ футоръ Калюжновскій, где сеей весни сими трома днями пашутъ всѣ поданніе мои, оттоль въ Сварковъ, где и обѣдалъ самъ. По учиненной будинку мѣрѣ, ровъ здѣлали, чтобъ подмуровать округи оний въ Сварковѣ.

М-цъ май. Середа. 1. День былъ свѣтлій, тихій и между тимъ мало вѣтрянъ и тепелъ, ночъ, тиха, свѣтла и тепла. Обѣдалисмо сами въ дому и съ нами швакгеръ п. Андрѣй Полуботокъ, а по обѣдѣ отехалъ онъ съ княземъ на охоту, зъ собаки, подъ Кролевецъ. Писалъ я до Петра въ Новгородокъ и 2 р. послалъ въ уплатку за судно и чтобъ онъ ехалъ зъ вапномъ и судномъ въ Погорѣловку.

Библиотека "Руниверс"

Четвер. 2. День былъ еще теплѣйшій отъ вчорайшого, свѣтлий, тихій, ночъ такова жъ, а зъ половини хмарна зъ громомъ и блискавицею, толко зъ невеликимъ дощемъ. Ездилъ родитель и я и жена въ Сварковъ и обѣдали, а по обѣдѣ родитель отехалъ въ Глуховъ на ночъ, а мы заночевали.

Пятокъ. 3. День былъ спервa хмарний, толко теплій зъ дощемъ, а посля свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Сегодня зъ Сваркова поехалъ я, зъ Сваркова черезъ футоръ до Глухова.

Субота. 4. День билъ свѣтлій, теплій, а посля хмарний и вѣтряний зъ дощемъ невеликимъ, ночъ свѣта, тиха и тепла. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, и съ нами Якимъ Горленко для именинницѣ дочерѣ моей Пазѣ.

Неделя. 5. День былъ свѣтлій, теплій, почасти вѣтрянъ, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Обѣдалисмо у князя, а по обѣдѣ ездилъ я зъ Борзною и швагромъ Полуботкомъ до Кочубея, до Борзни, до насъ и до п. Михайла Скор., и подпіяхомъ. У княжой квартерѣ читано писмо отъ Мойсѣя Левицкого, асаули полкового Нѣжинского, писанное до Хрущова, полковника Нѣжинского, зъ за Летичева, съ Подоля, зъ Полщѣ, въ якомъ обявляетъ, что потичка била козаковъ зъ ляхами и Галаганъ съ козаками виграли надъ ними, такъ что ляховъ убили на 500 человѣкъ и женучи кололи ихъ на 4 милѣ, а съ нашей сторони козаковъ убито 46 человѣкъ, полкового хоружого Прилуцкого наказного, да Петра сина Чосникового, кокорий самъ еденъ убилъ 29 человѣкъ, а тридцатий убитъ же отъ его, да и его, Петра, застрелилъ.

Понедел. 6. День былъ свѣтлій, теплій зъ вѣтромъ, ночъ свѣтла, тиха и димновата почасти. Обѣдалисмо сегодня въ дому, а у вечеру поехалъ я въ Сварковъ, где и заночевалъ. Кухаръ Василець, зъ юнихъ лѣтъ служившій при дому родителскомъ, пянствомъ бавившійся, напившись пянъ, пораженъ епилепсѣею, издше, которого погребли при церквѣ Веригинской. Зъ Крисіокъ пріехали Крисковци и привезли дерева 28 и вапна осмачокъ 15 въ Сварковъ. Муровщики, сторжившіеся подмуровать округи фундаментъ

Библиотека "Руниверс"

на будинокъ за 6 р., начали дѣлать работу свою. Цегелники, сторжившіеся цеглу палить 30000, дать 12 р. ржи четвертей 3, гороху путивокъ 5, соли фунт. 36, сала фунт. 36, олѣи кварть 12, руби вялой 90, горѣлки кварть 30, начали свою работу у Калюжновскомъ футорѣ. Петро съ Крисковцями пріехавшій въ Сварковъ для приняття оттоль горѣлки въ Погорѣловку въ байдакъ привезлъ вѣдомость, что зъ Крисіокъ тамошней горѣлки припровадилъ куфъ 17, а въ онихъ насатокъ 174.

Вовтор. 7. Дено былъ подобний вчорайшому израдной погоди и ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалъ я у Хрипунова, маіора, ради крещенія дочери его, которой были воспріемниками: молодий князь Николай зъ княжною; оттоль пріехалъ домой. Рано въ Сварковъ пріехали подводи Крисковскіе и подняли горѣлку зъ Сваркова куфъ 26. Юско зъ Ромна пріехалъ и припроводилъ до дриганта кобилъ 4.

Середа. 4. День былъ и ночъ подобніе жъ вчорайшимъ, толко ночъ не безъ холоду. Сегодня рано биль я у князя и въ церквѣ ст. Анастасіи, а обѣдалъ у швакгра п. Андрѣя Полуботка, которий подарилъ мнѣ 6 гранатокъ кристалнихъ пуздромъ. Сребро въ монастиръ Гамалѣевскій чрезъ отца Мойсѣя отправили, а именно: ложокп срѣбнихъ 3 тузнѣ, коновокъ 4, пугаръ болшій зъ кришкою, меншихъ 5, подносъ, чарокъ 12, пукаликовъ 2, а въ нихъ ваги фунт. 20 и лот. 20, да лѣхтарей мѣднихъ 12,

Чутвер. 9. День и ночъ были подобніе прежнимъ, израдной погоди. Банкетъ былъ у Синявина, для его именинъ вчорайшихъ и мы зъ род. п. Михайломъ и Андреемъ Полуботкомъ подпіяхомъ. Зъ Сваркова воловики забрали куеъ 5 до Туліголовъ зъ горѣлкою.

Пятокъ. 10. День былъ и ночъ погоди израдной подобніе вчорайшимъ. Поехалъ я зъ Глухова и пріехалъ въ Сварковъ, где и ночевалъ. Туда жъ пріехалп Алексѣй служитель зъ деревомъ и на 5 возахъ вапна привезлъ зъ Погорѣловки, всего подводъ 10 оболонскихъ.

Субота. 11. День былъ израдной погоди и ночъ подобніе прежнимъ. По обѣдѣ зъ Сваркова поехалъ я и пріехалъ въ Глу-

Библиотека "Руниверс"

свои денги. Напрасно ты меня не послушалъ и не посылалъ въ Курскъ для подряду жита на винокуреніе, ибо въ Черниговѣ, какъ слышу, новины, тоестъ нѣнѣшняго времени жито, продается дорого, которого и купить весма трудно, и разною мѣлкою мѣрою, а вдругъ болшимъ числомъ купить онаго неможно и дорого. И такъ въ винокуреніи будетъ остановка, а паче для меня, ибо отсюдова послать жита я не имѣю толикого числа подводъ и въ молотьбѣ имѣю великую остановку, для того, что не одно жито, но и протчей хлѣбъ молотить надобно, а людей мало; тамошние мужики волости Любецкой всегда ходятъ въ разные степные мѣста для зароботку молотбою хлѣба, то весма бы хорошо было, ежели бы ты велѣлъ имъ не ходить встороны, а присылалъ бы ихъ сюда, ко мнѣ, для молотбы моего хлѣба, 12 и 15 человѣкъ, которые могли бы и здѣсь заробить себѣ хлѣба, ибо я даю такую мѣрочку за молотбу, какъ и другіе сторонние люди даютъ. Двѣ семьи, кои отправлены при подводахъ сюда на жителство, получены, а третей мужикъ вдовъ съ дочерью, съ Хорошуномъ, на плитахъ прибылъ, которые здѣсъ будутъ поселены. Еще два писма отъ тебя полученные, одно, сентября отъ 11-го, а другое отъ 12-го числъ, на которые такъ же обявляю: указъ отъ преосвященного о освященіи церкви полученъ, за присылку котораго весма я благодаренъ и прилагаю при семъ къ преосвященному писмо; а освященіе церкви положено, за благословеніемъ и помощію божіею, слѣдующого ноября 3-го числа. Подводы, посланные съ моею горѣлкою при твоемъ и г. Виткевича писмѣ ко мнѣ, еще не пріехали за превеликимъ бездорожьемъ и хутдобою лошадей, о которыхъ получилъ извѣстіе чрезъ пришедшого ко мнѣ мужика, что находятца въ Монастырицѣ [1]), вовсе устали, гдѣ такъ же и твои двѣ подводы, посланные съ вялою становою рибою и порожнею посудой, которая была послана тебѣ, съ медомъ, на которыхъ такъ же водка зимная и бутылка барбарисового сиропу, посланные отъ Александры Павловны, за которые покорно благодарствую; толко еще оныхъ не получилъ, а принужденъ отправить за тою горѣлкою, рибою и посудою съ Гамалѣевки другие подводы, и твои двѣ подводы воловые велѣли отправить съ Монастырища обратно въ домъ, потому что они вовсе устали; и для того пшиницы, которой ты просишъ присилки, теперъ послать не на чемъ. По извѣстнымъ тебѣ дѣламъ, яко то съ Лашкевичемъ, по данномъ отъ тебя о збивки (?) позва прошенія и что потому послѣдовало, я

[1]) Мѣстечко Нѣжинск. уѣзда.

Библиотека "Руниверс"

понынѣ никакого извѣстія не имѣю, такъ же и о дѣлѣ имѣющемся въ верхнемъ земскомъ судѣ съ тещею и Фидрикевичемъ, что происходитъ не вѣдаю, и посылалъ ли ты повереннаго въ Сосницкій уездный судъ—для выслушанія извѣстного тебѣ опредѣленія и подпису на ономъ моего недоволства, въ силѣ Новгородскаго намѣстническаго правленія опредѣленія, и какъ еще дѣло есть для меня нужное, то поспѣшай, буди еще понынѣ не поехалъ, въ верхней земской судъ въ Новгородокъ послать апелляцею и напиши съ прошеніемъ Ивану Яковлевичу, чтобы онъ здѣлалъ вспомоществованіе. А какъ скоро послана будетъ апеляція, то я, за полученіемъ извѣстія, и самъ къ нему напишу письмо. Еще мнѣ весма нужно потребно знать написанна ли апеляція на сенатъское рѣшеніе объ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ, и ежели еще и понынѣ не написана, то какъ можно старайся и проси оную написать, и прислать ко мнѣ чрезъ нарочного для подпису моего, дабы непремено отправить оную въ Санктпетербургъ въ будущемъ ноябрѣ мѣсяцѣ, и отнюдъ не позже, чтобы Фидиркевичъ (sic) съ Силичемъ не смѣялись. Что же ты пишешъ о обявленіи тебѣ отъ Николая Михайловича Стороженка, что будто Лашкевичъ намѣренъ ѣхать ко мнѣ съ прозбой своею, то ежели сіе подлѣнно такъ, обяви Николая Михайловичу, чтобы онъ сказалъ Лашкевичу, что я ево вовсѣ не знаю и знать не намѣренъ, и чтобы онъ ко мнѣ не трудился ѣхать, ибо въ противномъ случаѣ будетъ онъ принятъ такъ, какъ я былъ принятъ въ Смяче [1]) по милости тещи и Фидиркевича, а не инако; или о семъ самъ ему скажи. Пусть жена его проситъ своей бабушки и Фидиркевича, ежели хочетъ успокоится, чтобы теща исполнила свое обѣщаніе, о чемъ я отъ нее саморучнымъ писмомъ былъ обнаруженъ и раздѣлила имѣніе; однакъ, какъ видно, послѣ писмо ее осталось въ неправдѣ и есть во всемъ сему сущая ложъ и обманство. Такъ надобно сказать г. Стороженку или Лашкевичу, а ко мнѣ ему ѣхать незачѣмъ и не должно. Зъ пріездомъ Антипа Крупянникова, уведомился я отъ него, что Степанъ Степановичъ Леонтивичъ умеръ, для того о семъ меня увѣдомь; приложенные при селъ писма къ преосвященному, Ивану Михайловичу Енке отъдай; а преосвященного попроси, чтобъ онъ здѣлалъ милость не велѣлъ мужика моего Гамалѣевского, котораго жена о разводѣ проситъ съ нимъ по законнымъ точно притчинамъ, требовать присылки въ дикастарію въ Черниговъ, ибо онъ свидетелствованъ докторомъ и

[1]) См. выше, стр. 65.

Библиотека "Руниверс"

протопопомъ Лофицкимъ и нѣтъ ни малѣйшего сумнѣнія; въ противномъ же случаѣ, невинно будетъ обиженъ, потому что онъ бѣденъ человѣкъ, напрасно принужденъ будетъ итти пѣшкомъ, не имѣючи собственной своей подводы, и лишится чрезъ то своего домоводства и заработку, отъ котораго онъ пропитаніе свое имѣетъ. Преосвященный же безъ сумненія можетъ быть увѣреннымъ на посланномъ давно въ дикастерію зъ Лофицкой протопопіи рапортѣ, о чемъ и я тамъ же къ его преосвященству вѣрно и справедливо писалъ. Въ протчемъ пребываю... 24 октября, 1790 г. Гамалѣевка.

7. Любезній сину мой Григорій. Писмо твое съ Чернигова, пущенное сего ноября отъ 5-го, получилъ я сего жъ мѣсяца 14-го числа, чрезъ Николая Звонка, и приложенные при ономъ копію рѣшенія Черниговскаго верхняго земского суда 2-го департамента, по извѣстному тебѣ моему иску на тещу мою и брата ея Фидиркевича за учиненную мнѣ отъ нихъ тяжкую обиду и безъчестіе, и также копію позва, даннаго изъ уезднаго Городницкого суда, въ которомъ требуется явки моей или повѣренного моего для выслушанія онаго рѣшенія сего ноября на 25 число, я получилъ и какъ я онымъ рѣшеніемъ недоволенъ 1), что онымъ приговоромъ верхней земскій судъ опредѣлилъ заплатить мнѣ безчестіе по иску моему совмѣстно тещи моей съ Фидиркевичемъ, то есть пополамъ; какъ же безъчестіе мнѣ послѣдовало отъ двохъ домовъ и лицъ, вопервыхъ, отъ тещи моей, а вѣдругое, отъ брата ея Фидиркевича, то и слѣдуетъ, по справедливымъ моимъ доказателствамъ, въ чемъ я взялся и на присягу, платить безъчестіе тещи моей и брату ея Фидиркевичу не совмѣстно; 2), оной вѣрхней земской судъ по апеляціоной моей жалобѣ ни по 21 артикулу воинскаго устава, ниже по статуту, роздѣла 3-го артикула, 27-го, онымъ моимъ обидчикомъ заключенія или же вежи не приговорилъ съ моею обидой. Для того по краткости срока, то есть 25-го числа сего ноября, на подачу апеляціи въ гражданскую палату на показанное рѣшеніе со всякимъ поспѣшеніемъ, я нималѣйше не удерживая нарочного отъ тебя присланного, отправляю съ тѣмъ, чтобы, какъ можно, пожалуй, постарайся, поговори съ Андреемъ Степановичемъ, Иваномъ Якимовичемъ и изъ другими своими пріятелями, заразъ подавай апеляцію въ гражданскую палату, дабы по крайней мѣрѣ за три дни предъ срокомъ была подана, ежели скорѣе не успѣешъ, и по учрежденію исполни надлежащій обрядъ. Итакъ, потщись непременно исполнить. Чтожъ ты пишешъ о мирѣ то ежели оной во всемъ на томъ точно основаніи учиненъ будетъ, каковъ былъ дого-

Библиотека "Руниверс"

воръ прежде изъвѣстной тебѣ, чтобы дать тебѣ село Полуботки, то на томъ договорѣ можешъ ты и миръ заключить, съ тещею и Фидиркевичемъ, но однакожъ послѣ подачи апеляціи въ гражданскую палату, а отнюдь не прежде, дабы мнѣ чрезъ потсудные дѣла болше безчестия на претерпѣть, ежели судъ или палата гражданская приговоритъ тещи и Фидеркевичу вѣжу [1]), то я онымъ въ такомъ случаѣ и приговореннымъ нынѣ верхнимъ земскимъ судомъ безъчестіемъ доволенъ бы былъ. А до присяги тещу и брата ея Фидиркевича въ точныхъ обстоятельствахъ и силѣ, по словамъ сказаннымъ въ судномъ производствѣ отъ повѣренного моего Гроховскаго, въ чомъ я брался на присягу, въ томъ точно, ежели пожелаютъ и не откажутся, повести ихъ къ присягѣ, за помощью сердцевѣдца Бога, не отказываюсь. Впротчемъ, что касается до дѣла на рѣшеніе Сосницкого уѣздного суда, то поступай такъ, какъ ты ко мнѣ пишешъ и какъ можно старайся, дабы оное безъ замедлѣнія было рѣшено, ибо въ ономъ рѣшеніи весма важный пунктъ состоитъ по дѣлу съ Лашкевичемъ, о которомъ ты и самъ знаешъ. На протчее же, о чемъ ты ко мнѣ пишешъ, къ тебѣ, равно и къ преосвященному, я особливо чрезъ почту писать буду и пребываю прочемъ... Ноября 15-го дня, 1790 г. Гамалѣевка.

8. Любезній сину мой Григоріе! За помощіею божіею новопостроенная церковъ уже освящена, по церковному чиноположенію, сего ноября 3-го числа. При семъ тебѣ отъ церкви божіей посылаю на благословеніе двѣ иконы, одна—совѣтъ предвѣчный пресв. Тройцы, а другая—Христа, благословящого пять хлѣбовъ, которой да благословитъ тебя съ женою и дѣтми въ домѣ вашемъ хлѣбомъ и пшеницею и всякимъ благимъ совершеннымъ даяніемъ, отъ его превысочайшихъ и неизреченныхъ божественныхъ даровъ всегда и всегда. Надъ бывшимъ экономомъ Куриловымъ щотъ оконченъ и что явилось нанемъ на чоту денегъ, онъ меня удоволствовалъ, а протчее я ему подарилъ, и сего ноября 21-го числа отъехалъ онъ въ домъ тестя своего, въ село Пѣски. Онъ сказывалъ мнѣ, что на сихъ дняхъ поедетъ въ Бучки по надобности въ твоей въ экономіи. Я тебѣ совѣтую его договорить контрактомъ, ибо онъ потребенъ, особливо же для лошадиного заводу. Я надѣюсь, что у тебя есть любецкихъ озеръ сыропросолная щука риба, и рижики я слыхалъ, что сей осенн родили; для того пришли ко мнѣ на постъ щуки сыропросолной двѣ ма-

[1]) Т. е. личный арестъ.

Библиотека "Руниверс"

зирки да рыжиковъ двѣ кадушки (?) которой для меня надовго будетъ. На той же подводѣ, на которой привезется риба и рижики, я пришлю тебѣ пшеницы, ибо по нуждѣ подводъ и такъ же по бездорожью я не могль по сю по пору прислать тебѣ оной. Присланная отъ Александры Павловны зилная (?) водка, за которую я прежде и теперъ благодарю, сошла, и ежели еще есть оная, прошу прислать. Податель сего коллежской регистраторъ Тимофей Ивановичъ Глинской, по окончаніи щота при семъ отъ меня отправленъ въ Черниговъ, чрезъ котораго посылаю тебѣ коверъ болшой покойной матушки твоей, а другой поменше того, оставленъ здесь. И также при немъ отправленъ къ тебѣ служитель твой Спепанъ Чорноштаненко, которой было отъ тебя бѣжалъ, а послѣ самъ возвратился, и пришолъ въ хуторъ, коего ты можешъ опредѣлить попрежнему на конюшню, а мнѣ онъ не подобенъ. Здѣсь ему новые сапоги и рубашка одна пошиты. Мнѣ весма потребенъ человѣкъ, которого бъ могль я опредѣлить къ Рашевскимъ мелницамъ мѣрнымъ, для приему розмѣрового хлѣба и смотренія мелницъ. Антипъ Крупянниковъ сказывалъ мнѣ, что къ такой должности способенъ мужикъ Радковскій Алексѣй Пучинецъ, которой прежде былъ въ Любичѣ при Покровской церкви паламаремъ, а нынѣ живетъ онъ въ Любичѣ; для того пришли его ко мнѣ зъ женою и дѣтли, ибо тебѣ въ немъ тамъ нужды никакой нѣтъ. Я предъ симъ писалъ къ тебѣ, чтобы ты прислалъ ко мнѣ мужиковъ пѣшихъ молотниковъ для молотбы моего хлѣба 12-ти человѣкъ съ одними цѣпами, которые всегда ходятъ въ чужие стороны для заработку хлѣба; я же особливо, имѣя нужду въ соломѣ для корму въ нынѣшней зимѣ скота, чтобы скорѣе перемолотить, и корму приготовить, то и пришли мнѣ сихъ людей, кои и здѣсь могутъ заробить себѣ хлѣба, ибо я даю своимъ, такъ какъ и чужие люди, здѣсь получаютъ на вымолотъ семой четверычокъ хлѣба. При семъ прилагаю писма, одно къ преосвященному, а другое къ Ивану Михайловичу Енке [1]) и притомъ посылаю подлѣжащие ему зъ мена по присланному щету денги всего 11 руб. 96 коп. въ 10-ть рублей осигнаціею въ писмѣ запечатанные к нему Енке, а послѣдной мѣдною монетой 1 р. 96 коп. поручены Маковцу, которое писмо, равно и денги принявши у Маковца, отправъ чрезъ моего человѣка. Прошедшей зимы, едучи я съ Чернигова въ Гамалѣевку на колесахъ, всѣ свои сани оставилъ въ Черниговѣ, въ пріезжомъ домѣ, именно:

[1]) Т. е. Енькѣ.

Библиотека "Руниверс"

одни покрытые кожею, подложенные краснымъ сукномъ, съ кожанымъ хвартухомъ, съ оглоблями и зъ двумя пристяжками вѣровчаными, обшитыми кожею, другие покрытые кожею жъ съ фартухомъ и подложеные въ срединѣ пестрою [1]) и такъ же съ оглоблями и изъ двумя пристяжками, конопляными, вѣровчаными, да три кибитки, покрытые ценовками, съ оглоблями, которые всѣ отданы въ Черниговѣ въ смотрѣніе Семену Шапочнику и поставлены въ сараѣ, а шестые сани городские, съ оглоблями, обшитые краснымъ сукномъ, съ подушкою. И какъ я здѣсь саней для поѣздки санною дорогою вовсе не имѣю и ничемъ крайнѣ выехать, для того пришли ко мнѣ вышепомянутые пять саней, а шестые сани городские оставь у себя для ѣзды тебѣ въ Черниговѣ. Подводы тѣ, кои привезутъ сани сюда могутъ привезти тебѣ отсель овесъ, покупаемый въ Лофицѣ почталіономъ Анастасьевымъ. Давно я послалъ часы мои столовые въ Черниговъ часовому мастеру для починки, но толко оныхъ и по нынѣ не получилъ, ни звѣстия объ нихъ не имѣю; такъ же и карманные часы я послалъ черезъ тебя, то и сихъ понынѣ нѣтъ; для того оные обое часы пришли ко мнѣ чрезъ сего мужика, которой Глинского отсель отвезъ, и вели ихъ завернувши хорошо въ лубяную коробку ту, въ которой отъ меня оные отправлены, а коробку связать и запечатать. Такъ же посылаю въ коробкѣ еще одни часы зазюлю [2]) въ которыхъ зделалась небольшая порча непорядочно кричитъ; то и сіи часы отдай мастеру и попроси, чтобы онъ зарѣзъ починилъ, и что ему за труда надлѣжитъ, заплати на мой щотъ, ибо здѣсь некому вовсе отдать починить; безъ часовъ же въ деревнѣ весма худо; и за починкою пришли оные ко мнѣ безъ замедлѣнія. Жителствующая въ Черниговѣ прачка Катерина Василѣвская пишетъ ко мнѣ, что за обученіе учившейся у нея девки Агафіи, которая отдана Александрѣ Павловнѣ, по договору моему съ нею, не получила она муки житной 5 четверичковъ, крупъ гречанныхъ 2 четверичковъ, сала свиного и соли по одному пуду, да олеи конопляной 1 ведро, а какъ она того подлѣно отъ меня не получила, то и надлежитъ ей отдать показанную провизію, ибо она будучи бѣдна, единственно зъ своихъ трудовъ пропитаніе имѣетъ, то и прикажи сію провизію отдать ей. Еще я имѣю немалую нужду для дворового расходу въ добромъ догтю, то прикажи мужику Семену Масановцю купить на мой щотъ догтю доброго хорошого одну бочку

---

[1]) Полотно, крашеное узорами.

[2]) Вѣроятно—съ зозулею, т. е. съ кукушкою.

Библиотека "Руниверс"

въ 20 вед. и такъ же прикажи изъ Любецкого рибного стану собираемого рибного ряжу (икра?) прислать мнѣ одно вѣдро, ибо и оной здѣсь мнѣ потребенъ. Пріятеля моего и духовного отца протопопы Кошаревского сынъ почмейстеръ Роменской подалъ тебѣ въ почтамтъ прошеніе о прибавки ему, по представленнымъ резонамъ, жалованья и проситъ, чтобъ представлено было о семъ въ главное почтовыхъ дѣлъ правленіе, для того не оставъ, пожалуй, учинить сего представленія, а тамо въ Петербургѣ братъ его находящейся о семъ же, кого надобно попроситъ. Въ прочемъ пребываю... 30 ноября, 1790 года. Гамалѣевка.

9. Любезній сину мой Григорій! Писмо твое отъ 20-го числа сего мѣсяца, чрезъ Звонка, съ приложеніемъ при ономъ разныхъ бумагъ въ связкахъ, имяно: въ 1, апеляціонное прошеніе и при немъ чистой гербовой листъ бумаги, для подпису моего на бланкетѣ и для написанія на оном вѣрующаго листа, я получилъ сего декабря 23 числа, сполдня въ 9 часу, и оное апеляціонное прошеніе за подписомъ моимъ, такъ же гербовой бумаги чистой листъ, для написанія на оном вѣрующего листа, за подписомъ же и печатью, при семъ прилагаю; а Звонка безъ и малѣйшаго замедлѣнія я зъ симъ писмомъ отправилъ къ тебѣ на другой день, тоесть 24 числа рано, дабы онъ къ тебѣ могъ пріехать самоскорѣйше. Ты же старайся, какъ можно скорѣе отправить оную апеляцію въ С.Петербургъ надлѣжащимъ порядкомъ, ибо кончится указной срокъ апеляціи будущого 1791 года, генваря 31-го числа, и дабы, не дай Богъ, непотерять сроку. А чрезъ кого и какимъ порядкомъ подавать оную, то ты поступи, такъ какъ самъ знаешъ, посовѣтовавшись съ пріятелями, ибо я таковыхъ подачъ не подавалъ и знать не могу, а потомъ пиши къ господамъ съ прошеніемъ — графу Александру Андреевичу, Петру Васильевичу (Завадовскому) и Осипу Степановичу Суденкову, и къ господину Трощинскому, чтобы они учинили милость въспомоществованіе, дабы оная апеляція послѣ подачи приняла надлежащее свое дѣйствіе; чтожъ касается до другихъ двухъ связокъ бумагъ, одной касающейся до иску Лашкевичового и апеляціи на Сосницкой уездной судъ, а другой по дѣлу, находящемуся въ верхнемъ земскомъ судѣ съ тещею моею и братомъ ея Фидиркевичемъ, за учиненное мнѣ безчестіе, то я оныхъ бумагъ и за скорымъ отправленіемъ Звонка, не могъ разъсмотрѣть и прочитать, а послѣ разъсмотревши, о чемъ надлѣжитъ къ тебѣ писать буду чрезъ почту. Касателно жъ до купца, которой хотитъ покупать у тебя мачтовое древо, о чемъ мнѣ сказывалъ Звонокъ словесно, то вся

Библиотека "Руниверс"

сила въ томъ состоитъ, чтобъ въ вырубкѣ мачтового дерева не было отнюдь никакого браку, ибо я преже сего, незнавши силы въ продажѣ мачтоваго дерева, по вырубкѣ оного получилъ великій убытокъ, да и того, что послѣ вырубки явилось 21 дерево неспособное на машты, которе я по договору принялъ себѣ, а за вырубку съ каждого дерева получилъ толко по 1 рублю; а договоръ надобно дѣлать непремѣно таковъ, чтобы никакого браку не было, а сколко дерева порубитъ мачтового, годное ли оное будетъ или негодное на мачты, долженъ онъ за всякое заплатить по договоренной цѣнѣ, и сколко мачтового дерева по вырубкѣ такъ и при вывозкѣ оного съ пущи испортитъ и поламаетъ протчего разного дерева числомъ, долженъ онъ заплатить за каждое дерево по рублю, и тое испорченное и поломленное дерево должно оставаться при тебѣ, и если контрактъ надлѣжитъ дѣлать урядовой, а покупщикъ мачтового древа, ежели онъ покупаетъ не собственно отъ себя, но имѣетъ на то повѣреніе отъ кого либо, то долженъ оное имѣть токже урядовое и вѣроятное свидѣтелство, а до вырубки дерева долженъ онъ дать тебѣ въ задатокъ третую часть или половину; послѣдние же денги повиненъ онъ отдать по вырубкѣ всего дерева, которое рубить долженъ онъ при твоемъ повѣренномъ, дабы лишняго дерева сверхъ договору не могль вырубить. Какъ скоро будетъ санная дорога, я бы весма былъ радъ, чтобы Иванъ Якимовичъ пожаловалъ приехать ко мнѣ съ тобою, на малое время. Притомъ пребываю... 23 декабря, 1790 г. Гамалѣевка.

10. Любезній сину мой Григорій! Послѣ отъправленія къ тебѣ Звонка, читалъ я отводъ, поданной отъ стороны твоей чрезъ повѣреннаго въ Черниговской уездной судъ по иску Лашкевичевому, въ которомъ усмотрѣлъ я, что пропущено сказать во ономъ два пункта: первый, что я нынѣшнюю жену Лашкевичеву, бывшую еще въ дѣвкахъ, въ Смячѣ, предъ тимъ временемъ, когда она отъ меня ушла и спряталась, приглашалъ, дабы она пріездила ко мнѣ и матернимъ имѣніемъ раздѣлилась съ тобою при бытности моей, а послѣ того въ скорѣ и ты къ ней писалъ, чтобы она пріездила ко мнѣ для разъдѣлу между вами онаго имѣнія, но она ни на мое приглашеніе, ни на твое писмо не согласилась и пріехать поупрямилась и не захотѣла; а потомъ въ уездномъ Сосницкомъ судѣ меня обжаловала, противъ совѣсти своей, будто-бы я ради покорыстованія имѣніемъ, не отдавалъ оного въ разделъ, вовсѣ ненадлѣжаще и несправедливо и въ томъ я возялся на мою совѣсть; второй, въ вѣновномъ листу, при женитьбѣ моей на умершей твоей матери, написалъ я, что послѣ

Библиотека "Руниверс"

роздѣлу имѣніемъ моимъ отческимъ съ братьями моими родными, записую или уступаю третую часть за вино; которого нынѣ весма домагается Лашкевичъ, какъ изъ доказательства его видно, что того третой части имѣется за жизни жены моей, а твоей матери, и по смерти ея, какъ написано въ вѣновномъ листу послѣ раздѣла оного съ братіями моими, я не выдѣлялъ и женѣ моей не отдавалъ, и она не потребовала по смертъ свою и по смерти ея никто другой, чему уже прошло болше двадцати лѣтъ, то естъ двухъ давностей земскихъ, а послѣ узаконеній никакой важности и силы оной вѣновной записъ не имѣетъ чрезъ потерянне права; и сіи оба пункта написаны были въ отводѣ моемъ, который писанъ въ Батуринѣ извѣстнымъ тебѣ человѣкомъ, и весма напрасно пропущены ибо оные имѣютъ свою силу и нужно потребны для написанія въ отводѣ, и какъ немалая важность дѣла состоитъ въ уничтоженіи Сосницкого уездного суда опредѣленія о выходѣ въ замужество, которое учинено въ непринадлежащемъ до ихъ суда въ силѣ высочайшого учрежденія мѣстъ, и безъ моего отвѣта, о чемъ обстоятелно въ прошеніи моемъ, поданномъ въ Новгородскосѣверское намѣстническое правленіе, показано, то ты всѣми силами старайся и проси въ гражданской тамошнѣй палатѣ, дабы верхняго земскаго Новгородъсѣверского суда рѣшеніе было опровержено, яко незаконо и пристрастно учиненое на великую мнѣ обиду и по важности сего дѣла непремѣнно самъ поезжай и проси ни на кого не полагаясь и проси, кого ты самъ знаешъ, особливо же Ивана Яковлевича, которой знаетъ обстоятелно всю мою тяжкую обиду. Еще я писалъ тебѣ и Ивану Михайловичу Енкѣ, отъ 3-го минувшого декабря, чрезъ почту, о покупкѣ для надобности церковной золотой сѣтки въ 32 аршина и присылкѣ оной ко мнѣ черезъ почту жъ, но толко и по нынѣ ни сѣтки, ни извѣстія объ оной неимѣю. Для того вторично прилагаю при семъ къ Ивану Михайловичу писмо о покупкѣ той сѣтки, которую получивши отъ Ивана Михайловича, пришли безъ замедлѣнія ко мнѣ. Да еще писалъ я чрезъ Звонка къ тебѣ о присылкѣ калѣндаря московского или петербургского на сей годъ, въ которомъ я нужду имѣю, и здѣсъ оного достатъ и купитъ вовсе нигдѣ, то такой калѣндарь пришли такъже. Притомъ (на?) наступившей сей новый годъ зъ усердія моего желаю тебѣ, съ женою и дѣтми, да благословитъ Богъ во всякомъ здравіи и благополучіи провождать и пребывать... Генваря 3 дня, 1791 года. Гамалѣевка.

Библиотека "Руниверс"

11. Любезній сину мой Григорій! За приездомъ твоимъ изъ Петербурга, получилъ я писмо отъ его сіятелства графа Александра Андреевича, также отъ братца Андрея Степановича и отъ тебе, сего сентября 28-го числа, будучи въ хуторѣ, чрезъ г. Самойловского. Касателно до примѣренія въ дѣлахъ съ дочерью моею, съ тещою и братомъ ея Фидиркевичемъ по совѣту его сіятелства равно и братца Андрея Степановича, я принужденъ согласится въ разсужденіи разныхъ обстоятелствъ и затруднѣній, для того и присланные отъ тебя двѣ прошенія, одно въ правителствующій сенатъ съ вѣрующимъ листомъ, а другое въ уездній Городницкій судъ, съ вѣрующимъ же открытимъ листомъ, на имя Андрея Степановича, а особо тѣхъ вѣрующій-же отъкритій листъ по дѣламъ съ тещою моею и братомъ ея Фридиркевичемъ, на имя жъ Андрея Степановича, которія всѣ приложенія я подписалъ и при семъ чрезъ его жъ г. Самойловского къ тебѣ посилаются, но притомъ совѣтую тебѣ роздѣлку учинить на томъ основаніо и такъ точно, какъ прежде сего до начатия споровъ и тяжебъ положено было и тебѣ есть извѣстно зъ согласіемъ всѣхъ сторонъ, то естъ бабы твоей, сестри, Николая Михайловича Стороженка и твоего, и въ томъ писменное условые учинено за подписомъ и печатью всѣхъ васъ, именно жъ, чтобъ имѣніе матери твоей оставалось за тобой все, такъ какъ я въ опекѣ содержалъ, а сверхъ того деревню Полуботки отъдать тебѣ въ разъсужденіи тамошняго хлѣбопашества, которого въ волости Любецкой не имѣется, къ тому жъ оная деревня близъ города Чернигова для тебя способная; сестрѣ же твоей въмѣсто того отъдать деревнѣ и съ протчіими угодіями изъ числа немалого имѣнія, которымъ владѣетъ баба твоя, напротивъ же того въ ономъ тебѣ участія не имѣть кромѣ деревни Полуботокъ; о чемъ я такъже писалъ къ братцу Андрею Степановичу, а о семъ я тебѣ для того пишу, что ежели ты согласисся мѣстечко Любечъ дѣлится нополамъ, то посему будетъ всегдашніе разные споры, жалобы, а отъ того и безпокойства, то черезъ прикажчиковъ, то черезъ людей, когда будетъ въ ономъ два владѣлца, что я дѣйствительно примѣтилъ въ многихъ владѣніяхъ, и не будешъ имѣть покоя никогда, а зъ нынѣшними владѣлцами особливо же. О минкахъ споръ разрѣшится, какъ скоро рѣшится дѣло въ сенатѣ по апеляціи моей и будешъ спокоенъ, а хлѣбопашество будешъ имѣть въ Полуботкахъ въ прибавокъ къ Любецкому хлѣбопашеству, какое тамъ имѣется и будешъ доволенъ для того, что какое бы хлѣбопашество ни было не можно обойтится безъ покупки хлѣба для винокуренія. Притомъ будь весма остороженъ при

Библиотека "Руниверс"

подачи мировой прозьбы въ Городоницкій уездный судъ, смотры прилѣжно, чтобъ всѣ обстоятелства и отъ всѣхъ сторонъ въ мировыхъ здѣлкахъ написаны были, и особливо отъ дочери моей, чтобы она во всемъ призналась покаяніемъ также отъ тещи и Фридриквевича, ибо со стороны моей ничего не пропущено и весма изъяснено все къ ползѣ ихъ и сіи мировіе здѣлки тогда подать, когда дочь моя, теща и Фридриквевичъ подадуть отъ себя мировіе-жъ, а не прежде, ибо я не вѣрю, знавши доволно Фридриквевича и тещу, а послѣ того и въ Пѣтербургѣ къ подачи въ сенатъ отправить можешъ, что все обяви также Андрею Степановичу. Въ протчемъ пребываю... Сентября 28 дня, 1791 г. Гамалѣевка.

Какъ въ мировыхъ прошеніяхъ написано о раздѣлѣ имѣнія только того, которое по матери вашей наслѣдственно принадлежитъ, для того пилнуй ты сего, чтобъ объ моемъ всемъ имѣніи никакого упоминку ни малѣйше не было, при подачи мировыхъ отъ обоихъ сторонъ, ибо я о семъ ни почему и ни для чево никогда не соглашуся и не согласенъ. За присланный шнурокъ съ кисточками также и пугвицы присемъ посылаю шмуклиру пять рублей денегъ.

12. Любезный сину мой Григорій! Писмо твое минувшого марта отъ 20-го, съ Чернигова, я того жъ марта 28-го числа, получилъ съ приложеніемъ копій съ учиненной бабою твоею духовной на недвижимое имѣніе ею владѣемое и усмотрелъ, какъ она по фалъшивой и безъзаконной уступки онымъ имѣніемъ ненадлежаще владѣла и владѣетъ такимъ порядкомъ и духовной своею росписала, съ совѣтомъ единоутробного братца своего, ни Бога, ни души, ни совѣсти не имущого, злого человѣка, вовси беззаконно и съ великою тебѣ обидою. Вомѣсто того, что баба твоя съ своими братцами и родственниками похитивши чужое добро, которое она разорила, а доходами ползовалися братья еѣ и родственники, слѣдовало бы ей лишится безъзаконного своего влалѣнія, то напротивъ того она тебя лишила, законного наслѣдника Полуботковому имѣнію, безъстыднымъ и безъсовѣстнымъ образомъ угождая злобѣ брата своего, за то единственно, что оны не моглы тебя възбунтоватъ востаты противъ отца своего, такъ какъ учинила твоя сестра, и что ты вступаешся и помогаешъ въ тажкой и несносной учиненной отъ ныхъ отцу твоему обидѣ. Сіи всѣ и протчіе обстоятелства, основанные и послѣдовавшіе протывъ закона божественного и гражданского, не могутъ устоятъ на своей неправдѣ, но за помощію сердцевидца Бога праведнымъ судомъ будутъ разрѣшенны и опровержены. И такъ ты нынѣ неоспоримо законный и

Библиотека "Руниверс"

справедлывый резонъ имѣешъ вступится за себя протывъ воставшихъ на тебя и на востающихъ на тебя! Господь Богъ да будетъ помощникъ и поборникъ, всегда и всегда. Аминь. Теперъ тебѣ надобно заразъ, неупуская ни малѣйшого времени, помолясь Богу, съ его помощію, податъ искъ на свою бабу съ опроверженіемъ извѣстной тебѣ уступки и надобно заразъ ехатъ у Батуринъ къ извѣстному тебѣ человѣку, показать ему уступку и всѣ обстоятельства и фалшивости, до нея принадлежащія и словесно поговорить также показать ему и духовную бабой твоею учиненную и просить у его совѣта и наставленія, и чтобы написалъ исковую жалобу, которую съ совѣтомъ также другихъ твоихъ пріятелей подать въ уѣздный судъ, однакъ не въ Городницкій, но въ Черниговскій, ибо въ Городницкомъ судѣ судья корнетъ Яковъ Лизогубъ, съ которимъ я имѣлъ за Гунковку дѣло, а сверхъ того и мало знающій законовъ и судного порядку, а засѣдатель Лисенко дурной совѣсти человѣкъ; въ уездномъ же Черниговскомъ судѣ будетъ тебѣ способнѣе, и имѣніе находится, о которомъ какъ слѣдуетъ. У меня же какія бумаги были и примѣчанія, какихъ ты нынѣ требуешъ въ разсужденіи подложной уступки, то я всѣ тебѣ отдалъ въ бытность твою у меня у Гамалѣевки; а нынѣ при семъ прилагаю давно выписанные права изъ статута и уложенія, а притомъ спросися у гражданской палатѣ гдѣ находится подлинное дѣло въ оной бывшее и рѣшенное съ расколниками; въ томъ дѣлѣ имѣется подлѣнная выпись, данная мнѣ исъ духовной Черниговской дикастеріи въ минувшемъ 786 году, ноября 2 дня, въ которой написано, когда твоя матушка замужъ вышла и умерла, съ которой попроситъ справочной копіи, гдѣ видное доказателство, что она давности десятолѣтной объ отисканіи наслѣдственного еѣ имѣнія, по виходѣ замужъ по смерть не промолчала. До выходу же въ замужье никакимъ образомъ будучи дѣвицею искатъ не могла: потому что она была въ родной своей матери въ опекѣ, въ которой она и въ власти и въ домѣ еѣ жила. Сіе примѣчаніе тебѣ весма нужное, что противная сторона будетъ всячески защищатъ уступку, кромѣ протчихъ всѣхъ несправливыхъ своихъ резономъ, и давностію земскою, и сей резонъ они имѣютъ наиважнѣйшимъ, которой они доказать не могутъ. Чтожъ касается до тебя, то ты родился въ 1765 году, генваря 28-го числа, въ наукахъ былъ, съ проѣздомъ въ чужой землѣ, чрезъ восемъ лѣтъ и по силѣ имяного указа отъ совершеннолѣтства своего и за исключеніемъ по статутовому праву восьми лѣтъ бытности твоей у наукахъ, давности земской десятилѣтней ты не потерялъ, о чемъ всемъ ты можешъ раз-

Библиотека "Руниверс"

смотрѣть и съ совѣтомъ своихъ пріятелей. При семъ прилагаю тебѣ для всякого случая и надобности подлѣнный паспортъ фельдмаршала графа Румянцова Задунайского, данный тебѣ на отъездъ въ Кенизберхъ, 1778-го года марта 20-го числа, по которому ты отъехалъ того жъ году мая 18-го числа исъ Боровичъ. И какъ скоро подаси искъ, то тотчасъ увѣдомъ меня, а ежели между тѣмъ будешъ имѣть время, чтобъ пріехатъ ко мнѣ на малое время повидатся, то бы весма было хорошо. Что касается до отправленія жеребцовъ у Бучки и о тамошне припускѣ, о которомъ я писалъ съ наставленіемъ до тамошняго прикажчика Калѣновскаго, то о семъ тебѣ обстоятелно скажетъ словесно Николай Звонокъ; жеребцовъ же я отправилъ у Бучки двохъ: вороного Яничара и гнѣдого Арнаута, а Глаза не посылалъ по причинѣ извѣстной тебѣ его болѣзны, по которой хотя бы и не хотѣлъ, однакъ намѣренъ продать. Въ протчемъ пребываю.... 2 априля, 1791 года. С. Гамалѣевка.

Письма къ Григорію Петровичу Милорадовичу.

13. М. г. мой Григорій Петровичъ! *(Д. Трощинскаю).*

Худое состояніе здоровья моего, въ которомъ я нахожусь съ юля мѣсяца, вытерпѣвъ между тѣмъ тринадцать уже самыхъ мучителнѣйшихъ операцій, причиною, что я долго не писалъ къ вамъ и на многіе ваши письма не отвѣчалъ. Теперь хотя, также еще нездоровъ и лежа въ постелѣ принужденъ писать, однакожъ не хотѣлъ оставить, чтобъ не принестъ вамъ искреннѣйшія благодарности, во первыхъ, за дружеское стараніе къ полезному окончанію извѣстнаго моего дѣла; а во вторыхъ, за участіе, пріемлемое вами по случаю перемѣны чина моего. Дай Богъ, чтобъ я тѣмъ и васъ вскорѣ поздравить имѣлъ удовольствіе. Въ разсужденіи пособія надобностямъ почтамта, вами управляемаго, я всевозможно прилагаю стараніе выполнять представленія ваши, такъ какъ въ числѣ оныхъ и о прибавкѣ чинамъ онаго жалованья. Тутъ включенъ одинъ регистраторъ Кодацкой, который есть подноситель сего письма, и я рекомендую его въ вашу милость, желая чтобъ со временемъ могъ онъ гдѣ либо застуиить мѣсто почтмейстера, когда къ дѣламъ навычку здѣлаетъ. Болѣе писать слабость здоровія воспрещаетъ. Прощайте! желаю вамъ всякаго благополучія и пребываю съ нелестною дружбою и искреннимъ почтеніемъ вашъ покорный слуга Дмитрій Трощинскій. P. S. Обѣщаніе ваше въ раз-

Библиотека "Руниверс"

сужденіи извѣстнаго реестра вещей — предано забвенію, хотя вы и въ самомъ первомъ ко мнѣ письмѣ оно подтвердили. Октября 29, 1790 г. С.-Пб.

14. М. г. мой Григорій Петровичъ! *(Д. Трощинскаго).*

Несравнено пріятнѣе мнѣ было отвѣчать на всѣ дружескіе письма ваши порознь, такъ такъ я ихъ отъ васъ получаю, нежели извиняться, отвѣчая вдругъ на многія; и извиненіе предъ другимъ было бы для меня затруднительнѣе, но вы, м. г. мой, довольно зная мое обыкновенное положеніе и прибавя къ тому еще настоящія здѣшнія обстоятельствы, тѣмъ удобнѣе можете меня оправдать.

Я начну непріятною для васъ матеріею, т. е. по дѣлу вашему съ Силичемъ въ сенатѣ; оно еще въ бытность вашу здѣсь испорчено было до такой степени, что по употребленіи всѣхъ возможныхъ отъ меня испытаній, кажется уже вовся нельзя его исправить, ни перемѣнить здѣланнаго въ пользу соперника вашего приговора, кромѣ того, что на нѣкоторое время удержится его исполненіе; и въ семъ только одномъ и состоять будетъ возможное содѣйствіе къ пользѣ вашей; о чемъ я по усердію къ вамъ сердечно сожалѣю.

Принимая сладкую посылку вашу, за знакъ дружескаго о мнѣ незабвенія, я сугубо васъ благодарю за благосклонность вашу къ Ильѣ Ивановичу Бажанову, радуясь искренно, что вы нашли его достойнымъ оныя — и для исполненія благонамѣреннаго расположенія вашего къ нему и ко всѣмъ достойнослужащимъ подъ вашимъ начальствомъ. Весьма хорошо вы сдѣлаетѣ, представя правленію о прибавкѣ имъ жалованья, чему я со стороны своей всемѣрно содѣйствовать стану, будучи весьма согласенъ съ мыслями вашими и увѣренъ опытомъ, что безъ ободренія и самое горячее усердіе протываетъ, и способности увядая, становятся безполезными.

Судя по сущности справедливыхъ дѣлъ, кажется и ненужны бы иныя посредства, кромѣ должности судящихъ разсмотрѣть его и защитить истину, но пристрастіе мыслить и дѣйствуетъ инако; есть ли бы я увѣренъ былъ въ сумнѣніи своего дѣла, находящагося въ тамошней гражданской палатѣ, то признаюсь вамъ, что цѣною неправды выиграть его не желалъ бы; я однакожъ понимаю, съ чувствительнѣйшей благодарностію, дружеское ваше попеченіе къ пользѣ моей и предложеніе ходатайства вашего о немъ. Не говоря вамъ столько о дѣлахъ, кои можетъ быть и никогда получены не будутъ, нельзя не сказать чего нибудь о тѣхъ, кои насъ иногда забавляли. Игра, составлявшая часто наше пріятное времяпровожденіе, перервалась почти

Библиотека "Руниверс"

совсѣмъ послѣ отъѣзда вашего, и артольщики наши, потерявши въ васъ главнаго приводцу, занимаются въ празности иными должностями: Обрѣзковъ и Ширай, подобно турецкимъ святошамъ, вертятся и при недостаткѣ бубенцовъ, играютъ одними палочками; Карлъ Ратъ, погребшій великія свои надежды на мавзолей цесарей, отчаевается навсегда видѣть ихъ возродиться могущими когда либо въ примѣрной бережливости Богемской и Венгерской; и дачи на щетъ императора, можетъ быть уже и останутся на щетъ только тѣхъ, у кого они написаны. Кувшкину одному только, какъ кажется, щастье присягнуло служить даже до тѣхъ поръ, пока свернетъ ему голову, великъ и въ великомъ свѣтѣ обыгриваетъ всѣхъ въ великія игры. Николай Петровичъ по прежнему вздыхаетъ, тлѣетъ, чернѣетъ и кажется ненаходитъ пріятнѣе смерти, какъ сгорѣть любовнымъ пламямъ. Иванъ Николаевичъ всіо по старому нахохливается и тонируетъ. Комаскино, не нашедши ни въ Италіи, ни во всякой другой благорастворенной землѣ, здоровѣйшаго для себя воздуху, пріѣхалъ назадъ, чтобы не умереть гдѣ нибудь съ голоду: визжитъ прескареднымъ сопрано: о *dio! benedetto dio, на все цвету не такъ земля какъ на Руссія.*—Я въ свободное время скучаю и воспоминая объ васъ, сожалѣю тѣмъ болѣ, что приближается время жить въ Царскомъ Селѣ или на дачѣ, гдѣ вы знаете, что для меня не очень весело. Я увеселяюсь однакожъ пріобрѣтеніемъ благорасположительнаго дружества вашего ко мнѣ, пребывая всегда съ петинымъ къ вамъ почтеніемъ и искреннѣйшею приверженностію, вамъ, м. г. мой, вѣрно покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій. въ С.П.Бургѣ. Апрѣля 18-го, 1790 года.

P. S. Препровождаю при семъ къ вамъ письмо отъ Виктора Павловича (Кочубея). Оно старо, понеже пущено еще до путешествія, которое любопытство побудило его предпріять во Францію и Нидерланды. Изъ обѣихъ сихъ мѣсть получилъ я отъ него весьма примѣчательныя описанія; но что онъ возвратился уже въ Лондонъ, не имѣю еще извѣстія. Между тѣмъ, есть ли вы желаете переписываться съ нимъ, я удовольствомъ представляю себя на услуги вѣрнаго имъ доставленія. Вчера имѣлъ я честь получить послѣднее письмо ваше отъ 2-го сего мѣсяца. Мѣры, кои вы приняли для испытанія своихъ почтмейстеровъ, конечно, оправдаютъ всегдашнее мое заключеніе, что при вѣрномъ отправленіи должностей ихъ и при строгомъ затѣмъ наблюденіи почтамта, доходъ тамошнихъ почтовыхъ конторъ гораздо возвысится и по крайней мѣрѣ будетъ достаточенъ на содержаніе ихъ съ выгоднѣйшими предъ нынѣшнимъ положеніями. Ежелибъ вы

Библиотека "Руниверс"

удѣлили еще нѣсколько времени, чтобъ самолично освидѣтельствовать каждаго порядокъ управленія и способности ихъ, то сіе наипаче на пользу дѣлу послужило бы. Прощайте! извините, гдѣ чужою рукой пишу къ вамъ: собственная хотя не отсохла, но часто чувствуя усталь, отказывается отъ повиновенія. Ut in litteris Трощинскій.

15. М. Г. мой Григорій Петровичъ. (*Д. Трощинскаго*).

По причинѣ приключившейся мнѣ болѣзни, я принужденъ былъ прожить въ здѣшнихъ мѣстахъ, гораздо болѣе, нежели чаялъ, какъ получа малое облегченіе, спѣшу къ своему мѣсту, препоручая себя дружеской вашей памяти и прося продолжать ко мнѣ то благорасположеніе, которымъ я всегда имѣлъ удовольствіе отъ васъ пользоваться.—Ежели до васъ относится дѣло, по коему безпокоятся бѣдные сироты Левенцевы, не откажите отъ вашей руки помощи и покровительства по крайней мѣрѣ удержаніемъ разорительнаго для нихъ взысканія до того времени, покуда сіе дѣло, подъ монаршимъ теперь разсмотрѣніемъ состоящее, получитъ высочайшее рѣшеніе, которое конечно незамедлится. Илья Иванотичъ не здѣлалъ мнѣ по сію пору обѣщаннаго чрезъ васъ отзыва, а я единственно изъ искренняго желанія ему добра намѣренъ былъ стараться объ уволненіи его съ выгодою. Не скрою отъ васъ, любезный другъ, что я часть имъ управляемую нашолъ не въ лучшемъ порядкѣ и что по правиламъ моимъ, вамъ извѣстнымъ, непростительно бы было оставить ея на долго въ нынѣшнемъ состояніи: и честь мѣста, и польза службы требуетъ принять мѣры на приведеніе оной въ лучшее положеніе. Поговорите съ нимъ по сей матеріи еще разъ и не оставте меня безъ извѣщенія о его расположеніи, а мое состоитъ въ томъ, что я всегда былъ и непоколѣбимо пребуду съ искреннимъ къ вамъ почтеніемъ, вашего пр—ва покорный слуга Дмитрій Трощинскій. Въ Сорочинцахъ. Октября 14. 1798.

16. М. г. мой Григорей Петровичъ (*Тутолминой, жены Тимофея Ивановича Тутолмина*).

Отъ всего серца поздравляю васъ съ новорожденнымъ; желаю, чтобъ вы дождали сыны сыновъ ево во всякомъ благополучіи. За присланные конфекты, водки—наипризнательнейше благодарю; все прекрасно зделано; такое множество, что я думала вамъ приплачивать, и вы мнѣ еще остатки присылаите. Посланной вамъ весма лобрый человѣкъ, онъ очень піокса і берег[illegible] в совершенной целости, покорно прошу сказать ему за то [illegible] я вамъ скажу нашихъ вестей нескодко: что князь Н. В. (Репнинъ) живетъ

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго,** Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

		стр.
I.	РАЗВАЛИНЫ ЮРЬЕВОЙ БОЖНИЦЫ ВЪ С. СТАРОГОРОДКѢ. **М. Константиновича.** *(Съ рисункомъ и планомъ)* . .	129—136
II.	ШАРОНЪ. (Разсказъ). **Ѳ. А. Кудринскаго.**	137—165
III.	СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. **Н. Сумцова.**	166—177
IV.	АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА И. И. СЕРДЮКОВА *(Окончаніе слѣдуетъ).*	178—224
V.	ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА. (1817—1830 г.г.)	225—233
VI.	СВАДЬБА МАЛОРУССКАЯ КАКЪ РЕЛИГІОЗНО-БЫТОВАЯ ДРАМА. **Хр. Ящуржинскаго**	234—273
VII.	СВѢДѢНІЯ О ПОХОДѢ ВЪ КРЫМЪ МИХАЙЛА ДОРОШЕНКА. **К. Мельникъ.**	274—286

ОТДѢЛЪ II-й.

I.	ДОКУМЕНТЫ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Сказки о жабахъ. **В. Милорадовича.** б) Какъ поймали Наполеона Бонапарта въ лебединскомъ уѣздѣ. —* в) Отецъ Петръ. —* г) Черниговскій воспитательный домъ семьдесятъ лѣтъ назадъ. д) Недоразумѣніе. **А. Л.** е) Протоіерей Н. А. Лащенковъ. Некрологъ). ж) Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича. **В. Науменка.** з) Подписка на памятникъ И. Котляревскому въ Полтавѣ.	37—51
II.	БИБЛІОГРАФІЯ. а) Волынскій историко-археологическій никъ. Вып. 1. Изданіе распорядительнаго комитета Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества. **Н. Бѣляшевскаго.** б) Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Выпускъ 2. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Б. Д. Гринченка **А. Л.** в) Rocznik kółka naukowego Tarnopolskiego za rok 1895. **А. Л.** г) Указатель неоффиціальнаго отдѣла Кіевскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей за 1871—1895 г.г., **А. Л.**	52—64
	ОБЪЯВЛЕНІЯ о журналахъ 1897 г.	1—12
III.	ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (369—384). (385—400).	

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LV.

1896 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1896.

Библиотека "Руниверс"

Открыта подписка на 1897 г.

(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) **оригинальныя статьи;** II) **документы, извѣстія и замѣтки;** III) **критика и библіографія.** Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) **рисунки,** исполненные фототипіей и б) **не менѣе одного печатнаго листа** въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ **научныхъ матеріаловъ.**

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ:

Проф. *В. Б. Антоновича*, *А. А. Андріевскаго* *Н. Ѳ. Бѣлящевскаго*, проф. *Д. И. Багалѣя*, *Н. П. Василенка* *В. П. Горленка* проф. *П. В. Голубовскаго*, проф. *Н. П. Дашкевича*, *П. С. Ефименка*, *А. Я. Ефименко*, *П. И. Житецкаго* проф. *В. С. Иконникова*, *И. М. Каманина*, *Е. А. Кивлицкаго*, *Ѳ. А. Кудринскаго*, прот. *П. Г. Лебединцева*, *О. И. Левицкаго*, *А. М. Лазаревскаго*, проф. *И. В. Лучицкаго*, *Л. С. Личкова*, *В. Г. Лясоронскаго*, проф. *Ѳ. Г. Мищенка* *Н. В. Молчановскаго*, *К. П. Михальчука* *В. А. Мякотина*, *Ѳ. Д. Николайчика*, прот. *П. Орловскаго*, проф. *Н. И. Петрова*, *В. К. Пискорскаго*, *Б. С. Познанскаго*, *Л. В. Пидалки*, *А. А. Русова*, проф. *Н. Ѳ. Сумцова*, проф. *Н. И. Стороженка*, *Н. В. Стороженка*, *А. В. Стороженка*, *А. І. Стешовича*, *В. Н. Сторожева*, *Л. Д. Синицкаго*. *М. К. Чалаго*, *Я. Н. Шульгина*, *Н. В. Шугурова*, *В. И. Щербины*, *В. Н. Ястребова* и др.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка **„Малороссійскій Словарь",** который въ полномъ видѣ займетъ **болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца,** редакція «Кіевской Старины» разсчитываетъ въ теченіе 1897 года выпустить въ свѣтъ **2-й томъ** этого словаря, объемомъ **до 20 печатныхъ листовъ.** Этотъ томъ составитъ **безплатное приложеніе для подписчиковъ журнала „Кіевская Старина" въ 1897 году.**

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ: на годъ.

Съ пересылкой и доставкой . .	**10 р. — к.**
Безъ доставки и пересылки . .	**8 — 50 к.**
За границу	**12 — —**

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 руб. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кіевъ, Кузнечная ул., 14,) **а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.**

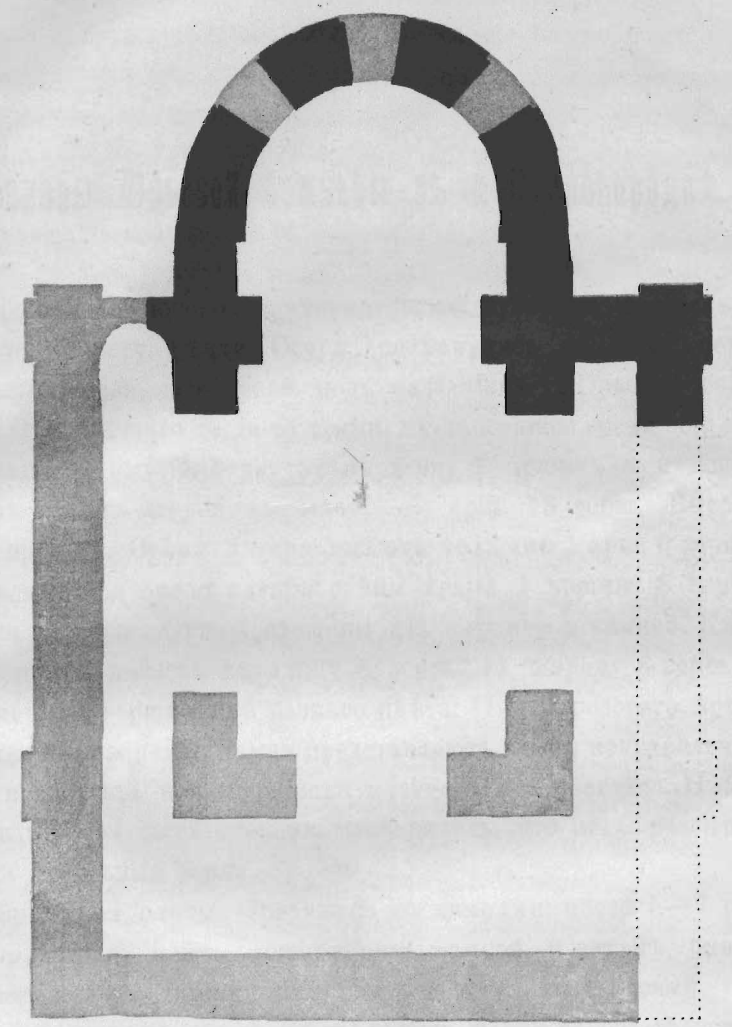
Издатель *К. М. Гамалѣй.* Редакторъ *В. П. Науменко.*

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Планъ остатковъ Юрьевой божницы.

Часть храма, вполнѣ сохранившаяся.

Найденный въ землѣ фундаментъ.

Предполагаемая стѣна, фундаментъ которой обрушился вмѣстѣ съ горою.

МАСШТАБЪ.

0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 Арш.

Библиотека "Руниверс"

Развалины Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ.

Въ селѣ Старогородкѣ, черниговской губерніи, остерскаго уѣзда, на берегу рѣчки Остра, сохранились до сихъ поръ развалины церкви, извѣстной подъ названіемъ „Юрьевой божницы". Отъ бывшаго когда-то храма, въ настоящее время остался только алтарь, имѣющій внутри въ длину 6 аршинъ и въ ширину, въ самомъ широкомъ мѣстѣ—5 арш. 13 верш. Высота его 12 аршинъ. Стѣны алтаря имѣютъ толщины 1 арш. 6 верш., а сохранившіяся около алтаря стѣны храма 1 аршинъ 8 верш. и 1 арш. 9 верш. Стѣны сложены изъ кирпича и камней. Кирпичныя плиты имѣютъ въ длину 8 верш., въ ширину 6 верш. и въ толщину $^3/_4$ вершка; онѣ разнаго цвѣта: бѣлаго, розоваго, краснаго и темно-краснаго. Камни представляютъ глыбы неправильной формы и состоятъ изъ песчаника плотнаго и зернистаго. Нѣкоторые камни до такой степени вывѣтрились, что легко разсыпаются на отдѣльныя зерна.

Кирпичныя плиты чередуются съ камнями: послѣ 5—7 рядовъ кирпичныхъ плитъ, лежитъ рядъ камней, а затѣмъ опять нѣсколько рядовъ кирпичныхъ плитъ и т. д. Известковый цементъ, связывающій плиты, очень толстъ, почти равенъ толщинѣ кирпичей, а иногда и толще. Задняя сторона (восточная) вверху, у основанія купола, надстроена кирпичемъ краснаго цвѣта, похожимъ на теперешній кирпичъ, а весь верхъ юговосточной части съ той же задней стороны надстроенъ совершенно такимъ кирпичемъ, какой теперь употребляется въ работу, и кирпичъ положенъ на известковомъ цементѣ такъ, какъ кладется въ настоящее время.

Библиотека "Руниверс"

Въ круглой стѣнѣ алтаря 3 окна, вышиною по 3 аршина и шириною внутри алтаря 14 верш. Съ наружной стороны окна шире, именно 1 арш. 4 верш.

На стѣнѣ внутри алтаря сохранились фрески, которыя можно довольно ясно различить. Всѣ изображенія раздѣлены на 4 яруса. Въ верхнемъ ярусѣ, на сводѣ алтаря написана Богоматерь съ поднятыми руками, какъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ; по правую сторону—архангелъ Михаилъ, по лѣвую—архангелъ Гавріилъ. Во второмъ сверху ярусѣ посрединѣ изображено горнее мѣсто, а по обѣимъ сторонамъ его—Спаситель съ ангеломъ и по 6 апостоловъ. Съ одной стороны Спаситель подаетъ апостолу хлѣбъ, а съ другой—чашу. Это тайная вечеря, представленная въ такомъ же видѣ, въ какомъ изображена она въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и Кіево-Михайловскомъ монастырѣ. Въ третьемъ ярусѣ, въ ряду оконъ изображенъ рядъ святыхъ, и, наконецъ, въ нижнемъ ярусѣ штукатурка настолько попорчена, что ничего разобрать невозможно. Украшенія между изображеніями и на выдающихся частяхъ стѣнъ, сдѣланныя коричневою краскою, имѣютъ такой же видъ, какъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на старой штукатуркѣ съ фресками видна позднѣйшая известковая накладка, закрывающая фрески.

Мною была произведена раскопка фундамента, и величина бывшаго храма можетъ быть опредѣлена съ точностью. Онъ былъ четырехугольный и имѣлъ внутри, кромѣ алтаря, $12^{3}/_{4}$ аршина въ длину и $11^{3}/_{4}$ аршина въ ширину, и внутри его находились два каменныхъ столба, какъ видно на приложенномъ планѣ, которые, по всей вѣроятности, служили опорою для сводовъ. Это можно заключить изъ того, что, при раскопкѣ, между лѣвымъ столбомъ и лѣвой (сѣверной) стѣной алтаря найдена была часть свода, упавшая сверху и въ цѣломъ видѣ сохранившаяся въ землѣ. Найденный въ землѣ фундаментъ имѣетъ толщины $1^{1}/_{2}$ арш. Лѣвая (сѣверная) и переднял (западная) стороны фундамента сохранились вполнѣ; правая же—обрушилась вмѣстѣ съ горою, на которой построенъ храмъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ ЮВ. отъ алтаря, въ разстояніи $5^1/_2$ арш. отъ стѣны его, стоитъ крестъ изъ мелкозернистаго песчаника. Высота его 1 арш. 8 верш.; длина горизонтальной части креста—15 верш.; толщина креста—$5^1/_2$ вершковъ. На крестѣ замѣтна довольно длинная надпись, но она, отъ времени такъ изгладилась, что прочитать ничего невозможно. Въ первой строкѣ можно только разобрать: *зде пог*, а далѣе можно различить буквы: *ро*. Старикъ священникъ Іоаннъ Зосимовичъ, бывшій священникомъ въ Старогородкѣ съ 1846 по 1851 годъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ посредствомъ раскопки пытался узнать, надъ чѣмъ поставленъ крестъ, при чемъ нашелъ подъ крестомъ склепъ такой же кладки, какъ и кладка храма, и на столько прочный, что никакими усиліями нельзя было отбить какую-либо часть его. Это сообщеніе отца Зосимовича помѣщено и въ историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи. Мною было сдѣлано нѣсколько пробныхъ раскопокъ съ цѣлью провѣрки сообщенія отца Зосимовича, но никакихъ признаковъ склепа я не нашелъ. Полагаю, что священникъ Зосимовичъ ошибочно сдѣлалъ свое заключеніе.

Село Старогородка, въ которомъ находятся эти развалины, было когда-то, какъ и самое названіе показываетъ, городомъ. Старый городъ, получившій названіе Остра, отъ имени рѣчки, при которой былъ построенъ, представлялъ значительную крѣпость. Онъ былъ расположенъ на горѣ, которая съ двухъ сторонъ круто опускалась къ рѣкѣ Остру, представляя такимъ образомъ естественную крѣпость, а съ двухъ другихъ—былъ обнесенъ двумя земляными валами, которые хорошо сохранились и до настоящаго времени. Половина ихъ находится въ моей усадьбѣ, а другая половина—въ усадьбѣ Старогородскихъ крестьянъ. Внутренній валъ имѣетъ въ настоящее время высоту до 9 арш., а внѣшній—до 4 арш.

О старомъ городѣ Острѣ, извѣстно слѣдующее:

Основаніе города положено, по всей вѣроятности, Владиміромъ святымъ. Въ 988 г. Владиміръ крестился и „нача ставити городы по Деснѣ, и Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ и по Стугнѣ [1])“. Города эти онъ заселялъ своими дружинниками. Хотя

[1]) Ипат. лѣт., изд. 1871 г. стр. 83.

Библиотека "Руниверс"

въ лѣтописи, въ числѣ заселенныхъ такимъ образомъ пунктовъ, городъ Остеръ не упоминается, но принимая во вниманіе, мѣстоположеніе его на горѣ, при впаденіи рѣчки Остра въ Десну, нельзя думать, чтобы Владиміръ, строя укрѣпленные пункты по Деснѣ и Остру, могъ опустить такое мѣсто.

Первый разъ Остеръ упоминается въ лѣтописи въ 1098 году: „Приде Володимеръ (Мономахъ) и Давидъ и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца и сотвориша миръ... Того же лѣта заложи Володимеръ Мономахъ городъ на Вѣстри [1])".

Основанный городъ, подъ именемъ „Городца", причисленъ былъ къ Переяславскому княжеству и сталъ пригородомъ Переяслава; въ этой роли онъ переходилъ отъ одного Мономаховича къ другому. Въ 1130-хъ годахъ въ „Городцѣ" княжилъ зять Мономаховъ Всеволодъ Давидовичъ, который по предположенію здѣсь и скончался въ 1141 году: „Тое зимы преставися Всеволодко, Городецьскый князь [2])".

Въ 1136 году Остеръ былъ отдѣленъ отъ Переяслава и достался сыну Мономаха, Суздальскому князю Юрію Долгорукому [3]). Въ 1139 году Всеволодъ Ольговичъ сдѣлался великимъ княземъ и, будучи недоволенъ Юріемъ, въ 1141 году, воспользовался отсутствіемъ послѣдняго и занялъ Городецъ вострскій [4]). По смерти Всеволода, въ 1146 году, новый Кіевскій князь Изяславъ Мстиславичъ посадилъ въ Городцѣ Остерскомъ брата своего Владиміра. Юрій же въ 1148 году послалъ туда сына своего Глѣба, который выгналъ Владиміра изъ Городца; но Изяславъ въ томъ же году осадилъ Глѣба и вынудилъ его смириться. Когда же посланный Юріемъ противъ Изяслава сынъ Юрія Ростиславъ передался Изяславу, то послѣдній выгналъ изъ Городца Глѣба и посадилъ тамъ Ростислава [5]).

---

[1]) Ипат. лѣт., изд. 1871 г., стр. 179.

[2]) Лаврент. лѣт., изд. 1872, стр. 293.

[3]) Исторія Государства Россійскаго Карамзина, изд. 5, 1872 г., т. II, гл. IX, стр. 108.

[4]) Ипат. лѣт., изд. 1871, стр. 221.

[5]) Лаврент. лѣт., изд. 1872, стр. 302 — 303; Ипат. лѣт., изд. 1871 г., стр. 254—260.

Библиотека "Руниверс"

Въ слѣдующемъ году Юрій завладѣлъ Кіевомъ, откуда былъ изгоняемъ два раза и каждый разъ уходилъ въ Городецъ Остерскій. Послѣ вторичнаго бѣгства Юрія, сынъ его Андрей Боголюбскій, привелъ сюда дружину, съ которою воевалъ на Волыни. Юрій рѣшился идти къ Кіеву и вошелъ въ союзъ съ Владиміромъ Давидовичемъ и Святославомъ Ольговичемъ. Къ пасхѣ 1151 года, они изъ Чернигова приплыли въ Остеръ, отпраздновали Юрьевы именины и ушли въ походъ [1]). Но походъ не удался: Владиміръ Давидовичъ погибъ въ сраженіи, а Юрій въ третій разъ бѣжалъ въ Городецъ Остерскій. Вслѣдъ за нимъ пришелъ Изяславъ Мстиславовичъ и осадилъ городъ. Юрій защищался нѣсколько дней, но затѣмъ долженъ былъ сдаться и заключилъ миръ на такомъ условіи, что самъ удалился въ Суздаль, а въ Городцѣ остался сынъ его Глѣбъ [2]). Изяславъ возвратился въ Кіевъ, но вслѣдствіе новыхъ раздоровъ, въ слѣдующемъ (1152) году, въ союзѣ съ Изяславомъ Давыдовичемъ и Святославомъ Всеволодовичемъ взялъ и сжегъ Городецъ Остерскій: „И шедше разведоша Городокъ Юрьевъ и пожгоша его; церковь же бѣ въ немъ святаго Михаила камена, а верхъ ея древомъ нарубленъ, и то згорѣ [3])“. Юрій говорилъ потомъ Святославу, участвовавшему въ истребленіи Городца: „оже есте мой Городецъ пожгли и божницю, то я ся тому отъожгу противу“, и въ томъ же году выступилъ въ походъ противъ Изяслава и сжегъ предмѣстья Чернигова [4]).

Изъ словъ Юрія, называющаго храмъ божницею, можно придти къ заключенію, что этотъ храмъ былъ домовымъ храмомъ и около него стоялъ княжескій домъ.

Въ 1154 году умеръ Изяславъ, и Юрій опять завладѣлъ Кіевомъ и Переяславомъ и въ Лутавѣ примирился съ Черниговскимъ княземъ Изяславомъ Давыдовичемъ въ 1155 году. Въ 1157 году Юрій, не успѣлъ возобновить Городца, и крѣпость его оставалась въ разоренномъ видѣ. Только въ 1159 году сынъ его,

---

[1]) Ипат. лѣт., 1871, стр. 293.

[2]) Ипат. лѣт., 1871, стр. 307; Лаврент. лѣт., 1872, стр. 319.

[3]) Воскресен. лѣт., изд. 1856, стр. 56.

[4]) Ипат. лѣт., 1871, стр. 314.

Библиотека "Руниверс"

Суздальскій князь Всеволодъ Юрьевичъ, возобновилъ городъ, любимый его дѣдомъ и отцомъ: „Посла тиуна своего Гирю съ людми въ Русь и созда градъ на Городци на Вьстри, обнови свою отчину [1])".

Засимъ въ періодъ дотатарскій въ лѣтописяхъ болѣе не упоминается объ Острѣ. Въ 1240 году Остерскій Городецъ подвергся опустошенію наряду съ Переяславомъ и Кіевомъ.

Послѣ татарскаго погрома, Городецъ оставался только Городищемъ. Ближе къ рѣкѣ Деснѣ образовалось новое поселеніе—новый Остеръ, который и сталъ именоваться городомъ и получилъ значеніе укрѣпленнаго мѣста. Это—теперешній городъ Остеръ. Старый же городъ сталъ называться то городомъ „Старымъ Остромъ", то селомъ „Старогородкою". И то и другое названіе попеременно встрѣчается въ актахъ 17 и начала 18 вѣка. Засимъ за бывшимъ городомъ Остромъ окончательно установилось названіе села Старогородки.

Отъ татарскаго погрома и до начала 17 вѣка о храмѣ Архистратига Михаила никакихъ свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что въ это время онъ былъ возобновленъ, такъ какъ вначалѣ 17 вѣка въ немъ происходило служеніе. Должно быть, замѣтная на стѣнахъ алтаря известковая штукатурка, прикрывающая старыя фрески, относится къ этому времени обновленія храма.

О дальнѣйшей судьбѣ стараго храма можно сдѣлать заключеніе на основаніи слѣдующихъ сохранившихся памятниковъ:

1. Въ нынѣшнемъ Старогородскомъ деревянномъ храмѣ сохранилось Евангеліе, печатанное во Львовѣ въ 1636 году. На страницахъ этого Евангелія есть такая надпись: „я рабъ Божій Евфим Сергиенко Глушанін из жоною своею Огапіею из дочкою моею Кулиною, купилем сію книгу Евангеліе напрестольное, и надалем на дом Божій, до церкви мурованой, святого Архистратига Михаила в слободе старого города [2])... Писано у Острі 1644 мѣсяца априля 27 дня".

---

[1]) Лаврент. лѣт., 1872, стр. 391.

[2]) Эта надпись продолжается такъ: „вѣчными часы за отпущеніе грѣховъ своих: А если бы хто важился сію книгу якимъ способом отнести аболи где колвек

Библиотека "Руниверс"

2. Въ томъ-же старогородскомъ храмѣ имѣется чаша, на подножіи которой вырѣзано: „сей сосудъ надалъ рабъ Божій Конъстантинъ Мокиевский Полковникъ Іхъ Царск. Цресвѣтл. Велич. воиска запорозкого Кіевскій до храму св. Троицы року отъ р. Хр. 1695“.

3. Въ Историко-статистическомъ описаніи Черниговской Епархіи сказано: „При катедрѣ есть антиминсъ, за подписомъ м. Варлаама и съ надписью: „въ храмѣ св. Троицы, придѣлъ храма арх. Михаила, новосооруженный мурованый въ с. Старогородкѣ“. На антиминсѣ значится 1695 годъ“ [1]). Въ настоящее время, не смотря на самый тщательный розыскъ, этого антиминса при архіерейскомъ домѣ не найдено: слѣдовательно, онъ уже утраченъ.

Изъ этихъ надписей видно: 1) что храмъ, котораго въ настоящее время видны только печальные остатки, есть дѣйствительно Мономаховъ храмъ арх. Михаила, 2) что вначалѣ 17 столѣтія храмъ существовалъ и въ немъ происходило служеніе, и 3) что въ храмѣ арх. Михаила въ 1695 году былъ устроенъ придѣлъ св. Троицы.

Въ Историко-статистич. Описаніи Черниг. Епархіи говорится [2])—безъ указанія источника,—что придѣлъ св. Троицы былъ устроенъ вверху, при западной стѣнѣ храма на такъ называемыхъ полатяхъ, полковникомъ Константиномъ Мокіевскимъ, и что на стѣнкахъ написана была битва козаковъ съ татарвою, въ которой на первомъ мѣстѣ изображенъ былъ самъ Мокіевскій въ полномъ козацкомъ одѣяніи.

9 января 1671 года по универсалу гетмана Многогрѣшнаго утверждено за Кіево-Михайловскимъ монастыремъ владѣніе „Острицкими мельницами“, которыя и въ настоящее время существуютъ на старогородской плотинѣ, на р. Острѣ. Это владѣніе подтверждено было гетманомъ Самойловичемъ 13 іюля

обернути на свою потребу, а потаемне взяти, таковый нехай будет проклят, святых отецъ триста и осимнадцат иже во Никеи, а зо мною розсудится перед нелицемѣрным суддею у престола Христова, который вѣдает всѣх тайна“.

[1]) Истор.-стат. Опис. Черн. Еп. 1874 г. кн. 5, стр. 422 и 423.

[2]) Ист.-стат. Опис. Черн. Еп. 1851 г. кн. 5, стр. 423.

Библиотека "Руниверс"

1672 года, и затѣмъ 17 января 1688 года „Іоаннъ Мазепа учинилъ подтвержденіе универсаломъ на млини подъ старымъ остромъ, и часть войсковую съ млиновъ въ монастыръ повернувъ [1]“.

По прошенію игумена Іоанникія Сенютовича даны Кіево-Михайловскому монастырю преосвященнымъ Іоасафомъ Кроковскимъ: „церковь въ старомъ городищу Острѣ соборъ Архистратига и пляцы, якіе могутъ быти церковные, и универсаломъ Іоанна Скоропадскаго гетмана стверженные року 1715 ноября 19 [2]). Вмѣстѣ съ этимъ поступили во владѣніе Кіево-Михайловскаго монастыря „дворы съ пляцами, купленные у староострицкихъ жителей тамже въ старомъ мѣстищу“, что также было подтверждено универсаломъ гетмана Іоанна Скоропадскаго и грамотою государственною [3]). Такимъ образомъ, храмъ Архистратига Михаила, а также и земли, находившіяся какъ въ старомъ Острѣ, такъ и принадлежавшія ему, мало по малу перешли во владѣніе Кіево-Михайловскаго монастыря.

Протоіерей Николай Липчинскій, бывшій въ 1858—1860 годахъ священникомъ въ селѣ Старогородкѣ, разсказывалъ мнѣ, что онъ въ дѣлахъ экономіи Варвары Александровны Кочубей, которой принадлежало тогда Старогородское имѣніе, читалъ, что въ Старогородской усадьбѣ (теперешней моей усадьбѣ) жили монахи Кіево-Михайловскаго монастыря, которые завѣдывали имѣніемъ и мельницами.

Въ 1753 году деревянный верхъ храма св. Арх. Михаила сгорѣлъ отъ молніи, и каменная постройка послѣ пожара была значительно повреждена. По личномъ осмотрѣ, Преосвященный въ 1755 году приказалъ закрыть храмъ св. Михаила и потребовать мнѣнія мастеровъ, можно ли возобновить храмъ. Записка протоіерея говоритъ: „олтарь крѣпокъ, но съ приходу стѣны разсѣлись; заломы, на которыхъ основана баня, всѣ въ дирахъ; на хорахъ вверху дира въ полсаженя“. Мастера отозвались письменно: „середина церкви по нижнія окна и придѣлъ св. Троицы должны быть разобраны; отъ р. Остра должно подвесть новый

[1]) Кіев. Еп. Вѣд. 1861 г. стр. 400.
[2]) Кіев. Еп. Вѣд. 1861 г. стр. 484.
[3]) Кіев. Еп. Вѣд. 1861 г. стр. 485.

Библиотека "Руниверс"

фундаментъ [1])". Съ этого времени храмъ св. Михаила болѣе не возобновлялся и былъ упраздненъ.

Кромѣ этихъ свѣдѣній относительно стараго храма,—другихъ, документальныхъ, не имѣется. Есть предположеніе, что въ церковной библіотекѣ и въ дѣлахъ церкви были данныя для исторіи храма, но бывшій, въ концѣ прошлаго вѣка, старогородскій священникъ Свидерскій [2]), который въ то же время былъ и благочиннымъ, какъ сообщилъ мнѣ священникъ Зосимовичъ, всѣ болѣе интересныя книги и всѣ болѣе важныя дѣла церкви держалъ у себя на дому, и, при бывшемъ у него пожарѣ, это все сгорѣло.

Въ концѣ прошлаго столѣтія всѣ земли села Старогородки, принадлежавшія Кіево-Михайловскому монастырю, поступили во владѣніе князя Александра Андреевича Безбородко. Получивъ Старогородку и сосѣднія съ нею земли, Безбородко выселилъ коваковъ, имѣвшихъ усадьбы въ городищѣ, съ южной стороны наружнаго вала, давъ имъ лучшія земли за р. Остромъ, въ разстояніи отъ Старогородки около 3-хъ верстъ. Тамъ же онъ далъ усадьбу и священнику Свидерскому. Такимъ образомъ, возникъ поселокъ, который получилъ названіе *Выранки* [3]). Жившіе въ Старогородкѣ мѣщане переселились въ это время въ г. Остеръ.

Всѣ земли А. А. Безбородко въ Старогородкѣ перешли затѣмъ къ брату его Иліи Андреевичу, а потомъ къ дочери послѣдняго, бывшей замужемъ за графомъ Кушелевымъ, и внуку Александру Григорьевичу, принявшему фамилію графа Кушелева-Безбородко. Отъ этого послѣдняго имѣніе досталось дочери его Варварѣ Александровнѣ Кочубей. Въ 1872 году Старогородка, со всѣми принадлежащими къ ней землями владѣлицей была продана княгинѣ Кудашевой, а отъ послѣдней, въ 1876 году, путемъ купли досталась мнѣ, и въ моемъ владѣніи состоитъ въ настоящее время.

---

[1]) Истор.-стат. Опис. Черн. Епар., 1874 г. Кн. 5, стр. 423 и 424. Дѣла Консисторіи 1735 и 1755 г.

[2]) Въ Старогородкѣ въ это время былъ уже отдѣльно построенъ небольшой деревянный храмъ.

[3]) Отъ слова—выиграть: выиграли, получивъ лучшія земли.

Библиотека "Руниверс"

Въ какомъ видѣ находились въ это время, т. е. съ конца прошлаго вѣка остатки храма арх. Михаила, можно составить себѣ понятіе на основаніи разсказовъ очевидцевъ.

Отъ крестьянъ Старогородки я слышалъ, что бывшій въ Старогородкѣ дьячекъ Семенъ Лысенко, умершій въ 1873 году и имѣвшій отъ роду, какъ говорятъ, 96 лѣтъ, разсказывалъ, что въ молодости онъ видѣлъ стѣны храма цѣлыми и лишь на сводѣ посрединѣ была большая дыра. На эту дыру положено было старое мельничное колесо для того, чтобы привлечь аистовъ устраивать себѣ гнѣзда. Затѣмъ, стѣны разрушались, и экономія графа Кушелева-Безбородко распорядилась разобрать ихъ до основанія, а матеріалъ былъ употребленъ на постройку винокуреннаго завода. Крестьяне также немало перебрали кирпичныхъ плитъ для печей.

По преданію, въ храмѣ была похоронена юная дочка полковника Мокіевскаго. Старикъ Федоръ Шульжевичъ, умершій въ 1859 году на 73 году жизни разсказывалъ, что когда храмъ разрушился, то гробикъ ея, величиною въ 1¼ арш. перенесенъ былъ на общее кладбище и что тѣло дѣвочки похоже было на греческую губку.

Изъ этихъ разсказовъ видно, что до конца прошлаго столѣтія стѣны средней части храма были еще цѣлы; въ началѣ же настоящаго вѣка ихъ уже не было, и остатки имѣли тотъ видъ, какъ и теперь.

Старикъ священникъ Іоаннъ Зосимовичъ разсказывалъ мнѣ, что въ бытность его священникомъ въ Старогородкѣ съ 1846 по 1851 годъ, фундаментъ правой (южной) стороны храма, вслѣдствіе обвала горы, настолько разрушился, что экономія распорядилась разобрать его до основанія, и матеріалъ былъ употребленъ на постройку сахарнаго завода, такъ что въ настоящее время этой стѣны нѣтъ и признаковъ.

По распоряженію мужа бывшей владѣлицы П. А. Кочубея, былъ подведенъ кирпичный фундаментъ подъ южную часть сохранившагося алтаря, съ цѣлью предохранить его отъ паденія. Но фундаментъ, должно полагать, былъ сдѣланъ неудовлетворительно, такъ что вся поддѣланная часть разрушилась и храмъ

Библиотека "Руниверс"

Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что изъ прежнихъ владѣльцевъ никто въ Старогородкѣ не жилъ, а бывшіе здѣсь управляющіе относились довольно небрежно къ сохраненію остатковъ храма: мѣсто, на которомъ онъ стоитъ, не было огорожено, и крестьяне продолжали разрушать храмъ, выламывая кирпичныя плиты для своихъ печей. Пріобрѣвъ Старогородку, я немедленно огородилъ остатки храма, и съ того времени они находятся подъ строжайшей охраной. Но этого мало: храмъ нужно защитить отъ разрушительнаго дѣйствія воды и воздуха; его нужно покрыть, потому что дождевая вода просачивается черезъ сводъ, вслѣдствіе чего старая штукатурка съ фресковыми изображеніями мало по малу отваливается; съ южной стороны нужно укрѣпить гору и подвести прочный фундаментъ, чтобы поддержать стѣну, которая почти виситъ въ воздухѣ и когда нибудь можетъ обрушиться; равнымъ образомъ, нужно задѣлать всѣ разрушенныя части стѣнъ, преимущественно около оконъ. На это нужны довольно значительныя средства, и желательно было бы, чтобы интересующіяся сохраненіемъ старины общества и частныя лица приняли участіе въ сохраненіи памятника, самаго древняго въ черниговской губерніи [1]).

М. Константиновичъ.

---

[1]) На послѣднемъ (десятомъ) археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ поднимался вопросъ о сохраненіи въ Россіи памятниковъ старины, и между прочимъ было указано, что приходятъ въ полное разрушеніе остатки храма въ с. Старогородкѣ, гдѣ гибнетъ такимъ образомъ цѣлый рядъ фресковыхъ изображеній, никѣмъ научно не изслѣдованный, не сохраненный хотя бы въ точно снятыхъ копіяхъ. По этому поводу совѣтъ съѣзда вообще высказалъ пожеланіе, чтобы Императорская Археологическая Коммиссія приняла мѣры къ охранѣ такихъ памятниковъ старины. Желая возбудить интересъ въ ученыхъ обществахъ къ охраненію остатковъ Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ, мы съ удовольствіемъ помѣстили эту статью, приложивъ къ ней фототипическій снимокъ съ остатковъ храма, а также и планъ его, и вполнѣ надѣясь, что лица и учрежденія, отъ которыхъ это можетъ зависѣть, сдѣлаютъ все необходимое для скорѣйшей охраны интересныхъ во всѣхъ отношеніяхъ остатковъ старины. — *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

ШАРОНЪ[1].

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Въ знойный іюньскій день мнѣ однажды предстояло сдѣлать небольшое путешествіе изъ посада Клинцы (черниговской губерніи) въ имѣніе одного сосѣдняго помѣщика, близъ с. Голотовки. Имѣніе находилось отъ посада на разстояніи не болѣе десяти верстъ. Выждавъ, когда спадетъ немного жаръ, и разспросивъ подробно дорогу, я съ небольшимъ узелкомъ отправился въ путь. Было уже за полдень. Съ любопытствомъ всматривался я въ новую для меня мѣстность, представлявшую оригинальное смѣшеніе видовъ Малороссіи и Великороссіи. Этою особенностью отличаются сѣверные уѣзды черниговской, курской и южные—орловской губерніи. Великороссія сказывается здѣсь въ общемъ размашистомъ характерѣ мѣстности, въ овально-круглыхъ, голыхъ, словно выточенныхъ холмахъ, въ отлогихъ оврагахъ правильной формы, въ ровно-текущихъ на ихъ днѣ ручьяхъ и, наконецъ, въ березовыхъ рощахъ надъ ручьями. О Малороссіи ясно говорятъ вишневые сады, въ которыхъ тонутъ села и деревни, безпорядочное расположеніе избъ и культура страны. Изрѣдка попадается и пирамидальный тополь, который,

[1]) Шаронами въ сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губерніи называютъ бобылей-нищихъ.

Библиотека "Руниверс"

впрочемъ, среди хвои и березки, чувствуетъ себя здѣсь одиноко и сиротливо.

Дорога лежала мнѣ на Казенную-Туроснь (по мѣстному Дурни), Ардонь и Чарнецкъ. Миновавъ Туроснь и перейдя полотно желѣзной дороги, я очутился среди глубокихъ песковъ, расплывавшихся передъ Ардонью на порядочное разстояніе въ ширину. Жара не унималась, не смотря на пятый часъ вечера. Дулъ маленькій вѣтерокъ, но онъ не только не уменьшалъ жары, а напротивъ—какъ будто еще больше раздувалъ ее. Казалось, тамъ гдѣ-то, недалеко за лѣсомъ лежала раскаленная, знойная пустыня, и вѣтерокъ несъ ея зной на людей. Скоро я потерялъ бодрость и началъ испытывать то неопредѣленно-сонливое настроеніе, которое хорошо извѣстно каждому, кого судьба заставляла хоть разъ идти въ такой день по песчаной дорогѣ. Не охота ни разговаривать, ни смотрѣть по сторонамъ, ни даже думать... Только и мысли, какъ-бы скорѣе выбраться на твердую дорогу. Я усиленно перебиралъ ногами песокъ, и мнѣ казалось, что я топчусь на одномъ мѣстѣ.

„Неужели и дальше все такая-же будетъ дорога?“ Я остановился въ раздумьи и оглядѣлся кругомъ. Предо мною впереди раздольно растянулись села—Ардонь и Чарнецкъ. Направо—широкой, безпредѣльной скатертью лежали далекія, холмистыя поля съ лѣсами, перелѣсками, оврагами, овражками... Тамъ и сямъ мелькали деревушки, хутора. Сады и рощи ясно обозначали мѣста поселковъ. А сзади—чернѣлъ вдали плотной массой клинцовскій общественный лѣсъ, изъ-за котораго выглядывала верхушка высокой городской колокольни. Трубы нѣсколькихъ фабрикъ рѣзко выдѣлялись въ разныхъ мѣстахъ своими правильными очертаніями на свѣтло-голубомъ небѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ дымились густыми клубами чернаго дыма. Дымъ подымался надъ лѣсомъ и лѣниво расходился въ тепломъ воздухѣ. Подъ самымъ лѣсомъ пріютился вокзалъ и ярко бѣлѣлъ на солнцѣ, оттѣняясь своими очертаніями на фонѣ лѣса. А зной такъ и палилъ.

Не пойти-ли полями напрямикъ, вмѣсто того, чтобы идти деревнями и дѣлать кругъ,—подумалъ я, соображая располо-

Библиотека "Руниверс"

женіе селъ съ направленіемъ разсказанной мнѣ дороги. „Спросить-бы кого? Но никого вблизи нѣтъ. Вонъ-тамъ, гдѣ-то вдали, изъ Ардони медлено ползутъ волы... но пока они придутъ ко мнѣ, всякое терпѣнье потеряешь“. А пойти напрямикъ былъ, повидимому, полный резонъ. Ардонь и Чарнецкъ представляли собой двѣ улицы, сложенныхъ почти подъ прямымъ угломъ. Въ концѣ селъ, далеко на косогорѣ за вѣтряной мельницей виднѣлась дорога, выходившая изъ Чарнецка. Она ясно обозначалась посаженными по сторонамъ ея небольшими березками. По ней мнѣ лежалъ путь.

„Конечно, это такъ... Да вотъ тутъ кстати и тропинка... Прямо чрезъ поля и холмы на чарнецкій трактъ“. Я взялъ вправо, спустился въ долину, поросшую рѣдкимъ кустарникомъ, поднялся затѣмъ на одинъ изъ холмовъ и, оглядѣвшись кругомъ, убѣдился, что какъ будто не ошибся: тропинка дѣйствительно вела къ тракту. Тропинка тутъ, впрочемъ, была не одна. Ихъ много вилось среди полей въ различныхъ направленіяхъ. Неопытный путешественникъ легко могъ тутъ если не заблудиться, то сбиться съ дороги. Идя узкой полосой среди урожайныхъ хлѣбовъ, я меланхолично смотрѣлъ больше подъ ноги и поднималъ голову лишь тогда, когда спотыкался или сбивался съ тропинки. Сонно было кругомъ. Однообразный шумъ неугомонныхъ кузнечиковъ могъ бы совершенно, кажется, усыпить путника, если бы не необходимость идти дальше. Я вошелъ въ самое ложе глубокой долины... и тутъ только замѣтилъ, что тропинка исчезла изъ подъ моихъ ногъ. Я шелъ по глухой межѣ... „Что за оказія? Должно быть слѣдуетъ взять правѣй“. Предо мною былъ холмъ, на которомъ, по моимъ соображеніямъ, пролегала дорога изъ Чарнецка въ Голотовку.—Мѣсто было совершено глухое. Я шелъ дальше.

Не помню, чѣмъ заняты были мои мысли въ то время, но хорошо помню недоумѣніе и какъ-бы испугъ, которые на секунду обняли меня при неожиданно представившейся мнѣ картинѣ. На межѣ, межъ рожью двухъ полей, спиной ко мнѣ

Библиотека "Руниверс"

сидѣлъ совершенно голый старикъ, скорѣе напоминавшій скелетъ, чѣмъ живое существо. Единственною одеждою была грязная и, какъ мнѣ показалось, мокрая тряпка на головѣ, скрывавшая его голову и лицо. Отъ него несло рѣзкимъ запахомъ скипидара и еще какими-то сильными лѣкарственными снадобьями. Невдалекѣ на межѣ лежало грязное лохмотье и стоялъ пузырекъ съ лѣкарствомъ. Старикъ чесался, грѣлъ спину на солнцѣ и былъ занятъ уничтоженіемъ паразитовъ въ своей одежѣ и на тѣлѣ. Меня онъ видимо, не замѣчалъ.

Въ первую секунду мнѣ показалось, что предо мною—привидѣнье,—такъ не подготовленъ я былъ къ такой встрѣчѣ. Остановившись въ недоумѣніи, я оглядывалъ старика. Позвоночный хребетъ выгибался дугою на его сгорбленной, сухой спинѣ... Ребра ясно обозначались на высохшихъ бокахъ и, казалось, просвѣчивали сквозь матовую, грязную кожу. Шея отъ загара совершенно была черная. Плѣшивый затылокъ показывалъ, что на головѣ нѣтъ ни волоска. Уши торчали по сторонамъ тряпки, при чемъ одно ухо отвисло болѣе другого и казалось изогнутымъ. Костлявыя грязныя ноги, сложенныя накрестъ, служили удобнымъ сидѣньемъ для старика. Онъ копался въ своей грязной одеждѣ.

Мнѣ хотѣлось пройти незамѣченнымъ и оставить старика въ покоѣ. „Но куда идти? Какъ обойти? Не возвращаться же обратно на дорогу“... Словно чувствуя присутствіе посторонняго человѣка, онъ вдругъ быстро поднялъ голову, повернулъ ее въ мою сторону и, увидѣвъ предъ собою человѣка, да вдобавокъ не своего, заметался. Видно, онъ тоже не ожидалъ, чтобы кто-нибудь могъ нарушить его покой въ избранномъ уголкѣ. Онъ хотѣлъ, кажется, на-скоро одѣться и схватился было за одежу. Она лежала не съ той стороны, гдѣ онъ искалъ. Найдя свою одежу, онъ не скоро могъ въ ней разобраться и потому не одѣлся, а лишь прикрылся... и попробовалъ встать; но ноги, видимо, закостенѣли отъ продолжительнаго сидѣнья въ одномъ и томъ-же положеніи, т. ч. трудно было измѣнить усвоенную позу. Старикъ энергичнѣе заметался. Лицо его искривилось. Мнѣ послышались даже какъ бы звуки недовольства. Опираясь сухими

Библиотека "Руниверс"

костлявыми руками назадъ, онъ сталъ отодвигаться вглубь ржи, давая мнѣ дорогу. Я прошелъ мимо, какъ бы ничего не замѣчая.

Эта картина мгновенно сняла съ меня сонное настроеніе. „Что это такое? кто такой?“—недоумѣвалъ я, отойдя шаговъ на десять и глядя назадъ на то мѣсто, гдѣ все еще очень суетился старикъ, о чемъ можно было заключить по быстрымъ колебаніямъ верхушекъ колосьевъ ржи въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ. Простоявъ еще минуты двѣ-три, когда, по моему разсчету, старикъ могъ одѣться, я рѣшился вернуться. Онъ сидѣлъ все въ той-же позѣ, но на немъ была уже рубаха—грязная и потная. Черный деревянный крестъ висѣлъ межъ створками пазухи на засаленной лентѣ. Обросшая грудь казалась продолженіемъ его разросшейся большой бороды.

— Здравствуйте! сказалъ я, стараясь быть особенно привѣтливымъ. Онъ ничего не отвѣтилъ и глядѣлъ внизъ, перебирая въ рукахъ свое тряпье... На лицѣ его было нескрываемое выраженіе недовольства. Онъ спѣшилъ уйти.

— Какъ мнѣ выйти отсюда на чарнецкій шляхъ?

Онъ все молчалъ и не глядѣлъ на меня.

— Тутъ можно пройти на шляхъ? До Голотовки?

Молчаніе.

— Вы може не чуете? Вы глухи?

Не поднимая головы, онъ издалъ какіе-то неопредѣленные звуки. Въ нихъ слышалось недовольство... Старикъ страшно тяготился моимъ присутствіемъ и ждалъ, когда я уйду.

— Слухайте-но, диду... Якъ мени пройты тутъ?

Онъ все не глядѣлъ на меня и, неуклюже заграбастав свои пожитки (нѣсколько узелковъ различной величины), сталъ, сидя, отодвигаться дальше. Шапка упала изъ его рукъ. Онъ этого не замѣтилъ.

— Ось шапку забулы, визьмить...

Я положилъ ему на шапку монету. Не глядя на меня, онъ закинулъ назадъ руку, молча взялъ деньги и шапку и продолжалъ отодвигаться, не разгибая колѣнъ и не измѣняя положенія. „Что за странный старикъ... больной или можетъ быть сумасшедшій... или очень несчастный?“

Библиотека "Руниверс"

— Слухайте-но, диду, скажить вы мини, чого вы тутъ сидыте? рѣшился я обратиться прямо.

— А вамъ нащо? послышался отчетливый глухой вопросъ, взамѣнъ отвѣта, изъ ржи, въ которую отодвинулся старикъ. Онъ говорилъ хрипло и грубо.

— Вы одпочиваете?.. Певне втомылыся?

— Ось сежу, тай годи. А вамъ чого до мене треба?

И онъ сталъ чавкать, шлепая губами. Нѣкоторыхъ верхнихъ зубовъ у него недоставало. Нижняя челюсть словно отставала отъ лица. Борода какъ-то конвульсивно подергивалась. На усахъ образовался цѣлый слой грязи и разной нечистоты.

— Вы дуже бидны?

— Може и бидный... А вамъ нащо? упорно отвѣчалъ старикъ одно и тоже.

„Въ самомъ дѣлѣ, какое мнѣ дѣло до него“—подумалъ я. По какому, собственно, праву я вмѣшиваюсь въ его личныя дѣла,—тѣмъ болѣе, что ему это, повидимому, очень непріятно?“

Мнѣ стало очень неловко. Выраженіе лица старика служило мнѣ нѣмымъ укоромъ.

„Ты, баринъ, иди-ка своей дорогой—говорило мнѣ это отверженное, непріятное лицо—а я дѣлаю то, что хочу и не мѣшаю тебѣ дѣлать свое дѣло. Никому никакого дѣла нѣтъ до того, что меня парши одолѣли... Ты богаче меня, слѣдовательно, ты думаешь, что можешь вмѣшиваться въ мою жизнь“.

Быть можетъ, да пожалуй и навѣрное, старикъ этого не думалъ... но если бы онъ думалъ такъ, то былъ бы правъ. Онъ имѣлъ всѣ основанія такъ думать.

Видя, что я все еще не ухожу, онъ повернулъ ко мнѣ глаза, быстро окинулъ всего съ ногъ до головы. Толстыя вѣки полузакрывали оба глаза. Я замѣтилъ, что правый глазъ у него былъ съ бѣльмомъ... другой хоть и выглядывалъ изъ-подъ нависшей надъ нимъ тряпки, но словно потухалъ. „Еще не долго мнѣ такъ глядѣть, свѣтилось въ этомъ угасавшемъ взорѣ единственнаго глаза, скоро должно быть и я также потухну, какъ и мой сосѣдъ“.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ стало ужасно жалко старика. Онъ дышалъ съ хрипотой, и это хрипѣніе страннымъ диссонансомъ смѣшивалось съ трескотней кузнечиковъ и чириканьемъ воробьевъ въ полѣ. Я придумывалъ, чтб бы такое сказать; но старикъ меня предупредилъ.

— Вамъ чого одъ мене треба? сурово спросилъ онъ меня, жадно разсматривая двѣ монеты въ рукахъ. Якъ хочете на ардонскій шляхъ, то идить вверхъ, въ гору. Онъ повелъ головой по направленію предстоявшаго мнѣ пути.

— Я иду въ одно тутъ село... та зъ дороги трохи збывся А вы тутешній?

Онъ не отвѣчалъ.

— Вы куды идете? допытывался я.

— А вамъ нащо? Хиба вы мене не знаете?

— Ни, не знаю...

— Вы не зъ Стародубья?

— Ни...

Старикъ успокоился, еще разъ взглянувъ на меня и, какъбы убѣдившись, что я не вру, оставилъ сборы и принялъ прежнее положеніе, т. е. сѣлъ спиной ко мнѣ.

— Колы не знаете, то и не треба... протянулъ онъ медленно и началъ опять бормотать про себя что-то.

— А вы де живете? Въ Клинцахъ? спросилъ я опять.

— Тамъ, де прыйдется. Промижъ неба на земли. Я васъ не зачепаю. Идить, куды йдете—шепталъ старикъ, морщась и сплевывая.

— Вы певне не тутешній?

Отвѣта не было. Мнѣ становилось досадно. Старикъ производилъ впечатлѣніе не то озлобленнаго нищаго, не то бѣглеца, не то больного...

— Вы не слабый часамы? Що у васъ за ликарство?

— Це мое дило...

Я сталъ уходить и сдѣлалъ два шага. Старикъ снова началъ въ полголоса шептать что-то про себя. Я остановился.

— Що це вы таке шепчете?

Библиотека "Руниверс"

— Що доведется. А вамъ нащо? Кажу, може въ васъ есть ще пятачка? спросилъ онъ, понизивъ тонъ. Мени дуже треба, бо въ мене нема... то я пытаю, може у васъ е?

Я положилъ еще монету. Онъ также молча взялъ ее.

— Слухайте-но, диду, чого це вы такій сердытый? Чому вы не хочете ничого казаты?

— А щожъ вамъ казаты?

— Напрыкладъ, хто вы такій? якъ вы живете?

— Якъ живу?! Гмъ... Свои харчи имъ... Свій хлибъ жую... Такъ и живу...

— А де жъ вы хлибъ достаете?

— Тамъ, де достается... А якъ не достанется, то и такъ переждется. Часамы и свій поспивае, а часамы въ людей позычаю.

— Ну, и добре вамъ на свити живется?

— Ни-що... Ще живется поки в... и на тили кусають; отъ якъ перестанутъ кусаты, то тоди вже годи. Старикъ становился разговорчивѣе. Подаянія сдѣлали свое дѣло.

Онъ съ ожесточеніемъ сталъ чесаться за спиной и рыться въ своемъ туалетѣ, приговаривая: „а щобъ васъ вышкварыло“...

— „Ще колы ось ця тварюка лазыть та швендается на спыни, то ще не бида—удалось мнѣ разслышать въ его шепотѣ—а ось якъ не буде ни однои, значить—тило засыхае... А въ мене ще хвалыты Бога... Вы не въ волости служите? спросилъ меня старикъ, не оборачиваясь.

— Ни... я зовсимъ не знаю тутешнихъ мистъ.

Онъ стороной взглянулъ на мою шляпу, которую я держалъ въ рукѣ и обмахивался отъ жары.

— Въ Клинцахъ капелюха куповалы? спросилъ онъ опять, подводя бровами подъ лобъ.

— Ни... або що?

— Ничого... капелюхъ гарный... Хаимъ давъ-бы за него ще злотыхъ зъ три...

— Хто такій Хаимъ?

— Жидъ... хто-жъ може буты Хаимъ? Онъ досталъ изъ ворота рубахи большую иголку и сталъ зашивать дыры, усажи-

Библиотека "Руниверс"

ваясь поудобнѣе въ прежнемъ положеніи. Меня удивило, что старикъ оставилъ свои сборы и успокоился.

— А у васъ диты есть? спросилъ я.

— Якъ-бы то булы, то я не седивъ-бы ось тутъ на межи, рѣзко отвѣтилъ онъ.

— И хозяйства не було?

— Яке тамъ хозяйство! Ось мое хозяйство! Другого не маю.

И склонившись надъ тряпицами, онъ чавкалъ беззубыми челюстями и сталъ какъ будто напѣвать:

Голенькіи—вы мои рыднята,
Якъ же васъ тутъ багато,
Та и вси вы бидныта...
А я бидный сыротына,
В... повна спына...

„А щобъ васъ вышкварыло“, прибавлялъ онъ затѣмъ, въ видѣ свободнаго припѣва къ импровизированной пѣснѣ, „здыхоты на васъ нема“!

Я удивился убожеству старика. На всей его одежѣ не было, кажется, ни одной пяди цѣльной. Все было въ дырахъ, или просаленныхъ заплатахъ. Толстыя нити стягивали въ разныхъ мѣстахъ отверстія рубахи. Клочки полотна висѣли кругомъ. Воротъ и обшлага рубахи были черны, какъ сажа.

Среди полножизненной лѣтней природы и улыбающагося веселаго лѣтняго дня этотъ старикъ представлялся грустной аномаліей, обидной ироніей видимаго благополучія. Онъ снова метнулъ на меня глазомъ. Это значило, что онъ сейчасъ что-нибудь скажетъ.

— Що то гроши, началъ въ полголоса старикъ... Якъ бы то вы мени далы що небудь зъ того... (онъ повелъ искоса бровью по направленію къ моему узелку) зъ шматья, а то я зовсимъ вже зносывся. Нема въ чому ходыты... И, не глядя на меня, онъ указалъ на мой небольшой узелокъ. Подарить мени що-небудь.

Я протянулъ ему маленькій свертокъ.

Библиотека "Руниверс"

Должно быть, онъ не ожидалъ получить такое подаяніе, потому что, увидѣвъ въ своихъ рукахъ хотя и старую, но чистую бѣлую рубаху, которая особенно бѣлѣла на солнцѣ среди окружавшаго старика лохмотья, онъ оживился и, какъ мнѣ показалось, повеселѣлъ. Повернувшись бокомъ и уставившись на меня однимъ глазомъ, онъ спросилъ:

— А вы здалека?

— Зъ Москвы.

— Онъ звиткиль вы!.. зъ велыкого городу.

— Эге.

— А вы царя бачилы?

— Ни, не доводылося.

— А я бачивъ.

— Колы?

— Ще якъ за турещины... якъ на войну ходывъ. Вы и наслидныка мабудь не бачилы?

— Ни.

— А я бачивъ и наслидныка. А вы що въ Москви робыте?

Я разсказалъ, что у меня за служба. Замѣтно было, что мои отвѣты, которые онъ внимательно выслушивалъ, стараясь не проронить ни слова, дѣйствовали на него успокоительно; каждый мой отвѣтъ онъ принималъ все съ большимъ и большимъ довѣріемъ. Вопросы со стороны нелюдимаго старика были знакомъ, что онъ разговорится, и я спросилъ его, зачѣмъ у него мокрая тряпка на головѣ?

— Щобъ солнце не пекло... Тай зновъ въ мене струпы на голови... Гныды завелыся.

— Можно тутъ коло васъ систы одпочиты трохи?—сказалъ я, усаживаясь на межѣ поодаль.

— Сидайте колы треба—холодно отвѣтилъ старикъ, но видно было, что мое присутствіе не такъ тяготитъ его, какъ вначалѣ.

— Цю сорочку... якъ Богъ дасть, въ свято надину, рѣшилъ онъ, свертывая подаяніе и откладывая въ сторону.

— А чому жъ не теперъ?

— Ни... въ свято.

Библиотека "Руниверс"

Когда онъ развертывалъ рубаху, я замѣтилъ, что рука у него какъ то неестественно двигалась, словно ее кто-нибудь ежесекундно подталкивалъ сзади, помимо воли старика.

— Що у васъ зъ рукою?

— Звернуло... контузія.

— Колы звернуло?

— Давно... Ще якъ на войни... якъ зъ туркомъ сперычалыся. Въ мене и знакъ бувъ, та я его пропывъ... медаль, значится.

— А вы пьете?

Онъ усмѣхнулся.

— А чому жъ мени и не пыты? Або я жидъ, або що? Або дорогы до корчмы не памьятаю? Якъ гроши е, то и чарка мусыть буты. Звычайно, колы мени чарки да не пыты, то, спытаю я васъ, на вищо мени и житы? До чого я здався?.. Вы кажете—рука... А отже-жъ подывится ще сюды...

И, быстро передвинувшись, онъ протянулъ изъ-подъ себя ногу, половина которой до изгиба колѣна была отнята. Вмѣсто ноги вставлена была деревяшка. Тутъ только я замѣтилъ, что около него лежалъ костыль. Старикъ былъ кругомъ обиженъ судьбой.

— А ногу де вы згубылы? Тежъ певне на войни?

— Ни. На заводи... Ось теперь и пытайте мене: зачимъ я пью?... А затимъ, що до того воно иде... Хтивъ бы я ходыть,—такъ ноги чортъ мае... Робывъ-бы що небудь,—такъ зновъ рука схне... Дывытыся наветь неможна,—око не бачить... и на вухо не дуже чутка йде... Недужный ставъ зовсимъ. На „Святый Боже“ вже пишовъ. Наветь йисты неможна: зубивъ нема. Едне тильки и зосталося для мене, що часамы въ лыху годыну выпыты можна, якъ гроша хто дасть, або сгубыть—та знайдешъ... А вы ще пытаете, чи я пью?

— Вы и сорочку пропьете?

— Ни... сорочку грихъ пропывать, неможна; бо на тому свити батьки одцураются. Ніякъ неможна.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— А однаково Хаимъ давъ-бы за цю сорочку злотыхъ два, якъ не бильше, сказалъ отъ такимъ тономъ, которымъ довольно

Библиотека "Руниверс"

опредѣленно предрѣшалась судьба рубахи, не смотря даже на то, что „батьки одцураются“...

— У васъ ридня е? Онъ, косясь, вскинулъ глазомъ на меня и молчалъ. Глазъ старика выражалъ все тоже: „а вамъ нащо? вы не зъ волости“?

— Вы не бійтесь, успокоилъ я его: я недавно сюды прыйихавъ и васъ не знаю, и никому не скажу про васъ.

— А якъ бы вы, напрыкладъ, и сказалы кому, то думаете, я боюся кого... Дайте-но мени краще папироса, колы е, заговорилъ онъ вдругъ другимъ, страннымъ, рѣзкимъ голосомъ, въ которомъ слышалась не столько просьба, сколько приказаніе. Этотъ тонъ въ глухую осеннюю полночь на большой дорогѣ долженъ производить впечатлѣніе.

Получивъ папиросу, онъ такимъ же тономъ попросилъ газетной бумаги на папиросы.

У него нашлись спички, и онъ закурилъ.

Полагая, что своими подаяніями я въ достаточной степени расположилъ старика къ себѣ, я продолжалъ разспросы.

— Вы певне мылостынею живете?

Онъ непріятно улыбнулся. Подвижныя его брови заиграли. Челюсть съѣхала на сторону...

— Эге, мылостынею... Хто що дасть—возьму, хто що згубыть—пидійму, а то часамы и такъ попрошу кого небудь згубыты.

— Що таке?

Онъ еще болѣе оскалилъ свои нижніе зубы.

— Ничого, те-що чулы... Я кажу, что часамы, бачте, йиздять по шляху паны зъ дурнымы грошима, та просятся на позычанку.

Послѣднія слова мнѣ очень не понравились. Скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, я поднялся на ноги и сдѣлалъ два-три шага въ гору. Сзади меня раздался старый, хриплый смѣхъ...

— Що... злякалыся?! А хто просывъ? Хиба я васъ зачепавъ? Хе, хе, хе... Я обернулся. Нижняя челюсть у старика

Библиотека "Руниверс"

совершенно отвисла и обнаружила нѣсколько торчавшихъ врозь желтыхъ зубовъ. По угламъ его рта текла слюна. Старикъ трясся отъ смѣха и кашлялъ, затягиваясь папиросой.

— Идить, идить, говорилъ онъ, бижить въ Клинци, та скажить, що старый злодій, шаронъ, седыть на ардонскій межи, та щобъ урядныкъ мерщій прыйихавъ, бо щобъ часамы не втикъ...

Я не зналъ, что сказать, и стоялъ въ недоумѣньи.

— Такъ и скажить, що слипый, старый, безъ ноги и безъ руки гріется на солнци, то щобъ выйизжалы за нымъ полицейски на коняхъ, та ловылы, бо хутко може втиче.

Я вернулся и сѣлъ на свое мѣсто.

Мое возвращеніе понравилось старику. Онъ, повидимому, не ожидалъ, что я вернусь и удивленно на меня глядѣлъ нѣсколько минутъ.

— Ну, а якъ бы и сказавъ, то думаете, не зловылы-бъ? сказалъ я, тоже смѣясь.

— Ни... втикъ бы; не дождете, щобъ я литомъ въ холодній седивъ, хиба здыхатыму зъ голоду.

— Ну, а напрыкладъ, нехай-бы и зловылы, сказалъ старикъ немного погодя, то щожъ вамъ зъ того прыбуде? Легше вамъ стане, чи що? Думаете, що велыку ласку для Бога зробыте?.. або межъ людей злодіивъ не буде? Этъ, даремна то мова, не нащо... Не я, то другій буде красты...

Внутренно я вполнѣ былъ согласенъ съ мыслями старика, хотя своего согласія и не высказывалъ въ слухъ.

— Вы думаете, я въ холодній не седивъ? Дыво що седивъ, а про те злодіемъ не переставъ буты... Та на вищо вона та тюрьма?.. Этъ, пуста то мова. Отъ якъ настане зима, то може я и самъ пиду въ тюрьму... бо куды жъ мени бильшъ иты? Въ тюрьми все теплійше. Скильки я тыхъ тюрьмъ оглядивъ... Ге-ге... Колы-бъ мени Господь Богъ стильки здоровья давъ, скильки я въ тюрьмахъ просыдивъ. Чимъ налякалы!.. Хе, хе... Онъ закашлялся и схватился рукою за грудь. На глазѣ у него выступала даже влага отъ удушья.

— А за вищо-жъ васъ въ тюрьму сажалы?

Библиотека "Руниверс"

— За ризне... більшъ всего за те, що въ людей позычанки роблю. Этъ, пизно мене тюрьмамы почалы вчиты. Стараго злодія справыть тильки могыла. Не тепереньки мене въ тюрьму сажаты... Тра було колысь догледиты, якъ пора була. А теперъ вже!..

Онъ махнулъ рукой и долго молчалъ, какъ-бы собираясь съ мыслями. Игла у него исправно бѣгала, и онъ шилъ съ неестественною для старости быстротою. Когда нитка у него выходила, онъ вставлялъ новую въ ушко иголки, приставляя ее къ зажмуренному глазу такъ ловко, что его пріемамъ могла-бы позавидовать любая швея.—Я ждалъ, что онъ скажетъ.

— Въ мене дочка була, Олеська—послышалось мнѣ послѣ долгаго молчанія—та вмерла. Вже-бъ велыка була—ось така (онъ поднялъ на аршинъ руку отъ земли). Давно вмерла. Литъ висимъ було вже ій...

— А жинка ваша де?

— А хто іи знае? Десь швендается по наймычкахъ. Та не пагано й пье, якъ и я... Я давно іи не бачивъ... Може тежъ бидуе, якъ и я, а може вже и вмерла, бо вона въ мене недужная була. А Олеську шкода; розумная була дытына.

Такъ все и наказувала мени пры смерти: „визьмы, каже, ляльку соби, щобъ не згинула“.. Звистно мале дытя: не тямыть, що говорыть... Тай вмерла... А вже бы до сеи поры велыка була. Въ петривку мынуло-бы... (Онъ задумался на минуту). Було-бъ симнадцять литъ... Розумне було дытя. Теперъ бы вже замужомъ була. Може-бъ въ мене и внуки булы и кутокъ бы я теперъ мавъ, и спокійне доживавъ бы свій несчастный викъ... А теперъ, куды я гидный? Хто мене теперъ такого прыйме?

— А може-бъ васъ хто и прынявъ?

— Э... де вже!.. Хто-жъ мене визьме? Одынъ тильки Хаимъ на спилку прыйме, больше нихто. Поки ще нога була, на заводахъ робывъ...

— А вы бъ въ богадильню яку...

Онъ отрицательно закачалъ головой.

— Вы думаете, що въ богадильни краще? Понюхавъ я и шпыталя... И звиттиль выгналы, кажуть, що пьяныця, що такихъ

Библиотека "Руниверс"

тамъ не потрибують. Та я и самъ не конче до тіи богадильни... Тамъ гиршъ, якъ тута... бо тута хочъ в... йидять, а тамъ люде тебе йистымуть... Тамъ одынъ одного пойидомъ йисть. Ни, такъ мени Богъ прыказавъ одъ людей втикаты до самои смерти. Такъ воно и буде певне. Ще якъ бы, скажемъ, вона не вмерла, то я-бъ въ людяхъ жывъ, я бы пишовъ въ полтавщ...

Онъ внимателяно сталъ вслушиваться.

— До чого вы такъ прыслухаетесь?

— Такъ соби... Хтось йиде воламы.

— Де?

Я напрягалъ свой слухъ, но ничего не могъ услышать. Онъ уставилъ свое бѣльмо на гору. Ничего не было видно.

— За горою. Хутко выйиде на гору. Це зъ Ардони хтось выйихавъ.

— Вы кажете, пишлы бъ въ полтавщину?

— Эге... тамъ въ мене е братъ... и кусокъ земли мае... то винъ взявъ бы мою Олену, поки-бъ вона выросла.

Черезъ нѣсколько минутъ на горѣ дѣйствительно показалась пара воловъ, медленно двигавшихся межъ рожью. Я удивился чуткости своего знакомца.

— Якъ вы добре чуете...

— Ни, теперъ вже не такъ чую, якъ то колысь... Далеко—почую, а блызько—часамы не чую. Якъ де иде чоловикъ за горою, або въ лиси, або худоба, або наветь пташка на дереви ворушится, то почую... А коло себе—не чую. Часамы хто пидійде до мене, ось якъ вы теперъ пидійшлы... и прошпечусь... Вже старый ставъ. А колысь нюхъ мавъ не згирше якъ въ лягавои собаки.

— Розскажить вы мени, диду, якимъ це вы побытомъ дошлы до такого бурлацтва? Вы не бійтесь... Мени такъ тильки для себе хочется дуже знаты. Я никому не скажу.

— Якій вы дуже цикавый... Та щожъ, якъ хочете, то и розскажу.

Библиотека "Руниверс"

II.

— Въ полтавщыни, бачте, було насъ два браты... Одному тра було въ москали йты. Я бувъ за старшого, хлопець бувъ росторопный. Отъ и прыйшлося мени москалёваты; а братъ хозяинуваты на нашій земли зостався... То винъ и доси тамъ, въ полтавщыни хозяиномъ выглядае... та ще якимъ,—колы-бы зналы? багатырь ставъ... ей-Богу, настоящій багатырь! Хату и волы свои мае и все свое мае, наветь кони... Та ще до того и старшиною бувъ. Мій ридный братъ... ій-бо бувъ...

Старикъ побожился. Быть старшиною въ его представленіи значило достигнуть чуть-ли не самаго высшаго благополучія на землѣ...

— А може и теперъ ще винъ старшина... Хто знае? продолжалъ онъ, замѣтно оживляясь, бо винъ багатый чоловикъ и розумный... Его вси тамечки люблять; и таки вартъ ёго любыты, бо е за що... Винъ не пьяныця и не бурлакъ... И жинка въ его е, и диты, и вси вкупи живуть.

Родственно-сантиментальныя воспоминанія о братѣ оживили старика. Въ своемъ братѣ онъ видѣлъ выраженіе, быть можетъ, всѣхъ своихъ завѣтныхъ думъ, осуществленіе того, о чемъ такъ безнадежно мечталъ въ теченіе всей своей несчастной жизни. Глазъ его сталъ бѣгать быстрѣе по сторонамъ, и все чаще и чаще старикъ поглядывалъ искоса въ мою сторону. Тряпка отъ частыхъ поворотовъ головы все сползала съ темени на сторону. Старикъ то и дѣло приправлялъ её.

А зъ мене ось що зробылося, сказалъ старикъ, глядя на свое черное колѣно, покрытое заскорузлою, жесткою грязью. Пустився... Отъ якъ самы бачите... занапастився... и самъ не знаю, якъ воно такъ вышло?.. Самъ Господу Богу отвить колысь дамъ. Якъ згадаешъ про все, що колысь було, то ажъ голова учадіе. Здается, я и зъ едного тиста зробленый, якъ и вси люде, и не згирше другихъ людей, а не иде таки моя доля по людському шляху... тай годи. До сидого волосья доживъ, а доли своеи не найшовъ... якъ помру, то певне надо мною на могыли куры будуть сміятыся.

Библиотека "Руниверс"

Онъ чуть не плакалъ. Я молчалъ.

— А у васъ ридня е? спросилъ онъ меня.

— Есть.

— А хто такіи?..

Я назвалъ.

— А чому-жъ вы пры ныхъ не живете? Чи жъ то можно такъ? обратился старикъ съ упрекомъ ко мнѣ.

— Въ мене служба така, що треба житы на чужій сторони...

— Этъ, пусте... возразилъ старикъ. Що то служба? Найлегша служба та, колы вся ридня коло едыного вкупци живуть, та на хозяйстви гуртомъ працюють... Отъ поки ще вы молоды, то вы и сюды и туды, а пождить-но—прыйде другій часъ, и будете вы шкодуваты, що одбылыся отъ свого ридного кубельця... Побачите!

Онъ помолчалъ.

— Здается, якъ бы мени тепереньки та можно було-бъ вернутыся до ридни, въ полтавщыну...

— А чому-жъ вамъ не можна вернутыся?

— Ни, не вернуся, бо соромъ... Вже мое прошло, не вернется. Тай зновъ-же, зъ якимы я очамы вернувся-бы? Ни, не повынно того буты... Та и ридня одъ мене одхылылася, забула. Я... я... сырота на свити.

Это говорилъ пятидесятилѣтній старикъ, сохранившій, не смотря на всѣ превратности судьбы, замѣчательную дѣтски-наивную привязанность къ родинѣ и семьѣ и искренно вѣрившій въ великую нравственно-направляющую силу семьи.

— Ще якъ-бы я вдома живъ, то родняки мене певне повернулы-бы на людське... А найпершъ тіи москали!.. Спаскудылы воны мене зовсимъ... Тоди здавалося воно не що... а теперъ я бачу, що не до розуму люде выдумалы москальщыну. Якъ бы не вона, може бъ и я чоловикомъ бувъ. Не згубывъ-бы своеи дороги.

— Якимъ же способомъ вона васъ спаскудыла, та москальщына?

— Якъ-то якимъ? А тымъ, що легкій хлибъ дае, а до роботы не прывчае. Зновъ же, подуматы треба, що чоловикъ

Библиотека "Руниверс"

безъ своихъ живе, на чужій сторони москалюе, та одъ риднои земли одбывается. Одно слово—гультяйствуе. Якъ пиде чоловикъ въ москали, то ще на першихъ порахъ засумуе трохи за своими, а дале и зовсимъ други думки полынуть ёму на серце, неначе винъ переродився, або не одъ своеи риднои матери родився; неначе серце ёму хто друге вставывъ пидъ ту московську шинелю, которою винъ такъ дуже чванится... И ридню забуде, и жинку, и дитей... и байдыкуваты прывыкне... Чистый-бурлакъ. Вже и винъ на людей не такъ дывится, и люде-на него. Вже винъ, бачь, не простый... винъ царю служить, енераливъ ризныхъ бачить, то винъ уже и дметься соби, яко не-вить-що. Ось и я, скажу, служивъ въ москаляхъ, а до розуму не дослужився. Якъ взялы мене въ москали, то погналы кудысь на лыху годыну въ кишиневську губернію, а въ тій проклятій бесарабщыни я згубывъ и той розумъ, якій ще мавъ. Бо то таки такъ, правду сказавши: ще якъ на войни, то москаль на своему мисци. Купець торгуе, хозяинъ на поли працюе, а москаль воюе: ёму думка, якъ бы вгодыты царю, та выслужитыся; а вже писля войны—москаль нинащо не здатный... Винъ все одно, що той *шаронъ*. Яка въ ему корысть? Пуття въ ёму нема... Байдыкуе та тильки и знае, що свою швендривку, выпьявшись впередъ якъ той гусакъ та задерши голову козыремъ, булькоче: „здравья желаю... ла-ла-ла... ла“.. А що воно таке, до чого те все иде, хыба-жъ винъ тямыть? Этъ, зовсимъ дурне робытся... Тильки и дила, що на харчахъ царскихъ пройидается. А якъ прыйде москалына до дому, то якого, колы-бъ знылы, чванька задае? Ге-ге... Таке зъ себе вдае, що люде ажъ очи таращать, та дывуются: „дывыся-но, чи це-жъ нашъ Иванъ, або Харытонъ?.. Чи ты бачишъ?“... кажуть вси. А що воно за цяця такая? Що зъ того, що на ему царська шапка и штаны зъ червоными обшлагамы? Этъ, то зовсимъ дурне! А якъ почне москалына що розсказуваты, то бреше, лыхо ма, такъ, що ажъ за ушима лящить—и окомъ не сморгне; а тыи вси слухають, выставывши баньки, якъ и не-вить-що, та дывуются. „Я, каже, я... и въ бесарабщыни бувъ, и турка бачивъ... я и зъ енераломъ розмовлявъ, я и паньское обхожденіе понимаю“... А проте все таки

Библиотека "Руниверс"

винъ дурень бувъ, дурень и зостанется, бо ёго треба спытаты не те, що винъ зъ якимы-сь тамъ енераламы поведенцію мавъ... „Скажи-но ты мени, москалыку, де твоя хатынка, де твое поле, чи багато твое поле врожаю дае, чи багато ты гною сеи весны на свое поле вывизъ? та де твоя худоба? Скильки ты заробывъ? Га? Ось що ты мени скажи?“... А то начепыть свою куцую чамерку, тай, пробачайте, вывертае и сюды и туды (старикъ сдѣлалъ сидя соотвѣтствующее движеніе), стегно свое показуе... бачь, нихто не бачивъ такого гладкого стегна, що одпаслося на царськихъ харчахъ...

Тьфу! (сплюнулъ разсказчикъ). До чого воно? Одынъ тильки соромъ!

То все паны выдумалы одъ ничого робыты... Не на-що воно. Паньска забавка!

— Якъ то паны выдумалы?

— А такъ, то все паньска выдумка... та москальщына. Одне непотрибство. Бильшъ ничого.. Не до того воно.

— Ну, а якъ-же, напрыкладъ, безъ москаливъ? Хиба безъ ныхъ можно обійтыся? Москали завше потрибны.

— Ни, упорно отрицалъ старикъ.

— Якъ-то? а якъ турокъ на насъ нападе, та побье насъ? продолжалъ я возражать.

— Хто?... презрительно переспросилъ шаронъ. Турокъ насъ побье?.. Гмъ... Ще, здается, такій турокъ не народывся на свити Божому. Чи-жъ воно вміе бытыся? Куды ёму? „Побье“!— тежъ сказалы!.. Та якъ воно напало бы на нашу землю, то тильки вартъ гукнуты та поклыкаты одныхъ клинцовскихъ шаронивъ, то воны бъ ихъ перегалушилы на чимъ свитъ тильки стоить... Нащо тутъ москали?

— Ну, добре, согласился я. Турокъ-такъ. А якъ нападе на насъ хто-небудь другій, напрыкладъ, французъ, або нимець? Воны крипши за турка...

— Ну, такъ що-жъ? Колы воны дуже крипки, то и москали тутъ ничого не подіютъ. Тутъ треба колы що... народъ до помочи клыкаты. Люде розсказуютъ, що французъ зъ Наполеономъ колысь ишовъ на насъ... То думаете, хто ихъ про-

Библиотека "Руниверс"

гнавъ? Москали? Колыбъ часомъ не воны... Прогналы ихъ мужики, що землю робылы, хозяины... Розсказують, що такъ нибы и гналы ихъ зъ Москвы, якъ тыхъ свыней... Хто лопатою, а хто кіемъ. Такъ и то: колы, скажемъ, найде на насъ французъ, або нимець, якъ вы кажете, то треба гукнуты: „гей, кидай соху, та иды лыху годыну збываты“... Тай прыйдутъ мужики, трохи погалушать... Гей, тихай, тортове отродья, звитки прыйшовъ, поки ще подобне щось на морди зосталося“... Ну, тай спытаю я васъ: нащо тутъ здалыся москали? Москаливъ всихъ непріятель може перебыты, а народа—не дождэ, не перебье... Народъ—то сыла Божая.

— Безъ москаливъ воно-бъ то може и добре було-бъ, але колы у кожного народа безпременно мусять буты москали. Такъ воно завше було. Свитъ такій...

— Этъ, хто ёго знае... Въ другому народи, скажемъ, може земли меньше, або що... то тамъ и москаль на своему мисци, може ёму диватыся никуды. А нашому мужику земля першъ всего... тай зновъ-же сказать: москали, гм... Воно то-бъ и не-що... Але—нащо народъ губыты? Запысався ты, скажемъ, въ москали, то нехай тебе кормлять и тримають въ москаляхъ до самой смерти. А то що-жъ? Ось, напрыкладъ, и я: не довго наветь и служивъ въ москаляхъ, а спытайте-но вы мене, що мени зъ теи службы за корысть? Тильки що скаличылы мене... Ось бильмо на оци—то одъ пороху, якъ колысь стрелялы, то дымомъ мени око высмалыло... А рука... то зновъ контузія. Ну, звистно, заразъ перевязалы, въ лазаретъ положилы... годовать мене добре наветь началы. А посли медалю далы тай сказалы—„выбирайся зъ Богомъ, вже ты намъ тутъ непотрибенъ“... Отъ тоби, Харитоне, и москали! Отъ тоби и служба! дослужывся! Иды теперь до дому зъ своею дурною медалею та жинку-ридню шукай... може ще знайдешъ, може ще прызнаютъ тебе. Начепывъ я медалю, пошвендався ще трохи по свити, вернувся до дому... Те да се... Такъ нибы, чую—щось воно не такъ, не до того йде, не лагодыться мени на свою дорогу выйты, а ни-якъ не пидходыть щось одне до одного. Батькивщына—не моя. Земли въ мене нема, а въ наймыты йты—якось воно ніяково, бо въ чо-

Библиотека "Руниверс"

ловикови ще сыла е, ще винъ може на себе працюваты, та и зновъ соромъ. Молодый москаль та въ наймытахъ. А тымъ часомъ—прывела моя жинка мени дочку Олеську... Що тутъ робытымешъ? Треба десь кусокъ хлиба доставаты. А въ ту пору розійшлася якось у насъ чутка, що въ Клинцахъ дуже людей потрибуютъ до роботы на фабрику. То було якось такъ зимою. Булы мы на ярмарци въ Полтави... А треба вамъ знаты, що туды прывозятъ зъ Клинцивъ фаетоны, що тутешни столовиры роблять. Отъ и почалы тыи каретныки розсказуваты про тутешне житья: и платятъ добре, и харчи даютъ...—„А що, жинко, кажу, чи не пійты и намъ въ Стародубье, щастя-добра въ чужихъ людяхъ пошукаты"?—„Чому, каже, ходимъ"... Отъ мы зъ тыми каретныками и прытюпалы сюды. Добре, прыйшлы... и роботу наветь нашлы. Зъ початку наветь гарно жилося намъ, зароблялы добре и я, и жинка... и Олеська росте. Такъ що-жъ? Пидійшла бида зъ другого боку. Почала жинка моя гулянку розводыты... звистно, на фабрыци. Поки ще коло ридни, въ сели жила, свита не бачыла, роботяща жинка була; а якъ понюхала фабрыки, то и пишла... и одъ мене одцуралась зовсимъ. А чортъ зъ нею... Я ій не шкодую... Не путяще воно було.

— Олеську мою паны одны взялы до панськои кимнаты. Гарна и розумна була дивчина, одне счастья тильки и було на свити, на неи дывлячись, та думаючи, що то зъ неи Богъ пошле. Я на неи працювавъ, думавъ: выросте, утиха на старости буде. Ій наветь чытаты паны почалы вчыты. И ляльку ій гарну далы гратыся... Звистно—дытяча забава. Все на те шло, що выйдуть зъ неи люде... Та даремне. Я мирковавъ соби едне, а лыхо спивало надъ моею головою свое. Этъ, що то и згадуваты!

— Зъ чого-жъ вона вмерла?

— А Богъ святый знае. Оспа прычепылася якая-сь тамъ, чи-що... Паны ій заразъ выкинулы... „Непотрибна, кажуть, ще одъ неи на дитей хороба перейде". Лежала вона зъ мисяць въ комори, марнила, марнила тай вмерла зъ лялькою на рукахъ. Писля того не довго и я гулявъ. Черезъ рикъ зачепыла мени ногу машина. Ну, заразъ мени билета далы, до лазарету запысалы, на лижко положилы, зновъ почалы мене де-якій часъ

Библиотека "Руниверс"

добре годуваты... Але не на довго... Личилы, личилы воны мене, лыхо ихъ матери, тыи доктори... поки не довелося, що ногу одризаты треба. Такъ я и зостався безъ ноги. Вылежався въ лазарети, однедужавъ трохи, поправывся; тай—„зъ Богомъ, Парасю“, сказалы мени, „выбирайся, бо ты, Харитоне, не потрибенъ вже бильше намъ“. И росчиталы мене... Лышнихъ десять карбованцивъ далы за ногу. Отъ таке-то на свити Божому робыться, така доля буває! Десять карбованцивъ лышнихъ! Щобъ имъ Богъ на тому свити нагадавъ—тыи десять карбованцивъ. Потимъ я у столовировъ въ наймытахъ живъ, потимъ въ шпыталь мене взялы столовиры, и звиттиль также выгналы, и тамъ не потрибенъ, бо бачте, выпывъ я зъ лыхои биды чарку, а у столовиривъ цёго не можна... ни, ни... Въ ныхъ щобъ и не курыты, и не пыты, храны Боже!.. А на мене тоди нибы якъ нашло щось. Зроду не пывъ побагато горилки, наветь въ москаляхъ ридко бувъ пьяный; а тутъ—на тоби! такъ и потягло, такъ и потягло... Потимъ, въ инвалыды хотивъ я запысаться, та дуже ця довга, кажуть, церемонія... Треба, бачъ, прошенія подаваты, та до Чернигова йты... Просыты треба та кланятыся. А въ решти,—я думаю, що певне и звиттиль мене выгналы-бы. Оттака-то доля моя! А Богъ смерти не дае ще... Одно слово—собаче житье! Зовсимъ собаче... Та, знаете, и не до всякои собаки прыривняты ще можна, бо е така собака, котрій липше живется, якъ чоловикови. Ни... а то есть така здыхлява собака, що згубыла свого хозяина и ото, якъ бачите, бигае вона всюды, та тыкае свою морду то сюды, то туды... Прыбижыть до едного, а той на неи,—„чужа“! Втикай дали! Вона до другого, а той также на неи—„чужа“! Втикай дали! Вона до третьей, а тои ии палыцей по лапахъ. Ото точнисенькій я... Куды не прыткнуся, всюды крычать мени „не потрибенъ“. Ну, колы такъ, такъ и чортъ зъ вамы, и безъ васъ обійдуся... Теперь перейшовъ я, соби, бачте, на службу до Хаима... тай мушу ховатыся одъ людей, щобъ нихто у день не побачивъ часомъ. Хаимъ мени и чарку дае, и лекарства, и гроши часами дае... Винъ теперь для мене все одно, що батько та маты.—Ось вамъ и старый мо-

Библиотека "Руниверс"

скаль, служивый, що вирою и правдою царю, отечеству служывъ... Тылькы и добра мае, що повну одежу в... та...

— Але проте скажить-но вы мени, горячился старикъ, все болѣе и болѣе придвигаясь ко мнѣ. Скажить вы мени, що я людямъ паганого зробывъ? за що на мене напасть такая? Чого на мою долю таке житья вышло? Ни на кого, тылькы на мене? Га? Я васъ пытаю... Чи-жъ то е правда писля цей на свити? Га?

Я не зналъ, что отвѣтить, и отодвигался дальше отъ озлобленнаго старика.—Руки у него тряслись, брови надвинулись на вѣки, глазъ безпокойно уставился на меня. По угламъ рта въ изобиліи текла слюна и падала на колѣни. Старикъ забылъ шитье и жестикулировалъ съ пустой иголкой въ рукахъ, сидя на одной ногѣ... Въ это время на одной изъ клинцовскихъ фабрикъ раздался продолжительный рѣзкій свистокъ.

Старикъ вздрогнулъ и отшатнулся.

Онъ въ увлеченіи не замѣтилъ, какъ у него съ наклоненной головы медленно сползла тряпка. Я увидѣлъ большой плѣшивый черепъ, необыкновенно выдавшійся въ задней своей части. Поперекъ черепа отъ уха до уха шелъ какой-то красный шрамъ, не вполнѣ еще зажившій на темени. Запекшаяся кровь пластами чернѣла въ разныхъ мѣстахъ. Около язвы было нечисто: струпы гноились, по нимъ ползало... Я понялъ, почему старикъ держалъ голову закрытой и часто чесалъ её рукой. Новое членовредительство нисколько не удивило впрочемъ меня. Я даже какъ будто ждалъ, что подъ платкомъ окажется какая-нибудь рана.

— Вы бы до доктора пишлы.

— Ни, не треба... буде зъ ныхъ и моеи ноги, що одризалы, отвѣчалъ онъ, отворотившись въ сторону своихъ узелковъ. Хаимъ въ мене самый наилипшій докторъ.

— Або хоть до аптыкаря... Винъ бы давъ вамъ ликарства.

Онъ не желалъ отвѣчать. Укладывая мой подарокъ, старикъ неловко дернулъ тряпку, въ которую были завязаны его вещи. Оттуда вывалилась на землю большая фарфоровая кукла—

Библиотека "Руниверс"

грязная, черная, исковерканная... Сохранившійся бюстъ куклы съ признаками бѣлаго цвѣта на лицѣ свидѣтельствовалъ, что это была нѣкогда очень богатая, нарядная кукла, совершенно не встрѣчающаяся въ крестьянской семьѣ. Кукла была отраженіемъ своего хозяина: одной ноги у нея не было, на головѣ щель, рукъ не было...

— Що то у васъ? Лялька? То певне Олеськи? Но онъ быстро схватилъ куклу за ногу и, скомкавъ, ткнулъ её въ узелокъ. Я понялъ, почему маленькое существо могло привязаться къ такой куклѣ и завѣщать её своему отцу: кукла была нѣкогда очень красивая, судя по печальнымъ остаткамъ... Мнѣ стало грустно. „Какая странная связь между этимъ отверженнымъ существомъ и фарфоровымъ символомъ“, думалъ я и не разспрашивалъ больше о куклѣ. Старику было больно всякое воспоминаніе о дочери. Дочь была его лучшимъ и, быть можетъ, даже единственнымъ семейнымъ воспоминаніемъ. Онъ что-то такое шепталъ про себя, отворотившись совсѣмъ отъ меня лицемъ. Онъ очень торопился. Одна рука бѣгала у него замѣчательно быстро. Другая періодически, съ усиліемъ подталкивалась и какъ-бы насильно призывалась къ работѣ, о чемъ можно было судить по неравномѣрному движенію лопатокъ на спинѣ. Вмѣстѣ съ куклой онъ хотѣлъ вложить въ одинъ узелъ и мой подарокъ,—но рубаха не вмѣщалась. Старикъ отложилъ узелокъ и взялъ торбочку. Раздался лязгъ какихъ-то желѣзныхъ вещей. Мелькомъ взглянувъ внутрь торбочки, я замѣтилъ тамъ множество связокъ ключей, подпилокъ, гвозди, ножъ въ кожаной оправѣ съ какой-то оригинальной ручкой... и какъ будто даже портъ-сигаръ.

Я не успѣлъ еще связать въ одно представленіе столь разнообразныхъ впечатлѣній, произведенныхъ оригинальнымъ багажемъ старика, какъ онъ еще разъ повернулъ ко мнѣ свое лицо и, порывисто указывая на мои сапоги, спросилъ:

— Въ Клинцяхъ купылы?

— Ни...

— А за ныхъ Хаимъ давъ-бы десять злотыхъ, а може наветь и бильше.

Библиотека "Руниверс"

Я поднялся на ноги. Лицо старика безъ платка представляло поразительную перемѣну. Оно неожидано приняло хищно-звѣрское выраженіе. Глазъ сталъ глядѣть шире. Бѣльмо слѣпого глаза какъ-то странно поворачивалось, то закатываясь вверхъ то какъ бы опускаясь внизъ. Передняя часть лба оказалась приплюснутой, какъ-бы вдавленной внутрь. Большія уши торчали по сторонамъ. Онъ открылъ беззубый ротъ и улыбался...

— А може бы давъ и дванадцять... У Хаима багато грошей. Хе, хе, хе... Може въ васъ часамы други чоботы е? Хе, хе—е...

Это была улыбка, отъ которой жутко становилось даже среди лѣтняго, яснаго дня...

— Хе, хе... А вы якъ думалы? Хе... хе...

— Вы теперь куды идете? Спросилъ я, отойдя шаговъ нѣсколько...

— Звиткиль пришовъ, туды и пиду... Хе, хе... А вы думалы?..

И онъ быстро схватился съ земли. Я не успѣлъ даже глазомъ мигнуть,—какъ онъ вдругъ очутился предо мною на костылѣ. На головѣ у него сидѣлъ какой-то весь продыравленный чиновничій картузъ съ полуотвалившимся козырькомъ и красной каемкой.

Мы молча стояли другъ противъ друга. Шамкая что-то про себя, онъ взвалилъ на себя узлы и пошелъ по межѣ въ глубь долины по направленію къ дальнему перелѣску. Нужно было дивиться ловкости и быстротѣ, съ какою шелъ старикъ, опираясь однимъ плечемъ о костыль и попадая другой въ то мѣсто, куда слѣдовало. Голова его наклонялась то впередъ, то назадъ. Мѣшокъ и узелки за спиною мотались, какъ маятникъ. Онъ еще разъ повернулъ голову въ мою сторону, остановился... До меня донеслись слова:

— А вамъ, панычу, тутечкы не дорога... бо якъ бы я стринувся зъ вамы по захидъ сонця, то певне у насъ була-бъ зовсимъ друга мова. Памятайте!

Я долго еще стоялъ и глядѣлъ въ слѣдъ удалявшемуся старику. Вонъ отъ него осталась черная точка, то утопавшая во ржи, то выринавшая.

Библиотека "Руниверс"

А вдали дымились Клинцовскія фабрики, и ихъ отдаленное громыханье доносилось до моего уха въ формѣ неяснаго безпокойнаго гула. Воробьи и кузнечики всё такъ-же чирикали. Солнце съ лазоревого неба спускалось къ вечеру. Жаръ падалъ. Вѣтерокъ пересталъ дуть. Природа встрѣчала вечеръ въ тихомъ, безмятежномъ спокойствіи.

Я нашелъ свою дорогу.

Въ одномъ изъ стародубскихъ полицейскихъ управленій вниманіе публики обращала большая таблица, вывѣшенная у дверей. Это былъ списокъ разыскиваемыхъ бродягъ. Подъ шестнадцатымъ нумеромъ этого списка значилось:

„Харитонъ Ивановъ Дзенько—бродяга, 55 лѣтъ, безпаспортный, уличенъ въ грабежѣ, воровствѣ и частыхъ разбояхъ на дорогахъ. Особыя примѣты слѣдующія: плѣшивъ, съ раной на головѣ, рука ревматическая, нога одна отнята, въ лѣвомъ глазу бѣльмо, смуглъ“... Дзенько и еще нѣсколько бродягъ были подчеркнуты цвѣтнымъ карандашемъ, какъ особенно важные.

— „Ну тай щожъ зъ того, що мене зловять? вспомнились мнѣ слова Харитона на ардонской межѣ. Липше вамъ зъ того стане, чи що? Або меньше злодіивъ буде, думаете, на свити?“

Пожалуй, онъ правъ.

Ѳ. А. Кудринскій.

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ[1].

М. Т—въ. К. Г.

(Дополненіе къ статьѣ о П. Кузьмичевскомъ).

Не касаясь мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ, подписанныхъ разными иниціалами, отмѣтимъ изъ круга этой почти анонимной литературы лишь нѣсколько наиболѣе крупныхъ по величинѣ и наиболѣе цѣнныхъ по содержанію статей въ „Кіевск. Старинѣ“ и въ „Вѣстникѣ Европы“ за подписями М. Т—въ и К. Г. Такъ какъ П. Кузьмичевскій однажды полемизировалъ, защищая одно положеніе, высказанное въ этихъ статьяхъ, причемъ и статьи за подписью собственно Кузьмичевскаго обнаруживаютъ большое сходство съ пріемами М. Т—ва и К. Г—а, то по существу дѣла представляется вполнѣ возможнымъ объединить этихъ авторовъ въ одномъ лицѣ и настоящую статью разсматривать, какъ прямое продолженіе предыдущей статьи о Кузьмичевскомъ.

Въ XI кн. „Кіевск. Стар.“ 1892 г. (стр. 229) г. *М. Т—въ* говоритъ: „страстный любитель отечественной этнографіи, авторъ имѣетъ довольно большое количество украинскаго этнографическаго матеріала, который, конечно, онъ желалъ бы издать въ систематическомъ видѣ сводовъ съ объясненіями. Но для такихъ изданій, во-первыхъ, нужны средства, которыя могли бы доставить только правильно организованныя ученыя общества, какихъ не достаетъ нашей родинѣ, на манеръ академій и западно-сла-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1896 г. № 9.

Библиотека "Руниверс"

вянскихъ матицъ. А кромѣ того, для самого приготовленія такихъ изданій, если бы даже у извѣстныхъ индивидуумовъ хватило запаса хохлацкаго упрямства, чтобы производить труды, которые, Богъ вѣсть, сколько могутъ пролежать „въ портфелѣ автора", необходимы полныя ученыя пособія, богатыя библіотеки, тѣмъ болѣе, что въ виду направленія сравнительно историческаго, какое теперь приняла наука о такъ называемомъ народномъ бытѣ и словѣ въ западной Европѣ, нѣсколько стыдно выпускать такія изданія, каковы даже лучшіе этнографическіе труды, выходящіе въ Россіи, т. е. ограничиваться почти однимъ опубликованіемъ сырого матеріала безъ комментаріевъ или съ комментаріями, вдохновенными одною теплотою національнаго чувства или мудрованіями домашняго народничества. Но надобно быть особеннымъ счастливцемъ, чтобы имѣть подъ рукою нужныя пособія, такъ такъ ихъ въ должной полнотѣ не даютъ не только библіотеки русскихъ провинціальныхъ городовъ, вдобавокъ доступныя только профессорамъ, но даже столичныя. При настоящемъ положеніи вещей полныя и достойныя требованія времени изданія нашего этнографическаго матеріала могутъ сдѣлать только люди, имѣющіе возможность пользоваться библіотеками въ Россіи, въ западной Славянщинѣ и въ Германіи, съ прибавленіемъ Парижа и Лондона". Авторъ, какъ можно убѣдиться изъ позднѣйшихъ его изслѣдованій, широко воспользовался и русскими изданіями, даже мелкими, провинціальными, напр., Харьковскими Сборниками при календарѣ (ссылки въ статьѣ о сказаніяхъ о пожертвованіи собственнаго ребенка), и западно-европейскими библіотеками, даже такими рѣдкими и малоизвѣстными, какъ частная библіотека де-Губернатиса по русскому фольклору.

Въ „Кіев. Старинѣ„ 1882 г. XI и 1883 XII г. М. Т—въ напечаталъ четыре статьи подъ общимъ заглавіемъ „*Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности*", именно:

1) *Пѣсня о взятіи Азова*: „Ой що то за крячекъ, що по морю литае", извѣстная по сборнику чумацкихъ пѣсенъ г. Рудченка. На полутораста возахъ скрыты молодцы, по семи на каждомъ. Они въѣзжаютъ въ Азовъ купцами и берутъ его силой. Въ „Кіев. Старинѣ" были уже двѣ статьи объ этой пѣснѣ: Г. Сто-

Библиотека "Руниверс"

яновъ относилъ ее ко взятію Торческа въ XI вѣкѣ; Новицкій—ко взятію Азова донцами и запорожцами въ 1637 году; М. Т—въ предполагаетъ существованіе въ Донской области устныхъ и письменныхъ варіантовъ исторіи о взятіи Азова, каковые варіанты должны были пустить отъ себя великорусскую пѣсню, которая уже зашла и въ украинскую среду, гдѣ и приняла видъ украинскихъ варіантовъ, намъ теперь извѣстныхъ. При этомъ высказано пожеланіе, чтобы была изучена устная словесность донскихъ козаковъ, которая могла служить передаточнымъ пунктамъ при переходѣ великорусскихъ пѣсенъ къ малороссамъ. Это желаніе тѣмъ же авторомъ повторено черезъ 10 лѣтъ въ 1892 году въ статьѣ о сказаніяхъ и пѣсняхъ Эдиповскаго типа. Нельзя не признать научную основательность такого желанія. Въ послѣднее время издано много пѣсенъ, подтверждающихъ мнѣніе автора о переходѣ великорусскихъ донскихъ пѣсенъ къ малороссамъ, причемъ такія заимствованныя пѣсни встрѣчаются и въ Екатеринославщинѣ, какъ видно изъ пѣсни про набѣгъ орды, напечатанной *Я. П. Новицкимъ* въ 53 № Екатеринос. Губ. Вѣд. 1888 года, и въ юго-западномъ краѣ, какъ видно изъ малорусскихъ пѣсенъ въ сборникѣ *Б. Поповскаго* въ VIII т. „Zbiór wiadomości do antrop. kraj." На далекій малорусскій западъ донскія пѣсни заходили, вѣроятно, вмѣстѣ съ казацкими полками, при долгомъ ихъ постоѣ въ пограничныхъ мѣстахъ. Въ концѣ статьи г. М. Т—въ высказываетъ основательное предположеніе, что основной мотивъ пѣсни принадлежитъ къ числу бродячихъ сказаній.

Исторія о взятіи города въ сущности старая исторія Энеева коня въ Троѣ. Авторъ въ общихъ чертахъ указываетъ на сходныя пѣсни французскую и голштинскую.

2) *Стенька Разинъ—козакъ Герасимъ.* Великорусская пѣсня о Ст. Разинѣ „Какъ въ славномъ городѣ въ Астрахани" занесена въ Украйну. Въ статьѣ отмѣчено двѣ украинскихъ передѣлки, одна прозаическая съ немного измѣненными пѣсенными великорусскими вставками, другая—стихотворная, болѣе краткая, болѣе чистая по малорусскому языку. Въ первой передѣлкѣ имя Стеньки Разина передѣлано въ Герасима по созвучію. Содер-

Библиотека "Руниверс"

жаніе пѣсенъ: Губернаторъ садитъ въ тюрьму буйнаго молодца Герасимова сына. Онъ идетъ весело въ тюрьму, зная, что вскорѣ отецъ освободитъ его и разнесетъ тюрьму.

3) *Къ вопросу о вертепной комедіи на Украинѣ.*—Небольшая замѣтка, съ цѣнными указаніями на западноевропейскую научную литературу о мистеріяхъ (на сочиненія Куссемакера, Вейнгольда, Шреера и др.). Указаны и польскія шопки или яселки (у Кольберга). Авторъ отмѣчаетъ нѣсколько газетныхъ извѣстій о томъ, что вертепная драма существуетъ еще въ Малороссіи и Бѣлороссіи, и высказываетъ желаніе, чтобы остатки ея были записаны, пока не погибли. Эта замѣтка представляетъ полезное дополненіе къ довольно многочисленнымъ замѣткамъ и статьямъ о „малорусской вертепной драмѣ, напечатаннымъ въ „Кіевской Старинѣ“ (Н. И. Петрова, Галагана, А. Ѳ. Селиванова, О. Пч.). Въ послѣднее время издано нѣсколько описаній польской шопки (напр. въ „Вислѣ“ 1888 года). Кругъ для сравненій и изученій вертепной драмы расширился. Надо желать, говоритъ авторъ статьи,—и съ этимъ мы вполнѣ согласимся,—тщательныхъ поисковъ за остатками стариннаго религіознаго театра въ рукописяхъ и въ устномъ преданіи въ области Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Украины. Равнымъ образомъ желательны подобные поиски за виршами и духовными стихами вообще: рождественскими, пасхальными и т. п., такъ какъ эти вещи на западѣ имѣютъ тѣснѣйшую прикосновенность къ религіозному театру, что замѣчается и на соотвѣтственныхъ примѣрахъ, извѣстныхъ въ письменности украинской и бѣлорусской. Наконецъ, даже въ видахъ руководительства при собираніи названнаго матеріала, желательно уже и теперь сравненіе извѣстныхъ списковъ украинской старинной драматической литературы съ польскими и западными, а между послѣдними, конечно, прежде всего съ латинскими, французскими (тѣ и другіе—первообразы нѣмецкихъ) и съ нѣмецкими... Только такое сравненіе открыло-бы намъ, что собственно оригинальнаго имѣемъ мы въ нашемъ рождественскомъ театрѣ, въ томъ числѣ даже въ бытовыхъ его частяхъ“.

Библиотека "Руниверс"

4) *Песиголовцы въ украинской народной словесности.*—Небольшая статья по поводу замѣтки Десятина въ „Радѣ“ о песиголовцахъ, какъ олицетвореніи татаръ. Авторъ основательно указываетъ на литературные источники повѣрья о песиголовцахъ, именно, на сказанія объ Александрѣ Македонскомъ и старинныя космографіи, и замѣчаетъ при этомъ, что „весьма многое, что мы находимъ теперь въ сферѣ неграмотнаго населенія, есть продуктъ не мѣстный и не народный, а общій всѣмъ народамъ историческимъ, продуктъ культурный“. Замѣчаніе это направлено противъ „субъективнаго народничества“. Въ русской научной литературѣ есть спеціальное изслѣдованіе о песиголовцахъ, вышедшее уже послѣ замѣтки г. Т—ва, статья акад. *Веселовскаго* въ Журн. М. Н. Пр. CCXLI окт. 189.

Въ 1883 г. г. Т—въ сообщилъ редакціи „Кіевской Стар.“ списокъ *двухъ южно-русскихъ интермедій начала XVII в.* (1619 г.), сдѣланный извѣстнымъ польскимъ писателемъ Крашевскимъ изъ одной весьма рѣдкой старопечатной книги „Tragaedia albo wizerunek smiercі przesw. Chrzciciela“... Интермедіи помѣщены въ приложеніяхъ, съ поясненіемъ, что онѣ написаны баккалавромъ философіи жителемъ г. Львова Яковомъ Гаваттовичемъ. Интермедіи были напечатаны въ 12 кн. „Кіев. Стар.“ 1883 г., съ замѣчаніемъ редакціи (Ѳ. Г. Лебединцева) что въ интермедіяхъ Гаваттовича „ярко выступаетъ народное міросозерцаніе и бытовыя черты своего времени“. Въ опроверженіе этого мнѣнія Лебединцева Кузьмичевскій въ XI кн. „Кіев. Стар.“ 1885 г. помѣстилъ обширную статью: „*Старѣйшія русскія драматическія сцены*“. Въ первой интермедіи одинъ бѣдный крестьянинъ Климко обманулъ богатаго крестьянина Стецька, продавъ ему кота въ мѣшкѣ (вмѣсто лисицы), и потомъ, переодѣвшись въ другое платье, обманываетъ его вторично, заставивъ побить собственные горшки (накрылъ ихъ и сказалъ, что это лежитъ обманщикъ). Во второй интермедіи три голодныхъ крестьянина находятъ пирогъ и рѣшаютъ присудить пирогъ тому, кто увидитъ лучшій сонъ. Одному приснился рай, другому—адъ, а третій, не спавши, съѣлъ пирогъ и оправдывался тѣмъ, что будто видѣлъ во снѣ ангела, который сказалъ, что его товарищи не возратятся изъ рая и

Библиотека "Руниверс"

ада и оставляютъ ему пирогъ. Для первой интермедіи Гаваттовича, по мнѣнію г. К., предкомъ является нѣмецкая книга начала XVI вѣка о похожденіяхъ остряка Уленшпигеля или Евленшпигеля. Это сводъ анекдотовъ, составленный Мурнеромъ въ 1519 году. Здѣсь находятся два разсказа объ обманѣ посредствомъ кота и о битьѣ горшковъ, каковые разсказы соединены въ одно цѣлое въ первой интермедіи Гаваттовича. Книга объ Уленшпигелѣ была переведена и на польскій языкъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка подъ заглавіемъ Sowezrzał (Eule—сова, Spiegel—зеркало, swierzadło zrzadło,) а въ концѣ XVIII вѣка (1791 и 1792) и на русскій языкъ (Похожденія шута Совѣст—Драла). Въ интермедію Г. анекдотъ попалъ, вѣроятно, непосредственно изъ нѣмецкаго источника. Вторая интермедія Г. имѣетъ родственную малорусскую сказку (напр. у Аѳанасьева), а источникомъ одну изъ западно-европейскихъ сказокъ, можетъ быть, повѣсть въ Gesta Romanorum—сборникѣ XIII вѣка странствующихъ сказаній; въ послѣдній сборникъ разсказъ о лучшемъ снѣ вошелъ изъ Disciplina clericalis крещеннаго испанскаго еврея начала XII вѣка, Петра Альфонса, гдѣ соревнованіе о лучшемъ снѣ идетъ между двумя горожанами и однимъ поселяниномъ, которые шли вмѣстѣ въ Мекку. Мѣсто дѣйствія переносится въ мусульманскую среду, что указываетъ отчасти и на мусульманскій источникъ. Далѣе авторъ указываетъ на арабскій и еврейскій варіанты разсказа о лучшемъ снѣ и переводитъ такимъ образомъ изслѣдованіе на почву арабско-еврейскую. На этомъ собственно и заканчивается вѣская часть изслѣдованія. Авторъ по слѣдамъ Бенфея идетъ еще далѣе на востокъ, въ Индію, указываетъ на нѣкоторые разсказы въ Панчатантрѣ, Синдибадъ-Наме, Аваданахъ, но эти указанія ничего не прибавляютъ къ литературной исторіи разсказа о лучшемъ снѣ, такъ какъ индійскіе разсказы по мотивамъ и моральнымъ особенностямъ сильно отличаются отъ еврейско-арабскихъ и западноевропейскихъ варіантовъ сказанія о лучшемъ снѣ. Въ индійскихъ разсказахъ есть только одна сходная черта—три спутника, но и эти спутники животныя. Къ интермедіи Г. и малорусской сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ близко стоятъ приведенныя К—имъ одна

Библиотека "Руниверс"

италіанская новелла Джиральди Чинтіо († 1573 г.) и народная сицилійская сказка. У Чинтіо состязаются изъ-за пирога три лица (философъ, астрологъ и солдатъ), какъ въ интермедіи Гаваттовича, въ сицилійской сказкѣ два лица (монахъ и послушникъ), какъ въ малорусской сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ. „Объ украинскомъ устномъ разсказѣ (о лучшемъ снѣ), по словамъ К., можно сказать, не боясь укора въ пристрастіи, что онъ при сравненіи съ другими, даже италіанскими, отличается особенной живостью изложенія и реалистическимъ пошибомъ, видимымъ въ желаніи представить этнографическія черты дѣйствующихъ лицъ, особенно цыгана“ (срав. въ сбор. *Романова* Ш, 429).

Статья написана съ большой эрудиціей и изобилуетъ цѣнными сопоставленіями. Открывая обширную историческую перспективу, статья при всемъ томъ не можетъ вполнѣ устранить высказаннаго Ѳ. Г. Лебединцевымъ замѣчанія, что въ интермедіяхъ Гаваттовича обнаруживаются бытовыя народныя черты, напр., въ описаніи меню обѣда въ царствіи небесномъ. Несомнѣнныя черты малорусской народности обнаруживаются и въ сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ. Очевидно, что сильное въ XVI—XVII ст. народное начало успѣло овладѣть и подчинить себѣ странствующій литературный мотивъ.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ въ одномъ галицко-русскомъ литературномъ альманахѣ нашла мѣсто небольшая (въ 6 стр.), но цѣнная статья „*Изъ исторіи вирши на Украйнѣ*“. Авторъ раздѣляетъ малорусскія вирши на политическія (точнѣе было бы назвать ихъ историческими) и церковныя. Политическія вирши, каковыя напечатаны въ концѣ „Историч. пѣс.“ Антоновича и Драгоманова и въ „Архивѣ“ Ягича II, 297), отличаются реализмомъ, національной окраской по языку и содержанію и вѣрно передаютъ взгляды нашихъ предковъ на современныя имъ историческія событія. Въ церковныхъ виршахъ обнаруживается западное латинское вліяніе. „Авторъ остроумно замѣчаетъ, что нѣкоторыя малорусскія вирши напоминаютъ драматическую форму и представляются обломками или передѣлками церковныхъ драмъ или мистерій, если не нашихъ украинскихъ, то мистерій близкихъ сосѣднимъ народамъ. При этомъ авторъ перепе-

Библиотека "Руниверс"

чатываетъ изъ іюньской книжки „Основы“ 1862 г. „Пасхальную виршу“ о томъ, какъ Люциферъ подружилъ въ аду съ Іудой, какъ сошелъ въ адъ Христосъ и освободилъ грѣшниковъ, оставилъ въ аду только Соломона и Каина, причемъ Люциферъ, опасаясь, чтобы Христосъ не пришелъ вторично въ адъ за Соломономъ, выгналъ Соломона изъ ада. Въ этой виршѣ много юмора, много мѣткихъ народныхъ выраженій. Вирша обширная, въ 118 стиховъ. Авторъ указываетъ далѣе, что содержаніе вирши построено на апокрифическомъ евангеліи Никодима, но ближайшимъ источникомъ вирши была нѣмецкая пасхальная драма. Для объясненія вирши г. Д. приводитъ одно мѣсто нѣмецкой драмы XIV столѣтія о сошествіи Спасителя въ адъ. Украинская вирша обращается съ религіознымъ сюжетомъ съ бо́льшей свободой и бо́льшей фамильярностью, чѣмъ ея нѣмецкій прототипъ. Мотивъ объ изгнаніи изъ ада Соломона съ небольшими измѣненіями (вмѣсто Соломона священникъ) повторяется въ нѣмецкой драмѣ „Christi Anferstehung“ по рукописи 1464 г.

Въ VII книгѣ „Вѣстника Европы“ 1887 г. помѣщена интересная статья г. К. Г. „*Два малороссійскихъ фаблю и ихъ источники*“ (очеркъ изъ исторіи всеобщей сравнительной литературы). Подъ словомъ „fableau“ извѣстны старофранцузскія стихотворныя повѣсти небольшого объема и шутливаго юмористическаго содержанія. Такой именно характеръ имѣютъ нѣкоторые малорусскіе анекдоты и сказки юмористическаго содержанія, изложенные въ стихотворной формѣ или прозой въ перемежку со стихами, между прочимъ, вирша о богатомъ мужикѣ Гаврилѣ (въ сборн. Драгоманова 150—154) и вирша про бѣднаго мужика Кирика (въ Зап. о Южной Руси, Кулиша) II, 83).

Вирша о Гаврилѣ или о похоронахъ собаки, грубая по содержанію, не подлежитъ сословному или мѣстному пріуроченію, какъ разсказъ бродячій, странствующій, встрѣчающійся у народовъ разныхъ вѣроисповѣданій и національностей. Съ виршей о Гавріилѣ, записанной въ каневскомъ уѣздѣ, кіевской губерніи, сходна галицко-русская сказка въ сборникѣ Садока Боронча, фабльо о завѣщаніи осла—сочиненіе французскаго писателя XIII вѣка Рютбёфа, фацеція (шутливый анекдотъ) италі-

Библиотека "Руниверс"

анскаго писателя XV вѣка, Поджіо Браччіолини, далѣе сказки въ сборникѣ французскихъ повѣстей Cent nouvelles nouvelles (сто новыхъ повѣстей) XV вѣка, у турецкаго поэта XVI вѣка, Ламая († 1531), въ Жильблазѣ Лесажа (1715 г.), въ сборникѣ нѣмецкихъ разсказовъ соч. Іог. Паули „Schimpf und Ernst“ XVI вѣка, въ руководствѣ къ проповѣдямъ Пельбарта 1507 года, вышедшемъ въ Венгріи, въ двухъ великорусскихъ сказкахъ, вышедшихъ въ 1 т. „Криптадіи“ (1883). Изъ этого сухого указанія на приведенныя авторомъ литературныя параллели уже видно, какъ широко и разносторонне трактуется тема изслѣдованій. Въ этихъ параллеляхъ открывается несомнѣнно весьма близкое, такъ сказать, кровное родство малорусскихъ и великорусскихъ сказокъ о жадномъ попѣ съ западноевропейскими ихъ оригиналами. Присутствіе основныхъ мотивовъ малорусской вирши о Гавріилѣ у Рютбефа, Поджіо, Паули и Пельбарта въ фабльо, фацеціяхъ и проповѣдяхъ служитъ достаточнымъ общимъ указателемъ, откуда разсказъ о жадномъ попѣ проникъ въ Россію. Авторъ статьи высказываетъ весьма вѣроятную гипотезу, что разсказы на изложенную выше тему изъ Германіи, гдѣ книги Пельбарта и Паули были весьма популярны, перешли въ Галичину и въ Великороссію, вмѣстѣ со многими подобными произведеніями, лубочными картинками и т. п. Украинская вирша, нашедшая мѣсто въ сводѣ Драгоманова, первой своей половиной (разсказъ о собакѣ) примыкаетъ къ варіантамъ Паули и Пельбарта, а второй (разсказъ о козлѣ) выдается изъ ряда подобныхъ восточныхъ и западныхъ фабльо, сходясь лишь съ одной великорусской сказкой. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что нѣкоторые великоруссизмы въ языкѣ украинской вирши о мужикѣ Гаврилѣ, а также указаніе въ концѣ вирши на куреніе и нюханіе табаку, какъ на дѣйствія предосудительныя, даютъ основаніе предполагать существованіе великорусской раскольнической редакціи, средней между великорусскими сказками и малорусской виршей. Авторъ въ одномъ мѣстѣ статьи дѣлаетъ попытку опредѣлить родину разсказа и предлагаетъ по этому поводу шаткую гипотезу, которую мы здѣсь отмѣтимъ вкратцѣ, за неимѣніемъ въ научной литературѣ другой. Возводя малорусскій варіантъ къ великорусскому, вели-

Библиотека "Руниверс"

корусскій къ западноевропейскимъ, послѣдніе къ мусульманскимъ сказаніямъ о продажности судей, авторъ, въ видѣ смѣлаго скачка въ отдаленную восточную древность, основу сказанія переноситъ въ домусульманскій Иранъ, когда собака была священнымъ животнымъ. Мусульманамъ, усвоившимъ отъ египтянъ отвращеніе къ собакѣ, староперсидское отношеніе къ собакѣ было омерзительно. По мнѣнію автора, анекдотъ возникъ еще въ первыя времена распространенія мусульманства въ Иранѣ (VIII—IX ст.). Нѣтъ надобности такъ далеко ходить на Востокъ за объясненіемъ анекдота. Иранскій культъ собаки не говоритъ въ пользу иранскаго происхожденія анекдота о собачьихъ похоронахъ, напротивъ, говоритъ противъ такого предположенія. Самыя мусульманскія сказанія о собачьихъ похоронахъ у Ламая и др., на нашъ взглядъ, слишкомъ блѣдны и малосодержательны сравнительно съ западноевропейскими, что даетъ поводъ видѣть въ нихъ не прототипы европейскихъ, а отраженія ихъ, слабые отголоски и искаженія. Можно думать, что фабльо о похоронахъ собаки или завѣщаніи осла возникло въ древности въ Италіи или скорѣе въ Провансѣ, въ свободной обстановкѣ провансальской жизни и провансальской литературы; отцомъ разсказа былъ, можетъ быть, самъ Рютбёфъ, жившій въ Провансѣ, тѣмъ болѣе, что вообще сочиненія Рютбёфа отличаются рѣзкой насмѣшкой надъ духовными и монахами; возможно, что разсказъ возникъ въ близкой къ Рютбёфу сектантской альбигойской средѣ. Распространеніе разсказа обусловлено было внутренней его голью, бойкостью, игривой энергіей, причемъ распространителями могли быть не только сектанты-безпоповцы, но и люди вполнѣ ортодоксальнаго образа мыслей, можетъ быть, даже сами духовные, изъ среды которыхъ вышло не мало сатирическихъ писателей. Извѣстно, что Паули и Рабле были монахи. Тоже повторялось и позднѣе.

Второе малорусское „фабльо“—разсказъ о человѣкѣ, который, по совѣту жены, нарядился въ воловью шкуру съ рогами, чтобы отнять у мужика котелокъ съ деньгами (кладъ) и отнялъ его, но котелокъ присталъ къ его рукамъ, а шкура воловья къ тѣлу. Этотъ разсказъ у Кулиша переданъ въ стихотворной формѣ, у Чубинскаго въ близкой прозаической передачѣ. Кромѣ того,

Библиотека "Руниверс"

существуетъ въ рукописяхъ много варіантовъ этого анекдота. Еще въ началѣ текущаго столѣтія анекдотъ этотъ циркулировалъ въ Великороссіи, и объ немъ упоминаетъ адмиралъ Шишковъ въ письмѣ къ императору Александру I и Завалишинъ въ воспоминаніяхъ своихъ о петербургскихъ легендахъ и событіяхъ 1825 года. Въ историко-литературномъ отношеніи этотъ анекдотъ темный. Указываемыя авторомъ литературныя параллели не даютъ объясненія „эмбріологіи сатиры". Такъ, первый параллельный мотивъ о пріобрѣтеніи бѣднякомъ (или дуракомъ) сокровища отъ разбойниковъ (изрѣдка отъ чертей) такимъ путемъ, что бѣднякъ, скрываясь на деревѣ, роняетъ на разбойниковъ или кожу (вола, тигра) или двери; разбойники разбѣгаются, и бѣднякъ забираетъ ихъ сокровища,—мотивъ, совсѣмъ чуждый анекдоту о жадномъ попѣ. На этотъ мотивъ существуетъ цѣлый самостоятельный циклъ сказокъ. У автора статьи указаны сказки французскія и авганскія. Новые сборники сказокъ принесли цѣлый рядъ сходныхъ варіантовъ, напримѣръ, великорусскій у *Садовникова* 130, польскій въ *Zbiór wiadomości* VIII 305, вотяцкій у *Верещагина* 160. Также далеко отъ нашего анекдота стоитъ другая литературная параллель о ловкомъ ворѣ (сказаніе Геродота о сокровищѣ Рампсенита и др.); объ этомъ мотивѣ есть спеціальная статья акад. *Шифнера* на нѣмецкомъ языкѣ; но теперь накопилось уже много новыхъ варіантовъ, не вошедшихъ въ эту статью. Къ анекдоту близокъ лишь одинъ варіантъ сказки о богатомъ братѣ, отмѣченный авторомъ въ сборникѣ „Русскихъ простонародныхъ легендъ" (1861), но этотъ варіантъ, по моему мнѣнію, оторвался отъ цикла сказокъ о двухъ братьяхъ или о злыдняхъ (типическія сказки у *Чубинскаго* II №№ 110—112) и подчинился анекдоту, и потому не имѣетъ никакого значенія при опредѣленіи генеалогіи анекдота о рогатомъ попѣ. Пока не будутъ найдены западно-европейскіе варіанты нашего анекдота, внѣ случайныхъ и постороннихъ литературныхъ аналогій, можно считать анекдотъ оригинальнымъ произведеніемъ, по всей вѣроятности, южнорусскимъ, можетъ быть, возникшимъ въ близкой къ народу старинной бурлацкой или семинарской средѣ. По внѣшней формѣ оба малорусскіе анекдота относятся къ тому

Библиотека "Руниверс"

литературному разряду „бесѣдъ“, о которомъ мы говорили при разборѣ „Приказки до нюхарей“ Д. И. Эварницкаго. Хронологическія указанія Шимкова и Завалишина, что въ 1825 году анекдотъ пользовался большой популярностью въ Петербургѣ, придаютъ малорусскимъ бесѣдамъ значительную почти столѣтнюю древность, что не лишено значенія при отсутствіи данныхъ для хронологіи этого рода литературныхъ памятниковъ.

Н. Сумцовъ.

Библиотека "Руниверс"

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА И. И. СЕРДЮКОВА.

Авторъ предлагаемой записки Иванъ Ивановичъ Сердюковъ (род. въ 1803, ум. въ 1886 г.), уроженецъ полтавской губ., окончилъ въ 1820 г. курсъ гимназіи въ Черниговѣ, былъ нѣкоторое время вольнымъ слушателемъ въ Харьковскомъ университетѣ и съ 1822 по 1841 гг. служилъ въ Полтавѣ, въ томъ числѣ десять лѣтъ въ канцеляріи бывшаго въ то время малороссійскаго генералъ-губернатора князя Н. Г. Репнина. Въ 1841 г. онъ вышелъ въ отставку и поселился въ мстиславскомъ уѣздѣ, могилевской губ., гдѣ пріобрѣлъ имѣніе и въ 1863—66 гг. состоялъ здѣсь мировымъ посредникомъ. Обладая природнымъ дарованіемъ, наблюдательностью и достаточнымъ для своего времени образованіемъ, И. И. Сердюковъ любилъ посвящать свои досуги литературнымъ занятіямъ: съ 1844 года и почти до самой смерти онъ писалъ и иногда печаталъ много статей преимущественно по сельскому хозяйству, посылалъ высокопоставленнымъ лицамъ записки и проекты по разнымъ вопросамъ государственной, общественной и экономической жизни, составилъ нѣсколько комедій и повѣстей, въ томъ числѣ двѣ повѣсти и одну басню на малорусскомъ языкѣ, сотрудничалъ въ газетахъ и журналахъ, велъ переписку съ учеными и литераторами, а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своей долголѣтней и необыкновенно трудолюбивой жизни усердно занимался составленіемъ Малорусскаго Словаря. Объ этомъ послѣднемъ трудѣ его, совершенно законченномъ, но оставшемся въ рукописи, мы не преминемъ дать нашимъ читателямъ подробныя свѣдѣнія.

Библиотека "Руниверс"

Предлагаемая записка И. И. Сердюкова, представляя довольно полную его автобіографію, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ черты давнопрошедшей жизни и быта; особенно интересны въ этомъ отношеніи его воспоминанія о службѣ въ Полтавѣ (1822—1841 гг.), характеристика тогдашняго чиновничества и дворянства, сообщаемыя имъ свѣдѣнія о князѣ Н. Г. Репнинѣ, котораго онъ весьма близко зналъ и глубоко уважалъ, и т. п. Разсказы Сердюкова тѣмъ болѣе цѣнны, что отличаются необыкновенною, почти документальною точностью и дышатъ искренностью, прямотою и правдивостью—качествами, отличавшими автора и во всей его жизни. Можно отъ души пожалѣть, что такой правдивый и безпристрастный дѣписатель не вышелъ за предѣлы собственной біографіи и не представилъ болѣе широкой картины общественной жизни своей эпохи; тѣмъ не менѣе, какъ убѣдятся сами читатели, и его автобіографія представляетъ значительный историческій интересъ. Говоря преимущественно о себѣ, авторъ отнюдь не рисуется, но просто и правдиво передаетъ то, что оставило болѣе замѣтный слѣдъ въ его памяти. Проживъ долгую, спокойную и счастливую жизнь, онъ на склонѣ дней своихъ съ любовью оглядывается на пройденный имъ жизненный путь, мало помнитъ испытанныя неудачи и горечи, но съ благодарностью вспоминаетъ все свѣтлое и радостное, чѣмъ дарила его судьба. Отсюда—спокойный, благодушный и какой-то жизнерадостный тонъ его воспоминаній.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю благодарность дочери автора, Анастасіи Ивановнѣ Долецкой, за любезное сообщеніе какъ настоящей записки, такъ равно и другихъ бумагъ ея почтеннаго отца, которыми не преминемъ подѣлиться съ читателями нашего журнала.—*Ред.*

Часть первая.

Предокъ мой Яковъ Ивановичъ Сердюковъ происходилъ отъ того Сердюкова, который при Петрѣ I строилъ въ Вышнемъ-Волочкѣ и на рѣкѣ Сеймѣ шлюзы [1]); по фактическимъ

[1]) См. Исторію Голикова о Петрѣ, часть 4, стр... (Примѣч. Сердюкова).

Библиотека "Руниверс"

доказательствамъ, родился онъ въ Путивлѣ 1735 года марта 15, служилъ въ малороссійскихъ полкахъ войсковымъ товарищемъ. Сынъ его Василій родился въ 1757 году іюня 11, служилъ въ нѣжинской полковой канцеляріи писаремъ. Отецъ мой Иванъ Васильевичъ родился 1770 года ноября 13; оставшись сиротою, нигдѣ не служилъ; впослѣдствіи приписался въ черниговской губ. въ городѣ Конотопѣ въ купцы и былъ до смерти градскимъ главою; имѣлъ золотую медаль на аннинской лентѣ [1]). Сначала онъ былъ женатъ на конотопской гражданкѣ козачкѣ Махининой, съ коею имѣлъ сыновей Никиту и Кирилла, дочерей Ксенію и Стефаниду; овдовѣвъ въ 1801 году, онъ женился въ м. Смѣломъ, роменскаго уѣзда, на дворянкѣ, вдовѣ коллежскаго протоколиста Козырловскаго, Иринѣ Анреевнѣ, урожденной Яновской. Я родился 12 ноября 1803 года; послѣ меня сестра Пелагея и братъ Григорій—оба умерли. Первое дѣтство мое прошло при родителяхъ, а на 7-омъ году былъ я отданъ въ м. Смѣлое къ священнику (*пропускъ*) церкви отцу Даніилу. Здѣсь я выучилъ букварь, катехизисъ, книгу „О должностяхъ человѣка“, читалъ псалтырь и писалъ бѣлилами на черной вощеной дощечкѣ. Полный же курсъ этотъ продолжался годъ съ чѣмъ-то; отсюда перешелъ я въ открытое въ Конотопѣ училище. Изъ аттестата, выданнаго мнѣ 13 генваря 1816 года, мы познакомимся, чему и какъ учился я: „Выданъ сей аттестатъ обучавшемуся въ конотопскомъ повѣтовомъ училищѣ ученику 2 класса (т. е. 3-го класса, ибо приготовительный не имѣлъ №) Ивану Сердюкову, о которомъ въ спискахъ значится, что онъ изъ купцовъ, лѣтъ отъ роду 13, въ училище вступилъ 1813 г. августа 8, обучался всѣмъ предметамъ, назначеннымъ по уставу учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ, какъ то: ариѳметикѣ, начальнымъ правиламъ алгебры, простой геометріи, опытной физикѣ, общей и частной естественной исторіи, древней географіи, математической и гражданской географіи, россійскому

[1]) Отецъ мой, по случаю торговли хлѣбомъ и скотомъ, долженъ былъ записаться въ гильдію, но дворянскимъ правомъ пользовался, доказательствомъ чему служитъ то, что онъ имѣлъ 47 душъ крестьянъ, внесенъ по черниговской губ. во 2-ю часть родословной, на основаніи чего братья и я всѣ служили.

Библиотека "Руниверс"

землеописанію и исторіи, начальнымъ свѣдѣніямъ латинскаго языка, познаніямъ техническихъ правилъ, и все сіе продолжалъ съ отличнымъ успѣхомъ и старательностію, и какъ за оные, такъ равно и за благонравное поведеніе заслуживалъ похвалу". Аттестатъ этотъ подписали: смотритель коллежскій ассесоръ Никита Проскуровъ; учитель 12 класса Павелъ Понаревскій. Учитель 12 класса Семенъ Книшовъ; учитель 1 класса низшихъ отдѣленій Потапъ Лещовъ.

Аттестатъ мой объ ученіи я храню для того, дабы припомнить, какъ хорошо прежде учили. Пріймите же, мои добрые наставники, мое искреннее вамъ уваженіе и добрую память. Вы съ нами сидѣли по днямъ, а не по часамъ, и не выходили, пока не удостовѣрялись, что каждый ученикъ знаетъ хорошо свой урокъ или читанный предметъ. Вы старались уяснять предметъ, обходились съ дѣтьми съ чувствомъ наставника, приличнымъ родительскому только сердцу. Вы трудились не для того, чтобы дорогое время убить безполезно, но для того, чтобы возможно было отдать отчетъ начальству и Богу. Миръ праху вашему, доблестные труженики и благодѣтели!

Въ 1816 году повезли меня въ черниговскую гимназію. Меня приняли въ 3-й классъ; здѣсь съ 4 класса уже химія съ опытами, ботаника, физика, высшая математика, французскій, нѣмецкій языки, исторія древняя—составляли главные предметы. Но судьба не дала мнѣ окончить ученія: въ мартѣ мѣсяцѣ 1820 года достигла до меня роковая вѣсть о смерти отца. Не помню, съ кѣмъ и какъ, бросивши всё, я летѣлъ домой, но уже не засталъ его, не обнялъ его въ послѣдній разъ. Первое потрясеніе о потерѣ было ужасно: я рыдалъ, что называется, день и ночь; въ дорогѣ мнѣ еще представлялось, что это извѣстіе мечта; но, когда я убѣдился въ дѣйствительности моего несчастія, со мною сдѣлалось что-то въ родѣ сумасшествія. Мои пароксизмы ослаблялись только обильными слезами и самообольщеніемъ: мнѣ иногда пріятно было воображать, что отецъ ушелъ на время, по своему обыкновенію, шибко, заботливо, что онъ скоро возвратится, заговоритъ съ нами своимъ сладкимъ серебристымъ голосомъ, утѣшитъ насъ какой остротой, оживленной улыбкой... Но увы, мечта

Библиотека "Руниверс"

исчезла, и я долженъ былъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удостовѣряться въ моемъ сиротствѣ. О, какъ я это сильно помню! Въ утѣшеніе я долго ходилъ на могилу моего безподобнаго отца. Онъ былъ строгъ, справедливъ, и я любилъ его отъ всей души [1]).

Характеръ мой началъ тускнѣть, я зажился дома. Въ семействѣ нашемъ пошли раздоры. Братья отъ перваго брака требовали у матушки раздѣла, захватили капиталъ, и мы наконецъ раздѣлили все имѣніе на 5 частей. Я съ матерью и сестрой взяли три части вмѣстѣ.

Слишкомъ полгода просидѣвши дома, я гимназію оставилъ и какъ, по тогдашнему обычаю, уже былъ записанъ въ канцелярію—сначала въ конотопскій земскій судъ, потомъ въ сосницкую полицію и, наконецъ, въ черниговское губернское правленіе, гдѣ служилъ братъ мой (отъ перваго брака матушки) Яковъ Петровичъ Козырловскій,—то я и поступилъ на дѣйствительную службу сюда же. Здѣсь узналъ, что я даже имѣю чинъ коллежскаго регистратора. Меня приструнивали порядкомъ, и я долженъ былъ учиться писать получше гимназическаго.

Наконецъ, мнѣ здѣсь не понравилось. Старушка мать безпрестанно жаловалась на братьевъ отъ перваго брака Никиту и Кирилла, и я перемѣстился въ конотопскій уѣздный судъ, чтобы считалась только служба, на самомъ же дѣлѣ я разъѣзжалъ и повѣсничалъ. Между тѣмъ Козырловскій перешелъ въ Полтаву въ канцелярію малороссійскаго военнаго губернатора, князя Репнина. Онъ меня туда тянулъ, но мнѣ хотѣлось доучиться.

Собравъ нѣсколько денегъ, отправился я въ Харьковъ и поступилъ вольнымъ слушателемъ въ университетъ; это было въ 1822 году. Меня занимала медицина [2]). Два года я трудился

[1]) Одинъ разъ безъ дозволенія отца я пріѣхалъ домой. Отецъ далъ мнѣ три дня отдохнуть, потомъ отправилъ на волахъ. Каково было ѣхать по холоду въ сутки 25 верстъ? Онъ самъ всегда платилъ за квартиру, справлялъ одежду и отпускалъ въ мѣсяцъ на галду (лакомство) полтину ассигнаціями.

[2]) *Примѣч. вдовы автора*: „Всегда интересовался медициной, выписывалъ книги, удачно лѣчилъ крестьянъ, которые со всего округа приходили къ нему за совѣтами; имѣлъ домашнюю аптеку, изъ которой всегда безплатно раздавалъ лѣкар-

Библиотека "Руниверс"

крѣпко, но мои средства истощились, а мать тоже прожилась; слѣдовательно, для поправленія своихъ обстоятельствъ долженъ былъ возвратиться домой. Мать приняла меня холодно, потому что приняла къ себѣ жить дочь свою отъ брака съ Козырловскимъ, Наталію Петровну, а имѣніе передала сыну своему, Якову Петровичу Козырловскому; доставшаяся же мнѣ часть хутора въ кролевецкомъ уѣздѣ не приносила ровно никакого дохода. Моя родная сестра Пелагея, несчастно вышедшая замужъ за нѣкоего Носова, овдовѣла и вновь вышла за бѣднаго дворянина Стасевича.

По всѣмъ этимъ семейнымъ непріятностямъ, я отдалъ хуторъ сестрѣ, самъ уѣхалъ въ Полтаву къ Козырловскому и заставилъ его опредѣлить и меня въ канцелярію Репнина, куда я и поступилъ 10 декабря 1824 года. Здѣсь я узналъ, что имѣю чинъ коллежскаго секретаря, а 31 декабря 1825 года произведенъ и въ титулярные. О моей служебной карьерѣ хлопоталъ Козырловскій.

Въ канцеляріи нашелъ я общество, которому могъ сочувствовать. При Репнинѣ служило много аристократовъ, т. е. богачей, напримѣръ: Григорій Степановичъ Почека-Тарнавскій, имѣвшій 7000 душъ и къ тому домъ; Алексѣй Демьяновичъ Оболонскій, тоже имѣвшій, но промотавшій 1000 душъ; Левъ Григорьевичъ Милорадовичъ, богатый и скромный; Скоропадскій Алекс. Петровичъ, бывшій богачъ; Василій Ивановичъ Паульсонъ—2000 душъ съ музыкою, Андрей Андреевичъ Кандиба, богачъ и скупецъ; и много имъ подобныхъ и безподобныхъ молодыхъ людей, кромѣ чиновниковъ, работавшихъ за нихъ, и адъютантовъ; кругъ этотъ мнѣ пріятно припомнить. Правители перебывали при мнѣ многіе: 1-й) Николай Михайловичъ Новиковъ, надворный совѣтникъ, умница и декабристъ, котораго, еслибы не умеръ, постигла бы участь Пестеля и прочихъ несчастныхъ. 2-й) Д. с. с. Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Камен-

---

ства. Собиралъ травы, умѣлъ составлять декокты, которые прекрасно помогаютъ отъ мѣстныхъ болѣзней (золотухи, водянки, лихорадки, отъ послѣдней особенно удачно). Изучалъ болѣзни скота и оставилъ руководство къ ихъ изученію".

Библиотека "Руниверс"

скій, бывшій въ Тобольскѣ губернаторомъ, писатель. 3-й) Д. с. с. Лука Максимовичъ Дьяковъ, полтавскій помѣщикъ и хлѣбосолъ. 4-й) Алексѣй Алексѣевичъ Имберхъ, бывшій аудиторъ, человѣкъ ненавидимый нами за педантизмъ и наушничество. 5-й) Ассигкритъ Леонтьевичъ Спаскій, дуракъ, впослѣдствіи получившій столбнякъ. 6-й) Князь Григорій Александровичъ Баратовъ—краснобай, ничего дѣла не понимавшій. 7-й) Федоръ Андреичъ Максимовичъ, изъ секретарей, студентъ харьковскаго университета, тоже краснобай, но дѣловой. При немъ я выбылъ, или онъ меня перевелъ въ ассесоры палаты. Прочіе чиновники: Секретарь: 1) Никифоръ Александровичъ Христіановичъ, напряженнаго ума, съ чахотки умершій; 2) Иванъ Максимовичъ Косачъ, шарлатанъ и недобрый человѣкъ; помощники: 1) Иванъ Степановичъ Якимовичъ, простой и хитрый хохолъ; 2) Григорій Петровичъ Шульжевскій, простакъ; 3) Яковъ Петровичъ Козырловскій, мой братецъ, канцелярская строка; 4) Я, рано приходившій и поздно уходившій; 5) Николай Петровичъ Бѣлавинъ, воспитанникъ полтавской гимназіи. Канцелярскіе: студентъ харьковскій, Николай Григорьевичъ Гриневичъ, Петръ Лукичъ Ковалевскій, Петръ Акимичъ Пригара, Хруцкій, воспитанникъ Репнина; Федоръ Федоровичъ Киселевъ, впослѣдствіи предсѣдатель полтавской казенной палаты, Иванъ Яковлевичъ Кальбовскій, два брата Езерскіе, Мельниковъ, Соколовъ, впослѣдствіи совѣтникъ палаты губернскаго правленія, Максимовичъ, Гладыревскій и еще не припомню человѣкъ десятокъ. Адъютанты были всѣ молодцы:—1) Адріанъ Прокофіевичъ Устимовичъ, впослѣдствіи курскій губернаторъ; 2) Владиміръ Петровичъ Бибиковъ; 3) Владиміръ Александровичъ Баратынскій, братъ писателя; 4) Сергѣй Ивановичъ Головинъ; Петръ Петровичъ Ханыковъ, чиновникъ особыхъ порученій.

Въ этомъ обществѣ, полномъ единодушія и соревнованія, я занялся службою со всею пылкостію юной души и въ часы досуга любилъ слѣдить за литературой. Въ то время Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Батюшковъ, Баратынскій, Жуковскій, Рылѣевъ, Бестужевъ (Марлинскій), Булгаринъ, занимали меня чрезвычайно. Сочиненія всѣхъ ходили по рукамъ, какъ драгоцѣнность, сначала

Библиотека "Руниверс"

рукописныя—онѣ и доселѣ у меня хранятся собственной руки. По моему прилежанію и живому характеру, я сдѣлался скоро замѣтнымъ лицемъ и познакомился съ многими полтавскими помѣщиками, а по музыкѣ моимъ товарищемъ сдѣлался гитаристъ Самуйловичъ, у котораго я бралъ уроки на семиструнной гитарѣ, и такъ увлекся этимъ инструментомъ, что игралъ отлично. Впослѣдствіи познакомился въ Петербургѣ съ знаменитымъ гитаристомъ и композиторомъ Сихрою и игралъ съ нимъ дуэты, для которыхъ мы съ нимъ изобрѣли особые терцъ-гитары.

Содержаніе въ Полтавѣ я имѣлъ съ небольшого жалованья и казенную квартиру вмѣстѣ съ Козырловскимъ, а по случаю знакомства съ помѣщиками и удачнаго ходатайства по ихъ дѣламъ, какія мнѣ были поручаемы,—я прослылъ маленькимъ юристомъ. Въ 1828 году я уже былъ столоначальникомъ въ канцеляріи военнаго губернатора; слѣдственно, это одно званіе меня всѣмъ рекомендовало. Мнѣ удавались дѣла такія, что я уже получалъ и вознагражденіе деньгами, лошадьми и даже людьми. Въ это время жили въ Полтавѣ такъ называемые тузы или малороссійскіе паны: Кочубей, Оболонскій, Дьяковъ, Бабанскій, Левенецъ, Лесевицкій; они, подражая генералъ-губернатору Репнину, который дѣлалъ частые балы, жили такъ же открыто и почти всѣ прожили состояніе. Изъ нихъ М. Н. Лесевицкій, промотавшій около 2000 душъ, предъ смертью сдѣлалъ духовное завѣщаніе въ пользу жены своей Татьяны Дмитріевны, по которому назначилъ душеприкащиками Адріана Денисьевича Лантухова, секретаря канцеляріи генералъ-губернатора, и брата моего Якова Петровича Козырловскаго. Послѣ смерти Лесевицкаго душеприкащики эти, какъ друзья его, приняли живое участіе въ дѣлахъ вдовы. Она тогда была во цвѣтѣ лѣтъ и, кажется, не болѣе 25-ти лѣтъ, принимала ихъ какъ родныхъ, и время текло пріятно. Она жила въ Полтавѣ въ наемной квартирѣ. Я не былъ знакомъ съ нею. Въ одинъ изъ прекрасныхъ вечерковъ Татьяна Дмитріевна сидѣла у раствореннаго окна и наслаждалась природой, гости ея также притихли, любуясь полтавскими тополями и душистыми цвѣтами, предъ самыми окнами на бульварѣ растущими. Въ это самое время по тротуару пробѣжалъ я, кажется

Библиотека "Руниверс"

спѣшилъ къ моему метру на уроки, и Татьяна Дмитріевна, сидѣвшая у окна, замѣтивъ меня, обратилась къ Якову Петровичу и поспѣшно спросила, указывая на замѣченную ею фигуру:

— „Скажите пожалуйста, кто это промчался въ круглой шляпѣ и въ синей гроденаплевой шинели?“ [1]).

— Это мой братецъ, отвѣчалъ Я. П—чъ, взглянувъ на удалявшагося меня.

— „Хороши же вы, любезный Яковъ Петровичъ, что о сю пору не познакомили меня съ вашимъ братцемъ! Прошу упущеніе это исправить и надѣюсь—вы скоро постараетесь къ нашему обществу прибавить еще одну особу“.

Слова эти были приправлены пріятной улыбкой и самымъ дружескимъ тономъ.

На другой же день въ гостинной Татьяны Дмитріевны явился я. Мнѣ тогда былъ 21 годъ. Я вступилъ робко и не помню, какимъ способомъ себя рекомендовалъ; но хозяйка скоро меня ободрила, привѣтствуя самымъ симпатическимъ голосомъ:

— Я недавно узнала объ васъ, говорила она, и чрезвычайно интересуюсь познакомиться въ вами. Мнѣ такъ много объ васъ говорили, и встрѣча съ вами для меня очень пріятна. Прошу садиться!

Въ отвѣтъ на это я, помнится, покраснѣлъ, неловко поклонился и сѣлъ подальше отъ хозяйки. У нея тогда были: хозяйка дома, дѣвица Елена Прокофьевна Морозова, и приживалка Варвара Абрамовна Тушинская, жена извѣстнаго и знаменитаго биллiарднаго игрока Тушинскаго. Т. Д. имъ меня отрекомендовала, какъ братца знакомаго ихъ Якова Петровича и уже какъ артиста. Разговоръ шелъ объ музыкѣ. Татьяна Дмитріевна сѣла за фортепіанъ, сыграла что-то изъ „Волшебнаго Стрѣлка“, полонезъ Огинскаго, и мы, какъ музыканты, пошли смѣлѣе по комнатѣ и вдались въ разговоры поэтическіе. Визитъ мой былъ съ 11 до 1 часу. Я долженъ былъ поспѣшить на должность и при прощаніи, конечно, былъ приглашенъ въ тотъ же день на обѣдъ.

---

[1]) Въ 1826 году была у молодежи мода носить синія шинели съ черными бархатными воротниками, подложенными синимъ же гроденаплемъ. Отъ этой подкладки назывались и „гроденаплевыя шинели“.

Библиотека "Руниверс"

По обыкновенію, Т. Д. жила открыто;—у нея было свое состояніе и кромѣ того съ мужняго состоянія, бывшаго въ опекѣ, отпускалось достаточное содержаніе. Всякій день гости не выходили, а препровожденіе времени, по тогдашнему, было такое: въ часъ пріѣзжаютъ, разсказываютъ современныя политическія событія, городскія новости, потомъ закусываютъ, обѣдаютъ, мужчины за столомъ пьютъ водку, вино, наливки; послѣ обѣда кофе; черезъ часъ-другой играютъ въ фанты, лѣтомъ вечеромъ идутъ гулять, а зимою—кто садится въ карты, а молодежь играетъ и танцуетъ. Иные вечера, бывало, читаемъ; у Татьяны Дмитріевны была отличная библіотека, она женщина была образованная, между тѣмъ въ то время новости поэзіи занимали всѣхъ, и я нерѣдко читалъ въ гостинной ея: Жуковскаго—Громобоя, Пушкина—Бахчисарайскій фонтанъ, Онѣгина, Рылѣева—Войнаровскаго или Думы, Барятинскаго—Оду, Грибоѣдова—Горе отъ ума и т. д. Въ обществѣ нашемъ нельзя указать на особыя связи; здѣсь, кромѣ указанныхъ мною лицъ, бывало много другихъ знакомыхъ—изъ пріѣзжавшихъ въ Полтаву военныхъ офицеровъ: Шкилевъ, Степановъ [1]); сосѣдей Татьяны Дмитріевны было такъ много, что ихъ всѣхъ перечислять было бы излишне, а изъ болѣе посѣщавшихъ ее были мои товарищи: П. П. Куриловъ, В. П. Бибиковъ, Я. П. Козырловскій, А. Д. Лантуховъ, князь Г. А. Баратовъ, его жена, а также многія полтавскія дамы и дѣвушки, что называется, бывавшія запросто.

Такъ проходили дни за днями. Собственно я пользовался книгами изъ библіотеки Т. Д., иногда игралъ на гитарѣ съ фортепіаномъ. Иногда ѣздили къ ней въ деревню, въ сопровожденіи многихъ ея знакомыхъ, но съ непремѣнною ея подругою Тушинскою. Любезность хозяйки и особенное ко мнѣ вниманіе ея

---

[1]) Степановъ написалъ стихи, въ коихъ воспѣлъ всю компанію, въ томъ числѣ и обо мнѣ четырехстишіе:

„Сердюковъ, сядь межъ насъ отъ скуки,
Пусть игрой пріятною твоей
Заглушимъ мы сердца муки
И запьемъ шампанскаго струей!“.

(Я игралъ на гитарѣ).

Библиотека "Руниверс"

увлекли мои чувства до дружбы,—мнѣ уже становилось слишкомъ пріятно бывать у нея, и мы симпатизировали. Я дѣлался неравнодушенъ къ ея масляннымъ взглядамъ, къ ея откровенности и непринужденной граціи, съ которою она всегда со мною болѣе другихъ любезничала. Въ ней съ добротою сердца и веселымъ характеромъ соединялась бездна самаго милаго природнаго кокетства, перемѣшаннаго то съ дѣтскимъ проказничествомъ, то вдругъ съ неприступнымъ величіемъ. Росту она была средняго, полненькая, лицо круглое, носъ вздернутый, глаза большіе черные, волосы темные, въ локонахъ, подвязанные лентой или наброшенные золотою сѣточкой. Она не любила женскаго общества, даже не умѣла держать себя въ немъ, предпочитая молодыхъ людей, особенно изъ литераторовъ, которыхъ между нами, правду сказать, не было, но по крайней мѣрѣ, тогда мы бредили поэзіей: я, Куриловъ, Шкилевъ (гусаръ), Долгела,—доставляя Татьянѣ Дмитріевнѣ забаву собственными импровизаціями и комическими очерками; напримѣръ: я писалъ стихи, Куриловъ сочинилъ комедію „Бедичева и Миничъ“—двѣ курiозныя личности; Шкилевъ писалъ свои идиллiи „Къ друзьямъ“, Долгела смѣшилъ каррикатурами.

Она меня видимо выдвигала на первый планъ, но всѣ мои мечты разлетались, когда являлись Яковъ Петровичъ и Лантуховъ; при нихъ я превращался въ гоголевскую песчинку; я видѣлъ ясно, что они на меня не довольны; у нихъ поселилась ревность, самолюбіе ихъ подъѣдающая, тогда какъ они давно бросили межъ собой жребій, кому изъ нихъ должна принадлежать вдовушка. Но разсчетъ ихъ былъ невѣренъ: она ихъ ласкала, какъ близкихъ къ дѣламъ ея людей, до платонизма же было великое разстояніе. Ея ровное обращеніе со всѣми имъ не нравилось, они присваивали себѣ первенство; замѣтя же нѣкоторую ея со мною свободу, друзья начали охладѣвать и мало по-малу перестали бывать у Татьяны Дмитріевны. Быть можетъ, въ этомъ была и ея политика, но я чистъ душою—никогда не желалъ мѣшать никому, напротивъ, съ простодушной услужливостью хлопоталъ о вниманіи къ себѣ всѣхъ ея окружающихъ. Правда, что вдовушка, и притомъ бездѣтная, многихъ интересо-

Библиотека "Руниверс"

вала,—но вѣдь симпатія составляется изъ тѣхъ тонкихъ чувствъ и понятій, которыя, что называется, сходятся къ одному полюсу, и если Татьяна Дмитріевна ни одного изъ душеприкащиковъ и другихъ посѣтителей не принимала, какъ бы имъ хотѣлось,—дѣло понятное при ея свѣтломъ умѣ и испытанномъ сердцѣ. Она имѣла мужа, по образованію приличнаго и притомъ молодого, красиваго и богатаго, провела съ нимъ лучшіе дни жизни въ вихрѣ и бурѣ, вышедши замужъ на 13-мъ году, испытала всѣ фазисы кокетливой и ревнивой салонной радости,—то что же здѣсь уже ей осталось съ нами, крючкотворами, дѣлать, когда душа ея летала въ области поэзіи и искала другой пищи?

Когда Козырловскій и Лантуховъ отказались отъ дѣлъ Татьяны Дмитріевны, я долженъ былъ предложить свои услуги и волей или неволей сдѣлаться, такъ сказать, ея домашнимъ другомъ. Въ такое время, когда безъ всякой причины бросили ее друзья мужа, подобное предложеніе было оцѣнено въ высшей степени. Дѣла Т. Д. главныя: одно съ Д. С. С. Марковымъ по поручительству ея за мужа въ 50 тысячъ рублей, другое—о духовномъ завѣщаніи мужа, которое оспаривалъ братъ его С. Н. Лесевицкій; третье—о должныхъ Григ. Дмитр. Заньковскимъ вдовѣ 45000 руб.

Между тѣмъ я не ослабѣвалъ и по службѣ. Въ 1828 году ѣздилъ съ Репнинымъ въ Черниговъ, для встрѣчи проѣзжавшей тогда государыни Александры Ѳеодоровны; со мною составляли походную канцелярію: Ѳед. Ѳед. Киселевъ и Ларіонъ Ив. Трощинскій, адъютанты: Бибиковъ, Баратынскій и Устимовичъ. Въ 1829 году я управлялъ коммисіею, составленною изъ 20 членовъ, въ томъ числѣ находился и бывшій секретарь генералъ-губернатора Лантуховъ. Коммисіи этой было поручено привести въ порядокъ старыя дѣла бывшихъ генералъ-губернаторовъ: князя Куракина и Лобанова-Ростовскаго. Въ теченіе года разобрано и переплетено 40,000 дѣлъ. За это отъ Репнина 3 марта 1830 года изъявлена мнѣ въ оффиціальномъ приказѣ благодарность.

Библиотека "Руниверс"

Было время, что я долго не навѣщалъ Татьяну Дмитріевну. Сначала мнѣ было скучно, потомъ мало-по-малу скука проходила, и я началъ было радоваться, что могу имѣть случай сдѣлать отвычку отъ женщины, которая мнѣ ужъ очень нравилась, но чувство это тщательно было сокрыто; слѣдственно, чтобы оно вовсе исчезло, я желалъ отъ всей души. Но въ одинъ изъ прекрасныхъ дней получаю слѣдующую записку: „Любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ! Я васъ не вижу уже нѣсколько дней, кажется—нѣсколько, между тѣмъ какъ дѣла мои требуютъ вашего совѣта. Васъ я иначе не могу принять, какъ у себя и, къ сожалѣнію, не въ городѣ, потому что меня въ деревнѣ удерживаетъ тоска... Прошу же васъ пожаловать туда на посылаемыхъ лошадяхъ и обрадовать своимъ пріѣздомъ готовую къ вашимъ услугамъ Т. Л. марта 12, 1829 года".

Записка эта дала мнѣ новую живучесть, я перечитывалъ ее нѣсколько разъ и симпатизировалъ всему хорошему; настроеніе мое было очаровательно. На другой день я летѣлъ въ Головачъ.

Подъѣхавъ къ крыльцу, быстро соскочивъ съ экипажа, я въ передней былъ встрѣченъ хозяйкой; на ней былъ малиновый бархатный капотъ и граціозная съ цвѣтами куафюра. Она схватила мою руку и, держа ее, сказала самымъ обаятельнымъ голосомъ:

— Не удивляйтесь, мой другъ, моему веселому наряду— мой трауръ уже кончился!"

Надобно замѣтить, что трауръ ея по мужѣ давно окончился, но она доселѣ наряжалась всегда въ черныя платья. Слова Татьяны Димитріевны были сопровождаемы страстью. Мы вошли въ залу, потомъ уединились въ гостинную; тамъ никого не было. Я дрожалъ, во мнѣ забушевали всѣ упорныя мечты.

— Вы озябли? спросила меня хозяйка.

Сердце мое билось, я весь дышалъ пламенемъ и, схвативъ ея руку, не отрывалъ отъ губъ и въ восторгѣ чувствъ говорилъ ей:

— Наконецъ я достигъ моего благополучія. Я имѣю случай облегчить мою грудь признаніемъ, которому давно мѣшали холодные свидѣтели. Я люблю васъ, какъ никого еще не любилъ моей юной, моей пылкой душой!

Библиотека "Руниверс"

— Но пустите меня, вы очень крѣпко жмете мою руку.

Я пустилъ ее, но продолжалъ:

— Я не знаю притворства, моя душа горитъ и, если вы не потушите—она сгоритъ. Потушите пламень, тогда останется благотворная теплота, которая нужна для моей жизни, чтобы любить васъ любовью тихою.

— Успокойтесь, мой другъ, сказала она, положивъ руку на мое плечо; я не скрою, что и я васъ давно люблю любовью для меня доселѣ новою. Тѣнь мужа моего не упрекнетъ меня за любовь мою къ вамъ—но какія слѣдствія ея? Я не могу быть вашей женою, потому что наложила на себя обѣтъ не выходить замужъ, испытавъ много въ замужествѣ несчастія.

И слезы брызнули изъ глазъ ея.

Какъ громомъ пораженный, я стоялъ предъ нею. Мнѣ стало стыдно ласки признанія. Замѣтивъ мое смущеніе, она меня обняла, посмотрѣла въ лицо, улыбнулась и отскочила. Но я схватилъ ее судорожнымъ движеніемъ.—„Позвольте, позвольте“! Я слышалъ слова ея, какъ сквозь сонъ, и остался одинъ среди комнаты. Татьяна Дмитріевна порхнула въ другую комнату и чрезъ нѣсколько минутъ явилась съ холодною свидѣтельницею Тушинскою и со всѣми аттрибутами къ чаю. Я не помню, какъ мы пили чай, что говорили, я не могъ взглянуть ни на что. Со мной говорили нѣжно, улыбаясь, но я весь вечеръ былъ неловокъ. Наконецъ разговоръ о дѣлахъ прекратилъ мое смятеніе. Ночь провелъ я почти безъ сна и на другой день, чуть свѣтъ, уѣхалъ въ Полтаву, не простясь съ хозяйкой.

Что это за чувство? думалъ я. Женщина любитъ и предваряетъ, что не можетъ быть моей женою. Правда, что я моложе ея на нѣсколько лѣтъ, но отчего же нерѣдко старики женятся на молоденькихъ дѣвушкахъ?—а когда такъ, то и молодой мущина можетъ имѣть жену старѣе себя.

Моя неопытность все извиняла; я понималъ все иначе и наконецъ пришелъ къ заключенію, что это—одно кокетство, одна уловка водить меня, что называется за носъ, пока дѣла ея окончу. Хорошо-же, голубушка! Я дѣла окончу, но уже свида-

Библиотека "Руниверс"

нія прекращу или, по крайней мѣрѣ, обращу ихъ въ рѣдкія и оффиціальныя.

Въ Полтавѣ тогда жилъ съ семействомъ уѣздный предводитель Викторъ Ѳедоровичъ Яновичъ, въ домѣ котораго я принятъ былъ, какъ родной. Викторъ Ѳедоровичъ служилъ въ военной службѣ въ 12-хъ годахъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Паскевичемъ. Теперь этотъ Паскевичъ достигъ главнокомандующаго въ Грузіи и пожалованъ графомъ Эриванскимъ. Вспомнивъ Яновича, онъ приглашалъ его на службу въ Грузію, въ канцелярію свою правителемъ. Яновичъ, объ этомъ мнѣ говоря, совѣтовалъ и мнѣ ѣхать съ нимъ. Случай представился искусительный, а мнѣ очень хотѣлось увидѣть Кавказъ, столь поэтически обрисованный Пушкинымъ и Лермонтовымъ,—такъ что я не долго объ этомъ думалъ. Подалъ просьбу Репнину, получилъ прогоны и подорожную, и уже чуть не уѣхалъ; остановилъ меня Яновичъ, пока соберется его семейство, которое просилъ меня провожать до Тифлиса. Самъ Яновичъ уѣхалъ. Это было въ 1830 году. Татьяна Дмитріевна ѣздила тогда въ Москву; возвратясь, узнала, что я уѣзжаю, не могла удержаться, прислала за мной. Я явился къ ней, почти какъ обыкновенный посѣтитель, и замѣтилъ у нея слезы; она съ чувствомъ спросила:

— Неужели вы хотѣли уѣхать, не простившись со мною?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, дѣла ваши я приготовилъ къ сдачѣ брату вашему съ полными наставленіями, какъ продолжать ихъ далѣе, и не думалъ, чтобы мое отсутствіе измѣнило добрыя наши отношенія; но согласитесь, терять карьеру я не могу, не долженъ; я весь посвященъ службѣ и отъ нея ждать долженъ благодарности и обезпеченія, а болѣе ни отъ кого!

— Напрасно вы не надѣетесь на друзей, сказала она съ примѣтнымъ огорченіемъ. Но если вы ищете славы—пусть вамъ Богъ поможетъ. Я вамъ не препятствую. Прошу только меня не забывать, и пока вы уѣдете, еще хотя нѣсколько часовъ удѣлить вашей поклонницѣ.

Дѣйствительно, послѣ этого я еще не могъ выѣхать, потому что Яновичева не приготовилась. Вдругъ всѣ обстоятель-

Библиотека "Руниверс"

ства неожиданно чрезвычайно измѣнились. Весною въ мартѣ мѣсяцѣ пронеслась ужасная вѣсть, что въ Грузіи появилась болѣзнь, доселѣ еще неизвѣстная,—холера, отъ которой всякій, кто только дохнетъ тѣмъ воздухомъ, долженъ умереть непремѣнно. Яновичева получила письмо пріостановиться съ поѣздкою; слѣдственно, и я долженъ былъ остаться и потому подалъ обратно прошеніе Репнину и по прежнему остался въ его канцеляріи [1]). Никто столько этому не обрадовался, какъ Татьяна Дмитріевна,—и мы зажили по прежнему; я уже бывалъ у нея почти всякій день.

Вскорѣ послѣ этого графъ Паскевичъ-Эриванскій назначенъ въ Варшаву, куда отправился и Яновичъ съ своимъ семействомъ. Тѣмъ прекратились и отношенія наши. Я могъ бы ѣхать въ Варшаву, но случай, съ Яновичемъ происшедшій въ Тифлисѣ—въ него стрѣлялъ одинъ чиновникъ за грубое обращеніе,-остановилъ и меня искать далѣе его протекціи. Впрочемъ, по возвращеніи его изъ Варшавы черезъ нѣсколько лѣтъ мы свидѣлись довольно пріятно.

Между тѣмъ въ 1830 году, во время возстанія Польши, по которому и Паскевичъ туда назначенъ, въ Малороссіи формировались козачьи полки по манифесту императора Николая Павловича на такомъ основаніи, какъ было это въ 1812 году. Имъ обѣщанъ по окончаніи компаніи возвратъ въ дома, а поступившимъ изъ гражданскихъ чиновниковъ въ офицеры—переименованіе въ военные чины. Въ такой надеждѣ все закипѣло, и менѣе нежели въ мѣсяцъ полтавская и черниговская губерніи выставили 8 полковъ, по тысячѣ каждый, а дворяне купили лошадей и сбрую. Козаки шли всѣ охотно; между ними много было такихъ, которые оставили женъ, дѣтей и довольно значительное состояніе. Здѣсь вполнѣ проявился козачій героизмъ, и я тогда только повѣрилъ малороссійской исторіи, въ которой борьба Хмельницкихъ, Наливайковъ и другихъ героевъ Украйны съ поляками мнѣ казалась невѣроятною. Судилъ прежде я такъ

[1]) Не разъ И. И. говорилъ, что очень сожалѣетъ, что упустилъ случай побывать на Кавказѣ, и не видалъ этой богатой дарами природы страны. Все, что издавалось о Кавказѣ, читалъ съ большимъ интересомъ (Примѣч. вдовы автора).

Библиотека "Руниверс"

потому, что въ мирной жизни малороссъ, кажется, отъ воловъ не могъ ступить ни шагу, любилъ играть природою и жизнью шутя, вѣчный юморъ его представлялъ его какъ-бы беззаботнымъ. Но нужно знать этотъ истинно добрый и смышленный народъ: въ часы невзгоды, въ серіозныхъ дѣлахъ—это львы неукротимые и самые правдивые поборники славы, но славы для мира и любви; какъ истинные христіане, они щадятъ враговъ, но какъ любящіе родину—защищать ее готовы на жизнь и на смерть.

Полки пошли, стали на границахъ, и по случаю скораго окончанія компаніи послѣдовало распоряженіе возвратить ихъ домой. Кажется, въ концѣ 1831 года уже нѣкоторые возвратились въ объятія родины;—но вдругъ въ генварѣ мѣсяцѣ 1832 года, на имя генералъ-губернатора послѣдовалъ новый манифестъ или рескриптъ: „бывшихъ 8 козачьихъ полковъ собрать и изъ нихъ 6 распредѣлить въ регулярныя войска, а 2 сформировать въ одинъ и отправить на Кавказъ". Такое неожиданное извѣщеніе и политическая ошибка черезвычайно взволновали всю Малороссію. Несчастные козаки, вопреки обѣщанію и примѣру 1812 года, вмѣсто домовъ должны возвратиться въ полки на 18 лѣтъ, тогда какъ изъ нихъ почти всѣ шли охотой изъ такихъ людей, которые оставили дома, свои семьи и даже богатство на короткое время, и теперь должны были все бросить; но Высочайшая воля все остановила. Князь Репнинъ назначилъ три пункта: Полтаву, Черниговъ и Лубны. Въ эти пункты велѣно собирать распущенные полки и сдавать прибывшимъ туда, по распоряженію военнаго министра, офицерамъ. Этого мало—послѣдовало новое распоряженіе: „всѣхъ неспособныхъ перемѣнить годными, для чего открыть и рекрутскія присутствія".

Въ сборные пункты назначены распорядителями: въ Полтаву самъ генералъ-губернаторъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ; въ Черниговъ—чиновникъ особыхъ порученій Адріянъ Прокофіевичъ Устимовичъ; въ Лубны полковникъ Петръ Петровичъ Ханыковъ и я. Мы пріѣхали въ Лубны въ февралѣ мѣсяцѣ 1832 года, тотчасъ учредили летучую почту между причисленными къ нашему пункту уѣздами: Лубенскимъ, Лохвицкимъ, Гадяцкимъ, Золотоношскимъ, Переяславскимъ, Ирятин-

Библиотека "Руниверс"

скимъ и Миргородскимъ, вытребовали всѣхъ 2000 человѣкъ возвратившихся козаковъ, представили ихъ въ открывшееся рекрутское присутствіе, свидѣтельствовали и неспособныхъ или болѣзненныхъ перемѣнили другими [1]) и сдали прибывшимъ изъ полковъ офицерамъ. Этимъ мы занимались по генварь 1833 года, почти годъ. Всякій день мы съ полковникомъ Ханыковымъ объѣзжали разставленныхъ по деревнямъ такъ называемыхъ рекрутовъ, ласкали ихъ, поили сбитнемъ, кормили калачами и хорошимъ обхожденіемъ облегчали ихъ жалкую участь. Въ Полтавѣ же и въ Черниговѣ вспышка была;—но безпорядки, какъ обыкновенно ихъ у насъ называютъ, были прекращены оружіемъ. Тревожное это время вечерами мы сокращали въ домѣ Петра Марковича Полторацкаго, у котораго двѣ прекрасныхъ дочери и молодой человѣкъ сынъ составляли наше общество, вмѣстѣ съ пріѣзжавшими городскими чиновниками. За распредѣленіемъ козаковъ по прежнему возвратились въ Полтаву къ своимъ должностямъ и получили награды: Ханыковъ крестъ, а я, по неимѣнію тогда еще пряжки за XV лѣтъ, награжденъ брилліантовымъ перстнемъ въ 500 рублей [2]).

Между тѣмъ дѣла князя Репнина приходили въ упадокъ. Онъ, бывши еще въ 1814 году назначенъ въ Дрезденъ вице-королемъ, жилъ тамъ роскошно, надѣлалъ много долговъ; поэтому назначена была коммисія или попечительство въ Петербургѣ изъ графа Александра Христофоровича Бенкендорфа и дѣйст. ст. совѣтника Лубьяновскаго. Къ этому присоединился жандармскій доносъ за недостатокъ казенныхъ суммъ, и князя отозвали въ С.-Петербургъ въ члены Государственнаго Совѣта. На его мѣсто въ августѣ 1835 года прислали графа Строганова, коему и поручено разслѣдованіе о казенныхъ суммахъ. Предвидя это, я успѣлъ перейти въ Казенную Палату ассесоромъ, куда опредѣлился 19 мая 1834 года.

---

[1]) Перемѣнили и такихъ, которые заболѣли на службѣ—хотя кратковременной, но все же нарушившей здоровье. Это еще болѣе была вопіющая несправедливость, которую обнаруживали козаки и даже общество. (Пр. И. И. Сердюкова).

[2]) Родственники разсказывали намъ, что онъ пользовался большимъ расположеніемъ козачьяго населенія. Былъ случай въ Ромнахъ, что козаки выпрягли изъ его кареты лошадей и везли ее сами нѣкоторое время съ криками радости. (Пр. внукъ автора).

Библиотека "Руниверс"

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1835 года я былъ въ Петербургѣ и ежедневно бывалъ у Репнина[1]). Онъ меня просилъ найти ему человѣка, способнаго заниматься дѣлами. Недолго я въ этомъ затруднялся: со мною жилъ тогда служившій въ гофъ-интендантской конторѣ Василій Алексѣевичъ Соколовскій, который на другой же день поступилъ къ Репнину. Репнинъ квартировалъ противъ Михайловскаго дворца, въ домѣ Бодиско; его посѣщали всѣ земляки, кто только пріѣзжалъ изъ Полтавы,—но мы недолго наслаждались удовольствіемъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Царскомъ Селѣ назначены были маневры, куда обыкновенно приглашались всѣ генералъ-адъютанты, въ томъ числѣ и Репнинъ. Это, помню, было въ воскресенье; князь уѣхалъ въ Царское Село; мы предполагали, что онъ возвратится на другой день, но къ удивленію князь пріѣхалъ къ обѣду. Разстроенный, со слезами на глазахъ, онъ сказалъ, что Государь чрезъ Бенкендорфа не приказалъ ему являться. На другой день мы читали приказъ: „Членъ государственнаго совѣта князь Репнинъ увольняется вовсе отъ службы". Послѣ этого князь и княгиня тотчасъ собрались и уѣхали заграницу. Сынъ ихъ Василій Николаевичъ исключенъ изъ званія камеръ-юнкера.

Что это значитъ? За что такая немилость? Мы долго не могли разгадать, и наконецъ объяснилось вотъ-что:

Въ бытность Государя Николая Павловича въ 1829 г. въ Полтавѣ, Репнинъ просилъ денегъ на постройку Института, который завела тамъ супруга его, княгиня Варвара Алексѣевна въ собственномъ Репниныхъ домѣ, пришедшемъ въ ветхость. Государь согласился и спросилъ: „Сколько нужно?". Репнинъ удовольствовался 200000 рублей ассигнаціями. По возвращеніи Государя въ Петербургъ, велѣно министру составить планъ и отослать къ Репнину. Планъ прислали, учреждена коммисія для постройки института, начали строить, дошли до половины, хватились, анъ 200/т. мало. Тогда Репнинъ сконфузился. Просить добавки было стыдно предъ Государемъ,—поэтому, начали прибавлять изъ соб-

[1]) Съ большимъ уваженіемъ относился къ памяти Репнина и хотѣлъ писать его біографію; обращался постоянно къ его наслѣдникамъ о доставленіи нѣкоторыхъ свѣдѣній. (Примѣч. вдовы автора).

Библиотека "Руниверс"

ственныхъ средствъ, напримѣръ: столяровъ и плотниковъ выписали изъ имѣній князя, кирпичный заводъ устроили на свой счетъ. Но громадное въ 4 этажа зданіе съ двумя двухъэтажными флигелями и службами еще потребовало денегъ, которыхъ у Репниныхъ, не оставлявшихъ жить роскошно, все также не было лишнихъ. Тогда Репнинъ вздумалъ занять изъ суммъ Приказа Общественнаго Призрѣнія. Онъ призвалъ непремѣннаго члена Павла Степановича Стеблинъ-Каминскаго, велѣлъ разъ принести 50 тысячъ, въ другой, третій и четвертый, и такимъ образомъ, набралъ еще 200000 рублей. Репнины располагали продать часть имѣнія и взнести эти деньги или спросить черезъ министра добавку,—но вдругъ обстоятельства измѣнились: князь уволенъ отъ должности, и имѣніе взято въ опеку. Когда же пріѣхалъ въ Полтаву графъ Строгановъ и все узналъ, то донесъ Государю, и это роковое донесеніе какъ разъ получено въ день вышеупомянутыхъ маневровъ въ Царскомъ Селѣ. Вотъ почему Государь очень былъ недоволенъ и не принялъ Репнина.

По увольненіи Репнина изъ Государственнаго Совѣта прислана была въ Полтаву коммисія, составившаяся изъ д. с. с. Ганекау и контролера государственнаго контроля Больмана. Они открыли, что зданіе (между тѣмъ институтъ совершенно былъ оконченъ) оцѣнено въ 465 тысячъ рублей. Слѣдовательно, здѣсь открытъ одинъ безпорядокъ Репнина, или лучше сказать, была его неосторожность, что онъ безъ разрѣшенія министра занялъ въ Приказѣ деньги, а въ существѣ не токмо не было утайки или злоупотребленія въ свою пользу, но еще 65 тысячъ дѣйствительно издержали князья изъ собственныхъ средствъ. Послѣ этого коммиссія уѣхала, а Стеблинъ-Каменскій удаленъ отъ должности. Князь Репнинъ проживалъ заграницею, большею частію въ любимомъ имъ Дрезденѣ, а въ 1841 году возвратился въ Малороссію и въ имѣніи своемъ, полтавской губерніи пирятинскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Яготинѣ, умеръ 16-го іюня 1841 года. Имѣніе Яготинъ съ 5000 душъ досталось сыну его кол. ассесору Василію Николаевичу Репнину. Это только и уцѣлѣло отъ 22 тысячъ душъ, которыхъ коммиссія распродала разнымъ лицамъ; въ томъ числѣ и Лубьяновскій купилъ 5000 душъ и долги всѣ уплатилъ

Библиотека "Руниверс"

Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, происходящій отъ древней фамиліи, родился въ 1777 году отъ князя Григорія Васильевича Волконскаго и отъ матери изъ Репниныхъ, которыхъ родъ въ мужской линіи пресѣкся, и потому, вслѣдствіе просьбы отца, въ царствованіе Александра I-го была ему присвоена фамилія Репнина-Волконскаго; братья же его Николай Григорьевичъ, бывшій при дворѣ егермейстеромъ, и другой, Сергѣй Григорьевичъ, служившій генералъ-маіоромъ, изъ декабристовъ, несчастный, назывались просто князья Волконскіе. Николай Григорьевичъ женатъ на графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Разумовской, имѣлъ дѣтей: сына Василія и дочерей Варвару и Марью. Изъ нихъ первая осталась и умерла дѣвушкой, а Марья вышла за графа Кушелева-Безбородка. Василій Николаевичъ, сынъ, женатъ на Балабиной. Николай Григорьевичъ служилъ отлично при Александрѣ Павловичѣ, достигъ полнаго генерала и былъ генералъ-адъютантомъ. Въ свое время красавецъ и въ отечественную войну былъ назначенъ въ Дрезденъ вице-королемъ. Онъ тамъ прожился совершенно, хотя и имѣлъ 22 тысячи душъ. По назначеніи его малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ, также жили пышно. По службѣ былъ дѣятеленъ, вставалъ во всякое время въ 3 часа и занимался въ кабинетѣ; нерѣдко призывалъ дежурнаго и диктовалъ. Этимъ способомъ, и вообще свободною нашею жизнью въ канцеляріи, онъ каждаго изъ насъ образовалъ и привязывалъ къ себѣ. Канцелярія вся имѣла столъ у него. Доказательствъ доброты его много; кромѣ пожертвованій оффиціальныхъ, бывало никто изъ просящихъ по бѣдности не отходилъ безъ удовлетворенія; а проѣзжіе заграничные ремесленники, артисты и туристы, кажется, нарочито къ нему пріѣзжали, если не за подаяніемъ, то для того, чтобы сбыть свои рисунки или проекты, которые, разумѣется, сваливались въ кучу безъ разсмотрѣнія, а между тѣмъ деньги уплочены. Довольно, что онъ мнѣ въ Петербургѣ, уже когда прощался, сунулъ въ руку 200 рублей. Миръ праху твоему, умный и добрый вельможа [1]).

[1]) Въ одной изъ мелкихъ замѣтокъ, найденныхъ въ бумагахъ И. И. Сердюкова, онъ такъ отзывается о князѣ Н. Г. Репнинѣ: „Нашъ умный и добрый начальникъ князь Репнинъ былъ вельможа не изъ тѣхъ, кои лишь красуются въ лентахъ и на

Библиотека "Руниверс"

Но обратимся собственно ко мнѣ, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Петербургъ. Выше я сказалъ, что Татьяна Дмитріевна имѣла дѣла, которыя поступили опять ко мнѣ, какъ скоро я оставилъ поѣздку на Кавказъ. Теперь эти дѣла поступили въ 3-й департаментъ сената по части оберъ-секретаря Михаила Федоровича Т. и секретаря Павла Сергѣевича Е. По тогдашнему обычаю, знакомство съ чиновниками, въ рукахъ которыхъ находится дѣло, нужно заводить, какъ Нахимовъ говорилъ, съ барашкомъ въ бумажкѣ. Такъ сдѣлалъ и я: обоимъ далъ по 500 рублей впередъ, лишь бы они рѣшили дѣло въ мою пользу (я говорю *въ мою*, потому что имѣлъ полную довѣренность отъ Т. Д.). Кромѣ того, съ Е. я сблизился по гитарѣ, на которой давалъ ему уроки. Дѣла разсматривались, а между тѣмъ мой отпускъ оканчивался по должности ассессора казенной палаты, и мнѣ нужно было просить отсрочки у министра финансовъ. Составивъ записку, я отправился къ министру, но пришелъ такъ рано, что еще никого не было въ пріемной; однако, отъ нечего дѣлать, я рѣшился остаться. Къ 10 часамъ явился чиновникъ со звѣздой и портфелемъ подъ рукой. Онъ пошелъ прямо по лѣстницѣ, ведущей въ кабинетъ министра. Любопытно было мнѣ узнать, кто это? Я обратился съ вопросомъ къ курьеру:

— Кто это?

— Вице-директоръ канцеляріи, Викторъ Алексѣевичъ Кушинниковъ.

Тогда я припомнилъ, что этотъ господинъ—уроженецъ полтавскій, съ дядей котораго, Новомлинскимъ, я знакомъ. Между тѣмъ Викторъ Алексѣевичъ, найдя кабинетъ еще запертымъ, возвратился въ гостинную и стоялъ у окна въ размышленіи. Не долго думая, я обратился къ нему и отрекомендовалъ себя. При

парадахъ. Онъ вставалъ въ 3 часа утра, до 12-ти занимался дѣлами, самъ все читалъ и насъ училъ трудиться и любить правду; съ 12-ти часовъ принималъ просителей, занимался военною частью по своему званію военнаго губернатора; съ 2-хъ до 4-хъ часовъ опять слушалъ доклады, въ 6 часовъ обѣдалъ, до 9-ти отдыхалъ, съ 9-ти часовъ принималъ гостей, а не рѣдко и посѣтителей. При такомъ начальникѣ и мы были неутомимы. Проситель каждый получалъ непосредственно извѣщеніе повѣсткою о рѣшеніи генералъ-губернатора на его просьбу, и ни одна бумага у насъ не залеживалась по мѣсяцамъ, даже по недѣлямъ.

Библиотека "Руниверс"

словѣ: „я изъ Полтавы", онъ обрадовался, какъ земляку, узналъ, въ чемъ дѣло, далъ мнѣ наставленіе, какъ подать записку, и просилъ бывать у него. Время приближалось къ пріему, гостинная наполнялась посѣтителями, и въ 11 часовъ вышелъ министръ, графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ. На глазахъ его, по болѣзни, былъ зеленый зонтикъ. Обойдя всѣхъ, министръ принималъ отъ каждаго прошенія, проекты и личныя объясненія; дошла очередь и до меня. Я подалъ записку. Онъ поднялъ голову посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Откуда, батюшка?...

— Изъ Полтавы, ваше сіятельство, ассессоръ казенной палаты, пріѣхалъ по собственнымъ дѣламъ, прошу отсрочки отпуска.

— Хорошо, сказалъ министръ; а что у васъ въ Полтавѣ хлѣбъ дорогъ?

— Слава Богу, дёшевъ, отвѣчалъ я.

— Какъ? Слава Богу дешевъ хлѣбъ? Надобно сказать „Слава Богу", когда дорогъ!

Сказавъ это, министръ поклонился и ушелъ. Это было 24 октября 1835 года. Слова министра *меня озадачили*; я вышелъ, долго разбирая ихъ, и пришелъ къ тому заключенію, что Канкринъ былъ политико-экономъ, поощряющій производительность.

По поданной мною министру запискѣ, послѣдовало полтавской казенной палатѣ слѣдующее предписаніе: „Ассессоръ Сердюковъ по дѣламъ службы оставленъ при министрѣ впредь до особаго распоряженія". Дѣйствительно, я пользовался этой прикомандировкой и нерѣдко ходилъ въ канцелярію, гдѣ познакомился съ секретарями Иваномъ Федоровичемъ Гежелинскимъ и Иваномъ Васильевичемъ Бѣликовымъ. Директоромъ тогда былъ Александръ Максимовичъ Княжевичъ, впослѣдствіи министръ финансовъ. Послѣ свиданія съ Кушинниковымъ, я тотъ же день былъ у него, познакомился съ его женою, добрѣйшею особою,— я это говорю потому, что все время пребыванія моего въ Петербургѣ я рѣдкій день не былъ у Кушинниковыхъ. Тамъ я встрѣчался съ разными знаменитостями, въ томъ числѣ и съ

Библиотека "Руниверс"

затемъ его Илличевскимъ, впослѣдствіи товарищемъ министра юстиціи, а дамамъ игралъ на гитарѣ. У Кушинниковыхъ, по воскресеньямъ, были отличные обѣды, и я помню очень ихъ хлѣбъ-соль. Впослѣдствіи, по выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, мы съ Викторомъ Алексѣевичемъ вели переписку до его кончины.

Сколько удачно мнѣ шло по службѣ, столько неудачно по дѣламъ. Другъ мой Е. увѣдомилъ, что, по выслушаніи дѣлъ, послѣдовали резолюціи, для меня невыгодныя, особливо съ Марковымъ о поручительствѣ, а объ духовной назначено слѣдствіе. Послѣдняго я не боялся потому, что дѣло было чистое, но по первому не было никакой возможности избавиться отъ поручительства, законно подписаннаго. Будучи этимъ извѣстіемъ разстроенъ, я уѣхалъ къ землякамъ для развлеченія, и случилось такъ, что мы изъ дому въ домъ ѣздили цѣлую недѣлю. Шіяновъ, Трощинскій, бывшіе мои сослуживцы, Журавлевъ и другіе чиновники военнаго министерства жили дружно, играли въ карты и кутили. Въ этомъ обществѣ случалось толковать и о дѣлахъ самыхъ базусныхъ, гдѣ случалось дѣлать изъ чернаго бѣлое и обратно.

Послѣ разгульной жизни, я, покачиваясь на постели въ собственной квартирѣ, соображалъ все прошедшее и изъ анекдотовъ юридическихъ придумалъ съ Марковымъ сдѣлку. Дѣйствительный ст. совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Марковъ считался при военномъ министрѣ чиновникомъ особыхъ порученій (впослѣдствіи былъ могилевскимъ губернаторомъ), квартировалъ онъ въ Коломнѣ; у него-то я по одному изъ вышеупомянутыхъ дѣлъ о поручительствѣ Татьяны Дмитріевны бывалъ, предлагая мировую; я предлагалъ ему 300 десятинъ земли въ константиноградскомъ уѣздѣ по сосѣдству съ его землею безъ всякаго платежа, лишь бы онъ простилъ одни проценты и по поручительству 25 тысячъ рублей; но онъ и слышать не хотѣлъ. Къ нему былъ вхожъ и пріятель мой, Е. занимавшійся его дѣлами, къ которому онъ имѣлъ довѣріе. Когда мы съ Елисѣевымъ сошлись, давно не видавшись, какъ я сказалъ, по случаю моего пиршества съ земляками, мнѣ пришлось кстати исполнить мой планъ. Я его просилъ сказать Маркову, что дѣло съ Лесевиц-

Библиотека "Руниверс"

кою о поручительствѣ заслушано, но отказъ получилъ Марковъ, а не Лесевицкая. Конечно, Е. назвалъ меня сумасшедшимъ, говоря, что вѣдь Марковъ справится самъ, и тогда что будетъ, если назоветъ его глуномъ?—„Ну, скажешь, возразилъ я, что было рѣшено такъ, а потомъ отмѣнено, по моему же ходатайству, рѣшено иначе. Однимъ словомъ, что будетъ, то будетъ, а только скажи; и вотъ тебѣ въ задатокъ еще 500 р.“.

Шутка эта Е. увлекла, какъ любопытная, и онъ далъ мнѣ слово, что такъ скажетъ Маркову. И дѣйствительно, Е. въ слѣдующее воскресенье поѣхалъ къ нему на обѣдъ и сказалъ. Представьте же мое удивленіе! Вѣдь Марковъ шутку принялъ за правду! [1]). Не дремая, на другой же день я отправляюсь къ нему подъ предлогомъ проститься и вижу въ Марковѣ огромную перемѣну. Онъ меня встрѣтилъ ласковѣе прежняго, усаживалъ, и на мои слова, что я пришелъ съ нимъ проститься, съ удивленіемъ спрашивалъ:

— А какъ же будетъ нашъ миръ? (о которомъ прежде и слышать онъ не хотѣлъ).

Я видѣлъ ясно, что могу воспользоваться случаемъ, и потому съ внутреннимъ восхищеніемъ отвѣчаю:

— Какъ угодно вашему превосходительству.

Къ счастью, въ тотъ день онъ спѣшилъ отъѣздомъ въ Царское Село, гдѣ воспитывались его дѣти, и, ничего не говоря, онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Ну, вотъ вамъ мировая: я заплачу за землю 10 т. рублей и проценты по поручительству дарю или сбрасываю.

Разумѣется, я на все согласился и отъ радости чуть не вскрикнулъ. Мы тотчасъ поѣхали въ гражданскую Палату во 2-й департаментъ и совершили мировую. Я ему далъ купчую на землю, получилъ 10 т., а онъ мнѣ далъ прошеніе въ Сенатъ объ уничтоженіи 25 т. процентовъ. Сдѣлку нашу совершалъ Николай Ѳедоровичъ Пячковскій, нынѣ помѣщикъ оршанскаго уѣзда.

Такъ окончилось счастливо дѣло Лесевицкой, продолжавшееся болѣе 10-ти лѣтъ, и я выѣхалъ изъ Петербурга совершенно счастливый. О принятіи меня къ прежней должности по-

[1]) Онъ былъ глухъ, а глухіе всегда сосредоточенны.

Библиотека "Руниверс"

слѣдовало 12 февраля 1836 года новое предписаніе министерства. Возвращеніе мое въ Полтаву съ такимъ успѣхомъ обрадовало мою вѣрительницу. Въ знакъ благодарности она передала мнѣ претензію на Заньковскомъ въ 45 т., съ тѣмъ, чтобы процессъ этотъ раздѣлить пополамъ, вслѣдствіе чего я довелъ дѣло тоже къ концу. Имѣніе описано на эту претензію изъ 450 душъ въ деревнѣ Лисычей 99, и земли 600 десятинъ. Я купилъ это имѣ за 20,500 рублей, а остальныя 24,500 р. получила Татьяна Дмитріевна изъ Приказа подъ залогъ остального имѣнія Заньковскаго.

Татьяна Дмитріевна въ это время купила домъ на углу Срѣтенія, по Александровской улицѣ.

Прибывъ въ новокупленное имѣніе для принятія его, я нашелъ, что оно описано чрезвычайно невыгодно для покупщика и, вѣроятно, сдѣлано это собственно для того, чтобы никто не поохотился на покупку. Напримѣръ: крестьяне, 99 душъ, выбраны бѣднѣйшіе изъ разныхъ дворовъ и къ тому же на сносъ; земля же, 600 десятинъ, за 4 версты отъ деревни, чистая степь; слѣдственно, покупщикъ отсель долженъ крестьянъ выселить туда. Наконецъ, еще одно обстоятельство, препятствующее хорошей администраціи: на описанной землѣ, при рѣчкѣ Коломакѣ, 4 десятины лѣсу оставлены за Заньковскимъ. И хотя возникли по этому вопросы, но губернское правленіе за мною лѣса не оставило.

Дѣлать было нечего, я принялъ все то, что дали, сдѣлалъ вводъ во владѣніе, и мнѣ нужно было приготовиться къ переселенію крестьянъ на чистое поле, а также что-нибудь устроить для экономическихъ заведеній. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ 1837 года. Цѣлую зиму я возилъ за 30 верстъ изъ Полтавы лѣсъ, съ тѣмъ, чтобы въ наступающую весну заняться постройками.

Но судьбѣ угодно было устроить это дѣло иначе. Владѣлецъ имѣнія Лисычей, въ которой еще зимовали мои люди, штабъ-ротмистръ гусаръ Василій Григорьевичъ Заньковскій, съ приближеніемъ весны 1838 года, не пожелалъ, чтобы мои крестьяне оставались долѣе въ его деревнѣ, и велѣлъ пораскрывать

Библиотека "Руниверс"

въ ихъ избахъ крыши, выбросить вещи, даже муку развѣялъ по воздуху, заставляя этимъ ихъ удалиться, куда угодно. Я служилъ тогда въ Полтавѣ, какъ уже говорилъ неоднократно, въ казенной палатѣ, о происшествіи этомъ былъ увѣдомленъ приставленнымъ надъ крестьянами моими войтомъ, и признаюсь, не вѣрилъ донесенію, и для осторожности взявъ его съ собой, пошелъ къ губернатору съ жалобой на разореніе. Губернаторомъ тогда былъ добрый и строгій Павелъ Ивановичъ Могилевскій; выслушавъ меня и моего войта, онъ приказалъ написать предписаніе константиноградскому земскому исправнику объ изслѣдованіи дѣла, а для лучшаго удостовѣренія послалъ своего чиновника особыхъ порученій Бѣлавина. Въ назначенное время выѣхало на мѣсто происшествія временное отдѣленіе, прибылъ и я. Открыто присутствіе, призвали ротмистра и людей, разбрасывавшихъ избы моихъ крестьянъ, и все, что выше сказано, подтвердилось, а ротмистръ съ гордостію добавилъ, что онъ сдѣлалъ нарочно, чтобы выжить сосѣдей, не находя надобности держать ихъ болѣе въ своей деревнѣ. Слѣдствіе кончили, и виновныхъ предали было суду съ опредѣленіемъ крестьянамъ вознагражденія. Вотъ какія бываютъ слѣдствія крючковатыхъ дѣйствій при описаніи имѣній, которыхъ, быть можетъ, Заньковскій и не предвидѣлъ, а вѣрилъ становому, что описаніе въ разныхъ мѣстахъ составляетъ своего рода угожденіе, и конечно, за это получилъ вознагражденіе.

Но, слава Богу, дѣло это кончилось хорошо. Черезъ короткое время Заньковскому растолковали благомыслящіе люди, что онъ сдѣлалъ дурно и будетъ отвѣчать предъ закономъ, поэтому совѣтовали ему примириться со мною, и онъ явился ко мнѣ съ повинной. Имѣя характеръ мягкій, я съ удовольствіемъ приступилъ къ мировой, по которой всѣ избы моихъ крестьянъ Заньковскій дозволилъ взять, уступилъ мнѣ на Коломакѣ, среди моей земли, лѣсъ, а я заплатилъ ему 2000 рублей. Послѣ чего я построилъ новую деревню, назвалъ ее Новоселовка или Ивановское.

Отношенія наши съ Татьяной Дмитріевной, послѣ счастливаго окончанія дѣла, скрѣпились еще болѣе. Она любила по

Библиотека "Руниверс"

прежнему общество, и дни текли въ обычномъ препровожденіи времени. Иногда играли въ карты, ѣздили въ деревню на гулянье и оканчивали тѣмъ, что послѣ обѣда расходились, а послѣ ужина разъѣзжались. Ея расположеніе ко мнѣ превратилось въ простую дружбу, и когда я предлагалъ замужество, она боялась этого, по ея выраженію, какъ огня. Странностей у нея, кромѣ этой главной, было много; напримѣръ: у нея была любимая собачка Клара, которую я какъ-то назвалъ глупою; за это Татьяна Дмитріевна со мною цѣлый день не говорила. Спала она не иначе, какъ при сальной свѣчѣ, которую снимать должна непремѣнно женщина или дѣвка, коихъ всегда въ ея спальнѣ ложилось не менѣе 3-хъ, и по извѣстнымъ часамъ онѣ чередовались, оставаясь безъ сна. Любила бывать въ церквахъ и въ особенности восхищалась архіереями. Между тѣмъ не желала и даже ревновала, если я бывалъ въ домахъ, гдѣ были хорошенькія и молодыя дѣвушки. Словомъ, я не понималъ этой женщины, и потому мнѣ такая неопредѣленная жизнь надоѣла. Я пересталъ у нея бывать, тѣмъ болѣе, что уже, за это время перемѣнивъ службу, большею частію разъѣзжалъ по губерніи.

Изъ друзей въ губерніи былъ у меня миргородскій уѣздный врачъ Антонъ Петровичъ Кизе, у котораго нерѣдко я проживалъ по нѣсколько недѣль, такъ какъ въ сосѣднихъ или въ томъ же самомъ уѣздѣ случались и дѣла по командировкѣ. Наконецъ, Антонъ Петровичъ вздумалъ жениться на дочери помѣщика Василія Ивановича Черныша. Невѣста его Любовь Васильевна была очень красивая дѣвушка; я былъ приглашенъ шаферомъ. При отправленіи этой должности на вѣнчаніи Кизе, и вообще во время ихъ свадьбы, мнѣ приглянулась сестра ея, Вѣра Васильевна; я не прочь былъ на ней жениться, тѣмъ болѣе, чтобы породниться съ милымъ другомъ,—но обстоятельства не дозволили состояться моей женитьбѣ, потому что Чернышъ отрицалъ всякое приданое, котораго, впрочемъ, не далъ и Кизе.

Я уѣхалъ въ Полтаву, гдѣ, обыкновенно, занимался службою, изрѣдка бывалъ у Татьяны Дмитріевны, потому болѣе, что она жила уже въ своемъ хуторѣ, отъ матери ей въ наслѣдство

Библиотека "Руниверс"

доставшемся, а Головачъ проданъ Маркову. Татьяна Дмитріевна почти постоянно страдала мигренью и, что называется, удалялась отъ свѣта.

Часть вторая.

Въ Полтавѣ служилъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ полковникъ Данило Францовичъ Ольшевскій, женатый на извѣстной харьковской богачкѣ Надеждѣ Андреевнѣ Ковалевской. Какъ человѣкъ польской націи, обыкновенно гордый, онъ былъ помѣшанъ на богатствѣ, для котораго единственно и женился,—но со мною, по различнымъ столкновеніямъ, очень сблизился и отъ души любилъ меня, особливо послѣ того, какъ я выигралъ процессъ большой его пріятельницы Розетты Андреевны Миклашевской съ Калусомъ. Семейство его состояло изъ жены и двухъ племянницъ, Өеклы и Мари, большею частію проживавшихъ въ деревнѣ, лебединскаго уѣзда, село Будылка. Отецъ Надежды Андреевны, Андрей Ивановичъ Ковалевскій, человѣкъ богатый, но скупой, ничего въ приданое ей не далъ, кромѣ предъ вѣнцомъ дома и на булавки 10000 руб.,—болѣе потому, что между ними не видѣлъ еще хорошей жизни, а дѣтей не было. Между тѣмъ Ольшевскіе, въ надеждѣ будущихъ благъ, жили роскошно и надѣлали долговъ, а чтобы отцу не кланяться, накупили имѣній, тоже въ долгъ, какъ напримѣръ, Будылку, за 30000 руб., въ коей числилось 57 душъ, и село Локощину съ 147 душами за 52000 руб., для чего заняли у помѣщика Манька 35000 руб., у кременчугскаго купца Смирнова 14000, да по тысячѣ-другой должны были многимъ. Кромѣ того, у Ольшевскаго было имѣніе въ могилевской губ., мстиславскаго уѣзда, родовое с. Кудричи, и у племянницъ д. Антоновка. Казалось, что съ устройствомъ имѣнія можно было и съ долгами разсчитаться, но судьба не дала этому человѣку счастья: онъ внезапно получилъ воспаленіе легкихъ и умеръ въ Полтавѣ 8 ноября 1841 года, бывъ оплакиваемъ многими. Во время болѣзни, конечно, находилась и Надежда Андреевна, пожелавшая имѣть отъ мужа духовное завѣщаніе на уступку ей села Будылки, со всею движимостью, а племянницамъ доставалось все остальное

Библиотека "Руниверс"

съ долгами имѣніе. Я писалъ завѣщаніе, Ольшевскій подписалъ, и я совершилъ послѣ его смерти въ полтавской гражданской палатѣ. Надежда Андреевна, женщина тогда лѣтъ 35, собой не хороша, но хорошо образованная, всегда мнѣ говорила, что племянницы покойнаго суть и ея племянницы, и она устроитъ судьбу ихъ, какъ нельзя лучше. Казалось,—все такъ и будетъ устроено, какъ слѣдуетъ; того не знаемъ, что Розетта Андреевна, которая, по польскому духу, была большая пріятельница Ольшевскому и у которой большею частію племянницы его проживали и дружились съ ея дочерьми, осталась духовною недовольна, какъ увидимъ дальше.

Одинъ разъ, отправясь отъ Надежды Андреевны на квартиру, вдругъ вижу—на меня издали машетъ рукою Василій Васильевичъ Короткевичъ, по службѣ мой товарищъ, губернскій казначей. Я остановился, онъ подбѣжалъ, запыхавшись, и своимъ пронзительнымъ дискантомъ съ иронической улыбкой прокричалъ:

— „А вы не знаете, что вашъ хваленый переяславскій казначей замотался? Сейчасъ поѣзжайте въ Переяславъ, уже вамъ пишется предписаніе".

Сказавъ это, онъ побѣжалъ въ палату; а я пошелъ домой собираться въ дорогу. Не далѣе, какъ черезъ часъ, все было готово. Короткевичъ принесъ мнѣ предписаніе отправиться въ Переяславъ на слѣдствіе и вмѣстѣ исправлять должность казначея, прогоны и подорожную. Я послалъ за лошадьми, выпилъ бутылку шампанскаго и полетѣлъ на всю ночь.

По пріѣздѣ въ Переяславъ, засталъ я бывшаго казначея Котельнина на гауптвахтѣ. Онъ, предавшись пьянству и промотавши около 20000 руб. казенныхъ денегъ, наконецъ, вздумалъ послать въ Полтаву объ этомъ эстафету, а самъ явился къ городничему, прося посадить его на гауптвахту. Члены уѣздныхъ управленій поручили должность казначея засѣдателю уѣзднаго суда Соломкѣ, но этотъ господинъ должности не принималъ, почему я вынужденъ былъ вступить въ управленіе казначействомъ. Со мною пріѣхалъ контролеръ Лахмановъ, и по счету не оказалось суммы общихъ доходовъ 19,487 руб. 8 к. и канцелярской суммы 695

Библиотека "Руниверс"

руб. 33 коп. Всего 20182 руб. 41 к. Сумму эту размотали: казначей Котелнинъ, бухгалтеръ Черненко и журналистъ Кулинскій; они предъ ежемѣсячною и внезапною ревизіею членовъ, всегда ночью подчищали книги и показывали утраченныя деньги въ высылку, а чтобы была росписка почтмейстера, подводили въ книгѣ его руку. Къ несчастію, это искушеніе имъ подалъ самъ почтмейстеръ Тимченко, который, по старости и болѣзненности, не могъ дѣлать всю пропись самъ, какъ напримѣръ: „оные деньги столько то рублей для отправленія туда то, получилъ"—а токмо могъ подписать фамилію: „почтмейстеръ Тимченко", пропись же всю дѣлалъ Черненко тонкимъ шрифтомъ, такъ что послѣ удобно ее вытереть и, выбравши деньги, дѣйствительно отправить ту же сумму. Такія же статьи показывали и въ другія мѣста, какъ напримѣръ: на архіерейскій домъ или въ думу, и подпишутъ какого-нибудь протоіерея или голову. Ну, и смотримъ,—подпись есть, счетъ выходитъ прихода съ расходомъ. Придетъ ли кому въ голову итти справляться на почту, или въ архіерейскій домъ? При томъ же, всѣ эти чиновники, люди молодые, семейные, отстраняли отъ себя всякое подозрѣніе, такъ что никогда нельзя было подумать, чтобы человѣкъ, нѣжно любящій свою семью и дорожащій службою, могъ рѣшиться на воровство, влекущее за собою ссылку. Практика эта удивительная! Какъ трудно иногда вѣрить человѣку! И, значитъ, почти нельзя вѣрить, не узнавши его долго, долго. Пословица не напрасно вышла: „чтобы человѣка узнать, нужно съ нимъ вмѣстѣ съѣсть 40 пудовъ соли". Ну, пусть же я ошибся, ревизуя переяславское казначейство разъ въ годъ, и какимъ образомъ находилъ всегда полную сумму—не помню; но удивляться должно, какъ они надували ежемѣсячно всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ, и эти не замѣтили плутней, хотя бы то по образу жизни ихъ!

При слѣдствіи оказалось, что они, кромѣ росписокъ, которыя подводили подъ чужія руки, показывали еще и ту сумму, которую собирали отъ приносящихъ подати и другіе сборы, а въ книгу ихъ не вводили и квитанцій не выдавали до двухъ и трехъ дней, замѣняя между тѣмъ этими деньгами недостачу на

Библиотека "Руниверс"

время ревизіи. Не знать этого—не мудрено, когда все казначейство въ заговорѣ.

Примѣръ этотъ впослѣдствіи послужилъ министерству поводомъ къ распоряженію, чтобы, кромѣ росписки въ книгѣ, получателю денегъ выдавали особыя росписки. Теперь вездѣ на почтѣ онѣ печатныя.

Между тѣмъ, по моему представленію, командированъ мнѣ въ помощь другой ассессоръ, Федоренко, для совмѣстнаго слѣдствія, которое, по окончаніи, вмѣстѣ съ преступниками отослали въ уголовную палату. Во время нашего пребыванія въ Переяславѣ, я пользовался хорошими пріемами въ домѣ окружнаго Словатинскаго, уѣзднаго врача Стаховскаго, архіерея Гедеона, очень любезнаго и умнаго человѣка; стряпчій Рева былъ съ нами тоже хорошъ; прочіе чиновники оставались недовольны, и изъ нихъ засѣдатель Соломка подалъ на меня доносъ министру за пристрастіе къ Котелнину; но, по объясненіи моемъ, доносъ этотъ остался безъ послѣдствій, а наложенное на всѣхъ ихъ по частямъ за растраченную сумму взысканіе, по манифесту 1841 года, скоро сложено.

Этотъ случай научилъ меня прозорливости; я началъ узнавать людей насквозь [1]). Федоренко здѣсь женился, и мы, поживши въ Переяславѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, уѣхали благополучно въ Полтаву и вступили въ обычный строй жизни.

Выше мы сказали, что я оставилъ Надежду Андреевну, вдову, конечно, въ слезахъ и траурѣ. Она меня ждала и поручила всѣ свои дѣла моему распоряженію. Мы съ нею отправились въ Будылку, гдѣ были мнѣ представлены двѣ племянницы Ольшевскаго, еще не успѣвшія со мною познакомиться лично, но уже обо мнѣ извѣщенныя ихъ дядей, а нынѣ рекомендовала меня и тетушка ихъ. Изъ нихъ старшая Текля, брюнетка съ голубыми глазами, была стройна и вполнѣ красавица, но серіозна; меньшая Мари, блондинка съ золотистыми волосами, съ голубыми же глазами, стройна, румяна, но чрезвычайно весела

[1]) Въ 1860 году, 18 декабря, одинъ изъ моихъ пріятелей, служащій въ иностранной цензурѣ, Кроль, на вопросъ мой о новостяхъ, отвѣчалъ: „Начто вамъ наши новости, когда вы знаете впередъ за 200 лѣтъ, что будетъ?“

Библиотека "Руниверс"

и мила. Эти сестры были совершенно какъ два полюса, какъ бы не родныя,—такъ онѣ отличались всѣмъ одна отъ другой. Между тѣмъ различіе состояло еще въ томъ, что Теклю любила Надежда Андреевна, а Мари любила Розетта Андреевна Миклашевская и дочь ея Юзефина, впослѣдствіи вышедшая за генерала Мазуркевича. Дѣвушки эти воспитывались сначала въ могилевской губерніи въ г. Мстиславѣ, въ пансіонѣ швейцара Баера, но по смерти родителей, дядя ихъ, Данило Францовичъ, взялъ къ себѣ и поручилъ окончить воспитаніе Надеждѣ Андреевнѣ. Текля почти у нея заняла всѣ манеры, а Мари большею частью проживала въ домѣ Миклашевской, въ с. Васильевкѣ, и много позаимствовала отъ образованной Юзефины.

Въ Будылкѣ съ Надеждой Андреевной мы почти были вдвоемъ; ѣздили въ Васильевку. Я долженъ былъ развлекать вдовушку, замѣтя, что ей нравились похвалы ея наружности и въ особенности ея нарядамъ. Она даже толковала уже и о томъ, что когда ея отецъ умретъ, то мы уѣдемъ заграницу. Но, грѣшный человѣкъ, мнѣ уже такая наглость начинала надоѣдать, и я (того бѣдняжка вдовушка не знала) тамъ же, въ ея домѣ, написалъ комедію: „Еще утѣшенная вдова“, гдѣ она выставлена въ совершенствѣ. Я читалъ эту комедію въ Василевкѣ, и Розетта Андреевна была въ восхищеніи.

Въ это время, какъ я съ Надеждой Андреевной разбирали въ Будылкѣ дѣла, на меня возстала буря. Розетта Андреевна, прочитавши духовную Ольшевскаго, нашла, что будто племянницы обижены, т. е. возложены на нихъ всѣ долги, а потому, и по польскому соціализму, приняла участіе—поѣхала въ Полтаву и разжаловалась бывшему тогда генералъ-губернатору князю Василію Васильевичу Долгорукову, съ женою, котораго полькою, (разводка отъ виленскаго губернскаго предводителя Забелло), была дружка, и на меня всѣ напустились, что называется, лихою волею. И вотъ для защиты меня явилась Надежда Андреевна. Я былъ между двухъ огней. Но хитрая Розетта Андреевна дала дѣлу другой оборотъ: она со мной повидалась, просила отмѣнить духовную и пріѣхать въ Василевку. Надежда Андреевна тоже просила къ ней прежде пріѣхать. Обѣ что-то хотѣли мнѣ сказать и съ

Библиотека "Руниверс"

двусмысленнымъ прощаньемъ уѣхали изъ Полтавы по деревнямъ. Я остался въ раздумьи.

Наступилъ 1841 годъ. Я уѣхалъ въ лохвицкій уѣздъ на именины 1-го января къ Василію Ивановичу Паульсону, какъ сослуживцу. Это былъ человѣкъ образованный, единственный сынъ у богатыхъ родителей, имѣлъ музыку, и мы у него цѣлую недѣлю провели отлично. Тамъ я, между прочимъ, написалъ комедію, подъ заглавіемъ „Лукичъ“, которую читалъ въ залѣ гостямъ Паульсона и посвятилъ ему ее въ знакъ памяти.

Отселѣ я выѣхалъ къ Крещенію въ Будылку. Меня здѣсь ожидали съ великолѣпнымъ освѣщеніемъ. Накрытъ былъ столъ на 4 куверта. Тетушка очень обрадовалась моему пріѣзду и сочла за счастливое предзнаменованіе то, что пріѣхалъ 4-й членъ семейства, такъ какъ ихъ было только трое, т. е. она и двѣ племянницы. Въ Малороссіи соблюдается обычай, чтобы на кутью, т. е. наканунѣ Рождества и Крещенія (первая называется „тайная вечеря“. а вторая „постная“, или „голодная вечеря“, когда цѣлый день ничего не кушаютъ), за вечерей чтобы сидѣли „до чоту“, т. е. до пары. Крещеніе мы провели по обыкновенію: были въ церкви, на Іордани, т. е. ходили съ крестнымъ ходомъ на рѣку освящать воду, послѣ обѣда катались, а на третій день отправились въ Василевку, къ Розеттѣ Андреевнѣ, у которой не токмо по праздникамъ бывало много гостей, но и будни превращались въ праздники. Это былъ домъ чисто странноприимный. Имѣніе—цѣлое герцогство. На пространствѣ 60,000 десятинъ земли самой плодородной почвы жили 4000 д. крестьянъ въ разныхъ деревняхъ. Къ господскому хозяйству принадлежало 40 тысячъ овецъ, 1000 коровъ, лошадиный заводъ, тысячъ пять скота, нѣсколько винокуренъ, селитренныхъ заводовъ, различныя ковровыя, холстяныя фабрики и превосходное огромное хлѣбопашество. Всякій день найдете гостей не менѣе дюжины, и всякій день можно было составить кадриль съ пикниками. Для каждой семьи особое помѣщеніе и угощеніе. Вы можете судить объ огромномъ съѣздѣ только по одному тому, что для гостинныхъ лошадей выходило въ годъ 4 тысячи четвертей овса. Иные гости жили здѣсь по нѣскольку мѣсяцевъ и даже по году.

Библиотека "Руниверс"

Мы ѣхали въ Василёвку въ двухъ экипажахъ: Текля и Мари съ дѣвушкой въ кибиткѣ, а я съ Надеждой Андреевной въ двумѣстной каретѣ, и представьте странность—мы ѣхали ночью за 35 верстъ разстоянія отъ Будылки до Василёвки. Сидѣли въ каретѣ мы при тускломъ свѣтѣ фонаря, но разговоръ вели обыденный, сколько ни хлопотала Надежда Андреевна вытянуть у меня умильное словечко и сама рисовала чрезвычайно красивые планы. Вы, можетъ быть, подумаете, какъ это возможно вдовѣ молодой, тонной, ѣхать ночью вдвоемъ съ молодымъ человѣкомъ въ тѣсной каретѣ!... Это ужасно!... Но успокойтесь, я васъ увѣряю, что у насъ ничего не могло произойти нескромнаго,—я скоро уснулъ въ углу кареты и проснулся лишь въ Василёвкѣ. Правда, меня часто будили и даже говорили: какъ не стыдно молодому человѣку спать? но я не догадывался, къ чему относились эти слова—мнѣ казалось, что хлопотали о моемъ здоровьи, и полусонный я говорилъ нескладные комплименты, на мгновеніе утѣшавшіе вдову въ скучной поѣздкѣ, уклоняясь отъ интимностей, которыя Надежда Андреевна навязывала. Она была отъ природы кокетка, но, къ чести ея, институтское воспитаніе, привившее ей, какъ и другимъ дѣвушкамъ, религіозное чувство, даже до фанатизма, парализировало всякія нахальныя побужденія. Я полусонный иногда вслухъ разсуждалъ, что женщины самолюбивѣе мужчинъ, что у нихъ до крайности развита страсть ко владычеству надъ мужчинами, хотя бы въ вопросѣ жизни это могло называться нескромностью. Воспитаніе ихъ устроено по методѣ поверхностной, не русской; француженки, большею частью управляющія нашими институтами и пансіонами, хлопотали объ одной выправкѣ и наружной культурѣ, внушая дѣтямъ высшій тонъ и блестящую будущность, подвергая насмѣшкамъ насущную потребность—знаніе хозяйственной и экономической жизни, представляя все это въ грязномъ видѣ. Мнѣ пришлось даже говорить и о томъ, какъ институтки пьютъ уксусъ и кушаютъ мѣлъ, горькій миндаль и тому подобныя снадобья, чтобы казаться блѣдными, какъ говорятъ, въ аглицкомъ вкусѣ,—конечно, подражая физіогноміи какой-либо тощей и сухой своей наставницы. Красное лицо они называли купчихой. Отъ

Библиотека "Руниверс"

этого рѣдкая институтка привыкала къ скромной жизни. Но Надежда Андреевна меня оспаривала и хотя вполовину согласилась, однако осталась при своемъ мнѣніи, что это составляетъ лучшій тонъ, нежели быть простушкой. У всякаго свой вкусъ, говорилъ я, и вопросъ о человѣческомъ достоинствѣ между нами остался не рѣшеннымъ, когда мы подъѣхали къ крыльцу дома Миклашевскихъ. Здѣсь еще не спали. Розетта Андреевна встрѣтила насъ съ веселымъ видомъ и очень шутила на счетъ дружбы нашей съ Надеждой Андреевной.

Обыденная жизнь въ Василёвкѣ, какъ я имѣлъ уже случай говорить объ ней, шла такимъ же порядкомъ: завтраки, обѣды, гулянья, игры, музыка, ужины, иногда танцы и карты. Сама хозяйка, шестидесятилѣтняя женщина, бывшая нѣкогда красавицей, была душою общества. Мужъ ея, почтенный человѣкъ, Петръ Ивановичъ, женясь на ней, вдовѣ [1]), записалъ ей все свое состояніе и жилъ спокойно, ни во что не вмѣшиваясь, лишь въ его распоряженіи были повара и столъ. Розетта Андреевна правила всѣмъ. Тогда находились при ней дѣти: дочь Юзефина и сыновья Алексѣй и Николай Тимофеевичи. Вотъ общество, въ которомъ я часто проводилъ время и учился познавать свѣтъ и людей.

Чрезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ Полтаву; меня просили въ Василёвку на масляную. Къ просьбѣ Розетты Андреевны присоединилось прошеніе и одной изъ племянницъ, Мари. Нельзя же было отказать!

По возвращеніи въ Полтаву я нашелъ нѣсколько посланій отъ Татьяны Дмитріевны. Она писала, что въ ней поселилась ревность къ новому моему знакомству съ Ольшевскими, и потому она желала бы успокоить свое сердце, провѣривъ слухъ съ собственнымъ моимъ признаніемъ, для чего она и пріѣхала въ Полтаву. Черезъ нѣсколько дней я пошелъ къ ней. Казалось, при свиданіи мы бросимся другъ къ другу съ искреннимъ чувствомъ, а встрѣтились—и отступили; поздоровались очень цере-

[1]) Розетта Андреевна первымъ мужемъ имѣла надворнаго совѣтника Тимофея Ивановича Богаевскаго, бывшаго чиновникомъ радзивиловской таможни; съ нимъ имѣла дѣтей: двухъ дочерей и двухъ сыновей.

Библиотека "Руниверс"

монно, посидѣли очень жеманно, поговорили о слухахъ, затронули самолюбіе и разошлись.

Зачѣмъ она звала меня? я задавалъ себѣ вопросы. Такая натянутость меня мучила. Предложу ей замужество, такъ и быть!—вѣроятно она этого только и ожидаетъ. Положимъ, прежде она мнѣ почти отказала, потому что жива была ея матушка—женщина стариннаго вѣка, не дозволявшая ей выходить вторично замужъ, страшая, что и второй мужъ будетъ таковъ же, какимъ былъ покойный Михаилъ Николаевичъ; но теперь, должно быть, все это забыто, и хотя привычка ея къ свободѣ и къ своего рода капризамъ, напримѣръ: любовь къ собачкѣ, цѣлый полкъ дѣвокъ и лакеевъ, тьма странностей,—меня пугали, но я думалъ, авось все это исправлю моею любовью къ ней, послушаніемъ, что называется—лягу подъ башмакъ. Я твердо вѣрю, что женщина любящая больше насъ мучитъ; ей хочется наслаждаться до безграничности, у нея нѣтъ мѣры удовольствіямъ—она вся превращается въ восторгъ. Мужчина, напротивъ, достигнувъ любви, величается побѣдою, и довольный, небрежно куритъ сигару. Вотъ такъ и припомнить безсмертнаго Пушкина:

„Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился,
Безмолвно раболѣпный хоръ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.

Такъ уже природа создала родъ человѣческій, чтобы женщина ласкалась къ мужчинѣ, а у насъ перевоспитали женщинъ,—женщины взяли верхъ. Конечно, я не допускаю восточнаго тиранизма и гаремовъ, но съ особеннымъ удовольствіемъ смотрю на патріархальную чету, съ христіанскимъ направленіемъ, такъ называемаго средняго круга, гдѣ отъ самыхъ молодыхъ лѣтъ до старости мужъ жену называетъ: „Наталія Васильевна, моя голубушка“, а жена мужа величаетъ „Василіемъ Петровичемъ, своимъ ненаглядымъ“, которые при свидѣтеляхъ не цѣлуются, но за то и безъ свидѣтелей не дерутся. При этихъ мысляхъ мои идилліи и фантазіи о прелести женщинъ превращаются въ обыкновенную прозу. Лучше жениться, думалъ я, на бѣдной молодой дѣвушкѣ, которую можно направить по своему характеру

Библиотека "Руниверс"

или по общечеловѣческому плану, нежели на капризной вдовѣ. Однако, черезъ нѣкоторое время, такъ сказать, при первомъ случаѣ, я отправился къ Татьянѣ Дмитріевнѣ и на этотъ разъ смѣло предложилъ ей свою руку и сердце...

Смущеніе, нерѣшительность, что-то въ родѣ досады пробѣжало по лицу Т. Д. Казалось, она боролась между привязанностью и страхомъ. Она боялась подчиниться человѣку, котораго уже поняла хорошо. Ей представлялась ужасная перспектива— разстаться съ свободой и любимыми привычками. Значитъ, расчетъ, разсудочность заступили мѣсто увлеченій и минутныхъ наслажденій, за которыя люди не рѣдко расплачиваются жизнью. Матеріализмъ вполнѣ овладѣлъ моей вдовушкой, и при посредствѣ ханжества она уже нашла, что самую страстную любовь побѣждать можно. Такъ и поступлено. Мнѣ наотрѣзъ сказали: „Если не хотите моей любви, то женитесь на комъ угодно". Я всталъ, поклонился и ушелъ.

Уже больше мы съ Татьяной Дмитріевной не видѣлись. Черезъ годъ ровно она умерла и все имѣніе отписала на церкви. Характеръ удивительный!... Вѣчный ей покой!...

Наступила масляная недѣля 1842 года; я отправился въ Василевку еще предъ масляною, поспѣшилъ потому, что обѣщалъ дѣвушкамъ Ольшевскимъ и Надеждѣ Андреевнѣ съѣздить въ Бѣлоруссію осмотрѣть тамошнія ихъ имѣнія и разсмотрѣть дѣла.

Въ Василевкѣ я нашелъ уже всѣхъ ихъ. Изъ дѣтей Розетты Андреевны оставался дома Николай Тимофеевичъ, а Юзефина гостила въ Харьковѣ у княгини Долгоруковой. Недѣлю цѣлую я собирался ѣхать въ Бѣлоруссію, но меня удерживали, откладывая поѣздку день ото дня подъ различными предлогами. Между тѣмъ примѣтно стала за мной ухаживать меньшая племянница Ольшевской, Мари, безпрестанно со мною лепетала, пѣла и играла, особливо когда узнала, что я люблю музыку. Со мною въ одной комнатѣ присосѣдили одного изъ пріятелей Розетты Андреевны, Ухацкаго, для вывѣдокъ. Этотъ господинъ всячески ухитрялся, чтобы узнать мое мнѣніе о дѣвицахъ, и видимо желалъ направить мое сердце въ пользу Мари: но уже

Библиотека "Руниверс"

я, изучивъ людей, понялъ, какъ ему отвѣчать, въ родѣ того: онѣ обѣ отличныя дѣвушки, одинаково образованы и любезны, такъ что трудно мнѣ отличить между ними которую-либо и т. п. На вопросъ: „Женитесь ли вы когда?“, я отвѣчалъ отрицательно, такъ что Ухацкій послѣ нѣсколькихъ попытокъ донесъ покровительницѣ амурныхъ продѣлокъ, что на меня разсчитывать нѣтъ никакой надежды.

Но Розетта Андредвна не теряла надежды: она принялась аттаковать меня еще съ большей энергіей. Разъ, въ пылу самаго веселаго разговора, она меня спросила по-польски: отчего я не женатъ? Я экспромтомъ отвѣтилъ:

— Оттого, что невѣсты не объясняются! т. е. я самъ никогда не посмѣю объясниться.

— Неужели это случается? спросила Р. А.

— Отчего-же? Если мужчина можетъ признаніе объявить дѣвушкѣ, то и обратно можно ожидать признанія. Неужели же любить стыдно? Я полагаю, напротивъ, вредно скрывать чувства, особливо дѣвушкамъ, по натурѣ слабѣйшимъ твореніямъ, отъ чего онѣ могутъ болѣе страдать. Иначе можно думать, что въ въ дѣвушкахъ притворщицы всѣ, а въ женахъ обнаруживаютъ иной характеръ.

Какъ ни стояла Миклашевская противъ этихъ доводовъ, однако за мысль мою схватилась и успѣла привести ее въ исполненіе. Случай представился, или у нихъ былъ заговоръ, но меня поймали такъ:

Въ субботу на масляной я объявилъ, что завтра ѣду. Это приняли какъ бы за серіозный вызовъ, и Розетта Андреевна, показывая видъ заботливости о приготовленіяхъ къ моему отъѣзду, какъ водится, приказывая повару разныя для моей дороги печенія, съ улыбкою просила провести этотъ вечеръ въ ея кабинетѣ, дабы уединясь потолковать о дѣлахъ сиротъ, какъ она выразилась о сестрахъ Ольшевскихъ. Послѣ ужина я былъ приглашенъ на аудіенцію, но здѣсь нашелъ чинно сидящихъ: Розетту Андреевну, Надежду Андреевну и Мари, противъ которой сѣлъ и я. Разговоръ начался о дѣлахъ, и когда я доказалъ, что нужно мнѣ поспѣшить съ отъѣздомъ и выѣхать непремѣнно

Библиотека "Руниверс"

завтра, тѣмъ болѣе, что дорога портится и я могу быть задержанъ безпутицею,—то Мари отозвалась съ своею живою рѣчью:

— Извините, вы завтра не уѣдете, васъ не пустятъ.

— Кто же меня можетъ удержать и по какому праву? спросилъ я.

— Я, по праву вашей вѣрительницы [1]), отвѣчала Мари; я могу располагать вами, какъ моимъ повѣреннымъ, сохраняя ваше здоровье, которое для меня очень дорого.

Слова эти были произнесены такъ хорошо, какъ говоритъ только чистая и нелицемѣрная душа, такъ что вся моя схоластика перевернулась вверхъ дномъ и превратилась въ гуманность.

— Когда же мнѣ прикажете ѣхать? спросилъ я.

— Когда васъ попросятъ, съ улыбкой отвѣтили всѣ три собесѣдницы.

— Ваши дѣла отъ замедленія могутъ пострадать.

— Ничего не потерпятъ дѣла, лишь бы вы были здоровы.

— Зачѣмъ же вы такъ хлопочете о моемъ здоровьи, когда я совершенно здоровъ?

— Затѣмъ, сказала Мари, что я васъ люблю!—Сказавъ это, Мари вспорхнула и ушла.

— Браво, браво! воскликнула Розетта Андреевна. Вы ожидали отъ дѣвушки объясненія, и вотъ оно—самое искреннее, самое живое, и я не нахожу въ этомъ ничего дурного.

Тетушка нахмурилась: ей, можетъ, это было неожиданно и для ея самолюбія обидно; но на меня признанье подѣйствовало благотворно. Я сидѣлъ, какъ бы сконфуженный, въ душѣ моей отозвалось что-то пріятное. Такое доброе созданіе должно было показать, что дѣйствительно меня любитъ, и, если судьба мнѣ прикажетъ быть ея мужемъ, то я не могу ожидать упрека, который часто повторяется между мужьями и женами, составившими союзъ по расчету: „Я васъ не просила на мнѣ же-

[1]) Она съ сестрою давно мнѣ дали довѣренность на управленіе имѣніями и дѣлами.

Библиотека "Руниверс"

ниться“ и тому подобное. Такъ я сидѣлъ и погружался въ размышленіе.

— Поздравляю, поздравляю! перебила мои думы Розетта Андреевна. Вы отъ слова не откажетесь: я знаю, вы благородный человѣкъ. Вы сами сказали, что, если дѣвушка объяснится, вы женитесь. Чего же больше? Я вамъ рекомендую дѣвушку превосходную, достойную васъ невѣсту. Не правда-ли... а?...

Разстроенный, сконфуженный, какъ-то пріятно обманутый,— я всталъ, пожелавъ имъ покойной ночи, и ушелъ, пожавъ имъ руки.

Весь слѣдующій день—это былъ уже постъ—я провелъ грустный. Меня старались успокоить и даже сказали: „Если вы ужъ такъ настойчивы, мы вамъ не препятствуемъ ѣхать въ Бѣлоруссію, но съ условіемъ, какъ можно скорѣе возвращаться“.

Во вторникъ на первой недѣли поста, снабженный всевозможными пирожками и паштетами, я выѣхалъ на почтовыхъ и въ четыре дня доѣхалъ до Мстиславля, а оттоль въ шести верстахъ имѣніе Ольшевскихъ, Кудричи. Здѣсь арендовалъ имѣніе титулярный совѣтникъ Романъ Семеновичъ Шведовскій, претендентъ также къ меньшой владѣтельницѣ, но получившій отказъ; онъ принялъ меня радушно, какъ повѣреннаго своихъ же довѣрительницъ. Между дѣломъ познакомилъ у себя съ гостями, мстиславскимъ окружнымъ, полковникомъ Баумгарти Баумгарти, и ближайшимъ сосѣдомъ Самуиломъ Карповичемъ Илличемъ. Въ Мстиславлѣ бывали клубы, изъ коихъ въ одномъ былъ я съ Шведовскимъ и видѣлъ первый разъ въ жизни, какъ танцовалъ полковникъ Крагельскій съ одною полькою краковякъ.

Обозрѣвъ имѣніе Кудричи и Антоновку и получивъ полное понятіе о дѣлахъ, я на второй недѣлѣ поста выѣхалъ чрезъ Рославль и на той же недѣлѣ явился въ Василевку. Здѣсь меня встрѣтили по прежнему—отлично, и какъ я спѣшилъ въ Полтаву, то и не удерживали, съ тѣмъ, чтобы я пріѣхалъ къ Свѣтлому празднику въ Василевку; а Надежда Андреевна приглашала къ себѣ въ Будылку, давая замѣтить, что Пасху съ родными, ка-

Библиотека "Руниверс"

кимъ она меня считала по дружбѣ съ ея мужемъ, встрѣтить приличнѣе, а оттоль предлагала ѣхать въ Василевку вмѣстѣ.

Кому отдать предпочтеніе, я не рѣшилъ, бывъ занятъ моей поѣздкой въ Полтаву. Пріѣхавъ, здѣсь я занялся прежде всего дѣлами и нашелъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ:

а) Полтавскаго уѣзда, село Локощина съ 147 душъ крестьянъ и 1 тыс. десятинъ земли. На ней долговъ:

Приказу	28,000	руб.
Коллежскому совѣтнику Маньку	37,000	„
Купцу Смирнову	14,000	„
Помѣщику Бродскому 1000 р., полковнику Веселовскому 2200 р., полковнику Вакслунду 2300 р., нѣмцу Эпфнеру 2100 р., помѣщику Пащенку 1000 р., капитану Гончарову 2500 р., нѣмцу Эптеру 2700 р., помѣщику Лесевицкому 2100 р. полковнику Кутузову 1500 р., экономкѣ Невѣровичевой 500 р. и итого	16,900	„
b) Харьковской губерніи, лебединскаго уѣзда, село Будылка съ 57 душъ и 500 десят. земли, записанная Надеждѣ Андреевнѣ съ движимостью. На ней долгу Андрею Ивановичу Коваиьку . .	35,000	„
с) Могилевской губерніи, въ мстиславскомъ уѣздѣ, сельцо Кудричи и деревня Антоновка съ 99 душъ и 1100 десятинъ земли. На нихъ долгъ Банку	19,400	„
Да арендаторъ Шведовскій объявилъ претензію въ	2,000	„
Разныхъ мелочныхъ долговъ на . . .	1.000	„
Всего . . .	153,300	„

А имѣнія всего 303 души, если оцѣнить, по тогдашнимъ цѣнамъ, въ 700 р. душа, maximum стоитъ 211,100 р.

Сообразивъ все это, дружбу Даніила Францовича, желаніе Розетты Андреевны, которую я отъ души уважалъ, и наконецъ истинную любовь Мари, я рѣшилъ жениться и спасти достояніе, безъ этого могущее совершенно разориться. Между тѣмъ мнѣ нужно было разрушить и мнѣніе публики, что духовную я со-

Библиотека "Руниверс"

ставилъ въ пользу Надежды Андреевны. На этомъ основаніи я купилъ коляску, одѣлъ кучера, лошади у меня были,—и на послѣдней недѣлѣ отправился прямо въ Будылку, полагая навѣрное встрѣтить у тетушки и племянницъ.

Но между тѣмъ, какъ я въ Полтавѣ хлопоталъ цѣлый постъ по дѣламъ, Надежда Андреевна увѣрила Мари, что я пріѣду къ празднику не въ Будылку, а въ Василевку, поэтому она и переѣхала туда, не полагая, чтобы здѣсь сокрытъ былъ умыселъ, какъ впослѣдствіи оказалось. Надежда Андреевна задумала меня атаковать и сбыть соперницу, тѣмъ болѣе, что она ее и прежде не жаловала.

Ничего этого не зная, какъ сказалъ, я спѣшилъ въ Будылку въ самую великую пятницу. Тетушка была очень довольна, но крѣпко ошиблась, ибо предметъ мой составляла не она, и я, не найдя здѣсь Мари, примѣтно былъ недоволенъ. На вопросъ мой, гдѣ Мари, Надежда Андреевна отвѣчала, что она уѣхала на короткое время къ Р. А. и, вѣроятно, ее удержала распутица. И дѣйствительно, въ мартѣ тамъ уже распускаетъ рѣка и снѣгъ совершенно пропадаетъ. Дѣлать было нечего, приличіе требовало скрыть досаду, тѣмъ болѣе, что любезная хозяйка сама за мной ухаживала и даже расшевелила серіозную Теклю.

Въ то же время, какъ мы въ Будылкѣ грустимъ и приготовляемся къ празднику, Мари, по увѣренію тетушки, ожидала меня въ Василевкѣ,—но вдругъ поутру въ Великую субботу взбунтовалась. Она схватилась съ постели, вбѣжала полуодѣтая въ спальню къ Розеттѣ Андреевнѣ и разсказала сонъ, въ которомъ ясно видѣла, что вчера, т. е. въ пятницу, я пріѣхалъ въ Будылку и очень остался недоволенъ, не найдя ея; поэтому она и просила тотчасъ ее туда отправить. Сколько ее ни уговаривала Р. А. и Петръ Ивановичъ, представляя невозможность переплыть двѣ рѣки, Исель и Сулу, довольно широкія и быстрыя рѣки и особенно тогда, въ разливѣ,—но ничто не остановило героиню. Запрягли кибитку въ 5 лошадей, и Мари, что называется, поплыла.

Когда Мари перебиралась чрезъ рѣки и овраги, то вплавь, то на утлыхъ лодочкахъ, при всей однако боязни къ водѣ,—

Библиотека "Руниверс"

мы въ Будылкѣ ничего не знали и суетились съ приборами, какъ обыкновенно въ Малороссіи водится—пекутъ Пасхи, папушники готической величины, жарятъ всевозможную живность и дичь, красятъ яйца, пишутъ писанки и устанавливаютъ все это на огромныхъ столахъ. Уже вечерѣло, кажется благовѣстили въ церкви на такъ называемое „дѣяніе“, какъ въ это время въѣзжаетъ на дворъ кибитка, и съ нея выскакиваетъ Мари и съ быстротою серны вбѣгаетъ въ комнаты. „Bonjour, ma tante, bonjour, ma soeur!“ кричала обнимая ихъ. Далѣе влетѣла въ гостинную, гдѣ сидѣлъ я, чуть не бросилась мнѣ на шею. Предметъ ея сидѣлъ спокойно и читалъ книгу; она схватила меня за руку и пожала руку.

— Какъ я счастлива, что нашла васъ здѣсь!

Она пересказала мнѣ и вошедшимъ въ гостинную тетушкѣ и Теклѣ все живо и подробно, какой ей снился сонъ, какъ она просила Розетту Андреевну и Петра Ивановича отпустить ее, какъ перебиралась и топилась, и заключила словами:

— Этимъ я доказала, что люблю васъ!

Ея лицо сіяло радостью и какою-то воодушевленной гордостью, приличною побѣдительницѣ стихій. Держа ея руку, я благодарилъ ее за чувства и первый разъ поцѣловалъ ее. Весь вечеръ мы провели неразлучно и, какъ водится между влюбленными, разговорамъ не было конца. Здѣсь вполнѣ высказался ея умъ и обнаружилось доброе и нѣжное сердце... Насъ, по обыкновенію, въ 12 часовъ ночи позвали на всенощную. Я слушалъ ее съ особеннымъ благоговѣніемъ; въ концѣ заутрени, по обыкновенію же, мы должны были христосоваться, и мнѣ пришлось кстати поцѣловать Мари, какъ ангелъ благовѣстилъ Богородицу, ибо этотъ годъ праздникъ Пасхи какъ разъ случился 25 марта, т. е. на Благовѣщеніе. Потомъ слушали обѣдню. Мы видѣли, какъ священникъ кропилъ святою водою пасхи, съ разными припасами, разставленныя въ нѣсколько рядовъ вокругъ церкви, и какъ потомъ каждый поселянинъ спѣшилъ съ этими яствами домой, чтобы всей семьей вкусить уготованнаго агнца и сладкаго хлѣба. Мы также отправились домой, гдѣ пасха освящена была еще наканунѣ праздника.

Библиотека "Руниверс"

По обычаю, издревле здѣсь установленному, мы, вышедши отъ обѣдни, кажется, въ 5 часовъ утра, уже завтракали, т. е. сначала ѣли такъ называемую пасху, потомъ яйца, сыръ и далѣе по-немножку всякаго мяса, пили чай и, можно сказать, весь день закусывали, то садились отдыхать. Само собою разумѣется, мы почти были неразлучны съ Мари, и я рѣшился въ тотъ же день объявить тетушкѣ и сестрѣ о моемъ предложеніи, спросивъ предварительно согласія самой Мари. Когда я предложилъ ей быть спутницей жизни, она схватила мою руку и поцѣловала. О, скажутъ молодыя дѣвушки, какая простенькая эта Мари!— но я совѣтую вамъ, барышни, подражать этой простенькой въ подобныхъ случаяхъ. Мари отъ этого ничего не потеряла, а доказала кротость и ангельскую душу, о которыхъ всѣ твердятъ, а рѣдкая ихъ имѣетъ, тогда какъ это существенная и главная нравственная черта дѣвушекъ. За то я ее поцѣловалъ крѣпко, и мы объявили тетушкѣ о нашемъ сговорѣ.

Вы можете представить физіономію, пораженную неожиданно громомъ! Въ такомъ состояніи была Надежда Андреевна при нашемъ объявленіи. Она закрыла лицо руками, придумывала, что намъ сказать, и вмѣсто поздравленія, открывъ лицо, открыла вмѣстѣ и уста съ провозглашеніемъ:

— Я должна предупредить васъ, Иванъ Ивановичъ, что у Мари ничего нѣтъ изъ гардероба, а у меня развѣ какой старый найдется чепчикъ.

— Если только объ этомъ идетъ рѣчь, возразилъ я, то прошу васъ не безпокоиться. Мнѣ токмо нужно ваше согласіе, какъ главной родственницы моей невѣсты, а тамъ уже я самъ похлопочу о приданомъ.

Не помню, что на это отвѣчала тетушка—ушла въ свой кабинетъ и заперлась; а черезъ четверть часа летѣлъ уже гонецъ къ Розеттѣ Андреевнѣ съ слѣдующимъ письмомъ: „Многоуважаемая Розетта Андреевна! Г. Сердюковъ объяснился Мари, думаетъ на ней жениться. Но вы знаете, какъ это трудно устроить, когда у нея ничего нѣтъ. Онъ говоритъ, что самъ все сдѣлаетъ, а у меня, вы знаете, тоже ничего нѣтъ. Я никакъ не ожидала этой партіи, и полагаю, на это не согласитесь ни

Библиотека "Руниверс"

вы, ни Юзефина Тимофеевна, и рада буду, если это не состоится. Мнѣ кажется, этого нельзя не желать. Вамъ преданная Н. Ольшевская. 26 марта 1841 г.

Розетта Андреевна, получивши это письмо, тотчасъ написала съ эстафетою въ Харьковъ Юзефинѣ и полученный отъ нея отвѣтъ по-французски препровождала ко мнѣ при слѣдующемъ письмѣ: „Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Надежда Ивановна увѣдомила меня о сдѣланномъ вами предложеніи Мари. Поздравляю васъ отъ души и очень радуюсь вашему выбору: я знаю Мари хорошо и надѣюсь, что она вполнѣ можетъ составить ваше счастье и сама равно будетъ счастлива. Если вы затрудняетесь на счетъ свадьбы, то, при тѣснотѣ дома Надежды Андреевны, можете располагать въ Василевкѣ. Пріѣзжайте, обо всемъ потолкуемъ. Отъ Юзефины полученное письмо на счетъ васъ препровождаю для прочтенія. Всегда къ вамъ усердная Р. Миклашевская". Юзефина по-французски отвѣчала матери, что предложеніе мое не токмо для Мари, но считаетъ счастливымъ и для ихъ дома.

Отвѣтъ чрезвычайно не понравился тетушкѣ. Она ждала писемъ въ другомъ смыслѣ. Но дѣло объяснено, и она, вмѣсто хотя бы притворнаго участія, начала съ нами ссоры, давая разумѣть, что съ выходомъ Мари замужъ отказывается отъ всякаго участія въ дѣлахъ племянницъ. Такая перемѣна рѣшительно меня вооружила противъ тетушки. Бѣдная Текля, предубѣждаемая нынѣ противу меня, также страдала, тѣмъ еще болѣе, что, по словамъ ксендза, Мари, какъ католичкѣ, выходъ за русскаго предзнаменовалъ будто несчастіе. (На этотъ разъ ксендзъ совралъ—мы жили превосходно). Одна Мари не унывала и пѣла, а это тетушку бѣсило до ревности. При такомъ вступленіи нужно было самимъ хлопотать о скорѣйшемъ устройствѣ нашихъ дѣлъ, вслѣдствіе чего я съ Мари уѣхалъ въ Василевку для совѣщанія съ Розеттой Андреевной.

Въ Василевкѣ рѣшили вѣнчаться 13 мая 1841 года, въ Будылкѣ, дабы не обезславить тетушки. Я же взялся приготовить все нужное къ вѣнцу. Для этого отправился въ Полтаву и уже 14 апрѣля прислалъ къ Мари приданое при слѣдующемъ

Библиотека "Руниверс"

регистрѣ: 26 аршинъ матеріи григро на два платья, одно голубое, другое темновишневое, аделаидъ, по 8 руб.—208 руб.; 3 штуки ивановскаго холста—60 руб.; 1 штука голландскаго, Вебе—220 р.; 1 платокъ шелковый большой—100 р.; 1 штука розовой китайки—20 руб.; 13 аршинъ холстинки—12 р. 35 к.; 2 штуки коленкору—64 р.; 7 аршинъ широкой парусины—32 р.; 17 золотн. шелку—4 р. 25 к.; 6 арш. кисеи—13 р. 50 к.; 2 аршина тюль илюзіонъ—13 р.; 2 арш. тюль блондъ—10 р. 16 аршинъ рюшу—5 р. 60 к.; 4 аршина блондъ—3 р. 20 к.; 50 аршинъ лентъ—5 р., 1 парасоль—5 р.; 25 золотник. китоваго уса—2 руб. 50 коп.; 16 аршинъ адамашки шелковой—72 руб.; 1 арш. прюнели—5 р.; 1 дамское манто—175 р.; 2 кровати съ матрацами—100 р.; 6 креселъ—90 р.; 1 туалетъ краснаго дерева съ зеркаломъ—250 р.; диванъ и столъ—115 р.; 1 лѣтняя коляска—700 р.; 4 лошади и сбруя—800 р.; 1 коляска зимняя—500 р.; 1 дрожки—450 р. Итого 4180 руб. 40 коп. Вѣнчальное платье сдѣлала Розетта Андреевна; шляпу выписалъ я изъ Петербурга, а салопъ лѣтній прислала изъ Харькова Юзефина. Послѣ того я купилъ карету у полковника Миллера за 3500 руб.

Въ мартѣ мѣсяцѣ получилъ я отставку и жилъ въ Полтавѣ до мая, и собравшись въ первыхъ числахъ этого мѣсяца отправился въ Василевку, а оттоль въ Будылку, гдѣ 13 мая 1841 года мы вѣнчались въ тамошней церкви. У меня шафером былъ Егоръ Васильевичъ Далецкій, помѣщикъ гадяцкаго уѣзда полтавской губерніи, у Мари—Алексѣй Тимофеевичъ Богаевскій. Свадьба кончилась въ домѣ тетушки, въ присутствіи Розетты Андреевны и многихъ гостей. Тетушка на этотъ разъ съ нами примирилась и даже, когда мы возвратились отъ вѣнца, поцѣловала меня.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА-РОМАНОВИЧА МАРТОСА [1].

(1817—1830 г.г.)

VI. Письма Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго [2].

(1821—1827 г. г.).

21. М. г. мой Иванъ Романовичъ!

Весьма благодарю васъ и за поздравленіе меня съ новымъ годомъ и за благія мнѣ пожеланія ваши. Я не привѣтствую васъ съ первымъ, какъ уже отъ времени потерявшимъ сіе назначеніе, но только желаю взаимно и вамъ наслаждаться долголѣтно добрымъ здоровьемъ и всякимъ благосчастіемъ, а себѣ удовольствія увидѣться съ вами и прижать къ сердцу, искренно васъ любящему. Не всѣ вѣсти въ мірѣ семъ бываютъ справедливы, такъ напримѣръ, и свѣдѣніе, полученное вами отъ И. И. не совсѣмъ таково. Правда, я по случаю живу съ нимъ теперь въ одномъ городѣ, но не въ одномъ кварталѣ и весьма не близко другъ къ другу. Съ наступленіемъ весны, ежели Богъ дастъ мнѣ дожить ея, намѣреваюсь совершить послѣднюю часть пути, ведущаго къ тихому пристанищу. Такъ ласкаюсь пріятной надеждою узрѣть и васъ, къ коему никогда не престану быть съ нелицемѣрнымъ

[1] См. „Кіев. Стар." 1896 г., октябрь, 77—92.

[2] Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, бывш. министр. юстиціи. (р. 1794 † 1829). О немъ см. Русск. Стар. 1882 г. іюнь, и Историч. Вѣстн. 1891 г. май и іюль.

Библиотека "Руниверс"

почтеніемъ и душевною приверженностію, м. г. мой, вашъ покорнѣйшій слуга.

Москва, февраля 5. 1821 г.

22. М. г. мой Иванъ Романовичъ!

Сколь много доставили вы мнѣ сердечнаго удовольствія пребываніемъ вашимъ въ Кибинцахъ и раздѣленіемъ скуки деревенскаго нашего общества, столь неменше утѣшили меня двумя любезными вашими письмами отъ 6 и 13 ноября, единовременно мною полученными. За первое и за послѣднія чувствительнѣйшую приношу благодарность и надѣюсь на дружбу вашу, что во ожиданіи пока возможность предстанетъ быть намъ паки вмѣстѣ, вы не оставите услаждать меня вашими пріятными извѣщеніями. Прежде полученія вашихъ писемъ, я чрезвычайно безпокоился на щетъ вашей дороги, которую вы предприняли въ самую суровую погоду, но благодареніе Богу, вы совершили ее благополучно. Желаю, чтобъ святыя мѣста, въ коихъ вы теперь обитаете, послужили къ совершенному укрѣпленію здоровья вашего. Прекрасное дерево, кизиль, вами присланное, довезено сюда весьма бережно и посажено предъ окошками моего кабинета и слѣдственно всегда будетъ предъ глазами моими. На зиму оно кажется хорошо ограждено отъ стужи, и весна покажетъ, успѣли ли мы сберечь его, но впрочемъ, что бы ни случилось, я, какъ наблюдатель подобныхъ рѣдкихъ произрастеній, искреннѣйшую приношу вамъ благодарность за снабденіе меня онымъ. Извѣстія ваши крайне интересны и я ни отъ кого ихъ не пріймy съ такою увѣренностію, какъ отъ васъ, ибо сужденіямъ вашимъ знаю истинную цѣну. Я положилъ съ нетерпѣніемъ ожидать, пока вы усовершенствуете извѣстныя книги вашими примѣчаніями. Съ сими послѣдними они для меня будутъ важнѣе и занимательнѣе и для того не хочу безпокоить сосѣда моего[1]) сообщеніемъ мнѣ его рукописи и ограничу свое любопытство до полученія вашего превосходнаго экземпляра. Пріймите увѣреніе и проч.

Кибинцы, декабря 3, 1821.

[1]) В. Я. Доминковскаго.

Библиотека "Руниверс"

23. Введеніе, вами начертанное къ описанію моей библіотеки, я нахожу превосходнымъ въ отношеніи только сочиненія, а не по достоинству изображаемыхъ предметовъ. Однако жъ не меньше желалъ бы имѣть его въ такомъ видѣ, какъ вы оное обѣщаете усовершенствовать; нынѣшнее же недостаточно и потому, что по ошибкѣ, видно, переписчика пропущено одно не изъ малознающихъ отдѣленій или статей, именно VIII, о доходахъ торговли и пр. и пр. Съ сожалѣніемъ скажу вамъ, что и каталоги книгамъ остаются по...(?) въ прежнемъ положеніи, ибо къ исправному ихъ составленію и перепискѣ руководствовать некому; я же признаюсь, по немощамъ моимъ и по частымъ болѣзнямъ, не могъ возложить на себя сей скучной и заботливой обязанности и жаль очень, что предположеніе къ тому сдѣланное остается безъ исполненія до лучшаго и удобнѣйшаго времени. Весьма соглашаюсь съ вами, что искусство писмянъ есть совершенство, единому Богу свойственное, и ему за оное обязаны мы приносить жертву, хвалы и благодаренія. Сей божественный даръ, толико человѣчеству полезный, доставляетъ и мнѣ то неизреченное удовольствіе, что я и въ отсутствіи утѣшаюсь пріятною вашею бесѣдою и могу изъявлять взаимность чувствованій отличнаго моего къ вамъ почтенія и душевной приверженности, съ коими навсегда пребуду...

Кибинцы, генваря 7, 1822.

24. Извините меня, почтеннѣйшій Иванъ Романовичъ, за продолжительное молчаніе мое и что я не отвѣчалъ даже на нѣсколько дружескихъ писемъ вашихъ, въ томъ числѣ и на привѣтственное по случаю прошедшаго свѣтлаго праздника, въ который я мысленно прижималъ васъ къ сердцу, и цалуя я радостно возглашалъ: Христосъ воскресе! Теперь пользуясь отъѣздомъ Алексѣя Васильевича (Капниста), предоставляю ему объяснить вамъ причину неключимости моей и болѣзненнаго состоянія, а самъ обращаюсь къ отвѣтамъ, хотя краткимъ на любезную для меня бесѣду вашу. Съ благодарностію получилъ я рукописныя книги, отъ васъ доставленныя, и они-то занимаютъ меня теперь вседневно; но признаюсь вамъ чистосердечно, безъ преду-

Библиотека "Руниверс"

вѣдомленія вашего, съ толикою твердостію и основательностію опровергающаго ложныя умствованія сочинителя, я бы не имѣлъ терпѣнія прочитать его отъ начала до конца. При всей знаменитости Г. С. [1]), при всей глубокой мудрости его, одни чудесныя видѣнія его совершенно унижаютъ цѣль его творенія и показываютъ его или съумашедшимъ или шарлатаномъ. Можетъ быть я и обманываюсь на щетъ сего препрославленнаго сочинителя, но система его одна изъ тѣхъ, кои никогда не привлекали моего къ нимъ уваженія. По окончаніи чтенія сей книги, я поступлю съ ней такъ точно, какъ вы мнѣ предписали, о чемъ заранѣе уже предварилъ я и Вас. Яковл. (Ломиковскаго). Что касается до другова дара, вами мнѣ обѣщаннаго, я его буду ожидать съ нетерпѣливостію и напередъ восхищаюсь симъ прекраснымъ твореніемъ рукъ вашихъ. Я бы однако считалъ лишнимъ включить въ оное имя мое; но не смѣя отказать въ удовлетвореніи требованію вашему, сообщаю вамъ на особой запискѣ полный титулъ мой, прибавя къ тому, что въ 1802 году, безъ всякаго моего исканія и даже безъ моего свѣдѣнія, эстляндское рыцарство, принявъ меня въ свое сословіе и включивъ въ ихъ метрикулу, доставило мнѣ чрезъ депутацію дворянскаго предводителя грамоту на сіе достоинство. Оканчиваю увѣреніемъ въ непоколебимыхъ чувствахъ отличнаго къ вамъ почтенія, искренней дружбы и душевной приверженности...

Кибинцы, октября 28, 1892 г.

25. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Употребивъ ровно 50 дней на прочтеніе извѣстной книги, вами мнѣ доставленной, я чистосердечно сознаюсь предъ вами, что не смѣю назвать ея *евангельскою премудростію*, и слѣдуя вашему мнѣнію „что въ семъ дѣлѣ гораздо полезнѣе молчать“, не могу однако жъ не убѣждаться справедливостію того заключенія, которое нашелъ я въ прочитанной недавно мною другой книгѣ, подъ титуломъ *божественная философія*. Сочинитель сея послѣднія, на щетъ Г. Св... изъясняется сими словами: „жаль,

[1]) Сведенборгъ?

Библиотека "Руниверс"

что онъ часто божественную истину св. писанія потемняетъ своимъ воображеніемъ, которое нерѣдко заражало его своею ржавчиною. Сія истина не можетъ быть чиста, какъ скоро для достиженія къ ней нужно ломать голову. Впрочемъ, онъ имѣетъ много". Не распространяясь болѣе о семъ важномъ и многова размышленія требующемъ предметѣ, я только обязанъ повторить вамъ, почтеннѣйшій Иванъ Романовичъ, искреннѣйшую благодарность за дружескую довѣренность, съ которою вы мнѣ сообщили сію книгу, и увѣдомить васъ, что я оную согласно съ желаніемъ вашимъ передалъ въ руки общаго пріятеля нашего Василія Яковлевича, съ коимъ я разлучился можетъ быть на цѣлое лѣто, переѣхавъ для продолженія лѣченья и купанья, въ Ярески [1]), гдѣ часто воспоминаемъ съ сердечнымъ сожалѣніемъ лишеніе того удовольствія, какое приносило намъ прошедшаго лѣта любезное и пріятное ваше сообщество. Теперь обращаюсь къ той посылкѣ, которую я отъ дружбы вашей получилъ предъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Кибинецъ. Не нахожу довольно словъ ни возблагодарить васъ, ни возхвалить по достоинству труды ваши, которыми вы съ такимъ краснорѣчіемъ изобразили виды деревенскаго моего книгохранилища. Но сказать ли вамъ истину? Я одинъ восхищался картиною прекраснаго и занимательнаго сочиненія вашего, и не хотѣлъ показать онаго даже никому и изъ домашнихъ моихъ, дабы не сочли меня самолюбивымъ, въ отношеніи тѣхъ качествъ, кои угодно было вамъ приписать мнѣ лично и которымъ я считаю себя чуждымъ. По сей единственно причинѣ прелестное твореніе ваше останется въ тайной моей архивѣ, въ числѣ піесъ никакому духу не сообщаемыхъ. Въ заключеніе, позвольте сказать нѣсколько словъ на щетъ предположенія вашего, что война у насъ съ турками неизбѣжна. Напротивъ, всѣ извѣстія, изъ столицы доходящія доказываютъ, что войны не будетъ, что турки уже согласны на удовлетвореніе требованіямъ Россіи, и что затѣмъ греки предоставляются собственному ихъ жребію. Можетъ быть, Богъ поможетъ имъ самимъ, по примѣру американцевъ, восторжество-

[1]) Село Ярески, миргородскаго уѣзда, полтавской губ.

Библиотека "Руниверс"

вать надъ лютыми своими преобладателями и хотя въ нѣкоторой своей части возстановить независимость своей націи. Жаль только, если изгнаніе варваровъ изъ Европы, къ чему теперь насталъ самый лучшій случай, отлагается и о чемъ каждая православная душа печалиться должна. Оканчиваю длинное письмо мое подтвержденіемъ искреннѣйшаго увѣренія о непоколебимыхъ чувствахъ отличнаго моего къ вамъ почтенія и душевной преданности...

Яреськи, іюля 1, 1822.

26. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Мой жребій всегда извиняться въ медленности отвѣтствованія на любезнѣйшія письма ваши, которыя сколь не великое приносятъ мнѣ удовольствіе, но часто находятъ меня въ такой неключимости, что я ни перомъ владѣть, ни мыслями располагать не въ состояніи, будучи почти безпрестанно подверженъ различнымъ припадкамъ, свойственнымъ преклонности лѣтъ моихъ, приближающихъ меня къ послѣднему предѣлу жизни. Независимо отъ сихъ причинъ, встрѣтилась еще и новая, крайне меня огорчившая, по коей не могъ я уже писать къ вамъ черезъ почту. По пакету одного изъ писемъ вашихъ, и именно отъ 20 августа, который я нарочно сберегъ и при семъ къ вамъ нарочно препровождаю, усмотрѣлъ я съ неудовольствіемъ, что нескромное любопытство почтмейстера кіевскаго, или другого кого изъ сяужителей почтовыхъ, дерзнуло открывать содержаніе переписки нашей, долженствующей быть неприкосновенною. Симъ непозволеннымъ и наглымъ поступкомъ я столь много огорченъ былъ, что тогда же хотѣлъ принести жалобу почтдиректору и просить объ изысканіи, но избѣгая послѣдствій, непріятныхъ для нарушающихъ общественную довѣренность къ почтамъ, оставилъ оное и вамъ однимъ только сообщаю для употребленія, какое вы изъ того здѣлать благоразсудите. Что-же касается до меня, я рѣшился уже никогда писемъ моихъ ни ввѣрять подозрительной кіевской конторѣ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, доколѣ не буду выведенъ изъ сумнѣнія, что управляющій овою не только

Библиотека "Руниверс"

самъ не причастенъ злоупотребленію, но и за подчиненными своими будетъ имѣть по обязанности лучшее наблюденіе...

Кибинцы. Ноября 16, 1822.

27. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Я не знаю, какъ и чѣмъ оправдаться предъ вами, почтенный мой другъ, въ долговременномъ моемъ молчаніи, кромѣ искренняго моего признанія, что къ старости моей и слабости здоровья, присовокупилась такая лѣность и неключимость, что и самомалѣйшій трудъ почитаю великою для себя тягостію, а къ письму такое чувствую отвращеніе, какъ больной къ лѣкарствамъ, коихъ долговременный безполезный пріемъ наскучилъ до безконечности. По сей то причинѣ не могъ я въ свое время отвѣтствовать на ваши любезныя письма, и теперь только приношу за оныя чувствительнѣйшую благодарность, прося не лишать меня удовольствія и впредь, хотя изрѣдка, получать ихъ. Благодарю также васъ, м. г. мой, за принятое вами дружеское попеченіе въ отношеніи приготовляемаго въ Кіевѣ евангелія для домовой моей церкви, которая съ помощію божіею освящена въ 7-й день нынѣшняго мѣсяца. Не считаю однакожъ нужнымъ включать въ сію святую книгу и я какой моей надписи, какъ вещи, по мнѣнію моему, являющей нѣкоторымъ образомъ тщеславіе или похвалу предъ Всевидящимъ. Ежели чего еще осталось мнѣ желать, такъ единственно того, чтобы видѣть васъ въ семъ новосозданномъ храмѣ св. великомученника Димитрія, возсылающаго моленіе ко Всевышнему, вмѣстѣ со мною и домашними моими, которые раздѣляютъ чувства нелицемѣрнаго моего въ вамъ почтенія и душевной преданности...

Кибинцы, октября 15, 1823.

28. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Сколь ни любезны для сердца моего дружескія поздравленія и желанія вами изъявленныя въ двухъ письмахъ вашихъ по случаю прошедшихъ именинъ моихъ и наступившаго новаго года, и какъ ни воображали вы, что празднества сіи проведемъ мы пріятно и весело, но судьба устроила противное тому, и вы безъ

Библиотека "Руниверс"

сомнѣнія уже знаете плачевную причину, претворившую радостные дни наши на печаль и унынiе, отъ которыхъ по сю пору еще не могъ я совершенно исцѣлиться. Не распространяюсь болѣе въ описаніи вамъ ни состоянія здоровья моего, ни другихъ здѣшнихъ обстоятельствъ: все, что вы пожелаете въ подробности узнать, достаточно удовлетворитъ васъ лично вручитель сего племянникъ мой[1]); а мнѣ остается только удостовѣрить васъ, что чувства искренняго моего къ вамъ почтенія и душевной приверженности пребудутъ неизмѣнны во всю жизнь...

Кибинцы, генваря 12, 1824.

29. Старинная наша пословица говоритъ: „повинную голову и мечъ не сѣчетъ“. Я признаю себя повиннымъ предъ вами, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Иванъ Романовичъ, и прошу дружескаго, великодушнаго прощенія за долговременное молчаніе мое. Но что дѣлать! И лѣнь, и слабость налегли на меня тяжко. Повѣрите ли, что нѣсколько уже мѣсяцевъ не выхожу я изъ своихъ комнатъ далѣе столовой и церкви? Еще кой-какъ упражняюсь въ чтеніи, а къ письму рука не поднимается, ни самое золотое перо, къ употребленію коего вы подали примѣръ, не пособляетъ моей неключимости. На сей разъ собравъ послѣднія силы, свидѣтельствую вамъ искреннѣйшую благодарность за поздравленіе меня съ наставшимъ новымъ годомъ...

Кибинцы, генваря 18, 1825.

30. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Извините почтенный другъ, что я поздно отвѣчаю вамъ на два дружескія письма отъ 22 ноября и отъ 22 декабря, во-первыхъ, по данному самому себѣ и вамъ уже извѣстному обѣту никогда не посылать писемъ моихъ на нескромную кіевскую почту, а во-вторыхъ, по причинѣ тяжкаго смущенія, въ какое духъ мой поверженъ былъ различными происшествіями, сколь неожиданными, столь и важными, коими ознаменованъ конецъ минувшаго года. Благодареніе Богу, мы дождались новаго и должны молить Святое Провидѣніе, да изліетъ на всѣхъ насъ

[1]) А. А. Трощинскій.

Библиотека "Руниверс"

новую благодать и милость, въ особенности же да даруетъ новому нашему юному монарху долгоденственное, мирное и славное царствованіе. Прочитавъ съ удовольствіемъ присланную вами книгу, я съ благодарностію вамъ ее возвращаю, не желая лишить васъ сей рѣдкости. Я надѣюсь вскорѣ получить ее изъ Москвы для нашей библіотеки, которая далеко еще не достигла степени именоваться огромнѣйшею. Въ заключеніе, желаю вамъ отъ чистаго сердца наилучшаго здоровья и всякаго благополучія и проч.

Кибинцы, генваря 16, 1896.

31. М. г. мой, Иванъ Романовичъ!

Извините, почтеннѣйшій другъ, что я по причинѣ слабости здоровья моего, отвѣчаю вамъ вдругъ на два ваши письма отъ 12 и 19 сего мѣсяца. Благодарю васъ отъ искренняго сердца и за привѣтствія, въ первомъ содержащіяся, и за доставленіе при послѣднемъ петербургскаго письма, котораго косвенный ходъ нѣсколько удивилъ меня. Новости теперь рѣдки у насъ, и тѣ, кои знаемъ, доходятъ только чрезъ газеты. Изъ нихъ видно, что смѣнены почти въ одно время два извѣстные намъ Алексѣи Петровичи, но причины, по коимъ сіе произошло, не достигли до насъ. По крайней мѣрѣ, не слышали-ль вы чего либо хотя объ одномъ, въ коемъ вѣроятно и вы столько же принимаете искреннее участіе. Мнѣ очень жаль, что онъ подвергся сему непріятному жребію своимъ какимъ-либо неосмотрительнымъ поступкомъ.

Кибинцы, апреля 27, 1827.

Библиотека "Руниверс"

Свадьба малорусская, какъ религіозно-бытовая драма[1].

Свадьба малорусская представляетъ очень выработанный и законченный циклъ знаменательныхъ обрядовъ и пѣсенъ, въ которыхъ подъ поэтической формой представлены слагавшіяся вѣками воззрѣнія народа на такой важный моментъ человѣческой жизни, какъ бракъ. Значеніе обрядовъ и художественныхъ образовъ, которые заключены въ пѣсняхъ, интересно само по себѣ, и уже нашло изслѣдователей среди нашихъ ученыхъ, каковы А. Аѳанасьевъ, Н. Сумцовъ и Н. Янчукъ;—поэтому мы обратимъ въ настоящемъ очеркѣ главное вниманіе на ту форму, въ которой довольно прочно отлилась вся свадебная обрядность. Эта форма

[1]) Малорусскій свадебный обрядъ издавна обратилъ на себя вниманіе образованныхъ людей. Взглядъ на него измѣнялся въ связи съ измѣненіемъ тѣхъ или другихъ сторонъ въ общемъ міросозерцаніи образованнаго общества. Въ половинѣ прошлаго столѣтія духовенство, представлявшее собою главную составную часть тогдашняго образованнаго класса, взглянуло на свадебный обрядъ исключительно съ христіанской точки зрѣнія и нашло въ немъ столько языческихъ элементовъ, что сочло нужнымъ искоренять отправленіе его въ народѣ. 24 декабря 1864 года изданъ былъ указъ кіевской духовной консисторіи: «О недѣланіи прихожанами при отправленіи законныхъ браковъ законопреступныхъ дѣйствій, яко то: по улицахъ безчинствъ, криковъ и вопліевъ, плесканій, плясаній, пѣній скверныхъ и иныхъ многихъ безстудій и беззаконій, и народныхъ соблазновъ». Приходскимъ священникамъ повелѣно было опубликовать указъ въ церквахъ «приватно увѣщевать и смирять о нечиненіи таковыхъ законопреступныхъ проступковъ, устрашая прихожанъ Божіимъ нелицепріятнымъ

Библиотека "Руниверс"

представляетъ собою глубоко-интересный образчикъ житейской драмы, которой различные акты растянуты на цѣлую недѣлю. Та особенность малорусской свадьбы, что каждый обрядъ сопровождается объясняющей его пѣсней, каждое появленіе и дѣйствіе жениха, невѣсты, сватовъ, бояръ, дружекъ объясняется соотвѣтсвующими пѣснями, приближаетъ нашу свадьбу къ древнеклассическимъ мистеріямъ или къ трагедіямъ Софокла съ ихъ хоромъ, строфами и антистрофами.

Свадьба, разсматриваемая, какъ религіозно-бытовая эпопея, представляетъ слѣдующіе важнѣйшіе моменты: 1) сватанье, 2) заручины, 3) печеніе коровая, 4) дивич-вечиръ, 5) витье гильця, 6) посадъ, 7) вѣнчаніе, 8) покрытіе невѣсты, 9) брачное ложе и 10) торжество послѣ благополучнаго заключенія брака.

Кто видѣлъ свадебные обряды въ сердцѣ Малороссіи, гдѣнибудь въ глуши, гдѣ еще не коснулась новѣйшая нивелирующая жизнь, тотъ замѣтилъ, съ какой глубокой вѣрой относится народъ ко всѣмъ символическимъ дѣйствіямъ и церемоніямъ, совершаемымъ во время брачнаго веселья; между тѣмъ какъ насто-

---

судомъ и грядущею нечаянною и неминуемо жесточайшею временною и вѣчною казнію». Хотя священники доносили къ начальству, будто прихожане послѣ увѣщаній воздержали себя «отъ соблазнительныхъ и злочестивыхъ обычаевъ» при свадьбахъ, однако свадебный ритуалъ продолжалъ строго соблюдаться. Скоро на него обратили вниманіе съ другой стороны: какъ на остатокъ глубокой бытовой старины,— и явились любознательные и просвѣщенные люди, которые попытались записать для потомства весь ходъ свадебнаго обряда. Первою записью такого рода была книжка Григорія Калиновскаго «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ», изданная въ Петербургѣ въ 1777 году (Замѣтка о ней В. Горленка, Кіев. Стар. 1884, № 3, 505—507). Въ нашемъ столѣтіи научный интересъ къ свадебнымъ обычаямъ выступаетъ на первый планъ, и всѣ собиратели малорусскаго этнографическаго матеріала записывали не только самые обычаи, но и сопровождающія ихъ пѣсни. Многія записи были разновременно напечатаны. Припомнимъ важнѣйшія: 1) Pieśni ludu Galicyjskiego. Zebrał i wydał Wacław z Oleska. We Lwowie 1833. Стар. 1—39. При пѣсняхъ сдѣланы краткія указанія на обряды, во время которыхъ онѣ поются.

Библиотека "Руниверс"

ящій смыслъ многихъ дѣйствій для народа давно уже утерянъ, такъ какъ происхожденіе ихъ очень древнее; они сложились за цѣлыя тысячелѣтія до настоящей эпохи.

Значеніе свадебной мистеріи и теперь еще на столько велико, что во многихъ мѣстахъ брачное сожитіе не начинается до тѣхъ поръ, пока она не исполнена, хотя-бы церковный бракъ и совершенъ былъ; такъ что случается, что невѣста цѣлыя недѣли, а то и цѣлый годъ живетъ и ходитъ, какъ дѣвушка, пока не отгуляютъ *весилля*.

Матеріаломъ для разсмотрѣнія малорусской свадебной эпопеи послужили мнѣ *обряды и пѣсни, записанныя г-жею М. Гаменко въ селѣ Ивановкѣ, елизаветградскаго уѣзда, херсонской губерніи.*

Матеріалы эти появляются первый разъ въ печати; они довольно вѣрно передаютъ излюбленный типъ малорусской свадьбы; изрѣдка, впрочемъ, попадаются въ нихъ и оригинальныя черты. Обрядность, записанная въ херсонской губерніи, въ такой мѣстности, гдѣ старинные обычаи уже подверглись порчѣ и уничто-

---

Записаны пѣсни въ уѣздахъ Жолковскомъ, Станиславовскомъ и Тарнопольскомъ. 2) Ruskoje wesile, opysannoje czerez I. Lozinskoho. Перемышль 1835. 3) Русинське весілля надъ Збручемъ. Основа, 1862, апрѣль, стр. 1—40 (въ «Основѣ» принята была отдѣльная пагинація для каждой статьи). Эта-же статья перепечатана у Головацкаго, народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Т. II, М. 1878, стр. 625—676. 4) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Составлено Николаемъ Марковичемъ. Кіевъ 1860. Стр. 97—149. Описаны обряды полтавской губерніи, откуда родомъ былъ Марковичъ. 5) Галицко-русскіе и угро-русскіе свадебные обряды и пѣсни собраны въ огромномъ количествѣ у Головацкаго, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, М. 1878, т. IV, стр. 210—441. 6) Ровно черезъ сто лѣтъ послѣ появленія въ печати перваго описанія малорусской свадьбы, составленнаго Григоріемъ Калиновскимъ, вышелъ въ свѣтъ подъ редакціей Н. И. Костомарова IV-й томъ трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край (Спб. 1877); главное мѣсто отведено здѣсь свадебнымъ обычаямъ и пѣснямъ—(ст. 52—696). Кромѣ своднаго описанія свадьбы, составленнаго на основаніи прежнихъ

Библиотека "Руниверс"

женію, оказалась вѣрною установившемуся образцу. Причина, объясняющая такое явленіе, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что Ивановка заселена выходцами изъ полтавской губерніи, сердца Малороссіи.

Сватанье.

Завязкой къ предбрачнымъ церемоніямъ считается *сватанье*. Когда сыну исполнится 18 лѣтъ, а теперь чаще 21 годъ, послѣ освобожденія отъ воинской повинности, мать, посовѣтовавшись съ отцемъ, заявляетъ сыну, что „*пора уже ему маты пару*, что она уже становится стара, и трудно управиться по хозяйству, *та и тоби, сынку, не доклы бурлаковать*". Въ рѣдкихъ случаяхъ сынъ обращается къ отцу съ словами: „*тату, женить мене!*".

Если сынъ *гуляе*, т. е. сошелся съ какой-либо дѣвушкой, то тутъ же указываетъ на нее. Родители не противорѣчатъ, замѣчая: „*беры, сынку, хоть свынку, аби мени по хати хрюкала*".

печатныхъ и рукописныхъ сборниковъ, здѣсь помѣщены описанія свадебъ отдѣльныхъ мѣстностей, населенныхъ малороссіянами, а именно: м. Борисполя переяславскаго уѣзда, с. Ждановки полтавскаго уѣзда, м. Гостомля кіевскаго уѣзда, с. Лучинокъ овручскаго уѣзда, с. Млынова дубенскаго уѣзда, с. Комосиковъ углицкаго уѣзда, м. Полоннаго новградъ-волынскаго уѣзда, с. Плотницы пинскаго уѣзда, с. Михалкова мозырскаго уѣзда, д. Кульгина бѣльскаго уѣзда; въ заключеніе помѣщена свадьба харьковской губерніи безъ обозначенія мѣстности. Не смотря на обширность матеріала, собраннаго въ IV томѣ Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи, появлялись еще варіанты свадебнаго ритуала, между прочимъ въ Новороссіи, не входившей въ кругъ изученій экспедиціи. Упомянемъ сборникъ г-жи Елены Марковичъ: «Свадебныя пѣсни въ Елисаветградскомъ уѣздѣ» (Степь, Херсонський беллетристычный сбирныкъ, Спб. 1886, стр. 160—234) и четыре сборника, изданные нашимъ журналомъ: 1) Ф. Николайчика. Новыя свадебныя малорусскія пѣсни въ общемъ ходѣ свадебнаго дѣйствія. «Кіев. Стар.» 1883 № 2, 336—400. Пѣсни записаны въ чигиринскомъ уѣздѣ кіевской губерніи и въ посадѣ Вильковѣ бессарабской губерніи. 2) В. Милорадовича. Свадебныя пѣсни въ лу-

Библиотека "Руниверс"

Сейчасъ же выбираются *старосты* изъ родственниковъ; въ старосты избираются люди *дрюованные*, т. е. изъ *балакучихъ*, обладающихъ возможно большимъ краснорѣчіемъ, чтобы могли убѣдить родителей невѣсты, самоё невѣсту, чтобы были находчивы отвѣчать во многихъ затруднительныхъ положеніяхъ свадебной церемоніи. Отецъ и мать жениха просятъ *старостъ* потрудиться для ихъ сына, вручаютъ имъ хлѣбъ, полквarты водки и съ пожеланіемъ успѣха выпроважаютъ. Чаще всего старосты идутъ вечеромъ, „*щобъ не такъ стыдно було гарбуза нести*“.

Придя къ дому невѣсты, *молодый* остается на дворѣ, а старосты идутъ въ хату, крестятся на образа, кладутъ хлѣбъ на столъ и тогда уже здороваются съ хозяевами. Ихъ просятъ садиться, и старшій староста начинаетъ объяснять, за какимъ дѣломъ они пришли; по большей части принято говорить иносказательно, въ такомъ родѣ: „*Оце мы йшлы, колы дывымось, бижитъ попередъ насъ лысыця. Мы за нею! гналы, гналы, та въ вашъ двиръ загналы, а тутъ хто іи зна, де вона й дилась. Чи не бачили вы іи часомъ?*“

бенскомъ уѣздѣ полтавской губерніи «Кіев. Стар.» 1890, № 7, 8, 9 (приложеніе) и 3) Г. Сорокина. Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки александрійскаго уѣзда херсонской губерніи «Кіев. Стар.» 1890, № 9 (приложеніе). 4) Стрижевскаго. Свадьба въ деревнѣ. «Кіев. Стар.» 1896 г., № 3. Были сдѣланы попытки объяснить научно тотъ богатый матеріалъ, который собранъ этнографами-собирателями. Наиболѣе извѣстны изслѣдованія: 1) Янчукъ, малорусская свадьба въ Корнинскомъ приходѣ. 2) Х. П. Ящуржинскаго. Лирическія малорусскія пѣсни, преимущественно свадебныя. Варшава 1880. 3) Н. Ф. Сумцова. О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ 1881. 4) Его же. Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы. «Кіев. Стар.» 1885, № 3, 417—436. 5) Его-же. Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу. «Кіев. Стар.» 1886, № 1, 17—40. Изслѣдованія Н. Ф. Сумцова построены на широкомъ сравнительномъ изученіи свадебныхъ обычаевъ славянскихъ и иныхъ народовъ и рѣшаютъ нѣкоторые вопросы о смыслѣ этихъ обычаевъ окончательно.

Предлагаемая статья Х. П. Ящуржинскаго представляетъ, какъ и упомянутая выше статья г-жи Елены Марковичъ въ сборникѣ «Степъ»

Библиотека "Руниверс"

Если родители согласны отдать дочь, то отвѣчаютъ: „*мы не бачили, а въ тимъ пошукайте: може де й е*“. Въ противномъ случаѣ говорятъ: „*Ни, такои въ насъ не було, може, де инче забигла; пошукайте по сусидахъ*“.

Вообще же, родные невѣсты считаютъ своимъ долгомъ отговариваться даже и въ томъ случаѣ, если рады выдать ее замужъ: *и молода ще и хлиба въ насъ не переила, и ще не готовылысь: нема скрыни, кожуха и т. д.* Старосты, разумѣется, хвалятъ жениха: *и тыхый, и роботящый, не балованый, не пьяныця, хорошого роду и свекруха буде, якъ маты*“.

Такимъ образомъ разговоры идутъ цѣлую ночь, а иногда и нѣсколько дней сряду: чѣмъ больше въ одну хату ходятъ старосты, тѣмъ больше почету для невѣсты. Когда родители, наконецъ, соглашаются, то перемѣняютъ хлѣбъ и перевязываютъ старостамъ *рушныки* черезъ плечо. Старосты уславливаются, когда придти за окончательнымъ рѣшеніемъ и устроить *заручины*.

Парни, обыкновенно, сторожатъ хату, гдѣ происходитъ сватанье, и въ случаѣ отказа, провожаютъ неудачника насмѣшками: „*А що, зъивъ гарбуза? Солодкій? Несы до дому: стане на всю зиму!*“.

Женихъ бранитъ дѣвушку; иногда отшучивается въ свою очередь: „*Кабакъ, кабакъ, кабачокъ! Нема въ дивкы сорочокъ!!!?. Гарбузъ зъ диркою, чортъ зъ дивкою!*“.

(Спб. 1886), новые варіанты свадебныхъ обрядовъ изъ *елисаветградскаго уѣзда* херсонской губерніи и дѣлаетъ попытку болѣе рѣзко подчеркнуть дѣленіе свадебной драмы на отдѣльные акты. Мысль о сходствѣ малорусской свадьбы съ драмой высказывалъ уже и Н. Ф. Сумцовъ. «Хотя во всѣхъ малорусскихъ свадьбахъ», говорилъ онъ (О свадебныхъ обрядахъ Х. 1887, стр. 5), «много языческаго, древняго, свадьба южно-русская отличается особенной цѣльностью и торжественностью; пѣсни и обряды распространяются довольно равномѣрно по всѣмъ отдѣламъ свадьбы; *соблюдено строгое различеніе между отдѣльными актами свадебной драмы*; большинство обрядовъ совершается въ домѣ отца невѣсты».— *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Заручины.

Въ очень скоромъ времени назначается вечеръ для *заручинъ*. Въ этотъ вечеръ родители еще не сразу сдаются; но когда, наконецъ, согласятся, то ссылаются на дочь: „Якъ вона схоче". Дѣвушка въ это время стоитъ подлѣ печи и *колупаетъ* пальцемъ *коминъ*. Обыкновенно, въ случаѣ ея желанія, она отвѣчаетъ: „*Якъ тато та мама скажутъ*".—„*Часомъ бувае, що проморочаця коло неи часивъ 2—3: затнеця, и тилько колупа коминъ; а якъ не хоче, то швыдко одриже: не пиду*".

Когда добьются согласія всѣхъ, то посылаютъ *за дивчатами*. Родители невѣсты и старосты садятся за столъ, женихъ становится рядомъ съ невѣстою, и старосты торжественно спрашиваютъ:

— „Согласна ты, Марыно, выйты за Ивана?"

— „Согласна", она отвѣчаетъ. „А ты, Иванъ, согласенъ брать за себе Марыну?"—„Согласенъ", онъ также заявляетъ.

— „Ну, говорятъ родители: Боже, вамъ поможы, диты!" Отецъ снимаетъ со стѣны икону, беретъ ее въ лѣвую руку, а въ правую хлѣбъ и соль. Молодые бьютъ три земныхъ поклона, цѣлуютъ икону, хлѣбъ и отца въ руку: потомъ мать беретъ икону и такимъ же образомъ благословляетъ, а послѣ матери—кто есть старшій въ семьѣ: дѣдъ, баба, старшая замужняя сестра и т. д.

Невѣста вынимаетъ изъ скрыни платокъ и два *рушника*; подноситъ жениху платокъ, которымъ онъ перевязываетъ себѣ правую руку, а ей кладетъ на тарелку отъ 30 коп. до 1 руб., смотря по стоимости платка и по состоянію *молодого*. Старостамъ подносятъ по *рушныку*; тѣ берутъ, кланяются и, перевязывая черезъ плечо, благодарятъ: „*спасыби батькови и матери, що рано будылы, всякому добру учылы! Спасыби й тоби дочко, що рано вставала, довги рушныки напряла*!

Старостъ приглашаютъ за столъ, и женихъ подчуетъ ихъ водкой, принесенной съ собой. Въ это время собравшіяся подруги невѣсты—*дружки* поютъ пѣсню, объясняющую смыслъ данной сцены:

Библиотека "Руниверс"

„Не була жъ я дома,—(2 раза)
Була я въ сусидоньки;
А за мною послы прыйшли, (2 раза)
Иды, доню, додому,—
Есть у тебе два гостоньки,—(2 раза)
Одъ нелюба старостоньки.
Не я жъ ихъ одряжала; (2 раза)
Рушныкивъ не давала.

Не була жъ бо я дома,
Була я въ сусидоньки;
А за мною послы прышлы:
Иды, доню, додому,—
Есть у тебе два гостоньки,—
Одъ мылого старостоньки.
Сама ихъ одряжала,
Рушныки подавала".

Пѣсня, какъ видимъ, еще указываетъ на добавочную бытовую черту: невѣста при появленіи старостъ уходитъ иногда къ сосѣдямъ и появляется *у комина* послѣ приглашенія родителей, когда они даютъ окончательное согласіе.

Вторая пѣсня выражаетъ жалобу невѣсты на разлученіе съ матерью:

„Чы я жъ тоби, ненько моя, докучала,
Що ты мене молодую заручила!
А чы моя русая коса,
А чы моя червоная краса?
—Дочко моя, билозирочко!
Ой ты жъ мени не докучила,—
Докучылы твои старостоньки,
Воритечка одчиняючи,
Столы й лавки застеляючи".

Послѣ выпивки женихъ проситъ родителей невѣсты въ ближайшее воскресенье къ себѣ на *оглядыны*, осмотрѣть его хозяйство и ближе познакомиться съ его родителями. Если послѣ осмотра *худобы* и хозяйства родители невѣсты не заходятъ въ хату, то дѣло расходится: имъ возвращаютъ хлѣбъ и рушныки. Въ случаѣ мирнаго соглашенія, слѣдуетъ угощеніе. За столомъ договариваются, сколько платить *безчестя*, когда одна сторона откажется; уславливаются относительно подарковъ, которые дол-

Библиотека "Руниверс"

женъ поднести женихъ: отцу невѣсты—сукна на чамарку, матери—сапоги или платокъ, невѣстѣ—цвѣты, ситцу на платье и *черевыки*. Невѣста, въ свою очередь, должна сшить жениху штаны, сорочку и свекрухѣ сорочку. Уславливаются также, сколько надо пригласить *старостъ*, *бояръ*, *свитылокъ*, дружекъ и поскольку дарить имъ *рушниковъ*.

Коровай.

Обряды съ священнымъ значеніемъ для народа начинаются съ субботы передъ вѣнчаніемъ. Передъ вечеромъ у жениха и невѣсты пекутъ *коровай*, особенный круглый большой хлѣбъ, украшенный сверху голубками, шишечками и другими фигурами изъ тѣста. Подъ среднюю шишку кладутъ серебряную монету. Еще приготовляютъ *лежень*, продолговатый хлѣбъ, украшенный, какъ и коровай, и небольшіе хлѣбцы—шишки. Кромѣ того, у жениха пекутъ *борону* изъ тѣста въ подарокъ отцу и *граныкъ* (валекъ) въ подарокъ матери невѣсты, а у невѣсты пекутъ *калачъ*, который она носитъ на *рушныкѣ*, когда ходитъ приглашать дружекъ.

Когда тѣсто готово, посылаютъ по большей части меньшую сестру невѣсты къ молодымъ сосѣдкамъ просить на *коровай*. Каждая изъ женщинъ, идущая приготовлять коровай, беретъ съ собою хлѣбъ, миску муки, молока, яицъ. Двухъ изъ женщинъ связываютъ вмѣстѣ краснымъ поясомъ и ставятъ мѣсить коровай.

Коровай и другіе виды хлѣба, которые приготовляются для свадьбы, имѣютъ значеніе жертвеннаго хлѣба, или же, какъ шишки, соединяютъ въ себѣ смыслъ созрѣвшаго плода; значеніе *бороны и граныка*—очень ясное; *калачъ*, состоящій изъ кольца и двухъ переплетающихся полосъ тѣста, напоминаютъ косу невѣсты.

Пѣсни, которыя поютъ во время приготовленія коровая, весьма знаменательны: онѣ указываютъ способъ приготовленія коровая, заключаютъ обращеніе къ Богу и изображаютъ радость печи, которая принимаетъ коровай.

Библиотека "Руниверс"

I.

Марусина маты
Та по улыцямъ ходе,
Сусидочокъ просе:
Сусидочки, мои голубочки!
Та прошу васъ до себе,
Та до своей хаты,
Та до свого дытяты
Короваю та пышокъ бгаты.

II.

Ой пиду я та до Дуная,
Та стану я та подумаю:
А чы мени возы браты—
Клычутъ мене коровай бгаты.
Наберу водыци въ керныци,
Зибгаю коровай сестрыци.

III.

Обращеніе къ пшеницѣ:

Ой годи, годи, пшеныце,
Синъ рикъ у стози стояты,
Часъ тебе, пшеныце, початы,
Маруси коровай зибгаты.

IV.

А вгадайте, люде,
Зъ чого въ насъ коровай буде?
Зъ семи пшеныцъ муки,
Зъ семи керныцъ воды,
Зъ семи коровъ масла,
Яець пивтораста.

V.

Та до бору, бояре, до бору!
Рубайте сосну здорову,
Рубайте сосну на трисны—
Пекты коровай и лышкы.

VI.

Свиты, Боже, зъ раю
Нашому короваю,
Щобъ було выднесенько
Красыты гарнесенько!

VII.

Трійця по церкви ходыла,
Спаса за ручку водыла:
— Ой, Спасе нашъ, Спасе!

Библиотека "Руниверс"

Иды до насъ Спасе!
А въ насъ усе гаразд:
Молодыи коровайнычки
Хорошенько коровай бгаютъ.
Сирцемъ прысыпаютъ,
Масличкомъ прылываютъ.

Печь долженъ выметать у жениха *староста*, а у невѣсты *дружко*; при этомъ поется шуточная пѣсня. Вообще шуточныя и веселыя пѣсни въ значительномъ количествѣ входятъ въ малорусское *весилля*.

VIII.

Та помела, дружбонько, помела,
Щобъ твоя голова въ печи не була,
Щобъ твоя борода печи не мела;
Якъ не будешъ помела нести,
Буде твоя борода мести.

IX.

Пичъ наша реготе,—
Короваю хоче,
А прыпичокъ залываеця,—
Короваю сподиваеця.

Когда посадятъ коровай въ печь, то берутъ *дижу*, ставятъ въ нее бутылку водки, накрываютъ „віямъ“ (крышкой), подымаютъ до потолка, танцуютъ и поютъ три раза:

X.

А пичъ наша на сохахъ,
А дижу носятъ на рукахъ.
Пѣче наша, пѣче,
Печи намъ коровай легче!

Распиваютъ водку, которая была въ „дижѣ“, и расходятся, при чемъ каждая изъ коровайницъ получаетъ по шишкѣ.

Дивичъ-вечиръ.

Когда коровай готовъ и молодыя женщины разойдутся, къ невѣстѣ собираются дружки и идутъ вмѣстѣ за старшей дружкой. Потомъ невѣста съ дружками идетъ „рубать гильце“, верхъ вишни или сосны, или елки. Это гильце при пѣніи пѣсенъ укра-

Библиотека "Руниверс"

шаютъ *квитками,* пучками васильковъ, колосьями ржи, мяты, калины и вѣточекъ елки.

Гильце, какъ и коровай, на свадьбѣ имѣетъ значеніе какого-то священнаго символа, котораго происхожденіе и смыслъ не вполнѣ еще выяснены. Едва ли въ *гильцѣ* не слѣдуетъ видѣть очень древняго почитанія священныхъ лѣсовъ и деревьевъ. Въ настоящемъ состояніи народнаго пониманія, народъ считаетъ *гильце* символомъ невѣсты, или же, какъ поется въ пѣсняхъ, это значитъ: *вьютъ гильце—вьютъ новое гнѣздо для молодыхъ.*

Пѣсни при этомъ поются слѣдующія:

I.

Вси луги-бережечки выходыли
Всю рожу-калиноньку выломыли,
Поки своій Маруси гильцо звыли.

II.

Гильце-деревце зъ ялыны,
Изъ червоной колыны,
Изъ хрещатого барвинку,
Изъ пахучого васыльку.

III.

Ой на гори ячмынь
Срибломъ-золотомъ зацвивъ;
Хто его буде жаты?
— Марусына маты.

Въ послѣдней пѣснѣ подъ поэтическимъ покровомъ заключается уже намекъ на то, что невѣста оставляетъ свою мать, и послѣдняя будетъ жить безъ своей помощницы—дочери.

Это единственное время, когда невѣста имѣетъ право пѣть.

Расплетеніе косы.

Окончивъ приготовленіе квитокъ, невѣсту садятъ на *дижу* и разчесываютъ ей голову, причемъ каждая изъ присутствующихъ дѣвушекъ должна хоть разъ провести гребнемъ по волосамъ. Потомъ старшая дружка заплетаетъ косу, вплетаетъ ленты, надѣваетъ цвѣты, одѣваетъ, даетъ въ руки рушникъ и калачъ, надѣтый на платочекъ, и идутъ къ жениху. Отецъ и мать жениха

Библиотека "Руниверс"

благословляютъ молодыхъ иконой и хлѣбомъ; женихъ тоже беретъ калачъ, и идутъ къ невѣстѣ, гдѣ ихъ тоже благословляютъ родители невѣсты. Оттуда идутъ на поклонъ къ попу и пану и несутъ имъ въ подарокъ шишку и платочекъ, а потомъ идутъ по селу просить на свадьбу, не пропуская ни одной хаты, кланяясь всѣмъ въ поясъ три раза и цѣлуясь со всякимъ.

Когда идутъ отъ пана, то поютъ пѣсню, намекая, что не щедро угостилъ ихъ:

IV.

Ой були мы въ пана,
Не пили горилки.
Ходимъ до керныци,
Напьемся водыци!

При обхожденіи невѣсты распѣваются пѣсни, которыя, по обыкновенію, объясняютъ смыслъ церемоніи и чувства невѣсты.

V.

Ой бряжнули ключи,
Изъ неба летючи,—
Гукнули дружечки,
Улычками идучи.

VI.

Ой помалу, дружечки, улычками идить,
Та нашого винограду не поломить;
Бо нашъ виноградъ самъ порисъ;
Туды нашу Марысю самъ Богъ понисъ.

VII

Тыхо, дружечки, идите,
Пыломъ не пылите;
А щобъ наша пава
Пыломъ не припала,
А щобъ наша слава
По всимъ свити стала.

Отъ имени невѣсты поется:

VIII.

Сяду-паду орлыцею
Передъ горныцею;
Сяду-паду крылечками
Зъ молодыми дружечками.

Библиотека "Руниверс"

IX.

Не сама я хожу,—
Сорокъ дружекъ вожу,
Сорокъ и четыри,
Та вси чорнобрыви;
А Маруся чорнобрыва
Та всихъ закрасыла.

Невѣста обращается къ вѣтру съ просьбой, чтобъ развѣялъ (расплелъ) ея косу, съ которой ей скоро предстоитъ распрощаться.

X.

Не вій, витре, въ роши,
Повій по дорози,
Розмай русу косу
По червонимъ поясу,
Розмай, розмай по волосочку
По червонимъ поясочку.

XI.

Ой, просо, просо-золотта!
Ой, косо, косо-золотта!
Навикъ я тебе кохала,
За одинъ вечиръ зламала.

Пѣсня, указывающая на древнюю бытовую черту вражды родовъ:

XII.

Ой вы, вороги, вороги!
Не перехольте дороги;
Нехай перейде родина,
Щобъ наша Маруся щаслива!

Когда всѣхъ обойдутъ, идутъ къ жениху вечерять. Подходя къ дому, поютъ:

XIII.

Ой матинко-утко!
Увывайся хутко,
Увывайся хутенько,—
Дружечки близенько.
Сонечко у Бога
Дружечки коло порога.

Библиотека "Руниверс"

XIV.

Уриж, матинко, китайки,
Застеляй столы и лавки,
Бо йдуть дружечки-панянки.

Поужинавъ, женихъ остается, а невѣста идетъ домой съ дружками, которыя поютъ пѣсни, указывающія на возвращеніе невѣсты домой съ музыкой и высказывающія удивленіе, почему мать не встрѣчаетъ невѣсту.

XV

Стелися, хмелю, по тыну,
А ты, золото, по ёму.
Грайте вы, музыки, по двору,—
Иде ваша Марыся додому.

XVI

Витеръ, витеръ кватырочку торкае,
Десь моеи матинки немае.
Десь моя матинка заснула,
Що за мене молодую забула.

На порогѣ дома встрѣчаетъ невѣсту мать и отецъ съ хлѣбомъ-солью и зажженной свѣчой. Невѣста кланяется имъ въ ноги, а *дружка* разламываетъ у нея на головѣ калачъ, который она носила по селу, и роздаетъ по кусочку всѣмъ дружкамъ. Тоже самое дѣлаетъ у жениха бояринъ. Входя въ хату поютъ:

XVII

Добрый вечиръ тому,
А хто въ цёму дому,
Старому й малому,
И Богови святому!

Посадъ.

Невѣсту заводятъ за столъ на *посадъ*. Посадомъ называется мѣсто на *покути*, въ переднемъ углу подъ образами, гдѣ ставится пучокъ немолоченнаго жита и разстилается кожухъ шерстью вверхъ. Этотъ кожухъ есть остатокъ древняго обычая, по которому женихъ и невѣста садились на шкуру животнаго, принесеннаго въ жертву богамъ, покровителямъ брака.

Библиотека "Руниверс"

Столъ бываетъ покрытъ скатертью; на немъ лежитъ леженъ, большой круглый калачъ на тарелкѣ и двѣ новенькихъ ложки, связанныхъ вмѣстѣ красной ленточкой, для молодыхъ, которые съ субботы вечера до понедѣльника не должны ничего ѣсть за столомъ. Дружка беретъ невѣсту за платочекъ, который она держала въ правой рукѣ, обводитъ три раза вокругъ стола и садитъ на *посадъ*. Съ этого времени и до понедѣльника къ молодымъ нельзя дотрогиваться голой рукой: принимать отъ нихъ что-нибудь или имъ давать не иначе какъ, обернувъ руку платкомъ. Точно также молодые не должны сами ни выходить изъ-за стола, ни садиться за столъ, а ожидать, пока дружка выведетъ ихъ или заведетъ.

Дружки поютъ пѣсню, напоминающую времена миѳическія:

XVIII

Ишла Маруся на посадъ,
Зустрича ій Господь Самъ
Изъ долею изъ щасливою,
Зъ дорогою годыною.

Эту пѣсню повторяютъ три раза, и въ продолженіе всей свадьбы поютъ ее всякій разъ, какъ заводятъ молодыхъ за столъ.

Теперь начинаются тѣ прекрасныя пѣсни, которыя воспѣваютъ волю и красу дѣвичью, жалкое разставанье невѣсты съ матерью, у которой дочь ночуетъ въ послѣдній разъ, обращеніе къ *зозулѣ* и соловью, чтобы они своею пѣснью оплакали ея судьбу,—это и есть характеристическая черта дѣвичника.

XIX

Славенъ вечиръ—дивитъ-вечиръ,
Та рано, рано,
Славенъ вечиръ—дивитъ-вечиръ—
Та ранесенько.
Не такъ славенъ, якъ изряженъ;
Славно его збудовалы:
На три стины каминяны,
А на четверту золотую;
А на золотенькій макивочка,
А на макивочци ластивочка,
Звыла гниздечко зъ чорного шовку;
Вывела дитей однолитки,—
Перве дытятко—молодый Иванко,
Друге дытятко—молода Маруся.

Библиотека "Руниверс"

XX

Изный, маты, та головочку
Последнюю та суботочку:
Бо вже больше та не будешъ мыты,
Та не будешъ косы заплитаты;
Тилько будешъ въ гости доминдаты.
Пройшовъ тыждень, пройшло дви недили,
Нема дочки у гостыночку.

XXI

Летять галочки у три рядочки,
Зозуля попереду;
Уси галочки по лугамъ сили,
Зозуля закувала.
Ой чого куешъ, чого жалуешъ,
Сивая зозуленько?
А чы жаль тоби темного лугу,
Чы гиркои калыны?
— Ой не жаль мени темного лугу,
Ни гиркои калыны,
А якъ жаль мени политанячка,
Раннего щебетанячка,—
Ишлы дружечки у три рядочки,
Маруся попереду.
Уси дружечки по лавкамъ сили,
Маруся на посади;
Уси дружечки та й заспивалы,
Маруся заплакала.
Ой чого плачешъ, чого жалуешъ,
Молодая Марусе?
А чы жаль тоби батька старого,
Чы подвирьячка ёго?
— Ой не жаль мени батька старого,
Ни подвирьячка ёго;
Тилько жаль мени русои косы,
Ще дивоцькои красы;
Що дивки гуляютъ—висоньки маютъ,
А мене не прыймаютъ;
А хоча й прыймуть и приголубять,
Та правдоньки не скажуть.
Скажуть правдоньку, скажуть другую,
А третюю не такую:
Ой иды одъ насъ—ты заручена,
Ты одъ насъ одлучена,
Ой иды одъ насъ ты, молодыце—
Чоловикъ тебе кличе.

Библиотека "Руниверс"

XXII.

Де ты, калыно, росла
Такая высокая,
На листу широкая?
— Ой росла-жъ бо я рòсла
У лузи при керныци,
При холодни водыци.
Тамъ Маруся воду брала,
Цвитъ-калыну ломала,
До лыченька ричняла:
„Чи буду я такая,
Якъ калынонька цвя?“
— Будешъ, доненько, будешъ,
Поки у мене будешъ,
А якъ пидешъ одъ мене,
Спаде красонька зъ тебе,—
Красонька изъ лыченька,
Кисонька изъ плеченька.

XXIII.

Черезъ синечки двое дверечокъ
У вышневый садочокъ;
Ой тамъ Маруся свого батенька
Голубы годувала,
И годувала, и напувала,
Зъ голубами розмовляла:
„Загудить, голубы, загудить, сивыи,
Защебечи, соловейко!
Та завдайте тугу темному лугу,
Щей батеньку ридному,
Що винъ мене дае, тай самъ не знае,
Доленьки не вгадае“.

XXIV.

А въ суботоньку на неділеньку
Ростворилося небо
Ой выдно хресты все золотыи,
А престолы новыи;
Коло тихъ престоливъ
Малы Христова
Плете виночки стоя,—
Що первый виночокъ зъ повноі рожи,
А другий изъ калыны;
Що первый виночокъ молодому Иванови,
А другій молодій Маруси.

Библиотека "Руниверс"

Если невѣста сирота, поется слѣдующая, полная грустной поэзіи, пѣсня:

XXV.

Ой ходыла та Маруся
По крути гори,
Набачила селезня
На тыхій води:
— Плывы, плывы, селезню,
Тыхо по води,—
Прыбудь, прыбудь, мій батеньку,
Теперъ къ мени,
Та дай мени порадоньку
Бидни сироти!
—„Ой радъ бы я, дочко моя,
Прыбуты къ тоби,—
Насыпано сырои земли
На груды мои,
Склипылыся кари очи—
Устоньки моя:
Не дамъ тоби порадоньки —
Бидни сироти.
Склипылыся кари очи
Изъ пивночи —
Ой Богъ тоби, дочко моя,
До помочи!
Ой кланяйся, дытя мое,
Чужи чужыни,
Нехай дае порадоньку
Бидни сироти!“
— Ой кланялась, мій батеньку,
Всій родыни,
Та не дае порадоньки
Сыротыни.
„Есть у тебе, дочко моя,
Ридный дядько,
Нехай дае порадоньку,
Такъ, якъ батько!“

Вскорѣ долженъ придти женихъ къ невѣстѣ съ своимъ *поѣздомъ*. Это ожиданіе невѣстой жениха объясняется слѣдующей пѣсней:

XXVI

Зеленая оришина, зеленая була,—
Чого тебе, мій мыленькій такъ довго нема!

Библиотека "Руниверс"

Писала-бъ письмо—не вмію,
Посылала-бъ посливъ—не смію,
Пишла-бъ я сама—боюся:
Далекая дороженька—забарюся.

Другая пѣсня обращается къ брату невѣсты, который на свадьбѣ играетъ большую роль: онъ защищаетъ невѣсту, потомъ продаетъ ее, въ чемъ выразилась историческая форма брака, когда онъ совершался посредствомъ умыканія, похищенія, и братъ долженъ былъ защищать сестру, а затѣмъ, съ развитіемъ народа, похищеніе замѣнилось добровольной уступкой—продажей. Въ первой половинѣ пѣсни изображается, что невѣста будитъ брата, говоря, что наѣхали гости отъ немилаго; но еще ничего неготово. Во второй половинѣ пѣсни представлена картина противоположная: „*Найихалы гости одъ мылого,—вже и столыкы позастелянни, вже и рушнычки поторочилы, меду, вына тай уточилы*“.

Вечеромъ въ субботу къ жениху собираются *старосты, бояре, свашки*, молодыя женщины, родственницы жениха, *свитылки*, дѣвушки, тоже родственницы жениха. Обязанность *старшей свитылки*,—держать свѣтильникъ въ продолженіе всей свадьбы отъ субботы до воскресенья вечера, т. е. до той поры, когда невѣсту повезутъ къ жениху. Свѣтильникъ—это пучокъ васильковъ со вставленнымъ въ серединѣ деревяннымъ крестикомъ и зажженной восковой свѣчой.

Старшій *староста* заводитъ жениха за столъ, *на посадъ*; всѣ садятся вокругъ стола, свитылка приготовляетъ свѣтильникъ, свашки *вьютъ гильце*, т. е. къ заранѣе срубленной бояриномъ и воткнутой въ хлѣбъ вишнѣ привязываютъ *квитки*—пучки изъ васильковъ, мяты, калины, колосковъ ржи; нѣкоторые убираютъ, кромѣ того, еще *гильце* конфектами—признакъ вліянія уже новѣйшей цивилизаціи. Пѣсня объясняетъ это дѣйствіе такъ:

I

Летивъ горностай
Черезъ садъ,
Роспустивъ пирьячко
На весь садъ.

Библиотека "Руниверс"

Збирайте, сваиечки,
Пирьячко,
Звійте Ивасеви
Гилячко!

II

Вси луги, бережечки виходили,
Всю рожу, калиноньку ламали,
Поки свому Ивасеви гильце звили.

Пѣсня объясняетъ угощеніе, которое предлагается вьющимъ:

III

Якъ мы гильце вили,
Медъ-горилку пили;
Якъ гильце довивали,
Медъ-горилку допивали.

По окончаніи украшенія *гильця*, просятъ снова угощенія:

VI

Зробили мы дило,
Аже намъ чого вирно.
На Бога вы гляньте,
Намъ горилки дайте!

Потомъ всѣ ужинаютъ. Послѣ ужина меньшой староста выходитъ въ сѣни и обращается къ старшему старостѣ за благословеніемъ: „Старосто, пани пидстаросто!“

— А мы ради слухать.

„Благословыть молодому до молодои иты“.

— Богъ благословыть!

„Разъ и другій, и третій!“

— Богъ благословить вси тры разы!

Такимъ же образомъ благословляются каждый разъ во все время свадьбы. Старшій староста беретъ жениха за платочекъ, который тотъ держитъ въ рукѣ, и выводитъ изъ-за стола. Теперь женихъ идетъ въ домъ невѣсты. Пѣсни, которыя поются въ это время, весьма знаменательны; онѣ указываютъ на то, что мать подводитъ коня для сына, чтобы онъ ѣхалъ къ тещѣ, что было только въ древнюю эпоху, когда одинъ родъ дѣлалъ наѣзды на другой, а затѣмъ указывается на участіе въ этомъ поѣздѣ миѳическихъ существъ—*мисяца, зори*.

Библиотека "Руниверс"

V

Визьмы, маты, конычонька за поводы,
Выпроводы свого сына за ворота
Та до тии тещоньки гордои,
Та до тии Маруси молодои.

VI

Маты сына породыла,
Мисяцемъ огородыла,
А зорею пидперезала,
Въ дороженьку выряжала:
Ой, йидь, сыночку,
До тещи въ гостыночку,—
Не пый, сыночку,
Первои налывочки;
Выпый, сыночку,
Коневи на гривочку,
Щобъ була въ коня
Гривонька кудрявая,
Щобъ була теща
До тебе ласкавая.

VII

Соколонько та на вылети,
А Ивасё та на выизди;
Соколонько помижъ соколами,
А Ивасё помижъ бояpами.

Женихъ въ сопровожденіи музыкантовъ, старостъ, свашекъ и свитылокъ подходитъ къ дому невѣсты; ея дружки, заслышавъ это, поютъ:

VIII

Вубни гудуть
Удвиръ идуть,
Та снаряжайся,
Снаряжайся, дивко Марине,
Бо тебе визьмуть.
— Хочъ я снаряжуся,
Та я не боюся,
Бо мене не визьмуть:
Есть у мене родный батько,
Та не дасть мене.

Пѣсня продолжаетъ, что *ридна ненька и ридный братикъ* также не выдадутъ ее. *Свашки* и *свитылки* съ женихомъ, ставши передъ порогомъ дома невѣсты, поютъ:

Библиотека "Руниверс"

IX

Любонь же мы та не втрапыли,
Не до свата заихалы
Бо якбы до свата,
То просыны-бъ у хату.

X

Выйды, Маруся, выйды,
Не буде тоби крывды;
Стань соби на помости,
Частуй свои гости.

Староста идетъ въ хату, выводитъ невѣсту изъ-за стола въ сѣни, ставитъ рядомъ съ женихомъ; отецъ и мать хлѣбомъ-солью и иконою благословляютъ молодыхъ, а они кланяются три раза въ ноги. Староста благословляется у дружка 3 раза и заводитъ жениха и невѣсту *на посадъ*. Пѣсни объясняютъ этотъ обрядъ съ миѳической точки зрѣнія и приводятъ миѳическое сравненіе жениха и невѣсты *съ мисяцемъ и зорею*.—Если невѣста сирота, то поютъ ей:

XI

Одчиняй, Боже, ворота,
Иде на посадъ сырота;
Іи серденько ножикомъ крае,
Що батенька не мае.

Когда посадятъ молодыхъ, дружки поютъ:

XII

Сходыла зоря проты мисяца—
Та рано, рано,
Сходыла зоря проты мисяца
Та ранесенько:
„Ты, мисяцю, ты мій братику!
Не сходь же ты попередъ мене;
Та зійдемо обое разомъ,
Осіяемъ небо и землю,
Звиря у поли, щуку-рыбу въ мори“,
Слався Иванъ до Маруси:
„Ты, Марысе, ты моя дружино!
Не сидай же ты попередъ мене,
Та сядемо обое разомъ,
Звеселымо отця и неньку,
Отця-неньку, всю родыноньку“.

Библиотека "Руниверс"

Потомъ дружки, обращаясь къ старостамъ, поютъ пѣсню, выражающую упрекъ за то, что такъ долго заставили себя ждать:

XIII

Ой вы старосты,
Вы люде статечніи!
Ой вы бояре, вы сыны отецкіи!
Десь вы, старосты,
Коныкивъ добувалы,
Десь вы, бояре,
Жупанивъ позычалы,
Що такъ перано
До насъ понанжалы.

Свашки отвѣчаютъ, что дружки *звычая* не знаютъ, что кони старостъ *по станяхъ стоялы, а жупаны по скрыняхъ лежалы*, но ихъ задержала ненька Иванова привѣтными словами, *солодкими* медами.

Дружка вноситъ невѣстино гильце, ставитъ его въ хлѣбъ на столъ; старшая дружка благословится у старосты *гильце квичать*. Получивъ благословеніе, даетъ сперва жениху и невѣстѣ по квиткѣ; они привязываютъ ихъ къ *гильцю*, тогда начинаютъ *квичать* дружки и поютъ такія же пѣсни, какъ и у жениха при украшеніи *гильця*.—Когда украшеніе окончено, дружка поетъ пѣсню, въ которой предлагаетъ боярину выкупить гильце; Бояринъ трясетъ его, пробуя, хорошо-ли свито, и бросаетъ на тарелку нѣсколько мѣдныхъ денегъ. Дружка поетъ насмѣшливыя пѣсни, въ которыхъ выражается недовольство полученными деньгами.

XIV

Шкода мени, бояриве,
Твоихъ чорныхъ бривъ:
Я думала, бояриве,
Що ты короливъ.
Ажъ ты мужычыще,—
Выкинувъ пятачыще,
Ажъ ты мужыкъ бидный,
Выкинувъ пятакъ мидный;
Выкинувъ на тарилку,
Якъ на смихъ, копійку.

Библиотека "Руниверс"

XV

Було-бъ тоби, буярыне,
Въ бояре не йты;
Було-бъ тоби, боярыне,
Симъ день молотыть,
Грошей заробыты,
Гильце выкупыты.

Бояринъ прибавляетъ денегъ, ставитъ на тарелку рюмку водки и подноситъ дружкѣ; та выпиваетъ, беретъ деньги, и *гильце* продано. Потомъ пришиваютъ *квитки* къ шапкамъ бояръ съ пѣсней:

XVI

Що я тебе, буяриие, попрошу
За твою шапочку хорошу:
Дай мени шапочку носити
Та до неи квиточку пришыты.

Женихъ и всѣ *попэжане*, вся его свита, въ продолженіе всей свадьбы, т. е. до понедѣльника, сидятъ у невѣсты въ шапкахъ и только снимаютъ, когда крестятся послѣ обѣда и ужина. Шапка здѣсь означаетъ величаніе, почетъ. Дружка пришиваетъ къ шапкѣ квитку, надѣваетъ себѣ на голову и требуетъ выкупа, распѣвая насмѣшливыя пѣсни, когда мало денегъ положено на тарелку. Потомъ пѣсня обращается къ старостѣ: „Староста старесенькій, голубе сывесенькій, выведы насъ изъ хаты на двиръ погуляты, буяръ оглядаты, чи высоки пидборы, чи чорны бровы“.

Послѣ выхода молодежи, подаютъ ужинъ: дружки поютъ:

XVII

Роступитеся, чужына,
Нехай приступе родына:
Нехай батенько частуе,
Щастямъ-долею даруе!

Послѣ ужина староста благословится *„молодыхъ зъ-за стола вывесты“*. Идутъ въ такомъ порядкѣ: впереди староста ведетъ за платочекъ жениха, женихъ невѣсту, а за невѣстой идутъ дружки по старшинству и поютъ:

Библиотека "Руниверс"

XVIII

Утка йде,
Утенята веде
Та на рясочку,
На зелену попасочку,
На зелену травыцю,
На холодну водыцю.

На дворѣ молодые кланяются на всѣ четыре стороны, и всѣ, кромѣ жениха (которому нельзя), танцуютъ. Погуляютъ порядочно, а потомъ невѣста идетъ проситъ кого-нибуь изъ сосѣдей, гдѣ хаты попросторнѣе, принять „музыки“ на всю ночь. Вся молодежъ идетъ туда; женихъ угощаетъ хлопцевъ водкой. Если женихъ изъ чужого села, то договариваются, сколько долженъ дать *парубкамъ выкупу за дивку*. Обыкновено даетъ отъ 1/4 до 1-го ведра водки. Женихъ съ невѣстой идетъ домой, а *челядь* (молодежь) остается гулять на всю ночь. Старшая дружка обязательно должна провести эту ночь со старшимъ бояриномъ (конечно, ничего дурного здѣсь подразумѣвать нельзя). За несоблюденіе этого вѣками освященнаго обычая ее можетъ ожидать масса оскорбленій: бывшій боярин можетъ ее выгнать изъ любого общественнаго гулянья.

Вѣнчанье и весилле.

Въ воскресенье до звона къ обѣднѣ родные жениха посылаютъ музыканта въ сопровожденіи младшаго боярина къ невѣстѣ и потомъ ко всѣмъ роднымъ *грать на добрыдень*. Потомъ идутъ всѣ въ церковь, кромѣ родителей жениха и невѣсты. Если молодые еще не вѣнчаны, то благословляютъ иконами жениха и невѣсту, каждаго отдѣльно дома. Обыкновенно вѣнчаются за недѣлю-двѣ до свадьбы. Случается, что или у невѣсты не готово приданое, или жениху не на что свадьбы справлять, а вмѣстѣ съ тѣмъ боятся, чтобы невѣста *не одкинулась*; тогда вѣнчаются безъ всякихъ приготовленій, сейчасъ послѣ заручинъ, и живутъ до свадьбы каждый у своего батька иногда полгода и даже годъ, считаясь чужими другъ другу. Невѣста ходитъ въ цвѣтахъ и ничѣмъ не отличается отъ дѣвушекъ. Отсюда видно

Библиотека "Руниверс"

что собственно брачной мистеріей, по народному представленію, считается та народная обрядность, которая сохранилась отъ временъ самыхъ отдаленныхъ. Пѣсни, которыя поются, идя по пути изъ церкви, выражаютъ собою способъ собственно церковной церемоніи и значеніе совершившагося уже *шлюба*.

I

Ой на гори копа—
Обманулы попа:
Далы ёму пятачыще.
А винъ думавъ що рублыще;
Далы ему пятакъ медный,
А винъ думавъ, що рубъ срибный.

II

Ой спасыби тоби,
Моя ненько,
Що ты мене нарядыла хорошенько!
Та на мене й попы глядять,
Та на мене й дяки глядять,
Та на мене задывляються,
У книжечкахъ помыляються.

III

Якъ мы свою Марысю винчалы
Дороги книги чыталы,
Воскови свичы палылы,
Поки свою Марысю звинчалы.

IV

Якъ руки вязалы,
Той правду казалы.
Розвязавъ пипъ руки
Не буде розлуки.

V

Ой булы мы въ церкви,
Та бачылы дыво:
Два винця на стильци,
Третій на голевци.

VI

Шлюбъ брала,
Шлюбъ шлюбовала,
Трычи разомъ,
Передъ образомъ присягала.

Библиотека "Руниверс"

Ой, матинко моя,
Теперъ я не твоя:
Теперъ я того пана,
Зъ кимъ до шлюбу стала.

VIII

Сичена калынонька,
Сиченая—
Уже наша Марыся
Звинченая.
Червони чобиточки
на нози
Золотый перстенекъ
На руци,
Що купивъ Ивасе
Въ дорози.

Иногда невѣста изъ церкви заходитъ къ свекрови на обѣдъ. Когда она возвращается домой, то поютъ:

IX

Леты, леты, соколоньку,
Попереду,
Скажы, скажы моій ноньци,
Що я иду,—
Нехай выходыть
Зъ калачемъ,
Бо вже я иду
Зъ панычемъ
Та не такъ зъ панычемъ,
Якъ зъ мужыкомъ,—
Извъязалы билы ручкы
Рушныкомъ.

X

Ой котыться яблочко зъ Райгорода,
Прыкотылося пидъ ворота:
Одчыняйтеся, ворытця,
Бо йде наша Марыся одъ винця!

Передъ порогомъ поютъ:

XI

Выйды, матинко, не тайся,
Свого дытяты пытайся,
Де воно було бувало—
Пидъ царскимъ винцемъ стояло.

Библиотека "Руниверс"

Отецъ и мать выходятъ съ хлѣбомъ и иконой, благословляютъ, невѣста кланяется три раза до земли. Дружки поютъ:

Похильнее та деревце
Похыляється,
Покирнее та дытятко
Уклоняється.

Дружко, благословясь, заводитъ „молоду“ за столъ, дружки садятся по лѣвую сторону на лавѣ и поютъ:

XIII

Де ты, Марысю, де ты, дивочко,
Цей ранокъ ранкувала?
— Ранкувала я, пробувала я
У старшои дружечкы;
А у дружечкы, у голубочкы
Тры писарыка пыше.
Що одынъ пыше, другый малюе,
А третій одпысуе.
А одпысуе, одмалевуе
Марысю одъ батенька,
Та прыпысуе, прымалевуе
Марысю до свекорка.

XIV

Ой на гори трава-мурава,
А на неи роса впала,
Ой тамъ М... красу сіяла,
А сіючи розсивала.
Та прыйшовъ до неи рядный батенько:
— Що ты, доненько, діешъ?
„Ой дію, дію, я красу сію,
А сіючи розсываю;
А якъ буде мени замужемъ добре,
То я іи позбираю;
А якъ буде мени замужемъ-худо
То я іи занехаю.

Другая пѣсня выражаетъ желаніе невѣсты пойти на крутую гору посмотрѣть на чужую сторону: „*Чужа дальня сторононька безъ витру шумыть; чужый батько, чужая маты не бье, та болыть. Серце мое камнянее кровью окипыть*“.—Если невѣста сирота, то поютъ слѣдующую поэтическую пѣсню.

Библиотека "Руниверс"

XV

Ой нелыкій двиръ,
Та маленькій збиръ:
Не вся моя родынонька,—
Нема родыны ни половыны,
Ни батенька рідного.
Та пошлю галочку на Вкраиночку,
По рідну родыночку,
А соловейка выще до неба,
Бо мени батька треба.
А галочка летыть,
Крылечкамы віе—
Вся родынонька иде;
Соловейко летыть—
Крылечкамы мае—
А батенька немае.
Ой нема батенька, нема й не буде,
Споряжайте, добри люде!
Та споряжайте сыротыночку,
Въ чужую краиночку.
Та стоять столы все тесовни,
Та никому застеляты,
Та сыдять сусиды блызьки й далеки,
Та никому частуваты.

Въ пѣснѣ невѣста жалуется, что отецъ обѣщалъ не отдавать ее, *„а теперъ даешъ ты мене, та й не жалуешъ, и свитъ мени та й завязуешъ червоною та кытайкою, дротяною та нагайкою.*

Вскорѣ ожидается прибытіе жениха съ поѣздомъ; дружки изображаютъ это въ пѣснѣ:

XVI

Ой батенько, сывый голубонько!
Ой пиды жъ ты на ту гироньку,
Подывыся у дибривоньку:
А чы шумыть та дибривонька,
А чи йде мій розмай-коса,
Изъ лыченька загубы-краса?
Дочко моя, билозирочко!
Ой ходывъ я на ту гироньку
И дывывся у дибривоньку:
Шумыть-гуде та дибривонька,
Иде, иде твій розмай-коса
Изъ лыченька загубы-краса!

Библиотека "Руниверс"

XVII.

Ой встань, Марысе, пидведысь,
У виконечко подывысь:
А чы далеко бояре идуть,
Чы скоро у насъ будуть?
А ще бояре на мисти,
Сидлають коней сто-двисти.
Кинь вороный припавъ росою,
Самъ молодець красою.

XVIII

Ой зъ-за горы стовпомъ дымокъ,
Тожъ не дымокъ—то зъ коней паръ.
Тамъ королевычъ конемъ грае,
Пидъ царскій двиръ пидъизжае
Хоче царя звоювати,
А царивну соби взяти.
Ой зъ-за горы стовпомъ дымокъ;
Тожъ не дымокъ—то зъ коней паръ.
Тамъ Ивасе конемъ грае,
Пидъ тестивъ двиръ пидъизжае,
Хоче тестя звоювати,
А Марысю соби взяти.

Когда поѣздъ приближается, пѣсня изображаетъ страхъ невѣсты; она проситъ отца спрятать ее за горы каменныя, *обсадить вишнями, черешнями, хрещатымъ барвинкомъ.*

Въ это время у жениха идутъ приготовленія для отправленія *съ поиздомъ* къ невѣстѣ. Старшая свашка пришиваетъ всѣмъ поѣзжанамъ: *свашкамъ*, боярамъ, свитылкамъ, старостамъ, музыкантамъ *по квиткѣ* изъ красной ленты; при чемъ всѣ мужчины, исключая музыкантовъ, бросаютъ ей немного денегъ. Отецъ даетъ жениху два хлѣба подъ руки, старшій бояринъ беретъ *гильце*, меньшій *коровай*; свашки—*шишки, борону, пранык* и подарки всѣмъ родичамъ невѣсты, о которыхъ было условлено на заручинахъ; свитылка беретъ зажженный *свитильникъ*, и выходятъ всѣ на дворъ. Съ порога хаты за ворота провожаетъ ихъ мать, обсыпая жениха житомъ, овсомъ, сѣмечками, орѣхами, у богатыхъ деньгами. Обсыпаніе зернами, въ особенности *житомъ*, деньгами предзнаменуетъ жизнь, *житя добре, богате*.

Библиотека "Руниверс"

Пѣсня изображаетъ, что мать выводитъ коня для сына и отправляетъ его къ тещѣ гордой. Другая пѣсня поэтически представляетъ борьбу сына.

Ой по-пидъ лисомъ бытая дориженька;
А середъ лису рублена корыченька.
Ой туда йихавъ Ивасе зъ бояромъ;
Ему калына дорогу заступыла.
Выйнявъ шабельку, ставъ калыну рубаты,
Стала калына до его промовляты:
— Не рубай мене голою шабелькою,
Обмотай мене синею китайкою,
Но за-для тебе ця калына сажена,
А за-для тебе Маруся наряжена.

Подходятъ къ двору невѣсты; но тамъ паробки заперли ворота, завалили ихъ, чѣмъ попало: бревнами, поставили поперекъ возъ, однимъ словомъ, устроили что-то вродѣ баррикады и не пускаютъ во дворъ, требуя выкупа *за дивку*. Свашки въ пѣснѣ просятъ не преграждать дороги:

Поселяне, городяне,
Просымо васъ,
Не спыняйте дориженьки
Насупротивъ насъ,
Бо въ насъ письмечко
Одъ государя,
Щобъ намъ дорога не запыняна.

Поѣздъ жениха не пропускаютъ. Происходитъ примѣрная битва: старосты и бояре нападаютъ, парубки защищаются; при чемъ вмѣсто сабель служатъ имъ палки. Примѣрное сраженіе служитъ напоминаніемъ древняго обычая похищать и воевать изъ-за невѣстъ. Свашки объясняютъ въ пѣснѣ причину препятствія:

Дывнымъ люде городяне,
Аще дывнищи поселяне:
Поставалы на воротяхъ зъ кыями,
За чарку горилки не пускаютъ до дивки.

Дружки въ хатѣ поютъ пѣсню, въ которой выражается желаніе узнать, что это происходитъ за стычка:

Ой що жъ бо то повнихало?
Чи зъ села селяне,

Библиотека "Руниверс"

Чи зъ міста мищане?
Нехай будемъ знать,
Кому уступать.

Женихъ даетъ паробкамъ, защищающимъ ворота, на водку; они пропускаютъ только однихъ *старостивъ*, а остальныхъ еще задерживаютъ. Старосты идутъ въ хату, неся кружку съ водой и шишку и привѣтствуютъ слѣдующимъ образомъ: „*Здравствуйте! зъ недилею будьте здорови; Кланявся молодый молоди, а сватъ сватови, а сваха сваси, а бояре дружкамъ!*“ Дружки поютъ насмѣшливую пѣсню относительно старостъ:

Первыи послы прышлы,
Не вміють говорыты,
Не шапочкы зняты,
Не ручки даты:
Шапочка прышыпая,
Ручечка прыбытая.

Староста подчуетъ дружка изъ кружки; но тотъ не хочетъ пить, говоря: „*прызволяйтесь перше вы, може вы намъ помый прынеслы, або якого яду*“. Староста увѣряетъ, что это хорошее вино *зъ-загряныци*, пробуетъ и шатается, какъ пьяный. Младшій староста поддерживаетъ его: *помалу, бо ще впадешъ*“. *О! що це за вино? Отъ потребуйте нашого: наше зъ Адесу, а це, мабуть, якесь нимецьке, не крипке*“. Попробуютъ старосты, но имъ тоже не нравится: они уходятъ къ своимъ за ворота, говоря: „*Кланялась молода молодому, а сваха свашкамъ, а дружки боярамъ*, а кочерга лопатамъ, а пичъ музыкантамъ!“.

Старосты идутъ второй разъ и возвращаются, и наконецъ за третьимъ приглашаютъ; подаютъ имъ кружку воды, которой они умываютъ руки и два рушныка которыми старосты перевязываютъ другъ друга черезъ плечо. Пѣсня объясняетъ обрядъ:

Мые дружка ручкы
Поглядае на килочкы,
Чы не высять рушнычки
Въ нашои паняночкы.
Въ нашои паняночкы
Рушнычкы зъ китаечки.

Библиотека "Руниверс"

Староста обращается къ поѣзжанамъ. Женихъ упрашиваетъ хлопцивъ пропустить ихъ: „*Мы люде хороши, не розбишаки, не воры, пустить пожалуста!*“

— „*Ну, мабуть, не дуже хороши! Головы попробываны—кровъ тече* (красныя ленты на шапкахъ), *а котри пишлы въ хату, то повыходылы позвьязуваны*“. Эта рацея, которая теперь въ устахъ народа кажется странною, есть отголосокъ сѣдой древности, войны и похищенія невѣстъ.

Жениха пропускаютъ во дворъ, а не въ хату; передъ порогомъ ставятъ столъ, накрытый скатертью, хлѣбъ, соль, ведро воды. Тутъ женихъ подноситъ подарки *батькови борону изъ тьеста*, сукно, матери *праныкъ* и сапоги; мать надѣваетъ сапоги и поетъ извѣстную пѣсню:

Оце жъ тіи чоботи, що зять давъ,
А за ціи чоботы дочку взявъ и т. д.

Со стороны невѣсты дружко выноситъ подарки: жениху платокъ, который беретъ старшій бояринъ, обводитъ имъ три раза вокругъ головы, вытретъ ему носъ и привязываетъ къ поясу; старостамъ и дружкови подносятся „рушныки“, а свашкамъ, свитылкамъ по платочку. Въ это время поется пѣсня, что пріѣхали гости, они убѣждаютъ Марусю поѣхать на чужую сторону: „*тамъ горы крейдовыи, ростуть травы шелковыи, текуть рики все медовыи. Летила зозуля—сила, впала и закувала: „не йидь, не здавайся!*“

Далѣе идутъ обряды продажи невѣсты въ чужую сторону, которая рисуется ужасной. Пѣсни теперь изображаютъ тяжелое чувство невѣсты:

I

Ой глянь, Марусе, кризъ калачъ
Карымы очима, та й заплачъ,
Бо иде твоя розмай-коса, загубы-краса.
Горихови квитки, завъязанный свите!

II

Ходять бояре по двору,
Сыплять золото по столу
Мы жъ того золота не беремо,
Мы жъ своей Маруси не даемо.

Библиотека "Руниверс"

Въ это время невѣста обязательно должна плакать. Пѣсни въ утѣшеніе изображаютъ жениха, какъ солнце, что *краще и выще всихъ*.

Лита лита соколонько
Коло сонца,
Прилитае соколонько
До виконца,
„Чы се жъ тая свитлонька
Рубленая,
Чы се жъ тая Марися
Шлюбленая“

Затѣмъ идетъ сцена, представляющая переговоры свашекъ на дворѣ и дружекъ въ хатѣ: переговоры ведутся при помощи пѣсенъ. Свашки приглашаютъ невѣсту:

Выйди, Марусе, выйди,
Не буде тобѣ кривды и т. д.

Дружки изъ хаты отвѣчаютъ:

Нема Маруси дома:
Пишла въ лугъ по калину;
Якъ прийде зъ калиною
Зійдется зъ родиною.

Свашки поютъ:

Пусты, свату, въ хату,
Тутъ насъ не багато:
Четверо та пьятеро,
Та всихъ девьятеро.

Дружки отвѣчаютъ:

Просимъ, бояре, до хаты,
Годи мальцію топтаты
Червонными чобитками
Золотыми пидкивками.

Свашки поютъ:

А въ нашого свата
Соломяна хата,—
Боиться пустыты,
Щобъ не розвалыты.

Дружки отвѣчаютъ:

Ой на хати зимля,
А въ хати весилля;
На двори бояре,

Библиотека "Руниверс"

Явъ макъ процвитаютъ,
А къ синяхъ болото,—
За столомъ, якъ золото.

Передъ тѣмъ, какъ поѣзжане входятъ въ хату, братъ долженъ сѣсть подлѣ сестры съ палкой, а пѣсня ему поетъ: сичи, рубай, сестры не давай!"

Когда женихъ входитъ въ хату, его встрѣчаетъ теща въ вороченомъ кожухѣ, верхомъ на кочергѣ, въ мохнатой шапкѣ и съ горшкомъ въ рукахъ, наполненнымъ водою и овсомъ. Она, не говоря ни слова, подноситъ ему *оброк* (овесъ), а сама ходитъ вокругъ и бьетъ его кочергой. Горшокъ съ оброкомъ жениховъ бросаетъ себѣ черезъ голову, а стоящіе тутъ хлопци спѣшатъ на лету разбить его. Въ этомъ темномъ обрядѣ слѣдуетъ видѣть напоминаніе о жертвѣ, и разбиваніе горшка указываетъ на разбиваніе посуды при жертвоприношеніяхъ, чтобъ она уже не служила ни для какого другого употребленія. Кочерга является въ знакъ почитанія священнаго очага.

Сватъ, входя въ хату, ударяетъ три раза накрестъ по одвиркамъ,—очевидно почитаніе дверей или пенатовъ:

Такъ какъ будутъ отнимать у брата сестру и покупать ее, то пѣсня изображаетъ это:

Не наступай Литва,
Буде въ намы битва,
Будемъ биты, вояваты,
Маруси не давати.

Происходитъ также драматическая сцена покупки у брата сестры. Пѣсни передаютъ всѣ моменты торга и продажи.

Старосты заводятъ жениха къ невѣстѣ *на посадъ*. Невѣста въ это время стоитъ, низко нагнувшись къ столу; на головѣ у нея старшій дружко держитъ калачъ, накрытый платкомъ. Когда сядетъ женихъ, дружки поютъ:

Ще жъ наша тарилочка
Не цинована,—
Ще жъ наша Маруся
Не цилована.
Треба тую тарилочку
Оцинувать—
Треба нашу Марысю
Поцилувать!

Библиотека "Руниверс"

Женихъ срываетъ съ нея платокъ и спѣшитъ поцѣловать. Если же дружка поцѣлуетъ раньше его, всѣ смѣются надъ его неловкостью, а дружки поютъ:

Було бъ тоби не женитися,
Було бъ тоби волочитися,
Бубо бъ тоби жинки не браты,—
Бо не вмiешъ цiловаты.

Происходитъ обѣдъ съ упрашиваньемъ ѣсть, выраженнымъ въ драматической формѣ пѣсенъ.

Подъ конецъ дня невѣста съ старшей дружкой старается спрятаться гдѣ-нибудь, но ихъ сторожатъ и вскорѣ находятъ. Это опять, вѣроятно, обычай изъ эпохи умыканья.

За ужиномъ идетъ шуточная пересмѣшка въ формѣ пѣсенъ между свашками и свитылками, въ родѣ обращенія: *„не будь така горда, якъ свыняча морда!“*.

Покрываніе невѣсты.

Наступаетъ затѣмъ драматическій моментъ покрыванья невѣсты; свашка снимаетъ съ нея вѣнокъ, братъ долженъ расплетать косу; свашки скручиваютъ ее и хотятъ надѣть *каптуръ*; невѣста три раза сбрасываетъ его; но за послѣднимъ разомъ надѣваетъ. Пѣсни изображаютъ эту борьбу:

Ой, Марысе-дивко,
Скынь очипокъ къ дидьку:
Винъ тоби не подоба,
Не прыставъ до лоба.
Искынь, искынь, бо не годытыця:
Краща дивка, якъ молодыця
Искынь, искынь, бо не подоба,
Не прыстае чилка до лоба.

Свашка со стороны жениха надѣваетъ шапку, которую снимаетъ съ нея, а со стороны невѣсты ея вѣнокъ; потомъ становятся на лаву по сторонамъ *молодыхъ*, берутъ платокъ, принесенный съ короваемъ, за концы; машутъ имъ надъ головами молодыхъ (покрываютъ ихъ) и поютъ:

Мы жъ тебе, сестрыце, покрываемъ,
Щастямъ, здоровьямъ надиляемъ.

Библиотека "Руниверс"

Щобъ була здорова, якъ вода,
А багата, якъ земля.
Дай, Боже, дай!
Цилуватыся, мылуватыся
Одъ молодости до старости,—
Дай, Боже, дай!

Цѣлуются три раза черезъ столъ, мѣняются вѣнкомъ и шапкой, и такъ происходитъ три раза.

Въ пѣснѣ свашки объясняютъ совершившійся обрядъ:

Ой такъ мы зробылы
Якъ сами схотилы:
Зъ киыша паляныцю,
Зъ дивчыны молодыцю.

Дружки отвѣчаютъ:

Якъ бы мы схотилы,
Мы бъ ій розвертилы
И въ садокъ повелы,
И винокъ изплелы;
Мы бъ ій заквичалы,—
Вы бъ ій не пизналы.

Въ драматической формѣ также происходитъ обрядъ раздаванья коровая:

Наконецъ, невѣста должна собираться въ домъ жениха; родители благословляютъ ее; невѣста горько плачетъ, разставаясь съ ними. Когда выходятъ на дворъ, отецъ беретъ плеть, бьетъ слегка дочь и передаетъ плеть зятю; тотъ обходитъ невѣсту кругомъ три раза, бьетъ, каждый разъ приговаривая: „*Покидай батькови, та матерыни коровы, та беры мои!*“ Пѣсня объясняетъ пріѣздъ невѣсты къ жениху въ поэтической формѣ:

Прылетила та тетеречка,
Не учора, та теперычка,
Сила середъ двору,
Просыться въ комору.
Та не кишкайте,
Не полохайте,—
Нехай вона прывыкае,
Та до дому не втикае.

Другая пѣсня далѣе реальнаго свойства:

Невистко моя, жадэнко!
Весь викъ я тебе ждала,
Симъ годъ сорочокъ не прала,
Поки тебе молодую дожыдала.

Библиотека "Руниверс"

Родители жениха благословляютъ ихъ; при этомъ мать насыпаетъ сыну за воротникъ жита—символъ хорошей жизни, а невѣсткѣ накрываетъ голову платкомъ, нагибаетъ, беретъ голову ея себѣ подъ руку, говоря; „*Якъ не бачишъ, куды йдешъ, щобъ такъ лыха не бачыла*!

Обычай коморы.

Брачное ложе устраивается обычно; благополучіе невѣсты объявляется пѣснею съ ея стороны:

Не бійся, матинко, не бійся!
Въ червоныи чобитки узуйся!
Топчи ворогы пидъ ноги,
Щобъ твои пидковки брязчалы,
Щобъ твои вороги мовчалы!

А гости поютъ по улицамъ:

Темного лугу калына,—
Доброго роду дытына:
Хочъ вона по ночамъ ходыла,
Пры соби красу носыла.
Куповалы купци—не продала,
Просылы хлопци—вона не дала.
Шовкомъ вышеньки звязала,
Для свого Ивася держала.

Въ такихъ случаяхъ невѣста повязывается краснымъ платкомъ, и бояре украшаются такими же платками. Пѣсня изображаетъ это такъ:

Знаты Марысю, знаты
Зъ которои вона хаты.
Черчикомъ обсыпано,
Калиною обтыкано,
И лавки и прылавки
Зъ червоной китайки.

Въ то время, когда родители угощаютъ за радостную вѣсть о цѣломудріи невѣсты, молодая женщина относитъ въ *комору къ молодымъ вечерять жареную курицу* и меду. Первая составляла жертвенное животное бога-громовника, какъ покровителя брака, да и медъ принадлежалъ къ священнымъ жертвеннымъ кушаньямъ. Отъ этого обрядового кушанья у насъ и пошло названіе *медового мѣсяца*.

Библиотека "Руниверс"

Въ понедѣльникъ молодые идутъ къ матери невѣсты; мать сначала не узнаетъ своей дочери, *молодый* снимаетъ съ нея платокъ; дочь цѣлуетъ руку матери; *молодые* входятъ въ хату и исполняютъ обязанности хозяевъ. Послѣ закуски бояринъ беретъ *виху*, красный платокъ, привязанный къ палкѣ, и отправляются къ попу, которому подносятъ шишку съ калиной, перевязанную красной лентой. Потомъ идутъ къ пану, жиду-шинкарю, старостѣ.

Во вторникъ молотятъ жито, которое было на *посадѣ*.

Въ среду опять собираются къ отцу невѣсты; строятъ посреди улицы хату, т. е. ставятъ три жерди, накрываютъ ихъ рядномъ, привязываютъ кота, собаку и пѣтуха, вносятъ столъ, скамейку, хлѣбъ, ведро воды; потомъ святятъ хату, продаютъ ее и требуютъ, чтобы родители выкупили.

Въ четвергъ рядятся, кто жидомъ, кто цыганомъ, и идутъ по сосѣдямъ, просятъ куръ, а иногда и сами ловятъ ихъ, варятъ и угощаются.

Вода, какъ мы видѣли, нѣсколько разъ является при свадебныхъ обрядахъ; она есть символъ небесной воды—дождя, дающаго плодородіе, что въ свадьбѣ должно имѣть существенную цѣль. Пѣтухъ и курица посвящались богу, покровителю брака.

Всѣ обряды и пѣсни, изъ которыхъ состоитъ малорусская свадьба, опоэтизировали то жизненное явленіе, которое представляетъ собою бракъ. Этотъ моментъ содержитъ въ себѣ много драматическаго, и потому религіозная народная мистерія представляется намъ въ знаменательной драматической формѣ первобытнаго свойства.

Подобная народная драма послужила въ древности основаніемъ для величественной классической драмы, и мы убѣждены, что и наша драма, вышедшая изъ этой глубоко-жизненной основы, могла бы развиться въ цвѣтъ, который пышностью своею затмилъ бы все ходульное, насколько правда и жизнь затмеваютъ всякую поддѣлку подъ живое чувство, и насколько кривлянье паяца уступаетъ естественной простотѣ народнаго мудреца!

Хр. Ящуржинскій.

Библиотека "Руниверс"

Свѣдѣнія о походѣ въ Крымъ Михаила Дорошенка.

(1628).

Куруковскій договоръ (1625), явившійся какъ результатъ одного изъ многочисленныхъ козацкихъ возстаній первой половины XVII вѣка, возстанія, извѣстнаго по имени его предводителя Жмайла, установилъ ту норму отношеній къ козакамъ со стороны польскаго правительства, которую послѣднее признавало единственно возможною. Козачество, не признаваемое какъ сословіе, должно было составлять не болѣе какъ отрядъ постояннаго наемнаго войска, подчиненный польскимъ гетманамъ; отрядъ этотъ не долженъ былъ превышать незначительнаго, точно опредѣленнаго количества (6,000).

Козакамъ вмѣнялось въ обязанность не вмѣшиваться ни во внутреннія сословныя и религіозныя столкновенія на Украинѣ, ни во внѣшнія политическія отношенія речипосполитой къ ея сосѣдямъ. Въ текстѣ договора съ особенною настойчивостью формулированы были статьи, воспрещавшія козакамъ предпринимать морскіе походы на турецкія владѣнія, сноситься безъ вѣдома правительства съ иностранными государями, наниматься къ нимъ въ военную службу, главнымъ же образомъ нарушать въ чемъ бы то ни было мирныя отношенія речипосполитой къ турецкой имперіи. Гарантіею въ исполненіи этихъ предписаній польское правительство признавало установленный имъ контроль по отношенію къ выбору козацкихъ начальниковъ,

Библиотека "Руниверс"

который по силѣ Куруковскаго договора предоставленъ былъ польскимъ гетманамъ.

На первый же разъ коммиссары, составлявшіе статьи договора, собственною властью, безъ выбора со стороны козаковъ, назначили „старшаго войска Запорожскаго“. Должность эта предоставлена была Михаилу Дорошенку, хорошо извѣстному полякамъ, какъ старый товарищъ Сагайдачного, которому тотъ поручалъ вести переговоры съ польскими начальниками еще во время Хотинскаго похода.

Въ дѣлѣ внутренней политики, т. е. польско-русскихъ отношеній, Дорошенко былъ представителемъ того теченія въ козачествѣ, которое стремилось идти по слѣдамъ Сагайдачного въ указанномъ имъ направленіи; оно имѣло въ виду, не разрывая установленныхъ отношеній къ польскому правительству, напротивъ того, оказывая ему услуги въ трудныхъ для него обстоятельствахъ, въ вознагражденіе за эти услуги требовать уступокъ, необходимыхъ для всего населенія южно-русскаго края. Благодаря такому образу дѣйствій, Сагайдачный въ награду за два похода, Московскій (1618) и Хотинскій (1621), достигъ признанія правительствомъ легальнаго существованія „войска Запорожскаго“ въ кіевскомъ воеводствѣ, безъ ограниченія количества его реестромъ и возстановленія православной церковной іерархіи, упраздненной уніатами.

Разумѣется, подобная политика требовала извѣстной доли терпѣнія, умѣнья выжидать и пользоваться обстоятельствами, значительной выдержки и сознанія; къ несчастію народъ южно-русскій не былъ въ данное время политически развитъ на столько, чтобы соразмѣрить свои силы и средства съ возможностью постепеннаго и послѣдовательнаго достиженія своихъ политическихъ и общественныхъ дезидератовъ. За исключеніемъ немногочисленной группы людей болѣе развитыхъ и сознательныхъ, вся остальная масса козаковъ и крестьянъ, стремившихся въ козачество, находила частичныя уступки неудовлетворительными, требовала безотлагательнаго переворота и, предъявляя безусловный протестъ существующимъ отношеніямъ, готова была вступить въ рѣшительную борьбу, не соразмѣряя своихъ силъ и шансовъ успѣха. Правда, Сагайдачный, воспользовавшись присут-

Библиотека "Руниверс"

ствіемъ польской арміи во время Хотинскаго похода, успѣлъ, хотя и съ большимъ трудомъ, подавить это направленіе безусловнаго протеста въ лицѣ его представителя Бородавки; но уже вскорѣ послѣ смерти самого Сагайдачнаго направленіе это, не сдерживаемое его авторитетомъ, проявилось въ рѣзкой формѣ въ возстаніи Жмайла, которое повлекло за собою потерю значительной доли того, что было пріобрѣтено Сагайдачнымъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ возстанія является ограниченіе числа козаковъ реестромъ, контроль надъ выборами ихъ начальниковъ и запретъ оказывать вліяніе на ходъ общественной жизни въ краѣ; все это представляло огромный шагъ назадъ сравнительно съ положеніемъ, какое заняло козачество при Сагайдачномъ.

Положеніе новаго гетмана Дорошенка было весьма трудное: съ одной стороны, слѣдуя программѣ Сагайдачнаго, онъ старался, не смотря на стѣснительныя для козаковъ постановленія Куруковскаго договора, сохранить добрыя отношенія къ польскому правительству, въ то же время выжидая лишь удобнаго случая, чтобы потребовать отъ него возможныхъ уступокъ; съ другой стороны, онъ принужденъ былъ считаться съ порывами козачества къ протесту, къ несчастью не предвѣщавшими успѣха. Среди такого колебанія прошли первые три года гетманства Дорошенка, о которыхъ встрѣчается весьма мало данныхъ въ источникахъ; за все это время мы находимъ только два указанія на его дѣятельность. Въ 1626 году онъ со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ участвовалъ въ походѣ регимептаря Стефана Хмелецкаго противъ татаръ; во время этого похода Буджацкіе татары, ворвавшіеся въ Кіевщину въ количествѣ сорока тысячъ, понесли рѣшительное пораженіе въ окрестности Бѣлой Церкви. Объ участіи козаковъ въ этомъ походѣ Хмелецкій доносилъ королю слѣдующими словами: „въ этой битвѣ запорожскіе козаки выказали большое мужество и преданность В. К. М-ти и речипосполитой“ [1]). Преданность эта не мѣшала, однако, Дорошенку домогаться отъ польскаго правительства уступокъ въ пользу южно-русскаго народа и

[1]) Сборникъ Лѣтописей, относящ. къ Южной и Западной Руси, стр. 256

Библиотека "Руниверс"

протестовать противъ испытываемыхъ имъ отъ поляковъ притѣсненій. Такъ, въ 1627 году, когда королевичъ Владиславъ потребовалъ Дорошенка со всѣмъ его войскомъ для участія въ шведскомъ походѣ, гетманъ не подчинился этому требованію, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что козакамъ не уплачено жалованье, что ихъ обременяютъ поборами и притѣсняютъ православную вѣру, вслѣдствіе чего они, вѣроятно, вынуждены будутъ поступить на службу къ московскому царю [1]).

Въ 1628 году на южной границѣ Запорожья возникла коллизія, дозволившая Дорошенку выступить въ активной роли и удовлетворить народнымъ порывамъ, оставаясь въ тоже время, хотя отчасти, на легальной почвѣ. Мотивы этого дѣла истекали изъ внутреннихъ отношеній крымскаго ханства.

Вассальная зависимость Крыма отъ Турціи была крайне неопредѣленно обусловлена во время подчиненія Крыма при Менгли-Гиреѣ; несомнѣнно, султану принадлежало право по желанію смѣщать и назначать хановъ, но въ выборѣ ихъ онъ долженъ былъ ограничиваться членами рода Гиреевъ; сверхъ того, онъ связанъ былъ обѣщаніемъ не подвергать смертной казни членовъ этого рода; наконецъ, султанъ пользовался правомъ требовать военной помощи отъ хана по своему усмотрѣнію и занимать своими гарнизонами нѣкоторыя крѣпости въ предѣлахъ ханства. Впрочемъ, эти условія зависимости никогда не были точно установлены, держались они исключительно на обычѣ, а не на письменномъ трактатѣ [2]) и, благодаря такой неопредѣленности, болѣе энергичные изъ хановъ старались по возможности ослабить долю своей зависимости отъ султана, не подчинялись его распоряженіямъ относительно военныхъ походовъ и т. д. Султаны съ своей стороны нашли вѣрный способъ для постоянной угрозы ханамъ: пользуясь многочисленностью рода Гиреевъ, они постоянно удерживали въ Стамбулѣ нѣсколько десятковъ представителей этой фамиліи и, при малѣйшемъ ослушаніи со стороны хана, грозили ему смѣщеніемъ и замѣною его однимъ изъ родственниковъ.

---

[1]) Акты Московскаго Государства I, 215—216.

[2]) Смирновъ. Крымское ханство, стр. 294—32.

Библиотека "Руниверс"

Сверхъ того, автономныя стремленія хановъ значительно ослаблялись вслѣдствіе причинъ, скрывавшихся въ внутреннихъ отношеніяхъ самого ханства. Въ вассальной зависимости отъ крымскаго хана находились ногайскія орды, которыя въ свою очередь тяготились этою зависимостью. Болѣе сильные и болѣе энергичные изъ ногайскихъ начальниковъ съ своей стороны мечтали освободиться отъ подчиненія хану и готовы были стать въ непосредственныя вассальныя отношенія къ Портѣ, т. е. сдѣлаться самимъ самостоятельными ханами; такимъ образомъ они представляли внутри самого ханства выгодное для султановъ орудіе въ борьбѣ ихъ съ автономическими стремленіями Гиреевъ.

Всѣ указанные мотивы особенно рѣзко проявились въ третьемъ десятилѣтіи XVII вѣка: ханъ Джанибекъ-Гирей, заподозрѣнный въ стремленіи къ излишней самостоятельности, былъ смѣщенъ въ 1623 году подъ предлогомъ небрежнаго поведенія въ персидскомъ походѣ и преемникомъ ему, по протекціи визиря Гуссейна-паши, назначенъ Мухамедъ-Гирей III, находившійся въ то время въ ссылкѣ на островѣ Родосѣ. Новый ханъ оказался человѣкомъ чрезвычайно предпріимчивымъ и самостоятельнымъ; опираясь на содѣйствіе своего брата Шагинъ-Гирея, которому онъ предоставилъ званіе калги [1]), онъ не пожелалъ выполнять предписаній Порты, не доставлялъ требуемыхъ военныхъ контингентовъ и не строилъ указанныхъ султаномъ крѣпостей. Послѣ многократныхъ напоминаній, султанъ рѣшился смѣнить непокорнаго хана; на мѣсто его вновь назначенъ былъ Джанибекъ-Гирей, котораго послали въ Кафу въ сопровожденіи турецкаго флота съ сильнымъ отрядомъ войска. На этотъ разъ однако смѣна не состоялась: Мухамедъ-Гирей нанесъ туркамъ рѣшительное пораженіе и принудилъ ихъ удалиться изъ Крыма. Съ своей стороны Порта, занятая въ то время другими политическими отношеніями, на время покрыла молчаніемъ это сопротивленіе своего

[1]) Должность калги была установлена еще Менгли-Гиреемъ; калга былъ намѣстникомъ хана и пользовался въ его отсутствіи всѣми аттрибутами его власти на эту должность ханы обыкновенно назначали самыхъ любимыхъ родственниковъ, которымъ желали передать престолъ послѣ своей смерти. (Смирновъ, стр. 350—355);

Библиотека "Руниверс"

вассала, даже возобновила съ нимъ сношенія, какъ-бы ничего не произошло, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріискивала средства къ его удаленію и съ этою цѣлью обратила вниманіе на положеніе ногайскихъ ордъ.

Въ то время самымъ сильнымъ изъ мурзъ ногайскихъ былъ начальникъ Буджацкой орды Канъ-Темиръ мурза, владѣвшій южною частью нынѣшней Бессарабіи отъ Аккермана до Киліи, т. е. такъ называемымъ Буджакомъ. Онъ давно уже тяготился зависимостью отъ Крыма, уклонялся отъ выполненія ханскихъ приказовъ, предпринималъ набѣги на Русь безъ вѣдома хана и стремился къ учрежденію самостоятельнаго ханства подъ турецкимъ протекторатомъ. Его-то и избрало турецкое правительство для противовѣса Мухамедъ-Гирею послѣ столкновенія съ послѣднимъ; теперь власти особенно милостиво отнеслись къ Канъ-Темиру: ему обѣщано было покровительство султана, затѣмъ предоставлено званіе силистрійскаго паши, благодаря чему онъ, какъ высокій турецкій сановникъ, становился въ непосредственную зависимость отъ султана и освобождался отъ подчиненія крымскому хану. Замѣтивъ опасность, грозившую ему со стороны Буджака, Мухамедъ-Гирей рѣшился предупредить ее и послалъ Канъ-Темиру грозный приказъ—переселить Буджацкую орду въ Крымъ для прекращенія ея самовольныхъ набѣговъ на польскія владѣнія. Приказъ этотъ, разумѣется, не былъ исполненъ и въ Буджакъ посланъ съ войскомъ калга Шагинъ-Гирей, чтобы принудить Канъ-Темира къ повиновенію; но тотъ заблаговременно перевелъ свою орду на правый берегъ Дуная, въ Добруджу, входившую въ составъ Силистрійскаго пашалыка и слѣдовательно числившуюся во владѣніяхъ оттоманской имперіи внѣ территоріи, подвластной хану. Шагинъ-Гирей въ свою очередь переправился въ Добруджу, сразился съ Канъ-Темиромъ, но былъ разбитъ на голову и съ трудомъ спасся обратно въ Крымъ; туда же, преслѣдуя его по пятамъ, явился Канъ-Темиръ и осадилъ въ Бахчисараѣ обоихъ Гиреевъ, которые заперлись тамъ съ небольшою горстью приверженцевъ. Между тѣмъ въ Константинополѣ сдѣланы уже были всѣ приготовленія на случай побѣды Канъ-Темира, и Ди-

Библиотека "Руниверс"

ванъ, узнавъ о желанномъ исходѣ столкновенія, объявилъ и хана, и его калгу измѣнниками, дерзнувшими вторгнуться съ оружіемъ въ рукахъ въ одну изъ турецкихъ областей. Оба они были отрѣшены, на мѣсто хана назначенъ вновь Джанибекъ-Гирей, а на должность калги его братъ Девлетъ-Гирей, и сильный турецкій флотъ съ численнымъ десантомъ отправленъ въ Кафу для возведенія на престолъ новаго хана при помощи Канъ-Темира. Осажденные Гиреи, очутившись въ столь критическомъ положеніи, попытались спастись путемъ привлеченія новаго неожиданнаго союзника, и Шагинъ-Гирей послалъ на Запорожье Болгаръ-мурзу просить помощи у козаковъ.

Въ то время находился на Запорожьи и самъ гетманъ Михаилъ Дорошенко, который, согласно требованію статей Куруковскаго договора, обязанъ былъ постоянно пребывать на Низу съ 1,000 реестровыхъ козаковъ для предотвращенія козацкихъ морскихъ походовъ. Переговоры мурзы съ гетманомъ привели къ заключенію слѣдующихъ условій, выгодныхъ для обѣихъ сторонъ: Шагинъ-Гирей обязался уплатить козакамъ 100,000 червонцевъ и сдать имъ недавно отстроенную у границъ Запорожья крѣпость Исламъ-Керменъ, если они своевременно придутъ на выручку хану. Дорошенко принялъ эти условія и немедленно двинулся въ Крымъ съ 4,000 козаковъ (очевидно къ реестровымъ присоединилась и проживавшая на Запорожьи вольница). Непосредственно за Перекопомъ козаки были окружены ногайскими сонмищами, тотчасъ построили таборъ и храбро двигались къ Бахчисараю, въ теченіи шести сутокъ непрерывно отбиваясь отъ татаръ. Въ этомъ переходѣ палъ гетманъ Дорошенко съ четвертою частью всего товарищества, но оставшіеся въ живыхъ козаки все-же пробились къ Бахчисараю, подъ стѣнами котораго разгромили Канъ-Темира, принудили его бѣжать въ Кафу подъ прикрытіе турецкаго гарнизона и освободили союзниковъ изъ осады; въ это самое время прибылъ въ Кафу и турецкій флотъ, сопровождавшій Джанибекъ-Гирея.

Между тѣмъ пораженіе Шагинъ-Гирея въ Добруджѣ, вторженіе Канъ-Темира въ Крымъ и появленіе турецкаго флота у Кафы — всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя совершенно уничтожили автори-

Библиотека "Руниверс"

тетъ Мухамедъ-Гирея среди подданныхъ; не смотря на побѣду, одержанную козаками у Бахчисарая, предводители крымскихъ татаръ отказали ему въ поддержкѣ, приняли сторону новаго хана и отправились къ нему въ Кафу. Оставленные татарами Мухамедъ и Шагинъ вынуждены были бѣжать изъ Крыма, а козаки возвратились на Запорожье, куда вскорѣ явился и Шагинъ-Гирей.

Согласно условію онъ сдалъ Исламъ Керменъ [1]) козакамъ, которые снесли укрѣпленія этого города и перевезли на Запорожье бывшую въ крѣпости артиллерію, послѣ чего временно дозволили Шагинъ-Гирею кочевать на земляхъ запорожскихъ впредь до полученія по этому дѣлу королевскаго рѣшенія. Затѣмъ оба союзника снарядили совмѣстно посольство къ королю. Шагинъ-Гирей просилъ для себя покровительства и помощи королевской, обѣщая въ случаѣ успѣха подчинить Крымское ханство протекторату Польши [2]). Съ своей

[1]) Ниже пороговъ, противъ нынѣшняго мѣстечка Каховки, находилась самая удобная переправа на Днѣпрѣ, который въ этомъ мѣстѣ не раздѣленъ на рукава и представляетъ одно русло. Здѣсь обыкновенно переходили Днѣпръ татары, когда устремлялись въ набѣгъ на Украину; мимо этого пункта спускались также изъ Запорожья козацкія флотиліи, отправлявшіяся въ Чорное море; поэтому обладаніе Таванскою переправою представлялось вопросомъ чрезвычайной важности какъ для козаковъ, такъ и для турокъ и мы видимъ, что съ этою цѣлью еще Витовтъ, послѣ битвы надъ Ворсклою, спѣшитъ построить крѣпость у Тавани (M. Bielski. Kronika, стр. 283 Михаилъ Литвинъ, стр. 9). Съ своей стороны Менгли-Гирей выстроилъ въ 1492 г. на лѣвомъ берегу Днѣпра новую крѣпость, извѣстную подъ именемъ Тавани (Сборн. Русск. истор. Общ. т. XLI стр. 149). На противуположномъ берегу Днѣпра существовала въ XVI стол. татарская крѣпость Исламъ-Керменъ, которую разрушилъ въ 1576 году кн. Дмитрій Вишневецкій; султанъ приказалъ крымскому хану возстановить ее и ослушаніе этому приказу было главнымъ поводомъ гнѣва падишаха противъ Мухамедъ-Гирея. Въ 1627 г. послѣдній занялся наконецъ постройкою крѣпости, но уже въ 1628 г. Шагинъ-Гирей сдалъ ее козакамъ, которые разметали укрѣпленія.

[2]) Впрочемъ попытки Мухамеда и Шагина-Гиреевъ возвратить свою утраченную власть были безуспѣшны, не смотря не многократныя ихъ вторженія въ Крымъ при помощи козаковъ, черкесовъ, кумыковъ и своихъ татарскихъ приверженцевъ. Въ одной изъ такихъ попытокъ (1629 г.) Мухамедъ-Гирей палъ въ битвѣ у Кара-су; Шагинъ еще въ теченіи четырехъ лѣтъ безпокоилъ хана смѣлыми набѣгами, но наконецъ, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, онъ добровольно принесъ повинную султану (1633) и былъ удаленъ въ ссылку на островъ Родосъ. (Смирновъ, стр. 497 и 605).

Библиотека "Руниверс"

стороны козаки извинялись въ томъ, что предприняли этотъ походъ въ Крымъ, не испросивши предварительно королевскаго разрѣшенія, и утверждали, что вмѣшались они въ татарскія междоусобія исключительно въ виду политическихъ выгодъ рѣчипосполитой, имѣя цѣлью способствовать ослабленію ханства; они указывали на предложеніе Шагинъ-Гирея и на разрушеніе Исламъ-Кермена, какъ на положительные результаты ихъ экспедиціи. Польское правительство воздержалось отъ наказанія козаковъ за самовольный походъ и утвердило избраннаго ими новаго „старшаго войска Запорожскаго". Послѣ гибели Дорошенка въ Крыму, выбранъ былъ начальникомъ въ козацкомъ таборѣ нѣкто Мойженица, но онъ вскорѣ былъ уличенъ въ утайкѣ части войсковыхъ суммъ и по приговору рады казненъ смертью; на мѣсто его избранъ Григорій Савичъ, извѣстный у козаковъ подъ именемъ Грыцька Чорного, который и былъ утвержденъ правительствомъ.

На этотъ разъ умиротворенію польско-козацкихъ отношеній способствовали двѣ причины: направленіе, котораго держался вновь избранный гетманъ, и взглядъ на отношеніе правительства къ козакамъ бывшаго въ то время представителемъ польской власти на Украинѣ региментаря, Стефана Хмелецкаго.

Григорій Савичъ является послѣднимъ представителемъ въ козачествѣ той партіи мирныхъ политиковъ, которая образовалась подъ вліяніемъ Сагайдачнаго и подобно ему стремилась, сохраняя дружественныя отношенія къ польскому правительству и оказывая ему существенныя услуги, въ свою очередь постепенно склонять его къ легальнымъ уступкамъ. Въ слѣдующемъ году послѣ его избранія козаки со своимъ старшимъ принимаютъ дѣятельное участіе въ походѣ противъ татаръ, вторгшихся въ Червоную Русь подъ начальствомъ калги Девлетъ-Гирея (сентябрь 1829). Походъ этотъ завершился блестящею побѣдою, которую козацко-польскія войска, подъ предводительствомъ Хмелецкаго, одержали надъ татарами у города Бурштына. Все татарское скопище было разсѣяно и почти поголовно истреблено, при чемъ отняты захваченные ими плѣнники и награбленная добыча; въ числѣ попавшихъ въ плѣнъ татаръ оказался одинъ

Библиотека "Руниверс"

изъ выдающихся членовъ рода Гиреевъ, Исламъ-Гирей, который впослѣдствіи достигъ ханскаго престола и во время возстанія Хмельницкаго оказывалъ значительное вліяніе на козацко-польскую борьбу въ качествѣ союзника этого гетмана [1]). Въ означенномъ походѣ главную военную силу, какою могъ располагать Хмелецкій, составляло „все войско Запорожское со своимъ старшимъ, паномъ Григоромъ Савичемъ“ [2]). Разумѣется, въ виду такой услуги центральному правительству, не подобало уже вчинать взысканія за самовольный походъ въ Крымъ.

Съ другой стороны представителемъ польскаго правительства на Украинѣ въ данный моментъ и непосредственнымъ начальникомъ надъ козаками былъ Стефанъ Хмелецкій, человѣкъ высоко цѣнившій ихъ боевыя качества, относившійся къ нимъ вѣсьма дружелюбно и старавшійся всѣми силами поддержать доброе отношеніе къ нимъ со стороны центральной власти. Послѣ крымскаго похода козаки обращаются къ нему съ просьбою ходатайствовать за нихъ передъ правительствомъ, а также указать имъ дальнѣйшій образъ дѣйствій по отношенію къ Шагинъ-Гирею. „Мы обращаемся къ Вашей Милости за совѣтомъ, пишутъ они, и покорно просимъ Васъ не отказать намъ въ указаніяхъ, какъ намъ поступить. Мы увѣрены, что Ваша Милость благоволитъ не отказать намъ въ совѣтѣ подобно тому, какъ всегда Вы давали намъ существенныя указанія, направленныя ко благу речипосполитой и къ нашей пользѣ.“ [3]) Дѣйствительно, въ донесеніи правительству о крымскомъ походѣ Хмелецкій не только воздержался отъ порицанія этого предпріятія, но постарался указать всѣ выгоды, вытекавшія изъ него для речипосполитой и тѣмъ самымъ склонилъ короля на негласное разрѣшеніе козакамъ оказывать дальнѣйшую поддержку Шагинъ-Гирею. [4])

---

[1]) Przyłęcki. Ukrainne Sprawy, стр. 87—89.

[2]) Рукописная книга дворянина Собекурскаго, хранящаяся въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ № 401, стр. 163—168.

[3]) Przyłęcki. Ukr. Spr. стр. 26.

[4]) Тамже, стр. 50.

Библиотека "Руниверс"

Въ ряду польскихъ военныхъ начальниковъ, которымъ подчинены были козаки въ первой половинѣ XVII столѣтія, Хмелецкій представляетъ единственное отрадное исключеніе, какъ вслѣдствіе болѣе широкаго пониманія имъ козацкихъ отношеній и стремленій, такъ и потому, что въ личныхъ его отношеніяхъ къ народу не было сословной гордости и эксклюзивности, которая составляла отличительную черту характера шляхтичей того времени. Современный ему мемуаристъ слѣдующими словами изображаетъ его личность и образъ дѣйствій: „Хмелецкаго не любили въ войскѣ за излишнюю скромность... онъ сурово запрещалъ солдатамъ грабить и притѣснять бѣдныхъ, утверждая, что подобные поступки навлекаютъ Божью кару и на самихъ солдатъ, и на ихъ начальниковъ; онъ былъ одаренъ такимъ человѣколюбіемъ, что не могъ переносить вида обиженнаго, плачущаго крестьянина и спѣшилъ удовлетворить его, чѣмъ могъ, нерѣдко самъ проливая слезы“ [1]).

Гуманное отношеніе Хмелецкаго къ народу въ значительной мѣрѣ обусловливалось его происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ въ группѣ шляхетства: отецъ его принадлежалъ къ числу бездомныхъ служилыхъ шляхтичей Перемышльской земли и еще въ концѣ XVII столѣтія поступилъ на службу въ надворную милицію кн. Василія-Константина Острожскаго [2]), который впослѣдствіи наградилъ его должностью войта въ Острогѣ и небольшимъ хуторомъ надъ Горынью. Стефанъ Хмелецкій началъ военную службу также въ милиціи Острожскихъ; въ 1620 году онъ въ чинѣ ротмистра принималъ участіе въ походѣ въ Молдавію Жолкевскаго и во время разгрома на Цецорѣ успѣлъ пробиться со своимъ отрядомъ сквозь турецкую армію и возвратился на Подоліе. Въ 1621 году онъ перешелъ на службу къ кіевскому воеводѣ Ѳомѣ Замойскому, который

---

[1]) Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza I, стр. 156.

[2]) Хмелецкіе правдоподобно были православными, на что указываетъ какъ служба ихъ у кн. Василія Острожскаго, такъ и родство ихъ съ православнымъ родомъ Ерличей; сынъ Стефана, Лука, вѣнчался въ православной церкви въ м. Таборовѣ. (Jerlicz. Latopisiec I, стр. 46. Dr. Antoni J.-Niewiasty Krzesowe стр. 96).

Библиотека "Руниверс"

предоставилъ ему начальство надъ всею своею надворною милиціею, поручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ охранять отъ татарскихъ набѣговъ обширныя имѣнія Замойскихъ въ южной Брацлавщинѣ; съ этого времени начинается извѣстная его дѣятельность, направленная къ отраженію хищниковъ. Въ теченіи десяти лѣтъ крайне энергичныхъ и неутомимыхъ усилій Хмелецкій успѣлъ снискать для края относительное спокойствіе, какого не могли ему доставить другіе польскіе военачальники, располагавшіе значительно большими силами. Въ современныхъ ему запискахъ упоминается около двадцати болѣе или менѣе крупныхъ стычекъ, въ которыхъ Хмелецкій постоянно наносилъ татарамъ рѣшительныя пораженія; были въ томъ числѣ и двѣ большія битвы, у Бѣлой Церкви (1624) и у Бурштына (1629), доставившія ему громкую извѣстность.

Въ 1625 году гетманъ Конецпольскій, выступая съ арміею въ прусскій походъ, передалъ Хмелецкому, посившему въ то время скромный титулъ брацлавскаго хорунжія, должность регимептаря на Украинѣ, т. е. главнаго начальника польскихъ военныхъ силъ въ этой области; регименгарю украинному, какъ замѣстителю гетмана, принадлежала также верховная власть надъ Запорожскимъ войскомъ, которою Хмелецкій и воспользовался для того, чтобы смягчать по возможности отношенія правительства къ козакамъ и ходатайствовать передъ королемъ о нуждахъ послѣднихъ. Въ исходѣ 1629 года Стефанъ Хмелецкій въ награду за Бурштынскую побѣду былъ, по представленію Ѳомы Замойскаго, возведенъ въ санъ кіевскаго воеводы, мѣсто котораго оставалось вакантнымъ по смерти князя Александра Заславскаго. Не смотря на выдающіяся его заслуги, назначеніе худороднаго шляхтича на высокій сенаторскій постъ возбудило сильнѣйшее негодованіе въ средѣ польской аристократіи и сенаторы готовили уже весьма не дружелюбную встрѣчу новому коллегѣ, но Хмелецкому не суждено было дождаться этой встрѣчи: спустя шесть недѣль послѣ своего назначенія, въ февралѣ 1730 г., Хмелецкій скончался на Украинѣ, не успѣвши побывать въ столицѣ.

Со смертью Хмелецкаго тотчасъ измѣнился установившійся при немъ характеръ отношеній польскаго правительства къ козачеству, которое

Библиотека "Руниверс"

поставлено теперь въ зависимость отъ лицъ, совершенно иначе къ нему расположенныхъ. Новые начальники козаковъ относились къ нему или строго и высокомѣрно подобно гетману Конецпольскому, или презрительно и жестоко какъ гетманъ Николай Потоцкій, или же, какъ напримѣръ коронный стражникъ Самуилъ Лащъ, они представляли собою полный обрезецъ шляхетскаго своеволія и разнузданности, который не допускалъ даже мысли о признаніи какихъ-бы то ни было человѣческихъ правъ за лицами, не принадлежавшими къ дворянскому сословію. Подобная перемѣна въ направленіе польскаго военнаго начальника быстро отразилась и въ настроеніи козачества: партія мирныхъ политиковъ утратила почву подъ ногами и всѣ ея надежды на возможность послѣдовательныхъ уступокъ со стороны центральнаго правительства отнынѣ казались несбыточными; въ массѣ козачества напротивъ усилилась реакція въ пользу немедленнаго вооруженнаго протеста. Уже къ концу 1630 года реакція эта вспыхнула въ видѣ рѣшительнаго возстанія подъ начальствомъ новоизбраннаго гетмана Тараса; первою жертвою ея палъ Григорій Савичъ, казненный по приговору козацкой рады за неудачный исходъ политики, которой онъ былъ представителемъ.

Возстаніе Тараса было первымъ крупнымъ проявленіемъ той козацкой реакціи, которой суждено было послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ закончиться побѣдою Богдана Хмельницкаго.

К. Мельникъ.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Сказки о жабахъ. Убѣжденіе въ ядовитости лягушекъ и жабъ распространено повсемѣстно. Въ 7-й новеллѣ 4-го дня «Декамерона» разсказывается, какъ Паскино и Симона гуляли на любовномъ свиданіи въ саду около роскошнаго куста шалфея. Паскино сорвалъ листокъ съ этого куста и началъ жевать. Вдругъ среди разговора у Паскино помутилось въ глазахъ, голосъ пресѣкся, и вскорѣ онъ умеръ, покрывшись желтыми пятнами. Симону обвинили въ отравленіи любовника, и судья, чтобы лучше выяснить случай, пожелалъ осмотрѣть мертвое тѣло и садъ, въ которомъ совершилось предполагаемое преступленіе. Здѣсь Симона, представляя судьѣ событіе, также сорвала листикъ шалфея и, пожевавъ, упала, подобно Паскино, и умерла. Когда изслѣдовали кустъ, то нашли подъ нимъ огромную жабу (botta di maravigliosa grandezza), которую и сожгли вмѣстѣ съ отравленнымъ ею кустомъ. (Il Decameron di G. Boccaccio. V. I., p. 307—311 Лейпц. изд. Брокгауза 1877 г.) Безъ сомнѣнія, настоящая новелла основана на итальянскомъ народномъ разсказѣ. Затѣмъ, хотя пѣсни западныхъ славянъ Мериме, переведенныя Пушкинымъ, и поддѣльны, но эпизодъ отравленія Елены сливой, которую предъ тѣмъ лизала жаба, и заберемененіе жабой же также, вѣроятно, заимствованы изъ какого-нибудь славянскаго народнаго разсказа (соч. Пушкина. Изд. Анскаго. Москва. 82 г., пѣсня IV.; т. 3., стр. 285) По великорусскимъ народнымъ повѣріямъ даже крикъ (воркованіе) жабы фаталенъ: предвѣщаетъ смерть. (Костом. Оч. жизни вел. нар. Соврем. 60 г., № 10, стр. 534) Малорусскія представленія о ядѣ жабъ слѣдующія: столченная въ порошокъ лягушка производитъ тошноту и боль желудка у отравленнаго, 2., свѣдущія женщины могутъ насылать лягушекъ вслѣдствіе ссоры, 3., вредно положить подъ голову спящему лягушку, 4 лягушка

Библиотека "Руниверс"

имѣетъ и цѣлебное значеніе, какъ и всякія яды; между прочимъ, отъ укушенія змѣи лягушку прикладываютъ къ укушенному мѣсту съ кислымъ молокомъ, можетъ быть, по правилу: клинъ клиномъ вышибай, а отъ лихорадки даютъ пить въ водѣ высушенную и столченную лягушку, или бросаютъ спящему больному живую лягушку за пазуху (Труды этногр. эксп. Чуб. т. 1. стр. 120, 122, 136, 137 и 357).

Въ дополненіе къ этимъ краткимъ печатнымъ свѣдѣніямъ собраны мною приводимыя ниже народныя сказки, сходныя нѣкоторыми чертами, напр.—помѣщеніемъ жабы подъ кустомъ, силой ея яда, зарожденіемъ лягушекъ внутри женщины, какъ съ новеллой Декамерона, такъ и съ пѣсней Мериме.

1.

Одынъ кумъ ходывъ до кумы и каже ему та кума: «якъ бы мени стребыть твою жинку та свого чоловика?» Пишла кума до бабы, просыть ін: «бабусю! якъ бы мени чоловика свого стравыть та кумыну жинку?» —Що-жъ, каже баба, ходимъ за мною. Пишлы воны на купыну, одкрыла баба одну купыну—ни, не таке; раскрыла другу,—каже: «держи ты мишка, я ін вжену» —и выгнала жабу, такъ не ту, шо въ води,—съ тіи нычого не буде,—а ту, шо въ купыни, шо волосся по ій.

Вернулась кума до дому, колы й кумъ увійшовъ у хату, сивъ тай пытае: «кумо! чого вы такъ довго топыте? уже у васъ въ печи нагорило. Шо въ васъ у хати клока?»—Квочка, каже.—Ни, не квочка.—То та жаба клока, призналась кума: якъ бы ін въ нычъ посадыть та твою жинку стребить та мого чоловика. Взялы ту жабу, вкынули въ нычъ, вона вытаскуется зъ печи; воны прыдержалы заслонки, щобъ не вытаскувалась; вона й спеклась. Взяла кума посикла ту жабу, потерла, балакають у двохъ изъ кумомъ: «куме, якъ бы стребыть тобі жинку, а менѣ чоловика? Я натерла такого, що якъ сухе, такъ довше схнутыме, мучытымется чоловикъ, а якъ не сухе, такъ те живо помреть.» Кумъ и каже: «давай, кумо! заразомъ стребымъ и жинку и чоловика.

А въ тіи кумы свадьба була: оддавала вона дочку. Кумъ узявъ пидъ ниготь собі запустывъ яду того, що теръ зъ тіи жабы, та взявъ тай выпустывъ у чарку,—нихто не бачывъ,—тай каже куми: «у твоій хати тобі перва чарка!» и дае ій ту чарку выпыть. Выпыла кума, каже: «не хорошои водкы ты менѣ давъ.» Подрочылась, упала зъ лавки и душу Богови оддала, або не Богови, а идолови въ пекло. Люды по-

Библиотека "Руниверс"

лякались та съ хаты соби хода. А кумъ каже: «не пужайтесь, то пусте: якъ вона приготовыла моій жинцы и своему чоловикови, нехай сама пропаде, нижъ вона душъ изъ десять запакувала бъ людей.» Тоди іи взялы поховалы, а люды сталы гулять свадьбу.

2.

Йихавъ чоловикъ черезъ лисъ, взявъ выризавъ лищину, та прыйихавъ до дому, та поставывъ у синяхъ у куточку. А маты его стала иты на двиръ та на ту палочку подывылась; а зъ надвору,—та взяла палочку, ввійшла въ хату, каже: «де ты, сыну, сю лищину выризавъ?»—Въ лиси въ кущи. А вона впьять каже: «запрягай же, сыну, живо кобылу та пойидемъ до того куща.» Винъ запригъ кобылу тай пойихали. Вона взяла лопату и коробочку. Выкопали той кущъ, колы пидъ тимъ кущемъ жаба; взялы ту жабу та въ коробочку та прывезлы до дому. Маты вкынула іи въ пичъ. У печи горяче, а та жаба скреготыть та скака по печи. Якъ та жаба изсохла, маты взяла и потерла іи. Маты на жинку, на свою сусиду сердылась та увійшла до тіей сусиды та накыдала жабы у чашечку та каже: «на, оце пый, я оце пыла, на й тоби!» Такъ та жинка якъ выпыла, два дни походыла, завелысь у неи маленьки жабенята въ середыни. Такъ вона давай блювать назадъ; выблювала чисто ти жабы. То блювала кровью, а то вже зеленю.

3.

Була соби жинка знахурка. Свыни загодовуе, щобъ сало товсте було; загодовуе на девять сутокъ. Отъ наварыла та жинка жабы и поставыла на полыцю, щобъ выхолонуло. А дочка іи замужемъ не далеко,—прыбигла до матери. Въ хати нема никого, а юшка та стоить на полыци червона, выхолонула. Дочка й напылась тіи юшки. Ось маты входыть у хату. «Мамо! пыта дочка, що то въ васъ на полыци стоить таке солодке? Я напылась.» Маты вдарылась у груды, крычыть: «сежъ я не тоби, а кабанови! Ты тилько девять сутокъ и пожывешъ, тебе розирве!» Стало ту дочку розспирать, стала вона така якъ груба: уже й въ двери не вливе. На десяти сутки уже и въ хати не вмистыться. Докторы ій такого далы, шобъ умерла, а то бъ іи розирвало.

4.

Була дочка у матери, та пишла замижъ за багатого, а сама зъ биднаго состоянія. А маты, бидна удова, прыйшла до дочки у гости.

Библиотека "Руниверс"

Маты сыдила въ дочкы день и другый, дочка ій ничого не дае: дала й паляныци чорствои гречанои та сывороткы напыться, та съ тимъ и выпроводыла. А було и лучше, бо дочка багата здорово: есть и волы и кони. Пишла маты, плачучи, до дому. Прыходыть до дочкы ій кума гулять. Посадыла вона куму за стилъ, найшла сметаны, варенykивъ; найшла и водки:—давай гулять! Пойилы ту сметану, дочка полизла у погребъ за другою, а та сметана накрыта кружечкомъ и на тому кружечку дви жабы сыдыть; одна ій въ щоку впылась, а друга—въ груды. Такъ кума дожыдала, дожыдала, прыйшла до погреба, колы сыдыть та дочка: жаба одна на щоци, а друга на грудяхъ. Кума ій вытягла та ввела у хату. То ти жабы булы ряби, а то сталы червони: кровы понапывались. Воны ій зассалы. То та дочка була здорова женщина, а то вже неможна ій и ходыть: изоссалы ненавыщо. Полежала недиль скилько тамъ тай умерла; такъ зъ жабами и умерла: тоди жабы поопадалы, якъ умерла.

5.

Одна жинка пишла рвать орихивъ на первy Пречысту. Нарвала може такъ якъ изъ пригорщъ орихивъ, де взялась на оришыни зелена жаба и впала ій на шію и якъ упъялася у тило, такъ вона прыбигла и додому зъ нею. Вона и по дохторахъ йиздыла, щобъ одирвалы ту жабу, потимъ и у Кіивъ йиздыла,—ничого не помоглось. Такъ вона до святытеля, угодника Божого Аѳанасія, ажъ тры недили поспиль молебечъ наймала; та вже якъ третій молебень наняла та съ усердіемъ Богу молылася, такъ ій священныкъ сказавъ: «иды ты до дому та иды на те мисто, де вона впала.». Жинка та пишла туды: на те мисто, де вона впала. Такъ вона трычи квокнула на жинци: кво, кво, кво! скочыла зъ жинкы и полизла на деревыну.

В. Милорадовичъ

Какъ поймали Наполеона Бонапарта въ лебединскомъ уѣздѣ. *(Изъ разсказовъ старожила).* Въ 1854 и 55 годахъ, во время Севастопольской войны, я получалъ двѣ газеты: Русскій Инвалидъ и Сѣверную Пчелу. Почта приходила разъ въ недѣлю, и, когда она получалась, желающихъ знать, что дѣлается на театрѣ войны, было много, тѣмъ болѣе что газетъ, кромѣ меня и предводителя дворянства, въ городѣ почти никто не выписывалъ. Изъ посѣтителей иные читали газеты, иные только любопытствовали узнать, что дѣлается

Библиотека "Руниверс"

въ Севастополѣ. По прочтеніи газетъ, въ которыхъ тогда печатали самыя невѣрныя свѣдѣнія (уменьшали наши потери, а потери союзниковъ преувеличивали), между публикой возникали сужденія, споры; одни, помня 1812-й годъ, повторяли слова извѣстной пѣсни:

Кто противъ Бога?
Кто противъ Русскихъ?—
Выхвативъ саблю,
Рекъ атаманъ!

Другіе совѣтовали послать побольше русскихъ мужиковъ,—такъ они союзниковъ шапками и лаптями закидаютъ.—Не нужно мужиковъ посылать, что-бы не отрывать отъ работъ,—помѣщикамъ будетъ убытокъ, а послать туда три или четыре полка донскихъ козаковъ, такъ они все союзное войско плетями въ Черное море загонятъ, какъ барановъ, тамъ они и пропадутъ,—доказывали третьи. Разные хорошіе совѣты предлагали. Были и такіе, которые знали дѣйствительное положеніе не изъ газетъ, но говорить объ этомъ было опасно; таково было патріотическое настроеніе тогда.

Въ числѣ посѣтителей приходилъ одинъ учитель, пріятный собесѣдникъ, всегда бывшій въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ никогда не читалъ газетъ, а спрашивалъ у читающихъ о новостяхъ. Разъ онъ пришелъ ко мнѣ въ такое время, когда газеты были получены, а публики еще не было. «Что новаго, что новаго? Пожалуйста, скажите скорѣе!»—Вотъ газеты—читайте и будете знать.—«Некогда мнѣ читать, пожалуйста скажите!—Новаго вотъ что: Въ городѣ Цареградѣ стоитъ султанъ на оградѣ, рукою махаетъ, къ себѣ Омера-пашу призываетъ. Послушай-ка ты, Омеръ-паша армія не стоитъ и гроша. Тебѣ-то хорошо, что ты деньжонокъ пособралъ и въ англійскій банкъ отослалъ, а что-жъ въ султанѣ, когда денегъ нѣтъ въ карманѣ. Тебѣ то хорошо, а мнѣ то каково!

— Чтожъ теперь султанъ будетъ дѣлать?—А кто его знаетъ. Его теперь такое положеніе хоть вѣшайся! Да! да! да! такое положеніе—подтвердилъ учитель.

Отъ меня учитель отправился къ предводителю дворянства, (который также былъ и почетнымъ попечителемъ уѣзднаго училища), чтобы разсказать эту новость. Онъ вообще имѣлъ забавную привычку узнавать и разсказывать другимъ новости и непремѣнно переиначить слышанное, такъ что и подобія не оставалось отъ того, что слышалъ. Такъ случилось и на этотъ разъ. Чуть не бѣгомъ прибѣ-

Библиотека "Руниверс"

жалъ онъ къ попечителю и засталъ тамъ много гостей. Не сказавши даже «здравствуйте», началъ махать руками.— «Господа! Господа! Позвольте, позвольте! Новость важная!»

— Что такое? спросили у него— «Въ Константинополѣ взбунтовались министры и повѣсили султана».—Откуда вы это узнали?— «Сейчасъ читалъ въ газетѣ.» —Быть не можетъ.

— Ей-Богу, Богъ меня накажи, самъ читалъ!—Да въ какой газетѣ? я самъ получаю газеты,—спросилъ попечитель—Не посмотрѣлъ, какая газета, но самъ читалъ. Попечитель прислалъ ко мнѣ за газетами и, прочитавши, не нашелъ ничего подобнаго. Разказчикъ хотѣлъ улепетнуть,но его не пустили. Попечитель разсердился. Онъ былъ малороссъ, ни въ чемъ терпѣть не могъ неправды, а разсердившись объяснялся на украинскомъ нарѣчіи, что означало высшую степень гнѣва: «Щожъ оце вы, учытель, прыйшлы мене и гостей моихъ у дурни пошываты! Таку нисенитныцю сочынылы! Якый-же вы учитель и чому можете научыть дитей? Якъ вамъ не стыдно! Га? Я на днихъ буду въ Харькови, скажу директору, такъ васъ винъ за це похвалыть» Бѣднякъ видѣлъ, что попался, началъ изворачиваться, что онъ не читалъ, а слышалъ отъ меня. «Вы знову?... вы заразъ пры всихъ божылись и говорылы, що самы чыталы. Глядить, щобъ я одъ васъ не чувъ николы такихъ новостей». Учитель жаловался своимъ знакомымъ на меня, что я его подвелъ подъ непріятность, сказавши ему, будто министры повѣсили султана.

Новость отъ него дошла до бывшаго смотрителя училища. Это былъ почтенный, много лѣтъ служившій смотрителемъ старикъ, всѣми въ городѣ и уѣздѣ уважаемый. Смотритель пришелъ ко мнѣ и съ таинственнымъ видомъ спрашиваетъ: «что вы надѣлали? На что вы сказали ему, что султана повѣсили? Вы этимъ можете себѣ надѣлать большихъ непріятностей.

Я объяснилъ ему, какъ было дѣло.—Ну, знаете, что я вамъ скажу: вы еще человѣкъ молодой и неопытный. О владѣтельныхъ особахъ такъ нельзя говорить. Хотя султанъ магометанинъ и врагъ нашъ, а все таки падишахъ. Я вамъ разскажу, что было въ 1812 году во время нашествія Наполеона. Говорили, будто антихристъ ходитъ переряженный по Россіи, все высмотритъ, а его войска нежданно набѣгутъ, разорятъ, сожгутъ, что получше—заберутъ, жителей, кто не уйдетъ, перебьютъ, и что день, то все были слухи: тамъ и тамъ сожгли село, городъ, а жителей побили. Конечно, послѣ оказывалось, что все это неправда, но тогда со страху всему вѣрили; а тутъ еще

Библиотека "Руниверс"

комета явилась съ большимъ хвостомъ, всѣ были увѣрены, что это передъ большою бѣдою. Такъ и говорили: «помететъ бѣда землю Русскую!» Вотъ мы, бывало, чтобы не такъ страшно было, соберемся къ городничему; тамъ, знаете, кто любитъ выпить—выпьетъ хорошо, а кто не любитъ—въ карты поиграетъ. Городничимъ былъ штабъ-офицеръ Тутолминъ, человѣкъ хорошій, веселый, въ компаніи любилъ выпить, былъ, что называется, душа-человѣкъ.—«Это я пью, говоритъ, для храбрости, что-бы не страшно было Наполеона!—Вотъ однажды пришелъ ко мнѣ стряпчій и говоритъ:—«Слышали вы? У насъ въ уѣздѣ Наполеона поймали въ селеніи Василевкѣ».—Не можетъ быть!—Поймали, я достовѣрно вамъ говорю.—Какъ поймали?—Засѣдатель М. Я. Воскобойникъ.

Услышавши это, я поскорѣй, чтобы первому сообщить новость, къ городничному:—«Очень радостную вамъ новость сообщу»—Что такое?—«Наполеона поймали въ Василевкѣ».—Быть не можетъ, кто поймалъ?—«Засѣдатель М. Я. Воскобойникъ?—Ну, если Воскобойникъ, то повѣрю. Это, батюшка, такой человѣкъ, на трп аршина видитъ, что подъ землей дѣлается, и если ему дать строжайшее предписаніе, повытащитъ всѣхъ чертей изъ болота Каратуль; а Бонапартъ, какъ бы онъ ни переодѣвался, отъ него не спрячется, сей часъ его узнаетъ».

Ну, знаете, городничій съ такой радости приказалъ подать водки и закуску, послалъ за частнымъ приставомъ полицейскимъ письмоводителемъ, тоже любившими выпить,—еще выпили, и тутъ-же приказалъ городничій написать рапортъ генералъ-губернатору такого содержанія:

«Симъ честь имѣю рапортовать Вашему Высокому Превосходительству. Горя усердіемъ и ревностію къ службѣ и не щадя даже живота своего, ради общественной Россійской пользы и спокойствія, вчерашнего числа пойманъ въ лебединскаго уѣзда селеніи Василевкѣ засѣдателемъ Воскобойникомъ, въ переодѣтомъ и несвойственномъ ему видѣ, Наполеонъ Бонапартъ, о чемъ честь имѣю симъ рапортомъ рапортировать».

Написавши рапортъ, сейчасъ эстафетой послалъ въ Харьковъ генералъ-губернатору. Прошло дня три. Приходитъ ко мнѣ частный приставъ.—Пожалуйте, говоритъ, къ городничему по очень важному дѣлу.—Прихожу, смотрю—жандармъ стоитъ во всемъ оружіи. Какъ глянулъ я на него, такъ и обмеръ:—ну, думаю, бѣда. Городничій сидитъ ни живъ, ни мертвъ.—«Вотъ, говоритъ, генералъ-губернаторъ

Библиотека "Руниверс"

за Наполеономъ прислалъ жандарма, такъ давайте его сюда». Я говорилъ, что я слыхалъ отъ стряпчаго. Послали за стряпчимъ. Тотъ видитъ, что дѣло плохо: я, говоритъ, ничего не говорилъ.—Чтожъ вы отпираетесь? Вы приходили ко мнѣ въ домъ и увѣряли, что Наполеона поймали въ Василевкѣ.—Нѣтъ, я вамъ не говорилъ, можетъ вамъ приснилось, а вы и пошли разсказывать.

Я уже послѣ одумался: и чтобы мнѣ сказать, что я не говорилъ городничему, пускай-бы онъ самъ какъ зналъ, такъ и отдѣлывался,—да все это послѣ на умъ пришло. Я къ жандарму, говорю: что слышалъ, то сказалъ, а онъ отвѣчаетъ:—я объ этомъ ничего неизвѣстенъ, а генералъ-губернаторъ приказалъ доставить Наполеона прямо къ нему, такъ и подавайте его сюда; что мнѣ приказано, я долженъ исполнить.—Не знаю, какъ отписался городничій. Онъ за это получилъ строжайшій выговоръ.—А для меня такъ скоро дѣло не окончилось. Узналъ директоръ и пишетъ мнѣ бумагу, какъ это я поймалъ Наполеона и почему до сихъ поръ не представилъ генералъ-губернатору. Повѣрьте, какъ услышу колокольчикъ, такъ и думаю: вѣрно за мною жандармъ пріѣхалъ, возьмутъ да завезутъ туда, гдѣ и свѣта больше не увидишь; такъ я, бывало, сейчасъ ухожу куда-нибудь. Страшное тогда было время! было очень строго!

Директору я отвѣтилъ, что я не ловилъ Наполеона, а что слышалъ, то и сказалъ городничему. Такъ еще съ полгода бумагами и запросами меня мучили, да попечитель училища упросилъ директора, чтобы оставить дѣло.

Тогда директоръ написалъ бумагу, что бы я получше смотрѣлъ за своимъ дѣломъ, а не разсказывалъ пустыхъ новостей; этимъ прилично заниматься, говоритъ, какой-нибудь базарной бабѣ, а не смотрителю!

Такъ вотъ вамъ! Пожалуйста, будьте осторожнѣе и не говорите ничего нехорошаго, хотя бы и о султанѣ. Прошло время, когда запорожцы писали султану вольныя письма и относились къ нему съ неуваженіемъ. —*

Отецъ Петръ. *(Изъ разсказовъ старожила).* Въ началѣ этого столѣтія, въ небольшой деревнѣ Будылкѣ, лебединскаго уѣзда, былъ священникъ о. Петръ. Человѣкъ онъ былъ не старый, учительный, готовый всякому нуждающемуся отдать свою послѣдюю рубашку, весьма

Библиотека "Руниверс"

любимый прихожанами, веселаго нрава, а потому любилъ повеселиться. На его бѣду, рано овдовѣлъ, дѣтей не было, значить—вольный козакъ.

Ему перевѣнчать кума съ кумой и родича съ сомнительно дальней родней ничего не значило, а консисторія за это взыскивала строго. Если были желающіе дерзнуть на такой поступокъ, то должны были просить сначала разрѣшенія въ духовномъ правленіи, затѣмъ въ консисторіи, а послѣ у владыки. Чтобы пройти всѣ эти мытарства, нужно ѣздить самому, хлопотать и вездѣ подмазывать, да не одинъ разъ поѣхать и подмазать, а нѣсколько разъ, и тогда проситель получалъ разрѣшеніе.

Рѣшались на это люди состоятельные, которымъ было чѣмъ платить, а человѣку небогатому нельзя было объ этомъ и думать. Отецъ Петръ смотрѣлъ на это иначе: «Чого ты будешъ йиздыть по канцеляріяхъ да по духовныхъ правленіяхъ да тратыть гроши!.. Я такый-же священникъ, якъ и воны; дай лучше мени трошки грошей, два видра горилки та жывности, яка есть въ хозяйстви, я перевинчаю». И дѣйствительно, вѣнчалъ.

Какъ только узнавалъ о томъ кто-нибудь изъ товарищей священниковъ, сейчасъ на него доносъ благочинному, а тотъ въ консисторію,—и начнутъ его тягать, пока не повытрусятъ изъ кармановъ, что у него окажется; послѣ этого сдѣлаютъ ему наставленіе, чтобы впредь не рѣшался такъ дѣлать.

Водилась и другая слабость за отцомъ Петромъ: любилъ онъ поплясать. Гдѣ музыка, тамъ и отецъ Петръ отплясываетъ. Музыка своя, ведро «доброи горилки» стоило 20 копѣекъ,—какъ-же не веселиться?

Не смотря на это, былъ онъ человѣкъ чистой нравственности,—душевный былъ человѣкъ и очень бѣдный.

По какому-то доносу благочиннаго, владыка потребовалъ обвиняемаго въ Харьковъ. На этотъ вызовъ отецъ Петръ отвѣтилъ:—«Ни въ чымъ, ни съ чымъ, ни на чому, ни зачымъ, не пойиду, не хочу».

Получивши такой отвѣтъ, владыка положилъ резолюцію: ни въ чымъ—дать одежду; ни съ чымъ и ни на чому—дать изъ церковныхъ денегъ на проѣздъ; ни за чимъ—скажутъ; не пойиду, не хочу—приведутъ по этапу.

Поѣхалъ отецъ Педръ и такое искреннее и правдивое передалъ владыкѣ объясненіе своего житія и дѣяній, что владыка простилъ

Библиотека "Руниверс"

его, но приказалъ удерживаться, быть поскромнѣе, а благочинному предложилъ съ разборомъ внимать доносамъ.

Такъ отецъ Петръ дожилъ вѣкъ съ миромъ, и долго поминали его прихожане: «добрая душа была!—говорили въ одинъ голосъ.

—*

Черниговскій воспитательный домъ семьдесятъ лѣтъ назадъ [1]).

Въ Черниговѣ и Полтавѣ были въ то время (незнаю есть ли теперь) такъ называемые *воспитательные дома*. Въ нихъ на счетъ Приказа общественнаго Призрѣнія содержалось по 60 чиновничьихъ дѣтей, учившихся въ мѣстныхъ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Ихъ обыкновенно называли воспитанниками. Въ 1827 г., когда я поступилъ въ Черниговскій воспитательный домъ, въ первый классъ гимназіи (тогда было только четыре гимназическихъ класса), я засталъ еще на половину воспитанниковъ, близившихся къ двадцатилѣтнему возрасту и большею частью сидѣвшихъ еще въ уѣздномъ училищѣ. Въ гимназіи, за рѣдкими исключеніями, были какъ то все помоложе. Ученіе вообще шло изъ рукъ вонъ плохо: доказательство, что въ выпускномъ классѣ гимназіи обыкновенно бывалъ одинъ воспитанникъ, рѣдко два, иногда ни одного—изъ шестидесяти. Правда, и всего то выходило ежегодно не болѣе 8—12 учениковъ [2]). (Въ 1832 г.—три). Въ воспитательномъ домѣ я засталъ еще стародавняго смотрителя этого воспитательнаго дома—Гребецкаго. Онъ сидѣлъ тутъ что-то лѣтъ съ двадцать. Жирная, мѣшковатая, обрюзглая личность, невылѣзавшая изъ грязнѣйшаго халата. Онъ почти не выходилъ изъ дому вовсе. Въ мое время изъ воспитанниковъ видѣли его только горькіе *субботники*. Нужно сказать, что въ гимназіи составлялись ежемѣсячно списки объ успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ. Странное дѣло—съ августа, перваго учебнаго мѣсяца въ году, каждый воспитанникъ, какъ получитъ, бывало, какую нибудь отмѣтку, такъ ужъ и несетъ ее до мая. Субботники очень хорошо знали, что ждало ихъ въ каждую послѣднюю субботу мѣсяца, но совершенно равнодушно... За 5—10 минутъ истязанія—цѣлый мѣсяцъ впереди безшабашной жизни. Конечно, проскакивали и классныя экзекуціи, какіе нибудь *колѣни*, *гусочки*, даже иногда розги, даже иногда—*пàли*,—вмѣсто линейки—*ожогомъ*, но все это былъ чистый вздоръ передъ домашнимъ *виноградомъ*.

---

[1]) Отрывокъ изъ воспоминаній В. М. Л.

[2]) Т. е. вмѣстѣ съ экстернами.

Библиотека "Руниверс"

Я разъ только видѣлъ его... Не помню ужъ за какую провинность, повели въ единy отъ субботъ и меня, раба божія, въ сонмѣ *отчаянныхъ*, въ швальню. (Швальня была одна изъ комнатъ квартиры смотрителя, гдѣ дѣйствительно одинъ изъ рабовъ Гембецкаго обшивалъ ноги воспитанниковъ). Привелъ насъ Макаръ Алексѣевичъ, одинъ изъ помощниковъ смотрителя. Насъ было десятка два... Сапожникъ, привычный къ явленію, словно не замѣтилъ насъ. Помню, что это даже произвело на меня благопріятное впечатлѣніе... Но проклятый Гембецкій заставилъ насъ ждать добрыхъ полчаса. Но вотъ онъ лѣзетъ... шлепаютъ туфли по коридору, пыхтитъ... Позеленѣли всѣ...

— Варрава! винограду!

Приземистый, коренастый—онъ тихо и лѣниво поднялся съ своей обсиженной табуретки, медленно поднялъ крышку какого-то длиннаго ящика и медленно сталъ вынимать пучки розогъ.. Тутъ-же, въ швальнѣ, въ это время топилась печь, а около нея стоялъ ушатъ съ водою. Печка эта топилась въ субботу послѣ каждаго перваго числа... Нужна она была въ эти субботы...

Между тѣмъ Гембецкій усаживался на Варравиномъ табуретѣ и ждалъ... А Варрава выложивъ изъ ящика пучки розогъ, выбиралъ изъ нихъ должно быть лучшій и обмокнувъ его въ ушатъ, быстро сажалъ въ печку... Вынувъ оттуда распаренный пучекъ и тряхнувъ имъ въ воздухѣ, Варрава ожидалъ... Въ это время Гребецкій, держа въ рукахъ списокъ, прошипитъ: Пулинца.—*Акимъ и Артемъ* берутъ Пулинца, отстегиваютъ то и другое, садится одинъ на голову, другой на ноги—и Варрава пишетъ... Разъ на вѣку только и видѣлъ я эту экзекуцію, но и теперь, лѣтъ черезъ сорокъ, отъ воспоминанія о ней—морозъ по кожѣ пробѣгаетъ...

Недоразумѣніе. Въ кіевск. газетѣ «Жизнь и Искусство» съ мѣсяцъ назадъ, (№ 267), напечатана слѣд. замѣтка: «*Открытіе нѣмецкаго историка.* Недавно въ нѣмецкомъ еженедѣльникѣ «Archiv für geschichtliche Denkmäler» молодой историкъ І. Эвелингъ напечаталъ изслѣдованіе, въ которомъ доказываетъ, что Богданъ Хмельницкій былъ еврейскаго происхожденія, родомъ изъ г. Хмѣльника, Калишской губ., и подтверждаетъ это ссылками на документы изъ Калишскаго архива, попавшіе въ руки нѣмцевъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.» Желая познакомиться съ этимъ изслѣдованіемъ, мы обратились къ книгопродавцу Гирземану, въ Лейпцигъ, прося его выслать

Библиотека "Руниверс"

указанную книжку этого «Архива», но въ отвѣтъ получили, что это изданіе «никому не извѣстно». Желательно поэтому имѣть болѣе точное названіе «еженедѣльника» съ изслѣдованіемъ г. Эвелинга.

А. Л.

Протоіерей Н. А. Лащенковъ. *(Некрологъ).* Харьковская газета «Южный Край» (№ 5401) извѣщаетъ о смерти этого полезнаго дѣятеля на поприщѣ бытописанія слободской Украины, преимущественно церковнаго. Протоіерей Лащенковъ (р. 1829 г.), уроженецъ с. Гавриловки изюмскаго уѣзда, учился сначала въ Харьковской семинаріи, а потомъ въ Кіевской академіи. Поселившись въ Харьковѣ, умершій протоіерей сталъ заниматься въ мѣстныхъ архивахъ (консисторскомъ, церковныхъ и друг.) и оставилъ нѣсколько работъ по мѣстной исторіи. Изъ нихъ лучшая—«Христофоръ (Сулима), первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій» [1]). Это изслѣдованіе заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній изъ исторіи церковныхъ приходовъ Харьковской губерніи за первую половину настоящаго вѣка. Другія работы прот. Лащенкова были слѣдующія: О В. Н. Каразинѣ,» «Домовыя церкви въ домовыхъ покояхъ Слободско-украинскихъ дворянъ—помѣщиковъ», «Памяти ректора Харьковскаго университета П. П. Гулака-Артемовскаго» и друг.

Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича. Н. А. Чаевъ, прочитавъ наше приглашеніе публиковать всѣ ненапечатанные матеріалы для будущей біографіи М. А. Максимовича (см. № 9-й 1896 г.), прислалъ намъ, въ 1-хъ, письмо М—ча къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, написанное въ 1869 году на листкѣ, на которомъ напечатанъ малорусскій переводъ «Плача Ярославны», выпущенный отдѣльнымъ оттискомъ въ этомъ году, и во 2-хъ, другой листочекъ, на, которомъ напечатано его-же малорусское стихотвореніе «На смерть юнаго П. Г.», съ слѣдующей рукописной выноской самого М—ча: «Прекрасный Павлусь, долго жданный и единородный сынъ Гр. Павл. Галагана, неожиданно скончался на Свѣтлой Недѣлѣ. Въ память его Гр. П. учреждаетъ въ Кіевѣ стипендію для юношей всѣхъ сословій

---

[1]) Печаталась въ Харьковскомъ Сборникѣ 1894 и 1895 гг., а потомъ вышла отдѣльною книгою. О ней см. Кіевск. Стар. за настоящій годъ.

Библиотека "Руниверс"

жертвуя на нее 240 тысячъ рублей». Такъ-какъ самое стихотвореніе почти никому неизвѣстно, а между тѣмъ только на дняхъ Коллегія Павла Галагана отпраздновала 25-лѣтіе своего существованія, возникнувъ въ память безвременно погибшаго юноши Павлуся Галагана, то мы считаемъ умѣстнымъ перепечатать здѣсь это стихотвореніе, чтобъ оно не затерялось, подобно многимъ другимъ мелочамъ изъ писаній Максимовича.

На смерть юнаго П. І.

И не вѣриться, и сумно,
Що не стало въ свѣтѣ
Тебе, любая дитино,
Ненаглядный цвѣте!

—

Такъ горицвѣтъ той весняный,
Якъ золото сяе;
Весна стане въ повнôй силѣ,
А его й немае

—

Твоя воля надъ всѣмъ свѣтомъ,
Боже всемогущій!
Суета увесь и всякій
Чоловѣкъ живущій!

1 мая 1869 г. М. М.

Письмо М. А. Максимовича къ А. П. Елагиной.

Какъ много обрадовала меня свѣтло-праздничная *Ласточка* ваша, дражайшая Авдотья Петровна, и какую сладкую душѣ моей мелодію она прощебетала!... Благодарный Вамъ за нее сердечно, я отвѣчаю нынѣ своимъ украинскимъ, печатнымъ, майскимъ стихотвореніемъ[1]), съ которымъ я къ іюню вернулся изъ Кіева на свою Михайлову Гору, къ сожалѣнію, и простуженный, и невеселый, хотя, впрочемъ, и то и другое уже прошло и сошло съ меня, какъ съ гуся вода... А вотъ еще и новенькіе стишки, которые для *Васъ* набѣжали въ эту первую *ночку-петрôвочку*.

Въ минуты скорбныхъ помышленій
О жизни, мною прожитой,
Въ минуты тягостныхъ волненій,
Производимыхъ суетой,

[1]) Плачъ Ярославны.

Библиотека "Руниверс"

Вашъ образъ мнѣ, какъ добрый Геній,
Внушаетъ радость и покой.
Гляжу я на него вседневно;
И нынѣ, въ полуночный часъ,
Благословляю васъ душевно
И *Всѣхъ Святыхъ* молю о *васъ*.

1869 г. 16 іюня утромъ.

P. S. Прошу передать поклонъ всѣмъ вашимъ—сынамъ и внучатамъ. Былъ у меня здѣсь, 13 іюня, новый знакомецъ мой, кіевскій попечитель Антоновичъ, который вспоминалъ о Васъ и о Языковѣ, глядя на портреты ваши и знавши васъ во время студентства своего въ 1833 году или передъ тѣмъ... Погодинъ пишетъ мнѣ, что будетъ у Васъ нынѣшнимъ лѣтомъ, или вѣрнѣе—осенью, въ сентябрѣ, по пути въ Кіевъ... И я, пробывъ тамъ уже половину мая, прибуду туда къ 15-му августа, съ тѣмъ, чтобы остаться и на сентябрь, въ 26 день котораго будетъ знаменитый юбилей Кіевской Академіи, на который сберется небывалый еще въ Кіевѣ соборъ епископовъ, какъ полагаютъ, до двадцати душъ святительскихъ!... Нельзяже не быть тамъ и намъ... Но когда-то приведетъ Господь меня провести еще день-другой въ Уткинѣ вашемъ такъ-же пріятно, какъ въ октябрѣ 1858 года! Точно не вѣдаю также, какъ не знаю до сего дня, гдѣ обрѣтается наша дорогая Ольга Ѳедоровна[1]) На этихъ дняхъ буду писать ей, въ отвѣтъ на ея посланіе, въ которомъ прилетѣла и ваша милая *Ласточка*. Еще разъ благодарю Васъ за нее вседушевно преданный вамъ М. Максимовичъ.

И стихотвореніе на смерть Павла Галагана, и это письмо оказались у Н. А. Чаева потому,что въ годъ кончины М. А. М—ча, онъ по должности временнаго предсѣдателя Общества Россійской Словесности, произносилъ рѣчь [2]) въ этомъ Обществѣ и, приготовляя ее, обратился къ друзьямъ покойнаго и между прочимъ къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, которая и переслала ему приведенное письмо вмѣстѣ съ двумя печатными стихотвореніями.

Съ своей стороны мы считаемъ долгомъ принести нашу глубочайшую благодарность Николаю Александровичу Чаеву, предоставившему въ наше распоряженіе эти матеріалы.

В. Науменко.

---

[1]) Кошелева.

[2]) Напечатана въ Рус. Архивѣ 1873 г.

Библиотека "Руниверс"

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе октября мѣсяца въ контору нашей редакціи поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: М. А. Галина и И. В. Макаренка—по 5 рублей, всего *10 рублей*, что вмѣстѣ съ прежними *610 р. 2 к.* (См. № 9) составитъ *620 р. 2 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Волынскій историко-археологическій сборникъ. Вып. 1. Изданіе распорядительнаго комитета Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества. Почаевъ-Житоміръ. 1896 г.

Юго-Западный край—одинъ изъ богатѣйшихъ по количеству и разнообразію памятниковъ старины, и вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ, кажется, не обращается такъ мало надлежащаго вниманія на эти памятники, какъ именно здѣсь. Общество и администрація относились равнодушно къ нимъ; совершенно не организовано дѣло сбереженія, собиранія и изученія ихъ, сплошь и рядомъ встрѣчаются факты уничтоженія, разграбленія или несоотвѣтственнаго направленія (какъ напр.— продажа за границу) иногда очень цѣнныхъ памятниковъ мѣстной старины. Нельзя, конечно, отрицать того, что отдѣльныя лица—ученые и любители—занимались изученіемъ и собираніемъ древностей, нельзя отрицать также, что въ этомъ отношеніи кое-что сдѣлано. Но, въ данномъ случаѣ, единичныхъ усилій недостаточно: нужна болѣе широкая организація дѣла, необходимо, привлеченіе возможно большаго числа мѣстныхъ силъ, необходимо, чтобы интересъ къ остаткамъ нашего прошлаго вышелъ за стѣны ученыхъ кабинетовъ, проникъ въ общество, былъ сознанъ массой. Только такой совмѣстной работой можно достичь извѣстныхъ результатовъ въ этомъ направленіи, можно хотя отчасти приблизиться къ той постановкѣ этого дѣла, какая существуетъ, напр., въ Западной Европѣ. Помочь горю можетъ учрежденіе *мѣстныхъ* обществъ и музеевъ, которые съ одной стороны сплотили бы ученыя силы, дали бы общее направленіе дѣлу, занялись бы собираніемъ и храненіемъ памятниковъ старины, съ другой— возбудили бы интересъ къ нимъ въ публикѣ, внушили бы увѣренность, что каждый можетъ быть полезенъ дѣлу, какъ бы мала ни

Библиотека "Руниверс"

была работа отдѣльнаго лица, какого бы, повидимому, незначительнаго вопроса она ни касалась... Такого рода учрежденія въ Юго-Западномъ краѣ совершенно отсутствуютъ, и только въ послѣднее время поставленъ на очередь и близокъ къ осуществленію вопросъ объ устройствѣ въ Кіевѣ какъ общества, такъ и музея, въ кругъ дѣятельности которыхъ войдетъ также и изученіе и собираніе мѣстныхъ древностей.

Говоря такъ, мы должны сдѣлать оговорку: слова наши относятся не ко всему обществу,—одна часть его явилась передовой въ этомъ отношеніи, сознала важность изученія и собиранія мѣстной старины, сравнительно много сдѣлала и дѣлаетъ въ этомъ отношеніи; часть эта—наше духовенство: въ Кіевѣ, при академіи, давно уже утверждено Церковно-Археологическое Общество, при немъ устроенъ музей, разросшійся въ послѣднее время до громадныхъ размѣровъ; на Подоліи работаетъ Епархіальный Историко-Статистическій Комитетъ, давшій рядъ въ высшей степени цѣнныхъ работъ; въ Холмѣ устраивается Церковно-Археологическій Музей, и наконецъ послѣдняя оставшаяся область Юго-Западнаго края—Волынь получаетъ Волынское Церковно-Археологическое Общество съ Древлехранилищемъ при немъ. Какъ видимъ, организація получила областный характеръ, каковой и является наиболѣе цѣлесообразнымъ. Вслѣдствіе отсутствія учрежденій съ вышеуказанными задачами, церковно-археологическія общества и музеи вышли за предѣлы своей спеціальной цѣли—церковныхъ древностей: въ музеи стали стекаться и предметы другого характера, изученіе коснулось и другихъ областей и не только прошлой, но и современной жизни. Церковно-археологическія общества имѣютъ за собой большую силу въ лицѣ священниковъ; кому, какъ не имъ, лучше знать сохранившіеся памятники мѣстной старины, удобнѣе всего наблюдать мѣстную жизнь, собирать матеріалы, такъ или иначе характеризующіе различныя проявленія ея? Вопросъ только въ томъ, чтобы силы эти получили надлежащую организацію, получили толчекъ, извѣстное направленіе, такъ какъ нужно признать, что въ общемъ, и въ массѣ нашего духовенства еще очень мало развитъ интересъ къ предметамъ, выходящимъ за предѣлы служебныхъ обязанностей или хозяйственныхъ нуждъ; и дѣломъ этимъ, конечно, удобнѣе всего заняться церковно-археологическимъ обществамъ, и слѣдуетъ только пожелать, чтобы поставлено было оно возможно шире.

Съ такими именно стремленіями широко поставить дѣло мы и встрѣчаемся въ „*Отчетѣ о состояніи Волынскаго Церковно-Археоло-*

Библиотека "Руниверс"

ническаго Общества въ 1894 году", составляющемъ первую статью «Волынскаго историко-археологическаго сборника». Здѣсь помѣщены также и свѣдѣнія о возникновеніи Общества. Коснемся сначала этого вопроса. «Потребность въ изученіи мѣстной родной старины и въ собраніи памятниковъ ея чувствовалась на Волыни уже давно и не однократно высказывалась даже въ печати» — говорится, въ отчетѣ; осуществленіе этой потребности принадлежитъ волынскому архіепископу Модесту, которому обязаны также своимъ возникновеніемъ церковно-археологическій музей въ Холмѣ и древлехранилище въ Нижнемъ Новгородѣ. На Волыни до этого времени существовало только древлехранилище въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, при св. Владимірскомъ православномъ братствѣ, но оно, конечно, не могло имѣть центральнаго, объединяющаго значенія, и вотъ, 15 мая 1893 г., было открыто древлехранилище въ Житомирѣ, получившее временное помѣщеніе въ бывшей Крестовой церкви архіерейскаго дома. При открытіи его, преподавателемъ Волынскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства О. А. Фотинскимъ, однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ работниковъ въ этомъ дѣлѣ, была произнесена рѣчь, гдѣ указывалось вообще на значеніе памятниковъ старины и на положеніе ихъ на Волыни. «Въ этомъ отношеніи Волынь отстала отъ многихъ другихъ областей русскихъ. Уже во многихъ провинціальныхъ даже городахъ видимъ ученыя историко-археологическія общества, видимъ музеи и древлехранилища, а драгоцѣнные памятники волынской старины гибнутъ отъ времени, переходятъ въ руки частныхъ коллекціонеровъ, попадаютъ даже путемъ продажи за границу, а въ лучшемъ случаѣ — въ центральныя столичныя древлехранилища. Достаточно указать на печальныя развалины древнихъ храмовъ во Владимірѣ-Волынскомъ, въ Овручѣ, Острогѣ и другихъ городахъ Волынской губерніи, на громадное количество цѣнныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ волынскихъ въ львовскомъ Институтѣ Оссолинскихъ, даже въ вѣнской и берлинской академическихъ библіотекахъ, на безслѣдно погибшее цѣнное собраніе памятниковъ волынской старины, принадлежавшихъ покойному Л. Рафальскому, на большое собраніе волынскихъ древностей извѣстнаго польскаго писателя Крашевскаго, которое наслѣдники собирателя намѣреваются продать какому-либо заграничному обществу, — чтобы понять, какъ мало до сихъ поръ обнаружила заботы волынская интеллигенція для охраненія памятниковъ своего прошлаго и какъ много этихъ памятниковъ посему погибло безвозвратно или перешло въ другія мѣстности безъ пользы для мѣстнаго

Библиотека "Руниверс"

цѣлью измѣненія той непригляднои картины, которая нарисована выше, тѣмъ-же О. А. Фотинскимъ была представлена преосвященному Модесту записка объ учрежденіи въ Житомірѣ историко-археологическаго общества, которому было бы подчинено и древлехранилище. Мысль эта получила осуществленіе, и въ январѣ 1894 г. было открыто Волынское Церковно-Археологическое Общество.

Въ уставѣ общества находимъ между прочимъ слѣдующіе параграфы, опредѣляющіе дѣятельность Древлехранилища и Распорядительнаго Комитета Общества: «Въ древлехранилище поступаютъ: а, старопечатныя и рукописныя церковно-служебныя книги, б) древнѣйшія рукописи религіозно-нравственнаго содержанія, в) замѣчательныя, по древности своей, принадлежности православныхъ храмовъ, какъ-то: св. иконы, сосуды и разнаго рода церковная утварь; г) дарственныя грамоты, фундушевыя записи, акты, привилегіи, презенты и эрекціи православнымъ храмамъ, монастырямъ, братствамъ, и вообще православному населенію древней Волыни —въ подлинникѣ или въ копіяхъ; д) памятники разнаго рода, относящіеся къ исторіи уніи въ предѣлахъ Волыни; е) памятники, относящіеся къ религіозной и общественно-бытовой исторіи всего Западнаго края Россіи. Что касается Распорядительнаго Комитета, то онъ «разыскиваетъ и приводитъ въ извѣстность памятники доселѣ неизвѣстные, а равно и собранія матеріаловъ церковно-историческихъ, церковно-археологическихъ и этнографическихъ, хранящіяся въ различныхъ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ, оцѣниваетъ ихъ и рѣшаетъ, какое можетъ быть сдѣлано изъ нихъ, соотвѣтственное цѣли общества, употребленіе», собираетъ въ особенности свѣдѣнія о всѣхъ древнихъ церквахъ и церковныхъ памятникахъ Волынской Епархіи, а также о церквахъ, отличающихся особенною архитектурою, и снимаетъ съ нихъ виды, наконецъ, «разсматриваетъ изслѣдованія и матеріалы, представляемые членами общества, и, если найдетъ ихъ достойными напечатанія, то печатаетъ вмѣстѣ съ своими протоколами въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» или отдѣльными изданіями. Какъ видимъ, программа дѣятельности довольно широка: кромѣ церковныхъ древностей, сюда включены и другія; кромѣ древностей, привлечена и этнографія, и даже раіонъ дѣятельности расширенъ за предѣлы Волыни и обнимаетъ собой весь Западный край.

Изъ отчетовъ за 1894 и 1895 гг., помѣщенныхъ въ «Сборникѣ», мы можемъ судить о первыхъ шагахъ молодого Общества. Главнымъ дѣйствующимъ органомъ въ Обществѣ является Распоря-

Библиотека "Руниверс"

дительный Комитетъ; этотъ послѣдній входилъ въ сношенія съ различными учеными учрежденіями, обратился съ воззваніемъ ко всему духовенству Волынской епархіи съ просьбой сообщить свѣдѣнія о памятникахъ старины и присылать таковыя въ древлехранилище, затѣмъ, «не оставляя безъ вниманія и живой старины Волыни, Комитетъ постановилъ обратиться къ духовенству, къ сельскимъ учителямъ, ко всѣмъ, имѣющимъ постоянное и непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, съ просьбою о сообщеніи разнаго рода этнографическихъ свѣдѣній»; слѣдуя дальше, мы встрѣчаемъ еще одну симпатичную мысль: «по предложенію члена Комитета О. А. Фотинскаго, Комитетъ призналъ дѣломъ неотложной необходимости ежегодную командировку кого-либо для систематическаго изученія и описанія въ историко-археологическомъ отношеніи Волыни, особенно найболѣе глухихъ ея мѣстностей и теченія главныхъ волынскихъ рѣкъ, по которымъ располагались древнія волынскія поселенія»... Къ сожалѣнію, вслѣдствіе отсутствія матеріальныхъ средствъ, такая командировка не могла состояться. При ближайшемъ участіи Комитета была предпринята постройка новаго обширнаго зданія для древлехранилища, положено основаніе исторической библіотеки и предпринято изданіе Историко-археологическаго Сборника, первый выпускъ котораго и лежитъ уже передъ нами.

Кромѣ этого, въ общихъ собраніяхъ Общества было прочтено нѣсколько рефератовъ, нѣсколько лицъ занималось въ древлехранилищѣ, и вообще вновь учрежденное Общество способствовало объединенію мѣстныхъ научныхъ силъ и возбудило интересъ къ прошлому края въ болѣе широкихъ кругахъ мѣстнаго населенія. Поэтому мы вполнѣ присоединяемся къ нѣкоторымъ взглядамъ, высказаннымъ въ «заключеніи» отчета за 1894 г.; послѣ указанія на важность Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества, здѣсь говорится слѣдующее: «странно послѣ этого становится слышать доселѣ раздающіеся голоса о централизаціи въ столицахъ всѣхъ русскихъ историческихъ памятниковъ. Это давнишнее желаніе столицы выжать все лучшее изъ провинціи, хотя съ ослабленіемъ провинцій, понижаетъ общій культурный уровень государства. Будемъ надѣяться, что себялюбивыя пожеланія централизаторовъ такъ и останутся въ области пожеланій только»...

Мы нарочно подольше остановились на отчетѣ Общества, такъ какъ начинанія его вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы на него было обращено вниманіе.

Библиотека "Руниверс"

Переходя теперь къ «Сборнику», ограничимся указаніемъ на его содержаніе. Объ общемъ характерѣ изданія даетъ указанія небольшая вступительная статья: «Сборникъ не претендуетъ на цѣльность и оригинальность. Онъ даетъ мѣсто всякой интересной статьѣ, относящейся къ прошлому Волыни и вообще Юго-Западнаго края Россіи. Соотвѣтственно задачѣ Общества, въ сборникъ могутъ попасть и статьи современно-этнографическаго характера, относящіяся къ Волынскому краю. Стараясь преимущественно объ опубликованіи новыхъ матеріаловъ и разработкѣ вопросовъ малоизвѣстныхъ, редакція сборника не ставитъ однако этого своею исключительною задачею, имѣя въ виду не однихъ ученыхъ спеціалистовъ, но и всѣхъ любителей родной старины,—а такихъ большинство среди духовенства волынскаго, для котораго сборникъ главнымъ образомъ предназначенъ. Сборникъ предположено выпускать ежегодно. Послѣ отчетовъ за 2 года существованія общества, помѣщена большая (въ 75 стр.) статья *Г. Крыжановскаго*—«*Рукописныя евангелія Волынскаго Епархіальнаго Древлехранилища (историко-діалектологическіе очерки)*; здѣсь подробно разобрано съ діалектологической точки зрѣнія и описано 9 евангелій (восемь тетровъ и одно учительное), относящихся по времени къ слѣдующимъ эпохамъ: XV—XVI в.—одно, XVI в.—четыре, XVI—XVII в.—одно, XVII в.—два и XVIII в.—одно. «Всѣ они писаны въ Галицко-Волынскомъ краѣ и отражаютъ въ себѣ въ значительной степени особенности Галицко-Волынскаго нарѣчія въ періодъ XVI—XVII вв., а текстъ Учительнаго Евангелія (начала XVII в.) написанъ почти чисто-народной юго-западно-русской рѣчью. Помимо текста рукописей, интересны и находящіяся на нихъ записи, касающіяся бытовой стороны жизни того времени. *О. Фотинскій* въ статьѣ «*Юрій Немиричъ. Эпизодъ изъ исторіи Волыни XVII вѣка*», дѣлаетъ характеристику этой во всякомъ случаѣ выдающейся личности: «Могущественный магнатъ, въ своихъ мелкихъ ссорахъ и дракахъ съ мѣстными панами, подкоморій Кіевскаго воеводства, маршалокъ мѣстныхъ сеймиковъ и руководитель мѣстнаго дворянства, перебѣжчикъ къ шведскому двору и посолъ шведскаго короля къ козакамъ, козацкій полковникъ, предполагавшійся канцлеръ Великаго Княжества Русскаго, сначала социніанинъ, получившій образованіе въ Голландіи и дѣятельно поддерживавшій единовѣрцевъ на родинѣ своимъ вліяніемъ и своими литературными трудами, впослѣдствіи православный,—онъ принималъ участіе во всѣхъ политическихъ и религіозныхъ волненіяхъ своего времени... Тому-же *О. Фотинскому* принадлежитъ и за-

Библиотека "Руниверс"

мѣтка «*Къ литературной исторіи южно-русскихъ апокрифовъ*», гдѣ перечисленъ рядъ апокрифовъ, помѣщенныхъ въ рукописномъ сборникѣ, находящемся въ древлехранилищѣ; нѣкоторые изъ апокрифовъ приведены цѣликомъ, именно: «Житіе и страданіе великомученика Григорія. Пострада 5796 года»; «Чудо св. Григорія Змѣеборца»; «Житіе преподобнаго отца нашего Агапита»; «Слово св. Василія Великаго, якъ отъ человѣка злаго духа отъгналъ»; въ концѣ помѣщенъ перечень святыхъ, къ какимъ нужно обращаться въ различныхъ случаяхъ жизни, взятый изъ того же сборника. *Пр. Н. Трипольскимъ* помѣщены: «*Сказаніе о чудотворной иконѣ Божіей Матери Дерманской и пѣсни въ честь Ея*», составленное на основаніи польской рукописи XVIII в.; «*Дерманскій архимандритъ Мелетій Смотрицкій, его сочиненія и подробная надпись на его могилѣ въ Дермани*»; Отдѣлъ статей заключаетъ очеркъ *О. Фотинскаго* — «*Посланіе м. Никифора къ Волынскому князю Ярославу Святополковичу*». Отдѣлъ «Varia» состоитъ изъ небольшихъ замѣтокъ, документовъ и др. матеріаловъ: *О. Ф.* — «*Иконописное отраженіе стараго апокрифа*», въ замѣткѣ описывается одна картина религіознаго содержанія, находящаяся въ древлехранилищѣ, для сюжета которой, по предположенію автора, взято Псевдо-Меѳодіево откровеніе; *О. Фотинскій* — «*Изъ архива Жидичинскаго монастыря*» — приводится въ подлинникѣ рядъ документовъ XVI—XVII вв., касающихся земельныхъ отношеній между монастыремъ и частными лицами, *св. Н. Бурчакъ-Абрамовичъ* — «*Къ исторіи древне-волынской письменности*» — здѣсь мы находимъ предисловіе къ рукописи 1524 года, заключающей бесѣды св. Іоанна Златоустаго на Евангеліе отъ Матѳея, и приписку къ рукописи толкованій его же на Евангеліе отъ Іоанна, 1605 года; свящ. *А. Бордюковскій* сообщилъ «*Надпись о времени построенія церкви въ с. Охлоповъ* 1638 г.; и наконецъ — *свящ. И. Дучинскій* — «*Пѣсни про польское повстаніе 1863 года.*

При перечнѣ статей вновь вышедшаго «Сборника» мы намѣренно пропустили помѣщенные протоіереемъ Н. Трипольскимъ «*Документы, относящіеся къ древней исторіи Почаевскаго монастыря*», вполнѣ заслуженно подвергшіеся осужденію въ предыдущей книгѣ нашего журнала [1]). Нельзя достаточно надивиться, какъ почтенный

[1]) Смотри въ октябрьской кн. „К. Старины“ статью Волынца „Новыя открытія въ области древле-волынскаго бытописанія“.

Библиотека "Руниверс"

протоіерей могъ принять грубѣйшую и безграмотнѣйшую фальсификацію за подлинные лѣтописные отрывки и документальные акты якобы XIII—XV ст.! Страннымъ кажется намъ и то обстоятельство, что редакція »Вол. Епарх. Вѣдомостей», гдѣ первоначально были напечатаны эти мнимые «Документы», не замѣтила поддѣлки, а редакція «Сборника», перепечатывая ихъ, впала въ сугубую ошибку, ничто же сумняся помѣстивъ, на ряду съ солидными изслѣдованіями и цѣнными матеріалами, это грубо-наивное измышленіе какого-то малограмотнаго писаки.

Впрочемъ, какъ ложка дегтю все же не вполнѣ портитъ бочку меду, такъ и эти злосчастные «Документы» не даютъ права обезцѣнивать научное значеніе остальныхъ пьесъ «Сборника». Принимая же во вниманіе тѣ скромныя задачи, которыя имѣла въ виду редакція и тѣ малочисленныя научныя силы, какія она могла привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ, нельзя не признать, что это первое начинаніе ея вышло довольно удачнымъ: «Сборникъ» составленъ разнообразно, помимо спеціальныхъ статей онъ заключаетъ и статьи болѣе общаго характера, доступныя для большаго числа читателей Единственно въ чемъ чувствуется, на нашъ взглядъ, недостатокъ— это отсутствіе руководящихъ статей, въ видѣ ли программъ или указаній, на что могутъ обратить вниманіе жители деревни, что нужно собирать, записывать и т. д.; статьи такого рода были бы очень кстати въ изданіи, предназначенномъ главнымъ образомъ для лицъ, живущихъ вдали отъ центровъ, въ изданіи, которое и имѣло главной цѣлью возбудить интересъ въ массѣ нашего сельскаго духовенства, подвинуть его на общую работу по изученію прошлой и настоящей жизни края. Но не все, конечно, дѣлается сразу, будемъ благодарны и за то, что сдѣлано, и пожелаемъ только, чтобы энергія лицъ, руководящихъ дѣломъ, не ослабѣла и впредь...

Считаемъ не лишнимъ сказать также нѣсколько словъ о составѣ Древлехранилища, пользуясь для этого очень обстоятельными описаніями поступившихъ въ Древлехранилище предметовъ, составленными О. А. Фотинскимъ[1]). Преобладающіе по количеству пред-

---

[1]) а) О. А. Фортинскій. Краткое описаніе предметовъ древности, пожертвованныхъ въ Волынское Епархіальное Древлехранилище по іюль 1893 г. Почаевъ 1893 г.

б) Тоже вып. 2-ой, съ 1 іюля 1893 г. по 1 августа 1894 г. Почаевъ, 1894 г.

Библиотека "Руниверс"

меты—религіознаго характера; здѣсь хранятся древнѣйшіе кресты—энколпіоны (энколпіонъ съ изображеніемъ св. Владиміра, пожертвованный барономъ де Шодуаръ; крестъ этотъ описанъ Н. Петровымъ въ «Кіев. Стар.» 1888 г. августъ), образки (иконки съ надписью: «спаси Господи люди своя и благослови достояніе свое побѣды княземъ на»..., затѣмъ т. н. змѣевикъ, и др.), деревянные рѣзные и металлическіе кресты и образки болѣе поздняго времени, иногда съ обозначеніемъ, кто дѣлалъ крестъ или кѣмъ онъ пожертвованъ, привѣски (напр. серебряная привѣска съ изображеніемъ вола и съ надписью: Року 1711 бидло барзо здихало. Пріими офѣру Чистая Дѣво Мати вола срибного); масса всевозможныхъ предметовъ церковно-богуслужебныхъ, церковныхъ принадлежностей (напр. царскія врата, изображающія «жезлъ изъ корене Іессова», изъ Введенской церкви г. Ковля, другія рѣзныя врата изъ бывшаго Гощанскаго базиліанскаго монастыря и т. д.), много иконъ и картинъ религіознаго содержанія (укажемъ на икону Богородицы съ портретами устроителей ея: «справа стоитъ, молитвенно воздѣвъ руки горѣ, молодой панъ, безъ бороды, съ подбритымъ чубомъ, въ синемъ кунтушѣ и красныхъ чоботахъ; слѣва, въ такой-же позѣ—пани, въ бѣлой рубахѣ съ кружевными рукавами, такой-же юпкѣ и плахтѣ, въ красной корсеткѣ и синемъ лѣтникѣ, съ ожерельемъ на шеѣ; посреднѣ между ними дѣвочка съ вьющимися волосами, убранными цвѣтами, въ бѣлой рубахѣ и юпкѣ, синей корсеткѣ и розовомъ лѣтникѣ, въ рукахъ у нея развернутая книга»; подъ иконой помѣщена подпись, плохо сохранившаяся, но все таки въ ней можно разобрать, что икону соорудилъ Янъ Вербскій съ женою Меланіею въ 1745 г. Есть также довольно много предметовъ и другого характера, напр. портреты Януша Острожскаго, Анны-Алоизы княжны Острожской, Януша Вишневецкаго, короля Михаила Вишневецкаго, тронъ и кресло князей Острожскихъ, оружія до исторической эпохи и т. д. Очень богатъ отдѣлъ рукописей—богослужебныхъ книгъ, поученій, сборниковъ; въ Древлехранилище поступаютъ также и документы; такъ напр., сюда поступили остатки архива бывшаго Жидичинскаго монастыря—акты XVII и XVIII вв., документы Тригорскаго, Каневскаго и Уманскаго Монастырей—XVII—XIX вв.; интересъ представляютъ и *церковно-приходскія лѣтописи*, переданныя изъ Волынской Духовной Консисторіи. Наконецъ, Древлехранилище обладаетъ уже очень большимъ числомъ старопечатныхъ книгъ, имѣются также гравюры (напр. очень рѣдкая аллегорическая гравюра въ честь импе-

Библиотека "Руниверс"

ратрицы Елизаветы Петровны, по поводу заключенія мира съ Шведами въ 1743 г., поднесенная Кіевскою Духовною Академіей) и фотографіи. Вотъ общія цифры состава Древлехранилища и библіотеки къ 1-му января 1895 г.: вещественныхъ памятниковъ 160, рукописей — 1139, печатныхъ изданій 375 въ 509-ти томахъ. Итакъ, не прошло и трехъ лѣтъ со дня открытія Древлехранилища, и такой обильный матеріалъ оно уже успѣло собрать въ свои стѣны! Этотъ фактъ еще разъ съ очевидностью показываетъ, что потребность въ такого рода учрежденіяхъ давно уже созрѣла и что слѣдуетъ положить начало, организовать дѣло—и успѣхъ будетъ обезпеченъ.

Н. Бѣляшевскій.

Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Выпускъ 2. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Б. Д. Гринченка. Черниговъ. 1896. 8° 390 стр.

О первомъ выпускѣ этого изданія, у насъ уже было сказано (Кіевск. Стар. 1896 г., декабрь). Въ предисловіи ко второму выпуску издатель говоритъ: «мы старались обставить этотъ выпускъ возможно большимъ количествомъ библіографическихъ указаній; въ концѣ же прибавили дополненіе къ библіографическимъ ссылкамъ для 1-го выпуска. Кромѣ того, читатель найдетъ здѣсь болѣе обширные библіографическіе указатели малорусскаго матеріала къ цѣлымъ отдѣламъ... Въ концѣ книги, для болѣе удобнаго пользованія ею, помѣщено краткое изложеніе содержанія всѣхъ номеровъ обоихъ томовъ». Нѣтъ сомнѣнія, что при той массѣ малорусскаго фольклорнаго матеріала, подобнаго издаваемому г. Гринченкомъ, который напечаталъ по настоящее время, какъ у насъ, такъ и въ Галиціи (напр. въ первыхъ годахъ «Зори» и въ разныхъ польскихъ изданіяхъ), очень много изъ этихъ «преданій и сказокъ» перепечатывается и повторяется, потому что всякій новый издатель ихъ не имѣетъ возможности разобраться въ этой грудѣ уже напечатаннаго матеріала... Поэтому всѣ эти библіографическія указанія, о которыхъ говоритъ въ предисловіи г. Гринченко въ крайней степени полезны для изслѣдователей, хотя, разумѣется, это лишь капли въ морѣ... Намъ кажется, что великая услуга сдѣлана была бы наукѣ составленіемъ по возможности точнаго указателя уже напечатаннаго малорусскаго фольклорнаго матеріала, хотя бы въ подобномъ видѣ, какъ это сдѣлано

Библиотека "Руниверс"

г. Гринченкомъ въ обоихъ выпускахъ его «Этнографическихъ матеріаловъ». Нѣтъ сомнѣнія, что такой указатель оказалъ бы огромную услугу и собирателямъ, и изслѣдователямъ, давая возможность и тѣмъ и другимъ разобраться однимъ—въ собираемомъ, а другимъ—въ изслѣдуемомъ матеріалѣ.—До изданія же такого указателя (конечно, ждать его прійдется долго) собиратели невольно будутъ перепечатывать многое изъ того, что уже разъ было напечатано, разумѣется, съ нѣкоторыми варіантами... Но это, конечно, не бѣда: лучше два раза напечатать, чѣмъ потерять для науки тотъ или другой фактъ навсегда. Въ изданіи г. Гринченка такихъ повтореній, повидимому, должно быть мало, такъ какъ съ литературой предмета онъ хорошо знакомъ, что видно и изъ примѣчаній къ разсказамъ, и изъ тѣхъ же «библіографическихъ указаній».

А. Л.

Rocznik kółka naukowego Tarnopolskiego za rok 1895. Tarnopol. 1896. 8° 232 стр. Съ картой.

О первыхъ двухъ выпускахъ этого интереснаго изданія у насъ было уже говорено («Кіев. Стар.», 1896 г., май). Третій выпускъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Acta processu o Tarnopol z r. 1690; 2) Мѣсто Тернополь и его околиця. Часть II; 3) Poviat Tarnopolski pod względem geograficzno-statystycznym; 4) Sprawozdanie z czynności wydziału kółka naukowego Tarnopolskiego za czas od 1 czerwca do 31 pasdziernika 1895; 5) Spis. członków kólka naukowego и наконецъ—карта тарнопольскаго уѣзда. Въ первой статьѣ напечатаны документы по спору Маріи-Казиміры, вдовы умершаго въ 1666 году тарнопольскаго владѣльца Яна Замойскаго, (а потомъ жены короля Яна Собѣскаго), съ наслѣдниками Замойскаго за «iura uxorea».—«Тернополь и его околиця» составляетъ продолженіе статьи должанскаго «пароха» Петра Бѣлинскаго, начатой во второй книгѣ Rocznik'a, и заключаетъ въ себѣ историческіе очерки нѣсколькихъ тернопольскихъ селъ, при чемъ авторъ пользуется и мѣстными преданіями, иногда очень интересными. Говоря о разореніи татарами м. Чернихова, авторъ приводитъ нѣсколько народныхъ преданій о татарскихъ нападеніяхъ, изъ которыхъ приводимъ здѣсь два. 1) «Якъ бувало татары нападаютъ на нашъ край (росказуютъ люде) ховались въ тоти оче-

Библиотека "Руниверс"

реты всѣ хлопцѣ и мужѣ, а въ селѣ лишалися (оставались) сами старцѣ и бабы зъ дѣтьми, бо только тымъ татаре нѣчого не робили. Татаре увойшовши у яку хату, выѣдали, що лишь надыбали; часами, коли жонка хлѣбъ у пѣчь саджала, здоймали зъ лопаты и сирый ѣли. Одинъ татаринъ, повѣдають, не заставъ нѣчогѣсенько въ хатѣ, только дѣжку съ борщемъ. Нужь братися до неѣ и досягати бураки... Перехелився—а баба его за ноги, тай комѣть головой у бочку—втопила». 2) «Татаре бували деколи дуже цѣкави. Якъ бувало не мають що робити, то ходятъ, та кричать поподъ очеретъ: Иване! Грицю! Микито!—А ти люде, що поховалися въ очеретѣ, гадають, що то старый батько або маты кличе и повыставляютъ головы зъ очерету, а татары тогды зъ луковъ якъ качкы (утки) стрѣляють. Но и люде, коли вже дознались, що то татаре таки мудрагелѣ, то вже хочбы и до розпуку кликавъ и кричавъ, то нѣхто зъ очерету не выглянувъ анѣ обозвався. Со злости за те татаре спалили цѣлый Черниховъ».—Вообще очерки «пароха» Бѣлинскаго заключаютъ въ себѣ не мало любопытныхъ свѣдѣній для общей исторіи Подолья. Особенно цѣнны свѣдѣнія, которыя авторъ заимствуетъ изъ народной памяти, такъ какъ этого рода источникъ съ теченіемъ времени сильно изсякаетъ...

Статья— «Powiat Tornopolski» принадлежитъ г. Владиславу Сатке (Satke) и заключаетъ въ себѣ статистическіе очерки 82-хъ селъ тернопольскаго повѣта. Собранныя здѣсь свѣдѣнія даютъ возможность имѣть полное представленіе о теперешнемъ состояніи того или другого села. Для примѣра приводимъ отрывокъ изъ описанія с. Сущина.—Послѣ описанія положенія села и его почвы, далѣе читаемъ: «We wsi jest szkoła murowana, jednoklasuwa z klasą nadetatową, założona zv. 1851. Język wykladowy ruski. Parafia rz. kat. w Łoszniowie, gr. kat. w miejsciu; we wsi jest cerkiew pod wezwaniem św. Jerzego.... Засимъ слѣдуютъ свѣдѣнія о количествѣ земли и о ея доходности, о числѣ корчемъ и далѣе: «Wies ta liczy 1459 mieskanców, a to: 972 męź., 987 kob., zamieszkalych w 325 domach; z tego wypada, na obszar dworski: 23 domów, 68 męź., 66 kob. Obrzadku rz. kat. jest 294, gr. kat. 1554, izr. 111. Polckim językiem posługuje się 422, ruskim 1537. Umie czytać i pisać: 155 męz., 88 kob., tylko czytać: 33 męz., 15 kob., nie umie ani czytać:, ani pisać: 784 mez 884: kob. Gmina ta posiada; 543 koni, 484 sztuk bydła rogatego, 16 owiec, 233 świn i 81 ulów. Какъ видимъ, свѣдѣнія такого рода, что даютъ полную статистику того или другого села.

Библиотека "Руниверс"

Изъ приложеннаго списка членовъ «научнаго кружка» (числомъ 61) къ сожалѣнію не видно ихъ общественнаго, положенія за исключеніемъ нѣсколькихъ докторовъ и «пароховъ».

А. Л.

Указатель неоффиціальнаго отдѣла Кіевскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей за 1871—1895 г.г., Кіевъ 8⁰ 1896. 156 стр.

Кіевск. епарх. вѣдомости издаются съ 1861 г. и за первое десятилѣтіе ихъ изданія имѣютъ обстоятельно составленный указатель (Кіевъ. 1870 въ 8-ю д. л. 87 стр.). Особенной благодарности заслуживаетъ составитель этого указателя за приложенный къ нему—*Алфавитный списокъ предметовъ, упоминаемыхъ въ указателѣ*, который чрезвычайно облегчаетъ отыскиваніе свѣдѣній по нужному предмету.—Теперь изданъ указатель за послѣдующія 25 лѣтъ. Расположеніе статей въ новомъ указателѣ совершенно тоже самое, что и въ старомъ, но «Алфавитнаго списка предметовъ» при новомъ указателѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ. Впрочемъ будемъ благодарны и за то, что есть: отыскивать то или другое свѣдѣніе въ 25-ти томикахъ К. Е. В, до изданія настоящаго указателя—было не легко...

А. Л.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ г. Кіева поступило въ продажу
НОВОЕ ИЗДАНІЕ КІЕВСКОЙ КОМИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ:

О Кіевской старинѣ. Два чтенія. Составилъ В. Щербина. Изд. 2-е испр. и дополненное, съ 6 рисунками. Уч. Ком. М. Н. П. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. Цѣна 15 к.

Пріобрѣтающіе непосредственно отъ Коммиссіи въ количествѣ не менѣе ста экземпляровъ пользуются уступкою 30%, при покупкѣ не менѣе 500 экземпляровъ—40%. Пересылка на счетъ покупателя, но пріобрѣтающіе не менѣе тысячи экземпляровъ пользуются безплатной пересылкой. Съ требованіями обращаться къ члену Правленія комиссіи нар. чтеній Владиміру Ивановичу Щербинѣ (Печерскъ, Рыбальская ул., № 14). На тѣхъ-же условіяхъ продаются слѣдующія изданія Комиссіи:

1) **Слѣпушкина.** О томъ, какъ Богданъ Хмѣльницкій освободилъ Украйну отъ польской неволи. Изд. 4-е. Цѣна 15 к.

2) **Андріевскаго.** Первый русскій книгопечатникъ. Изд. 3-е. Цѣна 5 к.

3) **Его-же.** Крымъ и крымскіе татары. Изд. 3-е. Цѣна 10 к.

4) **Его-же** В. А. Жуковскій. Біографическій очеркъ. Изд. 2-е. Цѣна 5 к.

Первыя три названія одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар Пр. какъ для школъ, такъ и для публичныхъ народныхъ чтеній, а четвертое—только для школъ.

Библиотека "Руниверс"

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1897.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что, въ общемъ дастъ, гг. подписчикамъ—

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

1) еженедѣльный, семейный художественно-литературный журналъ

52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. 52

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается:

1. 52 нумера—«Хроника событій за недѣлю».—II. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

съ картинами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ,

Отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками

(по образцу дорогихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій).

2) ежемѣсячное литературное приложеніе

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: новые историческіе, этнографическіе и и современные романы, повѣсти, разсказы русскихъ и иностранныхъ ли-

Библиотека "Руниверс"

сателей, а также стихотворенія научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Ежемѣсячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами) изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

Для 52 нумеровъ «Живописное Обозрѣніе» и книгъ, пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія, извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей.

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ.—Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, І. І. («Максимъ Бѣлянскій») «Ясное утро». Большой романъ—Случевскій, К. К. «Мой дядя». Разсказъ.—Чеховъ, А. П. «Контрабандисты», больш. ром.—Голицынъ, Д. П. князь «Муравлинъ») «Рѣзанновы». Ром. изъ больш. свѣта.—Гнѣдичъ, П. П. «Чужое». повѣсть.—Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ. К. М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой разсказъ.—Тихановъ. В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ. И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева) «Любимица», повѣсть.—Величко, В. Л. «Принципы», разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть.—Мережковскій, Д. С. «Святой городъ», повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть.—Тангіева, Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ, В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ», бол. ром.—Ѳедоровъ, А. М. «Въ степи», бол. ром.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», ром. Чюмина, О. Н. «Злыя чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.—Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣсть.—Зарянъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калханъ», повѣсть.—Ежовъ, М. Н. «Случайные» гости повѣсть.—Меньшиковъ Н.—«игра судьбы», романъ. Н. «Игра судьбы» ром.—Уманецъ, Е. О. »За что?», повѣсть. Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло» разсказъ.—Якунинъ-Захарьинъ, И. Н. «Сноха» разсказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка», разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая» разсказъ—Майковъ, М. «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Илловайскій, П. І. «Дочь ростов-

Библиотека "Руниверс"

щика», романъ —Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣки», повѣсть.—Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳанасьевъ, И.И. «Позорное наслѣдство», романъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

На годъ съ доставкой и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р.—въ Москвѣ **7** р. **75** к.

На полгода (съ доставкою по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—За границу: на годъ—16 р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою)—одинъ рубль. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается безплатно.

3—1

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 58-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета (БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ) 1897.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

◆ ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ И ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ. ◆

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на зеленовато глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ помѣщаются романы повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

2) Двѣнадцать нумеровъ «моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ».

3) Стѣнной календарь разсылается, какъ прибавленіе при первомъ нумерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ числѣ 52-хъ безплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 г. получатъ:

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя

А. МИХАЙЛОВА—„ГРѢХИ ПРОШЛАГО".

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р.—На три мѣс. 2 р.—На одинъ мѣс. 1 р.

Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА"

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

4 **ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.**
Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества. **2**

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): На годъ 4 рубля. На полгода 2 рубля. На три мѣсяца 1 рубль.

Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества", въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

Новый большой художественный альбомъ—

„Библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ"

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной оберткѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) одинъ руб. 50 коп. Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты

Библиотека "Руниверс"

Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аѳонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ рубль. Безъ доставки—75 коп.

Главная контора: Спб. Кіевскій пр., У аничкина моста д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—1

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
на 1897 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи: отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченіе изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподованія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

3—1

Библиотека "Руниверс"

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ

2-ой годъ изданія. „НОВОЕ СЛОВО" 2-ой годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, **«Новое Слово»** поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на запросы и нужды провинціи, съ которою желательна живая связь. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно большаго числа мѣстъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ мѣстной жизни. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще «письма изъ провинціи».

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, мы желаемъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Максимовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, И. П. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимиряевъ, Проф. К. Тимиряевъ, Ант. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.), проф. В. Г. Яроцкій, А. И. Эртель и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Вслѣдствіе этого годовая подписка на **«Новое Слово»** принимается.

Библиотека "Руниверс"

съ 1-го октября 1896 года по 1-ое октября 1897 года.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ . . . . 10 р — к.
» » » » » полгод. . . 5 » — »
» » » » » три мѣсяца. 2 » 50 »
» » безъ пересылки на годъ. 9 » — »
» » съ перес. за границу на годъ. 12 » — »

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій О. Н. Поповой, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Спасская ул. (уг. Надеждинской) д. № 15, кв. № 1. Отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала «Новое Слово» въ книжномъ магазинѣ «Трудъ» —Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпускѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова, и изданій по подпискѣ, за пересылку которыхъ взимается по разсчету. Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно. Новый каталогъ выйдетъ въ сентябрѣ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной

Библиотека "Руниверс"

жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ) VI. Мѣстная хроника VII. Наука и искуство VIII. Театръ и музыка IX. Отголоски (маленькій фельетонъ) X. Вѣсти съ юга корреспонденція «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библіографія XVI. Смѣсь XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ XVIII. Почтовый ящикъ XIX. Календарь XX. Справочныя свѣдѣнія; дѣла назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Сторонніе сообщенія XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиканъ, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный Край» будетъ печататься новымъ болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ

Съ доставкою иногороднимъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Съ доставкою въ Харковѣ:

10 — 9 50 9 — 8 35 7 50 6 75 6 — 5 25 4 50 3 40 2 40 1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Библиотека "Руниверс"

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

3—1

1897 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ"

съ безплатнымъ приложеніемъ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ

безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ руб.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—3 рубля.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи. Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки спеціально юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ.—Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собр. узак. и распор. прав.).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ право-

Библиотека "Руниверс"

способности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору «Юридической Газеты» за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе въ «Юридической Газетѣ», въ отдѣлѣ «Почтоваго ящика», справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписного года, дѣлается безплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія, болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ «Юридическую Газету»; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностного лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 6. При невзносѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія остаются безъ движенія, такъ

Библиотека "Руниверс"

какъ порученія предусмотрѣнныя § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія указанныя въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнныя въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи «Юридической Газеты» также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

3—3

Библиотека "Руниверс"

ховъ и заездилъ до Синявина, оттоль домой, где засталъ... (?), а после и швакгеръ п. Андрей пріехалъ.

Неделя. 12. День былъ почасти хмаренъ и зъ ранку дощикъ, а после вѣтеръ принеслъ, ночъ тиха, свѣтла и тепла. Родитель по службѣ, передъ обѣдомъ, отехалъ въ Роменъ на Тулиголови, где и обѣдалъ. А я по обѣдѣ ездилъ на Бѣлополовку, до п. Михайла, где видѣлся зъ Шираемъ, бунчуковымъ товаришемъ, пріехавшимъ зъ С.П.Бурху, который объявилъ решѣніе иностранной коллегіи въ габѣнетъ ея величества поданное, что гетманскій рангъ противъ генерала полного, обозний генералний противъ генерала маіора или брегадира, суддѣ, подскарбѣй, писаръ, асаули, хоружій и бунчучний енералний противъ полковниковъ, полковники противъ подполковниковъ, бунчуковіе товариши противъ капитановъ, полковники компанѣйскихъ охотницкихъ полковъ, артиллерія енералной асаулъ, да хоружій въ полкахъ, одинъ обозний, 1 судія, 1 писаръ, 2 асауловъ, 2 хоружихъ, мнится имъ рангъ капитана порутчика; сотники полковіе и городовіе противъ подпорутчика или прапорщика. Сотенная и городовая старшина, то есть хоружій, асаулъ, писаръ, атаманъ противъ вахмистра. Козаки грунтовіе городовихъ полковниковъ и сотниковъ висилаются на службу безъ жалованія, помѣчено. А въ давнихъ походахъ давались имъ провіянтъ и денги, противъ салдатъ и драгунъ. Подписались подъ тимъ мнѣніемъ 1733-го года, декаврія, канцлеръ графъ Гаврило Головкинъ, вицеканцлеръ Андрей графъ Остерманъ, дѣйствителний тайний совѣтникъ N. фонъ Мініхъ, тайний совѣтникъ Василей Степановъ, совѣтникъ Петръ Курбатовъ. Семенъ Галецкій, сотникъ полковий Стародубовскій, въ С.П.Бурху пожалованний именнимъ указамъ ея величества въ бунчучніе енералніе, пріехалъ въ Глуховъ и привезлъ зъ собою указъ зъ габѣнету до князя Шаховскаго о своемъ тамъ призведеніи.

Понедел. 13. День и ночъ были подобніе прежнимъ, израдной весняной погоди. Жена заболѣла на прежную свою болѣзнь, то есть на уплави женскіе. Обѣдалисмо я въ дому у себе, а по обѣдѣ посѣщалъ мене швакгеръ п. Андрей, братъ п. Михайло, писаръ пе-

Библиотека "Руниверс"

черскій и чернець Уманець. До архіерея Кіевского отъ покойници тіотки гетмановой видали легованний даръ то есть митру изрядную, зъ жемчугами и каменемъ дорогимъ и злотомъ насаженную, на красномъ бархатѣ, крестъ шафѣровий зъ діаментами сквозними, саковъ, омофоръ, подризникъ, а другую немного подлѣйшую митру отложили въ монастиръ Гамалѣевскій, зъ ризами и стихаремъ архимандричую, и для отдачи архіерею пошлется въ Кіевъ Зварковскій, а въ монастиръ отецъ Мойсей. У отца Мойсея кушали для окрещенного новорожденного сына.

Вовтор. 14. День и ночъ были изрядной же погоди весняной, толко безъ дожчу. Сегодня, а не вчера жена заболѣла, и посѣщали мене вчера упомянувшіеся персони, зъ которихъ писареви Печерскому далисмо писмо до архимандрити Печерского объ отданномъ отъ насъ въ болшую церковъ Печерскую панѣкадилѣ.

Середа. 15. День свѣтлій, теплій, вѣтряний, а къ вечеру тихъ, ночъ тиха почасти, и почасти хмарна, а къ свѣту свѣтла и тепла. Сегодня рано виехалъ зъ Глухова я до Тулиг., где пообѣдавши, пріехалъ въ Кролевець, а оттоль въ Андрѣевку и ночевалъ у Голубихи. У Тулиг. имбарѣ теперъ толко всего нос. 2 горѣлки, а 4 кухви оковитой отправлени съ Петромъ на байдакъ.

Четвер. 16. День свѣтлій, жаркій, вѣтрянъ, а къ вечеру тихъ, ночъ хмарна, тепла зъ дощемъ до свѣта. Зъ Андрѣевки рано виехавши, пріехалъ за 2 часа до пристанѣ при Погорѣловцѣ, где засталъ байдакъ уже зъ горѣлкою зложенною, где родителскихъ куховъ 4 гор. и при мнѣ припроводилъ попъ Добротовскій своей гор. кух. 3, тутъ я и обѣдалъ. Далъ я Петру да Титу, нарядженнимъ въ Кіевъ зъ горѣлкою, приказъ и 10 р., и писма до Тарноліота, отца писара Печерского, отца економа Печерского жъ и Якимовича Кузми, сторони оной моей горѣ о куплѣ писанніе. По обѣдѣ перевезшись, пріехалъ за 3 часа въ Крискы и ночевалъ. Тутъ засталъ гор. толко носатокъ 2.

Пятокъ. 17. День хмарний зъ дощикомъ, вѣтрянъ и холоденъ, къ вечору випогодилось, такъже и ночъ погодна, ясна, тиха, але холодна. Въ Крискахъ оставилъ я приказъ старостѣ Крисковскому

Библиотека "Руниверс"

объ управленіи дѣлъ господарскихъ тамошнихъ и поехалъ оттолъ назадъ, а пріехавши до пристанѣ и перевюзшись, вимѣровалъ Кіевское вѣдерко зъ носаткою Крисковской, кои дани Петру Кухару на байдакъ зъ горѣлкою, такъ показалось всей горѣлки Крисковской, зъ Петромъ посилаючойся въ Кіевъ, куеъ 62, а въ нихъ носатокъ 609 и кварть 90, а въ носатцѣ вѣдеръ кіевскихъ 5, а кварть 11 и третая часть кварти, а въ вѣдрѣ Кіевскомъ тихъ же кварть 19 безъ четверти. Да послано жъ зъ нимъ горѣлки двойной куеъ 4, а въ нихъ нос. Тулиг. 37 и кварть 21. Отдавши оную вѣдомость Петру, поехалъ я въ путь свой и пріехалъ въ Обтовъ, ночевалъ у попа тамошнего Прокопія.

Субота. 18. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, и ночъ такова жъ. Рано зъ Обтова поехавши, пріехалъ въ Андрѣевку, а оттоль въ Подоловъ къ сестрѣ Чарнишовой, а оттоль въ Тулиголови на обѣдъ, где и обѣдалъ. А зъ Тулиголовъ по обѣдѣ поехалъ и пріехалъ позно въ Глуховъ, для того, что изъ Тулиг. позно виехалъ, и засталъ дѣтей пріехавшихъ. Въ Тулиг. дерева привозного криск. тертицъ шеліованихъ 25, деревъ 12, обаполковъ 18. Въ Тулиг. теперъ горѣлки всеей нос. зъ 6, или 7 всей.

Ниделя. 19. День былъ подобний вчорайшому, также и ночъ. Обѣдалисмо въ Глуховѣ въ себе по службѣ, которой слухалъ я у Тройци, и зъ маіоромъ гвардіи Хрущовимъ видѣлься, которий также былъ, а по службѣ онъ поехалъ въ Семеновку, въ гостѣ до Мануйловича, где и князъ вчера еще поехалъ зъ многими, а я зъ зятемъ своимъ домой. По обѣдѣ пріездилъ ко мнѣ швагеръ мой п. Андрѣй Полуботокъ и простившись, отехалъ домой, а я зъ зятемъ своимъ поехалъ у футоръ и оттоль въ Сварковъ, где и ночевали. Въ Сварковѣ фундаментъ каменний здѣланъ на будинокъ, цегли сѣло тамъ на 10 тисячей, а муровщикамъ за то и за 2 камени—6 р.

Поведел. 20. День и ночъ были подобніе вчорашимъ, жаркіе. Пообѣдалисмо въ Сварковѣ зъ зятемъ и поехали въ Глуховъ.

Вовтор. 21. День и ночъ были подобніе прежнимъ, жаркіе. Сегодня никуда я не ездилъ, а обѣдалисмо въ дому и подпіяхомъ

Библиотека "Руниверс"

ради именинницѣ жени и съ нами Гапка Конзеровская. Князь Шаховскій зъ охоти своей повернулся домой у вечеру.

Середа. 22. День былъ свѣтлій, теплій со жаромъ, ночъ почасти хмарна, толко жъ безъ дощу, которого уже давно не бывало. Рано былъ я у князя и обѣдалъ, а по обѣдѣ былъ у п. Михайла и зъ Ханенкомъ видѣлся.

Вознесеніе. Четвер. 23. День былъ зранку хмаренъ и зъ маленкимъ дощикомъ, а посля свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла, тиха, подобная прежнимъ. Банкетъ билъ у писара енер. для именинъ его, где билъ князъ, оба Хрущови, князь Баратинскій, старшина енеральная и прочіи и подпіяхомъ, дами также. Япѣшевскій припроводилъ сюда кобилиць 5 до дриданта турецкого, такъже овци и конѣ, и привезено масла гладушовъ 2, да сира дѣжечокъ 2.

Пятокъ. 24. День былъ жаркій и свѣтлий, и тихій, ночъ свѣтла, а къ свѣту хмарна. Рано зъ Глухова поехалъ до футора, а оттоль до Сваркова, где и заночевалъ. Зъ Тулиг. привезли Сварковцѣ цегли на 45 возовъ 2380 цегелъ.

Субота. 25. День былъ зранку хмаренъ зъ маленкимъ дощикомъ, а посля свѣтель и тепелъ, ночъ свѣтла, тиха, ядрана, къ свѣту хмарна. Рано сегодня поехалъ я зъ Сваркова, а пріехалъ на обѣдъ въ Глуховъ, где въ дому и обѣдалъ. Трояновскій, сотникъ Полтавского полку, сказивалъ про запорожцевъ, что они приняти въ подданство ея величества и перенеслись кошемъ своимъ низше старой Сѣчи, а на постройку дано имъ казни ея величества 2 тисячи рублей. Полковники Слободскихъ полковъ, Ахтирскій, въ нѣмецкомъ платѣ, и Сумскій пріехали здесь до князя.

Неделя. 26. День былъ хмарний зъ дощикомъ ажъ до вечора хорошимъ, холодний почасти и вѣтрянъ, ночъ такъже хмарна безъ дощу. Обѣдалисмо у князя, а по обѣдѣ ездилисмо многіе, такъ же князь, княгиня и зъ дамъ многіе до квартери князя Андрея Трохимовича Баратинского, где обручилъ себѣ свойственницу дому Кашкаровихъ въ невѣсту князь Григорій Івановичъ Шаховскій, братъ княжий, и подпіяхомъ.

Библиотека "Руниверс"

Понедел. 27. День былъ по болшой части хмарний, нежели свѣтлій, вѣтрянъ велми и холоденъ, ночъ еще холоднѣйшая, почасти вѣтряна и хмарна. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ поехалъ я въ Сварковъ и ночевалъ тамъ. Человѣкъ, служитель швагра моего Якова Полуботка, пріехалъ зъ Чернѣгова отъ п. Войцеховичевой зъ вѣдомостю, что якоби онъ, швагеръ мой, въ походѣ войсковомъ въ Полщѣ, зъ товариствомъ бунчуковимъ обрѣтавшійся, преставися, а посля потвердилась тая вѣдомость зъ писма швагра моего Якима Троцкого, который зъ 5-го мая пишетъ ко мнѣ, что онъ, швагеръ мой, априля 15 д. умре (ему же да будетъ вѣчная память!) болѣзновавши толко 5 день, а посля априля 19-го, бунчуковий же товаришъ Семенъ Лизогубъ померъ же; первий погребенъ въ кляшторѣ барнадиновъ, а послѣдний въ кляшторѣ базилеановъ въ Гроднѣ, при пушечной и дробной стрелбѣ зъ церемонѣею. А о себѣ обявляетъ, что всѣ квартеруютъ въ Гроднѣ отъ всеедной итого апр. 12 д., за прибитіемъ въ Гродно регементара литовского князя Михайла Вишневецкого и швагра его князя Радзѣвила, конюшого Литовского, мѣютъ въ первихъ числахъ мая всѣ виходить до Вилня.

Вовтор. 28. День былъ вѣтрянъ, по болшой части хмаренъ и холодноватъ, ночъ хмарна, тиха и тепловата. Рано зъ Сваркова поехалъ я и пріехалъ на обѣдъ въ Глуховъ, по обѣдѣ передъ вечоромъ ездилъ я до князя и Оболонского.

Середа. 29. День былъ подобний вчорайшому и ночъ такъ же, толко уже у вечору дощикъ малій показивался. Былъ рано у князя и обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ въ Сварковъ, где и заночевалъ. Въ порукахъ на росписку взялъ я зъ подъ караулу іеродіакона монаха Ісаию Жаровка зъ канцеляріи минѣстерскаго правленія Малороссіскихъ дѣлъ, въ которой онъ содержится подъ карауломъ въ той же канцеляріи, да за нимъ же подписались Оболонскій, судовий писаръ и Стефанъ Уманецъ, сотникъ Глуховскій.

Четвер. 30. День былъ подобний вчорайшому, толко холодноватъ, ночъ такъ же холодновата, хмарна и вѣтряна. По обѣдѣ зъ Сваркова поехалъ и пріехалъ въ Глуховъ въ домъ свой, откуду

Библиотека "Руниверс"

ездилъ на Бѣлополовку до брата п. Михайла, где его и другихъ засталъ въ карти играючихъ.

Пятокъ. 31. День былъ зранку хмаренъ зъ густимъ дощемъ до ночи, после вѣтрянъ, ночъ хмарна, тиха, тепловата, а къ свѣту погодна. Рано въ судъ енер. издилъ для челобиття—поданного на мене отъ попа Крисковского Федора Ярошевича, о грунтахъ.

Юнь. Субота. 1. День былъ свѣтлій и почасти хмарний зъ дощемъ, толко велми теплий, ночъ почасти хмарна, а почасти свѣтла и тепла. Рано ездилъ до князя, где и обѣдалъ и позабавилъ и видѣлся зъ дядкомъ п. Федоромъ, пріехавшимъ зъ Прилуки. Дриганта турецкого отняли отъ кобилъ, а кобыли былись зъ нимъ сіе: 1) нѣмецкая вороная, 2)ясногнѣдая, бѣлокопитая, зъ лошичкою гнѣдою, 3) ясногнѣдая, бохматоватая, зъ лошачкомъ буланимъ, 4) темногнѣдая, черкесоватая, зъ лошичкою вороною, 5) каштановата зъ лошачкомъ свѣтлогнѣдимъ, 6) вороная, зъ лошачкомъ гнѣдимъ.

Ст. Тройца. Неделя. 2. День былъ жаркій, свѣтлій, а между тимъ мало хмаренъ зъ невеликимъ дощикомъ и громомъ, ночъ такъ же тепла и почасти хмарна. Рано былъ у князя и по обѣдѣ у него жъ кушалъ зъ многими и подпіяхомъ, а оттоль повернувшись домой, заехалъ до п. Михайла и игралъ въ карти зъ Андреемъ Миклашевскимъ, Ломиковскимъ и Лукомескимъ, зъ виграшомъ 30 к.

Понедел. 3. День былъ почасти свѣтлій и по болшой части хмаренъ зъ малимъ дощикомъ, ночъ свѣта, тиха, тепла къ свѣту туманъ. Сегодня никуда я не ездилъ а обѣдали у насъ дядя п. Федоръ и Раковичъ зъ синами своими, у вечеру игралисмо въ карти зъ виграшомъ 3 р. зъ п. Михайломъ, Валковичемъ и Ломиковскимъ.

Вовтор. 4. День былъ свѣтлій, теплій, тихій и ночъ такова жъ, а къ свѣту хмарна и холодновата. Обѣдалъ я сегодня у себе а по обѣдѣ ездилъ до футора и въ Сварковъ, где и ночевалъ.

Середа. 5. День былъ зранку вѣтрянъ и почасти хмаренъ, а после свѣтелъ и тепелъ, ночъ такъже израдная. Рано зъ Сваркова поехалъ и пріехалъ въ Глуховъ у до князя, где и обѣдалъ. У вечеру сватба была князя Григорія Шаховскаго зъ сродницею кня-

Библиотека "Руниверс"

гинѣ Боратинской, Мариною, шлюбъ въ церквѣ соборной протопопою Глух. совершился, а ми у князя подпіяхомъ.

Четвер. 6. День былъ свѣтлій, тихій, теплій и ночъ такова жъ. Сегодня для акту веселного билъ банкетъ у князя Шаховского, где были многіе гостѣ и подпіяхомъ. По банкетѣ поехалисмо зъ п. Михайломъ до Андрея Миклашевского и играли у него въ карти, зъ виграшомъ 1 р. 50 к.

Пятокъ. 7. День былъ вѣтрянъ, однакожъ свѣтелъ и тепелъ и отъ переходячихъ хмаръ дощикъ, ночъ тиха, свѣтла и ядрана. Рано поехалъ я до Сваркова и тамъ обѣдалъ, а у вечеру отехалъ въ Глуховъ, где засталъ родителя зъ Ромна повернувшогося. Дригантъ мой турецкій зъ кобилами отбился шестма тамошними, а семою вороною, нѣмецкою. Панѣ гетманова Данилова Апостолова пріехала сюда въ Глуховъ и съ нею полковница Лубенская и Андрѣева Гарленкова.

Субота. 8. День былъ свѣтелъ и тепелъ, и тихъ, ночъ такова жъ. Сегодня банкетъ былъ у князя Боратинского и подпіяхомъ. Оттоль пріехавши домой, ездилемъ знову вихмеляючись на Красную Горку до млина Радіоновского и заехалемъ назадъ, едучи до п. гетмановой и оттоль човномъ до дому. Декоктъ сталъ пить.

Неделя. 9. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, такова жъ и ночъ. Былъ рано у князя, а обѣдалъ въ дому, по обѣдѣ никуда не ездилъ, а вечералисмо вкупѣ и заговляли.

Понедел. 10. День и ночъ были израдной погоди лѣтней. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ поехалъ я въ Сварковъ, где и заночевалъ. Теперъ у мене тесель человѣка 10.

Вовтор. 11. День былъ и ночъ таковіе жъ, якъ и вчорайшіе, тихіе, жаркіе и свѣтліе, толко ночъ почасти хмарна. Рано я зъ Сваркова черезъ футоръ пріехалъ въ Глуховъ, былъ у князя, где при мнѣ пріехалъ прапорщикъ Александеръ Арсеніевъ зъ С.П.Бурху, зъ именнимъ указомъ ея величества до князя—ехать ему въ С.П.Бурхъ, на малое время. Зъ вѣдомостей явствуется сіе, что Гданскъ городъ великой отъ нашихъ войскъ и Саксонскихъ осадѣ и бамбардированіи и что пришедшое войско французское въ

Библиотека "Руниверс"

Вейсендмилскіе шанци къ Гданску на суккурсъ Лящинскому въ 2000 человѣкъ, отъ нашихъ не допущени въ Гданскъ и многіе побыти, и что уже въ Італіи начались военніи операцѣи между войсками цесарскими и французскими, и гишпанскими; цесарского войска тамъ будетъ 40 тисячъ изъ залишкомъ, столко жъ почитать и соединенного, а при Ріенѣ рѣкѣ французского 90 тисячъ, а цесарское еще не все сошлось, где каммендеруетъ принцъ Евгенѣй. Да и сіе жъ вѣстно, что воевода Волинскій Потоцкій, партизанъ Лящинского, зъ войскомъ въ 3000 человѣкъ побитъ отъ нашихъ близъ Каменца Подолского, где нашъ Прилуцкій полковникъ Галаганъ много дѣйствовалъ. Князь Шаховскій, зъ присутствующими членами въ канцеляріи енер., приговорили бить у слѣдствія за комисарами Малороссійскими отъ 1731-го году полковнику Нѣжинскому. Івану Хрущову, швакгру Андрею Полуботку, Андрею Миклашевскому, Петру Корецкому и мнѣ.

Середа. 12. День былъ сперва свѣтелъ, а после хмаренъ зъ громомъ и съ силнимъ дощемъ до вечора, вечоръ и ночъ хмарніе и вѣтряніе, въ ночѣ дошчъ. Сегодня я никуда не ездилъ и въ дому обѣдалъ, а по обѣдѣ опокоился; и вечерали вмѣстѣ съ родителемъ. Зъ Кіева повернулся Іванъ Зварковскій, возившій до архіерея Кіевского митру и сакосъ отъ покойной тіотки legованіе, зъ отвѣтомъ архіерея Кіевского Рафаила благодарственнимъ. Теслѣ Сухоносовскіе отправлени въ Сварковъ работать 2 человѣка. Зъ футора велено видать 42 четверти жита.

Четвер. 13. День былъ зранку хмарний зъ дощикомъ, а после къ вечору свѣтелъ, вѣтрянъ и холодноватъ, ночъ вѣтряна и холоднѣйшая, и хмарна. Обѣдалъ я въ себе, а по обѣдѣ ездилъ до князя и оттоль повернувшись, засталъ зде панѣ гетманову и полковницу Лубенскую и другихъ. Писалъ я писмо до брата Марка и уступное писмо Журавки Якова для вписанія въ книги ратушніе послалъ. Да до Клима писалъ.

Пятокъ. 14. День былъ зранку вѣтрянъ, почасти свѣтелъ и холоденъ, а съ полдня тожъ свѣтелъ, тихъ и тепелъ, ночъ тиха, ясна и умѣрителна въ стужѣ. Сегодня ездилъ я до Сваркова и

Библиотека "Руниверс"

оттоль домой воротился на ночъ, а жена тамъ зосталась ночовать. Зъ Перервинець пріехалъ Крутень и привезлъ писмо отъ Клима, въ якомъ обявляетъ, что писара Савѣцкій началъ греблю на Оржицѣ засипать, которій обовязуется въ томъ, что жадной шкоди ставкамъ моимъ и обиди селу съ того не будетъ.

Субота. 15. День былъ свѣтлій, теплій, погодний и ночъ такова жъ. Обѣдалъ я сегодня у себе и швакгеръ со мною п. Андрѣй.

Неделя. 16. День былъ подобній вчорайшому, израдной погоди и ночъ. Обѣдалисмо у князя и подпіяхомъ ради рожденія меншой дочери его. Гетманова отехала зъ Глухова и обѣдала въ Дунайцѣ, куда и моя жена ездила опровожать оную. (На поляхъ: не сегодня, але іюня 26-го). Сегодня городъ Гданскъ по взятіи крѣпости Вейзелминдзи (?) войскомъ нашимъ, надъ которимъ камандиромъ фелтмаршалъ графъ фонъ Минѣхъ, подъ капитуляцѣею въ покореніе здался и имѣетъ депутатовъ отъ себе въ С.П.Бурхъ прислать и въ казну ея величества міліонъ ефимковъ бытихъ заплатить, а которіе въ семъ городѣ били Станѣслава Лещинского адгеренти, примасъ, Чарторійскіе, Понятовскій и прочіе всѣ, тіе отдались до дишкрецѣе и въ рукахъ нашего войска обрѣтаются.

Понедел. 17. День билъ израдной теплой погоди и ясности, и ноча такова жъ. Пявици до геморгоидалной жили приставлялъ двѣ толко, очинъ мало крове сошло, ради неискуства приставщика. Крутень отправленъ до Клима зъ суплѣкою его и зъ облѣкомъ Григорія Шаргородского.

Вовтор. 18. День былъ изрядной погоди, свѣтлій, тихій, теплій и жаркій, ночъ такова жъ, якъ и день. Сегодня былъ рано у князя обѣдалъ въ дому, а со мною п. Михайло, швакгеръ п. Андрѣй и Холодовичъ. У вечеру ездилисмо зъ п. Михайломъ до Миклашевского Андрея, зъ которимъ играли въ карти зъ проигрошомъ 1 р.

Середа. 19. День подобній вчорайшому, толко передъ вечеромъ хмара зъ силнимъ вѣтромъ и для того знову вияснилось у вечеру и тихо стало, ночъ тиха, свѣтла. Обѣдалисмо зъ родителемъ и съ

Библиотека "Руниверс"

нами швакгеръ п. Андрѣй. Случай тяжелій намъ билъ зъ п. Андрѣемъ: ехалисмо зъ города ко мнѣ, въ коляски, которую конѣ внизъ греблѣ опрокинули и попадали, а мы выскочивши въ томъ импетѣ, спаслись отъ того. До Клима отправленъ козакъ Перерв. Мехей и съ нимъ писалъ о присилкѣ сюда кось.

Четвер. 20. День былъ свѣтлій, сперва вѣтрянъ, а посля хмаренъ зъ дощемъ и вихромъ, и знову почасти свѣтелъ, ночъ почасти вѣтряна, свѣтла и холодновата. Обѣдалисмо у князя и подпіяхомъ, а по обѣдѣ онъ, по именному указу ея величества, отехалъ зъ Глухова въ С.П.Бурхъ, и съ нимъ до Москви Іванъ Хрущовъ, полковникъ Нѣжинскій, да съ канцеляристъ два Холодовичъ да родзянка, которого всѣ мы опроважали до Ясманѣ, а не доежджаючи, простились и воротились, а онъ въ путь свой поехалъ. Я поехалъ въ Сварковъ и тамъ заночевалъ.

Пятокъ. 21. День былъ сперва и посля свѣтелъ, толко велми вѣтрянъ, вѣтромъ полунощнимъ, ночъ свѣтла, да вѣтряна жъ и къ свѣту велми холодна, толко жъ безъ морозу. Рано зъ Сваркова поехалъ и пріехалъ въ футоръ, где копачамъ велѣлъ копать зъ другой сторони отъ Бѣлогоров. Начали робить у футорѣ другую рубленую клуню, Солодовникъ Степанъ зъ москолями. Оттоль поехалъ, пріехалъ у Дунаець, где повидѣвши будинку п. Михайлового, поехалъ у пасѣку Уздицкую, въ которой роевъ по сейчасъ било 12, а всѣхъ 230. Да зъ тоей пасѣки поехалъ въ Шрамковскую, где роевъ било посейчасъ болше 20, а въ улляхъ 15, другіе же на старіе для поправки скидани. Оттоль поехалъ до Сваркова, где и ночевалъ. У Сварковѣ припускали знову дриганта до кобилъ, толко жъ не дались.

Субота. 22. День былъ тожъ вѣтрянъ, якъ и прежніе, а свѣтелъ, къ вечору тихъ и тепелъ, такова жъ и ночъ свѣтла, тиха и тепла. Рано зъ Сваркова поехавши, пріехалъ у Глуховъ и передъ обѣдомъ зъ швакгромъ п. Андрѣемъ Полуботкомъ простился, а у вечеру п. Федоръ, дядя, и Раковичъ били и простились. Сегодня

Библиотека "Руниверс"

новий ланъ [1]) у толоцѣ къ городу принявши литскіе (?) нивки, а имъ другіе купленіе въ обмѣну давши, заняли и виорали.

Неделя. 23. День былъ свѣтелъ и тепелъ, въ день дожчъ ишолъ, у вечеру знову вчяснилось, ночъ тиха, свѣтла и тепла. Рано ездилъ я до князя Боратинского, а съ нимъ до княгинѣ, где и обѣдалисмо и подпіяхомъ ради тезоименитства дочери ея меншой Агрипини.

Понедел. 24. День былъ свѣтлій, жаркій и тихій, отъ нашедшой хмарки малій дощикъ зъ громомъ, а посля ясенъ день до вечора, ночъ свѣтла, тиха и жарка. Обѣдалисмо у себе зъ род., а у вечеру ездилъ я до Синявина, и повернувшись домой остался. Зварковскій поехалъ въ Кіевъ для посвященія въ попи, черезъ него писалъ до Петра ждать времени зъ горѣлкою до осени и содержать оную хочай на суднѣ, хочай въ імбарахъ скотить, порадившись Тарноліота. Янѣшевскій зъ кобилами отправился въ степъ, зъ которими дрнгантъ турецкій былъся; черезъ него писалъ до Клима о господарскихъ дѣлехъ.

Вовтор. 25. День былъ жаркій, свѣтлій и тихій, зъ полдня хмара надийшла зъ силнимъ громомъ и дощемъ густимъ и великимъ, которий нѣсколко часовъ ишолъ и напоилъ всю землю доволно, къ вечеру утихъ. Ночъ тиха, хмарна и зъ дощемъ тихимъ, къ свѣту переставъ. Сегодня обѣдалъ я въ дому, а у вечеру до Синявина ездилъ и до Оболонского сторони дѣлъ своихъ въ судѣ енер. обрѣтаючихся. Отправленъ Сухоносовскій человѣкъ глухій Паломаренко въ Сухоносовку и съ нимъ послано соли 20 пуд. и 30 р. и 10 червон., при писмѣ до Клима ради соли въ посилку Дядѣ Сухоносовского. Градъ величини у волоскій орѣхъ ишолъ поузъ футоръ, черезъ Сварковъ.

Серѣда. 26. День былъ хмарний вѣтряний зъ дощемъ и ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалисмо въ дому, у вечеру ездилъ до Синявина ради дѣлъ своихъ просить его и другихъ суддей. Сегодня

---

[1]) Первоначально извѣстная мѣра земли, равнявшаяся иногда одной *уволокѣ*, а иногда тремъ. Позже—участокъ полевой земли, безъ опредѣленной мѣры, но окопанный или иначе ограниченный отъ сосѣднихъ земель. См. у Линде – *łan*.

Библиотека "Руниверс"

городъ Гданскъ здался нашимъ войскамъ и имѣетъ заплатить миліонъ ефимковъ битихъ, а адгеренди Лещинского въ рукахъ войска нашего великороссійского, о чомъ зри іюня 16-го до іюля.

Четвер. 27. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, дощъ отъ переходячихъ хмаръ, у вечеру випогодилось, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Обѣдалисмо вкупѣ зъ родителемъ, а у вечеру проездился въ городъ; по обѣдѣ же зъ п. Михайломъ, обѣдавшимъ со мною, забавлялъся. Федору Заборовскому родилась дочъ. Получили писма зъ Ромна о слабости материнской отъ диссентерія.

Пятокъ. 28. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, ночъ такова жъ. По обѣдѣ почтовими лошадми родитель поехалъ въ Роменъ, после полученной печалной вѣдомости о здоровю весма слабомъ матчиномъ. Староста Криск. пріехалъ и отправленъ домой, а дано ему 9 р. и приказъ.

Субота. 29. День былъ свѣтлій, тихій, жаркій велми и ночъ такова жъ. Сегодня оставивши въ дому приказъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, самъ по раннемъ обѣдѣ отехалъ въ Роменъ и пріехавши до Мутина ужо ноччю, переехалъ черезъ Сеймъ и нѣгде не ночуючи, пріехалъ до Кросенъ и тамъ отдохнулъ.

Неделя. 30. День и ночъ подобніе были вчорайшимъ тихіе, свѣтліе и тепліе. Зъ Кросенъ уехалъ я миль зъ 3 и обѣдалъ надъ Терномъ, оттоль по обѣдѣ уехалъ миль зъ 3 и ночевалъ, не доежджая Борзенки, край Хмѣлова.

М-цъ. Юль. Понедел. 1. День былъ свѣтлій, почасти вѣтрянъ, а сполдня хмаренъ зъ дощикомъ и зъ громомъ, ночъ хмарна, вѣтряна и отчасти холодновата. Зъ ночлѣга вставши, пріехалъ въ Роменъ передъ обѣдомъ, где засталъ родителя и братовъ всѣхъ, опрочъ Луки, и родителку при здоровю поправляючомся. Родитель знову отехалъ зъ Ромна въ Глуховъ, гостивши зде толко полтретя дня.

Вовтор. 2. День былъ вѣтрянъ, почасти свѣтелъ, а съ полдня хмаренъ и теплъ и зъ невеликимъ дощемъ, ночъ хмарна, вѣтряна почасти, а къ свѣту випогодилось. Сей день промедлѣлъ я зде въ

Библиотека "Руниверс"

Ромнѣ. Приставлялъ пявки къ низу Семенъ цилюрикъ и крове много вийшло. Отправлени въ Глуховъ Дѣдикъ и Литвиненковъ, зъ двома конми, подъ мѣру Крисковцамъ.

Середа. 3. Денъ былъ теплій, свѣтлій и тихій, ночъ такова жъ. Отъ Панченка отобралъ я должнихъ денегъ 22 р., а еще 30 р. объ Іллѣ отдать. У вечеру виехалъ я зъ Ромна зъ братами Маркомъ и Іваномъ и съ нихъ одинъ въ Куцупѣевщину, а другій у Андрѣевку, а я усвой футоръ Гамалѣевскій, где и заночевалъ. Оставилъ я брату п. Марку облѣкъ Панченковъ и писмо Мая съ товарищи Засулскихъ.

Четвер. 4. День былъ зранку свѣтелъ и теплъ, толко вѣтрянъ, зъ полдня хмара отложная найшла, спервa дощикъ невеликій да густій ишолъ, а после gвалтовний, якого еще сего лѣта небывало, до ночи, а въ началѣ 9-го часа у тихъ и стало свѣтло. Тутъ я обѣдалъ зъ братами, до мене зехавшимися, которіе по обѣдѣ и розехались. Тутъ вовни старой по сказкѣ дворника 153, а молодой зъ 70 рунъ, пчоли тутъ роевъ всѣхъ по сей день 11 было. Тутъ по сей день было масло фасокъ 2, дѣжка болшая сира и часть кухви.

Пятокъ. 5. День былъ свѣтлій, теплій, почасти вѣтрянъ, къ вечору хмаренъ, ночъ хмарна, мокровата мало, тиха и тепла. Рано поехалъ я зъ футора Гамал., а пріехавши до Токарокъ, засталъ брата Івана и тамъ отдохнувши, поехалъ въ Лохвицю и оттоль въ Сухоносовку позно пріехалъ въ ночъ, длл того, что дорогою противъ футора Милорадовича Степана годинъ зъ полтори отдихали.

Субота. 6. День былъ увесь хмарний, а около полдня якъ пошолъ дожчъ, то ажъ до захода слонца ишолъ, а въ ночѣ перестalъ, толко жъ хмари бѣгаючіе всю ночъ хмарность дѣлали, къ свѣту туманъ. Въ Сухоносовцѣ сей день пробавилъ я и посилалъ Юска въ Лубнѣ за декоктомъ унgвентомъ и пластромъ и жидкою... за що заплочено 3 р. и 15 к. Тутъ по сей день въ пасѣцѣ пчоли роевъ показалось 70.

Библиотека "Руниверс"

Нэделя. 7. День былъ туманний зъ ранку зъ дощемъ густимъ, а посля свѣтелъ и тепелъ. Ночъ тиха, свѣтла и тепла. Сей день служби Божой слухалр въ Сухоносовцѣ и обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ къ Перервинцямъ и ночевалъ, переехавши Лазурки.

Понедел. 8. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ такова жъ. Зъ ночлѣга вставши, поехалъ зъ Лазурокъ миль зъ 2 до Василкова, оттоль зъ милю легкую до писара полкового Луб. футорця, где черезъ гребелку на Оржици Сухой переехавши, приехалъ въ Перервинцѣ на обѣдъ. У вечеру ездилъ до стада къ Кириленковому ставку зъ милю, где у околу нашего и ночевалъ.

Вовтор. 9. День былъ свѣтлій, теплій, тихій и ночъ такова жъ. Сегодня зъ ночлѣга вставши, обехали стенки и пріехалъ на обѣдъ въ село Перервирцѣ, куда и братъ п. Семенъ пріехалъ, которому четвертака лошака строкатого дарилъ я, а другую кобилку строкатую, гнѣдую, Ничипору стаднику. Пречисляли и перебраковували стадо конское. Братъ у вечору отехалъ въ Коровai, отколь ко мнѣ приездилъ.

Середа. 10. День былъ свѣтлій, жаркій, тихій до полдня, а къ вечору хмаренъ и дожчъ ишолъ до вечора, ночъ такъ же хмарна зъ дощемъ, къ свѣту випогодилось хорошо. Поехалъ я рано зъ Перервинець и заехалъ первей, до стенки своей Ворониной, где нѣякогось Посвятипшоно человѣка, степокъ нашъ до оной стѣнки приналежной уворавшогося, велѣлъ старостѣ не допускать. Оттоль поехалъ черезъ Бѣлоусовку и уехавши съ полмилѣ, стали на обѣдъ надъ Оржицею, куда и Кучарскій пріехалъ зъ рибою. Оттоль поехали у право минувши могилу, черезъ яръ на футоръ Балалѣйца надъ рѣчкою Чевелчою сидячій, куда отъ Бѣлоусовки будетъ миль болше двохъ, и пріехали при заходѣ слонца, где и заночевали. Велѣлъ конюшоту за бѣлого коня, козаками Сухонос. и Перер. утерянного, доправить зъ трохъ по рублю, и того 4 р.

Четвер. 11. День былъ свѣтлій и теплій, толко вѣтрянъ, ночъ такъже вѣтряна, свѣтла и холодна. Отъ перевозу вставши, переехалъ черезъ Сулу и просто поминувши у лѣво дорогу до Горошина, простою дорогою, черезъ мостокъ и степкомъ до футора,

Библиотека "Руниверс"

пріехалъ своего Криворудского, где обѣдалъ и ночевалъ. По обѣдѣ обездилъ степокъ до новой занятой греблѣ, где и на токъ, и на стадню заоромъ поозначевани мѣстца.

Пятокъ. 12. День былъ вѣтрянъ прежде, а посля дощъ, а потомъ випогодило. Ночъ тиха, свѣтла и ядрана. Сегодня кончилъ я декоктъ пить на Кривой Рудѣ. Обездилъ я степъ Криворудского своего футоръ, заоромъ и концями означенний отъ полковничой слободки и футора, по силѣ писма полковничего до Павла Корнѣевича писанного, а отъ Горошина по силѣ уступного Горошинского писма, отъ Антоновичового футора по Стовповаху, а оттоль по узъ шляхъ, зъ Горошина до Говтви идучій.

Субота. 13. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ такова жъ. Вилучилъ зъ кобилъ обрѣтаючихся на Кривой Рудѣ въ бракъ 7, а осмую сивую зъ лошачкомъ воронимъ Климу дарилъ и корову зъ телямъ середнюю. По обѣдѣ поехалъ я зъ футора Криворудскаго знову тою жъ дорогою до перевозу Горошинского, а оттоль до Оржицѣ городка, где и заночевалъ.

Неделя. 14. День былъ свѣтлій и жаркій, и тихій, ночъ такова жъ. Зъ Оржицѣ рано перевюзшись, пріехалъ до Юсковець миль у 2, где и служби слухалъ. Зъ Юсковець по обѣдѣ уехалъ миль 3 до Оробювъ и пріехалп въ Сухоносовку еще завидна.

Понедел. 15. День былъ свѣтлій, теплій, а къ вечору дожчъ, ночъ хмарна, тиха и тепла. Дневалъ я тутъ въ Сухоносовцѣ; у вечеру обмился. По сей день отъ 6-го іюля роевъ зъ 10 поймано, якими старіе понаправлювано, и роевъ попрежнему 70 въ улляхъ.

Вовтор. 16. День былъ хмарний и почасти отъ переходячихъ хмаръ дожчъ, а посля свѣтелъ и тепелъ, ночъ тиха, свѣтла и умирителна. Ярема пріехалъ зъ вѣдомостю, что жена моя болна на огневицу. По обѣдѣ оставивши я Климови приказъ, отехалъ и пріехавши въ Лохвицю заехалъ до тіотки п. Павловой, а оттоль поехавши, заночевалъ въ Токарахъ.

Середа. 17. День былъ свѣтлій, тихій и жаркій, ночъ тахова жъ. Пріехалъ я зъ Токаровъ у футоръ свой Артополотскій, где и обѣдалъ. Коберникъ пріехакъ зъ Глухова зъ повторнимъ

Библиотека "Руниверс"

извѣстіемъ о слабости жени. Тутъ у пасѣцѣ всѣхъ роевъ въ уллях по сей день стало 16. Остановили тутъ коней сивихъ 5, гнѣдого верхового, вороного храпуна, гнѣдого молодого, что хлопець ехалъ, итого 8. Далъ я тутъ войту футорному Коханцѣ 2 р. на уплатку кидалникамъ да гребцямъ. По обѣдѣ поехалъ я зъ футора и пріехавши въ Ромен, видѣлся зъ Радищевимъ.

Четвер. 18. День былъ свѣтлій, жаркій, тихій и зъ переходячими хмарами дождевими, громомъ и блискавицею, ночъ свѣтла, тиха и тепловата. П. Марку брату полецилъ я доправить зъ Яковлева 30 р.; 10 р. дать конюшому Янѣшевскому, а 20 р. прислать ко мнѣ; такъже доправить на Засулцахъ 20 р. и прислать. Оставилъ приказъ конюшому взять у п. Марка 10 р. и употребить на поденное сѣно въ Перервинцахъ, да доправивши за коня зъ козаковъ по рублю, употребить оніе на перенесенне станѣ и двора. Оставилъ же приказъ Корнѣю Петренку, мужику Сухонос., который зъ вовною пріехалъ, простой старой рунъ 518, а бранки 284 старой же, а велено ему продавши, денги всѣ Климу до рукъ отдать, а буде не продасть, то зложить за замкомъ и печаттю п. Марка. Сіе устроивши, поехалъ рано я зъ Ромна въ Глуховъ и въ обѣдъ становиско имѣлъ у Смѣломъ, а по обѣдѣ поехалъ, на дорозѣ попасовалъ и заночевалъ не доежджаючи Свинтовой, у полъ милѣ отъ Грузкой, зъ полмилѣ уехавши.

Пятокъ. 19. День былъ жаркій, свѣтлій, а между тимъ отъ переходячихъ хмаръ силний по сторонамъ дожчъ, ночъ тиха, свѣтла и хороша. Зъ ночлѣга уехавши зъ милю, пріехалъ до Бѣлихъ Береговъ, перевюзшись пріехалъ до Путивля и оттоль до Вязюнки, где и отдихалъ на нѣсколко часовъ, а отъ перевозу Бѣлихъ Береговъ до Путивля 10 верстъ, а отъ Путивля до Вязюнки столко жъ. Зъ Вязюнки до Глухова 27 верстъ, куда я пріехалъ передъ вочоромъ, засталъ жену велми хорую, а родителя слабого.

Субота. 20. День былъ подобній вчорайшому, жаркій, теплій, и зъ переходячими хмарами и силнимъ дожчемъ, ночъ свѣтла, тиха. Сей день никуда не отлучался для родителя и жени болнихъ. Продали бракъ кобилъ 7., а осмого коня лошака молодого,

Библиотека "Руниверс"

которіе были браковани въ Перер. и Кривой Рудѣ, а сюда пригнали зъ Яремою зъ Ромна, где нелзя било за множествомъ коней продать.

Неделя. 21. День былъ подобний прежнимъ и ночъ. Сей день никуда я не отлучался, толко у вечеру билъ у Хрущова, маіора гвардіи, которий сказивалъ мнѣ, что подлинно Гданскъ наши достали акордомъ, а Лящинскій будто въ рибалскомъ платтѣ ушолъ безвѣстно; прочіе же прелати полскіе, въ томъ числѣ примасъ и другіе же, побрати и зъ французовъ штапъ, оберъ и ундеръ офѣцеровъ немало и радовихъ 2000.

Понедел. 22. День былъ жаркій и тихій, и свѣтлій, по сторонамъ хмари, громъ и дощъ, ночъ свѣтла, тиха и тепловата, къ свѣту туманъ. Сей день никуда я не ездилъ ради слабости жени своей, которая стала въ оной исправлятись, а у вечеру билъ у Хрущова на Бѣлополовкѣ, въ дворѣ гетманскомъ, квартируючого. Нѣмецкая кобила вороная привела лошачка вороного.

Вовтор. 23. День былъ свѣтлій, после туманъ теплій велми, а въ день хмара надійшла и жестокій дожчъ, къ вечору знову випогодилось, ночъ свѣтла, тиха и тепла. Часа 9-го, передъ полуднемъ, родилась намъ унучка, а зятеви моему Стефану дочъ Марія. Генералша Матюшкинова проехала Глуховъ, а простуетъ въ Кіевъ для поклоненія. Ездилъ я рано до футора, а оттоль въ Сварковъ и назадъ до дому, на обѣдъ, повернулся.

Середа. 24. День былъ свѣтлій, теплій, а въ день хмара и и силний дощъ, къ вечору переставъ, а въ ночѣ знову силний же дощъ, къ свѣту переставъ. Сегодня никуда я не ездилъ, а былъ толко въ склепу, где анталовъ два болшихъ да меншихъ два зъ вишнями вимомъ кримскимъ, гетманскимъ и своимъ понасипали.

Четвер. 25. День былъ подобний прежнимъ, свѣтлій и теплій, а после дощъ и то разними мѣстами, ночъ хмарна, мокра, къ свѣту погодна мало. Сегодня унучка моя Марія, а дочъ дочери моей Анни крещена попомъ княжимъ Іоакимомъ, кумъ былъ родитель, а кума писарка енер. Турковская, и после обѣдали у насъ писаръ зъ женою енералний, Кондзеровскій самъ другъ и Александръ Левицкій тако жъ.

Библиотека "Руниверс"

Пятокъ. 26. День былъ подобній прежнимъ, еще зъ сильнѣйшимъ дощемъ, которій после полдня якъ пошолъ, то передъ полноччю пересталъ, однако жъ ночъ била хмарна, тиха, толко не холодна. Отъ сего дощу частого, по перемѣнкамъ зъ погодою каждого дня падаючого, трава везде покошенная погнила и для того сѣновъ доволствія ненадѣятись. Посланъ молодикъ зятний Уласъ зъ узваромъ до матки въ Роменъ и до Михайловки къ п. Андрѣю Полуботку, швагеру. Ездилъ я до Дунайця и до пасѣкъ Уздицкой, где пчоли роевъ 176 и Шрамковской, где роевъ зъ 50, и оттоль на ночъ въ Сварковъ.

Субота. 27. День былъ отмѣнний мало отъ прежнихъ, тихій, зперва хмаренъ, а после свѣтелъ и тепелъ, начало ночи зъ дощемъ, а после оний пересталъ, толко жъ било хмарно и тихо. Зъ Сваркова рано поехалъ и пріехалъ въ Глуховъ на обѣдъ, а по обѣдѣ ездилъ до маіора Хрущова. У банѣ мился и кровъ банками пускалъ.

Неделя. 28. День былъ свѣтлій, почасти и хмарний, однако жъ теплій, прежнимъ подобній, бо рано малій дощикъ билъ и у вечеру. Ночъ тиха, хмарна, тепловата, зъ дощемъ. Былисмо зъ род. у княгинѣ Шаховской и у болѣзнуючого князя Якова, племѣнника княжого, обѣдали въ дому и болшъ никуда не ездили.

Понеделокъ. 29. День былъ подобний прежнимъ, до полдня свѣтелъ, хмаренъ, дощеватъ и тепелъ, а по обѣдѣ вичистилось небо отъ хмаръ до вечора, такова жъ и ночъ была и воздухъ отъ полуденного на полнощний перемѣнился и стало тихо. Сегодня ездилъ я въ склепъ и тамъ вишніовку винную зъ ягодъ пересипавши, налилъ анталъ цѣлий на лягеръ волоскій. До п. Михайла писалъ и копію манѣфесту о взятіи Гданска послалъ. Братъ п. Марко писалъ ко мнѣ о продажѣ вовни бранки моей старой, въ Ромнѣ, 18 пуд. по рублю и простой старой 300 рун. по 7 копѣекъ, якіе денги 40 р. до Клима послалъ, а зъ доправленнихъ на важничомъ и Маю 45 р. 32 р. до мене прислалъ, а 10 р. до Клима, итого до Клима 50 р. Боку доктору за лѣченіе жени 16 р. До стар. Крис. черезъ коверника послалъ 6 р. на куплю лубя.

Библиотека "Руниверс"

Вовтор. 30. День былъ сперва свѣтлій, а посля подобній прежнимъ, зъ дощемъ по сторонамъ, однакъ теплій и знову свѣтлій, иочъ подобная дневи, толко безъ дощу. Обѣдалисмо вкупѣ зъ род., а по обѣдѣ ездилъ я у футоръ свой, где всѣ Сварковцѣ по окладеннимъ имъ числами копамъ—обжались. Вѣдомость принесена, что князь Гессенгомбурскій, командующій надъ особливимъ корпусомъ въ Полщѣ нашего войска, взялъ іюня 23. д. крѣпость Збаражскую кіевского воеводи на акордъ.

Середа. 31. День былъ отмѣнний мало отъ прежнихъ, для того, что малий дощикъ толко почитать покропилъ землю, а свѣтлій и жаркій былъ велми, ночъ свѣтла, тиха и велми тепла. Обѣдалисмо зъ род., а по обѣдѣ былъ въ дому. П. Войцеховичева, сестра жени моей, отехала въ Чернѣговъ. Получилъ я указъ зъ министерской к—ріи прислать въ оную Семена Шоха.

М-цъ Августъ. Четвер. 1. День былъ вчорайшому подобний, свѣтлій, тихій, жаркій велми, ночъ такъ же тиха, свѣтла и тепла, а дощу не было. Обѣдалисмо вкупѣ зъ родителемъ, а по обѣдѣ у вечеру поехалъ я до Тулиг. и пріехалъ уже позно; ехалъ полъ 3 часа. Господареви, въ Сѣденщину отсилаючомуся, на гребцовъ далъ 50 к., а черезъ его жъ помощника, пасѣчника Юрка, плату послалъ 1 р. и 10 к. Тютюннику далъ 2 р. на тютюнъ, что и у ѳге записано.

Пятокъ. 2. День былъ вчорайшому подобній, свѣтлій, тихій и жаркій, ночъ такова жъ была, а къ свѣту невеликій дощикъ. Сей день пробавилъ я у Тулиголовахъ. По сейчасъ уготовано тутъ сѣна въ стогахъ 170 воз.; роевъ 22.

Субота. 3. День былъ жаркій, а зъ полдня хмаренъ зъ силнимъ дощемъ и громомъ, которий къ вечору утихъ, ночъ хмарна, почасти тиха и нехолодна. Въ Тулиголов. старостѣ далъ я 4 р. на росходи и приказъ на писмѣ въ 6 пунктахъ до тамошнихъ порадковъ, около винницѣ, особливо млина Бутурлимовского розмѣру. Писалъ до стар. Криск. о пріездѣ ѳго сюда, о куплѣ 500 дранѣ у Тулиг. на покритте млина. Отобѣдавши у Тулиголов., отехалъ въ Глуховъ и пріехалъ передъ заходомъ солнца.

Библиотека "Руниверс"

Неделя. 4. День былъ хмарний, а около полдня силній дощъ зъ громомъ ишолъ и къ вечору утихъ, и стало вѣтряно, хмарно и холодно; такова жъ и ночъ, вѣтряна, хмарна и холодна. Ездилъ рано зъ род. до княгинѣ, а служби слухали у соборной церквѣ, где по службѣ читано указъ обявителний о взятіи Гданска великороссійскими войсками и что зъ Гданска, за противніе ихъ поступки, поступлено дать миліонъ ефимковъ въ казну ея величества, а буде не поставятъ Гданчане Лящинского за 4 неделѣ, то другій миліонъ заплатить, а за тое, что у дзвони дзвонили у Гданску въ презрѣніе нашихъ за то имъ заплатитъ 30000 червонних. Взято зъ Гданска войскъ людей всѣхъ, кои въ той осадѣ дѣйствовали, кромѣ шведовъ, въ полонъ и зъ крѣпости Вехселминди аммунѣцею всю и артиллерію, где самихъ пушокъ мѣднихъ било 100, пороху несколко надъ тисячу пуд. и проч. А зъ вѣдомости отъ пруского Кролевца (которая въ писмѣ до Радищева прописана, а отъ него обявлена и мнѣ) вѣдомо, что, подчасъ сеей осади, въ городѣ Гданску 2780 домовъ зъ залишкомъ перепорчено артиллеріею россійскою и всѣ сіе шкоди смякаютъ на 50 миліоновъ. Зъ причини сеей вѣдомости былъ молебенъ и банкетъ у Хрущова, где хочай немного насъ было, однако жъ подпіяхомъ очинь.

Понедел, 5. День былъ хмарний зъ великимъ дощемъ, зъ чего стало наводненіе великое въ ставахъ здешнихъ, подобное весняной водѣ, ночъ хмарна, свѣтомъ дощъ. Сегодня никуда не ездилъ за негодою, греблѣ верхніе порвано отъ дощу великого. Четвертей 10 овса зъ ями виняли, зъ которихъ зде 5, а 5 въ Тулиг.

Преображеніе. Вовтор. 6. Денъ былъ хмарний зъ малимъ дощикомъ, тихъ и тепелъ, такова жъ ночъ, толко безъ дощу, а къ свѣту холодновата. Были рано у княгинѣ, а обѣдали у себе, у вечеру ездилъ я въ городъ и пересипалъ гишпанское вино зъ барила худого въ барилця двѣ, сулѣю и цицю.

Середа. 7. День былъ подобний вчорайшому, такова жъ и ночъ, къ свѣту зъ дощемъ малимъ. Братъ п. Михайло пріехалъ въ Дунаецъ и прислалъ ко мнѣ пакетъ, въ якомъ писмо п. Петра зъ С.П.Бурху, и приложенна книжица маленкая, французскал на юнь м-цъ.

Библиотека "Руниверс"

Четвер. 8. День былъ хмарний, вѣтряний, холодний, зъ дощемъ зъ ранку. Ночъ хмарна, холодна и вѣтряна. Вѣдомо учинилось, яко всѣ греблѣ, кромѣ нашихъ и п. Михайловой, и внизу въ Некрасовѣ порвало.

Пятокъ. 9. День былъ свѣтлій, теплій почасти и почасти холодний, зъ вѣтромъ полнощнимъ, ночъ тихшая, свѣтла, толко жъ холодновата. Зять п. Стефанъ отехалъ до сестри своей на Лувру. Староста Криск., требуемий въ к—рію минѣстерскую для освидителствованія колодника нѣкотового, пріехалъ, Сказивале стар. Крис., что жита зняли въ Крискахъ копъ 56. Отецъ Никифоръ у вечеру билъ для исповиди родителя и мене.

Субота. 10. День былъ свѣтлій, тихій, зъ ранку холодноватъ, а посля тепелъ, ночъ такова жъ, погода израдная. Сегодня зъ родителемъ причащался ст. Тайнамъ и обѣдали въ дому, а по обѣдѣ ездили до князь Якова Шаховского поздравить его дочерю новорожденную за червонцемъ. Іюня 29-го была жестокая баталѣя въ Італѣи цесарского войска зъ соединенною армѣею французскою и сардинскою и гишпанскою, где много тисячъ солдатъ зъ обоихъ сторонъ побито, такъже много генераловъ и другихъ високихъ лицъ побито, жестоко ранено и полонено, отъ полдня баталѣя до полуночи протяглася.

Неделя. 11. День былъ свѣтлій и теплій, а зъ полдня хмари надишли и ишолъ дощъ великій зъ громомъ, посля ночъ вияснилась, а къ свѣту знову хмара стала, толко жъ тепла. Были рано у княгинѣ и по службѣ, а обѣдали въ дому родитель зъ княгинею. По обѣдѣ поехалъ я у футоръ, а оттоль въ Дунаецъ, где дощъ мене мочилъ, и ночовалъ у п. Михайла.

Понеделокъ. 12. День былъ почасти свѣтелъ, а посля дощъ, знову вияснилось, знову дощъ, которий потомъ и умножился велми, къ вечору вияснилось, по заходѣ слонца знову дощъ, ночъ свѣтла, холодна и вѣтряна. Сегодня рано зъ п. Михайломъ ездилисмо въ Сварковъ, а оттоль къ нему въ Дунаецъ, а по обѣдѣ я отехалъ и пріехалъ на ночъ въ Сварковъ.

Вовтор. 13. День былъ вѣтряний, холодний, и посля свѣтел и тепелъ, у вечору утихъ вѣтеръ, ночъ холодновата, однакъ свѣтла

Библиотека "Руниверс"

и тиха. Обѣдалъ я въ Сварковѣ, а по обѣдѣ отехалъ въ Глуховъ. Ланъ мой, что къ городу, засѣяли житомъ, 17 четвертей. Отъ Клима пріехалъ козакъ Соляниченко зъ писмомъ и зъ ревизѣю сеголѣтною тамошнихъ маетностей.

Середа. 14. День былъ сперва свѣтелъ и тихъ, а после вѣтрянъ, хмаренъ и мало мокръ, ночъ утихла и випогодилась. Сей день никуда не ездилъ, обѣдалисмо вкупѣ. Отправленъ Сухонос. Соляниченко до Клима зъ отвѣтомъ на его вопроси, 1) чтобъ сѣна доволно везде било, 2) чтобъ мѣсто въ Перер. на пасѣку купилъ, 3) чтобъ висилалъ по соль. Стар. Криск. Шохъ отправленъ и данъ ему приказъ, о томъ въ приказахъ, и денегъ 20 р. на задатокъ бобровнику.

Четвер. 15. День былъ теплѣйшій отъ вчорайшого, толко почасти хмаренъ и мало дощеватъ, а особливо хмаренъ у вечеру, таковажъ и ночъ. Были рано у княгинѣ зъ род. и на службѣ у ст. Анастасіи, обѣдали у себе, а по обѣдѣ ездилъ до Хрущова и посидя повернулся домой. Зъ Сухонос. Дядя глухій привезъ дриганта чалого, носатого.

Пятокъ. 16. День былъ хмарній, вѣтреній, холодноватъ, а къ вечору дожчъ. Такова жъ и ночъ была. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ поехалъ я въ футоръ, а оттоль въ Сварковъ, где и заночевалъ. Получилъ я указъ зъ генер. к—ріи до себе написаний, чтобъ мнѣ явится въ енер. к—рію 18-го августа для отправленія генералной комисѣи о комисарахъ 1731-го году. Кобила карая одна, зъ Перер. оставленная, лошачка привела.

Субота. 17. День былъ хмарний съ дощемъ рано, вѣтранъ и холодноватъ, а после хмаренъ же, толко жъ тепелъ и тихъ, къ вечору знову дощъ, который мало не черезъ всю ночъ продолжалъся. Обѣдалъ я сегодня въ Сварковѣ, а по обѣдѣ поехавши черезъ футоръ, пріехалъ уже позно въ Глуховъ.

Неделя. 18. День былъ дощеватъ велми, хмаренъ и тихъ, такова жъ и ночъ, отчего велми стало мокро. Сегодня дочъ князь Якова Петровича Шахогского крещена, а мы на банкетѣ въ княжемъ дворѣ подпіяхомъ. Пишетъ князь съ С. П. Бурку до маіора

Библиотека "Руниверс"

Хрушова, что п. Михайлу грамоту подтвердительную на добра дать велено, что грамоту жъ велено дать Янжулу о непорицаніи его тимъ, что за колегіи бившой кнутомъ бито, что Каневского, судію Чернѣговского, бившого въ силкѣ, велено сискать.

Понедѣлокъ. 19. День былъ хмарний, дощеватъ, холодний, ночъ такъ же безъ дощу. Сей день обѣдалимы у себе зъ род, Былъ у банѣ и кровъ банками пускалъ.

Вовтор. 20. День былъ свѣтолъ и тепелъ почасти, а посля хмаренъ, къ вечору дощъ, ночъ хмарна зъ дощемъ и холодна. Рано зъ Глухова зъ п. Стефаномъ поехалисмо и пріехавши въ Дунаецъ, обѣдали у п. Михайла, а по обѣдѣ пріехали въ пасѣку Уздицкую, куда потомъ пріехала и жена съ дѣтми, тутъ и ночовалисмо.

Середа. 21. День былъ хмаренъ зъ невеликимъ дощикомъ и между тимъ теплъ, ночъ випогодилась отчасти посля дощу, къ свѣту туманъ. Сей день тутъ пробавилисмо въ пасѣцѣ Уздицкой. Убили пчоли весей 100, а подрѣзали зъ 150, собрали меду бочокъ 3, и дѣжокъ 4, а осталось въ зиму 305.

Четвер. 22. День выпогодился и былъ тепловатъ и свѣтелъ, и тихъ. Ночъ тиха, свѣтла, рѣзка стужею осѣнною. До половини дня позабавилисмо у пасѣцѣ Уздицкой, а посля поехалисмы, всѣ куренемъ своимъ, до другой пасѣки Шрамковской, где убили пчоли 41, собрали меду дѣжечокъ 2 болшихъ и 3 меншихъ, а оставили въ зиму 116.

Пятокъ. 23. Рано оттоль поѣхалисмо до футора и оттоль до Сваркова, где и заночевали. Сегодня Сакевичъ, сотенный товаришъ глуховскій, билъ въ Сварковѣ и ревѣдовалъ солянъ моихъ, которихъ написалъ числомъ 42 по указу енер. к—ріи.

Субота. 24. День былъ израдной погоди осѣнной, свѣтелъ и тепловатъ, такова жъ и ночъ. Рано ѣздилъ я зъ Сваркова у футоръ оглядать ярини, которую жнутъ и косятъ подданіе и сѣна, якое кидаютъ наемніе, и пріехалъ въ Сварковъ же на обѣдъ, где зъ женою и дѣтми обѣдалъ. А у вечеру поехали и пріехали всѣ въ Глуховъ. Отъ стар. Криск. получилъ писмо, что шеліванихъ

Библиотека "Руниверс"

тертиць всѣхъ толко 52 въ Погорѣловцѣ, да куплъ онъ за 5 р. 62 к. 244 лубя.

Недѣля. 25. День былъ и ночъ сходніе во всемъ вчорайшимъ. Рано былисмо зъ род. у княгинѣ и въ службѣ ст. Анастасіи, обѣдали у себе, у вечеру посѣщалъ мене Хрущовъ и п. Михайло. Крисковскій человѣкъ отправленъ до Крисіокъ къ старостѣ и черезъ него писалъ я о куплѣ еще лубя, на которіе далъ 4 р., о куплѣ тіосу, о присилкѣ сюда 200 тертиць шеліванихъ и еще 200 изготовить, объ увѣдомленіи сколко въ Розлетахъ имѣется деревъ канцелляріискихъ. Генералша Матюшкинова и генералша маіорша Генѣнова пріехали въ Глуховъ, повернувшись зъ Кіева. Синъ писара енер. Максимъ Турковскій взятъ подъ арестъ и посаженъ въ минѣстерской канцеляріи.

Понедѣл. 26. День былъ сходенъ прежнимъ, ночъ вѣтряна, почасти хмарна и после дощевата, а къ свѣту выпогодилось. Рано ездилъ я до генералши Матюшкиновой и поздравилъ еи пріездомъ, оттоль билъ у княгинѣ и поздравилъ еи именивницею дочерю старшою, обѣдалъ у себе. Писалъ я до Клима и до Шоха и до Романа Тулиг. о имѣючойся бить ревизѣи. Швакгеръ мой Якимъ Троцкій, отпущенный зъ походу полского, зъ подъ Белберишокъ, пріехалъ въ Глуховъ, да пріехали жъ въ Глуховъ и другіе бунчуковіе товариши: Яковъ Новѣцкій и Иванъ Гамалѣя оттоль же.

Вовтор. 27. День былъ свѣтлій, вѣтряний, а къ вечору тихъ, ночъ тиха, по болшой части свѣтла, вѣтеръ еденъ западний, да холодноватъ. Рано ездилъ я на Бѣлополовку до Хрущова и незаставши его, видѣлся зъ п. Михайломъ, еще тутъ зостаючимъ; обѣдали после у себе зъ род. и съ нами дѣти и швакгеръ Троцкій.

Середа. 28. День и ночъ были подобніе прежнимъ и вчорайшимъ. Рано ездилъ а до футора, где осмотрѣвши еще недожатого овса, повернулся домой на обѣдъ. По обѣдѣ швакгеръ мой п. Якимъ Троцкій отехалъ въ Кролевець до родителки, въ Добротовъ пріехавшой, а оттоль домой.

Четвер. 29. День и ночъ были подобніе прежнимъ. Рано были у княгинѣ, обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ

Библиотека "Руниверс"

ездилъ до Хрущова и тамъ позабавивши долго, повернулся домой у ночѣ.

Пятокъ. 30. День былъ хмарний зъ дощемъ и холодноватъ, однакъ не велми, отчего знову грязно стало, ночъ выпогодилась. По обѣдѣ поѣхалъ я зъ Глухова и пріехалъ въ футоръ, где допахували панщини лану футорного и обсѣвали житомъ. Оттоль поехавши, пріехалъ въ Сварковъ и тамъ заночевалъ.

Субота. 31. День былъ израдной осѣнной погоди зъ малимъ вѣтрикомъ, свѣтелъ и ночъ такова жъ. Обѣдалъ я въ Сварковѣ, а по обѣдѣ пріѣхалъ въ Глуховъ и въ банѣ мился. Сегодня окончилась житная у футорѣ моемъ сѣвба.

М—ць Сейтеврій. Недѣля. 1. День и ночъ были таковой же изрядной погоди, якъ и вчора, тихіе, свѣтліе и тепловатіе. Сегодня рано были родитель и я у князя Боратинскаго мимоездомъ, а оттоль заехалъ я зъ Хрущовимъ до его и у его обѣдалъ. Далъ я господареви на поправку Уздицкаго імшаника 1 р. 70 к. По обѣдѣ поехалисмо зъ Глухова я, жена и дѣти, и пріехали въ Тулиголови позно, где и ночевали.

Понедѣл. 2. День былъ израдной погоди, свѣтелъ, тихъ и тепелъ, ночъ до половини тако жъ израдна, а о половинѣ ночи дожчъ силний, передъ свѣтомъ переставалъ. Въ Тулиголовахъ пообѣдалисмо, а по обѣдѣ пріехали въ Кролевець, где застали родителку и стали у дворѣ Ведеринскомъ, а родителка у тіотки п. Павловой.

Вовтор. 3. День былъ хмаренъ, вѣтрянъ зъ дощемъ, зъ полдня свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла и тиха, и между тимъ переходомъ хмарна. Сей день продновалисмо тутъ, въ Кролевцѣ. Купилъ я серебраной посуди: подносець, стаканцовъ 8, чарокъ 6, за все далъ 26 р. и 65 к., да чайникъ серебряний за 9 р. 60 к., итого 36 р. и 25 к.

Середа. 4. День былъ свѣтлій, тепловатъ, а особливе къ вечору, ночъ такова жъ. Сей день пробавили въ Кролевцу за ярмаркомъ, обѣдалисмо зъ маткою въ своей квартирѣ, по обѣдѣ заходилъ до князей Боратинского и князь Якова Шаховского, въ тіотки п. Павловой квартеруючихъ.

Библиотека "Руниверс"

Четвер. 5. День былъ свѣтлій, тепловатъ, толко велми вѣтрянъ, а посля хмаренъ и зъ дощемъ малимъ, ночъ хмарна жъ, вѣтряна и холодновата. Сей день пробавилисмо въ Кролевцу, ярмаркуючи. Князь Шаховской молодий и Боратинскій отехали по обѣдѣ зъ Глухова.

Пятокъ. 6. День былъ хмарній, теплій, толко безъ дощу, а къ вечору холодноватъ, ночъ хмарна, а къ свѣту зъ дощемъ. Были на службѣ Божой у церквѣ соборной, а посля ходилъ я... (?). Посѣщали насъ сестра п. Чарнишева и Миклашевская. Родитель зъ родителкою поехали обое, на ночъ, въ Добротовъ.

Субота. 7. День былъ зранку хмаренъ и зъ дощемъ, а зъ полдня свѣтелъ, а къ ночи и болше того выпогодился, ночъ сперва свѣтла, тиха, а къ свѣту хмарна, холодна. Сегодня обѣдалисмо у себе въ Кролевцу, а у вечеру родитель пріехалъ зъ родителкою зъ Добротова, до которихъ мы ездили и вечерали въ городѣ.

Неделя. 8. День былъ почасти свѣтелъ и почасти хмаренъ, а къ вечору дожчъ, ночъ хмарна, холодна и дощъ передъ свѣтомъ пересталъ. Сей день у Кролевцу праздновали, а у вечеру поехали ми всѣ, родители и мои дѣти, до Подолова, сестру Чарнишеву посѣтить, где и вечеравши, отехали ноччю знову въ Кролевець.

Понедѣл. 9. День былъ подобний вчорайшому, а ночъ свѣтла, къ свѣту туманъ. Обѣдали въ Кролевцу для именинъ родителки и розехались, жена моя поехала въ степи, зять Стефанъ зъ Ганнусею въ Бѣловодку, а я въ Тулиголови, где и ночевалъ. Далъ на дорогу Ганнусѣ 6 р., а жена взяла 3 руб.

Вовтор. 10. День былъ свѣтлій, тепловатъ и вѣтренъ, ночъ свѣтла, тиха и ядрана. Сей день пробавилъ я въ Тулиголовахъ, у вечеру родителіе пріехали и ночевали, а я у бразѣ потѣлъ и мился. Старосту испитовали противъ доносовъ на него отъ Кузенка и отъ Ефима винника въ заборѣ денегъ ступнихъ и отдачѣ на него грунту... (?) и показался чистъ. Въ імбарѣ горѣлки всей теперъ 3 кухи болшихъ.

Середа. 11. День былъ израдной осѣнной погоди и теплоти, такова жъ властно и ночъ была тогда. Рано родители въ Глуховъ,

Библиотека "Руниверс"

а я на Дунаець поехалъ, где и обѣдалъ, не заставши п. Михайла, поехали. Зъ Дунайца по обѣдѣ поехавши, пріехалъ въ футоръ, где звозили гречку, а оттоль въ Сварковъ, где и заночевалъ.

Четвер. 12. День былъ зранку самого тихъ, свѣтелъ и тепелъ, а погодя, мало хмаренъ, вѣтрянъ, холоденъ осѣннимъ холодомъ, ночъ свѣтла, однако жъ вѣтряна и холодна. Рано зъ Сваркова поехавши черезъ футоръ, пріехалъ въ Глуховъ, где и обѣдалъ зъ родителми въ дому, а по обѣдѣ п. Михайло пріехалъ, и посидѣвши съ нимъ до вечора, ходилъ въ баню и кровъ банками пускалъ и невѣдомо отчего, а разсуждаю отъ слабости жолудка, которимъ всегда слабъ, въ млостъ и обморокъ пришолъ.

Пятокъ. 13. День былъ вѣтрянъ, холоденъ, однако жъ свѣтелъ. Принималъ сегодня лѣкарство проносное отъ доктора Бока и имѣлъ столцовъ болшей 10, безъ великой нужди. Насипалъ полну жестянку чаю для употребленія. Принялъ я впервое шинковнихъ денегъ у Демяна 20 руб. и росписался. Далъ я впервое Тарасу на росходъ 10 р. и записалъ. Росквѣтовались зъ маляркою Глѣнскою и отдали ей всѣ денги, такъже луданъ сукно и нѣкоторіе дидомѣни, на что она зъ синомъ и росписку намъ дала. Отобралъ отъ Клима денегъ 66 р., оставшихся отъ покупокъ ярмарковихъ, якіе остались зъ денегъ у Пѣпера взятихъ 220 р. Писалъ я отвѣтное писмо до швакгра моего Андрея Полуботка, на его полученное мною зъ комплементомъ.

Субота. 14. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарний, холодний, ночъ свѣтла, тиха, однакъ зъ морозомъ. Рано были у княгинѣ, а по службѣ пріехали родителѣ въ домъ и обѣдали и съ нами Галецкій зъ женою своею.

Неделя. 15. День былъ подобній вчорайшому и ночъ. Сегодня было въ соборной церквѣ молебствіе и читана грамота ея величества до князя Шаховского въ С. П. Бурку писанная зъ рѣшеніями на доношенія его о интересахъ малороссійскихъ, за собственною рукою ея величества, о слѣдуючихъ пунктахъ: 1) Артиллеріи полковіе довольствовать съ Коропа, а чего не достанетъ, то брать изъ скарбу войскового. 2) О сустентаціи драгунской, чтобъ генералъ графъ фонъ

Библиотека "Руниверс"

Вейзбахъ присилалъ репортицѣи къ князю Шаховскому заблаговременно до вступленія въ квартири, а на полки, въ далнихъ мѣстахъ стоящіе, собирать денги и отдавать оніе за порцѣю и рацѣю по новому воинскому стату, а буде денегъ принять немощно, то натурою вистатчать тому полку, где стоять будутъ, а принимать денги по торговимъ ценамъ. Брать на одну лошадь на мѣсяць по 25 пуд. сѣна безъ браку, гдѣ какое въ тамошнихъ мѣстахъ родится, кромѣ гнилого и такова, какова лошадь есть не могутъ; вѣси въ полкахъ содержать правдивіе по 40 фунт. пудъ; мѣру учинить хлѣбу правдивую, уравняя въ осмачки по 2 четверти россійской мѣрѣ. 3) Предложеніе войскового генералнаго суда о клейнотахъ гетманскихъ, гдѣ оніе содержать надлежитъ и о играни музики, и о бытте въ котли, и о переводѣ правъ малороссійскихъ и сводѣ въ одно— принято всемилостивѣйше и для оного переводу вибрать зъ епархій по архимандриту, зъ Печерского монастира соборного старца, зъ енералной старшини одного, дазъ полковниковъ одного и зъ другихъ всѣхъ 12 человѣкъ, и вислать ихъ въ Москву. 4) Третейскимъ судамъ, какъ прежде бивало, чтобъ оканчивать примиреніемъ, а иніе и приговорами, бить по прежнему. 5) Ревизѣю по вся годи или чрезъ нѣсколко лѣтъ производить для уравненія обивателей въ общенародних повинностяхъ. 6) Козаки многими избами въ одномъ дворѣ живущіе, противъ одинокихъ—должни болшую нести тягость. 7) Подсусѣдкамъ козачимъ и мужичимъ и майстеровимъ всякиих людямъ платить противъ другихъ по пропорцѣи пожитковъ. 8) Курѣнчиковъ генералной старшинѣ полковникамъ и другимъ—давать до времени, а какъ впредъ тому бить—здѣлать проектъ и зъ мнѣніемъ прислать. 9) На перевозахъ, гребляхъ и мостахъ съ чиновниковъ всѣхъ и ихъ людей платежу не брать. 10) Въ полковихъ селахъ и во владѣлческихъ, ежели козакъ продастъ грунтъ и на ономъ паки станетъ жить, то долженъ посполито отбувать и подданніе на подданническихъ грунтахъ живущіе тожъ посполито отбувать имѣютъ. 11) Въ полкахъ значковимъ товарищамъ быть указному числу, и впредь въ значковіе не принимать безъ указу генералной канцеляріи. 12) Архиереямъ безъ атестату полковника и

Библиотека "Руниверс"

старшини полковой, а знатнихъ и безъ позволенія енералной канцеляріи, въ діакони и попи не посвящать, а ежели бъ посвящени били, имъ козацкими грунтами не владѣть и архіереямъ никакимъ образомъ въ гражданскіе дѣла не вступать, и никого за свои приватніе дѣла никого не отлучать, наименше жъ клятвѣ не предавать и которіе отлучени и тѣхъ разсмотря, разрѣшать. 13) Грекамъ межи собою судится и апелліовать зъ оного суда въ войсковую енер. к—рію. 14) Жидамъ локтями и фунтами торговать. 15) Комисѣю для щоту комисаровъ, когда потребно, сочинить. 16) На строеніе въ Глуховѣ соборной церквѣ видать отъ подскарбѣевъ тисячу рублей. 17) Села и деревнѣ, которіе гетманъ Апостолъ роздалъ противно указамъ возвратить, а какъ возвращени будутъ и для чего были роздани, о всемъ томъ съ обстоятелствомъ донесть въ габѣнетъ. 18) Селу Перелюбу бить за монастыремъ Троецкимъ до указу. 19) О седахъ и деревняхъ, какіе есть ли къ роздаче способніе разсмотрѣть князю Шаховскому купно зъ старшиною генералною и полковники и протчими, не имѣются ли такіе села и деревнѣ, которими ненадлежно кто владѣетъ для пожалованія по заслугамъ и о семъ представить со мнѣніемъ. Въ Петергофѣ августа 8-го дня. По службѣ кушалъ родитель и я у князя Боратинского и подпіяхомъ.

Понедѣл. 17. День былъ израдной погоди, свѣтелъ и тепловатъ, такова жъ и ночъ. Рано ездилъ въ футоръ и въ Сварковъ, и повернувшись обѣдали въ дому, а у вечеру ездилъ до маіора Хрущова и посидя, позно повернулся домой.

Вовтор. 17. День былъ хмарний почасти, однакъ теплій, къ вечору дожчъ, ночъ почасти свѣтла и почасти хмарна. Катаръ мене дискомподовалъ, того ради проездился до обѣда и мимоездомъ заездилъ до Кондзеровского и посидѣвши зъ нимъ, домой повернулся.

Середа. 18. День былъ хмарний зъ дощемъ густенкимъ, толко ненадолго, а ночъ хмарна жъ зъ силнимъ дощемъ, которий передъ свѣтомъ пересталъ. Рано ездилъ въ Сварковъ, а оттоль въ футоръ и домой повернувшись, обѣдалъ зъ родителемъ. П. Михайло пріехалъ зъ Дунайця.

Библиотека "Руниверс"

Четвер. 10. День былъ хмарний по болшой части, а по меншой воздуха среднего, холодноватъ, ночъ воздуха сухого, свѣтла и холодна. Сегодня банкетъ билъ у насъ, господа великороссійскіе: Хрущовъ, Боратинскій, князь Яковъ Шаховской, Гуревъ и Баскаковъ и малороссійскіе панове: Забѣла и Борзна, и п. Михайло, и Галецкій, и подпіяхомъ, а по обѣдѣ у вечеру ездилъ я до Хрущова зъ п. Михайломъ и посидя повернулся домой.

Пятокъ. 20. День былъ хмаренъ, однако жъ не мокръ и тихъ, а ночъ хочай и тиха, однакъ хмарна я мокровата мало, а особливо къ свѣту. Зъ полдня поехалъ я зъ Глухова верхи до Ясманѣ, а ехалъ часовъ 3, пріехавши туда тамъ заночевалъ. Слышно намъ, что дядко нашъ роменскій Андрей преставился.

Субота. 21. День былъ зранку хмаренъ, мало вѣтрянъ и мокроватъ, мало жъ, а зъ полдня силний дощъ до самой ночи и чрезъ всю ночъ ишелъ и велми нагрязилъ. Рано въ Ясманѣ откушалъ и пріехалъ въ Глуховъ передъ обѣдомъ и знову въ дому зъ родителми обѣдалъ. Получилъ я писмо отъ Петра, въ которомъ пишетъ что горѣлку потребно збуваетъ ценою, показанною ему отъ мене и что шевця держитъ подъ карауломъ Никиту и что 500 орѣховъ купилъ сотню по 50 к., а писано сент. 13, получено черезъ Дмитра Гамалѣевского. Стар. Крис. пишетъ, что еще за 4 р. купилъ лубя 200.

Неделя. 22. День былъ вѣтреній, хмарний, мокрій зъ уставичнимъ дощемъ и холодний, ночъ такова жъ зъ меншимъ толко дожчемъ, которій передъ свѣтомъ переставалъ. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а никуда не ездили ради осѣнного невчасу. Братъ Іванъ отехалъ зъ Глухова въ Роменъ, на Бѣліе Береги.

Понедел. 23. День былъ хмарний, однако жъ безъ дощу, тихъ и холоденъ, ночъ отъ стужи немного отдала, темна, хмарна къ свѣту туманъ. Сегодня обѣдали родители и я въ дому и некуда не ездилъ. Ездилъ я до берейтера, которий моего нѣмецкого коня учитъ.

Вовтор. 24. День былъ израдний, ясной и тихой погоди осѣнной, ночъ подобная жъ дневи, толко мало похмурна. Сегодня, а не

Библиотека "Руниверс"

вчора ездилъ я туда, где берейтеръ Платъ, вахмистръ, моего коня учитъ и позабавивши повернулся въ домъ, где и обѣдалъ зъ родителми и Галецкимъ. У вечеру мился у банѣ.

Середа. 25. День былъ подобній вчорайшому, толко холоднѣйшій, а ночъ самая ясная и тихая, толко зъ великимъ морозомъ, а особливо къ свѣту. Обѣдалисмо сами у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Хрущова и тамъ съ нимъ и съ Кишкинимъ посидѣвши, повернулся позно. Передъ обѣдомъ ездилъ до берейтера, которий информовалъ мене сторони regулъ въ сидѣніи на конѣ потребнихъ: 1) зсѣдать на коня не нагинаючись, 2) держать уздечку рукою противъ бруха, приложивши локоть къ мякому, 3) ногъ не разставливать, але колѣнами пригинать коня. Отправлени въ Кіевъ Циганокъ и другій человѣкъ зъ Никитою Шевцемъ, дано на дорогу имъ 1 р. и 50 к. и писмо до Петра.

Четвер. 26. День былъ почасти хмарний, холодноватъ, склоненъ къ дощу, ночъ таково жъ власне, якъ и день была не холодна, толко почасти хмарна. Рано ездили зъ род. въ городъ и заездили до князя Боратинского, у княгинѣ были и обѣдали у себе. По обѣдѣ ездилъ въ футоръ Калюжновскій, где велелъ яму на овину высше клунѣ копать, для того что першая завалилась.

Пятокъ. 27. День былъ подобній прежнимъ, толко сухъ, а не влаженъ, ночъ такова жъ, якъ и день. Сегодня принималъ R. Koneh. magag. 110 капель въ чаю и доволно имѣлъ операцѣй. Полковникъ Лубенскій Петръ Апостолъ пріехалъ въ Глуховъ зъ С.П.Бурху и сталъ у дворѣ п. Михайла Скоропадского, потому что ихъ дворъ Бѣлополовский занятъ квартерою маіора gвардіи Михайла Хрущова.

Субота. 28. День былъ погоди изрядной, ясной, осѣнной, такова жъ и ночъ. Ездилъ я рано до пѣлковника лубенского Петра Апостола и до п. Михайла, къ млину его, бо тамъ онъ стоитъ и видѣвшись, заездилъ оттоль до Бока и обѣдалъ съ ними у маіора Хрущова и подпіяхомъ. Горло и груди у мене барзо стали болѣть. Пол. Луб. купилъ за мои денги и отдалъ мнѣ табаку носного à la violette прутиковъ 8, да чаю бутилку, доброго, да 5 книжокъ

Библиотека "Руниверс"

примѣчаній отъ 1728-го по 1733 годъ, и такіе книжки якоби за денги п. Михайла куплени.

Неделя. 29. День былъ хмарний почасти и свѣтлій почасти, воздуха сухого, толко холодного, ночъ свѣтла по болшой части, толко жъ велми студена. Были рано зъ род. у Гурева и въ церквѣ ст. Анастасіи на службѣ, а посля у княгинѣ, а обѣдалъ род. и я, пол. Луб. и п. Михайло у маіора Хрущова. По обѣдѣ отехалъ Хрущовъ и съ нимъ Луб. полковникъ и п. Михайло въ Дунаецъ, а я не ехалъ для приключившойся родителеви болезни.

Понедѣл. 30. День былъ вѣтряний, хмарний, холодний, ночъ тиха, хмарна и съ полночи дожчъ пошолъ, которий и до свѣта ишолъ. Нигде кромѣ дому не бывалъ, ради тяжести въ грудяхъ, кашелю и прикрости въ ногахъ, которіе торганне и нестерпимий свѣржбъ терплятъ. Человѣкъ Гамалѣевскій, которий вчора пригналъ сюда 40 барановъ Перервинскихъ, отпущенъ сегодня и черезъ него писалъ до жены.

М—ць октоврій. Вовтор. 1. День былъ хмарний, холодний, зъ дощемъ, хочай невеликимъ, но густимъ, отчего нагрязило очинъ, до самого вечора, и ночъ такова жъ. Никуда зъ дому не виездилъ, а началъ декоктъ пить ради моей трудности въ персахъ и ногахъ. Торгъ учиненъ между родителемъ и Галецкимъ, бунчучнимъ: онъ родителеви уступилъ слободку свою на Артополотѣ за 700 р., а придать до денегъ слободку Бозкую зъ млинкомъ и млини Погарскіе. Думитрашко да Лизакевичъ сказивали, что сегодня отъ князя пріехалъ куріеръ и якоби пожалованни въ брегадири маіоръ Семеновского полку Михайло Хрущовъ, да полковникъ князь Боратинскій, присутствующіе въ енералной канцелляріи.

Середа. 2. День былъ зъ отмѣннимъ воздухомъ, хмарний, холодний зъ малимъ велми дожчемъ, которий посля полдня пересталъ, ночъ хмарна, холодна и суха. Никуда не ездилъ зъ двора, ради употребляемаго декокту.

Четвер. 3. День былъ зранку свѣтелъ и ясенъ, а посля хмаренъ и вѣтранъ, ночъ сперва хмарна, а посля свѣтла и холодна. Никуда не ездилъ, вишепоказанной ради приччини.

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Библиотека "Руниверс"

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго,** Михайловск. ул., собств. домъ.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

стр.

I. ПРИ СТАРЫХЪ ПОРЯДКАХЪ. (Изъ недавняго прошлаго Волынской духовной семинаріи). **Константина Храневича.** . 287—326

II. ОСТАТКИ ДРЕВНЯГО ГОРОДИЩА ВЪ М. СНѢТИНѢ, ЛУБЕНСКАГО У., ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. **Василія Ляскоронскаго.** *(Съ планомъ)* . . . . . 327—336

III. АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА И. И. СЕРДЮКОВА. *(Окончаніе)* . . . . . 337—373

IV. ПО ПОВОДУ СТА ЛѢТЪ ОТЪ СМЕРТИ ГРАФА РУМЯНЦОВА. **Ал. Лазаревскаго.** . . . . . 374—394

V. ПЕРВЫЙ КІЕВСКІЙ АРХЕОЛОГЪ М. Ѳ. БЕРЛИНСКІЙ. **В. Щербины** . . . . . 395—417

VI. КОЛЛЕГІЯ ПАВЛА ГАЛАГАНА ВЪ КІЕВѢ. (По поводу исполнившагося 1 октября текущаго года двадцатипятилѣтія ея существованія). **В. Науменка.** . . . . . 418—433

VII. ПО ПОВОДУ 25-ти ЛѢТІЯ СЦЕНИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ М. Л. КРОПИВНИЦКАГО. **Д. А.** . . . . . 434—440

ОТДѢЛЪ II-й.

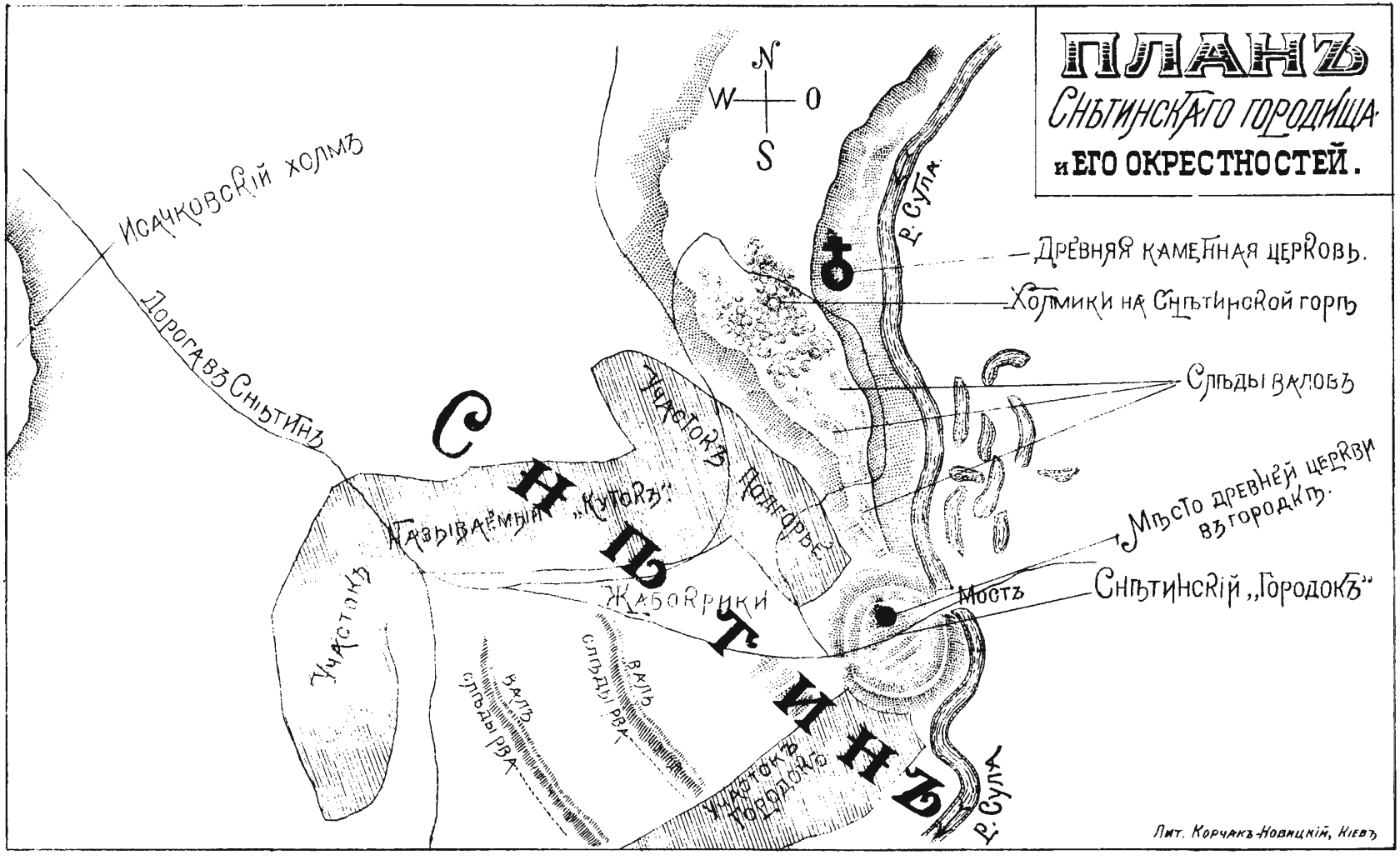
I. ДОКУМЕНТЫ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Шпага Карла XII. Кн. **Александра Дабижи.** б) Вѣсти о судьбѣ историко-статистическихъ матеріаловъ по Полтавщинѣ. **В. Василенка.** в) Сообщеніе очевидца о великомъ пожарѣ въ Кіевѣ на Подолѣ 1811 года. Сообщ. **П. Голубовскій** г) Артиллерійскій музей въ Петербургѣ. **Н. Бѣляшевскаго** д) Изъ путевыхъ замѣтокъ Великаго Князя Николая Павловича (1816 года). **О. Л.** е) Черты характера гр. П. А. Румянцова. **А. Л.** ж) Хозяйство гр. П. А. Румянцова. **А. Л.** . . . . . 65—85

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Изд. подъ ред. К. Я. Грота. Томы 2-й и 3-й. **А. Л.** б) Кіевъ и университетъ св. Владиміра при императорѣ Николаѣ I. 1825—1855. Изданіе университета св. Владиміра съ 16 свѣтопечатями и 2 цинкографіями. **М. Н.** в) Акты, издаваемые Виленской Коммиссеій для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIII. Акты Холмскаго гродскаго суда. **И. Каманина.** г) Древнѣйшій планъ города Кіева 1638 года. Издалъ Б. И. Ханенко. **В. Щербины** . . . . . 86—98

ОБЪЯВЛЕНІЯ о журналахъ 1897 г. . . . . 1—26

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (401 — 418).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРИ СТАРЫХЪ ПОРЯДКАХЪ.

(ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО ВОЛЫНСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ).

Въ концѣ сентября Волынская духовная семинарія торжественно отпраздновала свой столѣтній юбилей. Обычный ритуалъ юбилейныхъ праздниковъ былъ выполненъ съ неизмѣнной точностью. Сначала помолились о вѣчномъ блаженствѣ тѣхъ наставниковъ и питомцевъ семинаріи, которые переселились въ лучшій міръ и теперь не знаютъ болѣзни, печали и воздыханій; потомъ собрались на торжественный актъ и выслушали юбилейную рѣчь одного изъ преподавателей (г. Давидовича); наконецъ, почетные гости были приглашены на юбилейную трапезу. Нечего и говорить, какъ усиленно работала въ этотъ день Кременецкая телеграфная станція надъ пріемомъ привѣтственныхъ депешъ, предупредительно посланныхъ бывшими питомцами школы своей almae matri. Помимо этихъ внѣшнихъ атрибутовъ, скромному волынскому торжеству въ полной мѣрѣ присущи были и всѣ внутреннія свойства, которыми обычно характеризуются всякіе юбилейные праздники; мы не будемъ здѣсь распространяться о томъ, какъ живо и ярко чувствовалось учащенное біеніе коллективнаго пульса, какъ неподдѣльное ликованіе юныхъ питомцевъ семинаріи невольно сообщалось пожилымъ и даже престарѣлымъ участникамъ торжества и т. д. Словомъ сказать, обычное теченіе жизни семинарской на короткое время вышло изъ своего нормальнаго русла, чтобы затѣмъ опять стихнуть, войти въ обычную колею и медленно потащиться по проторенной дорожкѣ...

Библиотека "Руниверс"

Юбилейныя торжества не даромъ принято титуловать *знаменательными* (какъ извѣстно, безъ этого эпитета не обойдется и простая репортерская замѣтка). День юбилея всякаго учрежденія является днемъ провѣрки и своего рода расплаты. Оглядываясь на свое прошлое, учрежденіе-юбиляръ устанавливаетъ общій итогъ своей дѣятельности, подсчитываетъ свой плюсъ и минусъ. Въ то-же время общество въ этотъ знаменательный день tacito modo предъявляетъ запросъ юбиляру о его жизни, о плодахъ его работы и труда. И, какъ бы отвѣчая на этотъ молчаливый запросъ общества, всякое учрежденіе ко дню своего юбилея старается познакомить его съ результатами пройденнаго періода жизни.

Въ настоящее время въ Волынскихъ епарх. вѣдом. печатается довольно обстоятельная исторія Волынской дух. семинаріи, принадлежащая перу г. Теодоровича. Располагая семинарскимъ архивомъ, г. Теодоровичъ устанавливаетъ всѣ даже мельчайшія хронологическія даты, относящіяся къ исторіи семинаріи, приводитъ списки учащихъ и учащихся, дѣластъ пространныя выписки изъ оффиціальныхъ распоряженій, относившихся къ семинаріи, и т. д. Словомъ, его исторія исчерпываетъ, такъ сказать, безъ остатка фактическую сторону дѣла. Казалось бы, можно успокоиться на той мысли, что изслѣдованіемъ г. Теодоровича начертана достаточно-полная (пусть и не слишкомъ яркая) картина прошлаго, можно было считать вопросъ о столѣтнемъ поприщѣ жизни семинаріи покончennымъ и, на ряду съ тысячью другихъ дѣлъ, сдать въ архивъ, пока къ новому юбилею какой-нибудь захолустный Пименъ, „пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ“, опять не начнетъ повѣствовать своимъ современникамъ про „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“.

Но въ томъ-то и дѣло, что всякая, такъ скажемъ, оффиціальная исторія—весь этотъ сухой перечень именъ, цифръ, повтореніе шаблонныхъ оффиціальныхъ предписаній и донесеній—многихъ едва-ли можетъ удовлетворить. Она и малоинтересна, и малопоучительна. Она не даетъ яркой, живой картины прошлаго, а только блѣдные контуры, неясныя очертанія. Мы

Библиотека "Руниверс"

видимъ здѣсь всѣ внѣшнія перемѣны въ судьбахъ школы, но не видимъ самаго важнаго, близкаго, дорогого для насъ: людей, живыхъ людей въ ихъ повседневномъ быту, съ ихъ будничными радостями и печалями. Какъ имъ жилось въ этихъ мрачныхъ іезуитскихъ зданіяхъ, что они думали и чувствовали, гуляя по закоулкамъ семинарскаго сада, каковы были ихъ надежды, мечты?

Живого отклика на эти вопросы напрасно стали бы мы искать какъ въ пожелтѣлыхъ листахъ семинарскаго архива, такъ и въ изслѣдованіяхъ, основанныхъ на его данныхъ. Есть, правда, другой драгоцѣнный и, по своему обилію, неисчерпаемый источникъ, гдѣ можно почерпнуть свѣдѣнія объ этомъ: это—разсказы и воспоминанія лицъ, въ свое время составлявшихъ тотъ живой организмъ, который теперь мы обозначаемъ отвлеченнымъ понятіемъ семинаріи. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще ни одинъ питомецъ семинаріи не подѣлился съ читающей публикой своими воспоминаніями. Это тѣмъ болѣе жаль, что, какъ намъ хорошо извѣстно, многіе и очень многіе изъ волынскихъ священниковъ хранятъ богатѣйшій запасъ воспоминаній изъ своей семинарской жизни; по личному опыту также знаемъ, что разсказы объ этой порѣ жизни (разсказы—надобно отдать справедливость—весьма образные и оживленные) составляютъ любимую тему ихъ разговоровъ. Мы имѣли удовольствіе выслушать цѣлый рядъ повѣствованій о прежнихъ семинарскихъ порядкахъ отъ многихъ священниковъ Волыни. Рѣшаясь подѣлиться съ читателями нѣкоторыми изъ этихъ повѣствованій, мы дѣлаемъ это единственно въ той надеждѣ, что на нашъ починъ не замедлятъ откликнуться оставшіеся въ живыхъ непосредственные участники той эпохи, которую мы изображаемъ со словъ другихъ; ихъ воспоминанія, болѣе полныя и болѣе живыя, помимо непосредственнаго своего значенія, имѣли бы несомнѣнный бытовой интересъ, такъ какъ сохранили бы на память потомству не мало частныхъ, очень своеобразныхъ, подробностей прежней жизни, которыя теперь отходятъ или уже отошли, какъ говорятъ, въ область преданій.

Библиотека "Руниверс"

I

Начнемъ съ маленькаго отступленія.

Экономическія условія жизни за небольшой сравнительно промежутокъ времени измѣнились почти до неузнаваемости. Спросите старожила любой мѣстности, во что, напр., обходилась жизнь лѣтъ какихъ-нибудь тридцать-сорокъ назадъ: велико будетъ ваше удивленіе при повѣсти о томъ, что рожь въ зернѣ продавалась не корцами или пудами, а прямо „засиками[1]), что капусту въ кочняхъ и огурцы никто иначе не продавалъ, какъ только возами, о продажѣ болѣе мелкими партіями—„копами[2]) или десятками—тогда и не слыхивали, такъ какъ не было ровно-стоющей денежной единицы (и возъ-то стоилъ всего нѣсколько копѣекъ!). Вообще, какъ любятъ говорить старики,—въ старину все было дешево, только деньги дороги (теперь же наоборотъ).

Жизнь духовенства тогда была поставлена такъ, что все необходимое для домашняго обихода и вообще для жизни не покупалось, а изготовлялось у себя на дому, или вообще получалось домашними средствами. Жизнь была проще, требованія скромнѣе. Жалованья еще не было; прихожане расплачивались за требы преимущественно „натурой“. Пасѣчникъ за бракъ или похороны дарилъ батюшкѣ одинъ-два улья, богатый скотоводъ приводилъ овцу или барана, а то и телку, кузнецъ обѣщалъ къ веснѣ починить бороны и оковать новымъ желѣзомъ возъ, плотникъ „презентовалъ“ нѣсколько грабель, люшенъ или пару колесъ, ткачъ приготовлялъ полотно и т. д. Кстати замѣтимъ, что обычаи эти не вывелись окончательно и доселѣ: во многихъ селахъ еще и теперь невѣста передъ бракомъ должна напрясть матушкѣ извѣстное количество „прядива“, женихъ—два-три дня молотить, „кумъ“ (при крещеніи)—провести день за какой-бы то

---

[1]) Засикъ—закромъ. Единицей мѣры продаваемаго хлѣба считалось то количество, которое помѣщалось въ до-верха насыпанномъ засикѣ. Само собою разумѣется, это количество опредѣлялось на глазъ. Покупщика приводили „до шпихлира“, показывали засикъ и начинался торгъ („а що дасы за засикъ“?).

[2]) Копа—60 штукъ, напр. копа жита=60 сноповъ.

Библиотека "Руниверс"

ни было работой „на току“ и т. д. Денегъ тогда почти не давали. Къ такому порядку приноровленъ былъ и домашній обиходъ въ священническихъ семьяхъ. Кухня освѣщалась лучиной, дрова брались изъ церковнаго лѣса (это даже дозволялось консисторской властью, которая предписывала—„не трогая вѣковыхъ деревьевъ, пользоваться буреломомъ и валежникомъ“); въ чистой половинѣ („въ покояхъ“) горѣли самодѣльныя сальныя свѣчи, чай тогда пили только „при гостяхъ“, вмѣсто винъ подавались домашнія настойки и наливки. Вообще садъ, поле и огородъ давали почти все необходимое въ жизни.

Эта же, такъ сказать, домашняя система примѣнялась и къ экономической сторонѣ воспитанія дѣтей. Отвозя сына „до школъ“, священникъ нагружалъ возъ всякимъ добромъ: въ основу полагался громадный мѣшокъ ржаной муки, изъ „бодни“ [1]) захватывалась не малая порція свиного сала, а затѣмъ еще прибавлялось сюда въ видѣ второстепенныхъ рессурсовъ: „торбочка“ пшена, по мѣшечку разнообразныхъ крупъ для каши и порядочная торба гречневой муки для галушекъ, небольшой „ворочекъ“ [2]) сыру и еще что нибудь, смотря по состоятельности іерея. Все это составляло „*виктъ*“. Дѣло въ томъ, что своекоштные ученики, располагаясь на частныхъ квартирахъ, платили хозяину только за помѣщеніе—и то самую малость, а за пропитаніе расплачивались готовыми припасами въ условленномъ размѣрѣ. Эта натуральная повинность и есть „*виктъ*“ (вѣроятно, отъ лат. vivo=живу). Такой порядокъ практиковался до конца 70-хъ гг.; еще и въ началѣ 80-хъ гг., нѣкоторые бѣдные причетники пробовали придерживаться старой системы разсчетовъ, болѣе удобной для нихъ, но практичныя хозяйки изгнали ее изъ употребленія, и теперь за все идетъ плата на наличныя.

Поскольку мнѣ приходилось слышать о сценахъ прощанія учениковъ съ родительскимъ домомъ, я вывелъ заключеніе, что эти сцены были полны, съ одной стороны, трогательныхъ,

---

[1]) Бодня—кадка, гдѣ хранится сало.

[2]) „Ворочекъ“—длинный, къ низу постепенно съуживающійся мѣшечекъ для творогу.

Библиотека "Руниверс"

съ другой—тяжелыхъ эпизодовъ. Это въ особенности нужно сказать о тѣхъ моментахъ, когда мальчика, отрывая отъ родной семьи, впервые отправляли въ школу. Тогда сходилось чуть не все село прощаться съ „панычемъ“. „Староста“ [1]) еще съ ранняго утра („до свита“) приходилъ въ священническую усадьбу; на его попеченіи лежало—накормить и напоить лошадей въ дорогу, справить и упаковать возъ, освидѣтельствовать исправность сбруи и т. д. Если возьмемъ во вниманіе, что, напр., изъ глуши овручскаго уѣзда ѣзды въ Кременецъ будетъ нѣсколько дней, то для насъ понятна будетъ роль старосты. Весьма часто этотъ послѣдній самъ же и отвозилъ дѣтей священника въ школу; объ этомъ, впрочемъ, болѣе подробная рѣчь впереди.

Итакъ, священническій домъ наполнялся крестьянскимъ людомъ. Приходили болѣе довѣренныя у матушки женщины—„старостыха“, „ключница“, почетныя „сестрычки“, приходила какая-нибудь „удова“, за неимѣніемъ собственнаго угла проживающая въ „сосидяхъ“ и потому часто привитаемая и въ гостепріимномъ домѣ священника, приходили всѣ крестьяне, когда-либо служившіе въ наймытахъ у священника: они на своихъ закорузлыхъ рукахъ выняньчили паныча, часто потомъ брали его съ собой „на росу“ (разумѣется, контрабаднымъ способомъ—тайкомъ отъ матушки), возили на фурѣ сѣна и на возу съ копой жита и нерѣдко угощали его подзатыльниками въ случаѣ непослушанія или баловства. Но теперь все забыто, всѣхъ объединяетъ одно чувство — жалость къ панычу, котораго не радость ждетъ въ школѣ. Однимъ словомъ, сцена эта по характеру близко напоминала тѣ сцены, которыми сопровождалась разлука рекрутовъ въ доброе старое время, при 25-лѣтнемъ срокѣ службы. Бабы то и дѣло утирали слезы, мужчины были особенно серьезны и какъ бы суровы на видъ, стараясь подъ маской наружной дѣловитости и холодности скрыть, быть можетъ, тоже подступавшія къ горлу слезы. „Учитесь, панычку“, приговаривала баба, суя тихонько въ руку

[1]) Т. е. церковный староста, наиболѣе близкое къ священническому дому лицо въ селѣ. Часто посѣщая батюшку „по должности“, староста дѣлался въ домѣ его своимъ человѣкомъ.

Библиотека "Руниверс"

какой-нибудь деревенскій подарокъ, „выйдете въ люды, будете розумни, нехай вамъ Богъ допомогае!“

Пусть не думаетъ читатель, что я рисую идиллію, что такой близости между крестьянской средой и семьей священника никогда и не существовало. Поразспросите стариковъ—и вы удивитесь, до какой степени были близки и задушевны эти отношенія въ старину, и не мало пожалѣете, почему теперь стало иначе...

А что же панычъ, печальный герой дня?

Можно, думается, и не спрашивать о его чувствахъ. Одинъ престарѣлый пастырь говаривалъ мнѣ, что онъ всегда въ такихъ случаяхъ испытывалъ полное внутреннее уныніе, глубокую и страшную тоску души. Не особенно давно, лѣтъ 10 тому назадъ, мнѣ случайно пришлось присутствовать при сценѣ прощанія мальчика съ семьей. Мальчика впервые отвозили въ училище, и тяжела была ему разлука съ семьей, а семья, надобно сказать, была замѣчательно дружная, объединялась любовью и рѣдкимъ, завиднымъ согласіемъ. По старымъ традиціямъ, сначала пошли въ церковь и отслужили молебенъ. Сердобольная матушка, все время утиравшая тихія слезы, увязала нѣсколько узловъ съ домашними лакомствами. Старый и почтенный батюшка, довольно образованный и умный, хотя и понималъ, что теперешняя школа далеко уже не та, что была прежде, но все-таки болѣе обыкновеннаго былъ задумчивъ и какъ-то сдержанъ. Но особенно надрывалась младшая сестренка уѣзжавшаго, подруга дѣтства. Сборы кончены, мальчикъ уѣхалъ съ матушкой, мы остались одни. Сестренка продолжала глухо всхлипывать, отецъ мягко и любовно гладилъ ее по волосамъ. „Не плачь, доню; всимъ треба учытысь; а якже, колысь и ты поидешь до шкилъ, и мы колысь учылысь“—съ глубокимъ вздохомъ прибавилъ батюшка, смахивая непрошенную слезу.

Видно было, что не особенно радостныя воспоминанія вызвала у батюшки даже мимолетно-промелькнувшая передъ нимъ картина его школьныхъ годовъ!

Библиотека "Руниверс"

II

Нисколько не слѣдуетъ удивляться тому, что въ прежнее время проводы въ школу составляли уже горе для семьи, раздѣляемое чуть не всѣмъ селомъ. Вспомнимъ, какой каторгой была для ученика жизнь въ школѣ въ эпоху старой бурсы. Возьмемъ только одну сторону дѣла, наиболѣе, такъ сказать, обиходную и повседневную: какъ кормили тогда учениковъ. Не дай Богъ! Меню было самое однообразное: борщъ и каша (кажется, оно оказалось наиболѣе устойчивымъ явленіемъ въ семинаріи, такъ какъ, по разсказамъ, удержалось даже до конца 80-хъ г.г.). Мясо для семинарскаго стола привозилось то, котораго за негодностью никто изъ обывателей не хотѣлъ брать для себя. Въ составѣ веществъ, изъ которыхъ приготовлялась каша, равноправную роль имѣли два основныхъ элемента: крупа и мышиный пометъ. По разсказамъ, этотъ послѣдній съ теченіемъ лѣтъ попадался въ прогрессивно-уменьшающейся дозѣ, и теперь, надо полагать, примѣненіе его въ качествѣ пищеваго продукта для семинаристовъ упало до minimum'а. „Хлѣбъ насущный“ отпускался въ строго-ограниченномъ количествѣ, и во время обѣда ученикъ старался ѣсть съ разсчетомъ—такъ, чтобы съэкономить изъ положеннаго предъ нимъ „пайка“ (ломоть хлѣба) сколько возможно, надѣясь—если не утолить, то хоть немного заглушить голодъ вечеркомъ, когда отъ обѣда осталось только воспоминаніе (не особенно, впрочемъ, прекрасное), а до ужина оставалось ждать долго—томительно долго!

Порядокъ и внѣшняя обстановка обѣда были таковы. Приборъ состоялъ изъ тарелки и ложки; вилка появляется во времена сравнительно недавнія. Ножъ полагался одинъ на четырехъ человѣкъ. Суповая чашка ставилась одна для четырехъ, и ученики хлебали горячее прямо изъ чашки, не наливая въ тарелки, потому что большинству подавались мелкія. Затѣмъ, раньше другихъ покончившій съ первымъ блюдомъ бралъ изъ чашки микроскопическую порцію мяса, разрѣзалъ его въ своей тарелкѣ на маленькіе кусочки и, посыпавъ солью, ставилъ посерединѣ; компанія принималась за мясо, котораго приходилось

Библиотека "Руниверс"

кусочка по 3—4 на ротъ. Наконецъ, выдвигалась на середину чашка съ совершенно застывшей кашей, скупо политой саломъ, и всѣ дружно размѣшивали ее ложками. Каша считалась какъ бы тонкимъ, особенно лакомымъ блюдомъ, и подавали ее въ размѣрахъ до смѣшнаго малыхъ—„якъ для слабóго“, какъ острили бурсаки. Такимъ образомъ, ученику поневолѣ приходилось налегать на борщъ, котораго подавали, сколько угодно („килько влизе“); отработавши чашку, ученики всегда требовали „прычынки“ (przyczynek—добавленіе); служитель отправлялся съ опустѣвшей чашкой въ буфетъ, наливалъ деревяннымъ ковшемъ изъ громадной деревянной кадки, въ которой приносили борщъ изъ кухни, и возвращался въ столовую. Кстати о буфетѣ: это громкое названіе носила небольшая канурка, помѣщавшаяся въ сосѣдствѣ со столовой. Тамъ всегда стоялъ такой вонючій, удушливый воздухъ, что хоть носъ затыкай.

Описанный порядокъ сохранялся до конца 80-хъ г.г.

Какъ были приготовлены эти „блюда“—предоставляемъ догадываться читателю. Бывшіе питомцы семинаріи безъ ужаса не могутъ припомнить нѣкоторыхъ подробностей изъ этой области, доминировавшей въ ряду невзгодъ, которыми были окружены ихъ отроческіе годы. Такъ, въ кашѣ очень часто попадались уголья; предпринятыми въ одно время розысками было выяснено, что эта посторонняя примѣсь появилась вслѣдствіе привычки кашевара однимъ и тѣмъ же „ожугомъ“ (длинный шестъ) мѣшать и кашу въ котелкѣ, и огонь въ печкѣ. Было очень много и другихъ курьезовъ, о которыхъ „не лѣть есть и глаголати“.

Малое количество пищи послужило причиной къ развитію въ ученической средѣ спеціальнаго искусства—въ возможно короткое время съѣдать возможно больше. Очень часто при характеристикѣ кого-либо изъ бывшихъ питомцевъ семинаріи, въ числѣ прочихъ свойствъ его, вамъ мимоходомъ укажутъ, что онъ съ необыкновеннымъ умѣньемъ „хапавъ галушки“ и „ловывъ шкварки“, т. е. доводилъ свои манипуляціи при процессѣ насыщенія до изумительной быстроты и ловкости. Конечно, развитіе мало благородной конкуренціи въ этой области составляетъ черту весьма неприглядную, но едва ли кто рѣшится бросить

Библиотека "Руниверс"

камень осужденія въ самихъ же семинаристовъ: не ихъ вина, что кормили впроголодь, а вѣдь голодъ—не тетка!

Нечего и говорить, что при такомъ столѣ у бурсаковъ бывала на строгомъ счету всякая мало-мальски съѣдобная вещь. Не трудно также представить, какой праздникъ составляла присылка изъ дому хоть нѣкотораго количества припасовъ. Наѣсться до-сыта—это была такая рѣдкость, что составляла въ теченіе трети года, такъ сказать, эру.

Не многимъ лучше было положеніе этого дѣла и на квартирахъ. Правда, тамъ, гдѣ пища приготовлялась на 15—20 человѣкъ (а не на 300—400), была хоть маленькая гарантія за то, что будетъ сытнѣе и чище; но этими качествами квартирный столъ могъ похвастать только въ сравненіи съ столомъ бурсацкимъ—и именно только съ нимъ однимъ. Однако, простая и годная лишь на неприхотливый вкусъ квартирная пища составляла для своекоштнаго ученика предметъ нѣкоторой гордости, а для бурсака—предметъ скрытой зависти. Любопытно, что на этой почвѣ часто возникала ожесточенная полемика на тему, кому хуже живется, и ни одна сторона не хотѣла сдаться. Квартирные при всякомъ удобномъ случаѣ издѣвались надъ бурсакомъ и высокомѣрно указывали, что онъ, подобно евангельскому блудному сыну, принужденъ питаться „отъ рожецъ, яже ядяху свинія". Это задѣвало бурсаковъ за-живое; они отвѣчали аллегоріей о бревнѣ и сучкѣ, а для большей убѣдительности составили шутливую пѣсеньку, начинавшуюся словами:

Квартерники з мервами (?)[1]
Зъили суку въ червами...

Долгъ безпристрастія требуетъ сказать, что перевѣсъ въ этомъ вопросѣ если не качественный, то хоть количественный, былъ все-таки на сторонѣ квартирныхъ. Послѣдніе иногда приносили съ собою въ классъ по краюхѣ хлѣба на завтракъ—

[1]) Затрудняемся сказать, какой смыслъ можетъ имѣть это слово въ данномъ стихѣ. „Мерва" значитъ навозъ. По всей вѣроятности, беззаботная молодость не столько хлопотала о точномъ смыслѣ стиха, сколько объ остротѣ и язвительности укола, адресованнаго самолюбію „квартерникивъ", и потому для рифмы ввела это неблаговонное слово помимо заботъ о грамматическомъ и логическомъ смыслѣ.

Библиотека "Руниверс"

роскошь, о которой бурсакъ не смѣлъ и помышлять. Кромѣ того, нужно замѣтить, что среди квартирныхъ попадались дѣти сравнительно достаточныхъ родителей. Эти были почти всегда сыты, нерѣдко изъ доброты сердца доставляли пропитаніе пріятелямъ изъ бурсаковъ, а также, въ случаѣ незнанія урока, дарили съѣдобную взятку своему авдитору, который не безъ страха за собственную спину ставилъ въ нотатѣ „scit“ противъ фамиліи богача-кліента.

Даже въ послѣдующія времена, когда обще-семинарская нищета начала утрачивать острый характеръ, сохранились нѣкоторые квартирные порядки, тѣсная связь которыхъ съ отдаленной стариной несомнѣнна. Такъ, въ Кременцѣ одна изъ квартиръ долгое время носила остроумное и, какъ увидимъ, вполнѣ подходящее названіе „Спарты“. Тамъ царили очень суровые порядки, такъ что дѣйствительно бытъ ея насельниковъ приближался къ извѣстному гражданскому строю этой древней республики. Зимой, напр., тамъ не топили. Юношество, населявшее „Спарту“, почему-то вмѣняло себѣ въ обязанность круглый годъ не носить теплой одежды: и всѣ были свидѣтелями, что спартанцы въ самые жестокіе морозы щеголяли только въ сюртукахъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обитатели Спарты превзошли въ стоицизмѣ гражданъ древней республики и взяли въ руководство для жизненнаго обихода чуть ли не самый строгій монастырскій уставъ, именно: вмѣсто знаменитой спартанской похлебки, они ограничивали все пропитаніе сухоястіемъ. Каждый обитатель привозилъ съ собой изъ дому мѣшокъ хлѣба или сухарей и изрядную „торбыну“ сала. Что касается горячей пищи, то ее употребляли въ видѣ исключенія, въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Съ паденіемъ натуральной системы содержанія учениковъ, стала распространяться особая форма квартирной жизни, которую меткій школьный языкъ окрестилъ выраженіемъ—„жизнь на разсчетахъ“. Это обозначаетъ вотъ-что. Двое-трое семинаристовъ снимали „чердакъ“—миньятюрную комнату, расположенную въ пространствѣ надъ потолкомъ и подъ крышей. За этотъ уголокъ съ самоваромъ платить нужно по полтора-два

Библиотека "Руниверс"

рубля съ человѣка. Затѣмъ компанія нанимала обѣдъ рублей въ шесть—это называлось „полъ-порціи", т. е. на половину меньше, чѣмъ полагается для нормальнаго питанія человѣка. Ужинъ и завтракъ при жизни на разсчетахъ изгоняются изъ обихода вовсе, какъ ненужная роскошь. При такой системѣ ученикъ ухитрялся прожить въ мѣсяцъ рублей на 9—10. „Жизнь на разсчетахъ" возникла въ прямой зависимости отъ развитія высокихъ цѣнъ за содержаніе на квартирахъ. За полный пансіонъ квартирныя хозяйки установили цѣну 13—15 рублей въ мѣсяцъ. Если священнику (ужъ о причетникахъ и не говоримъ) приходилось воспитывать двухъ сыновей разомъ, то роковой вопросъ о средствахъ могъ быть разрѣшенъ только путемъ того своеобразнаго компромисса между требованіями человѣческой натуры и тощимъ карманомъ, какой изобрѣли сами семинаристы въ формѣ жизни на разсчетахъ. Регулярный расходъ по 30 рублей въ мѣсяцъ (кромѣ одежи) могъ выносить карманъ не особенно большого количества священниковъ, занимающихъ хорошіе приходы. Дѣтямъ большинства духовенства ничего другого и не оставалось, какъ урѣзать свои потребности касательно пищи, воздуха и нѣкоторыхъ другихъ жизненныхъ удобствъ. Случается, впрочемъ, что и дѣти достаточныхъ родителей предпочитаютъ форму жизни на разсчетахъ, соблазняясь большей свободой и самостоятельностью; но въ этихъ случаяхъ жизнь на разсчетахъ, конечно, только звукъ пустой: она влетаетъ папенькѣ въ гораздо большую сумму, чѣмъ обошлась бы при обыкновенномъ порядкѣ.

III

Итакъ, сурова и неприглядна была внѣшняя обстановка, среди которой текли лучшіе годы духовнаго воспитанника въ былое время; и кто, какъ не онъ, могъ съ наибольшимъ правомъ сказать о себѣ, что въ удѣлъ ему досталась тяжелая школа. Общій фонъ картины останется неизмѣннымъ, нисколько не прояснится, если мы обратимъ вниманіе на постановку того существеннаго дѣла, въ исполненіи котораго лежало главное

Библиотека "Руниверс"

и прямое назначеніе семинаріи, какъ учебно-воспитательнаго заведенія. И здѣсь все носило такой же мрачный, удручающій характеръ. Если пища для желудка была, какъ мы видѣли, скудна и грязна, то пища для ума была неудобоварима и малопитательна; она почти не давала питательныхъ соковъ духовному организму воспитанника, не претворялась въ плоть и кровь его, а ложилась въ умѣ его толстыми комьями, къ тому же она была прямо противна ученику, такъ какъ въ старыя времена, по какому-то печальному недоразумѣнію ее находили нужнымъ приправлять острымъ перцемъ въ видѣ лозы. Нравственная атмосфера, въ которой вращался ученикъ, была затхлая, удушливая. Мораль, лежавшая въ основѣ воспитанія, была такой низкопробной цѣнности, что на самодовлѣющую убѣдительность ея никто и не надѣялся, а потому старались сообщить ей внѣшнюю доказательность извѣстнымъ числомъ ударовъ—въ размѣрѣ, опредѣляемомъ самодуромъ-начальникомъ. Словомъ, и въ сферѣ образованія, и въ сферѣ воспитанія высшимъ и объединяющимъ началомъ была порка.

Касаясь этой особенности прежней школы, старики-священники не любятъ останавливаться на подробностяхъ; обычная словоохотливость въ данномъ случаѣ переходитъ въ отрывистую рѣчь; очень часто весь разсказъ состоитъ изъ одной внушительной фразы, въ которой выливается вся горечь былой школьной жестокости: „а щожъ, былы колысь, крипко былы... О, былы, та ще й якъ былы!...“ Въ этомъ лаконизмѣ рѣчи всего лучше обрисовывается тотъ школьный терроръ, который господствовалъ въ старину. Слѣдуя благому примѣру разсказчиковъ, не станемъ бередить эту рану и ограничимся общими замѣчаніями.

Система тѣлесныхъ наказаній имѣла градаціи, и высшую ступень ея составляли розги. Единичныя формы были по большей части шаблонными; впрочемъ, находились виртуозы, которые изощрялись въ изобрѣтеніи чего-нибудь новенькаго, что особенно было бы досадительно наказуемому. Такъ, одинъ изъ педагоговъ практиковалъ такую форму своего изобрѣтенія: билъ ученика по лбу суставами пальцевъ, а чтобы удары не причиняли боли самому, онъ покрывалъ ихъ толстымъ слоемъ воску, который

Библиотека "Руниверс"

затвердѣвалъ и придавалъ удару остроту и силу. Выходило какъ нельзя лучше!

Учебное дѣло было поставлено на началахъ примитивныхъ и несложныхъ. Громадное количество времени непроизводительно тратилось на переписку лекцій (учебниковъ тогда почти не было). При требованіи „отъ сихъ до сихъ поръ“ ученику мало приходилось вникать въ смыслъ изучаемаго, и весь трудъ сводился къ тому, чтобы механически запомнить связь словъ и отдѣльныхъ реченій. Многіе преподаватели тогдашняго времени такъ и спрашивали: Имярекъ, отвѣчай съ „изъ соблюденныхъ въ церкви“. Вслѣдствіе этого ученикамъ приходилось упражняться въ искусствѣ—по первымъ словамъ фразы угадывать, о чемъ идетъ рѣчь и какъ продолжать. Подзубривши въ такомъ направленіи урокъ, ученикъ приходилъ къ товарищу и просилъ: „зарвы мене“. Это значило—предложить нѣсколько вопросовъ въ формѣ двухъ-трехъ первыхъ словъ любой фразы и по тетради наблюдать буквальную точность передачи. Если ученикъ могъ безъ затрудненія „паляты дальше“ (т. е. выпаливать дальнѣйшія фразы), то онъ вполнѣ успокаивался въ томъ сознаніи, что урокъ выученъ хорошо.

Особенностью старой духовной школы было полное отсутствіе воспитанія. Если, благодаря немногимъ выдающимся личностямъ изъ среды преподавателей, въ голову ученика иногда заронялись сѣмена истины, то сердце, чувство оставалось стихіей (какъ говорится въ одномъ семинарскомъ учебникѣ по психологіи) совершенно неупорядоченной, было почвой окончательно заброшенной, для воздѣлыванія которой никто не прилагалъ никакихъ усилій и заботъ. И удивительно ли, что на этой почвѣ могли произрастать только тернія и волчцы! Откуда могла, въ самомъ дѣлѣ, явиться у бурсака облагороженность вкусовъ и привычекъ, когда вся система начальственныхъ отношеній тогдашняго времени была построена на принципѣ, что „ты еси червь, а не человѣкъ?“. Смиреніе и безгласность считались высшимъ украшеніемъ человѣка, и къ узаконенію этихъ похвальныхъ качествъ направлены были всѣ усилія начальствующихъ. На рубежѣ дореформенной эпохи во главѣ волынской семинаріи стоялъ ректоръ-архимандритъ, у котораго обычной

Библиотека "Руниверс"

формой обращенія къ ученику было: „и—и, ты, скотина!“ Слова эти произносились, надобно прибавить, крайне брезгливымъ и презрительнымъ тономъ.

И вотъ, подъ неотразимымъ вліяніемъ этой долгой системы создался такъ знакомый типъ дореформеннаго бурсака, который глядитъ на своего начальника исподлобья, держитъ предъ его лицомъ всѣ свои душевные порывы подъ крѣпкимъ замкомъ недовѣрія и молчанія, считаетъ высшимъ своимъ наслажденіемъ устроить ему какую ни есть пакость, и чѣмъ оскорбительнѣе она, чѣмъ больнѣе задѣваетъ самолюбіе начальника, тѣмъ довольнѣе ученикъ, тѣмъ большее сердечное удовольствіе испытываетъ онъ. Однимъ словомъ, начальствующіе и подчиненные составляли двѣ непримиримо-враждебныя и вѣчно воюющія между собою стороны, и отсюда создавалась печальная путаница понятій и общихъ нравственныхъ правилъ: честность была условная, обманъ признавался добродѣтелью, ловкое надувательство вмѣнялось прямо въ заслугу, а начальство съ своей стороны поощряло наушничество, при розыскѣ „преступниковъ“ практиковало пытку въ малыхъ, конечно, размѣрахъ и т. д. И, кажется, еще нескоро исчезнутъ слѣды того нравственнаго зла, которое нанесено духовной школѣ старой постановкой воспитательныхъ началъ.

При тщательномъ устраненіи всѣхъ элементовъ, которые даютъ доброе направленіе лучшимъ сторонамъ человѣческой природы, семинаристы, естественно, грубѣли, низшіе инстинкты получали широкій просторъ. Грубы были внѣклассныя забавы учениковъ, а потѣхи носили иногда безчеловѣчный характеръ. Даже человѣку съ крѣпкими нервами не безъ содроганія можно выслушать разсказы о нѣкоторыхъ фактахъ въ этомъ родѣ изъ прошлой семинарской жизни. Для примѣра разскажемъ такой случай.

Въ прежнее время семинарская больница помѣщалась во флигелѣ, который нѣкогда былъ оранжереей ботаническаго сада; флигель этотъ (недавно, кажется, разобранный), стоялъ въ отдаленной, глухой части сада, вдали отъ главныхъ корпусовъ. Однажды, весенней порою, померъ одинъ ученикъ. По доброму семинарскому обычаю товарищи покойника установили между собою

Библиотека "Руниверс"

очередь, чтобы безпрерывно читать псалтырь. Случилось, что ночью выпала очередь читать ученику, котораго товарищи заподозривали въ боязни покойниковъ (чертѣ, по семинарскому кодексу морали, очень позорной). Погруженный въ отправленіе своей обязанности, читавшій и не замѣтилъ, какъ товарищи повышли, и онъ остался одинъ-на-одинъ съ покойникомъ. Конечно, нервы стали напряженно-чуткими, и чтецъ время отъ времени, отрывая глаза отъ книги, взглядывалъ на лицо покойника. И вотъ чудится ему въ тиши ночной, что покойникъ сдѣлалъ какъ бы небольшое движеніе пальцемъ. Чтеніе было пріостановлено и помертвѣвшій отъ ужаса чтецъ впился глазами въ трупъ. Да, это несомнѣнно такъ, ибо покойникъ снова уже явственно шевельнулъ пальцемъ, и даже рука его какъ-бы дрогнула. Читавшій вскрикнулъ не своимъ голосомъ и замертво повалился на полъ. Оказалось же ни больше—ни меньше, какъ только то, что товарищи вздумали сыграть забавную шутку: зная нервность ночного очереднаго, они привязали къ пальцу покойника длинную крѣпкую нитку, протянули ее черезъ открытое окно (дѣло, какъ мы упомянули было весной), и ночью, вышедши одинъ за другимъ въ садъ, начали подергивать за нитку, не безъ удовольствія ожидая, какой эффектъ произведетъ эта потѣха. И эффектъ получился полный! [1]).

Вообще суровость тогдашнихъ порядковъ ожесточала учениковъ; видя жестокость со всѣхъ сторонъ, ученикъ невольно и самъ дѣлался жестокимъ, изливая невымещенное чувство обиды на своемъ же младшемъ и болѣе слабомъ собратѣ. Богословъ V-VI кл., воспринимая въ урочное время не совсѣмъ пріятныя

---

[1]) Впослѣдствіи больница переведена была въ другой флигель—направо при входѣ въ семинарскій садъ. Этотъ флигель расположенъ какъ разъ противъ средняго корпуса, гдѣ были спальни первыхъ трехъ классовъ. При этомъ покойницкая помѣщалась въ комнатѣ, окна которой приходились vis-a-vis съ окнами спальни. Когда въ семинаріи умиралъ ученикъ, и его помѣщали въ покойницкой, то на стѣнѣ спальни противъ окна, расположеннаго вровень съ окномъ покойницкой, ночью ярко и отчетливо вырисовывалась мрачная картина катафалка и острый профиль покойника (въ спальнѣ, надобно замѣтить, огонь всегда былъ затушенъ). Конечно, тому ученику, кровать котораго стояла у стѣны съ отблескомъ столь зловѣщей картины, спалось не особенно крѣпко, да и всѣмъ его сосѣдямъ тоже.

Библиотека "Руниверс"

послѣдствія отъ вспышекъ начальственнаго гнѣва, въ другіе часы не давалъ спуску первому попадавшемуся подъ сердитую руку ритору. А послѣдній безропотно сносилъ обиду въ глубокой увѣренности, что это такъ ужъ самимъ Богомъ установлено, и надѣясь по достиженіи званія богослова наверстать свое.

Однако, было бы большой несправедливостью думать, что сердце питомцевъ старой бурсы окончательно превращалось въ камень, что грубые инстинкты безъ остатка заглушали въ душѣ все доброе и хорошее. Школьные годы для бурсака были временемъ только нравственной летаргіи, но никакъ не полной смерти. Гдѣ-то глубоко-глубоко, въ самыхъ недосягаемыхъ тайникахъ своей души бурсакъ хранилъ слабо тлѣвшую искру добра. Она только заглушалась отчасти подъ ледянымъ вліяніемъ суроваго начальства, отчасти—подъ вліяніемъ общей атмосферы семинарской, которая не отдавала никакого простора проявленію добрыхъ чувствъ. По старо-семинарскимъ понятіямъ, сердечность, всякая теплота души, жалостливость—всѣ эти и подобныя качества недостойны мущины. Поэтому мальчуганъ, привязанный къ семьѣ и сильно горевавшій въ разлукѣ съ нею—особенно въ первые дни послѣ пріѣзда изъ родного дома, глубоко пряталъ свои слезы, стыдясь даже самого себя, и не прочь былъ подтрунить надъ другимъ, подобно ему чувствительнымъ ученикомъ, если у того горе прорывалось наружу.

Но оканчивались годы школьной жизни, семинаристъ выходилъ на свободу, заканчивалась зависимость его отъ суроваго и бездушнаго начальства, отъ сухой и холодной атмосферы семинарской жизни—и въ немъ быстро просыпался человѣкъ, выступали наружу добрыя сѣмена, зароненныя любящимъ словомъ матери и напитанныя теплымъ вліяніемъ семейной обстановки. Затѣмъ семинаристъ получалъ приходъ, самъ становился супругомъ и отцомъ, и бурсакъ исчезалъ. Человѣкъ какъ бы перерождался. Безошибочно можно утверждать, что тогдашняя школа задерживала нравственный ростъ человѣка, но по выходѣ изъ нея въ большинствѣ случаевъ добрыя наклонности получали полное преобладаніе—и въ результатѣ мы имѣемъ лучшій типъ волынскаго пастыря 60-хъ г.г., дѣятельность котораго всегда была

Библиотека "Руниверс"

освящена извѣстной идеей. Теперь такіе пастыри встрѣчаются все рѣже и рѣже: ихъ замѣняетъ неизвѣстно подъ какими вліяніями создавшійся типъ въ самоновѣйшемъ вкусѣ, на который невозможно глядѣть безъ печали и воздыханія. Не рѣдкость теперь встрѣтить безусаго мальчика, еле соскочившаго со скамейки, свысока и пренебрежительно, а то и злобно трактующаго о своемъ прихожанинѣ—„мужикѣ, пьяницѣ и негодяѣ“, ограничивающаго свои отношенія къ нему единственно экономической сферой и заботящагося только объ „извлеченіи доходовъ“...

Но мы отвлеклись нѣсколько въ сторону.

Какъ ни суровы были начальники и даже преподаватели въ былое время, однако и среди нихъ попадались въ видѣ, правда, очень рѣдкаго исключенія люди, имя которыхъ не только не было грозой для ученика, а наоборотъ—являлось синонимомъ забавы, потѣхи или, если хотите, каррикатуры. Таковы были личности мягкія по характеру, но недалекія по уму. Снисходительность въ отношеніяхъ къ питомцамъ могла пройти безнаказанною для преподавателя въ томъ лишь случаѣ, если эта невиданная черта уравновѣшивалась столь цѣннымъ въ глазахъ учениковъ авторитетомъ ума и знанія. Если же преподаватель не успѣвалъ пріобрѣсти уваженія „класса“ и въ то же время давалъ рядъ поблажекъ разнузданной школьной толпѣ, то онъ становился мученикомъ своей профессіи, игралъ незавидную роль Макара, на котораго всѣ шишки валятся. Злопамятная бурса (не къ чести ея нужно сказать) вымещала на такомъ преподавателѣ всю злобу, всю ненависть, которая таилась по отношенію къ своимъ угнетателямъ. Разсказываютъ объ одномъ такомъ преподавателѣ математическихъ наукъ, что ученики, не стѣсняясь, награждали его щелчками въ темя, сыпали песокъ за воротъ, рисовали мѣломъ на спинѣ и вообще продѣлывали всякія пакости (а порядокъ—надобно сказать—у этого учителя бывалъ такой, что всѣмъ дозволялось не сидѣть во время урока за партами, а для болѣе внимательнаго наблюденія окружать классную доску). Шумъ и гамъ въ классѣ стоялъ невообразимый. Если случалось, что урокъ посѣтитъ ректоръ или другое начальство и въ классѣ водворится тишина, учитель (кстати ска-

Библиотека "Руниверс"

зать—недурной математикъ) путался въ объясненіи урока и только безпомощно поводилъ вокругъ глазами: да что же, молъ, не слышно тѣхъ криковъ, подъ шумокъ которыхъ рѣчь у него текла такъ плавно?—Кстати можно припомнить, что и въ болѣе близкое къ намъ время былъ учитель духовнаго сана, котораго ученики гладили по брюху и въ видѣ особаго комплимента выражали восхищеніе при видѣ увѣсистыхъ размѣровъ его монашеской утробы. При входѣ въ классъ его встрѣчали дружнымъ пѣніемъ стихиры „отъ востокъ солнца на западъ", затѣмъ одинъ изъ учениковъ самъ вызывался „поразить" его своими свѣдѣніями въ области классической филологіи, но скоро эта скучная матерія оставлялась, и на сцену выступали наиболѣе пикантные разсказы изъ миѳологіи, при которыхъ весь классъ дружно покатывался со смѣху. Не смѣяться при этомъ вмѣнялось въ великое преступленіе (учитель былъ самолюбивъ), и неисправный могъ поплатиться единицей и даже впасть въ вѣчную немилость, что, конечно, было совсѣмъ невыгодно.

IV

Коснувшись преподавательской среды, мы не можемъ пройти молчаніемъ одной величавой, нѣсколько загадочной фигуры преподавателя, имя котораго въ глазахъ учениковъ было окружено ореоломъ самаго высокаго почтенія, почти благоговѣнія. Изъ ряда воспитавшагося въ семинаріи при этомъ учителѣ поколѣнія, по всей вѣроятности, не найдется человѣка, который бы не преклонился предъ этой замѣчательной личностью, стоявшей цѣлой головой выше окружавшей среды. Мы говоримъ объ Андреѣ Ѳедоровичѣ Артемоновичѣ. Некрологъ г. Теодоровича, помѣщенный въ мѣстныхъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ, не даетъ надлежащаго представленія объ этомъ оригинальномъ учителѣ, обаятельная личность котораго яркимъ свѣтомъ выдѣлялась на тускломъ фонѣ не только семинарской жизни, но всего вообще сѣренькаго быта глухой провинціи. Особенно курьезны слова г. Теодоровича, которыми онъ пытается объяснить не совсѣмъ шаблонный складъ характера и жизни покойнаго Артемоновича:

Библиотека "Руниверс"

испытавъ крупную непріятность на послѣднемъ курсѣ академіи, Андрей Ѳедоровичъ сталъ яко бы не въ мѣру хандрить—и этой молъ хандрой объясняется его чудаковатось. Всякій, кто хоть немного зналъ Артемоновича, согласится, что не таковъ этобылъ человѣкъ, чтобы придавать хоть малое значеніе какой-нибудь личной непріятности, а тѣмъ болѣе—сокрушаться о ней втеченіе всей жизни.

Первое, что поражало въ Артемоновичѣ, это была необыкновенная мощь и гибкость ума. Всякому вопросу, всякой философской или научной проблеммѣ Артемоновичъ придавалъ такую оригинальную постановку, что даже заснувшій сномъ безпробудной лѣни бурсакъ „камчатки“ невольно навастривалъ уши и съ полусознательнымъ восторгомъ всматривался въ глубокую перспективу мысли, которую открывалъ предъ нимъ могучій умъ Артемоновича. Можно безошибочно утверждать, что не совсѣмъ заурядные уроки Артемоновича приносили больше пользы въ смыслѣ развитія ума, расширенія умственнаго кругозора, чѣмъ весь семинарскій курсъ.

А уроки этого учителя были дѣйствительно оригинальны. Преподавая въ послѣднее время греческій языкъ (раньше онъ занималъ каѳедру философскихъ предметовъ, что больше соотвѣтствовало его вкусамъ), Артемоновичъ по поводу любой фразы классика—а особенно такой, которая затрагиваетъ общіе вопросы онтологіи или космологіи (чего—кстати замѣтить—у греческихъ классиковъ не занимать стать)—вызывалъ отвѣчавшаго на самостоятельныя разсужденія, которыя незамѣтно переходили въ своего рода диспутъ (поскольку это можно сказать о неравномѣрныхъ силахъ споривщихъ). Надобно сказать при этомъ, что семинаристы до страсти любятъ словопреніе и всякія головоломки. Цѣпляясь слово-за-слово, Артемоновичъ скоро выводилъ отвѣчавшаго на широкую дорогу философскихъ представленій о какомъ-нибудь коренномъ вопросѣ бытія, который свободно трактовался до конца урока. По большой части было такъ, что преподаватель являлся нападающей стороной, ученикъ—защищающейся. При этомъ ученикъ, конечно, трактовалъ вопросъ съ точки зрѣнія традиціонныхъ представленій, Артемоновичъ вно-

Библиотека "Руниверс"

силъ струю свѣжей, яркой, свободной мысли. Весь классъ, затаивъ дыханіе, внималъ этой словесной борьбѣ, открывавшей необъятные горизонты мысли. Нужно еще сказать, что рѣчь Артемоновича, вообще мѣткая и острая, носила нѣсколько насмѣшливый характеръ (строго-безобидный, впрочемъ, въ отношеніи къ личности отвѣчавшаго), и эта легкая, едва уловимая тѣнь сарказма надъ шаблоннымъ теченіемъ человѣческой мысли заставляла ученика сильнѣе напрягать свой умъ, задѣвала въ немъ струну благороднаго самолюбія (не совсѣмъ же, молъ, дуракъ я, въ самомъ дѣлѣ!), побуждала тонко вглядываться въ детали вопроса. А Андрей Ѳедоровичъ съ своей неизмѣнной полу-улыбкой спокойно выслушивалъ младенческо-философскій лепетъ четвертоклассника и часто однимъ мѣткимъ скептическимъ словомъ разрушалъ слабое, какъ карточный домикъ, логическое хитросплетеніе своего юнаго оппонента. И бой возгорался снова... Можно себѣ представить, какъ радовалось сердце преподавателя всякому удачному обороту рѣчи своего совопросника, какъ восторгался онъ при всякой мысли, носившей, хоть тѣнь оригинальности. А наружу и вида не покажетъ. Очень часто отвѣчавшій ученикъ не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ, думалъ надъ затронутыми вопросами остатокъ дня, свободный отъ уроковъ, взвѣшивалъ доводы за и противъ и на другой урокъ уже первый бросалъ Андрею Ѳедоровичу перчатку словеснаго поединка, который велся съ новымъ оживленіемъ, что давало возможность учителю съ большими подробностями, съ большей широтой раскрыть извѣстную идею.

Таковъ былъ Андрей Ѳедоровичъ на каѳедрѣ.

Въ частной жизни это былъ оригиналъ, но никакъ не чудакъ. Не считая себя, впрочемъ, вправѣ касаться личной жизни человѣка, хотя бы онъ и близко стоялъ къ школѣ, о которой у насъ идетъ рѣчь, замѣтимъ только, что въ оригинальномъ складѣ частной жизни Андрея Ѳедоровича не было какихъ-нибудь пикантныхъ подробностей, которыхъ читатель привыкъ ожидать при описаніи жизни оригиналовъ. Скромный и воздержный, Андрей Ѳедоровичъ посвящалъ все свободное время изученію восточныхъ языковъ, которые онъ любилъ до страсти и которые зналъ въ такомъ

Библиотека "Руниверс"

количествѣ и съ такою основательностью, что, по справедливому замѣчанію писавшаго некрологъ, г. Теодоровича, могъ служить украшеніемъ спеціальнаго высшаго учебнаго заведенія. Наиболѣе оригинальною (по обычнымъ понятіямъ) чертою домашней жизни его было полное пренебреженіе къ денежнымъ разсчетамъ: къ этой сторонѣ, не по примѣру прочихъ, Артемоновичъ относился съ такою беззаботностью, что, проживъ до старости холостякомъ въ самой скромной обстановкѣ, умеръ чуть не въ бѣдности: прахъ его облекли въ казенное семинарское бѣлье, похоронили по подпискѣ. За то не мало кременецкихъ бѣдняковъ со слезами провожали этого безсребренника къ мѣсту его вѣчнаго упокоенія.

Что таилось въ глубинѣ души этой недюжинной личности, противъ воли втиснутой въ узкія рамки, гдѣ такъ мало было простора широкому полету ея ума? На этотъ вопросъ едва-ли кто и можетъ дать отвѣтъ. Друзей у Андрея Федоровича не было, едва-ли онъ и могъ найти себѣ друга въ окружавшей его средѣ. Хотя среди товарищей по службѣ встрѣчались люди умные и съ широкимъ образованіемъ, но не было человѣка, для котораго постоянный процессъ мысли, постоянное углубленіе въ область отвлеченныхъ вопросовъ, совсѣмъ далекихъ отъ Кременца и семинаріи, составляли бы настолько насущную потребность, что безъ удовлетворенія ея и жизнь потеряла бы смыслъ. На другой почвѣ дружба у Андрея Ѳедоровича не могла возрасти, потому что онъ отнюдь не принадлежалъ къ разряду слабодушныхъ людей, чувствующихъ потребность поплакаться на невзгоды и получить утѣшеніе въ сердобольномъ сочувствіи (пускай и притворномъ) того же „слабняка“, вообще—изнемогающихъ среди мелочей повседневной жизни и ищущихъ поддержки друга. Для него не было надобности этого дѣлать, потому что онъ стоялъ выше этихъ мелочей, даже больше—онъ былъ совсѣмъ непричастенъ имъ. А если имъ и овладѣвала скорбь—тяжелая скорбь мысли, глубокая тоска Фауста, пришедшаго къ выводу, что „ни знанья нѣтъ, ни вѣры нѣтъ во мнѣ“, то предъ кѣмъ онъ могъ излить эту скорбь, на кого могъ опереться въ своемъ необъятномъ отчаяніи, которое для другихъ, пожалуй, показалось бы

Библиотека "Руниверс"

непонятнымъ, страннымъ, безцѣльнымъ? Вообще, Андрей Ѳедоровичъ, по нашему мнѣнію, принадлежалъ къ числу тѣхъ самородныхъ характеровъ, которые не столько могутъ быть понятны, сколько угадываемы.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько дополнительныхъ штриховъ.

Какъ преподаватель, Аретмоновичъ никому изъ своихъ учениковъ не дѣлалъ зла столь знаменитой въ исторіи (и столь печальной въ современной практикѣ) русской школы „двойкой". Онъ не имѣлъ привычки ставить меньше „трехъ"—и было бы грѣхомъ сказать, что его предметъ знали хуже другихъ (если ужъ придавать хоть какое нибудь значеніе столь ничтожному—по сравненію съ общей пользой его уроковъ—обстоятельству). Зная, что оффиціальная сторона преподаванія греческаго языка (да, пожалуй, и другихъ предметовъ) никому особенной пользы не приноситъ, онъ не придавалъ особеннаго значенія и экзаменамъ: на послѣднихъ онъ всегда „спасалъ" тѣхъ учениковъ, которые выходили къ столу въ глубокомъ смиреніи, основанномъ на скудости своихъ знаній, и приступали къ отвѣту съ трепетомъ, какъ внутреннимъ, такъ и наружнымъ. Такъ Андрей Ѳедоровичъ поступалъ на своемъ экзаменѣ, неизмѣннымъ же онъ оставался и на другихъ, гдѣ ему приходилось присутствовать въ качествѣ „ассистента" (т. е. члена экзаменаціонной коммиссіи). „А какой это аористъ, господинъ?"—вопрошалъ, бывало, Артемоновичъ, вознося два широкоразставленныхъ пальца чуть не къ самому носу экзаменовавшагося, чтобы помутившіеся глаза его какъ-нибудь ненарокомъ не впали въ ошибку. „Второй"—ободрившись отвѣчаетъ ученикъ. „О, да вы отлично знаете; ступайте на мѣсто"—давалъ резолюцію Артемоновичъ къ радости ученика и къ немалому смущенію преподавателя, который не зналъ, какъ относиться къ этому оригинальному вмѣшательству ассистента. Сообразно свойству предмета, измѣнялась и тактика Артемоновича: по другимъ предметамъ онъ дѣйствовалъ еще проще: предлагалъ вопросъ и шопотомъ суфлировалъ отвѣтъ, наименьше заботясь о томъ, какъ примутъ его своеобразный методъ наводящихъ вопросовъ другіе преподаватели. Но посмѣяться и подшутить надъ собой Андрей Ѳедоровичъ не давалъ никому. Въ этомъ отношеніи характеренъ

Библиотека "Руниверс"

такой случай. На экзаменѣ по одному изъ древнихъ языковъ, гдѣ Андрей Ѳедоровичъ присутствовалъ въ качествѣ ассистента, преподаватель-іеромонахъ почему-то хотѣлъ сорвать досаду на Артемоновичѣ: съ гаденькой улыбкой поглядывая на громадный голый черепъ Андрея Ѳедоровича, онъ предложилъ ученику для перевода съ русскаго такую фразу: „сегодня я шелъ по улицѣ и встрѣтилъ лысаго человѣка“. Артемоновичъ не смутился и, когда ученикъ окончилъ, немедленно спросилъ его: „а вотъ переведите еще такую фразу: справедливо говорятъ, что лысая голова—признакъ ума, а длинные волосы—признакъ глупости“. Іеромонаху ничего другаго не оставалось, какъ молча проглотить пилюлю.

Рѣчь Артемоновича всегда вообще была остроумна и оригинальна.

Однажды, когда Артемоновичъ временно исправлялъ должность инспектора, по его распоряженію попалъ въ карцеръ за какую-то шалость одинъ изъ лучшихъ и бойкихъ учениковъ семинаріи. Дверь карцера—надобно замѣтить—выходила въ корридоръ, который ведетъ въ столовую. Вотъ ученики шумной гурьбой проходятъ въ столовую на обѣдъ, въ толпѣ ихъ пробирается и Артемоновичъ. Какъ разъ въ этотъ моментъ (съ умысломъ или безъ умысла—преданіе умалчиваетъ) соскучившійся узникъ началъ дубасить кулакомъ въ дверь и кричать: „Артемоновичъ, изведи изъ темницы душу мою!“ Андрей Ѳедоровичъ пріостановился и въ тонъ ему громко отвѣтилъ: „мене ждутъ праведницы, дондеже воздамъ имъ“—и медленно прошелъ въ столовую.

Вообще, Артемоновичъ оставилъ среди своихъ питомцевъ неизгладимую память. Разсказы о немъ бывшихъ учениковъ его дышутъ искреннимъ увлеченіемъ. Іереи съ восторгомъ припоминаютъ уроки Артемоновича и, осѣняя себя широкимъ крестомъ съ краткимъ „дай ему Боже царствіе небесное“, охотно припоминаютъ его оригинальное поведеніе на экзаменахъ, для многихъ послужившее спасительнымъ кругомъ при мыслекрушеніи. Отъ многихъ серьезныхъ людей изъ бывшихъ учениковъ его приходится то и дѣло слышать, что въ ихъ умственномъ развитіи

Библиотека "Руниверс"

и въ выработкѣ міросозерцанія уроки и бесѣды Артемоновича сыграли первостепенную, руководящую роль.

Такимъ образомъ съ полнымъ правомъ можно поставить Артемоновича въ почетный и не слишкомъ многочисленный кругъ людей, которые не безслѣдно прошли поприще своей жизни. Ни одна частица матеріи, какъ извѣстно, не уничтожается: такъ и крупицы ума, растворяясь въ массѣ, „осоляютъ“ ее, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что Артемоновичъ оставилъ довольно значительное умственное наслѣдство потомству [1]). Во всякомъ случаѣ въ исторіи просвѣщенія на Волыни (если къ термину „просвѣщеніе“ прикинуть не обычную, а болѣе широкую мѣрку) Артемоновичъ былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей. И мы были бы очень рады считать настоящія замѣтки объ Артемоновичѣ только вступленіемъ къ болѣе обстоятельному очерку, гдѣ полнѣе была бы выяснена эта крупная и симпатичная сила.

V

Какъ мы видѣли, постановка учебно-воспитательнаго и продовольственнаго дѣла въ семинаріи въ высокой степени изобиловала явленіями, которыхъ никакъ нельзя отнести къ разряду „утѣшительныхъ“. Изъ среды преподавателей волынское преданіе хранитъ благоговѣйную память только объ Артемоновичѣ; если сюда присоединить еще двѣ-три личности, которыхъ поминаютъ добрымъ словомъ за болѣе или менѣе человѣческія отношенія къ питомцамъ, то все таки—какъ ихъ мало въ общемъ! Какъ бы то ни было, въ этой области печальныя и уродливыя явленія хоть отчасти уравновѣшиваются явленіями положительными, свѣтлыми. Что же касается продовольственной части, то она—безошибочно можно сказать—сплошь, безъ остатка является чернымъ, даже зловѣщимъ пятномъ на общемъ фонѣ прежней семинарской жизни. Итакъ, повидимому, напрасно стали бы мы искать лас-

---

[1]) Кстати: Артемоновичъ кое-что написалъ, кое-что перевелъ. Неужели всему этому рукописному матеріалу предстоитъ единственная участь—истлѣть въ семинарской библіотекѣ, гдѣ онъ хранится?

Библиотека "Руниверс"

кающаго взоръ просвѣта въ этой области; повидимому, старосеминарскій бытъ былъ такого характера, что здѣсь почти не было привольной атмосферы, въ которой отдыхала бы измученная душа ученика.

Не будетъ ли такое представленіе дѣла нѣсколько преувеличеннымъ?

Человѣкъ не можетъ жить безъ радости и смѣха. Если обитатели тюрьмы изобрѣтаютъ не хитрыя забавы, въ которыхъ коротаютъ свои печальные часы, то неужели жизнерадостная молодежь могла унывать въ школьные годы, когда переживала весну своей жизни? Избытокъ молодыхъ силъ и живой энергіи ищетъ выхода во что бы то ни стало, и нерѣдко человѣкъ пожилой съ нѣмой досадой видитъ, что молодежь хохочетъ по самому ничтожному поводу. И семинарская молодежь не могла ограничить свое настроеніе однимъ только унынiемъ по поводу тощаго желудка или слишкомъ назойливой благопопечительности о семинарскихъ спинахъ начальства. При томъ-же сами обстоятельства складывались иногда такъ, что давали нѣкоторую пищу веселонравію. Молодежь заливалась беззаботнымъ смѣхомъ и хоть на минуту забывала про давящія со всѣхъ сторонъ невзгоды...

Напутствуя сына родительскимъ благословеніемъ при отправленіи въ школу, отецъ вмѣстѣ съ тѣмъ вручалъ ему нѣкоторую *сумму* денегъ, которая должна была опредѣлять бюджетъ его личныхъ, карманныхъ расходовъ въ теченіе предстоящей трети. Эта родительская лепта на школьно-семинарскомъ языкѣ называлась ἐφόδιον [1]). Старики съ особеннымъ умиленіемъ вспоминаютъ, что въ ихъ время ἐφόδιον не превышалъ трехъ-пяти копѣекъ. На три копѣйки ученикъ долженъ былъ купить бумаги и чернилъ (перья были гусиныя) и вообще запастись необходимыми мелочами (многіе ухитрялись изъ этой суммы выгадать малую толику и на лакомства). Но этого мало: въ началѣ трети начальство давало въ обращеніе среди учениковъ (должно быть черезъ сѣкуторовъ) подписной листъ, куда каждый долженъ былъ записать

[1]) Грeч. с. ἐφόδιον значитъ—путевыя издержки, копѣйка на черный день.

Библиотека "Руниверс"

обязательный взносъ... на покупку розогъ. Казенныхъ денегъ на этотъ предметъ какъ-то не догадывались отпускать, и ученики должны были на свои крохи покупать это орудіе своей пытки.

Пріѣхавши въ семинарію, вручивши начальству свои „вѣрительныя грамоты“ (выраженіе уже позднѣйшей эпохи) и расположившись въ указанномъ мѣстѣ, семинаристъ первымъ дѣломъ шелъ съ визитомъ къ Копелю. Копель (личность на Волыни во многихъ отношеніахъ популярная) былъ хозяинъ излюбленной семинаристами лавочки, главный поставщикъ семинаристовъ чуть не по всѣмъ предметамъ ихъ несложныхъ потребностей. Копель отлично зналъ родословную всего духовенства Волыни, зналъ, кто съ кѣмъ въ родствѣ или въ дружбѣ, зналъ, какой у кого приходъ, каковы достатки и т. д. Лавка его наилучшимъ способомъ была приноровлена къ скромнымъ потребностямъ и еще болѣе скромнымъ средствамъ семинаристовъ; все здѣсь можно было купить въ какомъ угодно маломъ размѣрѣ и по самой сходной цѣнѣ. Въ эту-то бѣдную лавченку и направлялъ стопы ученикъ съ своимъ миньятюрнымъ капиталомъ. Кромѣ торговли на наличныя, Копель едва ли не первый ввелъ въ торговыя сношенія съ семинаристами счетъ въ кредитъ. Разсказываютъ, что хитрый до наивности Копель освятилъ введеніе этой финансовой реформы именемъ какого-то высокопоставленнаго лица: онъ всѣмъ давалъ читать засаленную бумагу,—что-то вродѣ оффиціальнаго указа, которымъ отъ имени этого высокопоставленнаго лица разрѣшалось ему отпускать товаръ въ кредитъ. „Указъ“ былъ написанъ стихотворнымъ размѣромъ и начинался такъ:

Ты, Копель, не унывай,
Ученикамъ на-боръ [1]) давай...

А кто, молъ, тебѣ не заплатитъ, тотъ будетъ подвергнутъ строгому наказанію. Впослѣдствіи Копель широко развилъ свои операціи по кредиту, выступилъ комиссіонеромъ, сталъ брать векселя. Его примѣру послѣдовало немало другихъ кременецкихъ торговцевъ; довѣрчивая молодежь пошла въ хитро-разставленную ловушку, и трудно и описать, сколько горя и бѣды произо-

[1]) На-боръ—на росписку, въ кредитъ.

Библиотека "Руниверс"

шло... Нужно сказать правду, что иниціаторъ кредитныхъ операцій почему-то не разбогатѣлъ по примѣру прочихъ, по крайней мѣры наслѣдники его не расширили своихъ торговыхъ операцій—лавченка Копеля пришла въ совершенный упадокъ и теперь потеряла свое значеніе: вся слава ея, значитъ, въ прошломъ.

Обычное теченіе внѣ-классной жизни питомцевъ въ старые годы, не смотря на бдительное око начальства, носило размашистый характеръ. Въ былыя времена ученику всего менѣе можно было опасаться столь грознаго теперь исключенія за малоуспѣшность или великовозрастіе. Оставаться на повторительный курсъ можно было хоть три раза въ одномъ классѣ; и нерѣдко камчатку украшалъ, такъ сказать, заслуженный ученикъ, старожилъ класса, стоически отбывавшій 6 лѣтъ ученія въ одномъ классѣ (курсъ былъ двухгодичный). Всякаго рода проказы тоже не ставились въ число поводовъ, вызывавшихъ увольненіе изъ семинаріи; приходилось раздѣлываться только собственной спиной. Вотъ почему волынское преданіе полно разсказовъ о герояхъ, которые въ своихъ проказахъ иногда, дѣйствительно, доходили до геркулесовыхъ столбовъ смѣлости и отваги. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что выходящія изъ ряда похожденія (театромъ ихъ были кременецкія горы) составляли удѣлъ немногихъ смѣльчаковъ, кипучая натура которыхъ задыхалась въ душныхъ стѣнахъ семинаріи, а энергія искала выхода на болѣе широкомъ, свободномъ поприщѣ. Чего-нибудь особенно-типическаго въ смыслѣ характеристистики семинарской жизни эти похожденія и эти участники не даютъ, а потому мы и не будемъ на нихъ останавливаться.

Однимъ изъ любимыхъ развлеченій семинаристовъ были групповыя прогулки по живописнымъ окрестностямъ. Каждый новичокъ по пріѣздѣ въ Кременецъ считалъ своимъ первымъ долгомъ взлѣзть на Бону и Чернчу (горы въ Кременцѣ), полюбоваться утесомъ „тарпейской скалы“ и живописно раскинувшейся внизу „швейцарской долиной“ и т. д. Весенней и лѣтней порой многіе любители ежедневно предпринимали по утрамъ неблизкую прогулку въ Млыновцы или къ Крулевскому

Библиотека "Руниверс"

мосту покупаться (въ самомъ Кременцѣ рѣки нѣтъ). Разстоянія—не близкія въ Млыновцы—около 3-хъ верстъ, къ Крулевскому мосту—и того болѣе, а къ 7 часамъ утра нужно было возвратиться домой къ молитвѣ. Неудивительно, что старики теперь удивляются, какъ это у нихъ „выстарчало нигъ“ на это регулярное путешествіе.

Для каждодневной молитвы и по праздникамъ на богослуженіе семинаристы собирались въ величественный храмъ, гдѣ когда-то былъ главный іезуитскій костелъ. До самаго послѣдняго времени храмъ этотъ (если не считать низенькаго, теряющагося въ громадѣ, православнаго иконостаса) всѣмъ видомъ и формой близко напоминалъ свое прежнее назначеніе. Такъ и казалось, что вмѣсто православнаго возгласа или эктеньи вы услышите рѣзкій теноръ ксендза, возглашающаго „Dominus vobiscum“, а съ хоръ отвѣтятъ „amen“ подъ звукъ органа съ его плавными, грустно-величавыми переливами. Храмъ этотъ очень обширенъ. При богослуженіи ученики располагались рядами посерединѣ колоннъ—отъ солеи и чуть не до порога, а за колоннами по обѣимъ сторонамъ оставалось достаточно мѣста для посторонней публики, предпочитавшей ходить сюда ради стройнаго пѣнія. Пѣніе, дѣйствительно, всегда было очень хорошее, но иногда портилось „неизряднымъ многогласіемъ“, курьезнымъ до смѣшного. Дѣло въ томъ, что соскучившіеся стояніемъ, особенно во время длиннаго всенощнаго бдѣнія, семинаристы начинали для развлеченія подпѣвать хору, помѣщавшемуся на клиросѣ у алтаря. Разстояніе отъ клироса до заднихъ рядовъ бурсы, гдѣ стояли басы-богословы, выходило очень значительнымъ. Вотъ начнутъ пѣть, положимъ, общеизвѣстный канонъ „Отверзу уста моя“. Въ напѣвѣ, употреблявшемся въ семинаріи, въ мелодіи на слова „и слово отрыгну“ для басовъ особенно интересный переходъ—въ интервалъ октавы (есть, значитъ, гдѣ показать мощь своего голоса!). Богословы-басы особенно любили это мѣсто и выводили высокую нотку въ указанномъ мѣстѣ (“и слово“) съ усердіемъ и тягучею продолжительностью, совершенно несоразмѣрною съ темпомъ. И вотъ получалось такъ: на клиросѣ по-

Библиотека "Руниверс"

ютъ уже послѣднія слова—„и воспою радуяся тоя чудеса“,—а басы въ заднихъ рядахъ, подперши ладонью щеку и высоко поднявши голову, продолжаютъ тянуть все еще свое „и слово“ и долго застываютъ на одной нотѣ. На клиросѣ уже окончили ирмосъ, но басы тянутъ свою линію—и въ заднихъ рядахъ, точно эхо, продолжаютъ нестройно-могучимъ гуломъ, глухо отдающимся въ высокихъ сводахъ храма: „и воспою радуяся тоя чудеса“.

По выбору ректора, четыре-пять болѣе благонравныхъ учениковъ исполняли разныя обязанности въ алтарѣ при службѣ: таковы-жезлоносецъ и митросниматель (при ректорѣ-архимандритѣ) и свѣщеносцы. Роль этихъ была не изъ пріятныхъ. Если послѣ литургіи начинались приготовленія къ какому-нибудь экстраординарному молитвословію, отстоять которое не входило въ разсчеты учениковъ, то они срывали свою досаду на „церковникѣ“.

VI

Полная горечи школьная жизнь счастливо разнообразилась отпусками на Рождество, Пасху и лѣтнія каникулы,—отпусками, при одной мысли о которыхъ сердце семинариста подпрыгивало отъ неудержимой радости. Пусть дома не было особенной роскоши, даже особеннаго довольства, пусть приходилось раздѣлять не легкіе труды отца по хозяйству, но—свобода, родная семья, родное село! Поэтому задолго до роспуска въ головахъ учениковъ роились розовыя мечты, проносились заманчивыя картины путешествія на родину, радостнаго свиданія и беззаботной жизни.

За мѣсяцъ до роспуска каждаго озабочивалъ вопросъ, во время ли пріѣдетъ subaqua (подвода) [1]) и не случится ли задержки въ выдачѣ билета. Въ свободныя минуты тамъ и сямъ

---

[1]) Читатель догадается, что это слово—несуществующее въ лексиконахъ—изобрѣтено семинаристами (sub—подъ, aqua—вода).

Библиотека "Руниверс"

собирались небольшой кучей семинаристы—подѣлиться воспоминаніями о прежнихъ поѣздкахъ и вслухъ помечтать о теперешнемъ роспускѣ, который вотъ-вотъ не за горами.—За священническими дѣтьми большею частью присылаемъ былъ senectus (староста). Мы обѣщали подробнѣе остановиться на роли этого почтеннаго дѣятеля въ вопросахъ образованія дѣтей духовенства, и теперь это кстати. Староста былъ наиболѣе близкимъ и наиболѣе довѣреннымъ человѣкомъ у священника во всемъ селѣ. И въ радости, и въ горѣ, и въ счастьи, и въ бѣдѣ староста являлся желаннымъ участникомъ, и можно указать далеко не единичные случаи, когда староста бывалъ настоящимъ другомъ всей священнической семьи. Кромѣ того, староста былъ, такъ сказать, главноуправляющимъ по несложному хозяйству священника.

Когда приходила пора привозить дѣтей изъ школы и священникъ озабочивался, кому-бы поручить это дѣло, такъ какъ самому ни въ рождественскій постъ, ни тѣмъ болѣе въ великій неудобно отлучаться изъ прихода, староста обыкновенно резонировалъ съ самой доброй улыбкой „проще, батюшка, а нàщо?“ Нечего и говорить, что добровольный вызовъ старосты былъ принимаемъ съ искренней благодарностью. И вотъ староста отправлялся въ Кременецъ „до свынаріи“ (такую форму иногда принимало въ устахъ простодушнаго поселянина незнакомое ему слово „семинарія“).

Пока староста ѣхалъ, ученикъ не разъ успѣвалъ въ свободную минуту прогуляться верстъ за пять по той дорогѣ, которая вела къ его родному селу. Конечно, не могло быть сомнѣнія, что староста успѣетъ пріѣхать только къ роспуску, но для семинариста составляло уже большое наслажденіе—хоть пройтись по знакомой дорогѣ и, такъ сказать, авансомъ пережить тѣ сладкія минуты, когда онъ, вырвавшись изъ опостылѣвшей обстановки, вольной птицей полетитъ къ роднымъ палестинамъ.

Передъ роспускомъ въ ворота угрюмаго зданія семинаріи то и дѣло въѣзжали деревенскіе возы съ возсѣдавшими почетнаго вида старостами. Остановившись посреди двора и внима-

Библиотека "Руниверс"

тельно оглядѣвши внутреннія стѣны, староста снималъ шапку предъ первымъ попавшимся (въ день роспуска много народу сновало по двору) и съ сознаніемъ собственнаго достоинства вопрошалъ: „а будьте добри, чы не можете сказаты, де-то тутъ е сывковецкій (или шунецкій или шекерынецкій) панычъ?“ Хотя указаніе старосты (не по фамиліи, а по названію села) бывало не особенно точно, однако старостѣ не приходилось долго розыскивать своего паныча: онъ летѣлъ уже со всѣхъ ногъ по лѣстницѣ съ третьяго этажа, отхватывая сряду по пяти ступенекъ, онъ успѣлъ уже всѣ глаза проглядѣть, сидя у окошка въ своей спальнѣ или классѣ и съ томительнымъ нетерпѣніемъ поглядывая на дорогу. Стрѣлой подбѣгаетъ онъ къ старостѣ, лицо котораго въ настоящую минуту для него такъ дорого и мило. А лицо старосты тоже дышетъ привѣтомъ и радостію и ему пріятно въ чужомъ городѣ увидѣть наконецъ знакомое и родное лицо.

Происходитъ радостное свиданіе:

— „Здравствуйте, старосто!“

— „Здорови булы, панычыку. Якъ васъ Богъ мылуе? Чы жыви, чы здорови?“

— „Дзинькуе! слава Богу! А що тамъ въ-дома чуты?“

— „Все слава Богу, по старому. Батюшка кланялись и пысьмо передалы“.

При этихъ словахъ староста вынималъ запрятанный за пазухой лоскутокъ бумажки, запечатанный церковной печатью, который онъ везетъ съ такою заботливостью и сохранностью, какъ бы это былъ многоцѣнный документъ.

Ночью въ день роспуска обширный дворъ семинаріи представлялъ любопытную и оживленную картину. Во всю ширину его густыми рядами стояли возы, возлѣ которыхъ выпряженные кони ѣли, похрустывая и пофыркивая, „обрикъ“ въ „опалкахъ“, сѣно, а то просто „згоныны“. Небогатое имущество бурсака было уже уложено: завтра „чуть свитъ“ нужно отправляться въ путь. Въ теплое время года ученикъ располагался спать просто на возу—и можно думать, что ему въ этой непривычной обстановкѣ спалось слаще, чѣмъ на казенной койкѣ.

Библиотека "Руниверс"

Только дѣти священниковъ могли разсчитывать на ту выгоду, что за ними будетъ прислана subaqua. Дѣти причетниковъ и особенно сироты или, какъ у насъ говорятъ, просфорническія дѣти (вдовы священниковъ обыкновенно занимаютъ мѣсто просфорни) не могутъ разсчитывать на такую роскошь. Нерѣдко случалось, что бѣдная священническая вдова приведетъ пѣшкомъ (верстъ за 300) своего сына въ училище и, въ слезахъ поклонившись въ ноги смотрителю, оставитъ его здѣсь на произволъ судьбы и начальства. Гдѣ же такой вдовѣ каждую треть посылать подводу за сыномъ! Хорошо, если въ томъ же приходѣ и сынъ священника учится въ семинаріи; тогда сердобольный senectus не откажетъ въ услугѣ бѣдной вдовѣ, прихвативъ на свой возъ и просфорническаго сына. Но такое удобство не всегда бываетъ. Впрочемъ, это доставляло мало заботы самому ученику. Онъ высматривалъ, гдѣ бы вырѣзать повнушительнѣе палку на дорогу и старался припрятать нѣсколько „пайкивъ“ хлѣба и, сдѣлавши изъ нихъ сухарей, запастись такимъ образомъ пропитаніемъ въ далекую дорогу. А болѣе беззаботные и надъ этимъ не задумывались, справедливо разсчитывая, что на пути будетъ попадаться много селъ, и добрые люди не дадутъ „здохнуты зъ голоду“.

Мнѣ нечего описывать этого пѣшаго хожденія: безсмертный Гоголь въ „Віи“ далъ яркую картину этихъ путешествій, и я упомяну объ одной лишь мѣстной чертѣ. Наиболѣе торжественною и внушительною была картина общаго выхода изъ города. Большинству путь лежалъ въ сторону такъ назыв. Вишневецкой рогатки (по дорогѣ къ м. Вишневцу). Взошедши на гору, откуда открывается одинъ изъ чудныхъ по красотѣ видовъ на Кременецъ и его окрестности, путешественники бросали прощальный взглядъ на семинарію, съ которой они разставались безъ грусти; это была рѣдкая, единственная въ своемъ родѣ разлука, соединенная съ чувствомъ живѣйшей радости, а не печали. Всѣхъ охватывало ощущеніе птицы, вырвавшейся изъ клѣтки на свободу. Тотчасъ впереди выстраивался отрядъ музыкантовъ (кстати сказать—музыка всегда процвѣтала въ Волынской семинаріи), которые настраивали скрипки,

Библиотека "Руниверс"

и подъ маршъ не особенно разнообразнаго по составу оркестра компанія двигалась въ путь, нѣкоторые съ плясомъ. Сколько бывало смѣху, сколько дѣтскаго веселья!

„Роспускъ“ въ глазахъ учениковъ имѣлъ какое-то особенное, какъ бы таинственное значеніе. Получивши отпускной билетъ, семинаристъ считалъ себя совершенно освобожденнымъ отъ всякой внѣшней власти. Стѣсненная въ учебное время, одичавшая натура бурсака развертывалась „на роспускъ“ во всей своей, подъ-часъ неприглядной, наготѣ. Получивши обиду, которую сразу-же отмстить было невозможно, ученикъ глубоко таилъ злобу въ своей душѣ и расплачивался „на роспускѣ“. Шпіоны и доносчики трепетали въ день роспуска, бывшій для нихъ днемъ возмездія—и не напрасно. Расплата подъ-часъ бывала суровая и безчеловѣчная, и при томъ совершенно безнаказанная, т. к. существовалъ взглядъ (раздѣляемый и шпіонами), что жаловаться начальству въ роспускъ—дѣло безполезное: жалоба будетъ не принята, потому что семинаристы стоятъ, такъ сказать, внѣ закона въ этотъ день.

Доставалось въ роспускъ не однимъ только подленькимъ личностямъ изъ среды товарищей; иногда перепадало на орѣхи и болѣе жестокимъ изъ наставниковъ. Изъ устъ въ уста переходитъ и до настоящаго времени мрачная повѣсть о томъ, какъ досталось одному не въ мѣру строгому учителю философіи въ день роспуска. Трое дюжихъ философовъ напали на него темнымъ вечеромъ въ глухомъ углѣ „на горахъ“ (техническое выраженіе въ Кременцѣ, окруженномъ горами), когда учитель возвращался съ прогулки, и такъ избили его нагайками, что бѣдняга мѣсяца два пролежалъ въ постели. Стыдно ли было учителю поднимать дѣло о столь позорномъ для него событіи, или же онъ въ темнотѣ и съ-испугу не успѣлъ узнать своихъ палачей, но все это такъ и заглохло. Замѣчательно, что и теперь сгорбившійся подъ бременемъ лѣтъ и сѣдой, какъ лунь, іерей не иначе станетъ повѣствовать вамъ объ этомъ темномъ дѣлѣ, какъ отозвавши въ сторону и чуть не шепотомъ на-ухо. Такова сила привычки! Можно представить себѣ, съ какими предосторожностями былъ осуществленъ планъ наказанія суро-

Библиотека "Руниверс"

ваго наставника, если даже въ то время, столь богатое наушничествомъ, и при инквизиціонной начальственной системѣ, ученикамъ удалось безпрепятственно исполнить смѣлый планъ.

Даже наиболѣе тихія и смирныя натуры въ день роспуска одушевлялись разрушительными тенденціями. Слабодушный риторъ, который, казалось бы, воды не замутитъ и въ обыкновенное время съ подобострастіемъ относился чуть не къ классному сторожу, въ роспускъ оралъ во всю глотку, идя по корридору, высматривалъ, гдѣ бы что повредить,—билъ стекло въ окнѣ, ломалъ ручку у дверей или что-нибудь въ этомъ родѣ—вообще держалъ себя непринужденно и развязно. Тутъ проявлялась ненависть даже къ бездушной обстановкѣ—свидѣтельницѣ дней унылыхъ.

Остатокъ этого своеобразнаго взгляда на день роспуска существуетъ и доселѣ. И теперь робкій мальчуганъ въ концѣ трети озадачиваетъ неопытнаго педагога, принося ему жалобу на болѣе великовозрастнаго товарища, что тотъ „обѣщалъ“ или просто „хочетъ побить его на роспускъ!“

VII

Наконецъ долгій и тернистый путь науки пройденъ. Окончены мучительныя мытарства, ведущія семинариста къ цѣли, объединяемой словомъ „приходъ“ или, какъ говорили въ старину, „парафія“. Остается искать невѣсту и ѣхать къ архіерею. Хотя разсказы объ этомъ собственно выходятъ изъ рамокъ намѣченной нами задачи, но мы не излишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о той своеобразной обстановкѣ, среди которой прежде происходила процедура сватовства и полученія прихода. Это не лишне и въ интересахъ полноты нашего очерка: мы захватимъ то переходное время, когда окончившій курсъ еще, такъ сказать, невольно тяготѣлъ къ семинаріи, ибо заимствовалъ блескъ своего положенія отъ пройденной школы и пока еще не выступалъ на широкое поприще жизни, стоя лишь въ предѣлахъ ея.

Библиотека "Руниверс"

Въ тѣ времена званіе „окончившій“ было чрезвычайно высокимъ и почетнымъ. Каждая матушка-хозяйка гордилась, если могла указать, что въ ея домѣ на храмовомъ праздникѣ или на другомъ семейномъ торжествѣ („на фестѣ“) былъ въ качествѣ гостя окончившій или, паче чаянія, нѣколько ихъ. Отношеніе родителей, у которыхъ заневѣстившаяся дочь, къ окончившему (а въ особенности имѣющему „свой“ приходъ) было полно, конечно, всякаго вниманія и дружелюбія самаго искренняго. Гдѣ бы ни появлялся окончившій въ священническомъ домѣ, онъ всегда чувствовалъ себя героемъ дня, вездѣ онъ былъ желаннымъ, дорогимъ гостемъ, которому почетное мѣсто („на диванѣ“) и сладкій кусокъ. Если у батюшки нѣтъ дочери, то есть сестра, есть племянница, есть вообще болѣе или менѣе близкая родственница, „ожидающая“ жениха, которую необходимо „пристроить“.

И пусть читатель не находитъ здѣсь ничего потѣшнаго или смѣшного, все это болѣе грустно и печально, чѣмъ „занятно“. Нѣтъ сомнѣнія, что всякому, кто знакомъ съ нерадостнымъ бытомъ нашего духовенства, будетъ понятно, почему это именно такъ, почему было бы большимъ грѣхомъ посмѣяться надъ усердіемъ старосвѣтскихъ батюшекъ и матушекъ въ означенномъ направленіи. Вѣдь куда въ самомъ дѣлѣ могла дѣваться въ тѣ времена дѣвушка духовнаго сословія, оставшаяся за штатомъ? Положеніе ея (особенно послѣ смерти родителей) являлось такимъ, которое принято называть безвыходнымъ.

Невѣсты въ старину раздѣлялись на двѣ категоріи: невѣсты „съ уступочными приходами“ и безъ оныхъ. Извѣстно, что такое закрѣпленіе мѣстъ. Если послѣ умершаго священника оставалась дочь, то по прошенію вдовы „для поддержанія семейства“ за дѣвицей предоставлялось отцовское мѣсто, а до достиженія совершеннолѣтія ея на приходъ въ качествѣ временнаго настоятеля назначаемъ былъ архіереемъ „наблюдающій“ (его звали еще „викаріемъ“). „Найшла викарого“—это одно изъ обычныхъ выраженій скорбнаго свитка вдовиной рѣчи. Нерѣдко случалось, что такой викарій управлялъ приходомъ лѣтъ шесть-восемь, если дочь священника была несовершеннолѣт-

Библиотека "Руниверс"

ней. Сколько ни приходилось мнѣ слышать, викаріи были народъ грубый, алчный—и положеніе несчастной, беззащитной вдовы, ютившейся съ малыми дѣтьми какъ бы изъ милости въ одномъ домѣ съ викаріемъ, было полно самаго потрясающаго трагизма, сравненіе которому я даже отказываюсь подыскать. Можно только сказать, что въ лѣтописяхъ мученичества и удивительныхъ примѣровъ стойкой материнской любви можно было бы записать не мало краснорѣчивыхъ страницъ описаніемъ того, во что обходилось нѣкоторымъ священническимъ вдовамъ прокормленіе и воспитаніе своихъ ребятишекъ. Какъ много страданій остается неизвѣстными только потому, что о нихъ не кричатъ, а выливаютъ въ тихихъ, жгучихъ слезахъ!

Сватовство невѣсты съ уступочнымъ приходомъ происходило по большей части не въ ея домѣ, а гдѣ-нибудь на сторонѣ. Находился какой-нибудь дальній сердобольный родственникъ, который высматривалъ подходящаго окончившаго тихаго и скромнаго человѣка, который рѣшился бы „пидняты семью“, т. е. у котораго нашлась бы искра человѣческаго чувства по отношенію къ сиротской семьѣ. А высмотрѣвши, добрый родственникъ начиналъ съ нѣсколько смущенной улыбкой разсказывать молодому человѣку про добропорядочность семьи, къ которой принадлежитъ его протеже, про удобства прихода, про добродушіе и щедрость прихожанъ; касался добрыхъ обычаевъ въ приходѣ въ смыслѣ безплатной уборки прихожанами полей, распространялся о непритязательности семьи и т. д. По большей части родственникъ приглашалъ къ себѣ въ домъ и невѣсту и здѣсь знакомилъ молодыхъ людей между собою. Все это устраивалось потому, что родные невѣсты пуще огня боялись встрѣчи жениха съ викаріемъ. Викарій—ужъ извѣстно,—начнетъ нести всякую небылицу: и приходъ де никуда не годится, и прихожане народъ грубый и дерзкій, и поля ничего не родятъ, и семья самая плохая, а невѣста—бранчивая, взбалмошная или же (смотря по изобрѣтательности викарія) болѣзненная дѣвица (тутъ выдумывалась падучая или что-нибудь другое въ подобномъ же устрашительномъ родѣ). Вообще викарій такъ или иначе могъ „отбить“ жениха, а устроить это—ему прямая

Библиотека "Руниверс"

выгода: если невѣста засидится въ дѣвушкахъ, архіерей можетъ „отобрать“ приходъ и ужъ конечно отдастъ не кому другому, какъ только ему, викарію. А тамъ—пускай себѣ семья остается безъ крова и безъ хлѣба!

Иначе обстояло дѣло, если невѣста была хоть и безъ прихода, но дочь состоятельныхъ, хозяйственныхъ родителей.

Въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ, когда полевыя работы всѣ закончены, и по селамъ у крестьянъ начинается сезонъ свадебъ, а у священниковъ—не менѣе характерный сезонъ „праздныкивъ“ (т. е. престольныхъ дней, въ которые священники устраивали у себя „вечера“)—въ одинъ изъ такихъ вечеровъ въ усадьбу священника въѣзжала неуклюжая бричка старой системы, на которой возсѣдали трое-четверо окончившихъ, лошадьми правилъ молодой кучеръ. Мотивъ неожиданнаго посѣщенія незнакомыхъ людей угадывался безошибочно. Завидѣвшая гостей съ задняго двора босая „наймычка“ сломя голову бѣжала „до покоивъ“ и неистовымъ голосомъ, которымъ объявляютъ о внезапномъ пожарѣ, докладывала, что „сваты до панны прыихалы на оглядыны“. Слова эти производили переполохъ невѣроятный. Матушка уводила дочь въ укромный уголокъ („въ гардерубку“) и принаряжала ее, сама тоже одѣвала парадную кофту и чепецъ. Батюшка съ улыбкой доброжелательности и широкаго радушія встрѣчалъ пріятныхъ гостей въ „ганку“ (крыльцо). Слѣдовало представленіе съ упоминаніемъ полностью титула („студентъ“ или „окончившій“), и завязывалась (не безъ труда, конечно) бесѣда.

Если окончившіе встрѣчали самый радушный привѣтъ отъ хозяевъ, то ихъ кучеръ пользовался неменьшимъ вниманіемъ со стороны прислуги на кухнѣ. Его роль была не изъ послѣднихъ. Балагуря съ прислугой, онъ могъ отлично вывѣдать, каковы достатки священнической семьи, и—что не менѣе важно—узнать, насколько миролюбивымъ и уживчивымъ характеромъ отличается невѣста.

Погостивши денекъ, товарищеская компанія отправлялась въ дальнѣйшій путь, ѣхала въ другое село, гдѣ священническій домъ оглашался веселымъ дѣвичьимъ смѣхомъ дочерей-невѣстъ.

Библиотека "Руниверс"

Повѣствуютъ, что въ большинствѣ случаевъ въ такихъ круговыхъ поѣздкахъ роль кучера поочередно исполняли всѣ женихи—сегодня одинъ облачится въ сермягу и чоботы, заимствованныя дома у заправскаго кучера, завтра другой, такъ что эти бутафорскія принадлежности успѣваютъ обойти всѣхъ по два-три раза. Это и выгодно (не надобно понапрасну отрывать одного рабочаго отъ дѣла), да и удобно очень: свой братъ высмотритъ съ самымъ усерднымъ тщаніемъ все нужное, добудетъ свѣдѣнія самыя вѣрныя и безошибочныя.

Такія путешествія бывали очень распространеннымъ обычаемъ въ прежнія времена, и почти каждый іерей, проходившій курсъ наукъ въ эпоху 40—50-хъ гг. (даже и нѣсколько позже) хранитъ въ душѣ самыя яркія и счастливыя воспоминанія о нихъ. Обыкновенно каждый изъ принимавшихъ участіе въ поѣздкѣ успѣвалъ къ концу ея присмотрѣть себѣ дѣвушку по сердцу, и тогда начиналъ вести дѣло въ-серьезъ. Изъ среды родичей онъ приглашалъ наиболѣе почетнаго и вліятельнаго ѣхать съ нимъ „въ сваты“ и подъ его руководствомъ совершалъ окончательную поѣздку въ домъ невѣсты. Въ скоромъ времени деревенскій храмъ оглашался пѣніемъ „Исаіе ликуй“, и въ уютномъ священническомъ домѣ праздновалась веселая свадьба при самой торжественной и очень своеобразной обстановкѣ.

Да простятъ намъ читатели бѣдность и неполноту настоящаго очерка старой бурсы и ея порядковъ. Мы очень далеки отъ мысли считать нашъ очеркъ исчерпывающимъ тотъ громадный бытовой матеріалъ, который оставила намъ столѣтняя эпоха жизни Волынской семинаріи. При всемъ желаніи, намъ, напр., совершенно не пришлось коснуться очень оригинальныхъ особенностей жизни тѣхъ питомцевъ семинаріи, которыхъ высылали въ Варшаву въ архіерейскій пѣвческій хоръ. Существовалъ вѣдь когда-то и такой обычай, и до сихъ поръ есть на Волыни немало здравствующихъ іереевъ, получившихъ свое образованіе—по документамъ въ Волынской семинаріи, а на дѣлѣ—въ Варшавскомъ архіерейскомъ хорѣ. Можно заранѣе предска-

Библиотека "Руниверс"

зать, что даже сухой, фактическій разсказъ одного изъ участниковъ этого порядка о его жизни въ Варшавѣ представилъ бы немалый интересъ. И вообще крайне было бы желательно, чтобы отпразднованный недавно юбилей семинаріи не прошелъ безслѣдно для выясненія прошлой семинарской жизни. Не надобно забывать, что весь складъ жизни нашего духовенства чуть не на нашихъ глазахъ мѣняется самымъ кореннымъ образомъ, а создатель и живой участникъ его—старое поколѣніе сходитъ со сцены. Вотъ почему надобно желать, чтобы семинарскій юбилей былъ отпразднованъ еще, такъ сказать, историческимъ образомъ, т. е. вызвалъ полное и подробное описаніе прежней семинарской жизни въ видѣ воспоминаній тѣхъ питомцевъ, которые по непосредственному опыту могутъ нарисовать яркую картину прошлаго, въ надлежащемъ видѣ воспроизводящую все то, что въ настоящихъ очеркахъ изображается лишь „якоже зерцаломъ въ гаданіи“...

Константинъ Храневичъ.

Библиотека "Руниверс"

Остатки древняго городища въ м. Снѣтинѣ, лубенскаго у., полтавской губ.

„И Боняк приде со всѣми Половци къ Коснятину, и идохомъ на ня исъ Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ, и князи ихъ изьимахомъ лѣпшии". Свод. л., стр. 331. Духовн. Мон.

Строитель Русской Земли, Владиміръ св., заботясь о возможно лучшей защитѣ ея отъ враговъ, особенно хлопоталъ объ укрѣпленіи южныхъ и юго-восточныхъ границъ государства отъ безпрестанныхъ набѣговъ кочевниковъ, безконечной волной приливавшихъ съ востока. Въ 993 году, по словамъ начальной лѣтописи, Владиміръ св. ставитъ города по Деснѣ, Остру, Трубежу, Роси, по Сулѣ и по Стугнѣ, такъ какъ была большая „рать" отъ печенѣговъ, противъ которыхъ и воздвигались эти укрѣпленныя преграды[1]). Приведенныя въ солидное оборонительное положеніе, южныя и юговосточныя окраины Русской земли и въ послѣдующее время продолжаютъ интересовать энергичныхъ правителей Южной Руси.

Такъ, Ярославъ Мудрый, ставшій послѣ смерти своего брата Мстислава, единовластнымъ правителемъ русской земли, выказываетъ энергичныя заботы объ охранѣ своей степной Украины.

[1]) Ипат. лѣт. стр. 83.

Библиотека "Руниверс"

Необходимость постоянной и усиленной охраны этой Украины была причиной выдѣленія ея въ особенное княжество, съ отдѣльнымъ правителемъ во главѣ. Ярославъ Мудрый, раздѣляя передъ своею смертью Русскую землю между своими сыновьями, отдалъ переяславскій уѣздъ своему любимому сыну Всеволоду, заповѣдавъ при этомъ всѣмъ братьямъ жить въ мирѣ и помогать другъ другу въ случаѣ опасности.

Со временъ Всеволода Ярославича начинается бѣдственная пора для юго-восточной Руси. Кочевые народы, сталкиваясь другъ съ другомъ, усиленно напираютъ съ востока, оттѣсняя въ своемъ движеніи одни племена за другими.

Послѣднія, отбиваясь отъ своихъ притѣснителей, все чаще и чаще врывались въ русскіе предѣлы, ища въ нихъ не добычи только, а часто защиты, охраны отъ враговъ. Русская земля охотно принимала въ свое лоно такихъ выходцевъ изъ степей, отводя имъ привольные, но малонаселенные участки на своемъ пограничьи со степью. Здѣсь новые поселенцы являлись лучшими защитниками края, которому они служили въ качествѣ легковооруженнаго войска.

Опасное положеніе юго-восточной Руси, требуя серьезнаго и энергичнаго вниманія къ себѣ, было причиной того, что здѣсь родился, выросъ и окрѣпъ, закалился въ безчисленныхъ бояхъ богатырь Русской земли, знаменитый сынъ Всеволода, Владиміръ Мономахъ. Съ отроческихъ лѣтъ, начавъ трудную школу боевой жизни, онъ въ теченіе всей своей жизни неутомимо защищалъ русскіе предѣлы отъ кочевниковъ. Въ лѣтописи сохранились извѣстія о многочисленныхъ походахъ Мономаха въ окрестныя страны, особенно въ широкія степи, кишѣвшія въ то время несмѣтной силой разныхъ кочевыхъ народовъ. Особенно зорко слѣдилъ Мономахъ за тѣмъ, чтобы не допустить враговъ до разоренія укрѣпленныхъ пунктовъ, защищавшихъ собою лежащія вблизи нихъ земли.

Разбросанныя по всей юго-восточной окраинѣ Русской земли, укрѣпленные городки-крѣпости гнѣздились преимущественно въ мѣстахъ, представлявшихъ естественныя удобства для ихъ созиданія. Крутые берега рѣчной долины или же рѣки,

Библиотека "Руниверс"

сама рѣка, лѣса, и болота ея—составляли все то, что было необходимо для защиты страны. Если рѣка представляла на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи удобные для построенія крѣпостей берега, то здѣсь возникала боевая линія.

Рѣка Сула со своими крутыми берегами и составляла главную боевую линію переяславской земли, на которую постоянно нападали варвары [1]). Оттого, на всемъ почти протяженіи Сулы, на правомъ, нагорномъ берегу этой рѣки, были расположены солидныя для того времени земляныя укрѣпленія, такъ называемые городки-крѣпости: Ромны, Глинскъ, Снѣтинъ, Лубны, Лукомля, Буромль, Горошинъ и проч.

Понятно, наиболѣе заселенныя мѣста вызывали соотвѣтственно большія заботы и старанія со стороны населенія и князей объ укрѣпленіи и защитѣ ихъ отъ враговъ. Несомнѣнно, что наиболѣе густо заселенными мѣстами были тѣ, которыя распожены по теченію рѣкъ и рѣчекъ. Таковы мѣста по р. р. Трубежу, Супою, Оржицамъ, Слѣпороду, Удаю, Ромну и пр. Здѣсь осѣдлость находила всѣ необходимыя для своей жизни удобства и потому развивалась довольно правильно. Самый большій притокъ р. Сулы, Удай, естественно былъ гуще заселенъ сравнительно съ другими рѣками переяславской земли. Особенной густотой населенія отличались тѣ мѣста, гдѣ рѣка Удай, принявъ притокъ Многу, подходила къ рѣкѣ Сулѣ, съ которой и сливалась въ Березоточи. Естественно, что эти густо заселенныя мѣста, представляя довольно видную приманку, весьма часто подвергались нападеніямъ кочевниковъ.

Такъ, въ 1092 году половцы взяли 3 города по р. Удаю—Песоченъ, Перевальну и Прилукъ и повоевали множество селъ по обѣимъ сторонамъ рѣки [2]). Кромѣ того, половцы неоднократно воюютъ въ районѣ рѣки Удая: возлѣ Прилукъ, Баруча, Сребнаго и пр. [3]). Словомъ, долина рѣки Удая составляла торную дорогу для нападеній кочевниковъ, и потому правители земли Русской уже очень рано позаботились объ укрѣпленіи тѣхъ

[1]) Ипат. л. 186, 198; свод. л., с. 332 и пр.

[2]) Ипат. л., с. 150; свод. л., с. 170.

[3]) Свод. л., с. 330.

Библиотека "Руниверс"

пунктовъ, которые лежали близь удобныхъ для перехода мѣстъ, служившихъ какъ бы воротами для входа въ страну.

Такими воротами, открывавшими доступъ въ густо населенную Удайскую долину, и было мѣсто сліянія р. Удая съ Сулой. Здѣсь то, какъ увидимъ дальше, и находился тотъ важный, укрѣпленный пунктъ, служившій ключемъ къ вышеназванной долинѣ—это *Кснятинъ* лѣтописи.

Русскіе князья неоднократно должны были являться сюда на подмогу храбрымъ защитникамъ края. Въ „Духовной Мономаха“ упоминается о такомъ именно походѣ Мономаха къ Снѣтину: „И Бонякъ приде со всѣми Половцы къ Кснятиню, и идохомъ на ня исъ Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ, и князи ихъ изьимахомъ лѣпшии“ [1]).

Находясь лѣтомъ 1896 года близъ м. Снѣтина, я рѣшилъ подробно осмотрѣть это мѣсто и окрестности его, чтобы узнать не сохранилось ли тамъ какихъ либо остатковъ древнихъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ на зарѣ Русской исторіи. Мнѣ посчастливилось отыскать древнюю, современную Мономаху, крѣпость, сохранившую до нашихъ дней всѣ характерные признаки великокняжеской эпохи.

Прежде чѣмъ говорить о древнихъ снѣтинскихъ укрѣпленіяхъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о топографическихъ особенностяхъ мѣстности, гдѣ находился древній Кснятинъ. Долина рѣки Удая, сливаясь съ долиной р. Сулы, представляетъ лабиринтъ лѣсовъ и болотъ, не совсѣмъ удобныхъ для прохода въ настоящее время и, конечно, совершенно непроходимыхъ въ древности. Высокій Исачковскій холмъ съ каменнымъ основаніемъ внутри [2]), отдѣляетъ долину р. Удая отъ долины р. Сулицы, впадающей въ Сулу недалеко отъ с. Исачекъ. Эта долина, р. Сулицы, представляя болѣе высокую мѣстность, отличалась прежде и въ настоящее время отличается сравнительно бо́льшимъ удобствомъ для перехода; кромѣ того, черезъ Сулицкую долину

---

[1]) Свод. лѣт., с. 332.

[2]) Изъ внутренней части Исачковскаго холма добывается въ изобилiи камень, идущій на мостовыя въ гор. Лубнахъ и въ уѣздѣ послѣдняго.

Библиотека "Руниверс"

открывался свободный доступъ къ селеніямъ, расположеннымъ по р.р. Сулицѣ, Многѣ, Артополоту, Удаю и пр.

Промежутокъ между долинами рр. Сулицы и Сулы представляетъ возвышенное плато, которое постепенно съуживается, по мѣрѣ приближенія къ мѣсту сліянія долинъ обѣихъ вышеназванныхъ рѣкъ, и образуетъ на концѣ такъ называемый снѣтинскій кряжъ или шпиль. Этотъ шпиль довольно высоко поднимается надъ окрестностью и круто спускается въ обѣ стороны—къ р. Сулѣ и въ долину р. Сулицы; подходя къ концу, шпиль съуживается и постепенно понижается. Вотъ этотъ-то возвышенный мысъ вмѣстѣ съ прилегающимъ сюда берегомъ р. Сулы и входитъ въ число укрѣпленій великокняжеской эпохи. Понятно, устроить на такомъ узкомъ мѣстѣ значительную крѣпость, кремль, который занималъ бы крайній пунктъ этого мыса, не было возможности: незначительность пространства, занимаемаго шпилемъ, не позволяла сдѣлать этого. За то система передовыхъ укрѣпленій, служившихъ какъ обсерваціоннымъ пунктомъ, такъ и препятствіемъ для подхода враговъ къ Снѣтинскому кремлю, можетъ быть прослѣжена безъ особыхъ затрудненій. На вершинѣ снѣтинскаго мыса, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, подходя къ плато, начинаетъ переходить въ широкій кряжъ, расположенъ цѣлый лабиринтъ невысокихъ холмиковъ, изъ которыхъ только немногіе по своей величинѣ превосходятъ ростъ человѣка; иные изъ нихъ, сглаженные временемъ, значительно осунулись, но все еще широки въ основаніи. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ среди холмиковъ замѣтно какъ бы пустое, расширенное въ видѣ площадки пространство, на которомъ нѣтъ какихъ-либо особыхъ возвышеній.

Площадь, занятая этими холмиками, довольно значительна по величинѣ; она выступаетъ двумя мысами въ поле; на взгорьѣ, обращенномъ къ Исачкамъ, замѣтны слѣды вала, сильно осунувшагося; по направленію къ Сулѣ холмики оканчиваются крутымъ обрывомъ, на краю котораго высятся огромные, очевидно, насыпные холмы, открывающіе дивный видъ на далекое разстояніе за Сулу. На уступѣ въ полъ-горы, надъ Сулой, среди зелени, стоитъ каменная церковь.

Библиотека "Руниверс"

Эти холмики ничуть не похожи на тѣ селитряныя бурты, какія зачастую встрѣчаются въ южно-русскихъ селеніяхъ. Самый видъ холмиковъ и расположеніе ихъ на гребнѣ крутой горы, доступъ на который чрезвычайно труденъ,—исключаютъ возможность признать ихъ за остатки селитрянаго производства. Я попытался узнать отъ крестьянъ, занимавшихся здѣсь же неподалеку распашкой поля, каково происхожденіе этихъ холмиковъ, и что тамъ было прежде. „Хто его знае, що тутъ було таке,—отвѣтилъ мнѣ одинъ крестьянинъ,—стари люде кажуть, що тутъ була колысь война; а бильшъ мы ничого не чулы: не знаемо, ни хто ёго робывъ ихъ, ни для чого".

Я внимательно осмотрѣлъ обширное поле, сплошь усѣянное такими холмиками, стараясь уловить какую-либо правильность или же систематичность въ ихъ расположеніи, но ничего особеннаго не замѣтилъ.

Поле со множествомъ холмиковъ представляло какъ бы обширный, пустынный заснувшій лагерь, сплошь усѣянный крытыми зеленымъ дерномъ палатками. Разсматривая эти холмики, я былъ пораженъ замѣчательнымъ сходствомъ въ величинѣ, формѣ и мѣстоположеніи ихъ съ такими же холмиками, находящимися близъ древняго Лукомльскаго городища: и тамъ, и здѣсь они являются одинаковыми; и тамъ, и здѣсь о нихъ сохранились одинаковыя преданія [1]).

По всей вѣроятности, эти холмики, находясь передъ укрѣпленіями, исполняли назначеніе маскировать силы защитниковъ и не давать возможности врагамъ нападать сплошной конной массой, чѣмъ только и были сильны и искусны кочевники.

---

[1]) Верстахъ въ двухъ къ сѣверу отъ Снѣтина, на склонѣ горы, нависающей къ Сулѣ, находится большой валъ, который какъ бы отчахнулся отъ горы. Снѣтинскіе старожилы разсказывали мнѣ, что, по преданію, этотъ валъ образовался оттого, что „одынъ чоловикъ оравъ на Велыкдень (т. е. на Пасху) да й пишовъ, провалывся значить, пидъ землю з воламы и плугомъ". Интересно, что подобное по своему сюжету преданіе о таинственномъ пахарѣ, котораго быки уходятъ въ землю, существовало и у Западныхъ славянъ уже въ глубокой древности: въ легендѣ о Чешскомъ Пшемыслѣ, записанной въ X или же XI в., мы встрѣчаемъ тождественное преданіе. См. *Бестужева-Рюмина*. Рус. Ист., т. I, с. 55—о матеріальн. обстановкѣ славянъ.

Библиотека "Руниверс"

Окончивъ осмотръ холмиковъ, я направился дальше, въ надеждѣ открыть какіе либо слѣды древнихъ укрѣпленій. Припоминая, что въ древнемъ Лукомльскомъ городищѣ, вслѣдъ за подобными холмиками находились земляные валы, составлявшіе какъ бы передовую защиту главнаго кремля, я постарался провѣрить,—нѣтъ-ли и здѣсь, по гребню шпиля, какихъ либо остатковъ валовъ. Узкость мѣста на гребнѣ не позволяла, конечно, соорудить здѣсь какое либо обширное укрѣпленіе, но слѣды большихъ валовъ, шедшихъ какъ бы параллельно другъ другу и нѣсколько расширявшихся въ болѣе широкой части (теперь эта часть занята усадьбой г. Афанасопуло),—замѣтны и теперь. И въ остальной части гребня, понижающагося къ концу, замѣтны слѣды валовъ, разрушенныхъ частью рукой времени, частью рукой человѣка. Не вдалекѣ отъ конца гребень разрѣзанъ поперекъ дорогой, которая все время вилась у подошвы его, обокъ съ сельскими усадьбами, нависшими къ Сулѣ. На отрѣзанномъ отъ общей массы горы шпилѣ также видны слѣды валовъ, частью разрытыхъ уже, частью слабо сохранившихся.

Такимъ образомъ, на вершинѣ горы не оказалось обширной крѣпости, какая соотвѣтствовала бы важности такого стратегическаго пункта.

Я разспросилъ у крестьянъ, не знаютъ-ли они какихъ либо валовъ или же буртъ въ селѣ; одинъ изъ крестьянъ, работавшій на откосѣ гребня горы, указалъ рукой къ рѣкѣ и сказалъ: „вонъ тамъ, надъ рѣкой, есть много буртъ: туда надо ѣхать!“ Я поднялся на гребень и глянулъ по направленію указаннаго мѣста: на краю обрыва рѣки ютились какіе-то обрывки валовъ, расположенные, какъ мнѣ показалось, безъ особой правильности. На дѣлѣ оказалось не то. Подъѣхавъ къ указаннымъ валамъ, я увидѣлъ, что здѣсь-то и находилась та древняя крѣпость, которую я тщетно искалъ на вершинѣ горы. Незначительность пространства на гребнѣ горы была причиной того, что главное городище, такъ называемый Снѣтинскій кремль, помѣстилось внизу, у подошвы горы.

Черезъ прорѣзанное отверстіе въ валу, ворота, мы въѣхали въ круглое, со всѣхъ сторонъ замкнутое, обширное го-

Библиотека "Руниверс"

родище, съ хорошо сохранившимся еще довольно высокимъ окружнымъ валомъ. Городище имѣло форму правильнаго круга; оно расположено на краю обрыва къ Сулѣ, за которой видны многочисленные заливы рѣки. Окружной земляной валъ еще и теперь довольно высокъ, крутъ и обрывистъ кнаружи; валъ весь искусственный, насыпной, съ значительными остатками черепковъ, костей, камней, углей, попадающихся иногда въ значительномъ количествѣ вмѣстѣ съ обгорѣлыми концами кольевъ, очевидно, когда-то защищавшихъ вершины валовъ. Вокругъ вала, съ наружной стороны, довольно явственно замѣтны слѣды рва, окружавшаго всю крѣпость; ровъ наполнялся, очевидно, водой изъ подходившей къ городку низины, извѣстной въ народѣ подъ названіемъ „Жабокрики“. Все городище внутри наполнено множествомъ различнаго рода насыпей, по большей части неправильной формы; только по бокамъ дороги, пересѣкающей городище посрединѣ и идущей къ мосту, замѣтны какъ бы правильно идущіе длинные валы. Двѣ, пересѣкающіяся накрестъ, дороги идутъ черезъ городище; онѣ образуютъ какъ бы четверо воротъ въ него.

При въѣздѣ черезъ западныя ворота, въ земляномъ валу замѣтна кирпичная кладка въ перемѣшку съ дикимъ камнемъ, какъ это дѣлалось въ старину: вѣроятно, здѣсь были когда-то крѣпостныя ворота. Въ средней части городища находится земляное возвышеніе, гдѣ, по преданію, находилась когда-то церковь; здѣсь отыскиваютъ въ значительномъ количествѣ старые кирпичи—это церковный погостъ, церковная земля по словамъ крестьянъ.

Я поинтересовался узнать, не сохранилось ли какихъ либо преданій объ этомъ городищѣ. Одинъ довольно пожилой крестьянинъ объяснилъ мнѣ, что это мѣсто называется „*городокъ*“, потому что здѣсь городъ былъ, а кто его соорудилъ—онъ не умѣетъ объяснить: „Богъ ёго знае, хто ёго зробывъ: мы не знаемо... Кажуть люде, що буцимъ тутъ Шведъ бувъ,—значить багатырь такый. (Sic) Винъ ото и воювавъ отутъ; а бильше не знаемо, ни хто ёго зробывъ, ни колы винъ будовавсь“. Разсказавъ все, что зналъ, крестьянинъ указалъ мнѣ невдалекѣ хату

Библиотека "Руниверс"

стараго дѣда, который могъ знать о городкѣ больше его. Я направился къ дѣду, онъ оказался дома и сидѣлъ на завалинкѣ, грѣясь на солнцѣ. Поздоровавшись съ дѣдомъ, я присѣлъ возлѣ него и началъ разспрашивать о городищѣ. „Те мисто, де ото валы, здавна звется *городокъ*,—объяснилъ мнѣ дѣдъ,—бо тамъ колысь бувъ городъ великій; и цей кутокъ, де мы живемо, звется тоже городкомъ, а улыця, що иде зъ городка,—Изгородьска". На мой вопросъ, не знаетъ-ли дѣдъ, кто построилъ или основалъ этотъ городокъ и когда,—дѣдъ отвѣтилъ: „Ни, добродію, не знаю, не чувъ, хто его зробывъ; стари люде казалы, що цей городокъ дуже, дуже (старикъ при этихъ словахъ поднималъ руку все выше и выше надъ головой, какъ бы дополняя жестомъ то, что онъ хотѣлъ выразить словами) давно зробленъ: его тоди зроблено, якъ свитъ зачынався—нихто не зна, хто его зробывъ. Кажуть, що война тутъ була колысь велыка: ото й валы насыпаны... Да якъ зачнуть було воювать, то вброгы съ тыей горы (старикъ указалъ рукой на Исачковскій холмъ), а наши съ сіей (съ Снѣтинской) бьются... А бильшъ нычого не знаю... Стари люде казалы, що тутъ колысь великый городъ бувъ—не мистечко, а городъ... дзвоны вылывалы... (sic) Да якъ напавъ Шведъ на Снитинъ, то ту церкву, що стоить надъ Сулою (та церква перше костеломъ була, а іи зробылы запорожци (sic)), зовсимъ скынулы съ кручи у Сулу, съ дзвонами... усе попадало въ воду... И теперъ, якъ прыслухаться надъ Сулой, то инколы чуть, якъ звонять у тій церкви".

Изъ этихъ неясныхъ разсказовъ мѣстныхъ жителей меня поразило то обстоятельство, что народная память сохранила преданіе о древности основанія снѣтинскаго городка и вѣрно указала то направленіе, въ какомъ происходили столкновенія съ врагами.

Кромѣ укрѣпленій городка, крестьяне указали мнѣ еще слѣды двухъ валовъ со рвами на внѣшней сторонѣ, перерѣзывающихъ низменную равнину, разстилающуюся передъ городомъ. Тамъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, отбивались отъ непріятелей. Валы въ настоящее время сильно осунулись: они невысоко поднимаются надъ поверхностью земли.

Библиотека "Руниверс"

Я миновалъ эти валы и направился къ Исачковской горѣ. Заходящее солнце мягко золотило своими лучами закутывающіяся въ туманную дымку окрестности. Съ вершины горы я еще разъ глянулъ въ сторону Снѣтина, и передо мною вновь воскресла картина давней, многострадальной жизни Снѣтина, видавшаго подъ своими стѣнами и многочисленныя рати половцевъ со хищнымъ, лукавымъ Бонякомъ, наводившимъ страхъ и трепетъ на окрестныя страны, и добраго страдальца за Русскую землю Владиміра Мономаха, ходившаго на защиту страднаго пахаря—поильца и кормильца Русской земли.

Василій Лясковронскій.

Библиотека "Руниверс"

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА И. И. СЕРДЮКОВА[1].

Медовый мѣсяцъ прошелъ въ визитахъ, въ числѣ коихъ мы ѣздили на приглашенный обѣдъ къ И. В. Бухарину, бывшему херсонскому губернатору. Возвращаясь оттоль, Текля почувствовала ознобъ, головную боль и слегла въ постель; на третій день оказалась у нея нервная горячка, я самъ ѣздилъ за докторомъ,— тогда знаменитымъ считался въ г. Зѣньковѣ уѣздный врачъ Кричевскій,—но спасенія не было. Больная бредила о дядѣ, нерѣдко звала меня безсознательно, и на 9-й день ея не стало...

Что было причиною ея болѣзни, трудно отгадать, но, повидимому, чрезвычайное душевное потрясеніе. Теперь только открылось, что тетушка сначала прочила ее за меня и могла подѣйствовать на нѣжную душу сильно, между тѣмъ какъ Текля и Мари знали навѣрное, что и сама она имѣла на меня претензію. Но Богъ съ нею! Какъ бы то ни было, только мое положеніе было ужасное: послѣ радости, вдругъ такой рѣзкій переходъ. Мари, хотя навѣщала сестру и почти была при ней безотлучно, но за день до смерти Текли докторъ запретилъ ей находиться при больной, потому что Мари оказалась и сама чрезвычайно нервной и страдала началомъ печоночной чахотки, слѣдственно опасались, чтобы, со смертью одной, не имѣть бы и двухъ покойницъ. На это время пріѣхала туда же Невѣровичева, бывшая у Ольшевскихъ экономкой. Она также совѣтовала увезти Мари въ Полтаву, подъ предлогомъ излѣченія ея самой и для высылки

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., № 11.

Библиотека "Руниверс"

къ Теклѣ губернскаго доктора. Обманъ былъ прискорбный, но необходимый. Поэтому, оставя все на попеченіе Невѣровичевой, ибо тетушка также ушла отъ умершей, мы ночью запрягли лошадей и уѣхали въ Полтаву. Жена моя была въ такомъ разстройствѣ, что безсознательно повиновалась всему. Быть можетъ, я сдѣлалъ это и опрометчиво, не боязнь за жену помутила мой разсудокъ. Мнѣ казалось непремѣнно, что Мари, увидя мертвую сестру, умретъ и сама; такъ, по крайней мѣрѣ, она сама твердила, и мы вынуждены были искать спасенія въ обманѣ. Текля похоронена въ Будылкѣ.

Между тѣмъ мало-по-малу я приготовлялъ Мари къ роковому извѣстію и исподоволь далъ знать, что Текли уже нѣтъ на свѣтѣ. Поэтому она пожелала видѣть ея могилу. Мы поѣхали въ Будылку, отслужили надъ могилой панихиду, поплакали вдоволь и отдали ей вѣчную память. Тетушка представила счетъ на 800 руб. за похороны, которую сумму я тотчасъ и заплатилъ ей. Здѣсь же заплатилъ и Невѣровичевой 500 руб., хотя та и другая претензіи чрезвычайно были преувеличены. Мы съ тетушкой толковали о долгахъ, которые она съ мужемъ сдѣлали и даже заложили сиротское въ Бѣлоруссіи имѣніе[1]), но она слышать ничего не хотѣла и рѣшительно отказалась отъ всякаго участія. Даже за Будылку, которая ей записана со всею движимостью, не принимала на себя отвѣтственности, и потому всѣ наши отношенія порвались.

Мари между тѣмъ заболѣла. Я повезъ ее въ Харьковъ къ знаменитому тогда доктору, профессору Калиниченку, платилъ ему за визитъ по 100 руб., и онъ рѣшилъ, что для ея выздоровленія нуженъ родной климатъ. Извѣстіе это дошло до Розетты Андреевны, и опредѣлено: отправиться въ Бѣлоруссію и тамъ поселиться. Сказано—сдѣлано. Гдѣ дѣло шло о жизни жены, тамъ я не задумывался. Мнѣ только осталось продать малороссійскія имѣнія и разсчитаться съ долгами, которыхъ я очень не любилъ. Для этого я отправился въ Полтаву.

---

[1]) Сколько они прожили, увидимъ дальше. (Примѣч. Сердюкова).

Библиотека "Руниверс"

Принявши имѣніе Ольшевскихъ въ свое распоряженіе, я былъ обязанъ хлопотать о разсчетѣ. По плану моему, нужно было полтавское имѣніе жены и мое продать, чтобы заняться хозяйствомъ въ одномъ мѣстѣ, т. е. въ Бѣлоруссіи; поэтому я объявилъ о продажѣ Локощины и Новоселовки. Вскорѣ явились охотники: на Локощину сосѣдъ Джунковскій, сулившій 28000, (за Локощину заплочено 52000 руб.), а на Новоселовку Павелъ Григорьевичъ Старицкій, дававшій 35000 р. Но такъ какъ намъ показались эти цѣны несходными, то мы рѣшились ждать у моря погоды.

Когда купилъ Ольшевскій с. Локощину, то пригласилъ кобелякскаго землемѣра Беселя измѣрить землю. Бесель занялся и выдалъ планъ; но такъ какъ у Ольшевскаго почти никогда не было денегъ, то за работу Бесель ничего не получилъ. Ему, конечно, обѣщали заплатить, между тѣмъ Ольшевскій умеръ. Когда же я получилъ имѣніе и расплачивался съ долгами, тогда явился и Бесель, прося дать ему за прошедшую работу, что называется, сколько угодно; но я спросилъ его, сколько именно. Онъ былъ столь совѣстенъ, что спросилъ 100 руб., а я отсчиталъ ему 200. Это его чрезвычайно обязало, и Бесель о щедрости моей и добродѣтели разславлялъ по своему уѣзду и, узнавъ между разговоромъ, что молодой человѣкъ, только что женившійся на купеческой дочери, Я. В. Дьяченко, ищетъ купить имѣніе, отрекомендовалъ ему нашу Локощину, которую самъ снималъ, и живописно обрисовалъ охотнику. Мы ничего этого не знали, какъ Дьяченко съ Беселемъ уже съѣздили въ имѣніе и обозрѣли его.

Послѣ этого въ одинъ изъ вечеровъ, когда у насъ собирались гости изъ числа моихъ знакомыхъ,—является молодой человѣкъ прекрасной наружности и рекомендуется, что онъ штабъ-ротмистръ Яковъ Васильевичъ Дьяченко. „Милости просимъ“. Подали чай. Сѣли за карты—усадили и гостя. Наконецъ ужинъ и прощанье. Всѣ гости разъѣхались, одинъ Я. В. остается. Я полагалъ, что онъ будетъ ночевать у насъ, велѣлъ было готовить постель, но Я. В. сказалъ, что онъ уѣдетъ ночевать на квартиру, а остался только на пару словъ.

— Позвольте узнать, въ чемъ дѣло? спросилъ я.

Библиотека "Руниверс"

— Вы, говоритъ, продаете Локощину, а я покупщикъ; поэтому позвольте мнѣ къ вамъ пріѣхать завтра пораньше, чтобы намъ помѣшать не могли.

На другой день рано Яковъ Васильевичъ дѣйствительно пожаловалъ къ чаю, и мы начали торгъ такъ: онъ взялъ перо и листъ бумаги, самъ сдѣлалъ расцѣнку и предложилъ 52 тысячи рублей.

Мы какъ нельзя лучше обрадовались такому покупщику, тѣмъ болѣе, что изъ Локощины уже продали лѣсу на 5 т. руб. Черезъ нѣсколько дней совершили и купчую.

Свою Новоселовку я продалъ Старицкому за 35 т. руб., да за движимость выручилъ около 2 т. руб.

Прежде этого я исчислилъ долги, которые, по продажѣ имѣнія, всѣ до копѣечки и уплатилъ, лишь принялъ на себя долгъ на бѣлорусскомъ имѣніи, Кудричахъ, Приказу Общественнаго призрѣнія, такъ какъ на это имѣніе Мари совершила мнѣ купчую, потому что я на уплату наслѣдственныхъ долговъ ея продалъ свое отличное имѣніе.

Здѣсь кстати упомянуть о счетахъ съ тетушкою. Они съ покойнымъ Даніломъ Францовичемъ взяли у отца на покупку Будылки 30 тысячъ рублей; получили изъ Могилевскаго Приказа за бѣлорусское имѣніе 19400 руб.; заняли у разныхъ лицъ вышепоименованныхъ 17900 рублей; заняли у Каракуши 11 тысячъ рублей, у доктора Ольшевскаго 2 тысячи, и все это осталось въ Будылкѣ. Я не говорю о томъ, что занималъ Данило Францовичъ на покупку Локощины 25 тысячъ рублей. Все это я пополнилъ и—съ удовольствіемъ могу припомнить—разсчитался со всѣми честно.

Покончивши такимъ образомъ, я снарядилъ 20 фуръ чумацкихъ, т. е. по парѣ воловъ въ огромной телѣгѣ, въ 4 лошади коляску и 2 кибитки; сложивъ все свое полтавское имущество и даже мебель, взялъ 25 мужчинъ и 25 женщинъ изъ полтавскихъ имѣній[1]), отправилъ молебенъ и двинулъ весь обозъ въ моги-

---

[1]) Нѣкоторые изъ переселенныхъ малороссіянъ находятся еще и нынѣ въ Кудричахъ и вполнѣ сохранили свой языкъ. Дома ихъ одни изъ лучшихъ въ деревнѣ.

Библиотека "Руниверс"

левское имѣніе. Самъ я на другой день съ женою выѣхалъ въ каретѣ, до Ромна на почтовыхъ, а здѣсь, купивъ лошадей, съ кучеромъ Карпомъ, форейторомъ Осипомъ и двумя лакеями да дѣвушкой Фелиціей, поѣхали на своихъ.

Въ Конотопѣ съ собою я взялъ племянника Василія Стасевича и племянницу Марью Сердюкову. Наконецъ, 12 іюня 1842 года прибыли благополучно въ Кудричи, куда черезъ двѣ недѣли явился и обозъ, потерявши на дорогѣ 7 лошадей; съ обозомъ привезены 4 малороссійскія коровы и 25 решетиловскихъ овецъ, которыя долго у меня велись.

Переселеніе мое съ такимъ обозомъ надѣлало шуму во всемъ мстиславскомъ уѣздѣ, гдѣ помѣщики почти всѣ поляки и завзятые патріоты. Со многими изъ родни Мари я познакомился, другіе, встрѣчаясь со мною, запрашивали къ себѣ и тоже причислялись къ роднѣ, такъ что, съ кѣмъ только ни случилось мнѣ встрѣчаться,—все родные! Впослѣдствіи я узналъ, къ чему это клонилось, и когда я началъ сидѣть больше дома и занялся хозяйствомъ, тотчасъ всѣ стали держаться отъ меня подальше, отзываясь обо мнѣ: „добрый человѣкъ, але русскій“.

Въ Кудричахъ, которыя зимой, въ прошлый мой пріѣздъ, въ 1841 году, показались довольно красивымъ мѣстомъ,—теперь я нашелъ недостатки. Рѣки при усадьбѣ нѣтъ, луговъ мало, мельницы нѣтъ, дома нѣтъ. Крестьяне бѣдны и много воровъ. Арендаторъ потребовалъ вознагражденія за сдачу имѣнія прежде срока. Приведенные малороссы, 50 душъ, требовали хлѣба и соли. Нужно было поворачиваться на всѣ четыре стороны. Поэтому я, поселившись въ двухъ комнатахъ, началъ строить домъ, мельницы, сараи, раздѣлывать луга, отдѣлилъ поля крестьянскія отъ господскихъ къ одной сторонѣ, покопалъ канавы, растеребилъ оборки, выбралъ себѣ войта Петра Лукьянова, пробовалъ новое полеводство, искусственное удобреніе, увеличилъ скотоводство, распредѣлилъ привезенныхъ хохловъ на хозяйство, началъ участвовать во всѣхъ хозяйственныхъ журналахъ—и въ

Многіе и послѣ освобожденія остались у насъ въ домѣ и дожили вѣкъ; всѣ они вообще пользовались особымъ покровительствомъ и расположеніемъ покойнаго мужа. (Примѣч. вдовы автора).

Библиотека "Руниверс"

такихъ хлопотахъ не осмотрѣлся, какъ прошло нѣсколько лѣтъ и израсходовано нѣсколько тысячъ, вывезенныхъ изъ Малороссіи.

Я заботился о хозяйствѣ съ удовольствіемъ, оттого что, дѣйствительно, какъ сказалъ Калиниченко, жена моя значительно поправилась и начала рожать дѣтей. Правда, дѣти выходили слабыя и умирали. Изъ пяти сыновей остался средній, Аристархъ, теперь (въ 1868 г.) студентъ московскаго университета. Я не могу не вѣрить нѣкоторымъ, такъ называемымъ предразсудкамъ, по моему—припишу это къ предчувствію, къ магнетизму. Напримѣръ: какъ я сказалъ, у насъ пошли ежегодно дѣти; крестнымъ отцомъ ихъ всегда былъ приглашаемъ, по желанію жены, генералъ Иванъ Антоновичъ Свѣховскій, и дѣти умирали. Акушерка дала совѣтъ взять такъ называемыхъ „встрѣчныхъ“ кумовей, когда представится надобность, и это дѣлать такъ: отецъ долженъ выйти изъ дому и, кого бы ни встрѣтилъ, мужчину и женщину, тѣхъ и брать въ кумовья. Когда родился Аристархъ, вотъ такъ мы и поступили. Я вышелъ изъ дому и встрѣтилъ нечаянно ко мнѣ пріѣхавшихъ мужчину и женщину—это былъ полковникъ Филиппъ Ивановичъ Коваликъ, по Малороссіи мой землякъ, и съ нимъ пріятельница Мари, Анна Антоновна Саллак...; они и были воспріемниками Аристарха, и слава Богу, онъ только и уцѣлѣлъ—отъ этого или отъ чего другого, извѣстно Богу, но я получилъ къ примѣтамъ довѣріе.

Между хозяйствомъ я занимался и литературой. Въ 1844 году въ „Земледѣльческой Газетѣ“ напечатаны мои статьи: въ № 44—*О цѣнахъ на сельскія произведенія*; № 57—*О сохѣ*; № 34—*О болѣзни овецъ*; 1845 г. № 4—*О Бѣлорусскомъ хозяйствѣ*; 1846 г. № 47 удостоенное награды сочиненіе *О скотоводствѣ*, представленное на конкурсъ 1844—1845 г.; 1847 г. № 59—*О страхованіи скота*; 1848 г. № 47—*О съѣздахъ*; № 51—99—*О хлѣбокошеніи*; 1848 г. марта 14 письмо къ Наполеону III о лишеніи папы свѣтской власти и *О соединеніи церквей*. Копію его послалъ я митрополиту Филарету и министру народнаго просвѣщенія; 1849 г. № 2—*О чаконѣ*; № 3—*Свѣдѣнія о расте-*

Библиотека "Руниверс"

ніяхъ; № 5—*Картофельный хлѣбъ*; № 8 и 9—*Испорченное и поправленное хозяйство*. Разборъ этой статьи помѣщенъ въ Журналѣ Мин. Госуд. Имуществъ, 1849 г. № 3, ст. 246; № 14—*Молотьба овса*; № 19—20—*О пчеловодствѣ*; № 21—*Отвѣтъ на замѣчанія*; № 23—*О картофелѣ*; № 33—*Пряжа и холсты*: № 34—*Народныя примѣты и метеорологія*. Статья эта была перепечатана въ С.-Пб. Вѣдомостяхъ, въ журналѣ М. Г. Им. и въ Трудахъ Имп. В. Эк. Общества. Въ этомъ же году я познакомился съ редакторомъ „Землед. Газеты" Степаномъ Михайловичемъ Усовымъ и былъ приглашенъ участвовать въ издаваемой имъ газетѣ „Посредникъ".

1850 года, по задачѣ ученаго комитета М. Г. Имущ., я написалъ *Описаніе мстиславскаго уѣзда* и удостоился почетнаго отзыва Комитета отъ 9 февраля 1851 года за № 84. Объ этомъ писали во всѣхъ газетахъ. № 39—*Чищеніе серебра*; № 44—*Еще опытъ кошенія ржи*; № 53—*О новыхъ орудіяхъ уборки картофеля*; № 65—*Климатологія мстиславскаго уѣзда*.

Въ Трудахъ Им. В. Эк. Общества—*Очерки хозяйства моего*, № 4, за апрѣль 1850 г.

Противъ этой статьи интриговали польскіе паны, и одинъ изъ нихъ, пребывавшій въ Петербургѣ, указалъ на нее генералу Дубельту, какъ на либеральную, гдѣ написана была фраза, что „переселенные мною въ Бѣлоруссію малороссы, забывъ тоску по отчизнѣ, привыкли къ бѣлорусскому хозяйству. На все это сосѣди хотя и смотрятъ одобрительно, но у насъ нововведенія требуютъ людей рѣшительныхъ; отъ этого встрѣчаются иногда похвалы съ завистью, которая не рѣдко примѣшиваетъ упрямство, и полезное подражаніе останавливается въ раздумьи. Полезны-ли эти труды (т. е. система моего хозяйства, которыми наполнена статья), предоставляю судить другимъ". Статья эта была доложена государю Николаю Павловичу и вызвала объясненіе вице-президента И. В. Э. О. князя Долгорукова.

Въ томъ же году я назначенъ былъ членомъ-корреспондентомъ И. В. Э. О. и получилъ дипломъ. Въ томъ же году моя статья подъ заглавіемъ *Хозяйство въ имѣніи Кудричахъ* напечатана въ газетѣ „Экономъ", издаваемой подъ редакціею Булга-

Библиотека "Руниверс"

рина № 11—18; въ 1852, 1855 и 1857 годахъ въ Экономическомъ Обществѣ—*Опытъ объ улучшеніи хозяйства* и вообще о народномъ благосостояніи.

Между тѣмъ я писалъ государственные проекты: 1) *О помѣщичьихъ имѣніяхъ и крестьянахъ*, поданный 27 генваря 1857 года графу Блудову; 2) О судебной администраціи: чиновники, инстанціи и судопроизводство,—послано 20 марта того же года графу Блудову; 3) Проектъ объ откупахъ и акцизѣ. Эти проекты впослѣдствіи я послалъ Якову Ивановичу Ростовцеву и получилъ отъ него отзывъ; писалъ я много и другихъ проектовъ, о чемъ будетъ говорено по порядку лѣтъ.

Теперь я возвращаюсь къ 1850 году и буду продолжать послѣдовательно.

Кромѣ хозяйства, я строилъ шоссе въ м. Кричевѣ, между рѣками Сожемъ и Черной рѣчкой на сумму 40 тыс. руб. сер., и вышелъ почти безъ барыша, по худой расплатѣ повѣренныхъ главнаго подрядчика Лярскаго. Велъ переписку о хозяйствѣ съ людьми, знакомыми мнѣ только по журналамъ, которые дѣлали мнѣ честь своими вопросами, а именно: съ генераломъ Николаемъ Васильевичемъ Вохинымъ, псковскимъ помѣщикомъ, съ генераломъ Дмитріемъ Михайловичемъ Самборскимъ, тверскимъ помѣщикомъ, съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ, редакторомъ „Эконома“, съ Степаномъ Михайловичемъ Усовымъ, издателемъ „Посредника“, съ Петромъ Александровичемъ Головинскимъ, старобѣльскимъ помѣщикомъ, съ Василіемъ Андреевичемъ Журавлевымъ, управляющимъ имѣніями генерала Хомутова и писателемъ; съ Иваномъ Николаевичемъ Лермонтовымъ, задонскимъ помѣщикомъ; съ Александромъ Михайловичемъ Дураковскимъ, великолуцкимъ помѣщикомъ; съ Дмитріемъ Ивановичемъ Брещинскимъ, кунгурскимъ помѣщикомъ пермской губ.; съ Гавриломъ Ивановичемъ Шульгинымъ, ростовскимъ помѣщикомъ; съ Петромъ Родіоновичемъ Подушкинымъ, вяземскимъ помѣщикомъ; съ Владиміромъ Федоровичемъ Петрицкимъ, шуйскимъ помѣщикомъ; съ Андреемъ Ивановичемъ Чихачовымъ[1]), шуй-

[1]) Съ Андр. Ивановичемъ наша переписка ходила отъ одного къ другому тетрадью нѣсколько лѣтъ, и не знаю, почему тетрадь осталась у него, мнѣ не возвращенная, въ 1859 г.

Библиотека "Руниверс"

скимъ же помѣщикомъ и писателемъ; съ Александромъ Евграфовичемъ Чернявскимъ, помѣщикомъ суражскаго уѣзда черниговской губерніи, писателемъ и сахароваромъ; съ Павломъ Осиповичемъ Енько, витебскимъ помѣщикомъ и писателемъ; съ Мартыномъ Ивановичемъ Ивановымъ, белибинскимъ окружнымъ начальникомъ.

На всѣ отзывы я отвѣчалъ—инымъ по нѣскольку разъ, нѣкоторымъ высылалъ сѣмена или планы для построекъ и даже планы для полеводства, и пріятное о нихъ воспоминаніе всегда доставляетъ мнѣ удовольствіе.

Наконецъ насталъ 1851 годъ, для меня несчастный: моя жена, ѣдучи въ другую деревню съ дѣтьми въ коляскѣ въ шесть лошадей, провалилась на мосту и съ испугу заболѣла, а 11 февраля 1851 года, въ 10 часовъ 45 минутъ ночью, отошла въ вѣчность, тихо и нѣжно, взглянувъ на меня въ послѣдній разъ, еще пожала мою руку. Этотъ роковой случай совершенно поразилъ меня, тѣмъ болѣе, что въ продолженіе десятилѣтней нашей съ нею жизни, мы никогда не разлучались, а въ это несчастное время какъ нарочно она уѣхала безъ меня и, главное, не вышла изъ экипажа, когда, бывало, при малѣйшей горкѣ или переѣздѣ чрезъ ничтожный мостикъ никогда ни мнѣ не позволяла, ни сама не оставалась въ экипажѣ. Такъ ужъ судилъ злой рокъ, какъ говорится,—смерть причину найдетъ. Мари была слабаго здоровья, но чрезвычайно веселаго нрава, даже никогда болѣзненности своей не обнаруживала, чтобы меня не безпокоить. Большая мастерица въ изготовленіи многихъ туалетныхъ и дѣтскихъ вещей, хорошо знала нѣмецкій и французскій языки, русскій же и польскій были ея родные; любила женское хозяйство, любила меня безъ памяти и, къ скорби моей, оставила свѣтъ на 29-мъ году отъ рожденія. Похоронена въ Кудричахъ, рядомъ съ ея матерью, также во цвѣтѣ лѣтъ снизшедшею въ могилу. Надъ могилой Мари поставленъ крестъ съ надписью: „Здѣсь лежитъ Марьяна Каетановна Сердюкова, урожденная Ольшевская. Умерла 11 февраля 1851 года, на 29-мъ году жизни“ [1]). При

[1]) Я написалъ стихи, которые нынѣ на крестѣ стерлись:

„Твоя неожиданная смерть мнѣ жизнь отравила:
Она у меня исторгнула жену и сына матери лишила“.

Библиотека "Руниверс"

этихъ могилахъ теперь строится церковь во имя Іоанна Милостиваго.

Послѣ погребенья, на другой же день, взглянувъ въ окно, изъ котораго видна ея могила, я не могъ жить въ домѣ и на третій день оставилъ Кудричи, выѣхалъ въ Петербургъ, предполагая дорогою разсѣять грусть и въ столицѣ сыскать службу. Аристарха я оставилъ дома подъ надзоромъ няни и старушки Чаплицовой. Ему тогда было пять лѣтъ.

Часть третья.

При отъѣздѣ изъ Кудричъ, управленіе имѣніемъ я поручилъ войту Петрику, а надзирать и руководить по писанному просилъ мстиславскаго стряпчаго Евдокима Ивановича Бѣлохвостова, казавшагося мнѣ большимъ пріятелемъ; разумѣется, положено было ему жалованье, а въ помощь ему приглашенъ еще городовой врачъ Тимофей Севастьяновичъ Севастьяновъ, большой мой пріятель. Проѣхавъ 30 верстъ, до м. Кричева, на собственныхъ лошадяхъ, я остановился здѣсь кормить лошадей у еврея, называемаго Ротшильдомъ, Лейбы Певзнера, человѣка почтеннаго и пользующагося хорошимъ знакомствомъ. Здѣсь нашелъ тоже остановившагося помѣщика Александра Станиславовича Голынскаго. Зашелъ разговоръ, кто куда ѣдетъ, потомъ Певзнеръ и Голынскій сожалѣли о моей потерѣ, а какъ и Голынскій вдовецъ, то Певзнеръ, какъ бы въ шутку, совѣтовалъ ему жениться и предлагалъ невѣсту, Александру Николаевну, ему извѣстную; но Голынскій, отстраняя предложеніе, обратилъ сватовство ко мнѣ. Отвѣчать мнѣ было легко: я этой особы не знаю и о женитьбѣ теперь не помышляю; а ежели они оба такъ хвалятъ Александру Николаевну, по фамиліи Очкину, то я просилъ бы ихъ сосватать ее за моего пріятеля Бѣлохвостова. Оба они охотно на это согласились.

Между тѣмъ мнѣ привели почтовыхъ лошадей. Я простился и покатилъ по шоссе на Москву, а оттоль по чугункѣ въ Петербургъ. На другой же день по пріѣздѣ, именно 20 февраля 1851 года, я пошелъ въ книжный магазинъ Исакова. Здѣсь встрѣ-

Библиотека "Руниверс"

тилъ Ѳ. В. Булгарина, который спросилъ, зачѣмъ я пріѣхалъ. Выслушавъ мою повѣсть и желаніе поступить на службу, онъ былъ столь любезенъ, что сейчасъ предложилъ мнѣ свои услуги.

— „Приходи ко мнѣ завтра въ 11 час. утра, я тебя отрекомендую".

Въ назначенный часъ явился я къ Ѳ. В. Онъ квартировалъ на Невскомъ, въ домѣ Миняева. Дверь кабинета его завѣшена была сукномъ. Я отдернулъ безъ доклада и очутился въ кабинетѣ. Булгаринъ стоялъ у пульпета и писалъ, съ сигарой въ зубахъ; на немъ было коричневое, почти красное, коротенькое пальто, зеленый галстухъ и желтые въ полоскахъ панталоны. Услыша мое привѣтствіе, онъ поднялъ глаза, положилъ перо, подалъ мнѣ руку и буркнулъ:

— „А, мое почтеніе, мое почтеніе. Ну, что? Вотъ я сію минуту напишу. Хотите вы служить по хозяйственному департаменту министерства государственныхъ имуществъ? Директоръ Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, большой мой пріятель, я полагаю, васъ приметъ на службу".

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я.

Булгаринъ принялся писать, потомъ прочиталъ и подалъ мнѣ слѣдующее письмо: „Милостивый государь Алексѣй Иракліевичъ! Господинъ Сердюковъ, извѣстный у насъ по хозяйственной литературѣ за бойкаго человѣка, а по обществу—за практическаго хозяина, желалъ бы служить подъ вашимъ начальствомъ. Рекомендую. Это находка, а не человѣкъ. Вы доставите себѣ и мнѣ удовольствіе, если дадите ему мѣсто. Пріймите увѣреніе въ преданности и дружбѣ. Ѳ. Булгаринъ. 22-го февраля 1851 года.

Съ этимъ письмомъ я въ тотъ же день отравился въ департаментъ, гдѣ квартировалъ А. И. Левшинъ. Прочитавъ письмо, мною поданное лично, А. И. посадилъ меня и довольно долго бесѣдовалъ со мною. Рѣчь шла о Горецкомъ институтѣ, о тамошнемъ хозяйствѣ. На все я отвѣчалъ, какъ зналъ, будучи знакомъ съ этимъ заведеніемъ. Прощаясь А. И. сказалъ:

Библиотека "Руниверс"

— Я въ настоящую минуту не придумаю вамъ должности, всѣ заняты; но буду имѣть васъ въ виду и постараюсь пріискать вамъ мѣсто; понавѣдайтесь черезъ 4—5 дней. Я не забуду васъ".

Съ этимъ я откланялся, пріятно и вѣжливо привѣтствуемый Левшинымъ.

Черезъ 3 дня Булгаринъ мнѣ писалъ: „Приходите ко мнѣ—есть дѣло. Бывайте у меня чаще—я дома съ утра до часу и съ 5 до 10 вечера. Ѳ. Булгаринъ". Я пришелъ, и онъ подалъ слѣдующее письмо: „Милостивый государь Ѳаддей Венедиктовичъ! На письмо ваше отъ 22 сего февраля имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что рекомендуемый мнѣ вами г. Сердюковъ, судя по объясненіямъ моимъ съ нимъ, можетъ быть съ пользою употребленъ на службу по министерству государственныхъ имуществъ; но какъ въ настоящую минуту нѣтъ ни одной вакансіи, которая могла бы быть ему предоставлена, то я буду имѣть его въ виду на будущее время и очень радъ буду, если найду случай сдѣлать вамъ и ему тѣмъ удовольствіе. Пріймите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. А. Левшинъ. 25 февраля 1851 года".

Въ это время спросилъ меня Булгаринъ, не привезъ ли я чего изъ статей. Я ему показалъ написанную при отъѣздѣ изъ имѣнія инструкцію для моихъ управляющихъ. Онъ ее взялъ и напечаталъ въ „Экономѣ", №№ 11—18 подъ заглавіемъ: „Хозяйство въ помѣстьи Кудричи". За эту статью издатель Югенмейстеръ заплатилъ мнѣ 50 руб. сереб.

Въ слѣдующій вторникъ я отправился къ Левшину. Онъ принялъ меня весело и сказалъ:

— Мѣсто для васъ есть, потрудитесь поговорить съ начальникомъ отдѣленія, а потомъ мнѣ скажете.

При этомъ человѣку, предъ нимъ стоявшему, указалъ онъ отвести меня въ отдѣленіе. Тамъ мнѣ предложили мѣсто помощника инспектора въ самарской губерніи по иностраннымъ колоніямъ; жалованья 800 рублей и на разъѣзды, прогоны и подорожная. Возвратясь къ Алексѣю Иракліевичу, я поблагодарилъ его и просилъ отсрочки на нѣкоторое время—подумать.

Библиотека "Руниверс"

— Извольте, только прошу васъ не долго думать. Это мѣсто нужно замѣстить поскорѣе.

И съ этимъ я простился. Вышедши изъ департамента въ размышленіи, побрелъ я медленными шагами, какъ неожиданно меня встрѣтилъ Василій Алексѣевичъ Соколовскій, прежній, по Полтавѣ, мой большой пріятель, взялъ съ собою въ сани, и мы отправились къ нему. Слово за слово, объяснилось дѣло скоро, и онъ, выслушавъ мой разсказъ, качая головою, утвердительнымъ тономъ, какъ другъ, рѣшилъ:

— Откажись ты отъ этой Самары! Куда тебя несетъ за 2 тысячи верстъ отъ дому? Тебѣ чиновъ и орденовъ не нужно, а надобно обезпечить семейство порядочнымъ жалованьемъ, службою сообразно твоимъ способностямъ по агрономіи. Хочешь, намъ нуженъ такой, какъ ты, управляющій въ калужскія имѣнія князей Кочубеевъ. Поѣдемъ сейчасъ, и дѣло въ шляпѣ.

Онъ служилъ у князей Льва, Сергѣя, Василія и Михаила Викторовичей Кочубеевъ.

Мнѣ понравилось его предложеніе, потому что имѣніе, предлагаемое къ управленію, отстояло отъ моего дома всего въ 250 верстахъ.

Я согласился, и мы въ тотъ же день были у князя Сергѣя, завѣдывавшаго дѣлами братьевъ, договорились за 1500 руб. въ годъ жалованья по имѣніямъ Сергѣя и Льва Викторовичей въ калужской губерніи, медынскаго уѣзда, отчинѣ Троицкое и Адуево, съ 1800 душами, съ бумажною фабрикою и прочими заведеніями, подъ мое управленіе поступающими. Мнѣ дали на дорогу 200 руб., довѣренность, и я, отказавшись отъ предложенія самарскаго, выѣхалъ въ Кудричи, простившись съ добрымъ моимъ товарищемъ и съ Булгаринымъ.

Распорядившись въ Кудричахъ и взявъ Аристарха съ нянею, 10 іюня выѣхалъ, а 12-го 1851 года былъ я уже въ Троицкомъ. Пріѣздъ мой былъ внезапный,—тамъ никто не зналъ о перемѣнѣ, письмо къ прежнему управляющему, статскому совѣтнику Николаю Павловичу Филиппову, о сдачѣ мнѣ имѣнія передано чрезъ меня лично. Прочитавши его, онъ былъ сконфуженъ, но принялъ меня радушно; онъ и почтенная его суп-

Библиотека "Руниверс"

руга, люди добрые и образованные, до самаго отъѣзда ихъ изъ Троицкаго были со мною не разлучны. Должность онъ сдалъ мнѣ аккуратно и, получивъ изъ суммъ княжескихъ 300 руб. и экипажъ, выѣхалъ благополучно. Распрощавшись съ Филипповыми, я принялся за хозяйство. Въ Троицкомъ устроена писчебумажная фабрика, которая князю принесла убытокъ, но когда отдали ее англичанину Василію Осиповичу Говарду въ аренду, то она стала приносить доходъ въ 9 т. руб. серебромъ ежегодно. Вотъ что значитъ—дѣло мастера боится! Впослѣдствіи эту фабрику онъ же и купилъ. Князь Сергѣй навѣщалъ меня и, кажется, былъ доволенъ. Я по дѣламъ его, коихъ принялъ достаточно тяжебныхъ, очень часто ѣздилъ въ обѣ столицы и въ Калугу. Слѣдствіемъ чего было то, что мы купили еще имѣніе въ масальскомъ уѣздѣ, село Жуковку, съ 1000 душъ крестьянъ; пріобрѣтеніе это досталось отъ нѣкоей Нѣмчиновой, на которую пріобрѣли всѣ векселя. Имѣніе это также поступило въ мое завѣдываніе, съ обѣщаніемъ прибавочнаго жалованья въ 800 руб. Всѣмъ имѣніямъ я составилъ статистическія описанія и планы; множество сдѣлалъ экономическихъ сокращеній въ безполезныхъ заведеніяхъ и прислугѣ, а многое, напротивъ, устроилъ. Князь Жуковку для себя не прочилъ, а купилъ для барышей.

Между этою дѣятельностью я писалъ къ Бѣлохвостову, какъ управляющему моимъ имѣніемъ, и между прочимъ, вслѣдствіе разговора въ Кричевѣ, совѣтовалъ ему невѣсту Очкину. Онъ на это въ отвѣтъ просилъ меня пріѣхать и его познакомить. Хотя я и самъ никогда ее не видалъ и даже не былъ знакомъ съ ея родными, но мнѣ пришла благая мысль устроить это при посредствѣ кума моего, полковника Филиппа Ивановича Ковалика, по сосѣдству съ Очкиной имѣющаго свое помѣстье. Для этого зимой 1851 года я отправился въ Кудричи и, взявъ съ собою Бѣлохвостова, поѣхали къ Ковалику, а съ нимъ отправились въ м. Кричевъ, въ домъ тамошнихъ почетныхъ гражданъ Бочковыхъ, у которыхъ Очкина проживала и учила дѣтей. Явясь къ Бочковымъ, Филиппъ Ивановичъ отрекомендовалъ насъ, какъ водится, хозяину, изъ трехъ братьевъ находящемуся тогда въ домѣ, Емельяну Степановичу, а Очкина си-

Библиотека "Руниверс"

дѣла въ другой комнатѣ съ дѣтьми. Мнѣ любопытно было скорѣе съ нею познакомиться; я вошелъ въ залу, поклонившись дѣвушкѣ, спросилъ ея имя—это была дѣйствительно она,—отрекомендовался и началъ разговоръ:

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— „Какъ изволите видѣть, читаемъ съ дѣтьми," мнѣ по-институтски отвѣчали (она была институтка). Съ этимъ словомъ прекратила занятіе и ушла со всѣмъ своимъ классомъ въ другіе покои [1]). Я возвратился къ своей компаніи, гдѣ Филиппъ Ивановичъ успѣлъ объяснить цѣль нашего посѣщенія. Но Емельянъ Степановичъ не могъ рѣшить этого дѣла безъ старшаго брата Осипа Степановича, который жилъ въ с. Гайдуковкѣ, управляя имѣніями помѣщиковъ Голынскихъ, и который воспитывалъ Очкину, какъ родной дядя и опекунъ ея. Впрочемъ подали чай, къ чаю вышла и Александра Николаевна. Филиппъ Ивановичъ и я, какъ уже ея знакомые, представили ей Бѣлохвостова, обмѣнялись нѣсколькими словами и сѣли за карты. Къ столу подходила Александра Николаевна и внимательно насъ разсматривала; наконецъ подали ужинъ, за которымъ мы были поразвязнѣе и успѣли нѣсколько и себя заявить, и барышню узнать. Насъ просили на обѣдъ завтра.

На другой день мы явились. На этотъ разъ мы встрѣтили Александру Николаевну въ гостинной, одѣтую съ изяществомъ. Какъ-то мнѣ первому опять пришлось начать разговоръ съ дѣвушкой. На этотъ разъ бесѣда была оживленнѣе. Женихъ что-то былъ застѣнчивъ—за него я во многомъ дѣлалъ вопросы и получалъ отвѣты. Послѣ обѣда оставались весь вечеръ. При прощаньи я взялъ за руку Александру Николаевну и пожелалъ всего лучшаго и совершеннаго счастья.

— „Да, сказала она съ улыбкой: счастье, быть можетъ, и очень близко, но неизвѣстно, кто его устроитъ."

Эти умныя слова, содержанія черезвычайно замысловатаго, по тогдашнимъ обстоятельствамъ еще болѣе поселили во мнѣ

---

[1]) Впослѣдствіи я узналъ, что Александрѣ Николаевнѣ не понравилось наше посѣщеніе. Она уже прослышала о нашемъ намѣреніи сватать ее за Бѣлохвостова.

Библиотека "Руниверс"

уваженіе къ дѣвицѣ, которой достоинства я уже достаточно видѣлъ. Мы простились. Хозяинъ просилъ Бѣлохостова бывать у нихъ.

Возвращаясь съ Бѣлохвостовымъ въ Кудричи, мы всю дорогу почти молчали, а на слѣдующей станціи онъ спросилъ мое мнѣніе объ Александрѣ Николаевнѣ. Я отвѣчалъ какъ нельзя лучше и совѣтовалъ ему не упускать столь интересной невѣсты, бывая и сближаясь съ нею сколь возможно въ мнѣніяхъ.

Вскорѣ я возвратился въ Троицкое и очень часто получалъ отъ Бѣлохвостова письма, въ которыхъ онъ увѣдомлялъ меня о своихъ успѣхахъ и надеждахъ вскорѣ сдѣлаться мужемъ Александры Николаевны. Даже назначено было 29 іюня 1852 года быть вѣнцу, для присутствія при которомъ просилъ и меня пріѣхать.

Приготовляясь къ свадьбѣ своей племянницы, Осипъ Степановичъ Бочко въ февралѣ мѣсяцѣ 1852 года ѣхалъ въ Москву за покупкою приданаго съ двумя племянницами, Александрой Николаевной Очкиной и Анной Емельяновной Бочковой; послѣднюю при этомъ случаѣ везли для помѣщенія въ институтъ. Не далеко было въ сторону своротить въ Троицкое. Пріѣздъ ихъ былъ неожиданный, но я былъ дома и встрѣтилъ ихъ съ удовольствіемъ. Съ Осипомъ Степановичемъ и съ меньшой его племянницей я еще не былъ знакомъ.

— „Я пріѣхалъ, или заѣхалъ,—началъ Осипъ Степановичъ свое привѣтствіе,—для того, чтобы поблагодарить васъ, И. И., за участіе въ судьбѣ моей Александры, принятое вами безъ всякихъ моихъ заслугъ. Извините, но долгъ мой я исполняю съ величайшимъ удовольствіемъ“.

Мы съ нимъ познакомились скоро, войдя въ разсужденіе о хозяйствѣ. Дѣвушекъ я занялъ книгами, и мы вечеръ провели какъ нельзя лучше. На другой день Говардъ пригласилъ насъ на обѣдъ; мы поѣхали втроемъ: О. С., Александра Николаевна и я. Писчебумажная фабрика, которую Говардъ арендовалъ, отъ моей резиденціи отстояла версты на $1^1/_2$, слѣдственно мы явились скоро. Жена Говарда, Юлія Степановна, женщина образованная, заняла дѣвушку, мою гостью. Мы всѣ были приняты

Библиотека "Руниверс"

радушно, обѣдали вкусно и весело и возвращались уже при лунѣ. Въ дорогѣ, подъ вліяніемъ мечтательнаго свѣта, мы разговаривали съ Александрой Николаевной о ея женихѣ, и я узналъ, что онъ ей не нравится; скорый нашъ пріѣздъ къ крыльцу прекратилъ нашъ разговоръ. На другой день гости мои уѣхали. Хотя мнѣ послѣ Юлія Степановна и намекала на интересность этой дѣвушки, но думать о ней мнѣ, когда я самъ же ее сосваталъ и когда уже у нихъ все было кончено и назначена 29 іюня свадьба—было бы смѣшно и безразсудно.

Послѣ того пошла моя обычная жизнь. Бочко со старшею племянницею возвратились домой, а меньшую оставили въ Москвѣ, въ Екатерининскомъ институтѣ. Вдругъ 26 іюня 1852 года, въ то самое время, какъ я думалъ ѣхать на свадьбу Бѣлохвостова, получаю отъ него слѣдующее письмо: „Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Рѣшаясь жениться не иначе, какъ съ благословеніемъ моего старшаго брата, Максима Ивановича, который во всю мою жизнь заступалъ мѣсто отца,—я взялъ отпускъ, поѣхалъ къ нему въ Могилевъ. Здѣсь, при первой же встрѣчѣ, братъ, указывая на иконы, въ углу стоявшія на столѣ, сказалъ: „Вотъ твое благословеніе, но ты его не получишь дотолѣ, пока я не увижу, что обѣщанное приданое невѣста предъ вѣнцомъ тебѣ отдастъ въ руки наличными или билетами.“ Судите сами, что я долженъ дѣлать! Разумѣется, я противъ брата не пойду. А потому отселѣ же пишу къ Осипу Степановичу объ этомъ, и къ 29 числу быть къ нимъ не могу. Вы это дѣло начали, вы и развяжите и дайте оборотъ, чтобы я не былъ больше причиною стѣсненія невѣсты. Вы какъ-то ловче умѣете отдѣлаться, а я не хочу. Вамъ преданный Е. Бѣлохвостовъ.“

Разумѣется, послѣ этого письма я не поѣхалъ въ Бѣлоруссію, но слыхалъ, что Бочко, получивши упомянутое письмо изъ Могилева отъ Бѣлохвостова, тотчасъ возвратилъ ему всѣ письма, какія онъ писалъ къ нему и къ невѣстѣ, кой-какіе мелкіе подарочки, и написалъ, что онъ его увольняетъ отъ званія жениха Александры Николаевны съ большимъ удовольствіемъ.

Библиотека "Руниверс"

Бѣлохвостовъ послѣ опомнился, но уже было поздно. Присылалъ парламентеровъ своихъ: князя Оболенскаго и И. И. Толпыгу, но и эти ничего не успѣли. Бочко и племянница его не только видѣть Бѣлохвостова, но и слышать о немъ не хотѣли. Такъ засватанная, или просватанная, невѣста и осталась безъ претензій. Она даже молилась Богу за спасеніе и теперь призналась своему дядѣ, что дала было согласіе Бѣлохвостову собственно изъ желанія успокоить дядю, коего желаніе видѣла, но свою скорбь скрывала.

Удивительная судьба! Дѣло, совершенно конченное, разстроилось такъ быстро. Даже долго не вѣрили этому.

Между тѣмъ я написалъ подробный уставъ Троицкаго и, по предложенію Им. В. Эк. Об. отъ 25 іюля 1851 г., сочиненіе подъ заглавіемъ: „Мысли объ улучшеніи хозяйства и вообще народнаго благосостоянія“. Обѣ тетради я далъ прочитать кн. Сергѣю Кочубею, и первую онъ у меня выпросилъ, обѣщая заплатить, а относительно послѣдней сказалъ, что онъ опасается, дабы меня не посадили за нее, хотя, впрочемъ, тамъ ничего и не заключалось, кромѣ правды: я описывалъ тогдашнія несправедливости и взяточничество, чрезвычайно отражающіяся на всякомъ хозяйствѣ, и преподавалъ способы, какъ устранить это зло. Тамъ я коснулся также крѣпостного права, которое предполагалъ смягчить. За всѣмъ тѣмъ я не рѣшился послать мои мысли въ Экономическое Общество и уже отослалъ ихъ при воцареніи Александра Николаевича, 30 октября 1855 года. Но Общество мнѣ возвратило, при отношеніи отъ 11 августа 1856 года, съ замѣчаніемъ, что „предметы, разсматриваемые мною въ этомъ сочиненіи, болѣе входятъ въ разрядъ вопросовъ, касающихся государственнаго управленія, и прямой связи съ нуждами сельскаго хозяйства не имѣютъ, а слѣдственно и не служатъ отвѣтомъ на предложеніе совѣта, по желанію министра Г. Им., въ 1852 году“. Впослѣдствіи все-таки я вопросъ этотъ раздѣлилъ на два и послалъ гр. Блудову и Ростовцеву: а) Проектъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ и крестьянахъ, тутъ же и о пониженіи процентовъ, б) О судебной администраціи.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ князь Сергѣй Кочубей замыслилъ продавать свои имѣнія, и изъ покупщиковъ явился полковникъ Вырубовъ, съ которымъ я объѣзжалъ Жуковку; но князь съ нимъ не сошелся и запродалъ помѣщику Булычеву, чего я до нѣкотораго времени не зналъ, но замѣчалъ, что князь со мною обращается иначе. До сего я не понималъ причины, ибо для его пользы было сдѣлано мною чрезвычайно много, за что, какъ онъ всегда выражался, „я вамъ отсчитаю“. Но въ сущности холодность была умышленная, чтобы отдѣлаться отъ обѣщаннаго вознагражденія.

Въ октябрѣ 1852 г. пріѣхалъ ко мнѣ въ Жуковку кумъ мой, Филиппъ Ивановичъ Коваликъ, съ моимъ крестникомъ въ гости и помѣстились въ моей квартирѣ. Я тогда былъ въ Троицкомъ и собирался съ княземъ въ Жуковку; князь отправился туда на почтовыхъ, а я поѣхалъ на своихъ; слѣдственно, князь доѣхалъ прежде меня и ночью подъѣхалъ къ моей квартирѣ, гдѣ ночевалъ Коваликъ. Хотя князю была приготовлена другая квартира, гдѣ онъ и остановился, но его уже вздернуло, что ему не пришлось ночевать у меня. Рано на другой день пріѣхалъ и я въ Жуковку и очень обрадовался гостю-куму. Сидимъ. Вдругъ входитъ князь и, не снимая фуражки, обходитъ всю мою квартиру, приказывая мнѣ отправить картины [1]) въ Петербургъ.

Видя невѣжливость князя, я нарочно, не слушая его распоряженія, отрекомендовалъ своего гостя и заставилъ его снять шляпу и вступить съ нами въ болѣе вѣжливый разговоръ. Князь ушелъ. Мнѣ стыдно сдѣлалось предъ гостемъ за моего князя, котораго, какъ на бѣду, я хвалилъ. Боже мой, подумалъ я, какъ люди перемѣняются изъ-за проклятаго интереса! Изъ вѣжливаго человѣка дѣлается грубый! А все для того, чтобы отнять награду за труды у людей, кои способствовали къ его обогащенію... Филиппъ Ивановичъ помогъ моимъ думамъ: невѣжество князя его удивило и подало поводъ говорить о

[1]) Надобно сказать, что Жуковка Нѣмчиновою куплена у князя Вяземскаго извѣстнаго любителя картинъ, которыхъ здѣсь оставалось много и отличныхъ.

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ нашихъ вельможахъ съ невыгодной стороны; я прекратилъ разговоръ и въ досадѣ отправился къ князю.

Я засталъ его съ Полянскимъ, отставнымъ лейтенантомъ, и съ студентомъ Назаровымъ, который нѣкогда въ университетѣ сидѣлъ съ княземъ на одной скамьѣ.

— Вы, князь, началъ я, вѣроятно, недовольны мною и моимъ гостемъ, то не лучше-ли намъ безъ ссоры разстаться?

— „Съ чего это вы взяли?“ спросилъ князь.

— Изъ вашихъ поступковъ (я ему высказалъ многое.)

— „Что же вамъ угодно?

— Мнѣ угодно, чтобы вы приказали снять съ меня управленіе вашими имѣніями.

— „Сожалѣю, но теперь не имѣю въ виду человѣка“.

— А вотъ сидятъ два господина; прикажите любому. А я вамъ больше не слуга.

Князь поежился, но удержался и только сказалъ: „Хорошо, если вамъ это угодно. Мы разочтемся“. Я ушелъ.

Возвратясь въ квартиру, засталъ я дорогого моего гостя собирающимся въ путь. Грустно мнѣ было, что мы съ княземъ такъ его приняли, но кумъ мой, человѣкъ разсудительный, самъ разрѣшилъ мою женерозность. „Я повторяю, сказалъ онъ, что вы напрасно бросили свое имѣніе для того, чтобы служить неблагодарнымъ людямъ. У нашихъ господъ всякій управляющій называется не иначе, какъ воръ, имъ хочется все, что только можно, высосать изъ имѣнія, и лишь мало-мальски управляющій поэкономничаетъ на устройство имѣнія, онъ имъ не нравится. При томъ же наши господа, никогда не живущіе въ имѣніяхъ, всѣхъ слугъ считаютъ за рабовъ, того не понимая, что эти же слуги суть ихъ друзья и ими то они существуютъ или, по крайней мѣрѣ, управляются. Я вамъ совѣтую отправляться домой, жениться и хозяйничать“.

Когда я сказалъ ему, что съ княземъ ужъ почти разстался, то онъ чрезвычайно одобрилъ это, рекомендовалъ тутъ же и невѣсту—кого вы думаете?... Александру Николаевну!

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь только я узналъ, что Бѣлохвостову отказали и что она свободна. Я написалъ, по совѣту Ф. И., письма къ ней и къ дядѣ Александры Николаевны и вручилъ ихъ Филиппу Ивановичу для доставленія.

Передъ отъѣздомъ князя я съ нимъ простился и подалъ счетъ объ уплатѣ 800 руб. жалованья и обѣщанныхъ за уставъ для Троицкаго. Князь обѣщалъ, а на этотъ разъ извинялся неимѣніемъ. Съ тѣмъ мы и разстались, а имѣніе я сдалъ Полянскому и переѣхалъ въ Адуево, имѣніе другого князя, Льва Викторовича Кочубея. Но такъ какъ здѣсь имѣніе было оброчное, такъ что управлять мнѣ было нечѣмъ, то рѣшился я оставить и эту службу, тѣмъ болѣе что въ это время получилъ я благопріятный отвѣтъ отъ Александры Николаевны, съ приглашеніемъ пріѣхать къ именинамъ дяди, 3-го ноября, въ Речицы, помѣстье Бочкова.

Я уже былъ почти свободенъ. Говорить о моемъ удовольствіи отъ полученнаго письма было бы много, такъ много, что исписать можно цѣлыя стопы бумаги;—однимъ словомъ, я полетѣлъ въ Речицы, но ужъ на именины не поспѣлъ. Пріѣхалъ 6 числа и встрѣтился очень пріятно съ Александрой Николаевной. Тамъ я нашелъ нѣкоторыхъ гостей, а 7-го числа пріѣхалъ ко мнѣ съ поздравленіемъ крестный отецъ Александры Николаевны Михаилъ Степановичъ Голынскій. Съ невѣстой мы скоро объяснились. Я отъ души полюбилъ ее за откровенность и умъ. Она смотрѣла на меня иначе, какъ на бывшаго своего жениха, по сходности нашихъ характеровъ. А чтобы заняться скорѣе дѣломъ, мы 13 ноября 1852 г. обвѣнчались въ Свадковичахъ, а черезъ 3 дня уѣхали въ Адуево.

Передъ вѣнцомъ я написалъ къ Бѣлохвостову слѣдующее письмо: „Милостивый государь Евдокимъ Ивановичъ! Судьбы Всевышняго неисповѣдимы: Александра Николаевна теперь моя. Завтра въ 4 часа вечера совершится бракосочетаніе въ Свадковской церкви. Что вы на это скажете? Я знаю, кромѣ хорошаго—ничего! Вамъ счастья желалъ я, даже не скрою теперь, что въ первый разъ нашего съ вами пріѣзда она мнѣ понравилась, быть можетъ, болѣе, нежели вамъ; но я далъ слово ее сватать за

Библиотека "Руниверс"

васъ, а не за себя, и всей душой старался. Вы это хорошо знаете. И что же? за мое великодушіе вы мнѣ тѣмъ же отплатили. Вы, знаю, высокой души человѣкъ, скажете точно такъ. Удивляться долженъ всякій, какъ мы обязаны теперь любить одинъ другого, ибо уступили другъ другу счастье, или лучше сказать, наперерывъ старались дѣлать одинъ другому преимущества, пока сама судьба подписала рѣшеніе. Тьма мыслей и всего хорошаго въ пользу вашу излились бы на эту бумагу, но мы другъ друга поймемъ и оцѣнимъ, и увѣренъ я, что наша дружба скрѣпится далеко сильнѣе и никогда не измѣнится. Пріѣзжайте къ намъ въ Сватковичи: вы будете пріятнымъ гостемъ. Извините, что не могъ заранѣе васъ увѣдомить. Это послѣдовало такъ внезапно, что я долго былъ въ нерѣшимости. Теперь же посылаю вамъ эстафету, чтобы поспѣло. Вамъ преданный И. Сердюковъ. 12 ноября 1852 г. Кричевъ".

Отвѣтъ Бѣлохвостова: „Милое ваше, Иванъ Ивановичъ, приглашеніе я получилъ въ 2 часа дня 13 ноября. Извините— быть не могу. Вы въ этомъ меня не упрекнете, а лично тутъ уже поздравлю. Тороплюсь отвѣчать и честь имѣю быть съ прежнимъ уваженіемъ. Е. Бѣлохвостовъ. 13 ноября 1852 года, половина 3-го часа".

Пріѣздъ нашъ въ Адуево былъ, какъ водится, встрѣченъ крестьянами и духовенствомъ. Черезъ нѣсколько дней мнѣ надобность указала ѣхать въ Москву по дѣламъ князя Льва Викторовича съ помѣщикомъ Доломановымъ, куда мы и уѣхали. Александрина приняла съ искренней любовью Аристарха, какъ мать родная. Въ Москвѣ мы жили недѣли три, до пріѣзда Василія Алексѣевича Соколовскаго, который, узнавъ, что я оставилъ управленіе имѣніями Сергѣя Викторовича, по причинамъ совершенно отъ меня не зависѣвшимъ, пригласилъ меня къ Льву Викторовичу въ Петербургъ, гдѣ я прошенъ былъ занять мѣсто въ саратовскихъ имѣніяхъ; но такъ какъ я уже расположился ѣхать домой и даже отъ Адуева отказывался, то князь просилъ хотя съѣздить для ревизіи вмѣстѣ съ В. А. въ саратовское имѣніе. Любезность Льва Викторовича убѣдила меня—я согласился съѣздить въ саратовскія имѣнія, сколь мнѣ ни желательно было

Библиотека "Руниверс"

бы скорѣе успокоиться отъ дѣлъ, такъ мало для меня полезныхъ, а тѣмъ болѣе не хотѣлось надолго разставаться съ молодой женой. Александрина однако согласилась отпустить, и мы съ Соколовскимъ пустились въ путь въ первыхъ числахъ февраля и пріѣхали въ Саратовъ 9-го февраля 1853 года. Черезъ три дня отправились въ аткарскій уѣздъ и принялись за дѣло.

Послѣ ревизіи, для которой я просидѣлъ въ этихъ имѣніяхъ по 22 апрѣля 1853 года, на мѣсто прежняго управляющаго Паскаля, опредѣленъ другой, нѣмецъ Мекленбургъ, который и пріѣхалъ при мнѣ.

Мы провели тамъ время отлично. Оба управляющіе были женаты. Самоваръ у насъ со стола не сходилъ. Рыбы, по близости Волги, очень было много и хорошей: стерлядки, осетры, бѣлорыбица. Жена Дена (одного изъ управляющихъ) Эмилія Карловна, очень хорошая хозяйка, угощала насъ сытнымъ столомъ. Общество наше не рѣдко увеличивалъ широкинскій священникъ съ женой, обратившій вмѣстѣ съ нами въ теченіе великаго поста до 1000 человѣкъ къ пріобщенію св. таинъ, чего они прежде не дѣлали, считая себя „недостойными“.

Въ Саратовской губерніи вообще различное населеніе. Здѣсь вы встрѣтите сплошныя поселенія нѣмцевъ-колонистовъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, въ томъ числѣ извѣстную Сарепту, гдѣ выдѣлывается горчица; занимаются нѣмцы пшеницею и табакомъ; потомъ—великороссы, между коими проглядываютъ различныя секты: безпоповцы, старовѣры и сектанты въ родѣ тѣхъ, о которыхъ я сказалъ „недостойные“; и наконецъ—татары. Весь этотъ наплывъ началъ увеличиваться со времени Екатерины, когда раздавали земли колонистамъ и вельможамъ, которые туда селили людей изъ другихъ вотчинъ; напримѣръ, у Кочубеевъ разновременно переселено изъ калужской и полтавской губерній болѣе 600 семействъ русскихъ и малороссіянъ.

Меня приглашалъ князь Левъ Викторовичъ остаться тамъ въ должности управляющаго, но я не согласился—разъ потому, что уже рѣшился хозяйничать дома, другое—что смѣнять достойныхъ людей не въ моихъ правилахъ, а третье—тамъ жизнь безпокойная, встрѣчаются частые разбои, и народъ буйный, хотя

Библиотека "Руниверс"

природа чрезвычайно пріятная. Поэтому я ожидалъ только, чтобы скорѣе очистились отъ льда рѣки, чрезъ которыя мнѣ приходилось ѣхать, какъ напримѣръ, въ Нижнемъ—Ока, во Владимірѣ—Клязьма.

За труды мои были обѣщанія, но тѣмъ и кончилось. Русскіе отъ русскихъ требуютъ, а не награждаютъ. У насъ иностранцамъ больше чести. Русскіе вельможи только въ Парижѣ, гдѣ ихъ величаютъ графами безъ различія, расточительны на счетъ нашихъ трудовъ. Кажется, они считаютъ достаточнымъ вознагражденіемъ для бѣдняковъ и то, что на нихъ посмотрятъ.

Наконецъ, простившись съ моими добрыми компаньонами и друзьями, я выѣхалъ изъ Карамышей 22 апрѣля на перекладныхъ черезъ Нижній, Владиміръ и Москву и пріѣхалъ ровно чрезъ 6 дней въ Кудричи. Возвращеніе мое было неописанное. Мнѣ казалось, что продолжительное отсутствіе увеличиваетъ удовольствіе встрѣчи. Александрина весь день меня цѣловала. Мы не могли наглядѣться другъ на друга—едва вѣрили своему счастью! Она была въ пріятномъ положеніи, а 28 октября 1853 года намъ Богъ далъ сына Іосифа, воспріемниками коего были О. С. Бочко и С. А. Голынская.

Пошла обычная жизнь. 1854 годъ я провелъ исключительно въ занятіяхъ по хозяйству. Въ этомъ же году мой старшій сынъ Аристархъ былъ отданъ въ пансіонъ г-жи Веберъ. Въ 1855 г. я писалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Бѣлорусское хозяйство“ съ рисунками. Оно было пропущено цензурой, и я намѣревался его напечатать, но обстоятельства денежныя остановили мое намѣреніе.

Въ этомъ же году я послалъ въ Экономическое общество мое сочиненіе „Мысли объ улучшеніи хозяйства и вообще народнаго благосостоянія“ и, получивъ его обратно, какъ выше упомянуто, передѣлалъ на два отдѣла, подъ заглавіемъ: 1) Проектъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ и крестьянахъ, гдѣ развивалъ мысль, что освобожденіе крестьянъ должно совершиться по отзыву помѣщиковъ къ высшей власти. Здѣсь же я доказалъ полезность пониженія процентовъ и свободной покупки всѣми классами помѣщичьихъ имѣній. Проектъ этотъ я 27 января 1857 г., будучи

Библиотека "Руниверс"

въ Петербургѣ, подалъ графу Блудову, который, по слухамъ, имѣлъ подобную же мысль и передалъ ее виленскому генералъ-губернатору Назимову, на тотъ разъ случившемуся въ Петербургѣ же; 2) Проектъ „Объ судебной администраціи: *чиновники, инстанціи, судопроизводство*“, гдѣ я на каждую статью приложилъ объясненіе. Проектъ этотъ 27 марта я послалъ изъ Мстиславля по почтѣ тому же графу. При свиданіи съ графомъ, онъ велѣлъ записать у швейцара мой адресъ и сказалъ: „Мы съ вами скоро увидимся“; но не дождавшись призыва, я уѣхалъ домой.

Вскорѣ былъ присланъ государю отъ виленскаго, минскаго и гродненскаго дворянства извѣстный отзывъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, въ которомъ помѣщики предложили три пункта, а именно: 1) они даютъ крестьянамъ совершенную свободу; 2) землю оставляютъ за собой, и 3) крестьянамъ предоставляется остаться у помѣщика на условіяхъ. Но на это послѣдовалъ знаменитый Государя Императора рескриптъ, на имя того же дворянства, 20 ноября 1857 года: 1) крестьяне получаютъ свободу; 2) имъ опредѣляются огороды, которые они выкупаютъ въ теченіе 9 лѣтъ; 3) для обезпеченія государственныхъ и помѣщичьихъ повинностей, имъ должна быть опредѣлена земля.

Рескриптъ этотъ министръ внутреннихъ дѣлъ опубликовалъ, и посыпались со всей Россіи отъ губернскихъ предводителей адресы въ продолженіе 1857 и 1858 годовъ.

Были открыты, наконецъ, въ каждомъ губернскомъ городѣ коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, а въ Петербургѣ Комитетъ и такъ называемая Редакціонная Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Якова Ивановича Ростовцева. Въ это-же время я вновь пріѣхалъ въ Петербургъ и, взявъ отъ Блудова мои проекты, представилъ Якову Ивановичу, отъ котораго получилъ слѣдующее письмо: „Милостивый государь Иванъ Ивановичъ! Имѣю честь принести вамъ, м. г., мою душевную благодарность за доставленныя вами при письмѣ отъ 9-го сего сентября проекты: „О помѣщичьихъ имѣніяхъ и крестьянахъ“ и „О судебной администраціи“. Проекты эти я передалъ для разсмот-

Библиотека "Руниверс"

рѣнія въ состоящія подъ моимъ предсѣдательствомъ коммиссіи. Пріймите увѣреніе въ совершенной преданности Я. Ростовцевъ. 25 сентября 1859 года".

Такіе же проекты, съ прибавленіями, я отослалъ къ могилевскому губернатору Беклемишеву и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „М. г. Иванъ Ивановичъ! Прочитавъ сообщенные мнѣ вами, при письмѣ отъ 22 іюня 1859 года, три проекта, я считаю для себя пріятнымъ долгомъ выразить вамъ искреннюю благодарность, какъ за посвященіе мнѣ проектовъ, такъ и за ознакомленіе меня съ вашими трудами. Мнѣ пріятно надѣяться, что ваши труды, при распространяющейся въ настоящее время гласности и доступности редакцій разнаго рода періодическихъ изданій, не останутся въ неизвѣстности. Проекты при семъ возвращаются. Пріймите, м. г., увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи. А. Беклемишевъ. 10 декабря 1859 г."

Между тѣмъ я бывалъ въ эти годы въ обѣихъ столицахъ по собственному дѣлу, производившемуся въ военномъ министерствѣ и въ общемъ собраніи сената о поручительствѣ отца моего по поводу ссоры между помѣщикомъ Баскинымъ и комиссіонеромъ Константиновымъ, а также по дѣлу помѣщиковъ Голынскихъ, Солтановъ, Ольшевскихъ, познакомился въ Петербургѣ съ многими добрыми людьми; но столица Петербургъ всегда мнѣ не нравилась, вѣроятно, потому, что я привыкъ къ деревенской и патріархальной жизни, а въ Петербургѣ она слишкомъ натянута.

Въ 1856 г. я ѣздилъ въ пензенскую губернію по дѣламъ Голынскихъ и встрѣтилъ въ саранскомъ уѣздѣ необыкновеннаго взяточника—секретаря уѣзднаго суда. Въ самой же Пензѣ чиновники—люди прекрасные.

20 октября 1859 года, будучи въ Петербургѣ, я лично подалъ министру финансовъ проектъ, подъ заглавіемъ *Откупа и Акцизъ*, и получилъ отъ А. М. Княжевича благодарность.

Проекты всѣ, какъ и упомянутые: о крестьянахъ, о судебной администраціи и объ откупахъ,—всѣ осуществились, и мнѣ пріятно вспомнить, что и моя лепта послужила для общей пользы. Сводъ всѣхъ этихъ проектовъ и вообще новыхъ реформъ, какія,

Библиотека "Руниверс"

по моему мнѣнію, необходимы въ государствѣ, я изложилъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Старшіе*. Статью эту я отдалъ издателю „Сына Отечества“ Старчевскому въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1859 года, и ее пропустила цензура,—но потомъ, когда Старчевскій статью эту, по новозаведенному порядку, представилъ въ министерство внутр. дѣлъ, такъ какъ она касалась чиновниковъ, то редакторъ Варадиновъ ее и не пропустилъ. Въ 1860 году, съ образованіемъ особой законодательной коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Буткова, статью эту я послалъ къ нему, но отвѣта не получалъ.

Въ январѣ 1861 года ѣздилъ я въ Кіевъ на контракты. Начну съ того, что Кіевъ имѣетъ живописное мѣстоположеніе и, можно сказать, засѣлъ на 3 холмахъ, отъ чего и части города раздѣлены по названіямъ: *Печерскъ*, гдѣ находится знаменитый Кіево-Печерскій монастырь; здѣсь же выстроена имп. Николаемъ Павловичемъ цитадель. Лавокъ здѣсь почти нѣтъ. Вторая часть—*Старый Кіевъ*, названный этимъ именемъ потому, что здѣсь когда-то жилъ князь Владиміръ. Здѣсь были устроены подъ землею ворота кн. Романа (sic), который шелъ съ войны, побѣдивши Олега, вѣроятно Ольгерда. Въ этой части находятся всѣ присутственныя мѣста и университетъ, слѣдственно здѣсь и торговля оживленнѣе. Третья часть *Подолъ*, или прибрежная къ Днѣпру часть, составляетъ въ миніатюрѣ портовый городокъ. Здѣсь пристаютъ всѣ суда и выгружаются товары. Оптовая торговля здѣсь въ большемъ размѣрѣ, нежели на Старомъ Кіевѣ, поэтому на Подолѣ живутъ почти одни купцы.

Въ Кіевѣ съ незапамятныхъ временъ существуетъ въ январѣ мѣсяцѣ такъ называемая Васильевская ярмарка, ее же называютъ и Крещенскою; но такъ какъ въ это время сюда съѣзжается очень много помѣщиковъ кіевской и сосѣднихъ губерній не для одной продажи продуктовъ, но и для продажи имѣній, для залога оныхъ и вообще для сдѣлокъ, влекущихъ условія по контрактамъ, то эта ярмарка и названа *Контрактами*. Здѣсь пріѣздъ покупателей и торгующихъ довольно большой. Товаровъ всѣхъ родовъ множество; въ торговлѣ участвуютъ

Библиотека "Руниверс"

купцы не только всѣхъ прилегающихъ къ Кіеву губерній, но и московскіе. Для всѣхъ родовъ сдѣлокъ устроенъ домъ, такъ называемый контрактовый. Ярмарка продолжается до 10 февраля. Хотя для совершенія контрактовъ, а также для предложеній и запросовъ по торговлѣ, устроено зало, но теперь домъ контрактовый занятъ больше лавками, и вы здѣсь отыщете факторовъ евреевъ, тѣмъ болѣе что оптовые произведенія всѣ сложены на пристаняхъ или по дворамъ. Эти факторы все вамъ укажутъ, и по истинѣ сказать, они большіе слуги за малую плату. Бывшій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ въ 1824 г. изгналъ было евреевъ изъ Кіева совершенно; справедливо ли это сдѣлано и для чего—никто не знаетъ, но на мой взглядъ, кромѣ евреевъ, въ комерціи подобнымъ факторствомъ едва ли кто способенъ заняться, а при подобномъ порядкѣ торговли они необходимы. Напримѣръ: Осипъ Степановичъ имѣлъ надобность купить нѣсколько тысячъ пшеницы и узналъ чрезъ фактора о нѣсколькихъ продавцахъ. Получивъ даже пробы пшеницы, мы отправились съ факторомъ по адресу. Входимъ въ комнаты, лежитъ на диванѣ панъ съ длинной трубкой. На привѣтствіе наше, онъ не поднимаясь дѣлаетъ вопросъ: чего намъ „потшеба?“. Когда объявили мы, что желали бы купить у него пшеницу, панъ нашъ преважно отвѣтилъ: „нехъ панъ погада зъ нимъ“, указывая на еврея. Конечно, послѣ такихъ переговоровъ мы обратились къ фактору и купили пшеницу. Такимъ точно образомъ вы купите все, что вамъ угодно; ибо помѣщики заняты раутами и театромъ. Между купечествомъ то же водится, но по крайней мѣрѣ торгъ оканчивается съ хозяиномъ.

Кіевъ—городъ какой-то смѣшанный: по университету—выглядитъ ученымъ, по монастырямъ—священнымъ, по крѣпости—военнымъ, по пристани—торговымъ. Народность тоже разнообразная: поляки, малороссіяне, евреи и русскіе, между коими разительная разница и въ костюмахъ. Я тогда же замѣтилъ между панами и между студентами особые польскіе кружки, посматривающіе на все русское съ пренебреженіемъ. Извозщики неопрятны и дерзки до нестерпѣнья. Есть довольно порядочныхъ

Библиотека "Руниверс"

магазиновъ и даже книжныя лавки. Жизнь не дорогая; климатъ умѣренный, мѣстоположеніе очаровательное.

Я съ удовольствіемъ посѣщалъ лекціи по медицинѣ. Здѣсь знаменитые профессора: хирургъ Гюбенетъ, профессоръ патологіи и анатоміи Мацонъ, терапевтъ Мерингъ, Матвѣевъ. Читаютъ по-русски.

Наконецъ наступилъ знаменитый 1861 годъ—послѣдовало Положеніе объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, 19 февраля. Въ нашемъ уѣздѣ (мстиславскомъ), кажется, я первый составилъ съ крестьянами договоръ, по которому опредѣлилъ 49 надѣловъ, вмѣсто опредѣленныхъ по положенію 4-хъ десятинъ на душу далъ по 5-ти, и выкупную сумму получилъ большею частію рентами въ 5½% и 5%.

1862 годъ я провелъ въ дѣлахъ, какъ то: выигралъ процессъ въ 40 тысячъ руб. климовецкому дворянину Герасиму Ильичу Осмоловскому съ помѣщика Скоропадскаго; капитану и маіору Кутлянскимъ съ этого же самаго Осмоловскаго доставилъ первому 4506, а другому 3 т. рублей; ѣздилъ въ Москву и въ нижегородскую губернію, по просьбѣ нижегородскихъ помѣщиковъ Рахманиныхъ.

Въ 1863 году я ѣздилъ въ Москву для того, чтобы взять тамъ службу и поселиться для воспитанія дѣтей, изъ коихъ Аристархъ и Іосифъ учились въ смоленской гимназіи, и уже былъ опредѣленъ адъютантомъ въ комерческій судъ, какъ вдругъ въ маѣ мѣсяцѣ получаю отъ могилевскаго губернатора телеграмму, съ увѣдомленіемъ, что я назначенъ мировымъ посредникомъ въ мстиславскій уѣздъ. 10 мая я возвратился домой, а 14 вступилъ въ должность.

Перемѣна эта послѣдовала по причинѣ польскаго возстанія, въ соучастіи съ которымъ заподозрѣны были мировые посредники католическаго вѣроисповѣданія, въ томъ числѣ и мой предмѣстникъ Антонъ Петровичъ Кригеръ.

Три съ половиною года я на этой должности прослужилъ, что называется, все въ поѣздкахъ. Вслѣдствіе обязательнаго въ могилевской губерніи выкупа, мы могли бы дѣйствовать скорѣе, нежели это случилось, но тогда крестьяне были бы очень оби-

Библиотека "Руниверс"

жены надѣленіемъ только по 4 десятины земли, которая должна быть имъ опредѣлена изъ того самаго количества и качества, которыми они пользовались при полученіи Положенія; тогда мировые посредники приняли за правило выкупы дѣлать по соглашенію, т. е. приглашать помѣщиковъ къ обмѣнамъ и къ уступкамъ крестьянамъ если не самыхъ лучшихъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько улучшенныхъ угодій. Соглашенія эти велись очень медленно, по упорству помѣщиковъ, и отъ этого на лишнихъ 2—3 года дѣло затянулось. Наконецъ, съ приближеніемъ дѣла къ концу (особенно у меня—изъ 130 имѣній осталось только 18) нѣкоторые посредники были уволены, въ томъ числѣ и я, 26 августа 1866 года, съ пенсіономъ въ половину жалованья.

Теперь о возстаніи. Еще съ самаго моего пріѣда въ Бѣлоруссію (1842 года), я замѣчалъ, что всѣ католики непріязненно смотрятъ на русскихъ, хотя по наружности высказываютъ низкопоклонство. Люди, болѣе слѣдившіе за историческимъ и политическимъ ходомъ, могли видѣть въ іезуитской скрытности поляковъ замыслы къ ниспроверженію русскихъ законовъ; напримѣръ, при всей скрытности ихъ, вѣчно слышны были ихъ порицанія всякой администраціи, власть мѣстную они всегда оставляли (по выборамъ) въ рукахъ самыхъ рьяныхъ патріотовъ; порицали правительство за уменьшеніе при костелахъ земли; женитьбы и замужества съ русскими не дозволяли; дѣтей крестили ксендзы; русскихъ въ службу ни за что не избирали; крестьянъ и особенно дворовую прислугу свою обращали въ католицизмъ; говорили не иначе, какъ по-польски; нѣсколько разъ, при выборахъ, составляли проекты о возвращеніи прежнихъ польскихъ правъ и преимуществъ, какъ-то: о введеніи литовскаго статута, о дѣлопроизводствѣ на польскомъ языкѣ въ присутственныхъ мѣстахъ, о вольной продажѣ водки и т. п. Наконецъ, съ самаго воцаренія импер. Александра Николаевича, когда пронесся слухъ о либеральномъ направленіи правительства, поляки начали свободно говорить о возстановленіи Польши и даже писали Государю извѣстный варшавскій адресъ, посылали и отъ могилевской губерніи адресъ министру; но такъ какъ, по благодушію Государя, все

Библиотека "Руниверс"

это оставлялось безъ вниманія, то поляки открыто подняли манифестаціи, начали пѣть въ домахъ и даже въ костелахъ пѣсни съ проклятіемъ русскихъ, а ксендзы говорили возмутительныя рѣчи о возстаніи противъ варваровъ. Ксендзы и въ 1830 году были зачинщиками, но теперь они и женщины были до того экзальтированы, что не могли видѣть равнодушно русскаго. Я самъ уже въ 1862—1863 году на себѣ испытывалъ это и, не постигая причины ненависти, приписывалъ это тому, что я сдѣлался домосѣдомъ и задѣлъ ихъ честолюбіе, не бывая почти ни у кого, пока 1863 г. не обнаружилъ истинной подкладки дѣла. Возстаніе и рѣзня въ Варшавѣ, а потомъ и повсемѣстно, уже извѣстна; у насъ же проявилось сочувствіе поляковъ первѣе въ городѣ Горкахъ отъ студентовъ тамошняго института, которые вырѣзали команду, разбили казначейство и шли соединиться съ шайками, образовавшимися: въ чериковскомъ уѣздѣ при Красномъ, подъ командой Ѳаддея Чудовскаго (который тамъ и убитъ), и другою подъ м. Кричевымъ, подъ предводительствомъ разныхъ, напримѣръ: Антонія Чудовскаго, Феликса Бродовскаго и Адольфа Голынскаго; но такъ какъ всѣ эти скопища предупреждены были войсками, то главные разбѣжались, нѣкоторые взяты съ оружіемъ въ рукахъ, а сотня съ чѣмъ-то повинилась предъ исправникомъ на основаніи манифеста отъ 1 мая, которымъ давалась амнистія добровольно покорившимся. Во всѣхъ почти уѣздахъ могилевской губерніи (кромѣ гомельскаго) болѣе или менѣе составлялись шайки, но это было не что иное, какъ только нѣсколько десятковъ настроенныхъ ксендзами душъ, собственно въ видахъ манифестаціи по плану парижскихъ демагоговъ, которые всѣхъ этихъ несчастныхъ увѣрили, что на Россію идетъ Наполеонъ III и принимаетъ ихъ сторону. Но эту утку сами же поляки сочинили для большаго возбужденія энтузіазма и, такъ сказать, одинъ другого надували, отъ чего всѣ изъ высшаго класса почти остались въ сторонѣ, а попалась въ руки правительства одна мелочь; напримѣръ, стогласная молва у насъ указывала на многія крупныя имена, собиравшія даже подати для тайнаго „жонда“, однако они остались на свободѣ, хотя и были подъ судомъ. Даже и осужденные

Библиотека "Руниверс"

облегчены; но на это была уже воля начальства и милость Государя Императора.

Кстати, я возвращусь назадъ съ моею повѣстью о полякахъ. Отъѣзжая домой изъ Москвы 1-го мая 1863 года, какъ я сказалъ, на должность, я пришелъ въ почтовое отдѣленіе въ ожиданіи отправки дилижансовъ, на Варшаву отходящихъ, съ которыми отъѣзжалъ мой знакомый, сѣлъ на окно, разговаривая съ знакомымъ полякомъ, случившимся тутъ изъ могилевской губерніи. На вопросъ мой, что у насъ слышно, онъ мнѣ отчасти разсказалъ о возстаніи и что 100 человѣкъ принесли повинную. Тутъ-то закричали два студента и одинъ офицеръ, что они бы этихъ трусовъ повѣсили и т. д. Долго я силился этихъ головорѣзовъ образумить, но они не унимались, пока затрубилъ рожокъ, и они, сѣвъ въ дилижансъ, уѣхали.

Случай этотъ подалъ мнѣ поводъ 8-го мая 1863 подать покойному московскому генералъ-губернатору Тучкову записку о приготовляющихся въ Москвѣ побѣгахъ въ польскія банды и объ учрежденіи жандармовъ или полиціи въ селахъ. Такую же записку я препроводилъ и къ Тимофею Яковлевичу Жуковскому (камердинеру Великаго Князя Николая Николаевича, знакомому), для доклада Государю. Послѣ этого вскорѣ учреждены жандармы, и шефомъ назначенъ князь Долгорукій.

Реформы между тѣмъ пошли за реформами: солдатскихъ дѣтей больше нѣтъ; судебныя мѣста совокуплены и образованы судебныя палаты и окружные суды; сокращено судопроизводство; уничтожены питейные откупа и введенъ акцизъ; дозволена свободная печать безъ цензуры; уничтожены тѣлесныя наказанія; новые университетскіе уставы; положеніе о земскихъ учрежденіяхъ; устройство крестьянъ въ Польшѣ; покореніе Кавказа и реформы въ немъ; сѣверо-западный и юго- западный край велѣно обрусить, т. е. замѣнить польскихъ землевладѣльцевъ русскими.

1866 г., 26 августа, я былъ уволенъ отъ должности. Мнѣ слѣдовалъ чинъ надворнаго совѣтника, но я нарочно не хлопоталъ, во избѣжаніе платежа.

Библиотека "Руниверс"

Этотъ годъ для насъ русскихъ былъ поразительный. 4-го апрѣля выстрѣлъ въ Государя въ лѣтнемъ саду,въ Петербургѣ произвелъ на меня необыкновенный, нельзя сказать, испугъ, но чувство страха съ негодованіемъ. Я не могъ себѣ представить: какая Его вина, кого онъ раздражилъ, чѣмъ онъ не Государь? Все говоритъ въ его пользу! Вина его самая добрая—всѣ реформы отличныя! Раздражилъ онъ развѣ благодѣяніями—но весь же свѣтъ не наградишь. Государь онъ былъ самый благонамѣрный и достойный,—слѣдственно, это покушеніе есть не что иное, какъ злоба завистниковъ и любителей всеобщаго потрясенія. Злоумышленникомъ оказался несчастный полустудентъ, саратовскій дворянинъ Каракозовъ. По рѣшенію Верховнаго суда, онъ былъ повѣшенъ.

Послѣ этого происшествія Государь написалъ на имя предсѣдателя Комитета министровъ знаменитый, 13 ноября 1866 года, рескриптъ, въ которомъ увѣщеваетъ всѣхъ служащихъ творить праведный судъ, а ученыхъ—вселить въ юношество добронравіе, такъ какъ обаятельная сила соціализма въ молодежи вкралась вслѣдствіе оплошнаго управленія правосудіемъ и безнравственнаго направленія юношества въ учебныхъ заведеніяхъ. Соціалисты эти, къ числу коихъ принадлежалъ и Каракозовъ, стремились къ раздѣлу собственности и къ ниспроверженію начальства. Значитъ—развратъ и безначаліе или чистый хаосъ!

Въ этомъ рескриптѣ, между прочимъ, указывалось, что бы чиновники были опредѣляемы изъ мѣстныхъ осѣдлыхъ дворянъ. Но этому наши власти не внемлютъ; напримѣръ, Б—евъ увольняетъ нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ, получавшихъ по 1500 руб. въ годъ, и принимаетъ на ихъ мѣсто иногородныхъ, которымъ жалованье полагаетъ по 2000 руб., и весь этотъ поборъ отнесенъ на бѣдныхъ жителей. Между тѣмъ новые чиновники, не знакомые съ краемъ, ведутъ дѣло далеко хуже.

Дай Богъ, чтобъ водворились судъ и правда въ нашей доброй Россіи! Бюрократы понимаютъ свое назначеніе иначе—они дѣйствуютъ деспотически и поселяютъ ненависть...

Библиотека "Руниверс"

Въ февралѣ 1867 года я былъ опредѣленъ опекуномъ надъ имѣніемъ графа М. Л. Салтыкова. 30 іюня послалъ главному начальнику края графу Баранову замѣчанія объ обрусѣніи сѣверо-западнаго края и объ улучшеніи здѣшняго хозяйства. Подобную же статью, подъ заглавіемъ „Мысли о бѣлорусскомъ хозяйствѣ“ сообщилъ въ могилевскій статистическій Комитетъ. Статья эта напечатана въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ № 47 въ неоффиціальной части 1867 г., а въ № 50—53 „Обычаи и жизнь крестьянъ мстиславскаго уѣзда“.

Въ настоящее время [1]) семейство мое состоитъ изъ жены, старшій сынъ Аристархъ, 21 года, въ Москвѣ, на второмъ курсѣ медицины въ университетѣ; Іосифъ, 13 лѣтъ, въ смоленской гимназіи въ 4-мъ классѣ; дочь Настасья 10 и Анна 8 лѣтъ, сынъ Иванъ 3 лѣтъ находятся дома. Дочерей учитъ мать, а уроки музыки берутъ у вдовы Цвѣтковой въ Мстиславлѣ.

Живу я счастливо. Моя добрая и умная Александра меня любитъ, всѣхъ дѣтей выкормила собственною грудью, сама занималась каждымъ съ 6-ти лѣтъ ученьемъ русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Всѣ дѣти нами воспитаны въ страхѣ Божьемъ, самаго скромнаго и добраго характера, лишь по мнѣ вспыльчивы, а по матери женерозны.

Занимаюсь я, какъ и все время послѣ отставки, съ 1842 по 1867 годъ, хозяйствомъ, самъ сдѣлалъ много улучшеній, испыталъ всѣ способы полеводства и остановился на пятипольной системѣ; а въ прежнее время, при крѣпостномъ правѣ, много жертвовалъ для крестьянъ, на постройки и расчистку полей, на покупку лошадей для крестьянъ и вообще на улучшенія хозяйства. Въ Бѣлоруссіи я прожилъ много денегъ. За то у меня все теперь есть: домъ, два амбара, мельница, гумно, хлѣбный сарай, скотный дворъ, флигель для людей, лошадей 20, рогатаго скота 50 штукъ, свиней 25; много одежды, библіотека, экипажей даже до излишества, и рухомости въ хозяйствѣ неизбѣжной на многія сотни рублей.

Не могу, однако же, не сказать, что въ жизни моей бывали ошибки, которыя дѣлали большой минусъ въ интересахъ моихъ.

[1]) Писано въ 1868 г. (Примѣч. Ред.).

Библиотека "Руниверс"

Для примѣра моимъ дѣтямъ и для руководства при подобныхъ опытахъ, укажу на главныя изъ нихъ, съ критическимъ взглядомъ.

Первая ошибка состояла въ томъ, что, будучи мировымъ посредникомъ, я не держалъ стороны помѣщиковъ, какъ желалъ губернаторъ Б—евъ; но я дѣлалъ по истинѣ для крестьянъ всевозможныя уступки: во-первыхъ потому, что видѣлъ ихъ обиженными со всѣхъ сторонъ, а во-вторыхъ—главный начальникъ края далъ такое направленіе, чтобы соблюдали посредники пользу крестьянъ.

Вторая ошибка: когда враги у губернатора оклеветали меня и Радкевича, именно въ томъ, что мы якобы разоряемъ помѣщиковъ и для крестьянъ дѣлаемъ насильные надѣлы (чистѣйшая ложь—наши всѣ выкупные акты „по добровольному соглашенію“) и что мы „бранимъ“ Б—ева за покровительство полякамъ,—то Б—евъ, вспыхнувъ гнѣвомъ, тайно 20 августа телеграфировалъ начальнику края Кауфману: „по случаю запущенія дѣлъ въ мстиславскомъ мировомъ съѣздѣ, прошу уволить мировыхъ посредниковъ Сердюкова и Радкевича *по прошенію*“, а 26 августа 1866 года мы были уволены.

Это чистая ложь: мы *прошенія* не подавали и запущенія никакого не было; напротивъ, у меня было неконченныхъ выкупныхъ актовъ меньше, чѣмъ у другихъ товарищей.

Мы съ Радкевичемъ поѣхали объясняться съ Б—евымъ, и онъ, ясно чувствуя свою опрометчивость, остановилъ насъ отъ жалобы обѣщаніемъ „исправить репутацію“, и мы оставили жалобу въ Сенатъ. Вотъ это и есть ошибка. Но, подумалъ я, надобно наводить слѣдствіе, значитъ—быть подсудимымъ, и положимъ, мы совершенно оправдались-бы; но что же за это было-бы губернатору?.. Много, много, если сдѣлалибы замѣчаніе. Вотъ у насъ какой произволъ! Тогда какъ, по указу императора Николая Павловича, Б—евъ долженъ былъбы подвергнуться тому же, что намъ сдѣлалъ.

Послѣ этого мы согласились взять аттестаты и представлены къ пенсіону.

Библиотека "Руниверс"

На этомъ прекращаются записки И. И. Сердюкова, оконченныя имъ, какъ видно, въ 1868 г., хотя онъ послѣ того прожилъ еще 18 лѣтъ. Такъ какъ его типическая личность, по ознакомленіи съ его автобіографіей, сама по себѣ представляетъ извѣстный интересъ, то въ этихъ видахъ считаемъ нелишнимъ помѣстить здѣсь дополнительную замѣтку о послѣднихъ годахъ его жизни и кончинѣ, составленную вдовой покойнаго, А. Н. Сердюковой.

„Крестьяне до конца дней его жизни приходили къ нему за совѣтами какъ относительно покупки земли, такъ и для рѣшенія споровъ о владѣніяхъ надѣлами наслѣдственными, и всегда слышался въ толпѣ говоръ: „какъ скажетъ баринъ, такъ и будетъ“.

Здоровьемъ онъ пользовался прекраснымъ и если когда и заболѣвалъ, то лѣчился самъ, говоря, что свою натуру знаетъ лучше всѣхъ,—употреблялъ кровопусканіе. Образъ жизни велъ чрезвычайно умѣренный, вставалъ очень рано, занимался въ своемъ кабинетѣ, причемъ не любилъ, чтобы ему мѣшали, и самъ время отъ времени выходилъ къ намъ. Послѣдніе годы жизни въ хозяйство вникалъ мало, передалъ имѣніе мнѣ, а хозяйство младшему сыну, которымъ руководилъ.

Въ августѣ 1886 года, выйдя на балконъ, простудился. Почувствовавъ ознобъ, легъ въ постель и сейчасъ же пустилъ себѣ кровъ банками. Дня черезъ три, находя себя совершенно здоровымъ, началъ выходить и ѣздить въ Мстиславль, нашъ уѣздный городъ, и снова простудился. Пригласили доктора, который нашелъ, что у него плевритъ, который можетъ, если не побережется, дурно окончиться, и прописалъ лѣкарство, которое онъ отказался принимать; опять пустилъ себѣ кровь пьявками и снова поправился. Погода сдѣлалась холодная, а онъ все время выходилъ изъ дому и даже выѣзжалъ, и опять почувствовалъ колики. Не смотря ни на какія мольбы, онъ снова пустилъ кровь изъ руки и увѣрялъ, что ему сдѣлалось лучше. Мѣстнымъ докторамъ рѣшительно не вѣрилъ, а человѣкъ, съ которымъ иногда совѣтовался, братъ мой, докторъ Очкинъ, былъ къ несчастію въ отсутствіи, уѣхалъ на долго по дѣламъ въ Вильну.

Библиотека "Руниверс"

Хотя онъ и на этотъ разъ поправился и велъ обычный родъ жизни, но жаловался на слабость, безсонницу и отсутствіе аппетита. Началъ поговаривать о смерти, чего никогда прежде не бывало, и предчувствуя ея приближеніе, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія письменно (что мы уже послѣ его смерти узнали изъ бумагъ). Такъ прошелъ сентябрь и половина октября. 14-го я уѣхала за 10 верстъ, въ имѣніе брата, на поминовеніе матери моей, и онъ предлагалъ мнѣ ѣхать со мною, но я отклонила это предложеніе, говоря, что черезъ рѣку ѣхать сыро и вредно для выздоравливающаго. Послѣ моего отъѣзда онъ вздумалъ ѣхать въ Мстиславль получать пенсію, но старшая дочь упросила его поручить это ей и собралась уже ѣхать, какъ ее позвалъ младшій братъ, говоря, что отцу дурно. Онъ сидѣлъ на кровати, былъ очень блѣденъ, жаловался на слабость и велѣлъ приготовить себѣ лѣкарство. Хотѣлъ пройтись по комнатѣ, но уже не могъ. Его уложила дочь, давала нюхать спиртъ и пыталась привести въ чувство, но прибѣжавшая прислуга увѣряла, что это смерть. Онъ хотѣлъ что-то сказать, потянулся и безъ всякихъ видимыхъ страданій отошелъ въ вѣчность, поразивъ всѣхъ насъ неожиданностію своей внезапной смерти. Не только родные, знакомые, но и крестьяне искренно его оплакивали. Похороненъ въ Кудричахъ, близъ церкви, его иждивеніемъ выстроенной въ 1870 году (передѣлана изъ уніатскаго костела) и приписанной къ мстиславскому соборному приходу. Миръ душѣ твоей, вѣчный искатель правды!..

Александра Сердюкова.

Библиотека "Руниверс"

По поводу ста лѣтъ отъ смерти графа П. А. Румянцова.

8 декабря 1796 года, въ деревенской тиши и въ одиночествѣ, умеръ одинъ изъ главныхъ Екатерининскихъ полководцевъ и администраторовъ—гр. П. А. Румянцовъ, получившій за свои побѣды надъ турками прозваніе Задунайскаго. Но въ Малороссіи гр. Румянцовъ памятенъ не военными отличіями, а своею административною дѣятельностью: онъ поставленъ былъ во главѣ этого края въ к. 1764 года, когда было упразднено „гетманское правленіе", и правилъ имъ 25 лѣтъ. Въ его управленіе Малороссія окончила свою автономную жизнь и была сравнена по управленію съ другими областями имперіи.

Въ настоящій моментъ, въ столѣтіе со времени смерти гр. Румянцова, умѣстно было бы помянуть его болѣе или менѣе обстоятельнымъ жизнеописаніемъ, но мы говорили раньше [1]) о полной бѣдности матеріаловъ для такого труда. Не повторяя уже сказаннаго по этому предмету, мы здѣсь приведемъ лишь нѣкоторыя черты изъ той дѣятельности гр. Румянцова, которая касалась Малороссіи.

Гр. П. А. Румянцовъ родился въ глухомъ молдавскомъ селѣ Строенцахъ, въ 1725 г. „Это случилось (говоритъ со словъ самого Румянцова его бывшій адъютантъ Ясновскій) тогда, когда мать его, Румянцова, выѣзжала встрѣчать мужа, бывшаго тогда посломъ въ Константинополѣ" [2]). Родился Р—въ, повидимому, въ самомъ началѣ января, такъ какъ мать его уже 8 января,

[1]) „Кіев. Стар." 1895 г., мартъ, 385.

[2]) Т. ж., 399.

Библиотека "Руниверс"

1725 года писала къ императрицѣ Екатеринѣ I, прося ее быть воспріемницею „новорожденнаго сына Петра“ [1]). Въ 1738 году отецъ этого сына, извѣстный любимецъ Петра В., А. И. Румянцовъ, былъ назначенъ правителемъ Малороссіи и оставался на этомъ мѣстѣ болѣе двухъ лѣтъ. Съ отцомъ жилъ въ Малороссіи и его сынъ. По возрасту въ это время молодому Румянцову нужно было учиться. Онъ и учился, при чемъ учителемъ для него былъ выбранъ мѣстный педагогъ Тимофей Михайловичъ Сенютовичъ. Это былъ сынъ одного изъ трехъ братьевъ ученыхъ монаховъ Сенютовичей (изъ нихъ Іоанникій—извѣстный печерскій архимандритъ), проходившій курсъ сначала въ черниговскомъ „коллегіумѣ“, а потомъ изучавшій „въ иностранныхъ земляхъ разные языки“ [2]). Возвратившись на родину, Сенютовичъ занялся обученіемъ „дѣтей въ школѣ“. Въ это время онъ и былъ приглашенъ „быть учителемъ“ молодого Румянцова. Ученіе шло повидимому успѣшно; по крайней мѣрѣ Сенютовичъ настолько угодилъ отцу ученика, что не смотря на то, что учитель былъ „посполитаго званія человѣкъ“, въ 1739 г. его поставили черниговскимъ полковымъ судьею.

Нѣтъ сомнѣнія, что впечатлительные отроческіе годы оставили въ молодомъ Румянцовѣ слѣды его пребыванія въ Малороссіи на всю жизнь. Любовь къ мѣстному языку, о чемъ имѣются свѣдѣнія (см. ниже), должна была получить свое начало въ эти же отроческіе годы.

Первую извѣстность молодой Румянцовъ пріобрѣлъ въ семилѣтнюю войну. Военные таланты его настолько уже обозначились въ эту войну, что, по преданію, Фридрихъ II тогда же говорилъ своимъ генераламъ: „остерегайтесь сколь можно этого собаки Румянцова! прочіе (русскіе генералы) для насъ не опасны“. Румянцову въ это время было съ небольшимъ тридцать лѣтъ.

Подъ вліяніемъ тепловскихъ свѣдѣній о происходящихъ въ Малороссіи „непорядкахъ управленія“, Екатерина II рѣшила уничтожить гетманство. На мѣсто отставляемаго гетмана нужно

---

[1]) Исторія Россіи Соловьева, изд. т-ва „Общ. Польза“, IV, 940.

[2]) См. „Кіев. Стар.“ 1889 г., январь, 223.

Библиотека "Руниверс"

было выбрать человѣка, который съумѣлъ бы тихо и спокойно ввести въ этомъ краѣ общерусскіе порядки. Умѣніе Екатерины выбирать людей по мѣсту—обнаружилось и въ этотъ случаѣ: выбранъ былъ сорокалѣтній Румянцовъ, которому и поручена была Малороссія въ управленіе съ обширными полномочіями.

Указомъ 10 ноября 1764 года учреждена была, вмѣсто гетманскаго правленія, малороссійская коллегія, и президентомъ ея назначенъ гр. П. А. Румянцовъ. Послѣдній получилъ при этомъ отъ императрицы обширную инструкцію относительно управленія краемъ, требовавшимъ, по мнѣнію правительства, коренаго переустройства. Въ иструкціи читаемъ: „Извѣстны каждому пространной Малороссіи обширности, многолюдство живущаго въ ней народа, великое ея плодородіе и по добротѣ климата различныя предъ многими имперіи нашей мѣстами преимущества, но, напротивъ того, не менѣе извѣстно всѣмъ и то, что Россія при всемъ томъ весьма малую, а во время послѣдняго гетманскаго правленія почти и никакой отъ того народа пользы и доходовъ понынѣ не имѣла. Сверхъ того, вкоренившіеся тамъ многіе непорядки, неустройства, несообразимое смѣшеніе правленія воинскаго съ гражданскимъ; отъ неясности различныхъ чужихъ законовъ и правъ происхожденія; въ судѣ и расправѣ безконечныя волокиты и притѣсненія; самопроизвольное нѣкоторыхъ мнимыхъ привелегій и вольностей узаконеніе, а въ настоящихъ частое и великое во зло употребленіе; весьма вредные, какъ владѣльцамъ, такъ и самимъ посполитымъ людямъ, съ мѣста на мѣсто переходы; закоснѣлая почти во всемъ народѣ къ земледѣлію и другимъ полезнымъ трудамъ лѣность, и такая же примѣчаемая въ немъ внутренняя противъ Великороссійскаго ненависть, представляютъ вамъ весьма пространную значительнаго наблюденія и старанія вашего матерію".—Затѣмъ, Румянцову поручалось обратить особое вниманіе на прекращеніе „переходовъ земледѣльцевъ съ мѣста на мѣсто" и вмѣстѣ съ тѣмъ представить на утвержденіе планъ—„какимъ образомъ новую во всей Малороссіи ревизію учредить". Въ заключеніе инструкція указывала главную задачу новому правителю края—сглаженіе того антагонизма, который существуетъ между двумя народно-

Библиотека "Руниверс"

стями.—„Осталось еще упомянуть объ одномъ пунктѣ, который особливо при учрежденіи нынѣшняго въ Малороссіи новаго правленія заслуживаетъ нѣкотораго политическаго примѣчанія. Состоитъ оный въ упомянутой сокровенной ненависти тамошняго народа противъ здѣшняго, который опять, съ своей стороны, пріобыкъ оказывать не непримѣтное къ малороссіянамъ презрѣніе. И какъ та ненависть особливо примѣчается въ старшинахъ тамошнихъ, кои опасаясь видѣть когда нибудь предѣлы беззаконному и корыстолюбивому ихъ своевольству, болѣе вперяютъ оную въ простой народъ, стращая его сперва нечувствительною, а современемъ и совершенною утратою правъ и вольности, то нѣтъ сомнѣнія, чтобъ они, при настоящей правленія ихъ перемѣнѣ, тѣмъ паче не усугубили тайно коварство свое, что пресѣченіе прежнихъ безпорядковъ и установленіе лучшихъ учрежденій не будетъ согласоваться съ ихъ прихотями и собственною корыстію. Въ семъ разсужденіи не оставите вы наблюдать прилежно, но безъ явнаго виду и огласки, поведеніе тамошнихъ старшинъ, особливо же тѣхъ, кои хотя мало подозрительными себя окажутъ, дабы иногда умышляемое зло заблаговременно свѣдано и предупреждено быть могло. И хотя время само собою откроетъ глаза народу и докажетъ, сколь много онъ облегченъ и благоденствовать будетъ, когда устроеніемъ лучшихъ во всемъ порядковъ, увидитъ себя избавленнымъ отъ мучившихъ его вдругъ многихъ маленькихъ тирановъ, однако жъ и въ нынѣшнее время разные способы поспѣшествовать вамъ могутъ праводушіемъ, безкорыстливостью, снисхожденіемъ и ласкою употребить неосновательныя его опасенія и пріобрѣсть къ себѣ любовь его и довѣренность“.

Приведенные отрывки изъ инструкціи указываютъ, что правительство рекомендовало Румянцову главнымъ образомъ заботиться о томъ, чтобы народъ „увидѣлъ себя избавленнымъ отъ мучившихъ его маленькихъ тарановъ“, т. е. защитить народъ отъ произвола старшины [1]). На сколько же Румянцовъ исполнилъ эту задачу?—Полный отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ заклю-

[1]) Вспомнимъ, что ту же задачу давалъ и Петръ В., въ 1722 г., Вельяминову при учрежденіи тогдашней Малороссійской коллегіи.

Библиотека "Руниверс"

чаться въ подообномъ обозрѣніи его дѣятельности по управленію Малороссіи. Но для такого обозрѣнія матеріалы далеко еще не собраны. Одно можно сказать, что выборъ Румянцова былъ очень удаченъ въ томъ отношеніи, что новый правитель былъ уже достаточно знакомъ съ тѣмъ краемъ, правителемъ котораго его назначили.

Въ званіи „главнаго малороссійскаго командира", Румянцовъ прибылъ въ Глуховъ 7 апрѣля 1765 года и былъ здѣсь встрѣченъ пушечными выстрѣлами въ знакъ той большой власти, которая въ немъ совмѣщалась.—Въ то же лѣто Румянцовъ отправился объѣзжать Малороссію для личнаго знакомства съ краемъ, и употребилъ на этотъ объѣздъ два мѣсяца. Вернувшись въ Глуховъ 30 іюля, Румянцовъ уже въ началѣ сентября предложилъ Малороссійской коллегіи—произвести „произвести генеральную опись" Малороссіи. Опись эта хорошо извѣстна людямъ, занимающимся исторіей Малороссіи. Между прочимъ, это была первая подробная перепись *всего податного* народонаселенія, при чемъ, кромѣ того, показано было и его имущество: движимое—въ скотѣ, и недвижимое. Главный результатъ этой переписки заключался въ томъ, что она полнѣе прежнихъ ревизій закрѣпила принадлежность лицъ къ тому или другому сословію и послужила на долгіе затѣмъ годы справочнымъ документомъ для „исканія вольности"—неправильно закрѣпленнымъ козакамъ. Другихъ результатовъ эта перепись не имѣла, да и имѣть не могла, потому что правительство, производя эту „новую ревизію", никакой задачей при этомъ, повидимому, не задавалось.

Обозрѣвая дальнѣйшую дѣятельность Румянцова въ Малороссіи, мы видимъ, что она распадается на два періода: первый, до введенія здѣсь общаго учрежденія губерній въ 1782 году, и другой,—послѣ открытія намѣстничествъ. Въ первомъ періодѣ Румянцовъ представлялъ собою, такъ сказать, того же гетмана, а малороссійская коллегія—ту же генеральную канцелярію. Формы новаго управленія были очень похожи на прежнія. Но Румянцову указаны были задачи, къ рѣшенію которыхъ онъ долженъ былъ немедленно приступить: облегчить народный бытъ и улучшить судъ. Относительно облегченія народныхъ тяжестей Ру-

Библиотека "Руниверс"

мянцовъ немедленно же сдѣлалъ попытку переложенія натуральной повинности по продовольствію квартировавшаго въ Малороссіи войска, установивъ „квартальный“ денежный сборъ (по 1 р. 2 к. съ хаты). Авторъ „Исторіи Русовъ“ говоритъ, что этимъ распоряженіемъ Румянцовъ *„усмирилъ разорявшія народъ воинскія команды, прохожія и квартировавшія“*. Для сбора „квартальныхъ“ денегъ учреждены были особые коммиссары, на обязанность которыхъ возложенъ былъ сборъ этихъ денегъ и кромѣ того имъ поручалось „провожденіе войскъ переходящихъ и защищеніе жителей отъ обидъ“. Относительно суда—Румянцовъ измѣнилъ личный составъ генер. суда: вмѣсто погодно засѣдавшихъ въ немъ (въ помощь генер. судьямъ) выборныхъ отъ полковъ членовъ[1]), Румянцовъ въ 1767 г. назначилъ „непремѣнныхъ членовъ“ въ генер. судъ, при чемъ такими членами были назначены: Григорій Фридрикевичъ, Александръ Безбородко, Петръ Симоновскій и Сергѣй Дергунъ.—Всѣ эти лица, можно сказать, были лучшіе тогдашніе дѣльцы въ Малороссіи, при чемъ и репутація ихъ (покрайней мѣрѣ—первыхъ трехъ) была, повидимому, безупречна... Слѣдуетъ добавить, что этимъ новымъ членамъ Румянцовъ назначалъ жалованье, чего прежде не бывало. Генеральнымъ судьею Румянцовъ засталъ Илью Журмана, быть можетъ единственнаго изъ генеральн. судей XVIII в., не имѣвшаго пятенъ... При такомъ составѣ суда правосудіе въ немъ должно было быть, хотя до нѣкоторой степени, обезпечено...[2]).

---

[1]) По распоряженію Разумовскаго, 17 ноября 1760 года.

[2]) Но и этотъ составъ суда не всегда удовлетворялъ Румянцова, какъ видно изъ слѣд. его „ордера“, вызваннаго неизвѣстнымъ впрочемъ намъ случаемъ. „Ордеръ. Господамъ членамъ суда генеральнаго. Господина коллежскаго совѣтника и малороссійской коллегіи прокурора Семенова посылаю при семъ поданное мнѣ представленіе. Да изволитъ всякъ изъ васъ мнѣ подать объясненіе въ обстоятельствѣ его касающемся. Когда правда и законъ, хранитель оныя, должны одни управлять совѣстью судей и ихъ дѣлами, то отъ чего между васъ сіи несогласія и разность мыслей, которые описываетъ г. прокуроръ въ своемъ докладѣ? Прежде нежели еще я вижу, что вы скажете за свои поступки, одинъ только видъ возбуждаетъ во мнѣ сожалѣніе. Но вообразите! колико будетъ моей тогда чувствительности, естьли испытаніе собственное меня удостовѣритъ, что вы не тѣмъ путемъ слѣдуете, который пролагаетъ безпристрастіе, лучшая надежда и довѣренность къ вамъ. Генер. Г. Румянцовъ. Въ Глуховѣ. 1768 года, 1-го іюля“. (*Съ подлинника*).

Библиотека "Руниверс"

Несомнѣнно, что эти двѣ мѣры Румянцова принесли народу немедленно благіе результаты и современникъ (не оптимистъ) имѣлъ полное основаніе сказать, что Румянцовская коллегія „вошла въ правленіе, яко роса на пажить и яко иней на руно...". Одною изъ общихъ мѣръ первыхъ лѣтъ управленія Румянцова было запрещеніе въ 1767 г. выборовъ козаками сотенной старшины. Дѣло въ томъ, что по „рѣшительнымъ пунктамъ" Апостола было постановлено „въ сотники выбирать въ каждой сотнѣ всѣмъ козакамъ общимъ совѣтомъ". Это постановленіе верховнаго тайнаго совѣта 1728 г. генеральная канцелярія очень часто не исполняла, замѣщая сотничьи вакансіи своими канцеляристами. Но Румянцовъ, повидимому, желалъ чтобы существовавшее распоряженіе исполнялось точно, и когда въ 1767 г. въ Карабутовской сотнѣ открылась сотничья вакансія, то коллегія предписала Прилуцкой полк. к-ріи—при замѣщеніи этой вакансіи—исполнить правило 1728 года.—Выборы были произведены и два кандидата были представлены на утвержденіе въ Глуховъ, какъ и слѣдовало по „рѣшительнымъ пунктамъ". Но вмѣстѣ съ представленіемъ полк. канцеляріи, Румянцовъ получилъ подробное описаніе той обстановки, при которой производились выборы въ Карабутовѣ сотника: оказалось, что при выборѣ перваго кандидата—вознаго Федоровскаго—главная часть выборщиковъ почти цѣлый день у него—„могорычъ пила". Случилось такъ, что въ это время Румянцовъ выѣзжалъ на Бѣловежскую степь осматривать поселявшихся тамъ колонистовъ. Тутъ онъ услыхалъ еще больше подробностей о Карабутовскихъ выборахъ. Всѣ эти свѣдѣнія заставили его сдѣлать распоряженіе о „недозволеніи нигдѣ сотенныхъ старшинъ выбирать самимъ сельскимъ козакамъ, какъ до сего чинилось", по тому основанію, что „они дѣлаютъ изъ сего обычая столь вредное злоупотребленіе..."[1]). Взамѣнъ прежняго порядка, Румянцовъ распорядился, чтобы кандидатовъ въ сотенную стар-

[1]) Приводимъ здѣсь полный текстъ этого распоряженія.—„Познавши изъ многихъ примѣровъ предъосудительный обычай, который въ нынѣшнее время ведется при выборѣ въ сотняхъ сотенныхъ старшинъ, что ищущіе быть оными, стараются преклонять голосы козаковъ, употребляя къ тому средство угожденія: излишество вина, которымъ напоеваютъ даже до потеренія всякаго чувства собирающихся при

Библиотека "Руниверс"

шину избирала полковая старшина вмѣстѣ съ сотниками и затѣмъ представляла бы ихъ на утвержденіе ему, Румянцову. Трудно сказать—который порядокъ былъ лучше, но во всякомъ случаѣ „питье могорычей“ при выборахъ доходило до крайностей и такіе порядки требовали уничтоженія.

Мы не знаемъ ни одного частнаго случая гдѣ бы Румянцовъ проявилъ свою власть въ защитѣ народа отъ „маленькихъ тирановъ, хотя нужда въ такой защитѣ, повидимому, и настоятельно встрѣчалась хотя бы, напр., при порабощеніи козаковъ с. Клищинецъ генер. писаремъ Туманскимъ[1]). Можетъ быть, невсегда удобно было защищать народъ отъ этихъ „маленькихъ тирановъ“ уже и потому, что нѣкоторые изъ нихъ занимали мѣста ближайшихъ помощниковъ Румянцова по должности членовъ коллегіи...[2]). Изъ восьми членовъ послѣдней, четыре были назначены изъ мѣстной

томъ козаковъ. Злоупотребленіе сіе столь уже общимъ здѣсь пріемлется, что во время моихъ проѣздовъ въ Малороссіи, не устыдились и ко мнѣ самому, на разныхъ мѣстахъ, являтся толпы пьяныхъ козаковъ съ просьбами, чтобъ я имъ опредѣлилъ сотника, въ такомъ видѣ ими одобряемаго. Съ крайнимъ негодованіемъ, смотря на сіи неблагопристойности, снисходилъ однакожъ до сего времени полуневѣжеству, но въ послѣднюю бытность мою на Бѣловежской степи поданы мнѣ уже и формальныя о томъ просьбы, что при настоящей въ сотнѣ Корибутовской сотничьей вакансіи, возный Федоровскій, ища быть на тотъ чинъ кандидатомъ, прельстилъ по обыкновенію также козаковъ оными пьянствомъ, отвлекая отъ стороны войскового канцеляриста Соколовскаго, согласовавшихъ на его избраніе и, словомъ, они одинъ другого, какъ я сверхъ того слыхалъ, старались превзойтить присовокупленіемъ за себя одобрителей, покупая ихъ усердіе достаткомъ вина.—Въ такомъ состояніи дѣлъ, гдѣ столь подлая страсть превозмогаетъ надъ всѣмъ, не видно ли каждому, коль терпитъ правда, честность и заслуги лучшихъ людей, которыхъ достоинства всегда останутся безъ награжденія, если оставить власть произвожденія на произволеніе невѣжеству, которые рады всегда командира имѣть себѣ подобнаго. Неустройство сіе потребно удержать съ сего жъ времени и отмѣнить обычай поводамъ до сего бывшій къ возвышенію худыхъ и ко упослѣженію достойныхъ людей, когда степени здѣшнихъ чиновъ кои принадлежатъ однимъ только достойнымъ, можно иному получить за цѣну пьянства... „Записки Черниг. Стат. Ком., II, 246.

[1]) См. „Чтенія въ Общ. Нестора лѣтоп., XI, отд. 2, стр. 158 и слѣд. Въ этомъ случаѣ коллегія въ пол. 1766 г. постановила рѣшеніе явно незаконное и, повидимому, пристрастное въ пользу генер. писаря и *члена коллегіи* Туманскаго.

[2]) Причемъ, при доступности Румянцова, отношенія эти переходили въ особую пріязнь съ этими помощниками, какъ указываютъ приводимыя ниже письма Румянцова къ тому самому Туманскому, который несомнѣнно былъ однимъ изъ „маленькихъ тирановъ“...

Библиотека "Руниверс"

старшины, при чемъ первенствующимъ значеніемъ межъ ними пользовался генер. писарь Туманскій. Остальные четыре члена, назначенные изъ великорусскихъ чиновниковъ, будучи мало знакомы съ порядками края, повидимому, не имѣли особаго значенія въ дѣятельности коллегіи.

Вообще, отношенія Румянцова, какъ правителя края, къ крестьянскому населенію послѣдняго, пока представляются неясными. Извѣстно, что Румянцевъ очень скоро, вслѣдъ за своимъ назначеніемъ, явился обладателемъ громадныхъ имѣній въ Малороссіи. Уже въ 1767 году онъ пріобрѣлъ около Кролевца—с. Вишенки и ревностно занялся устройствомъ этого имѣнія, при чемъ усерднѣйшимъ помощникомъ въ его хозяйствѣ явился членъ коллегіи кн. Мещерскій [1]). Затѣмъ въ 1770 и 1775 г.г. Румянцовъ былъ пожалованъ обширными мѣніями [2]), получивъ которыя, онъ сталъ въ положеніи той же владѣльческой старшины... При этомъ мы имѣемъ авторитетное свидѣтельство, что Румянцовъ былъ „скупъ и корыстолюбивъ“ [3]). Тѣмъ труднѣе, слѣдовательно, была для него роль надзирателя за „маленькими тиранами“... Скопляя земельныя богатства, Румянцовъ иногда позволялъ себѣ дѣйствія несовмѣстимыя съ его общественнымъ положеніемъ. Такъ, намъ извѣстенъ слѣдующій случай: желая округлить свои кролевецкія имѣнія присоединеніемъ къ нимъ с. Добротова, Румянцовъ поручилъ Осипу Туманскому, (одному изъ своихъ приближенныхъ), спросить добротовскаго владѣльца (б. тов. Матвѣя Холодовича)—не продастъ ли онъ ему эту маетность. Туманскій въ своемъ объ этомъ письмѣ къ Холодовичу, между прочимъ, добавилъ, что своимъ предложеніемъ купить Добротовъ „гр. Румянцовъ тѣмъ самимъ полагаетъ удовлетворить“ его, Холодовича, такъ какъ

---

[1]) См. ниже—письмо Мещерскаго къ Румянцову.

[2]) При этомъ Румянцову пожалованы были—въ *Нѣжинскомъ полку*: с. Кочуровка, Литвиновича, Райгородокъ, Царевка, Сохачи, Рожновка, Максимовка, Володькова Дѣвица съ деревнями, Вел. Кошелевка; въ *Стародубскомъ*: Топальская волость, с. с. Чопховъ, съ деревнями, Денисковичи, Синій Колодезь, Замышевъ; въ *Черниговскомъ*: с. с. Разлеты, и Бужанка. Въ *Прилуцкомъ*: Парафіевка съ деревнями и въ *Переяславскомъ*: с. с. Цыбли, Бирловка, Вергуны, Чоботки, Яненки, Капустинцы... Перечень этотъ, кажется неполонъ.

[3]) Кіевск. Стар. 1895 г., мартъ 387.

Библиотека "Руниверс"

надача Добротова не такъ утвердительна, чтобъ наслѣдники Х—ча могли обнадежены быть спокойнымъ оного владѣніемъ". Приведенныя фразы переводятся такъ: „главный правитель" края, предлагая одному изъ его обывателей—продать ему маетность, тутъ же, для лучшаго воздѣйствія, добавляетъ, что тотъ универсалъ, который имѣется у владѣльца на эту маетность, недостаточно крѣпокъ, т. е. можетъ де оказаться и недѣйствительнымъ...

Съ другой стороны, ставъ въ положеніе мѣстнаго владѣльца и при томъ такихъ общирныхъ имѣній, Румянцовъ сталъ ближе къ краю и къ его интересамъ. Малороссія (лѣвобережная) стала для Румянцова не только его генералъ-губернаторствомъ, но и тѣмъ краемъ, въ которомъ были сосредоточены его имущественные интересы... Малороссія не была его родиною, но отсюда получалъ онъ тѣ блага жизни, къ которымъ, какъ говорили, былъ былъ очень прилѣпленъ... Поэтому и весь тогдашній общественный мірокъ Малороссіи былъ Румянцову близокъ, какъ мірокъ людей во многомъ тождественныхъ интересовъ... Такимъ положеніемъ Румянцова въ его генералъ-губернаторствѣ слѣдуетъ объяснить и тотъ фактъ, что подручныхъ своихъ помощниковъ онъ выбиралъ почти исключительно изъ людей мѣстныхъ, и выбиралъ, слѣдуетъ сказать, искусно. Лучшіе его секретари взяты были имъ изъ мѣстныхъ канцеляристовъ. Видно, что онъ внимательно относился къ работѣ даже и мелкихъ чиновъ. Вспомнимъ Безбородка, Завадовскаго, Чепу, Ясновскаго... Чепа, напр., взятъ былъ Румянцовымъ изъ роменскихъ канцеляристовъ, а затѣмъ, въ началѣ текущаго столѣтія, этотъ самый Чепа отклонилъ отъ себя предложеніе малороссійскаго генералъ-губернатора быть правитемъ его канцеляріи. Ясновскій—сынъ священника (кролевецкаго уѣзда) взятъ былъ Румянцовымъ изъ Н. Сѣверской канцеляріи и скоро затѣмъ сдѣлалъ былъ его адъютантомъ (для чего Ясновскому данъ былъ военный чинъ) и сталъ однимъ изъ ближайшихъ людей къ Румянцову. Впослѣдствіи этотъ Ясновскій занималъ должность директора нѣжинскаго лицея (1827—1835) и по своему уму и образованности—(учился въ Кіевской академіи)—былъ однимъ изъ лучшихъ его директоровъ [1]).

[1]) „Лицей кн. Безбородко", Гербеля изд. 2-е, стр. 206—209.

Библиотека "Руниверс"

Изъ общаго характера административной дѣятельности Румянцова слѣдуетъотмѣтить отсутствіе въ этой дѣятельности жестокости и крутыхъ мѣръ вообще въ тѣхъ случахъ, когда всякій проступокъ противъ властей вызывалъ въ тѣ времена суровыя и тяжкія наказанія. Возьмемъ для примѣра такъ называемую „Нѣжинскую исторію“ 1767 г. Въ этомъ году, въ Нѣжинскомъ собраніи шляхетства избирался въ коммиссію для составленія новаго уложенія—депутатъ, которому тутъ же нужно было составить и наказъ. Депутатомъ избранъ былъ Селецкій, при чемъ нѣжинское шляхетство, составляя для него наказъ, выразило въ послѣднемъ ходатайство и о возстановленіи въ Малороссіи гетманства [1]). Селецкій не пожелалъ быть депутатомъ съ подобнымъ полномочіемъ, а требовалъ наказа такого, какой былъ составленъ черниговскимъ шляхетствомъ (тамъ осуждались порядки гетманщины и требовалось уравненіе Малороссіи съ остальными частями имперіи). Нѣжинскіе избиратели признали Селецкаго для депутатства негоднымъ и выбрали другого. Въ этихъ дѣйствіяхъ Румянцовъ усмотрѣлъ „затрудненіе вышняго начальства“, заслуживавшее наказанія и при томъ очень строгаго, такъ какъ надъ виновными—согласившимися на наказъ съ ходатайствомъ о гетманствѣ и устранившими отъ депутатства Селецкаго,—былъ назначенъ въ Глуховѣ судъ: надъ лицами, имѣвшими воинскіе чины—военный, а надъ стальными—гражданскій. Военный судъ приговорилъ 33 человѣка къ „лишенію живота“, а гражданскій (т. е. уголовный) приговорилъ другихъ 18 человѣкъ къ „вѣчной ссылкѣ“ Приговоръ гражданскаго суда былъ сенатомъ отмѣненъ и виновнымъ было назначено шестинедѣльное тюремное заключеніе. Приговоръ военнаго суда тоже былъ отмѣненъ и „лишеніе живота“ было замѣнено восьмимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ съ лишеніемъ чиновъ. Все это происходило въ к. 1767 года, а въ нач. 1770

---

[1]) Такъ говоритъ, по живому преданію, А. М. Марковичъ въ одномъ примѣч. къ изд. имъ „Дневнымъ Запискамъ“ своего дѣда (II, 410). Попавшее въ тогдашнія бумаги извѣстіе, что будто Нѣжинское шляхетство говорило о соединеніи „Нѣжинскаго уѣзда съ Запорожскою Сѣчью“ подъ одною гетманскою властью—(Рецензія В. А. Мякотина въ XXXVII присужденіи наградъ гр. Уварова, стр. 30)—основано, конечно, на какой то болтовнѣ. Ср. Ист. Россіи, кн. VI, стр. 320.

Библиотека "Руниверс"

года всѣ тѣ, которые судились военнымъ судомъ, были императрицею прощены, при чемъ „отобранные у нихъ чины“ были имъ возвращены [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой исходъ дѣла вполнѣ зависѣлъ отъ Румянцова [2]), который хотя и долженъ былъ сначала указать виновнымъ на строгость законовъ за такое противоправительственное заявленіе, какъ „Нѣжинская исторія“, но „вѣчную ссылку“, а тѣмъ болѣе „лишеніе живота“—какъ мѣры одной жестокости—Румянцовъ не могъ практиковать, обладая большимъ и спокойнымъ умомъ...

Другой случай. Въ 1768 году Румянцовъ послалъ Лубенскаго полковника Кулябку, съ отрядомъ козаковъ, усмирять „возмутившихся“ жителей с. Клищинецъ. Кулябка медлилъ, не зная какъ взяться за исполненіе порученія; эта медленность да еще въ рабочее время (дѣло было въ іюлѣ) надоѣла его козакамъ и въ одно утро—77 человѣкъ изъ Кулябкиного отряда и сами „возмутились“ и „не слушая приказа, запрягли возы и отъѣхали въ домы свои самовольно“. Нарушеніе военной дисциплины въ этомъ случаѣ было слишкомъ разительное... „Бѣглецы“ были переловлены и отосланы въ Глуховъ, гдѣ „всѣхъ таковыхъ, совершившихъ важное преступленіе противъ порядка военной службы, до дальшей о нихъ резолюціи, приказано было заключить въ острогъ и употреблять на городовую работу“. Но не болѣе какъ мѣсяца черезъ два „бѣглецы“ были освобождены, при чемъ въ орденѣ Румянцова значилось, что „хотя ихъ важное преступленіе надлежало бы большему истязанію, но по единому снисхожденію къ ихъ буйству и сопряженному съ тѣмъ унынію, рождающемусь отъ утраченнаго мужества и всякаго военнаго порядка, упущается строгость наказанія ими заслуженнаго...“ [3]).

---

[1]) „Нѣжинская исторія“ подробно разсказана В. А. Макотинымъ въ указанной его рецензіи на книгу—II-й томъ Опис. Ст. Малор. Ср. Ист. Россіи, кн. VI, стр. 323.

[2]) Приговоръ военнаго суда отмѣненъ былъ, конечно, Румянцовымъ, какъ лицомъ, въ которомъ сосредоточена была вся въ краѣ военная власть. Тѣмъ болѣе, значитъ, онъ могъ имѣть вліянія на суды гражданскіе, особенно если дѣло казалось какъ здѣсь, политики.

[3]) „Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣтоп., XI, отд. II, стр.

Библиотека "Руниверс"

Нельзя не видѣть и въ этомъ случаѣ явнаго намѣренія Румянцова обойти ту строгость наказанія, примѣненіе которой едва ли было бы умѣстно къ войску, которому „порядки военной службы", повидимому, были едва знакомы. Тутъ нужны были, конечно, другія, общія мѣры.

Приведемъ еще и третій случай. Въ Глуховѣ издавна имѣлась особая рота „жолдаковъ" (т. е. солдатъ), обязанность которыхъ заключалась сначала въ содержаніи карауловъ „въ дворѣ гетманскомъ", а потомъ, позже, они состояли на посылкахъ у „главныхъ командировъ". Румянцовъ, видя безполезность этихъ жолдаковъ, обратилъ ихъ въ „фузелерную роту". Жолдацкіе офицеры, недовольные этою реформою, подговорили рядовыхъ жолдаковъ подать въ коллегію прошеніе—„не занимать ихъ россійскимъ платьемъ и регулами"... Протестъ этотъ не понравился Румянцову и онъ разслѣдовавъ дѣло, офицеровъ лишилъ чиновъ, а рядовыхъ жолдаковъ приказалъ наказать и посадить на годъ въ тюрьму. Но черезъ нѣсколько времени послѣ заключенія жолдаки были освобождены, съ тѣмъ лишь, чтобъ они ни въ какую солдатскую и козацкую службу употребляемы не были"... Румянцовъ находилъ накое наказаніе достаточнымъ потому, что „оные жолдаки сіе учинили болѣе по ихъ невѣжеству, нежели съ точного умыслу [1]).

Приведенные случаи указываютъ, что Румянцовъ обходилъ тѣ законныя строгости, которыя выражались въ формахъ жестокости... [2]). Хотя факты 25-тилѣтняго управленія Румянцова Малороссіей далеко еще не обслѣдованы, но изъ того что уже извѣсто, мы видимъ со стороны Румянцова—постоянно спокойное отношеніе къ дѣлу.—Исполняя главную свою миссію—введеніе въ Малороссіи общерусскихъ порядковъ—Румянцовъ съ

---

[1]) Это было въ 1766 г. См. Опис. Стар. Малороссіи, II, 224.

[2]) Извѣстный „Клищинскій бунтъ" (см. „Чтенія въ Ист. Общ. Нестора, кн. XI) выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Ужасное ожесточеніе „возмутившихся", вызванное рядомъ несправедливостей и насилій, по необходимости должно было вызвать особую кару. Приговоръ по этому дѣлу сенатъ представлялъ на утвержденіе императрицы. Кромѣ того, въ дѣлѣ Клищинцовъ Румянцову, кажется, мѣшали познакомиться съ его сущностью.

Библиотека "Руниверс"

этимъ дѣломъ не спѣшилъ: учрежденіе губерній было издано въ 1775 году, а въ Малороссіи оно введено только въ 1782 году. Такимъ образомъ, болѣе 17-ти лѣтъ Румянцовъ управлялъ Малороссіей какъ бы при прежнихъ ея порядкахъ, при „несообразимомъ смѣшеніи правленія воинскаго съ гражданскимъ", какъ выразилась Екатерина II въ своей инструкціи. За это время Румянцовъ успѣлъ вполнѣ подгототовить край къ той реформѣ, которую онъ же и вводилъ—открытіемъ въ Малороссія намѣстничествъ. Главная подготовка состояла въ томъ, что за 17 лѣтъ Румянцовъ успѣлъ „маленькихъ тирановъ" приручитъ благами міра сего, „шляхетствомъ" и чинами, послѣ чего успѣхъ реформы былъ обезпеченъ. Это между прочимъ доказывается и тѣмъ, что при открытіи намѣстничествъ, т. е. при введеніи въ краѣ общеимперскихъ формъ управленія, по представленію Румянцова назначены были мѣстные люди: въ Черниговскомъ—генералъ-порутчикъ А. С. Милорадовичъ и въ Н.-Сѣверскомъ—И. В. Журманъ. Особенно интересно назначеніе послѣдняго. Журманъ, начавшій службу въ генер. канцеляріи съ 1739 году, въ 1756 году назначенъ былъ генер. судьею и оставался въ этой должности до своего назначенія губернаторомъ. Слѣдовательно, это былъ человѣкъ незнакомый, по предшествовавшей своей службѣ, ни съ какими новыми порядками; но Румянцовъ 17 лѣтъ зналъ Журмана, какъ примуса въ генеральномъ судѣ, зналъ его дѣловитость и безупречную честность [1]). Выбирая при такихъ обстоятельствахъ Журмана въ губернаторы, Румянцовъ видѣлъ въ немъ опытнаго и знающаго край человѣка, который въ свою очередь, получивъ отъ правительства право стать въ ряды привилегированнаго сословія, дѣлался сторонникомъ реформы. Вообще при открытіи намѣстничествъ многочисленныя губернскія и уѣздныя должности пополнены были преимущественно людьми мѣстными [2]), которые вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтая сословныя привилегіи, несомнѣнно могли только обезпечивать успѣхъ реформы...

---

[1]) См. замѣчательное по безпристрастію рѣшеніе генер. суда, подъ предсѣдательствомъ Журмана, по дѣлу жителей с. Клищинецъ—въ XI-й кн. „Чтеній" Историч. Общ. Нестора.

[2]) См. Списки Черниговск. двор. 1783 г. Черниговъ 1890.

Библиотека "Руниверс"

Во второй періодъ дѣятельности Румянцова въ Малороссіи мы видимъ—уже сравнительный его покой. Онъ только надзиралъ за общимъ ходомъ административной дѣятельности всѣхъ чиновъ трехъ намѣстничествъ, зная, что главные изъ нихъ выбраны имъ лично, послѣ испытанной ихъ годности къ дѣлу. Особыхъ какихъ либо его распоряженій по управленію Малороссіей за это время мы не знаемъ.

Мало имѣемъ свѣдѣній и о частной жизни Румянцова за это время. Только по случаю путешествія императрицы Екатерины II въ Крымъ сохранились свѣдѣнія—какъ принималъ Румянцовъ императрицу въ своемъ Вишенскомъ домѣ, 24 января 1787 года, и угощалъ ее здѣсь обѣдомъ, а въ это время—„гремѣла пушечная пальба, при вокальной и инструментальной музыкѣ, при чемъ исполнителями въ хорѣ и оркестрѣ были крѣпостные музыканты и хористы графа“ [1]).

Имѣющіяся свѣдѣнія о личномъ характерѣ Румянцова страдаютъ общими мѣстами. А. М. Марковичъ говоритъ о немъ, что это былъ человѣкъ гордый и высокомѣрный, а ближайшій къ Румянцову человѣкъ, его „питомецъ“, говоритъ, что это былъ человѣкъ всякому доступный, простой, предпочитавшій въ пути „хижину поселянина“—„каменнымъ палатамъ“ [2]). Самъ Румянцовъ въ одномъ частномъ письмѣ къ пріятелю пишетъ: „Степанъ Даниловичъ, по просьбѣ моей, одолжилъ меня кибиткою; она весьма выгодна, да только для походу тяжела по своей величинѣ; а-вы, мой другъ, сами знаете, что *я не имѣю привычки ни къ чему пространному*... Итакъ, я васъ, мой всенадежный другъ, покорно прошу одолжить меня кибиткою для похода небольшой величины“ [3]).

Но мы имѣемъ несомнѣнныя данныя, что Румянцовъ по своему образованію далеко выходилъ изъ уровня современныхъ ему генераловъ. Достаточно указать на представленный имъ императрицѣ проектъ—о заведеніи въ Малороссіи, во *всѣхъ го-*

---

[1]) Кіевск. Стар. 1890 г., декабрь, 408.

[2]) Т. ж., 1895 г., мартъ, 385 и слѣд.

[3]) Письмо писано въ декабрѣ 1768 г. Архивъ в.—пох. к—ріи гр. П. А. Румянцовъ. Чтенія въ Моск. Общ. Ист., 1865 г., кн. I, стр. 166.

Библиотека "Руниверс"

родахъ, а гдѣ можно, и по большимъ селамъ и деревнямъ—школъ, объ учрежденіи въ ней двухъ высшихъ училищъ „для благороднаго юношества“ и трехъ училищъ—„къ воспитанію дѣвицъ“. (См. ниже). Подобный проектъ, конечно, могъ быть предложенъ только человѣкомъ, хорошо понимавшимъ значеніе народнаго просвѣщенія...

Въ 1811 году была напечатана книжка—„Анекдоты, объясняющіе духъ фельдмаршала графа П. А. Румянцова-Задунайскаго“. Кто былъ ея издателемъ—не извѣстно, но въ этой книжкѣ приведено, между прочимъ, слѣдующее любопытное свѣдѣніе: „Гр. Румянцовъ, возросшій въ Малороссіи, былъ столь привязанъ къ своей родинѣ, что всегда, встрѣтивъ одноземца, старался обласкать его всѣми силами, и до того прославился своею любовью къ Малороссіи, что каждый уроженецъ ея, ѣхавъ въ Петербургъ, почиталъ гр. Румянцова лучшимъ своимъ покровителемъ. Иногда, услышавъ малороссійское произношеніе, отъ коего не могъ отучиться совершенно, радовался подобно дитяти...“ Приведенная черта изъ характера Румянцова, конечно, не выдуманная, указываетъ, что въ 25-тилѣтней административной дѣятельности Румянцова въ Малороссіи, имѣла свою долю значенія и любовь его къ этому краю. Можетъ быть этимъ слѣдуетъ объяснить и планы Румянцова неосуществившіеся, о заведеніи въ Малороссіи школъ и богадѣленъ [1]). Екатерининскіе генералъ-губернаторы

[1]) „Къ обученію юности во всѣхъ городахъ завесть подлежитъ школы для обученія читать, писать, пѣть и ариѳметикѣ, а гдѣ можно—и по большимъ селамъ и деревнямъ; опредѣлять учителямъ извѣстное жалованье изъ градскихъ доходовъ, умѣренное, или давъ имъ нѣкоторые чины духовные при церквахъ съ доходами... Сельскіе же школы должны быть содержаны владѣльцами и прихожанами, а обучаемы діаконами или дьячками за извѣстныя, сверхъ обыкновеннаго ихъ дохода, опредѣленныя награжденія„... Затѣмъ слѣдуетъ очень интересный проектъ Румянцова объ образованіи въ монастырякъ Кіевскомъ Братскомъ и Черниговскомъ Елецкомъ—высшихъ училищъ, съ выводомъ оттуда монаховъ и съ порученіемъ надзора за преподаваніемъ—богословскихъ наукъ синоду, а остальныхъ „свѣтскому правительству“, при чемъ училища эти должны быть „снабжены извѣстнымъ и потребнымъ числомъ учителей для благороднаго юношества надобныхъ, какъ россійскими, въ тѣхъ наукахъ искусными, такъ и иностранными, *на содержаніи изъ доходовъ къ симъ монастырямъ съ принадлежащихъ деревень*„... Не забылъ Румянцовъ и женскаго образованія: „Къ воспитанію жъ дѣвицъ, а особливо неимущихъ кажутся быть способными Кіево-Фроловскій, дѣвичій Глуховскій и Черниговскій-Пятницкій“. Изъ нихъ

Библиотека "Руниверс"

такихъ вопросовъ въ своей дѣятельности обыкновенно не возбуждали...

Все сказанное здѣсь о правительской дѣятельности Румянцова въ Малороссіи приводитъ насъ къ заключенію, что человѣкъ этотъ относился къ ней добросердно и потому имѣетъ право на нашу добрую о себѣ память.

Ал. Лазаревскій.

---

1. Письмо кн. Пл. Ст. Мещерскаго къ гр. П. А. Румянцову о Вишенскомъ хозяйствѣ. 1769 г., 18 іюля.

Милостивый Государь! Въ великомъ прискорбіи нахожусь, что при теперешнихъ вашего сіятельства многотруднѣйшихъ попеченіяхъ репорты мои, неприносящые ко удовольствію ничево, доходятъ, а къ предуспѣнію (sic) и расточая виѣ мои силы, не могъ ничево здѣлать.

Милостивый Государь! Возвращаясь я изъ колоніи, былъ въ Вишенкахъ, нашолъ въ Черешенкахъ работы въ нарочитомъ успѣхѣ, кромѣ подрядившагося мастера съ каменщиками дѣлать въ домѣ штукатурную подъ потолками подмазку и скотной дворъ. Онъ не знаю кѣмъ сысканъ, только сущей бездѣльникъ, вместо тридцати человѣкъ, болше не поставилъ десяти и то пяницъ такихъ, што поработавши нѣсколко дней, разбѣжались. Изъ Вишенекъ послалъ я

Румянцовъ полагалъ монахинь также вывести, „оставя токмо для клира и обученія извѣстнаго числа дѣвицъ... „Построеніе госпиталей къ цѣленію болѣзненныхъ и къ спасенію иногда несчастливыхъ женщинъ (*„спасающихъ себя отъ стыда и поношенія въ первомъ пароксизмѣ умерщвленіемъ своего плода“*) весьма нужно... „Сборникъ Русск. Истор. Общ., X, 18 и 19. Хотя здѣсь и сказано, что докладъ Румянцова по этимъ вопросамъ былъ представленъ императрицѣ 18 мая 1765 г., но это явная ошибка. Мы видѣли уже, что Румянцовъ пріѣхалъ въ Глуховъ только 7 апрѣля 1765 г. и конечно за сорокъ дней онъ не могъ настолько познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Малороссіи, чтобы написать такое всестороннее изложеніе нуждъ края. Несомнѣнно, что редакторами „Сборника“ въ датѣ допущена ошибка. Упоминаемый докладъ Румянцова долженъ относиться развѣ къ концу 60-хъ годовъ, а можетъ и того позже. Краткій планъ улучшеній разныхъ учрежденій въ Малороссіи (а въ томъ числѣ училищъ и богадѣленъ) составленъ былъ Румянцовымъ только лѣтомъ 1767 г. „Чтенія въ Ист. Общ. Нестора, V, отд. 3, стр. 100—111. Въ брошюрѣ Авсѣенка „Малороссія въ 1767 г.“ (Кіевъ. 1864.)—эта самая „записка“ Румянцова помѣчена—25 мая 1765 г. Дата тоже едвали вѣрная.

Библиотека "Руниверс"

въ два мѣста, и пріѣхавши теперъ сюда, сыскиваю и какъ возможно буду стараться доставить туда людей. Земленая работа на обѣихъ плотинахъ и обдѣлка берега производится еще, а какъ за приближившимся сѣнокосомъ и жнитвомъ чрезъ нѣсколько дней перестануть люди наниматца, то продолжится она окончаніемъ до осени, ибо по расположенію Гиржберга невѣроятное множество къ насыпкѣ плотинъ земли надобно. Однако жъ мнѣ видится—что не напрасно.

Домъ снаружи зачали красить и картинъ, что надъ дверми будутъ, шесть уже отдѣлано, а остальные пять еще не зачинаны. Въ галлерею на стѣны рами обтянуты и пишутся; вкусъ письма сего и какъ подъ кровлею карнизъ съ подвѣсами окрашенъ—уповаю аппробацію вашего сіятелства имѣть будутъ, толко жалѣю о медленной работѣ: маляръ тамъ самъ и дѣйствително восемъ человѣкъ у нево помощниковъ, а болше всего остановку здѣлаетъ штукатурная подмазка потолковъ. Цвѣтникъ одинъ хорошева вкусу, почти совсѣмъ отдѣланъ, а и другой отдѣлываетца жъ. Прошлогодного саженія деревья всѣ, какъ штанбовые, такъ въ шпалѣрахъ и протчие, очень хорошо принялись и мало подсадки будетъ, а нынѣшного, особливо изъ шпалеръ вишень, много присохло. Оранжерейные прежние деревья невѣроятно вашему сіятелству будетъ, какъ теперъ поправились и въ самомъ лучшемъ ихъ видѣ, такъ что не хуже стали вновъ привезенныхъ. Оранжереи половина выкрашена жъ. Въ прудѣ, что передъ тарасами, воды ужъ аршина на полтора глубиною, и въ верхней плотинѣ немного осталось свай бить; а для скотнова двора толко половину фундамента каменного здѣлано; теперь зачали на нево пилить лѣсъ и вязать будутъ. Для мельницы на Деснѣ поехалъ вчерась Гиржбергъ сваи бить; прежде жъ нелзя было за величиною воды. Съ отезду вашего сіятелства въ расходѣ въ Вишенкахъ денегъ болѣе полуторы тысячи уже. По хозяйству экономия тамъ кажется изрядно идетъ. Садовникъ, бывшей у Ильи Васильевича, нѣсколко дней тамъ былъ, но въ пріездъ мой туда отежалъ онъ въ Глуховъ; толко и здѣсь не засталъ я ево, а сказываютъ, что вчерась опять туда поѣхалъ. Нанять ево на коронной щотъ старатца буду. Въ отездъ мой отсюда, привезенъ отъ вашего сіятелства ящичекъ, въ немъ нашелъ я модели галанскова ботика и шлюбки съ рисунками—къ строенію по нихъ, а ничево объ нихъ не писано, то здѣсь ли прикажете до времени сохранять или въ Вишенки отправить? Тако жъ и о парадной каретѣ: отправлять ли еѣ къ Москвѣ или здѣсь оставатца, не имею повелѣнія, котораго въ ожиданіи остаюсь. О колонистахъ като-

Библиотека "Руниверс"

ликахъ изъ хлебопашцовъ, жителяхъ Великого и Малого Вердера [1]) преступившихъ боемъ шулца и судьи, по поводу невѣжи патера, какъ я по силѣ данного мнѣ отъ вашего сиятелства отъ 29-го маія ордера, долженъ ихъ отослать суду генеральному и далъ уже графу Капуани ордеръ о присылкѣ зачинщиковъ четырехъ человѣкъ въ оной судъ, предварительно осмеливаюсь просить вашего сиятелства не соизволено ли будетъ безъ решенія судовова, наказавши ихъ, при колоніи оставить, ибо естли по рѣшенію надъ ними въ судѣ выполнитца, то семьи ихъ, въ малолѣтныхъ дѣтяхъ состоящие, останутца безъ отцовъ и оныхъ хозяйство. Отъ пріѣхавшихъ сюда къ Щенявскому по паспорту за рукою Василицкова людяхъ, на репортъ мой отъ 1-го іюня учиненной, о снабдѣніи резолюцею прошу жъ. Онъ всякой день и староста Дембовской неотступно докучаютъ, такъ же и изъ гарнизона Уманскова желающихъ въ фузилерную роту—можно ли опредѣлять, ибо изъ нихъ нехотящие въ полской службѣ оставатца, начинаютъ побѣги уже дѣлать. Я же со всеглубочайшею моею преданностію и до конца жизни моей пребуду вашего сиятелства, милостиваго государя всепокорнейшей слуга князь Платонъ Мещерскій.

Глуховъ. Іюля 18, 1769 году.

2. *Пять писемъ гр. Румянцова къ генер. писарю В. Г. Туманскому.*

а) Государь мой Василей Григорьевичъ! Я бы хотѣлъ больше воздать, нежели въ однихъ словахъ благодарностію за толь одолжительную обсылку меня деликатною провизіею, которую знакомъ пріемлю усерднаго вашего обо мнѣ воспомянанія, но случай не подаетъ мнѣ другихъ къ тому способовъ; такъ и еще благодарю наипризнательнѣе за милость любезной супруги вашей, коея собственные труды дѣлаютъ мнѣ тѣмъ пріятнѣе сей гостинецъ.—Въ показаніе моего непремѣннаго къ вамъ доброжелательства, я увѣдалъ, что г. Яковскій близкою причитается роднею фамиліи вашей, изъ уваженія къ тому опредѣляю его, по его желанію, есауломъ полковымъ въ Прилуки; и къ удовольству приму, естли вы укажете какой мнѣ случай, въ которомъ бы я могъ дѣлая вамъ угодное, подтвердить то нелицемѣрное почтеніе, съ которымъ пребывать честь имѣю вашего высокородія покорнымъ слугою Г. Румянцовъ.

Марта 31-го дня, 1771-го. Изъ главной квартиры города Яссъ.

[1]) Колоніи, поселенныя въ борзенскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

б) Государь мой Василей Григорьевичъ! Наичувствительнѣйшей благодарности и истиннаго признанія исполненъ я вамъ за неоставленія меня вашимъ пріятнѣйшимъ письмомъ, такъ какъ и дражайшей супругѣ вашей за благосклонную обсылку собственныхъ ея трудовъ, всенскренно желая находить ежевременно случаи къ изъявленію вамъ готовости моей къ услугамъ вашимъ. На сихъ дняхъ я увидѣлъ изъ коніи указа правительствующаго сената въ коллегію присланнаго, что бунчуковый товарищъ Якимовичъ чрезъ сына своего (имѣлъ?) въ сенатѣ жалобу на отдачу комиссіи и сходное той опредѣленіи коллегіи о хуторѣ имъ заведенномъ въ дачахъ Чертовицкихъ. Не распространяяся о дѣлѣ семъ, вамъ довольно извѣстномъ, скажу только мое удивленіе, что въ то время, когда уже сія жалоба какъ видно въ сенатъ занесена была, сей человѣкъ прислалъ друзей сына своего съ вѣрующимъ ко мнѣ для испрошенія оставить отбираемое въ его владѣніе. Я не знаю совмѣстна ли тутъ апелляція и задержаніе исполненія, гдѣ указомъ 1763 года судной образъ отверженъ, а разборъ слѣдствіемъ предписанъ?—Прошу только васъ всеприлежно не упустить употребить средства къ сохраненію цѣлости сихъ имѣній, чтобъ онѣ въ подобныхъ случаяхъ не потерпѣли крайняго опустошенія отъ неправедно ими владѣвшихъ. Я не сомнѣваюся, что вы, государь мой, по правосудію вашему и по благосклонности ко мнѣ, во всѣхъ таковыхъ случаяхъ надлежащую мнѣ помощь подать не отречетесь и есмь съ совершеннымъ почтеніемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою Г. Румянцовъ [1]).

Марта 4-го, 1773-го. Изъ Яссъ.

в) Государь мой Василей Григорьевичь! Я уведомленъ, что отдача всемилостивѣйшее пожалованнымъ мнѣ въ Малороссіи деревень вознесена въ коллегію, но не зная отправлена ли она въ правительствующій сенатъ, въ полной надеждѣ на дружество и благосклонность вашу, прошу васъ всеприлежно дать мнѣ знать о томъ; и ежели она не отослана, то какіе причины его удерживаютъ. Пользуясь въ протчемъ симъ случаемъ, свидетельствую вамъ и любезной

[1]) Все письмо, кромѣ подписи, написано собственноручно А. А. Безбородкомъ. Дѣло идетъ о хуторѣ, который поселилъ одинъ изъ Якимовичей въ дачахъ д. Чертовичъ, вошедшей въ составъ Топальской волости, а прежде находившейся во владѣніи полк. хоруж. Ст. Якимовича „до ласки войсковой“. (См. Оп. Ст. Малор., I, 375). Въ сосѣдскихъ земельныхъ спорахъ съ Якимовичами, гр. Румянцовъ обращается здѣсь къ канцелярской помощи Туманскаго.

Библиотека "Руниверс"

супруге вашей мое искренное и совершенное почтеніе, и есмъ вашъ покорной слуга Г. Румянцовъ.

5-го Августа, 1773-го. Изъ лагеря при рѣкѣ Яломицѣ.

г) Государь мой Василей Григорьевичъ! Благодаря вамъ отъ всей искренности за ваше ко мнѣ доброхотное расположеніе, коего ни время, ни дальная отлучка не изтребили изъ вашей памяти, я обращаю во взаимство вамъ, моему лутчему другу, всеусердныя мои желанія въ семъ новонаставшемъ и премногихъ будущихъ, съ любезною вашею фамиліею, увидѣть изобильно всѣ и всякія благощастіи и преуспѣянніи въ помысльномъ вами, и сохраняя непремѣнно вашу ко мнѣ благосклонность пребыть удостовѣреннымъ, что я всегда останусь съ отличнымъ почтеніемъ и истинною преданностію покорнымъ слугою Г. Румянцовъ.

С. П. Бургъ. Генваря 28 дня, 1777 года.

е) Милостивый государь мой, Василей Григорьевичъ! По усердному моему къ вамъ и ко вашему дому расположенію, я беру всіо участіе и искреннее сожалѣніе въ вашей печали, о кончинѣ любезной дочери вашей, и изъ всякаго случая, гдѣ мнѣ только возможно оказать вамъ мою услугу, дѣлая себѣ отличное удовольствіе, обратилъ я на то и сей, что вы подали мнѣ касательно отсрочки вашему сыну. Онъ можетъ остаться у васъ по май мѣсяцъ, и я включая ему здѣсь пашпортъ, и желая отъ всего моего сердца, чтобы сіе мое письмо нашло васъ въ наилучшемъ здоровьѣ, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, что я имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Г. Румянцовъ.

Марта 19-го дня, 1789 года. Г. Яссы [1]).

[1]) Всѣ приведенныя письма печатаются съ подлинниковъ. Письма къ Туманскому получены нами отъ гр. Г. А. Милорадовича.

Библиотека "Руниверс"

ПЕРВЫЙ КІЕВСКІЙ АРХЕОЛОГЪ М. Ѳ. БЕРЛИНСКІЙ.

Въ ряду лицъ, занимавшихся исторіею Малороссіи вообще и Кіева въ частности, видное мѣсто принадлежитъ М. Ѳ. Берлинскому. Имя его извѣстно всякому, интересующемуся мѣстною исторіею и археологіею; менѣе извѣстна его біографія (краткія біографическія свѣдѣнія о Б. можно, впрочемъ, найти въ біографич. словарѣ Венгерова и въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона); еще менѣе извѣстны его сочиненія, разбросанныя въ старыхъ журналахъ, или выходившія отдѣльными изданіями и сдѣлавшіяся библіографическою рѣдкостью. Цѣль настоящаго очерка—собрать возможно полныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности этого почтеннаго труженика и указать значеніе его трудовъ, насколько позволяютъ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы.

Максимъ Ѳедоровичъ Берлинскій родился въ 1764 г. въ с. Новой Слободѣ (путивльскаго уѣзда курской губерніи), гдѣ отецъ его былъ сельскимъ священникомъ. Свѣдѣній о происхожденіи отца не сохранилось, но такъ какъ Б. въ оффиціальныхъ документахъ [1]) показанъ происходящимъ изъ дворянъ, то можно думать, что онъ принадлежалъ къ старинному русскому шляхет-

[1]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, изд. М. Н. Пр. Спб. 1893. IXI, стр. 354 (Вѣдомость о состояніи Кіевск. Главн. Народн. Училища 1802).

Библиотека "Руниверс"

скому роду Берлинскихъ, жившему на Подоліи[1]). На двѣнадцатомъ году Б. отдали въ Кіевскую Академію, гдѣ онъ учился въ продолженіи десяти лѣтъ (1776—1786). По окончаніи курса съ отличіемъ, Б. былъ посланъ въ С.-Петербургъ, въ незадолго передъ тѣмъ основанную учительскую гимназію или семинарію. Это было въ эпоху обширныхъ реформъ, предпринятыхъ имп. Екатериною въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ 1782 открыта была „коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ“ подъ предсѣдательствомъ П. В. Завадовскаго и „подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Монаршей Особы;“ задачи коммиссіи состояли въ открытіи школъ, составленіи книгъ и другихъ учебныхъ пособій и въ приготовленіи учителей. Для осуществленія послѣдней задачи въ Петербургѣ учреждена была учительская гимназія, въ которую, по Высочайшему повелѣнію, посылались лучшіе воспитанники духовныхъ семинарій. Впослѣдствіи, въ царствованіе имп. Александра I, Комиссія была преобразована въ министерство народнаго просвѣщенія, а учительская гимназія—въ главный педагогическій институтъ. Первымъ министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ бывшій предсѣдатель коммиссіи—гр. П. В. Завадовскій. Вотъ какой отзывъ далъ впослѣдствіи этотъ дѣятель о своихъ бывшихъ питомцахъ: „между всѣми присланными къ должностямъ учительскимъ въ коммиссію объ учрежденіи училищъ въ разныя времена и изъ разныхъ духовныхъ семинарій, наилучшими, способнѣйшими, и паче благонравнѣйшими оказывались всегда обучавшіеся въ кіевской духовной академіи[2]). Къ числу этихъ воспитанниковъ принадлежалъ и Б.[3]). Въ 1788 Б. былъ назначенъ учителемъ въ открывавшееся тогда въ Кіевѣ главное народное училище—„по проекту директора учительской семинаріи Ивана Коха,“ сказано въ журналѣ коммиссіи[4]), но вѣроятно также и по собственному

---

[1]) Грушевскій. Барское староство. К. 1894, стр. 182. Фамильное прозваніе Б. происходитъ отъ с. Берлинцы (могилевскаго у., подольской губ.).

[2]) Максимовичъ. Поминка о Берлинскомъ (Временникъ Моск. Общ. ист. и др. Росс. т. V. М. 1850.

[3]) Извѣстно, что Завадовскій—также воспитанникъ кіевской академіи.

[4]) Сборъ матеріаловъ, стр. 20.

Библиотека "Руниверс"

желанію; по крайней мѣрѣ такъ можно думать на основаніи постановленій коммиссіи о другомъ Берлинскомъ, Василіи (вѣроятно, близкомъ родственникѣ Максима), который былъ переведенъ въ Кіевъ потому, что коммиссіи не безъизвѣстно, что онъ родиною изъ Малороссіи и имѣетъ желаніе службу свою продолжать въ своей отчизнѣ [1]), а также на основаніи всей послѣдующей дѣятельности Б., посвященной изученію его „отчизны". Въ кіевскомъ училищѣ Б. былъ выдающимся преподавателемъ. Онъ преподавалъ исторію естественную, исторію политическую и географію въ училищѣ, и кромѣ того математическую географію и всемірную исторію въ институтскомъ классѣ духовной академіи. Не ограничиваясь преподаваніемъ, Б. составлялъ учебныя пособія по преподаваемымъ имъ предметамъ: такъ, онъ составилъ книгу „Исторія россійская для употребленія юношеству", которая была напечатана въ Москвѣ въ 1800 г. и тогда-же принята „классическою книгою" (т. е. учебникомъ) въ кіевской академіи; „для удобнѣйшаго изъясненія современныхъ во всеобщей политической исторіи происшествій изданы имъ разныя параллельныя по хронологіи историческія карты (т. е. синхронистическія таблицы), которыя съ особливымъ успѣхомъ при обученій употребляются". Кромѣ того Б., совмѣстно съ учителемъ математическихъ наукъ Василіемъ Берлинскимъ, занимался собираніемъ для „натуральнаго кабинета" различныхъ минераловъ и растеній [2]) (хранителемъ кабинетовъ и библіотеки былъ Максимъ Берлинскій). Наконецъ, въ 1802 ему же поручено было составленіе исторической записки о кіевскомъ главномъ народномъ училищѣ для представленія въ коммиссію. Къ этому же времени службы въ училищѣ относится начало ученыхъ трудовъ Б., о которыхъ сказано будетъ ниже. Съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія (1802) произошли большія перемѣны въ постановкѣ учебнаго дѣла въ юго-западномъ краѣ. Губерніи кіевская, подольская и волынская были подчинены виленскому учебному округу, попечителемъ котораго былъ гр.

[1]) Сборн. матер., 189—190.

[2]) Сб. матер., 44б—447.

Библиотека "Руниверс"

Адамъ Чарторыйскій, а визитаторомъ школъ гр. Ѳаддей Чацкій, и въ краѣ установилась польская система воспитанія. Въ это время кіевское главное народное училище было преобразовано въ гимназію (1809), а впослѣдствіи (1812) въ гимназію высшихъ наукъ. Въ 1818 г. кіевская губернія была отдѣлена отъ виленскаго учебнаго округа и присоединена къ харьковскому [1]). При всѣхъ этихъ перемѣнахъ Б. оставался учителемъ кіевской гимназіи; но свѣдѣній о преподавательской дѣятельности его въ эту эпоху намъ не удалось получить; извѣстны только ученые труды его, большая часть которыхъ относится къ двадцатымъ годамъ. Въ 1832 г. учрежденъ былъ кіевскій учебный округъ, и начались коренныя преобразованія въ постановкѣ учебнаго дѣла въ юго-западномъ краѣ, вызванныя польскимъ возстаніемъ 1830—1831 г. Въ это время Б. былъ назначенъ инспекторомъ кіевской гимназіи (1834). Но новый попечитель Е. Ѳ. фонъ-Брадке очень несочувственно отнесся къ представителямъ прежнихъ педагогическихъ системъ, и Б. вскорѣ долженъ былъ оставить службу. Въ автобіографіи Е. Брадке встрѣчаемъ слѣдующій отзывъ о Б. и директорѣ гимназіи Петровѣ: „Директору и инспектору, вмѣстѣ взятымъ, было 150 лѣтъ отъ роду; первый изъ нихъ былъ весьма достойный, но ни по дарованіямъ, ни по здоровью неспособный человѣкъ; второй—вполнѣ непригодный, хотя еще бодрый... Стараго директора я попросилъ отдохнуть, и чтобы не огорчать его, поручилъ его сыну, бывшему учителемъ, исполнять мои приказанія по гимназіи. Инспектора я назначилъ предсѣдателемъ одной коммиссіи, и такимъ образомъ мнѣ по крайней мѣрѣ никто не мѣшалъ повести дѣло въ иномъ направленіи [2]). Б. былъ назначенъ предсѣдателемъ первоначальнаго университетскаго правленія; эту должность онъ занималъ до прибытія въ Кіевъ перваго ректора университета—М. А. Максимовича (13 іюля 1834). 30 октября 1834 Б. вышелъ въ отставку, послѣ сорокашестилѣтней службы, въ чинѣ статскаго совѣтника, съ пенсіею 2280 р. асс. Послѣдніе годы своей дол-

[1]) *В. Жульвинъ.* Исторія университета Св. Владиміра. Гл. I.

[2]) Записка Е. Ѳ. ф. Брадке (Русскій Архивъ 1875). Тамъ же интересные, но далеко не безпристрастные отзывы ф. Б. о школахъ.

Библиотека "Руниверс"

гой жизни Б. доживалъ скромно и уединенно въ своемъ домикѣ въ Липкахъ близъ кіевскаго дворца, гдѣ тогда помѣщалась гимназія, коротая свои досуги метеорологическими наблюденіями [1]). Умеръ Б. на 84 году отъ рожденія — 6 января 1848 г. [2]).

Научная дѣятельность Б., посвященная изученію мѣстной исторіи и археологіи, начинается еще во время службы его въ главномъ народномъ училищѣ. Въ упомянутой уже исторической запискѣ 1802 г. сказано: „сочинена также имъ пространная исторія города Кіева съ топографическимъ его описаньемъ, собранная изъ разныхъ кіевскихъ книгохранилищъ и старинныхъ рукописей, къ чему способствовали въ доставленіи ему на то матеріаловъ, соревнуя пользѣ наукъ, бывшій кіевскій митрополитъ Іероѳей (Малицкій) и гражданскій губернаторъ г. Милашевичъ; однако сія книга не отдана еще въ печать, равно какъ и сочиняемая теперь имъ же малороссійская исторія [3]). Работамъ этимъ долго еще пришлось ожидать печати. „Краткое описаніе Кіева“ издано только въ 1820 г; „Историческое обозрѣніе Малороссіи и города Кіева“, на изданіе котораго, по ходатайству гр. Завадовскаго, въ 1804 г. пожаловано было изъ Кабинета 500 р., вовсе не было издано, и только отрывки изъ этого сочиненія были напечатаны въ 1884 г. въ „Молодикѣ“ Бецкаго. Въ 1841 г. Б. помѣстилъ въ журналѣ „Улей“ нѣсколько статей историческаго содержанія.

---

[1]) Б., кромѣ наукъ историческихъ, занимался естествознаніемъ: еще въ 1814 г. составилъ онъ книгу „Наставленіе къ собиранію и приготовленію червеца или русской кошенили,“ тогда же изданную хозяйств. департ. м. вн. дѣлъ, и болѣе полувѣка велъ метеорологическія наблюденія въ Кіевѣ (Венгеровъ. Критико-біогр. словарь III, 88).

[2]) Б. погребенъ на старомъ Байковомъ кладбищѣ. Могила его находится въ довольно неприглядномъ видѣ. Она ничѣмъ не огорожена; на кирпичномъ, уже разрушающемся фундаментѣ лежитъ чугунная плита съ надписью: „На семъ мѣстѣ погребено тѣло статскаго совѣтника и кавалера Максима Федоровича Берлинскаго, родившагося 1764 года августа 6 дня, скончавшагося 1848 года генваря 6. Миръ праху твоему.“

[3]) Сборн. матер., 446.

Библиотека "Руниверс"

Болѣе широкая ученая и литературная дѣятельность Б. начинается съ 1815 г. Въ это время начинаются близкія сношенія его съ знаменитымъ „Меценатомъ русской науки“ гр. Н. П. Румянцевымъ. Свидѣтельствомъ этихъ сношеній служитъ переписка Б. съ Румянцевымъ, продолжающаяся почти до самой кончины канцлера (1825). Письма Румянцева къ Б. подробно изложены въ извѣстной книгѣ В. С. Иконникова [1]), которому они сообщены были М. П. Семевскимъ; письма Б. хранятся въ Румянцевскомъ Музеѣ (XII, С, 18—27); къ сожалѣнію, это собраніе далеко не полное: оно состоитъ всего изъ 10 писемъ, относящихся къ 1815 и 1816 г. (26 мая 1815—19 іюля 1816), между тѣмъ какъ письма Румянцева обнимаютъ время съ января 1815 по сентябрь 1825 г. Вотъ содержаніе этой любопытной переписки государственнаго канцлера съ провинціальнымъ учителемъ [2]). Изъ перваго же письма Р. видно, что Б. доставилъ передъ тѣмъ Р. рукописные матеріалы своихъ изслѣдованій о кіевскихъ древностяхъ. Въ отвѣтъ на это канцлеръ благодарилъ его „за присланныя прелюбопытныя бумаги“ и пишетъ далѣе: „сей первый вашъ трудъ подаетъ мнѣ много надеждъ, прошу васъ нанубѣдительнѣйше продолжать оный.“ „Я съ вами весьма въ томъ согласенъ, что откроется истинная отъ того польза, если сличимъ планъ существующаго Кіева съ разными первобытными его описаніями. Объясните, гдѣ какое зданіе стояло, какія были между ними улицы или сообщенія, и старайтесь изслѣдовать, гдѣ могли существовать тѣ монастыри, церкви, терема, дворцы, дома, площади и урочища близъ города, о которыхъ только и памятниковъ осталось, что они въ лѣтописяхъ упомянуты“. Р. просилъ Б. сдѣлать на его счетъ порядочный списокъ съ настоящаго плана Кіева, который безъ сомнѣнія уже находится—прибавляетъ онъ; а узнавъ, что въ лаврской библіотекѣ есть переводы печерскаго патерика, на польскомъ

[1]) Опытъ русской исторіографіи. К. 1891. Т. I, кн, 1, стр. 185—191.

[2]) Не имѣя возможности пользоваться самыми письмами Р., воспроизвожу ихъ содержаніе почти дословно по книгѣ В. С. Иконникова, пользуясь на то его благосклоннымъ разрѣшеніемъ; письма же Б. изложилъ по имѣющейся у меня рукописной копіи.

Библиотека "Руниверс"

языкѣ, онъ проситъ Б. свѣрить его отъ слова до слова съ русскимъ патерикомъ и сообщить о результатѣ этого сличенія. Въ заключеніе своего письма онъ проситъ корреспондента сообщить, нѣтъ ли у кого либо въ Кіевѣ какой-нибудь древней монеты или вещи первобытныхъ нашихъ временъ, а особливо если священная древняя грамота или лѣтопись на пергаментѣ, хотя бы списокъ съ Несторовой или другой лѣтописи, лишь бы онъ былъ „точно временъ древнихъ“. Р. приглашаетъ Б. „продолжать начатую переписку.“ Вскорѣ Б. прислалъ уже Р. списки съ разныхъ относящихся до древностей россійскихъ статей, а главнымъ образомъ къ исторіи Кіева за время владычества Польши; но Р. продолжалъ настаивать „что либо-отыскать относящееся до временъ Кіева первобытныхъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ Б. доставилъ гр. Р. мѣдную монету, которую считали за Владимірову, а Р. обѣщалъ узнать о ней мнѣніе знатоковъ [1]). Затѣмъ Б. выслалъ Р. планъ Кіева съ обозначеніемъ древнихъ урочищъ; дѣло это стоило ему не малаго труда: „двоекратная ошибка землемѣра, чертившаго оный, была причиною и потери лишняго времени, и издержки.“ Вмѣстѣ съ планомъ высланы были копія греческой надписи на сводѣ Софійскаго собора и историческое извѣстіе о Выдубецкомъ монастырѣ. Извѣщая объ этомъ Р., Б. извиняется въ незначительности своихъ находокъ, при чемъ попутно высказываетъ свое мнѣніе о состояніи кіевскихъ монастырскихъ и церковныхъ библіотекъ. „Въ Софійской б-кѣ много отыскалось ветхостей, но ветхостей болѣе по матеріалу, а не по содержанію, ибо далѣе начала 16 вѣка ничего интереснаго не попалось. Михайловская б-ка, правда, цѣлѣе; но никакой рѣдкости, кромѣ славяно-польской литературы и множества тяжебныхъ дѣлъ вниманію не представляетъ. Кіево-Братская б-ка послѣ истребленія ея въ 1781 г. пожаромъ вновь составилась отъ приношеній благотворителей, состоящихъ въ печатныхъ фоліантахъ и новыхъ изданіяхъ, и ни одного рукописнаго остатка, кромѣ ничего незначащихъ школьныхъ продуктовъ или церковныхъ записей, не могъ отыскать [2])“. Къ письму

[1]) Иконниковъ стр. 186—187.

[2]) Письмо № 18 отъ 26 мая 1815 г.

Библиотека "Руниверс"

приложена греческая надпись изъ Софійскаго собора, рисунокъ фасада Кіево-Печерской церкви до пожара ея въ 1718 г., планъ г. Кіева 1634 (по справкѣ оказалось, что это копія плана Кальнофойскаго), изображеніе буквъ на стѣнѣ Десятинной церкви. Въ слѣдующемъ письмѣ Б. извѣщаетъ Р. о новой находкѣ: „въ монастырѣ ближнихъ пещеръ отыскалъ рукописный Патерикъ въ листъ, на бумагѣ, писанный нѣкоторымъ Іоанномъ, мнихомъ Печерскаго монастыря, изъ Несторовой рукописи (sic), а потомъ въ 7062 (1554) переписанный нѣкоторымъ дьячкомъ Нестерцомъ." При этомъ препровождаются три выписки изъ Патерика, изъ которыхъ одна представляла точный палеографическій снимокъ съ рукописи. Кромѣ того, Б. прилагаетъ списокъ надписи на древнемъ антиминсѣ и сообщаетъ о новыхъ археологическихъ находкахъ въ Кіевѣ. „Возлѣ Межигорской фабрики найдены отъ самого берега рѣки Днѣпра идущія внутрь горы *тѣсныя пещеры*; въ одной изъ нихъ отыскали какую то лодку, весло и деревянную посуду." Возлѣ самаго Хрещатицкаго памятника въ обрушившейся горѣ открылся подъ землею прекрасный *бассейнъ*, въ глубину горы на нѣсколько саженей и съ чистою водою. Оный, по всему видно, принадлежитъ къ работамъ самыхъ древнихъ жителей Кіева; я самъ его видѣлъ: но для успокоенія любопытствующаго простолюдства скоро его закрыли; и—я больше не видалъ". Наконецъ Б. сообщаетъ что онъ отыскалъ мѣсто древняго Гнилецкаго монастыря [1]). Р. благодарилъ Б. за его труды и высказывалъ свои желанія относительно дальнѣйшихъ изысканій. О планѣ Кіева онъ писалъ: „Сей трудъ вамъ честь сдѣлаетъ и меня много утѣшитъ; но не теряйте изъ виду, что самыя первобытныя времена исторій нашихъ суть тѣ, которыя я бы желалъ видѣть объясненными и дополненными; отыскивайте, пожалуйста, надгробныя надписи вокругъ и внутри развалинъ уничтоженныхъ самыхъ древнѣйшихъ забытыхъ церквей и монастырей, коихъ вы такъ удачно въ своей запискѣ память возстановляете. Не пренебрегайте также самыхъ древнѣйшихъ диптиковъ и синодиковъ; въ нихъ

[1]) Письмо № 19 отъ 2 сент. 1815 г.

Библиотека "Руниверс"

могутъ находиться имена великихъ князей, супругъ, дѣтей и сродниковъ, о которыхъ, статься можетъ, дошедшіе до насъ лѣтописцы и вовсе умолчали. Я васъ премного благодарю за то, что отыскали древній списокъ съ Патерика. Я бы желалъ полную и точную съ него копію имѣть." Тутъ же Р. проситъ прислать ему рисунокъ съ найденныхъ въ пещерахъ лодки и весла, съ обозначеніемъ ихъ мѣры, и принять отъ него препровождаемую при семъ *золотую табакерку*, прибавляя: „употребляйте ее на память той признательности, которую вы во мнѣ родить изволили любопытною вашею перепискою и впредь меня ею не оставляйте [1])". Б. въ двухъ послѣдующихъ письмахъ [2]) благодаритъ Р. за подарокъ (въ довольно сдержанныхъ выраженіяхъ: „сего мѣсяца 4 числа имѣлъ честь получить чрезъ Василья Семеновича господина вицегубернатора почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства и при томъ подарокъ, золотую табакерку, за что приношу мою чувствительнѣйшую благодарность. Сія вещь останется не только для меня, но и въ родѣ моемъ на всегда памятникомъ вашего благоволенія"), посылаетъ рисунокъ лодки и отломка необыкновеннаго весла (прочаго же найденнаго уже теперь не нашлось), сообщаетъ объ исполненіи порученій графа (для переписки Патерика изъ многихъ уставщиковъ выбралъ лучшаго, который обѣщаетъ окончить переписку къ Рождеству за 150 р.) и проситъ выслать недостающіе 40 р. для уплаты за планъ Кіева. „Первое мое дѣло теперь, продолжаетъ Б., отыскивать старинѣйшіе синодики, авось либо, по желанію нашему, не отыщется-ли какое лицо неизвѣстное въ хроникахъ." Изъ слѣдующаго письма Б. узнаемъ, что онъ получилъ въ одинъ мѣсяцъ два письма отъ Р.; въ одномъ прислано было 150 р. на издержки, въ другомъ заключался вопросъ о происхожденіи кіевскаго митрополита Никифора I, освятившаго Михайловскій монастырь при Святополкѣ II. Б. обѣщаетъ сдѣлать разысканія и сообщаетъ о находкѣ древнихъ синодиковъ. Выписки изъ нихъ о княжескихъ домахъ, а также нѣкоторыя слова съ „предревняго" омофора будутъ до-

[1]) Иконниковъ 187—188.

[2]) Письмо № 20 отъ 6 октября и № 21 отъ 10 октября 1815 г.

Библиотека "Руниверс"

ставлены графу [1]). Вскорѣ Р. былъ обрадованъ присылкою отъ Б.—это были древніе синодики—Межигорскаго и Николаевскаго монастырей и Вышгородской Борисо-глѣбской церкви, которые, по словамъ Р., содержали въ себѣ „имена особъ, принадлежащихъ векикокняжескимъ домамъ, о которыхъ мы были неизвѣстны“. Поэтому онъ проситъ Б. разыскать,—„нѣтъ ли въ Софійскомъ соборѣ и Десятинной церкви древнихъ записей митрополитовъ, а также синодикъ Китаевской пустыни, въ которой, конечно, молились за упокой сродниковъ великаго Андрея Боголюбскаго, ея основателя“, и синодикъ соборной церкви древняго города Василька. Здѣсь и въ Вышгородѣ онъ просилъ сдѣлать разысканія о древнихъ надгробныхъ надписяхъ [2]). Между тѣмъ Б. выслалъ Р. „неизвѣстныя буквы, снятыя изъ старинѣйшаго омофора“, которыхъ никто въ Кіевѣ прочесть не могъ; „изображеніе князя, прибавляетъ онъ, меня побудило приняться о выразумѣніи сихъ буквъ.“ При этомъ же письмѣ послана была выписка изъ латинской исторіи о митрополитѣ Никифорѣ и изображеніе Лаврской церкви XV ст. [3]). Три слѣдующія письма Б. посвящены преимущественно вопросу о происхожденіи митр. Никифора „*Сурина*“. Б. высказываетъ сначала предположеніе, что Суръ—турецкое названіе Тира и что „при неустройствѣ въ Сиріи около 1106 года отъ нашествія крестоносцевъ и борьбѣ ихъ съ мусульманами могло статься, что епископы тамошніе искали въ другихъ мѣстахъ своей безопасности, и что такъ же Тирскій или Сурскій Никифоръ прибыть могъ къ патріарху цареградскому, который и отправилъ его на упраздненную кіевскую митрополію;“ но затѣмъ онъ останавливается на болѣе вѣроятномъ предположеніи, что здѣсь просто встрѣчается обычная описка *у* вм. *V*, и что Суринъ должно читать Сурінъ. Въ послѣднемъ письмѣ Б. сопоставляетъ различныя указанія византійскихъ историковъ о времени крещенія Ольги и приходитъ къ тому заключенію, что событіе это произошло въ правленіе Константина Багрянороднаго и въ патріаршество Поліевкта.

[1]) Письмо № 22 отъ 22 ноября 1815.

[2]) Иконниковъ, 188.

[3]) Письмо № 23 отъ 8 декабря 1815.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ того, Б. посылаетъ Р. какую-то выписку изъ грамоты патріарха Мелетія, которая, хотя не относится къ древней эпохѣ, особенно интересующей Р., но „для характера тогдашнихъ людскихъ мыслей и для стиля письма украинскаго", показалась ему любопытною [1]). Въ послѣднемъ имѣющемся у насъ письмѣ Б. онъ сообщаетъ Р. о Владиміровыхъ монетахъ, золотой и серебряной (золотая находится у бывшаго кіевскаго аптекаря г. Бунге, серебряная у купца Пирожкова) и прилагаетъ изображеніе серебряной монеты, найденной возлѣ Переяслава. Изъ этого же письма узнаемъ, что разысканія въ Вышгородѣ, о которыхъ просилъ Р., были произведены въ 1816 г., и Б. приложилъ къ (несохранившемуся) письму отъ 12 іюня „планъ разработки около церкви Вышгородской", расходы на которую приняла на себя А. А. Турчанинова. Въ отвѣтъ на запросъ Р—ва Б. сообщаетъ слѣдующія о ней свѣдѣнія: „Она есть дѣвица, оставшаяся дочь бригадира Александра Ивановича Турчанинова, жительствовавшаго въ Кіевѣ; который, какъ и мать ея, здѣсь скончались и погребены въ Кіево-Выдубецкомъ монастырѣ. Анна Александровна съ самыхъ молодыхъ лѣтъ единственно занимается ученостью, имѣетъ вкусъ въ познаніяхъ древностей и искусствъ, упражняется въ чтеніи отборныхъ сочиненій и всю жизнь свою (по смерти родителей) посвящаетъ на полезныя изысканія; къ чему способствуетъ ей достаточное наслѣдственное недвижимое имѣніе; а для лучшей выгоды приняла жительство себѣ въ Кіевѣ. Теперь она отправилась въ С.-Петербургъ съ намѣреніемъ испросить у правительства позволеніе, чтобы посѣтить берега Темзы и Сены; а оттуда на другой годъ обѣщалась возвратиться въ Кіевъ и довершить дѣло Вышгородской церкви, какъ я вашему сіятельству въ предыдущемъ письмѣ имѣлъ честь о семъ донести [2])".

Этимъ исчерпываются имѣющіяся въ Румянцевскомъ Музеѣ неизданныя письма Б. Дальнѣйшія подробности переписки его съ Р. привожу изъ книги В. С. Иконникова. Въ іюнѣ 1817 г.

---

[1]) Письма № 24 отъ 15 декабря 1815, № 25 отъ 2 января 1816 г. № 26 отъ 20 февраля 1816.

[2]) Письмо № 27 отъ 19 іюля 1816 г.

Библиотека "Руниверс"

Р. высказываетъ сожалѣніе по поводу болѣзни Б., а затѣмъ поручаетъ брату (С. П. Румянцеву) посѣтить его въ Кіевѣ. Р. поручилъ Б. порыться въ б-кахъ Лавры и Братскаго монастыря, не найдется-ли въ нихъ древнихъ списковъ Русской Правды или другихъ русскихъ законовъ. Въ апрѣлѣ 1820 г. онъ просилъ его пересмотрѣть древніе рукописные прологи и выписать изъ нихъ нѣкоторыя житія, а у Могилянскаго попытаться пріобрѣсти древнія золотыя монеты Ярославовы. Получивъ отъ Б. мѣдную копію съ золотой медали, Р. пишетъ: „Ежели переводъ съ греческой надписи вѣренъ, то медаль сія, или гривна, еще и новое имѣетъ историческое достоинство, почти обозначивъ, что предметъ ея есть Владимірово крещеніе; она даетъ поводъ къ заключенію, что и прочія золотыя гривны не пустое были украшеніе, а всегда относились къ воспоминанію и обозначенію какого либо важнаго случая или дѣла. Ваша мысль объ изображенномъ архангелѣ Михаилѣ достойна замѣчанія. Позвольте мнѣ добавить, что, хотя неизвѣстно, съ какого времени, но гербъ кіевскій состоялъ въ изображеніи того же архангела. Черезъ Б-го гр. Р. вошелъ въ сношенія съ пріоромъ доминиканскаго ордена, у котораго оказалась рукопись о древнемъ бытѣ Кіева. Онъ просилъ, чтобъ послѣдній развѣдалъ, нѣтъ ли въ католическихъ монастыряхъ или помѣщичьихъ архивахъ кіевской губерніи очень древнихъ документовъ и рукописныхъ книгъ. Пріобрѣтеніе древнихъ рукописей Евангелія и Апокалипсиса, въ концѣ которыхъ была приписана молитва Господня, побудило Р. поручить Б. сдѣлать выписки этой молитвы въ харатейныхъ рукописяхъ въ Кіевѣ, чтобъ доискаться, когда вошло въ употребленіе позднѣйшее чтеніе ея, и вообще предпринять разысканія о харатейныхъ евангеліяхъ въ кіевскихъ монастыряхъ и церквахъ. „Всякую издержку за труды гг. списчиковъ я понесу очень охотно“, прибавляетъ онъ. Р. завидовалъ Б., что онъ можетъ часто имѣть приступъ къ митр. Евгенію, котораго онъ называетъ „единственнымъ путеводителемъ“ въ области кіевскихъ древностей (30 апр. 1822). Узнавъ, что въ Броварахъ у протопопа есть очень древнее Евангеліе, которое онъ готовъ продать за 300 р., Р. поручаетъ Б. убѣдиться и представить его на заклю-

Библиотека "Руниверс"

ченіе м. Евгенія (1823). Въ другой разъ гр. Р. проситъ Б. при содѣйствіи м. Евгенія разсмотрѣть собраніе медалей Пороховщикова и увѣдомить его, нѣтъ-ли между ними медалей царствъ воспорскихъ и бактріянскихъ и городовъ Ольвіополя и древняго Херсона. О всякой новости въ области археологіи они спѣшили подѣлиться другъ съ другомъ. Вскорѣ послѣ этого Б. послалъ Р. рисунки съ кіевскихъ древностей, недавно отысканныхъ (1824), а Р. увѣдомляетъ его и м. Евгенія, что близь самого Херсона открытъ надгробный монументъ изъ мрамора съ барельефомъ и латинскою надписью, обозначающею, что онъ поставленъ былъ надъ тѣломъ умершаго тутъ трубача XI клавдіанскаго легіона. Незадолго до своей смерти гр. Р. просилъ Б. прислать ему копію съ каталога документовъ (грамотъ), хранившихся къ кіевской казенной палатѣ, на которые указалъ ему митр. Евгеній. Интересуясь кіевскими древностями, Р. рекомендовалъ Б. и другихъ лицъ, желавшихъ ознакомиться съ ними по мѣстнымъ изслѣдованіямъ, или лично. Въ августѣ 1820 г. онъ писалъ Б. о П. М. Строевѣ, который отправлялся въ Кіевъ, для обозрѣнія древней столицы. Въ другой разъ онъ направилъ къ Б. казанскаго ученаго Н. С. Арцыбашева, который предлагалъ ему нѣкоторые вопросы о древнихъ урочищахъ Кіева, а отъ себя послалъ Арцыбашеву сочиненіе Б. о Кіевѣ. Наконецъ, Р. просилъ Б. посодѣйствовать и П. Н. Кеппену своими указаніями о русскихъ древностяхъ во время пребыванія его въ Кіевѣ (1824) [1]).

Таковы были отношенія Б. къ гр. Румянцеву. Къ сожалѣнію мы не располагаемъ матеріалами для характеристики его отношеній къ знаменитому сотруднику канцлера митрополиту Евгенію, но судя по нѣкоторымъ намекамъ, можно думать, что они были далеко не такъ близки. Тѣмъ не менѣе оживленная дѣятельность по изученію мѣстныхъ древностей, начавшаяся съ пріѣздомъ м. Евгенія въ Кіевъ, не могла не отразиться на трудахъ Б., и дѣйствительно, большая часть его печатныхъ работъ относится именно къ этому времени.

---

[1]) Иконниковъ, 188—191.

Библиотека "Руниверс"

Ученые труды Б. доставили ему извѣстность. Въ 1828 г. онъ былъ избранъ членомъ Общества исторіи и древностей россійскихъ. Въ 1835 Б. былъ назначенъ членомъ учрежденнаго при Кіевскомъ университетѣ подъ предсѣдательствомъ М. А. Максимовича комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ, по ходатайству котораго въ слѣдующемъ году открытъ при университетѣ музей древностей. Въ 1843 г. при учрежденіи въ Кіевѣ Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ Б. былъ избранъ ея почетнымъ членомъ [1]).

Представляемъ списокъ историко-археологическихъ сочиненій Б., указанія на которыя намъ удалось найти въ имѣвшихся подъ руками матеріалахъ [2]).

Отдѣльно изданы: 1) Исторія россійская для употребленія юношеству М. 1800; 2) Краткое описаніе Кіева. Спб. 1820 [3]).

Въ различныхъ журналахъ: 1) Раздѣленіе Малороссіи на полки (Улей 1811, № 3); 2) о могилѣ Оскольдовой въ Кіевѣ (тамъ же, № 5); 3) о городѣ Кіевѣ (тамъ же, № 8); о кіевской академіи (Соревнователь просвѣщенія и благотворительности 1819, № 7); 5) объясненіе изображеній на медали, найденной въ Черниговѣ въ 1821 (тамъ же 1822, № 1); 6) описаніе найденныхъ недавно въ Кіевѣ разныхъ старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (Украинскій журналъ 1824, № 2); 7) о находкѣ серебряныхъ слитковъ въ развалинахъ Десятинной церкви въ Кіевѣ (ихъ описаніе и вѣсъ). Отеч. Записки 1826 г. т. XXVIII, № 80; 8) о Десятинной церкви въ Кіевѣ (Труды и лѣтописи Общества исторіи и древностей россійскихъ, ч. V, 1830 г.); 9) извѣстіе о Межигорской церкви (тамъ же); 10) нѣсколько главъ изъ сочиненія Максима Берлинскаго„ Историческое обозрѣніе Малороссіи и города Кіева“ (Молодикъ на 1844 годъ, украинскій литературный сборникъ, издаваемый П. Бецкимъ, выпускъ 4).

[1]) Пятидесятилѣтіе кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ (1843—1893) Сост. О. И. Левицкій. К. 1893, стр. 5—7 и 137.

[2]) При составленіи этого списка мы пользовались слѣдующими пособіями: 1) Венгеровъ. Критико-біогр. словарь т. III; 2) Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи; 3) Лазаревскій. Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края. Спб. 1858.

[3]) На основаніи цитированной выше исторической записки 1802 г. можно думать, что Б. написалъ еще другое сочиненіе—„Пространная исторія Кіева“.

Библиотека "Руниверс"

Какъ видно изъ приведеннаго списка, большую часть печатныхъ сочиненій Б. составляютъ коротенькія замѣтки по поводу различныхъ археологическихъ находокъ. Болѣе общій интересъ представляютъ „Историческое обозрѣніе Малороссіи“ и „Краткое описаніе Кіева“.

Первое изъ названныхъ сочиненій извѣстно только по выдержкамъ, помѣщеннымъ въ „Молодикѣ“. Въ оглавленіи этого сборника (на стр. 247) находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ сочиненіи. При заглавіи статьи помѣщено слѣдующее примѣчаніе: „Взято изъ рукописной книги „Историческое обозрѣніе Малороссіи и Кіева, содержащее въ себѣ происшествія и перемѣны случаевъ въ сей странѣ отъ древнѣйшихъ временъ до начала XIX столѣтія, сочинено Максимомъ Ѳедоровичемъ Берлинскимъ, учителемъ кіевской гимназіи“. Писано въ листъ, 377 страницъ, 2 части, 84 главы. О ней упоминается въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1803 года. Выписки изъ оной помѣщены въ „Исторіи объ уніи“ 1811 и 1813 г. Къ ней есть особенная рисованная карта Малороссіи по раздѣленіи оной на полки. На заглавномъ листѣ надпись: „Для изданія оной въ свѣтъ по порученію автора началъ было исправлять В. А—чъ [1]), но по неимѣнію способовъ оставилъ до благопріятнѣйшаго случая, чтобы сыскать сему труду покровительство и помощь любителя своей родины“ (?). Дальнѣйшая судьба рукописи Б. неизвѣстна; въ „Молодикѣ“ же напечатаны только девять главъ (52—60), содержащія изложеніе событій отъ крымскихъ походовъ Голицына до посѣщенія Кіева Петромъ В. послѣ Полтавской битвы, т. е. исторію гетмана Мазепы. Изложеніе нѣсколько сухое, но отличается своею ясностью и полнотою. Авторъ пользовался неизданными матеріалами—указами губернскаго и городскаго архивовъ [2]), лѣтописью Симоновскаго (тогда еще ненапечатанною) и „рукописными преданіями о Палѣѣ г. Симоновскаго“ (стран.

[1]) Анастасевичъ?

[2]) Въ одномъ мѣстѣ Б. называетъ нѣкоторые извѣстные ему документы, а именно: шесть универсаловъ Мазепы разныхъ годовъ, хранящіеся въ кіевскомъ магистратѣ, и жалованныя грамоты 1700—1710, которыми подтверждались всѣ права, вольности и владѣнія кіевскаго митрополита.

Библиотека "Руниверс"

195). Особенно интересенъ отзывъ Б. о значеніи гетманства Мазепы для исторіи Кіева. Приведемъ его полностью. „Послѣднее десятилѣтіе сего вѣка примѣчательно для Кіева, что въ ономъ построены многія и по нынѣ существующія церкви и возобновлены монастыри, что по большей части на счетъ угасшей памяти гетмана Мазепы было производимо. Нѣтъ опаснѣйшей въ общежитіи той твари, которая умѣетъ стыдные свои пороки или властолюбивые происки скрывать подъ личиною доброжелательства, благовидной пышности и ревностнаго благочестія. Дѣло сего лицемѣра было: сооруженіе двухъ, по южную и сѣверную сторону, у кафедральнаго собора св. Софіи придѣловъ, со устроеніемъ въ оныхъ на нижнемъ и верхнемъ этажахъ четырехъ престоловъ; возобновленіе изъ основанія въ 1693 году настоящей Кіево-Братской большой каменной церкви Богоявленій Господнихъ (sic), и по лѣвую ея сторону, вмѣсто деревянныхъ сооруженіе каменныхъ школъ, что нынѣ составляетъ нижній этажъ оныхъ; при чемъ исходатайствовалъ отъ Ихъ Царскихъ Величествъ грамоту сему училищу. Около сего же времени Пустынно-Николаевскій монастырь переведенъ изъ древняго своего мѣстоположенія ниже теперешняго монастыря, на осѣвшемъ косогорѣ существовавшаго, на настоящее его пространство, гдѣ коштомъ сего же гетмана сооружена большая церковь св. Николая и при ней каменная же съ церковью Трапеза; прежній же монастырь съ ветхою деревянною церковью долгое время слылъ подъ именемъ ветхаго монастыря. Между прочими по малороссійскимъ разнымъ городамъ устрояемыми церковными заведеніями иждивеніемъ сего гетмана существуетъ по-нынѣ сдѣланная имъ въ 1698 году около Печерской Лавры на 550 саженей простирающаяся каменная ограда съ церковью Всѣхъ Святыхъ на сѣверныхъ ея вратахъ, такъ называемыхъ Економскихъ. Кромѣ сея еще существуютъ три имъ созданныя въ Лаврѣ церкви: одна въ сѣверо-восточномъ углу монастыря, превращенная потомъ въ монастырскую палату, другая на вратахъ, идущихъ къ пещерамъ, а третья на углу ограды противъ Ѳеодосіевской церкви“ (стр. 178—179). Приведенный отрывокъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о содержаніи книги Б. и принятой имъ манерѣ изло-

Библиотека "Руниверс"

женія. Высказать общее заключеніе о книгѣ, зная изъ 84 главъ только 9, мы затрудняемся.

Самый важный печатный трудъ Б.—„краткое описаніе Кіева", представляющее первый систематическій трудъ по исторической топографіи Кіева. Точное заглавіе сочиненія слѣдующее: „Краткое описаніе Кіева, содержащее историческую перечень сего города, такъ же показаніе достопамятностей и древностей онаго. Собранное надворнымъ совѣтникомъ Максимомъ Берлинскимъ. С.-Пб. 1820 г. (стр. 204). Къ книгѣ приложены „планъ города Кіева" на отдѣльномъ листѣ и два литографированныхъ рисунка (на особыхъ листкахъ): „Гробъ кіевскаго князя Ярослава Владиміровича" и „изображеніе литеръ на стѣнѣ Десятинной церкви въ Кіевѣ". Текстъ книги состоитъ изъ двухъ частей, намѣченныхъ въ заглавіи: 1) историческая перечень (стр. 3—30) и 2) показаніе достопамятностей (31—121); въ концѣ, въ видѣ приложеній, помѣщены: 1) краткая вѣдомость, составленная въ 1817 году о числѣ публичныхъ мѣстъ и строеній въ городѣ Кіевѣ, о заведеніяхъ промышленныхъ, о числѣ партикулярныхъ домовъ и жителей (121—131), объясненіе древнихъ мѣстъ и урочищъ, показанныхъ на планѣ г. Кіева, о которыхъ упоминается въ лѣтописяхъ" (133—193) и „объясненіе плана" (194—204).

Первая часть книги („историческая перечень") не представляетъ интереса. Это—бѣглый очеркъ исторіи кіевской земли и города Кіева, начиная отъ временъ доисторическихъ, составленной по такимъ источникамъ, какъ Татищевъ и Стрыйковскій, дополняемымъ самостоятельными филологическими домыслами автора. Поэтому здѣсь встрѣчаются такіе курьезы, какъ племя Кивичи (отъ сарматскаго Кивы—горы), они же Горичи, или объясненіе Птоломеева Azogorium словомъ Загорье, а имени Danaprіs—словами „дань беру". Гораздо важнѣе вторая часть книги и приложенія.

Вторая часть („показаніе достопамятностей") представляетъ подробное историко-топографическое описаніе трехъ существовавшихъ тогда частей города: Печерска, Стараго Кіева и Подола. При описаніи каждой части указано время ея заселенія, послѣдующая судьба и современное состояніе. Затѣмъ описываются

Библиотека "Руниверс"

замѣчательныя зданія, урочища, укрѣпленія, при чемъ также сообщается ихъ исторія. Описывая различныя зданія XVII ст. Б. опять не разъ приходится встрѣчаться съ фундаціями Мазепы. Затрудняясь назвать это, все еще опальное тогда имя, Б. называетъ его: тогдашній гетманъ, сильный гетманъ, набожный гетманъ, угасшія памяти гетманъ, нигдѣ не называя его по имени. Въ описаніи Братскаго монастыря встрѣчается слѣдующее, не лишенное интереса замѣчаніе: „любочестіе сего гетмана простиралось до того, что алтари, иконостасы, колокола и даже окна были ознаменованы изображеніями герба его“ (стр. 98). Кромѣ городскихъ достопримѣчательностей, описываются и интересныя въ историческомъ отношеніи окрестности Кіева (Китаевъ, Вышгородъ, Чертороя, Долобское озеро). И здѣсь не обходится безъ ошибокъ; напр., авторъ полагаетъ, что Днѣпръ во времена Олега былъ такъ полноводенъ, что пороги не представляли препятствія для судоходства (118); говоритъ, что Золотыя Ворота были обиты вызолоченными листами, „которые были выломаны Бонякомъ и какъ трофей отвезены въ землю половецкую“ (80); довольно иронически относится къ произведеніямъ византійскаго искусства („грубыя *готическія* (sic) зданія, изукрашенныя самою безискуственною мозаикою, составляли всю красоту и великолѣпіе того времени нѣкоторыхъ дворцовъ и знатнѣйшихъ монастырей“). Но самыя описанія составлены въ высшей степени тщательно и подкрѣплены ссылками на источники. Встрѣчаются и самостоятельныя мнѣнія, впослѣдствіи оправдавшіяся—напримѣръ, слѣдующее заключеніе о Софійскомъ соборѣ: „Софійская церковь, какъ по оставшемуся въ ней древнему украшенію, такъ и изъ исторіи видно, не была совершенно отъ татаръ опустошаема. По временномъ удаленіи сихъ непріятелей иногда совершаемо было въ оной священнодѣйствіе“ (75); или—о лаврскихъ пещерахъ: „Сомнѣнія нѣтъ, что преподобные отцы не первые положили начало пещерамъ въ сихъ горахъ. Древнѣйшіе отыскиваются подземные ходы и норы, современные древнѣйшимъ вѣкамъ; таковые найдены у Кирилловскаго монастыря, у Межигорскаго завода, да и самыя такъ называемыя Варяжскія пещеры, пустыя, у дальнихъ пещеръ, составляли убѣ-

Библиотека "Руниверс"

жища или жилища древнихъ дикарей" (10). Большою точностью отличаются и топографическія данныя Берлинскаго: нѣкоторыя указанія его, оспариваемыя въ свое время Закревскимъ, вполнѣ согласуются съ древнѣйшимъ изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ плановъ Кіева—планомъ 1695 г. [1]) (положеніе церкви Воздвиженія Креста, Андреевскій взвозъ). Изъ приложеній къ книгѣ Б. особенную цѣнность имѣетъ планъ Кіева, на которомъ особыми знаками (славянскими буквами) отмѣчены древнія урочища и зданія княжескаго періода, а нѣкоторыя сооруженія и мѣстности изображены, въ томъ видѣ, какъ они были извѣстны Б.,—напр.—старинные крѣпостные валы Стараго Кіева, Миниховскія укрѣпленія вокругъ всего города, расположеніе улицъ на Подолѣ до пожара 1811 г., „черта и разстояніе отмытыхъ береговъ Подола въ продолженіе послѣднихъ 60 лѣтъ" (т. е. съ 1760 г.), „отдѣленіе Плоской слободы отъ Луговой оболони" (повидимому валъ, теперь не существующій), мѣсто бывшаго (до пожара 1811) магистрата, дома, оставшіеся послѣ пожара и т. п. Эти и многія другія подробности дѣлаютъ планъ Б. чрезвычайно важнымъ пособіемъ для изученія исторической топографіи Кіева.

Такова была ученая дѣятельность Б. Начало ея, какъ мы видѣли, относится еще къ концу XVIII в.; въ 1802 году имъ была уже составлена пространная исторія Кіева и готовилась исторія Малороссіи. Б. приступилъ къ своей работѣ, повидимому, вполнѣ самостоятельно, руководясь только интересомъ къ дѣлу и любовью къ малорусской старинѣ, память о которой еще была въ окружающей его средѣ; интересно, что однимъ изъ главныхъ источниковъ его исторіи была лѣтопись Симоновскаго, полученная имъ отъ директора кіевскаго главнаго народнаго училища Симоновскаго. Самыя сочиненія Б. представляютъ какъ бы продолженіе старыхъ малорусскихъ лѣтописей. Позднѣе пришли извѣстныя литературныя воздѣйствія (вліяніе гр. Румянцова, отчасти и митр. Евгенія). Б. подчинился имъ, потому-что они въ общемъ сов-

[1]) Планъ Кіева составленный въ 1695. Изд. кіевск. ком. для разбора актовъ. 1893 г.

Библиотека "Руниверс"

падали съ его стремленіями; но въ то же время онъ сохранялъ и свои особые интересы: такъ, его заинтересовала грамота патр. Мелетія, характеризующая настроеніе украинскаго народа и написанная украинскою рѣчью. Позднѣйшія литературныя теченія, болѣе соотвѣтствовавшія міровоззрѣнію Б., повидимому, не нашли отраженія въ его дѣятельности. По крайней мѣрѣ, Максимовичъ, близко знавшій Б., въ своей вообще сочувственной „Поминкѣ“ ничего не говоритъ о его дѣятельности въ послѣдніе годы. Вѣроятно, причиной былъ преклонный возрастъ (въ 1834 г.—годъ открытія университета—Б. было уже 70 лѣтъ). Всѣ эти факты даютъ возможность опредѣлить мѣсто Б. въ малорусской исторіографіи: онъ занимаетъ середину между малорусскими лѣтописцами XVIII в., вродѣ Рубана и Симоновскаго, и учеными изслѣдователями южнорусской старины XIX-го ст.

Недостатокъ матеріаловъ не позволяетъ намъ охарактеризовать его нравственную личность. Насколько позволяютъ судить имѣвшіеся источники, это былъ типъ скромнаго кабинетнаго труженика, нѣсколько сухаго, можетъ быть педантичнаго [1]), но беззавѣтно преданнаго своему дѣлу; въ тоже время это былъ человѣкъ, горячо любившій свою родину и посвятившій всю жизнь изученію ея историческаго прошлаго. До нѣкоторой степени личность Б. можетъ охарактеризовать печатаемое въ приложеніи письмо его къ Снегиреву. „Мы люди малые, писалъ Б., нашъ голосъ слабый, я по всему недостоинъ литературной славы и не ищу ея; а только меня куражатъ что нибудь написать, напишу, и за то винятъ. Да Богъ съ ними; лучше уклониться отъ зла; заняться въ тиши собою, сохраняя отъ молвы свою честь и оставивъ дѣло древностей великоименитымъ тѣшиться славою“. Старомодный текстъ этого письма также весьма характеренъ. Представитель отжившей эпохи, Б. долженъ былъ производить странное впечатлѣніе на дѣятелей новаго поколѣнія. Можетъ быть, и этимъ отчасти объясняется молчаніе послѣднихъ лѣтъ и то одиночество, въ которомъ онъ провелъ послѣдніе годы своей

[1]) Митр. Евгеній, съ своею обычною рѣзкостью въ отзывахъ называетъ Б. „жалкій, неотесанный школяръ“, „презрительный педантъ“ (Шмурло. Митр. Евгеній, какъ ученый. Спб. 1886, стр. 376).

Библиотека "Руниверс"

жизни. Даже смерть Б. осталась почти не замѣченною, и только черезъ два года Максимовичъ напечаталъ о немъ сочувственную „Поминку", въ которой съ грустью замѣчаетъ, что „кончина, его не была замѣтна и въ самомъ Кіевѣ; при гробѣ его не было никого изъ ученой братіи, ни изъ профессоровъ кіевскихъ. Явленіе замѣчательное, потому именно, что никогда еще въ Кіевѣ не было столько вниманія къ древности [1]).

Въ настоящее время, когда дѣло, начатое Б., получило еще большее развитіе, когда въ Кіевѣ существуютъ три ученыхъ общества, занимающихся преимущественно разработкою мѣстной исторіи, два общественныхъ музея и нѣсколько частныхъ собраній древностей, издается спеціальный журналъ, посвященный мѣстной исторіи,—имя Б. не должно быть забыто. Черезъ годъ исполнится пятьдесятъ лѣтъ со дня его кончины. Желательно, чтобы къ этому времени собраны были болѣе обстоятельные матеріалы для его біографіи и издана вновь самая цѣнная его работа—планъ города Кіева. Можетъ быть, почитатели памяти Б. позаботятся и о приведеніи въ порядокъ его могилы.

В. Щербина.

Приложенія.

I. Аттестатъ, выданный М. Ѳ. Берлинскому отъ Кіевской Академіи.

Объявитель сего Епархіи Сѣвской, намѣстничества Курскаго, уѣзда Путивльскаго, вѣдомства духовнаго Путивльскаго правленія, села Новой Слободы, церкви Архистратига Михаила священника Феодора Лазарева сынъ Максимъ Берлинскій, находясь въ Академіи Кіевской съ 1776 г. по настоящій 1786 г., обучался Латинской Грамматикѣ, Поэзіи, Риторикѣ, Философіи и Богословію съ успѣхомъ преизряднымъ и отъ ученыхъ мужей особливое одобреніе заслуживающимъ, въ слогѣ священныхъ проповѣдей и витійствѣ дѣйствительномъ предпочтенъ былъ мно-

[1]) Временникъ Импер. Общ. Ист. и др. Россіи т. V, М. 1850.

Библиотека "Руниверс"

гожды по достоинству прочимъ своимъ сотрудникамъ и добропорядочнымъ и примѣрнымъ поведеніемъ въ добродѣтельныхъ качествахъ достоинъ любви и благопризрѣнія. Кромѣ Латинскаго обучался Еврейскому языку, Исторіи и Географіи и Ариѳметикѣ теоретической и практической съ успѣхомъ препохвальнымъ. Къ указной присягѣ въ надлежащее время приведенъ. Лѣтъ ему отъ роду двадцать два. А нынѣ по резолюціи Св. Правительств. Синода Члена Преосвященнаго Самуила, митрополита Кіевскаго и Галицкаго и Кіево-Печерской лавры Архимандрита и по его желанію отъ той Кіевской Академіи съ симъ аттестатомъ отпущенъ, о чемъ ему, Берлинскому, отъ Академіи Кіевской и сей аттестатъ данъ 1786 г., іюня 17 дня.

Академіи Кіевской Ректоръ Архимандритъ
Варлаамъ Мислављскій.

Академіи Кіевской Префектъ Игуменъ Дмитрій.

№ 24. М. П.

II. Письмо М. Ѳ. Берлинскаго къ П. М. Снегиреву.

Милостивый Государь
Иванъ Михайловичъ!

Начитавши въ вѣдомостяхъ московскихъ изъявленную мнѣ отъ общества, за мои слабыя приношенія, признательность, я весьма былъ обрадованъ и приношу мою истинную благодарность. Но на сихъ дняхъ будучи у нашего Преосвященнаго извѣстился, что и онъ послалъ въ общество планы Десятинной, о чемъ я прежде отъ него не былъ предувѣдомленъ; и при томъ самъ сознался, якобы я получилъ оные планы отъ извѣстнаго по Кіеву г. Лохвицкаго; о чемъ, говоритъ, и писалъ къ вамъ въ общество. Ежели ето дѣйствительно было, то для меня весьма прискорбно сносить такую несправедливость. Планы я получилъ отъ Архитектора г. Ефимова, который разрабатывалъ церковный фундаментъ, и потомъ повезъ планъ съ фасадомъ отъ строителя церкви Анненкова, что все у меня было скопировано, прежде нежели преосвященный возвратился изъ Петербурга съ планами отъ г. Оленина принятыми, которыхъ я никогда не видалъ, и

Библиотека "Руниверс"

никогда съ г. Лохвицкимъ не говорилъ. Тутъ извѣстна нѣкоторая личность, о ней же нѣсть нынѣ глаголати подробну [1]). Впрочемъ, мною описано такъ все справедливо, что я за каждое слово могу отвѣчать. Прошу покорнѣйше васъ, Милостивый Государь, быть увѣреннымъ въ сей справедливости, и кого надобно, также въ семъ заувѣрить; я отъ рожденія моего чужимъ не интересовался, и съ добраго ума ни писать, ни говорить не умѣю. Признаюсь, послѣ такого урока, не могу съ духомъ собраться, чтобы послать или писать; опасаясь впредь столкнуться съ симъ авкторитетомъ. Мы люди малые, нашъ голосъ слабый, я по всему недостоинъ литературной славы и не ищу ея; а только меня куражитъ что нибудь написать, напишу и за то винятъ. Да Богъ съ ними; лучше уклониться отъ зла; заняться въ тиши собою, сохраняя отъ молвы свою честь и оставивъ дѣло древностей великоименитымъ тѣшиться славою [2]).

Вамъ, Милостивый Государь, извѣстна чувствительность огорченной невинности: то я могу быть увѣренъ, что по свойственному вамъ праводушію извините въ моей признательности. Смѣю просить, ежели можно, удостойте меня отвѣтомъ, и разрѣшите мою неизвѣстность. Впрочемъ, пребываю къ вамъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и признательностью

вашего высокоблагородія
Милостиваго Государя
покорнѣйшій слуга.

(Оба документа заимствованы изъ бумагъ М. А. Максимовича).

---

[1]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о кіевскомъ комендантѣ Аракчеевѣ, братѣ временщика. Письмо его къ брату объ открытіи фундамента Десятинной церкви и трудахъ м. Евгенія и Лохвицкаго см. въ „Кіев. Стар.“ 1894, № 6. стр. 537—538.

[2]) Въ „Трудахъ и лѣтописяхъ обществ. исторіи и древн. росс.“ ч. V, кн. 1, (М. 1830) помѣщена статья Берлинскаго „О Десятинной церкви въ Кіевѣ“ (стр. 106—123), а вслѣдъ за нею „Письмо отъ Его Высокопреосвященства Кіевскаго Митрополита Евгенія о найденныхъ въ Десятинной церкви серебряныхъ слиткахъ (стр. 124—125).

Библиотека "Руниверс"

КОЛЛЕГІЯ ПАВЛА ГАЛАГАНА ВЪ КІЕВѢ.

(По поводу исполнившагося 1 октября текущаго года двадцатипятилѣтія ея существованія).

1 октября 1896 года закончилось 25 лѣтъ со дня открытія въ Кіевѣ „Коллегіи Павла Галагана", среднеучебнаго заведенія, основаннаго при исключительныхъ обстоятельствахъ и при всѣхъ данныхъ для своеобразнаго существованія, сравнительно съ прочими учебными заведеніями въ нашемъ краѣ. Если четверть вѣка въ жизни всякаго учрежденія признается обыкновенно тѣмъ періодомъ, который составляетъ нѣчто закругленное, дающее матеріалъ для историко-культурнаго обозрѣнія, то тѣмъ съ бо̀льшимъ правомъ можетъ разсчитывать на такой обзоръ то учебно-воспитательное учрежденіе, которое по самому уставу своему представляется исключительнымъ, болѣе или менѣе уклоняющимся отъ общаго установленнаго типа. Ввиду этого сама „Коллегія Павла Галагана" къ своему юбилейному дню приготовила обзоръ своей дѣятельности, издавъ книгу подъ заглавіемъ „*25-лѣтіе Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ. Съ портретами, рисунками, планами, подъ редакціею директора Коллегіи П. Г. А. І. Степовича. 1896*". Какъ эта только-что названная книга, такъ еще болѣе жизнь и общественное значеніе самаго учрежденія не только даютъ право, но даже обязываютъ нашъ *историческій* журналъ, посвященный всестороннему освѣщенію разнообразныхъ культурно-историческихъ вопросовъ края, съ своей стороны посвятить нѣсколько страницъ обозрѣнію минув-

Библиотека "Руниверс"

шаго 25-лѣтія въ жизни Коллегіи Павла Галагана. Тѣмъ съ большимъ основаніемъ мы приступаемъ къ этому обозрѣнію, что 1 октября коллегія отпраздновала свой юбилей, а 1 ноября она разсталась на вѣки съ своей Почетной Попечительницей, *Екатериной Васильевной Галаганъ*, всецѣло себя отдававшей интересамъ заведенія за весь періодъ его существованія, всѣ силы своей души и сердца посвящавшей тому дѣтищу, которое съ 1 октября 1871 года замѣнило удрученной горемъ матери ея безвременно погибшаго сына. Со смертью Е. В. Галаганъ закончился первый періодъ въ жизни коллегіи, который, конечно, будетъ отмѣченъ впослѣдствіи, какъ періодъ наиболѣе сильнаго проявленія лирическихъ началъ во всевозможныхъ взаимоотношеніяхъ различныхъ членовъ ея, такъ-какъ въ лицѣ Екатерины Васильевны похоронено то первое поколѣніе *учредителей*, для котораго все въ этомъ заведеніи было *своимъ роднымъ*, для котораго и свѣтлыя, и темныя страницы въ жизни его были одинаково дорогими, близкими. Пройдутъ года; лирика постепенно замѣнится холодной сообразительностью—и Богъ вѣдаетъ какіе повороты совершатся въ дальнѣйшей жизни заведенія. Настанутъ новые люди; восторжествуютъ новыя мысли; проявятся и новыя чувства...

Много примѣровъ видала уже исторія, когда личныя обстоятельства въ жизни людей влекли за собой болѣе или менѣе замѣтныя общественныя явленія. Часто такими обстоятельствами бываютъ семейныя радости, но, безспорно, еще чаще—моменты горестей; все дѣло здѣсь въ томъ, насколько личности, переживающія эти моменты горести, способны побѣдить въ себѣ исключительно личное и, руководясь соображеніями высшаго порядка, склонны утѣшать себя въ личныхъ настроеніяхъ сознаніемъ общаго блага. Говоря это, мы сразу хотимъ указать, что личности Григорія Павловича и Екатерины Васильевны Галаганъ, благодаря которымъ учреждена коллегія и духомъ которыхъ она держалась 25 лѣтъ, принадлежали именно къ тѣмъ, сравнительно немногочисленнымъ, людямъ, которые въ самую

Библиотека "Руниверс"

тяжелую минуту личнаго горя не потеряли окончательно чутья общественныхъ интересовъ, а напротивъ—въ нихъ-то и стали искать для себя не забвенія, но успокоенія, при сознаніи исполненнаго долга.

Нѣсколько разъ уже въ печати были опубликованы обстоятельства, при которыхъ возникла Коллегія Павла Галагана; заново интересующіеся этимъ могутъ найти нѣсколько любопытныхъ страницъ въ названномъ выше юбилейномъ изданіи Коллегіи (стр. 33—42; 84—87; 109—125). Мы-же для читателей считаемъ нужнымъ отмѣтить вкратцѣ только слѣдующіе факты.

27 апрѣля 1869 года неожиданно, въ теченіе нѣсколькихъ дней, сгорѣла жизнь 16-лѣтняго юноши Павла Галагана, единственнаго и нѣжнолюбимаго сына Григорія Павловича и Екатерины Васильевны Галаганъ. „Все прервалось и рушилось внезапно!—говоритъ Григ. Павл. въ замѣткахъ о своемъ сынѣ; „намъ осталось одно изъ двухъ: или предаться полной и безконечной печали, къ которой влекла душа, или, борясь съ печалью, стремиться къ тому, чтобы нашъ бѣдный сынъ продолжалъ жить въ другихъ, въ своихъ ближнихъ и для своихъ ближнихъ. Мы избрали послѣднее, и съ этой цѣлью учреждена Коллегія Павла Галагана“ (стр. 91). Но не сразу установилась окончательная мысль о коллегіи: первоначально Григ. Павл. думалъ основать въ Кіевѣ общежитіе для гимназистовъ 6 и 7 класовъ и студентовъ, подъ именемъ „Домъ Павла Галагана“, при чемъ живущіе въ этомъ общежитіи должны были именоваться *стипендіатами Павла Галагана*; съ этой цѣлью предполагалось пожертвовать 200 тысячъ рублей. Однимъ словомъ, должно было создаться нѣчто въ родѣ англійскаго колледжа съ туторами для руководства юношества. Въ такомъ родѣ проектъ учрежденія былъ вскорѣ составленъ, т. к. въ маѣ того же 1869 года онъ былъ уже отосланъ при письмѣ другу Г. П. Галагана М. В. Юзефовичу, котораго Галаганъ просилъ, совмѣстно съ другими лицами, разсмотрѣть этотъ проектъ и высказать свои соображенія. Молва о затѣваемомъ заведеніи этого типа быстро распространилась повсюду, а особенно среди кіевлянъ. Мы живо помнимъ то время, когда въ Кіевѣ, между прочимъ пристеги-

Библиотека "Руниверс"

вая и проектированную коллегію, вели выборную агитацію предъ избраніемъ перваго городского головы по новому положенію. Извѣстно, что въ кандидаты готовили главнымъ образомъ двухъ лицъ—Г. П. Галагана и П. П. Демидова, при чемъ мотивами избранія перваго выставляли предполагавшееся учрежденіе коллегіи, а второго—слухъ объ устойствѣ квартиръ для бѣдныхъ; такъ-что какъ-разъ въ разгаръ агитаціи—помнится намъ—выпущена была брошюра за подписью (кажется) Шиммельфенигъ подъ заглавіемъ (тоже кажется) „Что важнѣе для Кіева—двухсотъ-тысячная коллегія или квартиры для бѣдныхъ?“ Конечно, для Галагана вопросъ о коллегіи ничего общаго не имѣлъ съ мечтами о должности головы: онъ всецѣло преданъ былъ мысли о томъ, какъ устроить то заведеніе, которое должно быть коллективнымъ выразителемъ прерванной жизни его сына. *Павлусь* его достигъ 16 лѣтъ и по курсу наукъ готовился въ 6-й классъ—вотъ основанія, въ силу которыхъ предполагалось заведеніе воспитательное для юношей этого-же возраста и этихъ-же познаній.

Этотъ первоначальный проектъ, послѣ многихъ совѣщаній компетентныхъ лицъ, которыхъ просилъ самъ Галаганъ принять участіе въ разработкѣ устава, значительно измѣнился, во 1-хъ, въ смыслѣ разъединенія сожительства гимназистовъ со студентами, и во 2-хъ, въ смыслѣ устроенія особаго учебнаго заведенія съ самостоятельнымъ преподаваніемъ по курсу 5, 6 и 7 классовъ. Руководясь этими положеніями, и стали затѣмъ въ подробностяхъ разрабатывать уставъ Коллегіи Павла Галагана, по существу остающійся и до сихъ поръ такимъ-же, какъ и въ самомъ началѣ.

Изъ сказаннаго видно, что Коллегія Павла Галагана не только возникновеніемъ своимъ обязана, такъ сказать, лирическому моменту въ личной жизни Галагановъ, но и самое устройство ея, самая организація тѣсно связывается съ этимъ пережитымъ моментомъ. Вѣдь первоначальная мысль учрежденія состояла только въ обезпеченіи матеріальнаго быта и учебныхъ пособій, при извѣстномъ необходимомъ надзорѣ и руководствѣ молодыхъ людей, т. е. предполагалось, главнымъ образомъ, устро-

Библиотека "Руниверс"

ить благотворительное общежитіе для юношей, начиная съ тогоже возраста, въ какомъ умеръ Павелъ Гэлаганъ; когда-же эта мысль стала разрабатываться, чтобы быть приведенной въ осуществленіе, то естественно пришлось натолкнуться на тѣ педагогическія истины, которыя очень часто идутъ въ разрѣзъ съ лирическими мотивами. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, собрать подъ одну крышу нѣсколько десятковъ молодыхъ натуръ, взявъ ихъ изъ разнородныхъ семей, съ различными темпераментами, и притомъ взявъ въ томъ возрастѣ, который, какъ извѣстно, считается самымъ тяжелымъ въ воспитательномъ отношеніи? Поневолѣ нужно было сразу отказаться отъ мысли ограничить все дѣло благотвореніемъ и привлечь къ участію принципъ воспитательный. Еслибы въ предполагаемую коллегію поступали мальчики дѣтскаго возраста, лѣтъ 9—10, то воспитательное вліяніе оказывать было-бы вполнѣ возможно, даже при условіи, что воспитанники въ стѣнахъ заведенія только имѣли бы общежитіе и надзоръ, безъ учебнаго элемента, т. е. въ часы уроковъ посѣщали бы классы гимназій; но такъ какъ гимназисты должны поступать въ коллегію, какъ сказано, въ возрастѣ юношескомъ, то роль воспитателя въ этомъ случаѣ очень осложняется: для молодежи 16 или 17 лѣтъ воспитательное вліяніе, ограниченное только нравоученіями и дисциплиной, недостаточно безъ авторитета науки. Вотъ почему естественно пришлось соединить воспитательную часть съ преподаваніемъ наукъ, т. е. создать не общежитіе только, но учебно-воспитательное заведеніе. Нельзя сказать, чтобы этимъ окончательно было устранено неудобство въ педагогическомъ отношеніи собирать вмѣстѣ для житья юношество, не объединенное раньше общими какими-нибудь принципами, но по крайней мѣрѣ неудобство это ослаблялось тѣмъ, что воспитатель для юноши долженъ былъ явиться, подъ покровомъ научнаго авторитета, не туторомъ только, но ментором, и чѣмъ выше нравственный и умственный обликъ этого ментора, тѣмъ воспитательное положеніе его является болѣе прочнымъ.

Какъ только идея коллегіи обозначилась въ этомъ видѣ, сейчасъ-же выступилъ на очередь матеріальный вопросъ: о 200 ты-

Библиотека "Руниверс"

сячахъ рубляхъ, первоначально опредѣленныхъ Г. П. Галаганомъ для этого заведенія, не могло быть и рѣчи, т. к. устройство общежитія съ учебно-воспитательнымъ персоналомъ для воспитанниковъ далеко превышаетъ эту сумму. Хотя Г. П. Галаганъ впослѣдствіи не постѣснялся болѣе чѣмъ въ пять разъ увеличить основной фондъ коллегіи, пожертвовавъ въ обезпеченіе ея существованія часть своихъ имѣній цѣнностью болѣе *милліона рублей*, а также купивъ усадьбу, стоившую, вмѣстѣ съ приспособленіями ея для цѣлей заведенія, около 200 тысячъ,—но и этихъ средствъ оказалось недостаточнымъ для постановки дѣла на широкую ногу, какъ хотѣлось учредителямъ. Благодаря этому, первоначальный планъ коллегіи, какъ учрежденія благотворительнаго, долженъ былъ видоизмѣниться, такъ-какъ въ уставъ ея внесенъ былъ пунктъ о своекоштныхъ воспитанникахъ, которые, внося ежегодно сравнительно большую плату за свое содержаніе и обученіе (первонач. 600 р., а потомъ—750 руб. въ годъ), должны въ значительной мѣрѣ усиливать ежегодный бюджетъ заведенія. И такъ въ коллегіи, въ силу вещей, должны были сойтись два основные, элемента учащихся: *стипендіаты*—значитъ, люди не изъ богатыхъ классовъ, но за то поступающіе изъ разныхъ учебныхъ заведеній по конкурсному испытанію, и при томъ съ повышенными требованіями въ знаніяхъ, и *своекоштные*—значитъ, люди вполнѣ состоятельные, поступавшіе часто прямо изъ дома родительскаго, а еще чаще—изъ другихъ учебныхъ заведеній безъ всякаго испытанія. Если соединеніе подъ одной кровлей молодежи, начиная съ 16 и 17 лѣтъ, вообще не вполнѣ удобно въ педагогическомъ отношеніи, то неудобство это еще болѣе усиливается при условіи соединенія въ общежитіи лицъ разныхъ сословій, разныхъ матеріальныхъ положеній, разныхъ наклонностей... Правда, насколько намъ приходилось слышать (хотя въ печати мы нигдѣ не встрѣчали этого), Григорій Павловичъ Галаганъ находилъ теоретическое обоснованіе этого не вполнѣ нормальнаго строя въ жизни своей коллегіи. А именно: онъ предполагалъ, что единеніе двухъ различныхъ элементовъ въ коллегіи, носящихъ въ натурѣ своей много хорошаго, равно какъ и дурного, будетъ взаимно перекрещиваться, при чемъ идеалисти-

Библиотека "Руниверс"

ческія мечтанія, конечно, предполагали лучшее, т. е. взаимное воздѣйствіе одного элемента на другой будетъ проявляться въ усвоеніи лучшихъ сторонъ, а не худшихъ. Такъ напримѣръ, можно было предполагать, что стипендіаты, люди труда и энергіи, люди, привыкшіе къ лишеніямъ и невзгодамъ жизни, будутъ своимъ примѣромъ и нравственнымъ обликомъ вліять на своекоштныхъ воспитанниковъ, юношей съ иными привычками и наклонностями, вчастую вырабатывающимися въ сословіяхъ вполнѣ обезпеченныхъ; но за то эти-же воспитанники должны воздѣйствовать на стипендіатовъ всѣми проявленіями джентльменства, которое предполагается свойственнымъ высшимъ классамъ общества. Таковы, конечно, могли быть мечтанія, но отъ мечтаній до дѣйствительности бываетъ иногда цѣлая бездна, и мы готовы думать, что и въ данномъ случаѣ если практика не показала бездны, то далеко все-таки ушла отъ ожиданій.

Говоря все это, мы далеки отъ мысли ставить какіе-нибудь укоры заведенію, имѣющему въ теченіе 25 лѣтъ своего существованія прямыя указанія той пользы и тѣхъ благопріятныхъ плодовъ, какіе сказываются на дѣлѣ; еще болѣе далеки мы отъ мысли находить какую-нибудь вину въ дѣйствіи учредителей коллегіи,—можно только съ чувстомъ полнаго уваженія къ нимъ рисовать въ умѣ своемъ ихъ почтенный обликъ: мы хотимъ только отмѣтить тотъ фактъ, что если въ пережитый періодъ бывали тяжелые дни въ Коллегіи, то они главнымъ образомъ зависѣли отъ не совсѣмъ нормально поставленной основной мысли заведенія, какъ сказано, связывающейся съ лирическимъ моментомъ въ жизни Галагановъ.

Обратимъ теперь вниманіе еще на одну сторону вопроса, связаннаго съ учрежденіемъ коллегіи,—мы имѣемъ въ виду основной принципъ, выраженный въ пунктѣ *б* параграфа 2 устава коллегіи. Параграфъ этотъ говоритъ: „Коллегія Павла Галагана имѣетъ цѣлью: а) доставить нѣкоторому числу недостаточныхъ молодыхъ людей средства подготовительнаго къ университету образованія, и б) *способствовать развитію самостоятельнаго педагогическаго дѣла въ Россіи путемъ учебно-воспитательной практики.*

Библиотека "Руниверс"

Этотъ пунктъ *б* настолько серьезенъ по своему значенію, что мы считаемъ умѣстнымъ остановиться на немъ подробнѣе.

Школа въ государствѣ есть, такъ сказать, зеркало, отражающее душу этого государства, и въ тоже время—измѣритель умственныхъ и нравственныхъ силъ его. Чѣмъ болѣе разнообразія и оригинальности въ постановкѣ школьнаго дѣла въ странѣ, тѣмъ опредѣленнѣе выступаютъ на сцену всѣ изгибы духовной стороны въ человѣкѣ, и чѣмъ болѣе проявляется самостоятельность и независимость въ педагогической практикѣ, тѣмъ вѣрнѣе залогъ общей успѣшности въ дѣлѣ народнаго развитія. Наша русская школа до сихъ поръ слишкомъ мало обнаружила этой оригинальной самобытности, будучи почти исключительно заводима и управляема самимъ государствомъ, совершенно естественно ведущимъ ее по строго опредѣленному принципу, установившемуся въ правительственныхъ органахъ. Какъ рѣдкіе примѣры, встрѣчаются случаи общественнаго почина въ дѣлѣ народнаго образованія, особенно съ оригинальной программой его, или по крайней мѣрѣ, съ оригинальными учебно-воспитательными пріемами. Школьная нивеллировка, подведеніе всего къ одной программѣ, къ одному типу—вотъ характеристика нашей школы вообще. Нельзя поэтому не радоваться каждый разъ, когда мы видимъ просыпающуюся въ обществѣ потребность выйти на болѣе широкую дорогу въ этомъ дѣлѣ, когда мы видимъ частный починъ въ педагогическихъ вопросахъ. Вотъ почему, читая строки вышеприведеннаго пункта *б* во 2 параграфѣ устава коллегіи, мы невольно возвышаемся духомъ при мысли, что это заведеніе можетъ внести въ наше русское педагогическое дѣло *тѣ новые учебно-воспитательные пріемы, при помощи которыхъ успѣшнѣе будетъ достигаться правильное умственное и нравственное совершенствованіе юношества.*

Желаніе ввести нѣчто новое въ школу сразу сказалось у Г. П. Галагана, когда онъ въ письмѣ своемъ къ министру народнаго просвѣщенія, графу Д. А. Толстому, между прочимъ писалъ такъ: „я желалъ-бы дать учреждаемой коллегіи болѣе самостоятельности въ дѣйствіяхъ, чѣмъ сколько

Библиотека "Руниверс"

имѣютъ ее казенныя гимназіи" (стр. 40), и—что особенно важно—эта мысль Галагана нашла полное сочувствіе въ высшихъ сферахъ, такъ-какъ Высочайшій рескриптъ Императора Александра II на имя Г. П. Галагана оцѣняетъ пользу отъ учрежденія школы, которая доставитъ нѣкоторому числу молодыхъ людей средство подготовительнаго къ университету образованія, а также будетъ способствовать *развитію самостоятельнаго педагогическаго дѣла въ Россіи путемъ учебно-воспитательной практики.* И дѣйствительно, уставъ коллегіи и объяснительная записка къ уставу во многомъ указываютъ эту оригинальность, или лучше сказать—возможность къ оригинальности въ постановкѣ школы, Такъ, параграфъ 4-й поручаетъ завѣдываніе коллегіи правленію, которое составляютъ всѣ воспитатели подъ предсѣдательствомъ старшаго воспитателя, насящаго названіе директора. Въ кругъ обязанностей правленія входитъ организація всей учебно-воспитательной части заведенія, порядка жизни воспитанниковъ, распредѣленіе ихъ занятій, дисциплинарныя правила,—словомъ, опредѣленіе всего строя жизни школы во всѣхъ подробностяхъ. На правленіе, слѣдовательно, падаетъ и отвѣтственность за порядокъ и благоустройство.

Въ объяснительной запискѣ, приложенной къ проекту устава, представленнаго въ Государственный Совѣтъ на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, Г. П. Г—нъ опредѣляетъ въ главныхъ чертахъ основные устои внутренней жизни школы. Учреждаемая школа всей обстановкой своей жизни должна воспитывающемуся въ ней юношеству обезпечить полное и правильное развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ; она должна быть не квартирой, въ которой живутъ молодые люди при извѣстномъ формальномъ, дисциплинарномъ порядкѣ, но воспитательной школой, гдѣ юноши подъ постояннымъ и полнымъ контролемъ и руководствомъ воспитателей совершенствуются въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Воспитательную и руководящую роль свою воспитатели могутъ выполнить, когда въ ихъ рукахъ будетъ соединено и обученіе главнымъ предметамъ курса, т. е. когда воспитатель будетъ въ то-же время и преподавателемъ.

Библиотека "Руниверс"

Гр. П. Г—нъ желалъ, чтобы воспитаніе и обученіе въ коллегіи способствовало раскрытію въ душахъ и умахъ обучающагося юношества любви и пониманія главныхъ основъ русской жизни и сдѣлало бы ихъ впослѣдствіи способными служить дѣйствительнымъ интересамъ родной страны и помогло бы имъ быть хорошими гражданами дорогого отечества.

Въ воспоминаніяхъ о своемъ сынѣ, Г. П. Галаганъ, говоря о немъ, даетъ намъ понять, на развитіе и воспитаніе какихъ качествъ въ воспитанникахъ онъ желалъ бы направить трудъ воспитателей. Павелъ Гр-чъ Г—нъ представляется своему отцу съ слѣдующими характерными чертами: любознательнымъ, прилежнымъ, ищущимъ и уважающимъ знаніе, любящимъ свою родину, воспріимчивымъ ко всему хорошему, отзывчивымъ на все доброе, неприхотливымъ, бережливымъ въ тратѣ на самого себя, врагомъ роскоши и щегольства, чистымъ честнымъ, юношей, полнымъ молодой, здоровой жизненной энергіи и лучшихъ человѣческихъ стремленій. Гр. П-чъ видѣлъ въ своемъ сынѣ зачатки будущаго честнаго человѣка, полезнаго гражданина своей земли,—и конечно, желалъ, чтобы таковыми же выходили молодые люди изъ той школы, которая основана въ память сына; средствами для достиженія этого должны служить свободно вырабатывающіеся въ школѣ воспитательные пріемы, не стѣсняемые шаблонной мѣркой казенныхъ заведеній.

Если привести въ систему все вышесказанное, то характеръ, задачи и цѣли этой школы, какъ учрежденія, имѣющаго характеръ общественный, представятся въ слѣдующемъ видѣ:

Во-1-хъ, въ коллегіи получаетъ подготовительное къ университету образованіе нѣкоторое число молодыхъ людей, необладающихъ достаточными личными матеріальными средствами, число которыхъ въ настоящее время ограничивается 30, но въ будущемъ, при развитіи матеріальныхъ средствъ коллегіи, оно можетъ быть увеличено (изъ объясн. зап.).

Во-2-хъ, коллегіи предоставляется право самостоятельной постановки учебнаго дѣла съ тѣмъ однимъ ограниченіемъ, чтобы каждый предметъ преподавался въ объемѣ не менѣе требованій, предъявляемыхъ учебными планами М. Н. Пр. для классиче-

Библиотека "Руниверс"

скихъ гимназій.—Увеличеніе объема требованій по каждому предмету, назначеніе числа недѣльныхъ уроковъ, распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ, устройство той или иной системы переводныхъ испытаній, опредѣленіе методовъ и пріемовъ преподаванія—предоставляется вполнѣ компетенціи правленія коллегіи.

Въ-3-хъ, еще большую самостоятельность предоставляетъ уставъ коллегіи въ устройствѣ воспитательнаго дѣла и всего внутренняго строя жизни школы. Въ этомъ отношеніи уставъ не дѣлаетъ никакихъ ограниченій. Коллегія по мысли учредителя составляетъ закрытое учебное заведеніе (§ 12 уст.), въ которомъ воспитаніе юношества составляетъ главнѣйшую задачу школы. Съ этою цѣлью воспитателямъ предоставляется правящая роль въ заведеніи. Они избираются изъ лицъ, получившихъ университетское образованіе, или же пріобрѣтшихъ особую извѣстность своею педагогической дѣятельностью (§ 17 уст.). На нихъ же возлагается обязанность преподаванія предметовъ учебнаго курса въ цѣляхъ дать имъ, какъ воспитателямъ, большую авторитетность и возможность болѣе всесторонняго вліянія и ознакомленія съ учащимися. Въ то время, когда въ гимназіяхъ, какъ заведеніяхъ открытыхъ и многочисленныхъ по составу учащихся, все воспитательное дѣло ограничивается по необходимости требованіемъ отъ учениковъ точно регламентированныхъ дисциплинарныхъ правилъ, въ большей части случаевъ состоящихъ изъ недопущеній, воспрещеній, строгихъ воспрещеній и т. п., въ коллегіи эта сторона дѣла вызываетъ болѣе серьёзныя требованія: роль воспитателя въ ней не можетъ быть ограничена однимъ надзоромъ за воспитанниками и наблюденіемъ за исполненіемъ требованій внѣшней формальной дисциплины. Воспитатель обязанъ способствовать развитію и вкорененію въ воспитанникахъ положительныхъ сторонъ. Онъ обязанъ помочь воспитаннику раскрыть въ себѣ тѣ добрые, живые, здоровые зачатки, какіе вложила въ него природа; онъ обязанъ воспитать волю воспитанника, направлять его на все хорошее и честное,—словомъ, воспитатель, по мысли учредителя, является живымъ лицомъ, дѣйствующимъ на воспитанника не одними

Библиотека "Руниверс"

формальными требованіями и приказаніями, но силою своего умственнаго и нравственнаго авторитета и постояннымъ съ нимъ общеніемъ. При такой постановкѣ воспитательнаго дѣла въ коллегіи, когда воспитанника будетъ окружать постоянное вниманіе и забота объ его умственномъ и нравственномъ совершенствованіи, при хорошей матеріальной гигіенической обстановкѣ, Гр. П-чъ былъ вправѣ надѣяться, что коллегія для воспитанниковъ до извѣстной степени замѣнитъ родную семью, и въ любовномъ отношеніи къ школѣ они найдутъ побужденіе въ дальнѣйшей своей жизни быть хорошими и честными людьми. Въ такихъ началахъ была и выработана правленіемъ инструкція для воспитателей и директора, одобренная совѣтомъ коллегіи и утвержденная почетнымъ попечителемъ.

Такими, какъ мы видимъ, благими мыслями и намѣреніями руководился учредитель коллегіи, и съ такими задачами приступилъ къ выполненію ихъ первый воспитательный составъ. Но, какъ извѣстно, не всѣ наши благія пожеланія и намѣренія осуществляются въ томъ видѣ, въ какомъ первоначально рисуются они намъ. Мы не станемъ слѣдить шагъ за шагомъ за тѣмъ, какъ текла жизнь коллегіи въ теченіе 25 лѣтъ, но отмѣтимъ только тотъ фактъ, что нѣсколько разъ уже въ отчетахъ коллегіи, ранѣе печатавшихся (см., напр., „Десятилѣтіе Коллегіи Павла Галагана“. Кіевъ 1882 г.), равно и въ только-что выпущенномъ послѣднемъ отчетѣ о 25-тилѣтіи ея (см. рѣчь директора коллегіи „Итоги 25-тилѣтней жизни и дѣятельности колл. П. Г—на“) совершенно опредѣленно обнаруживается, что за весь этотъ періодъ практика школы не выработала ничего особенно характерно-поучительнаго: нѣтъ никакой своеобразности въ программахъ (кромѣ ничтожныхъ мелочей), нѣтъ ничего прочно опредѣлившагося въ методахъ преподаванія, нѣтъ ничего оригинальнаго въ воспитательныхъ пріемахъ, чему можно было бы слѣдовать, какъ образцу. Да оно и не удивительно! Школа не правительственная, а частная тогда только можетъ своеобразно и твердо стоять на своихъ ногахъ, когда общій принципъ общественной жизни допускаетъ свободное развитіе всякой частной иниціативы. Коллегія же Павла Галагана возникала какъ

Библиотека "Руниверс"

разъ въ тотъ моментъ, когда въ силу исключительныхъ причинъ, вопросы воспитанія и образованія юношества строго были регламентированы, и слѣдовательно, такъ сказать—въ воздухѣ носились иныя теченія, далекія отъ мысли о свободно-развивающихся педагогическихъ теоріяхъ. Однимъ словомъ, мы хотимъ сказать, что почтенная мысль учредителя нисколько не была гарантирована въ своемъ осуществленіи однимъ характеромъ устава этой школы: по такому уставу можно, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, достигнуть блестящихъ результатовъ, при неудачныхъ—прійти къ печальнымъ послѣдствіямъ. Все тутъ сводится къ лицамъ, стоящимъ у самаго дѣла. Къ этому-то послѣднему условію мы теперь и обратимся.

При не особенно удачной комбинаціи въ постановкѣ воспитательныхъ задачъ въ коллегіи, въ зависимости отъ разнороднаго состава учащихся (стипендіаты и своекоштные) и отъ самаго тяжелаго въ воспитаніи возраста ихъ (переходный періодъ); при томъ колебаніи въ разныхъ методахъ отношенія къ воспитанникамъ, какое замѣчалось, по словамъ „Отчета“ въ теченіе 25 лѣтъ,—все же въ результатѣ получались вчастую очень утѣшительныя явленія воспитательной практики заведенія: изъ него выходили многія личности подготовленными къ труду, съ здоровыми, честными взглядами на жизнь, не съ наклонностями сухихъ эгоистовъ, а со всѣми задатками добраго сердца. Этотъ результатъ, помимо всякихъ причинъ, иногда внѣ школы находящихся, главнымъ образомъ, какъ намъ кажется, получился благодаря личнымъ воздѣйствіямъ того состава воспитательнаго, который подбирался, болѣе или менѣе удачно, по основной мысли учредителя—видѣть въ воспитателяхъ людей сердца, могущихъ въ школу вносить живую душу, а не одну лишь—такъ сказать, вицъ-мундирную оболочку. И дѣйствительно, личности самихъ учредителей коллегіи съ ихъ гуманнымъ обликомъ, съ ихъ любвеобильнымъ сердцемъ вообще, а по отношенію къ своему дѣтищу-коллегіи въ особенности—вотъ первый залогъ того добраго, человѣколюбиваго начала, которымъ должно было быть проникнуто воспитаніе въ этой школѣ. Просматривая списокъ лицъ, стоявшихъ у дѣла обученія и воспитанія коллегіатовъ въ теченіе

Библиотека "Руниверс"

25 лѣтъ, мы находимъ тамъ тѣ имена, съ которыми связывается представленіе о лучшихъ сторонахъ въ жизни людей. Мы не будемъ перечислять этихъ лицъ, не желая въ данномъ случаѣ нарушать границы скромности людей, иногда намъ очень близкихъ но лежащій предъ нами послѣдній отчетъ коллегіи, не только даетъ намъ право, но и обязываетъ по отношенію къ двумъ лицамъ переступить эти границы.

Въ исторической запискѣ, составленной В. Куницкимъ подъ заглавіемъ „Двадцатипятилѣтіе коллегіи Павла Галагана", на стр. 145-й дается краткая характеристика представителей воспитательныхъ пріемовъ въ заведеніи въ послѣдовательномъ порядкѣ смѣны ихъ; тутъ, между прочимъ, читаемъ такія строки: „въ слѣдующее затѣмъ 11-тилѣтнее директорство И. И. Ничипоренка по внѣшности все оставалось въ прежнемъ видѣ, но, благодаря тому, что Г. П. Галаганъ, занятый въ это время болѣе важными государственными дѣлами, гораздо рѣже бывалъ въ Кіевѣ и не могъ принимать такого близкаго участія въ дѣлахъ коллегіи, какъ прежде, *во внутреннемъ строѣ и порядкѣ заведенія проявились нѣкоторыя отрицательныя стороны*".

Мы совсѣмъ не желаемъ полемизировать по этому поводу съ г. Куницкимъ, который, конечно, *вѣдаетъ, что творитъ*, но очень удивляемся тому, что въ книгѣ, редактированной самимъ директоромъ коллегіи и, слѣдовательно, носящей какъ бы оффиціальный, а не частный характеръ, прошла такая, по меньшей мѣрѣ *странная*, фраза. Не говоря о томъ, что всѣмъ лицамъ, знакомымъ съ бытомъ коллегіи за весь періодъ ея существованія, хорошо извѣстно нисколько не худшее положеніе дисциплинарной части въ директорство И. И. Ничипоренка сравнительно съ другими періодами,—мы укажемъ только, что самый „Отчетъ" даетъ лучшее опроверженіе этому упреку. Достаточно для этого раскрыть 62-ю страницу и прочесть выдержку изъ предсмертнаго прощальнаго письма Г. П. Галагана къ только-что окончившимъ курсъ воспитанникамъ; вотъ она: „вы воспитывались въ коллегіи въ самыхъ лучшихъ для нея условіяхъ, при отличныхъ воспитателяхъ и преподавателяхъ *и при такомъ директорѣ, который во всякое время клалъ за васъ душу; ему вы должны остаться*

Библиотека "Руниверс"

вмѣстѣ съ нами глубоко благодарны". Конечно, есть и такая точка зрѣнія, что это качество въ человѣкѣ составляетъ недостатокъ, но мы, предоставляя право желающимъ держаться этого мнѣнія, скажемъ, что какъ учредители, такъ—думаемъ—и воспитанники разныхъ темпераментовъ и наклонностей, одинаково относились съ чувствомъ признательности къ тому человѣку, который, искренно любя юношество, всѣ силы свои, даже до излишества, отдавалъ дѣлу воспитанія молодыхъ людей. Если-же бывали случаи уклоненія отъ желательнаго поведенія воспитанниковъ, то, во 1-хъ, въ какой школѣ ихъ не бываетъ?, а во 2-хъ, въ коллегіи для этого имѣются исключительныя условія, зависящія, какъ мы сказали, отъ возраста и состава учащихся.

Но если приведенныя выше строки въ „Отчетѣ" можно посчитать за какойто странный *lapsus*, то ужъ никакъ не поймемъмы основаній для другого *lapsus'a*, явившагося по отношенію къ извѣстному преподавателю и ученому, П. И. Житецкому. Въ самой книгѣ нѣсколько разъ, при случаѣ, вскользь, упоминается, что имя П. И. Житецкаго связано съ коллегіей крѣпкими узами. Начать съ того, что онъ былъ домашнимъ преподавателемъ предмета словесности тому самому *Павлусю Галаганy*, имени котораго посвящена потомъ коллегія (см. стр. 78, примѣч.); затѣмъ, онъ принималъ близкое участіе въ выработкѣ устава коллегіи (см. стр. 124); наконецъ онъ преподавалъ въ коллегіи предметъ словесности съ 1874 года по самый моментъ своего тяжкаго недуга, съ невольнымъ перерывомъ въ 2 года, которые онъ долженъ былъ прожить въ Петербургѣ. Ученый авторитетъ лица, талантливое преподаваніе, нравственное вліяніе на воспитанниковъ—вотъ тѣ данныя, въ силу которыхъ отчетъ о 25-тилѣтней жизни заведенія не можетъ вычеркнуть изъ страницъ своихъ хоть краткаго указанія на принесенные этимъ лицомъ плоды,—между тѣмъ мы въ этомъ отчетѣ встрѣчаемъ всѣ свѣдѣнія о директорахъ коллегіи (даже съ портретами ихъ), о всѣхъ воспитателяхъ (правда—уже безъ портретовъ), и ни одного звука о такомъ преподавателѣ, какъ П. И. Житецкій, кромѣ фамиліи и срока службы. Неужели форма играла, при составленіи отчета, такую роль, что, разъ лицо не было въ числѣ штатныхъ слу-

Библиотека "Руниверс"

жащихъ, о немъ нѣтъ надобности и говорить? Неужели въ „отчетѣ“, который долженъ представить намъ картинку *культурно-бытовой стороны въ жизни заведенія*, только и можетъ быть рѣчь о *штатныхъ служащихъ*?

Пусть простятъ намъ оба названныя нами лица ту нашу нескромность, съ которой мы позволили себѣ коснуться ихъ! Но вѣдь мы говоримъ о нихъ въ данномъ случаѣ, какъ объ общественныхъ работникахъ, а при этихъ условіяхъ вопросъ о скромности отходитъ на второй планъ. Тѣмъ съ большимъ правомъ мы заговорили о нихъ, что теперь, когда коллегія вступила въ новый періодъ своей жизни, мы прежде всего пожелаемъ ей имѣть въ рядахъ своихъ побольше сотрудниковъ, подобныхъ тѣмъ, именами и авторитетами которыхъ создавалось лучшее въ прошлой жизни коллегіи, и которые, при благопріятныхъ условіяхъ для развитія педагогическаго дѣла въ Россіи вообще, дѣйствительно помогутъ выработкѣ оригинальныхъ и вполнѣ удачныхъ пріемовъ воспитанія молодыхъ поколѣній.

В. Науменко.

Библиотека "Руниверс"

По поводу 25-лѣтія сценической дѣятельности М. Л. Кропивницкаго.

12 ноября настоящаго 1896 года исполнилось 25 лѣтъ со времени перваго публичнаго появленія на сценѣ наиболѣе выдающагося дѣятеля малорусскаго театра, Марка Лукича Кропивницкаго. Считаемъ необходимымъ отмѣтить этотъ интересный юбилей, потому что Марко Лукичъ есть не только геніальный артистъ-исполнитель, но главнымъ образомъ его дѣятельность плодотворна, какъ основателя малорусскаго театра, перваго начинателя этого въ высшей степени полезнаго и глубоко-симпатичнаго дѣла народной сцены. Кромѣ того, дѣятельность М. Л. Кропивницкаго еще не ограничивается этими двумя сторонами: онъ также представляетъ изъ себя весьма талантливаго малорусскаго писателя-драматурга. На сколько велика была энергія М. Л., можно судить хотя-бы потому, что ему пришлось преодолѣть массу затрудненій на пути къ сценической дѣятельности.

Родился Марко Лукичъ въ глухой провинціи, въ селѣ Байбайракахъ, елисаветградскаго уѣзда, херсонской губерніи, гдѣ отецъ его находился на службѣ у помѣщика Фундуклея.

Первоначальное образованіе М. Л. получилъ въ уѣздномъ училищѣ городка Бобринца, а потомъ готовился въ Кіевъ въ гимназію, куда ему поступить не удалось по причинамъ чисто формальнаго свойства; возвратившись домой, онъ продолжалъ готовиться къ экзамену, но и вторая попытка его не увѣнчалась успѣхомъ по тѣмъ же причинамъ. Послѣ этого Кропивницкій по настоянію своего отца поступилъ на службу, но прослуживъ два года, бросилъ ее и зачислился вольнослушателемъ въ

Библиотека "Руниверс"

университетъ. Пробывъ два года въ университетѣ, М. Л. оставилъ его и долженъ былъ поступить въ канцелярію въ городкѣ Бобринцѣ, въ которой оставался около 9 лѣтъ, и только послѣ смерти отца въ 1871 году получилъ возможность удовлетворить вполнѣ давно овладѣвшему имъ влеченію къ сценѣ. Это влеченіе проявилось впервые еще въ бытность М. Л. въ уѣздномъ училищѣ и развивалось въ продолженіе всей его послѣдующей жизни; уступая этому влеченію, Кропивницкій съ 14 лѣтъ начинаетъ устраивать любительскіе спектакли, сначала въ домѣ своей матушки, а впослѣдствіи въ различныхъ городахъ, гдѣ ему приходилось проводить продолжительное время. Благодаря этимъ спектаклямъ, Кропивницкій сошелся съ Иваномъ Карповичемъ Тобилевичемъ (Карпенко-Карый) и многими другими лицами, впослѣдствіи ставшими его сотрудниками по сценѣ. И такъ, М. Л. немедленно послѣ смерти отца, сильно противившагося его артистической дѣятельности, оставляетъ службу и 12 ноября 1871 года дебютируетъ уже въ одесскомъ народномъ театрѣ гр. Марковыхъ, въ роли „Стецька“, въ извѣстной пьесѣ Квитки-Основьяненка „Сватанье на Гончаривци“. Успѣхъ дебютанта, по словамъ „Одесскаго Листка“, былъ на столько великъ, что Кропивницкому немедленно былъ предложенъ ангажементъ, какъ опытному артисту. Въ качествѣ артиста М. Л. служитъ на различныхъ провинціальныхъ сценахъ и даже въ Петербургѣ до 1875 года. Вездѣ онъ пользуется выдающимся успѣхомъ, особенно въ малорусскихъ пьесахъ.

Между прочимъ, въ 1873 г., служа въ Харьковѣ, въ товариществѣ, состоящемъ подъ управленіемъ Колюпанова, М. Л. ставитъ на сценѣ первое свое драматическое произведеніе „Дай серцю волю, заведе у неволю“, написанное еще въ 1863-мъ году. Здѣсь же онъ поставилъ весь малорусскій репертуаръ, состоявшій тогда не болѣе какъ изъ десятка разрѣшенныхъ къ представленію пьесъ. Въ 1875 году Кропивницкій былъ приглашенъ на гастроли въ Галицію, въ тамошнюю малорусскую труппу. Пробывъ тамъ 4 мѣсяца, М. Л. возвратился въ Россію и до конца зимняго сезона оставался въ Елисаветградѣ, неустанно трудясь надъ устройствомъ любительскихъ малорусскихъ спек-

Библиотека "Руниверс"

таклей. Въ слѣдующемъ 1876 году послѣдовало безусловное запрещеніе какихъ бы то ни было малорусскихъ спектаклей, и Кропивницкій принужденъ былъ выступать исключительно въ русскихъ пьесахъ, но тамъ онъ является уже въ качествѣ режиссера. Вѣроятно, въ это-то время М. Л. пріобрѣлъ тотъ громадный запасъ административной и, главнымъ образомъ, режиссерской опытности, которымъ и не замедлилъ воспользоваться въ самомъ непродолжительномъ времени съ такимъ блестящимъ успѣхомъ. Именно: въ 1881 году М. Л. Кропивницкій, служа режиссеромъ въ Кременчугѣ у Г. А. Ашкаренка, положилъ, такъ сказать, начало новой эры для родного искусства, подавъ совмѣстно со своимъ антрепренеромъ прошеніе Министру Внутреннихъ Дѣлъ, графу Лорисъ-Меликову въ декабрѣ мѣсяцѣ о разрѣшеніи дать нѣсколько малорусскихъ спектаклей. Просьба была удовлетворена, и вотъ здѣсь-то началось самое плодотворное время въ дѣятельности М. Л. Имѣя въ запасѣ нѣкоторыя знакомства послѣ любительскихъ спектаклей и съ замѣчательнымъ умѣньемъ угадывая и распознавая таланты, Кропивницкій, работая исключительно среди новичковъ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ добивается образцоваго ансамбля, которому могла-бы позавидовать любая труппа. Несомнѣнно, что новое дѣло созидалось на весьма прочныхъ основаніяхъ и имѣло превосходнаго руководителя, если такого короткаго времени было достаточно для того, чтобы вполнѣ окрѣпнуть и окончательно побѣдить всякія непріязненныя предубѣжденія, которыми всегда сопровождается каждая новая идея, каждое смѣлое предпріятіе. Не прошло съ того времени и 15 лѣтъ, какъ Кропивницкій создалъ цѣлую школу, въ которой выдвинулись замѣчательные артисты, могущіе по своей игрѣ смѣло соперничать со своимъ учителемъ. Укажемъ хотя-бы на Саксаганскаго, какъ на самаго талантливаго ученика этой школы, вообще далеко не бѣдной талантами. Да и на первыхъ порахъ дѣйствительность не замедлила обнаружить, что можетъ сдѣлать во-время начатое дѣло высоко талантливымъ иниціаторомъ. Какъ мы уже сказали, втеченіе двухъ лѣтъ Кропивницкій добился рѣдкаго ансамбля, новички сдѣлались опытными артистами; пребываніе труппы въ

Библиотека "Руниверс"

каждомъ изъ городовъ сопровождалось колоссальнымъ успѣхомъ и самыми восторженными отзывами прессы. Объѣздивъ такимъ образомъ всѣ значительные города юга Россіи, въ ноябрѣ 1886 года Кропивницкій рѣшилъ поѣхать въ Петербургъ. Здѣсь спектакли его также произвели фуроръ. Публика и пресса были приведены въ восторгъ. Такіе вліятельные цѣнители искусства въ Петербургѣ, какъ Суворинъ, утверждали, что труппа изобилуетъ талантами. (И дѣйствительно, въ составъ ея тогда входили: Кропивницкій, Заньковецкая, Затыркевичъ-Карпинская, Саксаганскій, Карпенко-Карый, Максимовичъ, Садовскій и другіе). Были даны: спектакль въ театрѣ „Фантазія“ въ присутствіи Государя съ Августѣйшимъ семействомъ и парадный спектакль съ Высочайшаго соизволенія въ Императорскомъ Маріинскомъ театрѣ. Кропивницкій съ другими премьерами своей труппы былъ представленъ Государю и удостоенъ Высочайшихъ подарковъ, а также Великому Князю Михаилу Николаевичу и Супругѣ его, въ собственномъ Ихъ Высочествъ дворцѣ. Къ сожалѣнію, въ это же время начали возникать въ труппѣ между членами товарищества взаимныя недоразумѣнія, вызванныя главнымъ образомъ скопленіемъ талантливыхъ артистовъ, которые, работая въ одной труппѣ, не находили себѣ достаточно широкаго поля дѣятельности. Къ этой причинѣ присоединились и другія, ничего общаго съ интересами искусства не имѣющія, которыя послѣдовательно привели къ полному разрыву между артистами и режиссеромъ. Не будемъ останавливаться на этой печальной страницѣ въ исторіи малорусскаго театра, хотя-бы просто потому, что въ данномъ случаѣ трудно быть безпристрастнымъ, или нужно было-бы весьма тщательно изучить всѣ закулисныя отношенія членовъ товарищества, но едва ли подобный трудъ можетъ представить какой либо интересъ [1]). Констатируемъ только лишь тотъ фактъ, что въ 1889 году Кропивницкій окончательно разошелся съ товариществомъ, но энергія его отнюдь не истощилась, такъ что послѣ небольшого перерыва въ томъ же 1889 году М. Л. уже съ новою, совсѣмъ мо-

[1]) Насколько извѣстно, М. Л. Кропивницкій въ этотъ промежутокъ времени два года состоялъ артистомъ въ труппѣ М. Старицкаго.—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

лодою, труппою выступаетъ въ небольшихъ городахъ юга Россіи. Хотя во второй труппѣ Кропивницкаго уже нѣтъ такого скопленія большихъ талантовъ, но общаго ансамбля онъ добивается такъ же быстро и уже въ 1890 году имѣетъ въ Петербургѣ вполнѣ заслуженный успѣхъ. Но и эта труппа оказывается также не долговѣчна, и послѣ окончанія зимняго сезона 1893 г. товарищество, къ величайшему огорченію М. Л., почти неожиданно прекратило свое существованіе. Эта неудача глубоко поразила искренно преданнаго своему дѣлу М. Л., и онъ хотѣлъ совершенно отрѣшиться отъ режиссерской дѣятельности и въ теченіе двухъ лѣтъ ограничивался лишь тѣмъ, что ѣздилъ на гастроли. Однако глубокая преданность идеѣ, сознаніе обязанностей по отношенію къ своему таланту и любовь къ дѣлу взяли верхъ надъ личной обидой, и въ 1895 году Кропивницкій уже съ третьей труппой гастролируетъ въ Харьковѣ и совершаетъ артистическія поѣздки въ другіе города юга Россіи до настоящаго дня.

Такимъ образомъ мы видимъ, что М. Л. Кропивницкій не только основалъ дѣло, но и послѣдовательно приготовилъ ему нѣсколько поколѣній работниковъ; и до сихъ поръ многіе талантливые дѣятели на малорусской сценѣ, многимъ обязаны Марку Лукичу; и до сихъ поръ желающіе работать для роднаго искусства могутъ поступать, такъ сказать, „въ обученіе“ въ труппу Кропивницкаго, гдѣ воспользуются благотворнымъ вліяніемъ М. Л. Эти-то заслуги и создали Кропивницкому имя „основателя малорусскаго театра“, „батька украинской сцены.“

Предоставимъ театральнымъ рецензентамъ разбирать игру и особенности ея у М. Л., а позволимъ себѣ еще нѣсколько остановиться на Кропивницкомъ, какъ писателѣ драматургѣ [1]). Перо М. Л., въ значительной мѣрѣ обогатившее малорусскій репертуаръ, создало цѣлую серію пьесъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ трехъ изданіяхъ его сборника, а кромѣ того нѣсколькими отдѣльными мелкими изданіями и произведеніями, помѣщенными на стра-

[1]) Въ будущемъ 1897 году мы разсчитываемъ помѣстить въ нашемъ журналѣ обширную статью о малорусской драмѣ вобще и о драмахъ М. Л. Кропивницкаго въ частности—*Ред.*

Библиотека "Руниверс"

ницахъ журнала „Артистъ“ и др. О первомъ изданіи сборника его драм. сочин., вышедшемъ въ Кіевѣ въ 1882 году и составляющемъ теперь библіографическую рѣдкость, своевременно на страницахъ нашего журнала (Кіевская Старина 1883 года, ноябрь) была помѣщена подробная библіографическая замѣтка съ разборомъ всѣхъ помѣщенныхъ въ сборникѣ пьесъ, среди которыхъ находилась „Глитай або-жъ павукъ“, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ, нынѣ, къ сожалѣнію, снятая съ репертуара. Второе изданіе сборника представляетъ собою почти повтореніе перваго. За то громадный интересъ возбуждаетъ третій сборникъ,—это „Повный збирнык творивъ М. Л. Кропивницкаго,“ вышедшій въ Харьковѣ въ прошломъ году; онъ содержитъ въ себѣ не только всѣ разрѣшенныя къ представленію пьесы, напечатанныя раньше въ отдѣльныхъ и періодическихъ изданіяхъ, но и цѣлую серію пьесъ, нигдѣ дотолѣ не печатавшихся. Не будемъ подробно останавливаться на каждой пьесѣ Кропивницкаго, тѣмъ болѣе, что не ко всякой изъ нихъ можно примѣнить одинаковыя требованія: многія написаны исключительно для того, чтобы доставить посѣтителю театра возможность посмѣяться здоровымъ и непринужденнымъ смѣхомъ; таковы пьесы какъ оригинальныя, такъ и съ заимствованнымъ сюжетомъ: „Пошылысь у дурни,“ „Джигунъ“, „Помырылысь“, „Писни въ лыцяхъ“, „Вусы“, „Пидгоряне“ и проч., въ которыхъ авторъ прекрасно справляется со своей задачей, насквозь пропитывая ихъ богатымъ, народнымъ украинскимъ юморомъ. Но въ большемъ количествѣ случаевъ авторъ задается гораздо болѣе серьезными цѣлями: онъ имѣетъ въ виду перенести, такъ сказать, цѣликомъ на сцену украинское село, кстати сказать, прекрасно авторомъ изученное, со всѣми и свѣтлыми, и мрачными сторонами деревенской жизни. Особенно сосредоточиваетъ Кропивницкій свое вниманіе на типѣ, въ высшей степени въ настоящее время распространенномъ,—разбогатѣвшаго крестьянина, стремящагося изображать нѣчто высшее въ общественномъ отношеніи, чѣмъ простой „мужикъ“. Всѣ эти малорусскіе „мѣщане во дворянствѣ“ прекрасно воплощены во многихъ дѣйствующихъ лицахъ пьесъ: „Дви семьи“, „Олеся“,

Библиотека "Руниверс"

и „Чмырь“, гдѣ они дѣйствуютъ на сценѣ, какъ живые люди, возбуждаютъ глубокій интересъ, зачастую вызываютъ смѣхъ, но неизбѣжно навѣваютъ цѣлый рой самыхъ печальныхъ думъ и размышленій на тему о непроницаемомъ духовномъ мракѣ, окутавшемъ густымъ покровомъ наше земледѣльческое сословіе; подобное же дѣйствіе производитъ и прекрасная картинка крестьянскаго судопроизводства, этюдъ—„По ревизіи“. Но, какъ видно, слишкомъ любитъ Марко Лукичъ изображаемую имъ среду, для того, чтобы остановиться исключительно на однѣхъ отрицательныхъ ея сторонахъ; онъ проникаетъ сквозь покровъ мрака и отыскиваетъ въ этой простой средѣ типы, исполненные самыхъ лучшихъ задатковъ, способные даже чуть-ли не на геройскіе подвиги; таковъ Иванъ въ пьесѣ: „Дай сердцю волю, заведе въ неволю“. Какъ только авторъ коснулся этого собственно эпизодическаго лица, онъ забылъ обо всемъ окружающемъ, о герояхъ пьесы, о развитіи дѣйствія и заставляетъ зрителя вмѣстѣ съ собою увлечься этимъ въ высшей степени симпатичнымъ типомъ. Кромѣ того, М. Л. разбираетъ и другія стороны крестьянской жизни: онъ разбираетъ строй семьи (Зайдыголова), общественное явленіе кулачества (Глитай), а также иногда удаляется въ глубь временъ и съ замѣчательной живостію рисуетъ бытовыя картины прошлыхъ временъ и вѣковъ; таковы: „Невольникъ“. Сюжетъ этой пьесы взятъ изъ поэмы Шевченка того-же заглавія. Наконецъ, послѣднее произведеніе М. Л. „Вій“, фантастическая пьеса, написанная по извѣстной повѣсти Гоголя. Кромѣ того, намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что портфель М. Л. заключаетъ въ себѣ нѣкоторое количество пьесъ, какъ оконченныхъ, такъ и недоведенныхъ еще до конца. Надѣемся, что онѣ не замедлятъ съ выходомъ въ свѣтъ и составятъ вкладъ въ малорусскую драматическую литературу, достойный имени автора.

Теперь же искренне привѣтствуемъ „батька украинскаго театра“ въ 25-ти лѣтній юбилей и желаемъ сохраненія ему силъ и энергіи для дальнѣйшей славной дѣятельности на пользу родного искуства на много и много еще лѣтъ. Д. А.

Библиотека "Руниверс"

Документы, извѣстія и замѣтки.

Шпага Карла XII. Въ московскую оружейную палату передана шпага короля Карла XII шведскаго. Сообщая объ этомъ, въ одномъ изъ осенних номеровъ, «Московскія Вѣдомости» сопровождаютъ это свѣдѣніе слѣдующимъ комментаріемъ:

«Карлъ XII послѣ полтавскаго разгрома бѣжалъ въ турецкій лагерь, въ надеждѣ возбудить турокъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Извѣстно, что, будучи въ Бендерахъ, онъ впалъ въ такое изступленіе, что, вынувъ свою шпагу, принялся колоть ею во всѣ стороны. Тогда принуждены были обезоружить его, и шпага его, вынутая изъ ноженъ, осталась въ Бендерахъ. Къ счастью она сохранилась въ Бендерахъ, и бендерскій паша, бывъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскимъ губернаторомъ Измаила, генераломъ Тучковымъ, подарилъ ему эту историческую шпагу, а Тучковъ передалъ ее въ 1822 году одному русскому генералу, уѣзжавшему со службы изъ Измаила въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ шпага Карла XII хранилась въ семействѣ этого генерала. Дочь его, почтенная особа уже 78-лѣтняго возраста, представила эту драгоцѣнность на Высочайшее распоряженіе, а Государь Императоръ повелѣлъ отправить ее на храненіе въ оружейную палату.

Шпага эта имѣетъ всѣ признаки достовѣрности: на клинкѣ вычеканено золотомъ «Carolus XII» .Владѣлица шпаги возила ее въ Парижъ, гдѣ знатоки признали ее подлинною, и артиллерійскій музей предлагалъ купить ее; но владѣлица шпаги уклонилась отъ сего, считая этотъ памятникъ достояніемъ Россіи.»

Разсказъ объ «изступленіи» и «обезоруженіи» Карла XII совершенно не вѣренъ. Возстановляя подлинные факты по достовѣрнымъ историческимъ источникамъ, князь А. В. Дабижа помѣстилъ въ № 244 «Journal de S-t Petersbourg» этого года разсказъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ взята была шпага короля-героя. Съ

Библиотека "Руниверс"

разрѣшенія нашего уважаемаго сотрудника, приводимъ въ переводѣ его замѣтку, касающуюся лица, имя котораго фигурируетъ на страницахъ исторіи Малороссіи въ одинъ изъ самыхъ драматическихъ ея моментовъ.

Едва лишь сабля Ракочи [1]) покинула Императорскую Оружейную Палату, какъ шпага Карла XII Шведскаго появилась тамъ.

Это событіе не могло пройти незамѣтнымъ, хотя бы ужъ по причинѣ тѣхъ необычайныхъ обстоятельствъ, при которыхъ этотъ предметъ былъ взятъ нѣкогда у его обладателя.

Я не могу отказать себѣ въ желаніи возстановить, при этомъ случаѣ, въ его истинномъ свѣтѣ разсказъ, который наши большіе ежедневники воспроизвели, въ своемъ простодушіи, въ старомъ и изуродованномъ видѣ.

Газетное сообщеніе, передавая исторію этого оружія, докладывало намъ на дняхъ, что неустрашимый противникъ Петра Великаго «вынулъ свою шпагу изъ ноженъ въ минуту вступленія и принялся колоть ею направо и налѣво, до тѣхъ поръ пока не явилась необходимость его обезоружить.»

Я съ трудомъ представляю себѣ Карла XII, спокойнаго и холоднаго въ самыя критическія минуты своей жизни, всегда полнаго самообладанія, относящагося повидимому одинаково къ радости, какъ и къ печали, безстрастно присутствующаго при пораженіи подъ Полтавой, при потерѣ своего войска, крушеніи всѣхъ своихъ горделивыхъ замысловъ,—я не могу представить себѣ этотъ образецъ сдержанности, котораго вошедшее въ поговорку хладнокровіе никогда неизмѣняло себѣ, этого молчальника, также скупого на жесты и на слова,—въ той роли, которую хочетъ навязать ему эта забавная газетная справка.

Не думая читать урокъ исторіи, я считаю умѣстнымъ напомнить главные моменты этого необычайнаго приключенія, которое современники короля назвали турецкимъ словомъ *калабаликъ*, значащимъ буквально *охота на льва*, и которое, въ свое время, надѣлало, быть можетъ, больше шуму, чѣмъ всѣ побѣды воинственнаго шведа.

Въ минуту, когда были истощены всѣ усилія, чтобы прійти къ миролюбивому разрѣшенію разногласія, вышедшаго между королемъ и

---

[1]) Переданная по распоряженію Е. В. Государя Императора въ венгерскій національный Музей.

Библиотека "Руниверс"

посланцами султана, и когда пушки начали гремѣть передъ шведскимъ лагеремъ въ Варницѣ, неустрашимый Карлъ XII рѣшился держаться съ своими *семьюстами* шведами противъ войска въ *пятнадцать тысячъ человѣкъ*.

Съ обнаженной шпагой, онъ проложилъ себѣ путь черезъ сплошную массу осаждающихъ. Вырвавшись изъ рукъ янычаръ, хотѣвшихъ взять его въ плѣнъ, чудомъ спасаясь отъ смерти, раненный въ лицо, онъ пробился съ тридцатью изъ своихъ къ дверямъ дворца. И здѣсь еще, одинъ на одинъ, онъ хотѣлъ сражаться съ врагами. Только употребивъ въ дѣло силу, стража его успѣла увлечь его внутрь дворца.

Многочисленные татары и турки уже ворвались туда и предавались грабежу королевской казны. Во главѣ своего маленькаго отряда, Карлъ бросается на нихъ, колетъ и рубитъ и разсѣиваетъ грабителей послѣ короткой схватки. Въ самый разгаръ стычки, окруженный густымъ дымомъ, перерѣзываемымъ только ударами выстрѣловъ, отдѣленный на минуту отъ товарищей, онъ вступаетъ въ борьбу съ тремя янычарами. Длинной своей шпагой онъ поражаетъ двухъ изъ нихъ; но остающійся въ живыхъ третій, въ свою очередь наноситъ ему жестокій ударъ палашемъ. Будучи обязанъ спасеньемъ жизни только случаю да своей большой мѣховой шапкѣ,—дѣло происходило зимой,—король раненный видитъ себя притиснутымъ къ стѣнѣ четвертымъ противникомъ. Одинъ изъ шведовъ раздробляетъ ему черепъ выстрѣломъ изъ пистолета, а Карлъ ударомъ шпаги избавляется отъ своего перваго преслѣдователя. Двое другихъ, скрытые въ спальнѣ короля, не успѣваютъ прицѣлиться въ него: *однимъ* взмахомъ своего ужаснаго клинка онъ пригвождаетъ ихъ къ полу. Третій, обезумѣвшій отъ всего видѣннаго, бросается къ его ногамъ, прося пощады. Карлъ даруетъ ему жизнь и выпроваживаетъ его самъ, черезъ окно, приказывая разсказать своимъ начальникамъ о томъ, что онъ здѣсь видѣлъ.

Очистивъ такимъ образомъ мѣсто,—непріятель оставилъ тамъ лишь своихъ убитыхъ и раненныхъ,—Карлъ и его солдаты стали у оконъ, съ карабинами въ рукахъ, ожидая новой аттаки.

Она не заставила себя ждать. И на этотъ разъ еще король обязанъ былъ своимъ спасеніемъ храброму оруженосцу Акселю Роосу. Едва перевязавъ кое-какъ свою рану, онъ бросился къ окнамъ, въ которыя старался проникнуть потокъ осаждающихъ. Учащенные залпы изъ мушкетовъ обратили ихъ въ бѣгство.

Наступилъ моментъ пріостановки борьбы.

Библиотека "Руниверс"

Бендерскій паша и крымскій ханъ, прійдя въ бѣшенство отъ того, что не могутъ справиться съ этою горстью людей, рѣшили положить конецъ этому невѣроятному бою.

Турецкія пули стали ударяться о стѣны королевскаго жилища. Стрѣлы съ перьями, напитанными воспламеняющимися веществами, послѣдовали за ними и подожгли крышу дома. Вскорѣ весь домъ представлялъ изъ себя лишь пылающій остовъ, такъ какъ осаждающіе, пользуясь замѣшательствомъ шведовъ, нагромоздили вокругъ стѣнъ множество горючихъ предметовъ. Огонь проникалъ быстро внутрь дворца, пожирая все на пути.

Вдругъ громкіе крики раздались въ рядахъ непріятельской арміи: крыша дворца обрушилась. Тогда глазамъ всѣхъ представилось зрѣлище, единственное въ своемъ родѣ: король, съ послѣдними защитниками крѣпости, стоялъ у оконъ нижняго этажа, среди потоковъ пламени, удушаемый дымомъ, но спокойный и готовый защищаться до послѣдней крайности.

Двое изъ шведовъ были уже опасно ранены обрушившимися горящими балками. «Государь, рѣшился сказать тѣлохранитель Вальбергъ, такое положеніе непереносимо. Ваше Величество признаетъ безъ сомнѣнья безполезнымъ заставлять погибать насъ среди огня. Не лучше ли будетъ удалиться отсюда?»

— Нѣтъ, сказалъ Карлъ съ досадой, гораздо почетнѣе умереть со славой, чѣмъ сдаться, чтобы продолжить немного наше существованіе. Къ тому же, прибавилъ онъ, я не вижу никакой опасности до тѣхъ поръ, пока платья наши не горятъ и не жгутъ намъ кожу.»

Вслѣдъ за этимъ кусокъ горящаго бревна, оторвавшись отъ переводинъ, упалъ ему на голову. Шведы вынуждены были удалиться въ послѣднюю уцѣлѣвшую комнату, бывшую опочивальню короля.

«Любезный Роосъ, сказалъ тогда Карлъ своему вѣрному товарищу, я надѣюсь, что мы останемся здѣсь до послѣдней минуты, пока все будетъ кончено.»

Эти нѣсколько храбрецовъ, твердо рѣшившіеся умереть за своего короля, окруженные въ своемъ убѣжищѣ, покрытые кровью и обжогами, задыхаясь отъ жары и дыму, мужественно отвѣчали на непріятельскій огонь.

Карлъ XII, сражавшійся до сихъ поръ только шпагою, схватилъ въ руки карабинъ и, выстрѣливъ изъ него въ турка, вырвался впередъ, съ обычнымъ своимъ презрѣніемъ къ опасности, подвергая себя граду пуль, сыпавшихся вокругъ него. Роосъ имѣлъ лишь время бро-

Библиотека "Руниверс"

ситься впередъ его и тотчасъ упалъ, пораженный въ голову, на руки короля.

Огонь настигалъ шведовъ въ ихъ послѣдней засадѣ, когда Росъ, который былъ только раненъ, прійдя въ чувство послѣ удара, рѣшился предложить королю сдѣлать вылазку и пробраться боковой пристройкой дворца, которая еще не горѣла.

«Хорошо сказано», замѣтилъ Карлъ, дружески трепля его по плечу: ну, товарищи пора дѣйствовать, бросимся на невѣрныхъ!»

Оторвавши тотчасъ же дверь, маленькій отрядъ героевъ устремился впередъ, съ королемъ во главѣ, держащимъ въ одной рукѣ шпагу, а пистолетъ въ другой, вырываясь какъ вихрь изъ среды пламени, сметая все передъ собою.

Вдругъ король пошатнулся и, запутавшись о что-то шпорами, упалъ. Прежде, чѣмъ онъ могъ сдѣлать какое либо движеніе, толпа янычаръ бросилась на него и обезоружила его.

Какъ только онъ увидѣлъ себя плѣнникомъ, его воинственный пылъ упалъ какъ бы по волшебству. Внезапно успокоенный, онъ громко выразилъ удовольствіе быть во власти янычаръ, избраннаго войска, и избѣжать такимъ образомъ возможности попасть въ руки татаръ, которыхъ онъ презиралъ.

«Охота на льва» длилась приблизительно *девять часовъ*. Двѣсти турокъ нашли въ ней свою смерть.

Царственный плѣнникъ съ большой торжественностью былъ отведенъ въ лагерь паши.

Онъ гордо прослѣдовалъ черезъ городъ Бендеры верхомъ на богато убранномъ конѣ,—но въ какомъ видѣ! Покрытый кровью, грязью и дымомъ, въ одеждѣ, висящей лохмотьями, раненный въ руку, съ почти оторваннымъ концомъ носа и ухомъ, съ обгорѣлыми волосами и бровями, съ лицомъ чернымъ отъ пороха, почти неузнаваемый. «Сѣверный левъ», какъ прозвали его въ Константинополѣ, теперь похожъ былъ болѣе на «желѣзную голову», другое прозвище, данное ему турками [1]). Его осанка оставалась, тѣмъ не менѣе, полной достоинства и величія и представляла странный контрастъ съ безпорядочностью внѣшняго вида.

---

[1]) Это названіе передано было Карлу XII. „Я предпочитаю, чтобъ меня считали лучше сумашедшимъ чѣмъ, трусомъ“, сказалъ онъ на это (*Фриксель*. Исторія Карла XII. Книга II).

Библиотека "Руниверс"

«Я продолжаю быть королемъ и таковымъ надѣюсь и остаться», отвѣчалъ онъ одному изъ своихъ офицеровъ, сокрушавшемуся о его участи.

Шпага Карла была отдана ему только въ день отъѣзда въ замокъ Демурташъ, близъ Андріанополя, но онъ отвергнулъ ее съ гордостью и запретилъ офицерамъ своей свиты брать обратно свое оружіе, которое имъ возвращали изъ уваженія къ ихъ государю.

«Плѣнникамъ, намъ нечего дѣлать съ этими шпагами, говорилъ онъ имъ. Пусть тѣ, что взяли ихъ у насъ, хранятъ ихъ у себя; мы съумѣемъ, когда явится возможность, найти другія!»

Въ ту минуту, когда онъ садился въ карету, онъ дѣйствительно нашелъ тамъ шпагу. То была та, что взята у него. Хотѣли настоять чтобъ онъ взялъ ее, несмотря на его отказъ. Но устроить это было не легко.

Карлъ поспѣшилъ надменно выбросить ее изъ экипажа. Одинъ изъ турецкихъ всадниковъ его конвоя поднялъ ее и почтительно подалъ знаменитому обладателю, но также безуспѣшно. Оружіе тотчасъ же выброшено было изъ кареты и упало въ дорожную пыль.

Такимъ образомъ знаменитая шпага Карла XII осталась въ рукахъ злосчастнаго Исмаила-Паши, бендерскаго сераскира, который, будучи переведенъ нѣсколько времени спустя въ Очаковъ, заплатилъ своей головой за «недоразумѣніе», происшедшее въ Варницѣ 1 февраля 1713 года.

Кн. Александръ Дабижа.

Вѣсти о судьбѣ историко-статистическихъ матеріаловъ по Полтавщинѣ.—Въ «Кіев. Стар.» 1893 г., май, стр. 331—338, мною помѣщенъ листокъ новыхъ историко-статистическихъ матеріаловъ по Полтавщинѣ, хранящихся въ архивѣ полтавскаго статистическаго бюро.

Къ величайшему сожалѣнію приходится сообщить, что изъ тѣхъ матеріаловъ уцѣлѣла лишь незначительная часть, такъ какъ изъ архива выкрадено приблизительно до 200 пуд. старыхъ подворныхъ описей и поуѣздныхъ сборниковъ статистическаго бюро. Обиднѣе всего, что полтавскіе лавочники, повидимому, не смущаясь принимали приносимыя воромъ вороха бумаги и употребляли на обертку всякихъ товаровъ. Похититель обнаруженъ и подвергнутъ тюремному заключенію, но потеря остается невознаградимою, и масса интереснаго матеріала погибла навсегда. Въ настоящее же время, по произ-

Библиотека "Руниверс"

веденной повѣркѣ оказываются въ наличности въ архивѣ статистич. бюро нижеслѣдующія *подворныя* описи:

Роменскаго уѣзда:

С. Чернечья-Слобода 1841—46. 1853—58.
М. Смѣлое, козаковъ 1847—52.
С. Гриневка, тоже 1853—58.
Хрищатицкой нѣмец. колон. 1851—54, 1855—59.

Гадячскаго уѣзда:

С. Кнышевка, госуд. крест. 1847—52.

Лубенскаго уѣзда:

М. Яблуновъ, госуд. крест. 1847—52.
С. Оржица, коз. 1841—46.
» каз.-крест. 1847—52.
» Зарожье, коз. 1853—58.

Хорольскаго уѣзда:

М. Горошинъ, коз. 1857—58, часть 1853—57.

Зѣньковскаго уѣзда:

С. Пирки, коз., часть 1852—55.
» Тарасовка, тоже, часть 1841—46.
» Комыши, тоже, часть 1843—51, 1859—60.

Кобелякскаго уѣзда:

С. Велико-Кобелячковскіе, коз. 1847—52.

Кременчугскаго уѣзда:

С. Максимовка, коз. 1857—59.
» Мозолѣевка, тоже, 1847—48.
» » госуд. крест. 1847—55.

Книги переписи 1835 г. козаковъ.

Хорольск. уѣзда; м. Балаклеи.
Зѣньков. » м. Опошни.
Лубенск. » с. с. Круподеринецъ, Плехова, Денисовки, Великой-Селецкой, Малой-Селецкой, Онушекъ, Золотухъ, Савинецъ, Верхняго Иржавца.

Остальные матеріалы, поименованные на стр. 318, уцѣлѣли въ архивѣ.

В. Василенко.

Библиотека "Руниверс"

Сообщеніе очевидца о великомъ пожарѣ въ Кіевѣ на Подолѣ 1811 года. (Изъ донесенія директора Гимназіи Мышковскаго Правленію Виленскаго университета отъ 31-го іюля того-же года).

Доношу Правленію Императорскаго Университета о необычайномъ несчастіи города Кіева. Это выходящій изъ ряда пожаръ, принадлежащій къ числу величайшихъ, третій отъ основанія этого древняго города и первый со времени Бату-Хана. 9-го іюня въ 1 часу пополудни показался огонь на Подолѣ, въ 3-й части, около Днѣпра, надъ хижиной одного портного, и въ одинъ часъ при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ среди густыхъ деревянныхъ построекъ распространился болѣе, чѣмъ на версту до 2-й части. Восьминедѣльная засуха и жары приготовили дерево къ воспламененію отъ одной искры, вѣтеръ расширилъ, а запасы олея, сала, водки, пороху и разнаго дерева дали силу огню на такое пространство, что угли достигали до гимназическаго дома на Печерскѣ, бумаги летѣли за 36 верстъ, до города Василькова, а дымъ днемъ и зарево ночью можно было видѣть за 100 верстъ. Самыя улицы, вымощенныя деревомъ, служили проводникомъ огню. Къ вечеру вѣтеръ подулъ съ сѣвера, для полнаго уничтоженія 3-й части. Пожаръ сталъ столь огромнымъ и обширнымъ по захваченной имъ площади, что въ цѣломъ Кіевѣ не хватало людей для его гашенія, тѣмъ болѣе, что прежде всего надо было спасать людей и ихъ имущества, а не жилища, стоявшія предъ неугасимымъ огнемъ, предъ которымъ не могло устоять никакое каменное зданіе, ни склепъ, ни церковь, хоть и крытые желѣзомъ и вымощенные; погреба, съ желѣзными дверьми и рамами, если имѣли хоть что-нибудь деревянное или самое малое отверстіе, выгорѣли также. Остальные дома пламя охватило уже въ 3-мъ часу утра, перешедши половину высокаго побережья между Подоломъ и Печерскомъ. Порывы вѣтра, смѣшаннаго съ пламенемъ, уже бросали угли на заборъ царскаго сада, а пылающая мостовая угрожала уже театру, построенному въ началѣ 1-й части. Военная защита въ соединеніи съ преградой естественной въ видѣ глубокаго рва уничтожали опасность для Печерска, такъ-же, какъ и надбережье въ 50 саж. высоты со стороны Стараго Кіева и каналъ, называемый «Глубочица», со стороны 4-й части. Такимъ образомъ въ теченіе 16 часовъ поглощена необычайнымъ пламенемъ важная часть Кіева, извѣстная подъ названіемъ Подола. 1176 домовъ, Духовная Академія съ Братскимъ монастыремъ, Греческій монастырь, Первоклассный женскій монастырь, 11 церквей каменныхъ и 4 дере-

Библиотека "Руниверс"

ванныхъ приходскихъ, обѣ почты, Магистратъ, Контрактовый Домъ и запасы разнаго дерева и другихъ товаровъ на берегу слѣлались добычей огня. Людей сгорѣло больше всего въ женскомъ монастырѣ. Къ этому несчастію присоединилось еще другое: еще во время самаго пожара разнесся слухъ о странномъ пророчествѣ, вышедшемъ изъ умной или глупой головы, но, конечно, не отъ добраго сердца, о будущихъ вскорѣ еще большихъ пожарахъ. Ни одинъ разумный человѣкъ не вѣрилъ пророчеству, но на несчастье показался огонь на Печерскѣ—сгорѣло только 4 дома; тѣмъ не менѣе басня получила такую силу и такъ овладѣла сердцами обывателей города, что они начали выбираться изъ домовъ и искать спасенія въ погребахъ и въ полѣ. Выдающіяся особы съ нашей улицы просили городское правленіе, чтобы имъ позволено было сохранять имущество въ домѣ гимназическомъ, болѣе защищенномъ отъ сосѣдскаго огня, о чемъ отъ имени военнаго губернатора плацъ-майоръ прислалъ мнѣ бумагу. Я охотно согласился. Хотя до этого не дошло, но обширная площадь и гимназическій садъ, нѣсколько дней были какъ бы лагеремъ выбиравшихся изъ домовъ семействъ и имуществъ. Или чрезвычайная засуха, или неосторожность домашнихъ, или замыслы подлыхъ злодѣевъ сдѣлали то, что тревога достигла до высшей степени. День и ночь летали вѣсти и устрашающіе слухи о поджогахъ. Комендатское управленіе, домъ войта и дворянское вѣдомство принимали предосторожности, но энергія городскаго правленія, принятыя мѣры, осторожность, до тысячи войска, стоявшаго ночью, сверхъ того выпавшіе дожди,—послужили къ успокоенію устрашеннаго народа, который мало по малу началъ возвращаться въ брошенные дома, хотя полное спокойствіе еще не наступило и до сихъ поръ. У насъ около гимназіи сторожа стучатъ цѣлую ночь, а въ Крѣпости подымаются мосты, и никто даже въ церкви, въ ней находящіяся, не можетъ быть пропущенъ безъ билета отъ коменданта...

Я прибѣжалъ съ своими домашними и конями на театръ ужаса и воплей и прежде всего принялся за спасеніе изъ дому бывшаго народнаго училища инструментовъ и библіотеки. Жертвуя сотней ради тысячей рублей, я нашелъ людей для выноски, которымъ отдавая подъ тщательнымъ моимъ и моихъ домашнихъ наблюденіемъ инструменты и книги, приказывалъ одни нести на рукахъ, другіе везти въ повозкахъ, прямо въ гимназическій домъ. Но усиливающійся огонь, значительное разстояніе отъ гимназіи, тѣснота отъ повозокъ и людей, особенно вечеромъ и ночью,—все это внушало мнѣ страхъ потери, и

Библиотека "Руниверс"

я приказалъ складывать все подальше, прямо на дорогѣ подъ бдительной стражей. Вытащивши все главнѣйшее, когда уже загорѣлась училищная крыша, я распорядился объ отправкѣ всего въ гимназію такимъ же порядкомъ. Въ продолженіи 11-ти часовъ непрерывныхъ усилій окончена была эта работа, а въ половинѣ 1-го или 2-го часа пополуночи былъ охваченъ пламенемъ и самый тотъ помостъ у подгорья, который служилъ намъ складомъ. Не безъ того, конечно, чтобы что-нибудь въ поспѣшности, давкѣ, темнотѣ, при неумѣлости выносившихъ обращаться съ предметами, требующими осторожности, не было попорчено, но со всѣмъ тѣмъ, инструменты и библіотека препровождены счастливо въ гимназію. Съ простыми людьми я расплатился тотчасъ же съ благодарностью, а для неотступнаго писца моего Лушицкаго и для учителя приходской школы Нестеровскаго я прошу у Правленія Императорскаго Университета дворянской награды, дворянскаго чина. Меня весьма утѣшаетъ эта добыча гимназіи, выхваченная изъ когтей Плутона съ горсточкой помощниковъ новаго учрежденія, когда въ тоже самое время стародавняя духовная академія, считающая болѣе тысячи учениковъ и нѣсколько сотъ собственныхъ воспитанниковъ, потеряла какимъ-то образомъ всѣ свои литературные сварбы,—это теперь единственное утѣшеніе и удовольствіе въ тяжелыхъ обстоятельствахъ...» (Переводъ съ польск.). (Архивъ Кіев. I Гимназіи, книга Протоколовъ 1811 г. № 2, л. 41, 42, 44).

При чтеніи этого донесенія можетъ явиться нѣкоторое недоразумѣніе. Откуда спасалъ директоръ инструменты и книги? Дѣло въ слѣдующемъ. Кіевская (теперь I-я) Гимназія преобразована въ 1809 году изъ главнаго народнаго училища, открытаго при императрицѣ Екатеринѣ II въ 1789 году. Гимназія и помѣщалась до 1811 года въ зданіи того-же училища на Подолѣ. Уже былъ готовъ для нея домъ на Кловѣ, на Печерскѣ, но физическіе инструменты и библіотека не были еще съ Подола перевезены въ новое зданіе, почему и пришлось 9-го іюля 1811 года спасать ихъ отъ ярости Плутона.

Присоединяемъ еще два-три эпизода изъ этого печальнаго событія.

«Прибѣжавши на Подолъ, пишетъ тотъ-же Мышковскій, нашелъ я въ стѣнахъ училищнаго корпуса одного только сторожа, который, сыскавши нѣсколько мѣшковъ и наложивши одинъ книгами, не зналъ, что̀ дальше съ ними дѣлать. Пока нашелъ я людей, пока досталъ повозокъ и сдѣлалъ распоряженіе къ выносу, какъ прибѣжалъ Г. Берлинскій и, признавъ свой мѣшокъ съ книгами, высыпалъ оныя въ

Библиотека "Руниверс"

монхъ очахъ на крыльцо, а потомъ сорвалъ своими руками съ большихъ глобусовъ чехлы съ такимъ отзывомъ, что ему нужно пересыпать муку, которая для него дороже. Чехловъ не возвратилъ онъ въ Гимназію и доселѣ»...

«Учитель Закона Божія, священникъ Иванишевъ въ числѣ 6-ти душъ семейства имѣлъ домъ выгодный, а нынѣ живетъ въ землянкѣ. По отличному усердію къ благовоспитанію, принялъ онъ должность учителя по Греческому исповѣданію и внушеніемъ своимъ послужилъ къ перемѣнѣ мнѣнія горожанъ о новомъ порядкѣ воспитанія. Жалованье свое 75 руб., котораго мало ему и на проѣзды въ училище, отдавалъ онъ прежде на снабдѣніе неимущихъ учениковъ книгами, а теперь самъ бѣдствуетъ съ семействомъ. Великодушный его подвигъ когда оставя пылающій домъ свой, побѣжалъ онъ спасать церковь, разъ нѣсколько загоравшуюся, отливая водою среди окружающаго пламени, успѣлъ съ двумя мальчиками охранить отъ огня, одну только на Подолѣ изъ числа 17 окрестныхъ,—сей рѣдкій поступокъ достоинъ особаго вниманія духовнаго начальства»...

«Учитель холостой подольскаго приходского училища Нестеровскій, имѣвши у одного купца столъ за присмотръ дѣтей и хранивши тамъ свои вещи, лишился многаго во время пожара; однако, подоспѣвъ ко мнѣ, взялся беречь складываемыя при дорогѣ казенныя вещи и высидѣлъ при нихъ 9 час. на вѣтрѣ, не имѣвши чѣмъ и головы прикрыть»...

(Изъ донесенія директора Мышковскаго Виленскому Университету 1811 года 16 октября. Изъ книги Протоколовъ 1811 г. № 3, л. 5 и 6).

Сообщ. **П. Голубовскій.**

Артиллерійскій музей въ Петербургѣ. Однимъ изъ цѣнныхъ учрежденій столицы, посвященныхъ собиранію и храненію старины, является, безспорно, Артиллерійскій музей, къ слову сказать, не смотря на свою общедоступность, очень мало извѣстный даже Петербургской публикѣ. Цѣннымъ музей представляется именно потому, что, обнимая собой только извѣстную сторону прошлой, а также и современной жизни, онъ даетъ рядъ цѣльныхъ, систематическихъ картинъ, слѣдя за которыми, мы постепенно подвигаемся отъ глубокой старины къ послѣднимъ словамъ науки и техники въ данной области. Область эта, не смотря на то, что музей носитъ названіе артиллерійскаго,

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько шире—исторія русскаго вооруженія вообще, хотя главное мѣсто все таки занимаетъ огнестрѣльное оружіе. Въ настоящей замѣткѣ мы не имѣемъ намѣренія касаться ни исторіи самого учрежденія (основаніе музея восходитъ къ началу XVIII в.), ни богатаго содержанія его (всѣхъ предметовъ—болѣе 10000[1]) кромѣ вооруженія, здѣсь хранятся и нѣкоторыя вещи обще-историческаго характера; при музеѣ состоитъ также и очень цѣнный спеціальный архивъ старыхъ дѣлъ),—кто интересуется, можетъ получить эти свѣдѣнія изъ прекрасно составленнаго «Историческаго каталога С.-Петерб. Артиллерійск. музея» (въ 3-хъ томахъ), составленнаго завѣдующимъ музеемъ *Н. Е. Бранденбургомъ*; популярный очеркъ музея помѣщенъ *Д. П. Струковымъ* въ Историч. Вѣстникѣ (1892 г., апрѣль—«Артиллерійск. историческій музей въ Петербургѣ»). Въ настоящемъ случаѣ мы желаемъ обратить вниманіе на одинъ изъ отдѣловъ музея, начало которому было положено всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ и который образовался и устраивается по мысли Н. Е. Бранденбурга; какъ увидимъ ниже, отдѣлъ этотъ имѣетъ непосредственное отношеніе и къ нашему югу.

До послѣдняго времени содержаніе музея состояло изъ предметовъ, относящихся къ сравнительно болѣе близкимъ историческимъ эпохамъ; въ настоящее-же время, по мысли Н. Е. Бранденбурга, давно уже составившаго себѣ извѣстность своими археологическими разысканіями, положено начало отдѣлу, гдѣ бы сосредоточивались образцы вооруженія доисторическаго времени и болѣе раннихъ историческихъ эпохъ. Отдѣлъ этотъ началъ устраиваться только недавно, всего нѣсколько лѣтъ, не богатъ количествомъ предметовъ, но обладаетъ уже кое-чѣмъ, чему могъ бы позавидовать и любой западно-европейскій музей. Во всякомъ случаѣ, эта симпатичная мысль заслуживаетъ полнаго вниманія, и желательно было-бы, чтобы какъ общественныя учрежденія, такъ и частные собиратели дѣлились своими дубликатами съ артиллерійскимъ музеемъ.

---

[1]) Предметы малорусской старины почти совершенно отсутствуютъ; есть только мортира, вылитая на средства Мазепы, со слѣдующей надписью: „За царства пресвѣтлѣйшаго и великодержавнѣйшаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержца стараніемъ же и коштомъ ясне вельможнаго его мѣсти пна Іоана Мазепы гетмана з конскомъ Запорожскимъ". Кромѣ того есть, одна пушка половины XVIII., если не ошибаемся, Кочубея.

Библиотека "Руниверс"

Какъ мы уже сказали, предметовъ въ этомъ отдѣлѣ еще очень немного: въ круглой витринѣ, занимающей середину этого уголка музея, расположено каменное и бронзовое оружіе: наконечники стрѣлъ, копій, молотки, топоры, происхожденія большей частью южнаго—есть, напр., предметы изъ кіевской и екатеринославской губерній. Но зато замѣчательной полнотой отличается подборъ предметовъ, происходящихъ изъ могилъ, гдѣ обнаружено такъ наз. погребеніе съ конемъ, изученіемъ котораго спеціально занимается Н. Е. Бранденбургъ [1]); почти всѣ остальныя витрины заняты разнообразными предметами изъ этихъ могилъ; тутъ царитъ каневскій уѣздъ, такъ какъ наиболѣе характерныя могилы этого типа находятся именно въ каневскомъ уѣздѣ. Здѣсь есть цѣлый рядъ желѣзныхъ шлемовъ (одинъ съ маской), панцырей, сабель, остатки сѣделъ, принадлежности сбруи, украшенія и т. д. Не довольствуясь сохраненіемъ отдѣльныхъ предметовъ, Н. Е. Бранденбургъ задумалъ перенести цѣликомъ такое погребеніе въ музей, для того, чтобы можно было имѣть полную картину его. Съ этой цѣлью, во время раскопокъ въ каневскомъ у., были намѣчены два кургана; раскопка ихъ остановлена въ тотъ моментъ, когда можно было надѣяться встрѣтить самое погребеніе; затѣмъ, эти мѣста обкопаны, образовавшіяся двѣ громадныя четырехгранныя глыбы плотной глины обложены брусьями, перевязаны и на волахъ отправлены на желѣзнодорожную станцію, а оттуда въ Петербургъ. И уже тутъ, въ музеѣ, была докончена раскопка: всѣ обнаруженные предметы оставлены и закрѣплены такъ, какъ они найдены. Впечатлѣніе получается полное: вы какъ будто-бы спустились въ только что раскопанную могилу этого воина и видите всѣ детали погребенія: вотъ гробъ, сколоченный изъ толстыхъ досокъ, въ немъ лежитъ вытянутый скелетъ; возлѣ гроба разбросаны части сѣдла (костяныя), тутъ-же черепъ вѣрнаго товарища погребеннаго—лошади; въ этой могилѣ гробъ не вполнѣ сохранился, и верхняя крышка его, сгнивши, провалилась, нарушивъ общую картину. Вполнѣ за то сохранилась вторая изъ перевезенныхъ могилъ: гробъ здѣсь цѣлъ, на верхней крышкѣ лежатъ сабля и наконечникъ копья (древко сгнило), часть одной изъ боковыхъ сторонъ пропилена, и черезъ образованное отверстіе можно видѣть скелетъ; въ томъ-же направленіи, что и гробъ, рядомъ съ нимъ—цѣлый остовъ лошади, которая какъ бы присѣла на всѣ че-

[1]) На Рижскомъ арх. съѣздѣ имъ былъ доложенъ рефератъ, касающійся этого вопроса (см. нашъ отчетъ о съѣздѣ въ октябрьской кн. „Кіевск. Стар.“ за этотъ годъ).

Библиотека "Руниверс"

тыре ноги; что остову лошади при соединеніи костей его, придано положеніе такое, какое было въ дѣйствительности, на это указываетъ выставленный тутъ-же въ витринѣ фотографическій снимокъ). Надо отдать полную справедливость Н. Е. Бранденбургу—въ дѣлѣ храненія памятниковъ нашей старины трудно дальше идти!

Н. Бѣляшевскій.

Изъ путевыхъ замѣтокъ Великаго Князя Николая Павловича (1816 года). Извѣстно, что Императоръ Николай I, въ бытность еще великимъ княземъ, для довершенія своего образованія, лѣтомъ 1816 года предпринялъ поѣздку по Россіи. Для этого путешествія составлена была особая инструкція съ указаніемъ, гдѣ и какъ великому князю обозрѣвать назначенныя губерніи, на что обращать вниманіе и т. под. Между прочимъ, согласно желанію Императрицы-Матери, Николай Павловичъ велъ, въ продолженіе путешествія, журналъ въ двухъ отдѣлахъ: одинъ подъ названіемъ «Общій журналъ по гражданской и промышленной части» и другой—«Журналъ по военной части». Оба они сохранились; отрывки изъ нихъ напечатаны въ недавно вышедшемъ 98 т. «Сборника И. Р. Историческаго Общества», всецѣло посвященномъ матеріаламъ къ біографіи императора Николая I. Въ виду малодоступности этого цѣннаго изданія, извлекаемъ изъ названныхъ отрывковъ лишь то, что относится къ нашему краю.

«Въѣзжая въ черниговскую губернію изъ Бѣлоруссіи, проѣзжать должно чрезъ отлично богатую раскольничью слободу Добрянку; они (жители) всѣ весьма благонравны и чистые старовѣрцы, безъ всякой примѣси другихъ раскольничьихъ сектъ; ихъ до 1500 душъ... Въ Черниговѣ церкви весьма древни и тѣмъ только и хороши, но не въ лучшемъ вкусѣ. Прекрасный каменный новый острогъ со стѣною; въ немъ двѣ тюрьмы, но худо содержаны, а главная посереди каменная, очень хорошая; въ немъ болѣе 150 арестантовъ, изъ нихъ нѣкоторые болѣе 5-ти лѣтъ содержатся за невоспослѣдовавшимъ рѣшеніемъ Сената.—Школа за городомъ, въ коей живетъ 150 студентовъ; гимназія довольно хорошая, но сумма столь маловажна, что никоимъ образомъ нельзя ихъ порядочно содержать; напримѣръ, лѣтнее одѣяло парусинное полагается одно на 6 лѣтъ, а на содержаніе школьника по 3 копѣйки на день.—Ремесленное училище въ довольно хорошемъ, но худо содержанномъ зданіи; въ немъ до 60-ти и болѣе учениковъ, кои довольно хорошо работаютъ, особливо слесари и столяры.

Библиотека "Руниверс"

Городовая больница довольно хороша, но не велика, и строеніе старое и худо поддерживается. Домъ сумасшедшихъ отмѣнно хорошъ и хорошо содержанъ, равно и аптека. Вообще всѣ заведенія Приказа очень хороши; жаль только, штаты положены такіе, что никоимъ образомъ содержать ихъ какъ должно невозможно; однако, сумма Приказа довольно велика, ибо считается до 962,000 съ копѣйками, но изъ оной до 300,000 отдано въ займы».

«Полтавская губернія ставитъ на службу 9 козачьихъ полковъ по 1200 человѣкъ. Нынче они распущены. Они учреждены были въ 12-мъ году, и равно какъ и черниговскіе, въ мирное время не служатъ и никакой пользы не приносятъ» (послѣ того слѣдовали слова: «то становятся въ тягость губерніямъ, кои ихъ одѣваютъ», но Великій Князь зачеркнулъ ихъ).

«О сю пору при Харьковскомъ университетѣ обучающихся студентовъ 180, весьма мало для столь обширной округи; но должно замѣтить, что число оныхъ ежегодно увеличивается и что въ послѣдніе годы большая часть молодыхъ людей увлечены были войною въ военную службу предпочтительно наукамъ»...

«Для увеличенія торговли Одессы, столь полезной и важной въ нынѣшнее время, необходимо нужно было бы сдѣлать слѣдующія работы: 1) увеличить гавань и укрѣпить батареями, которыя бъ защищали какъ гавань, такъ и рейду; безъ этого гавань сія никогда не будетъ годна, и нынѣ даже среди лѣта опасна; 2) сдѣлать пространнѣе карантинъ, который, отъ большого числа кораблей, пассажировъ и товаровъ, никакъ не достаточенъ; 3) опредѣлить особый отрядъ или баталіонъ, который бы принадлежалъ къ гавани и къ карантину и содержалъ посты на приходящихъ корабляхъ, ибо нынѣ войска недостаточно. Касательно же торговли мнѣ случилось слышать отъ особъ, давно занимающихся одесскою торговлею, что ежелибъ можно было ее объявить вольнымъ портомъ (port franc), то не только городъ отъ того бъ выигралъ, но даже вся торговля Средиземнаго и Чернаго морей симъ бы была сосредоточена въ Одессу и сверхъ того почти совершенно вывозная; ибо иностранный товаръ, какъ то: сукна, шали, шелковыя матеріи и проч. отъ карантинныхъ разныхъ предостерегательныхъ способовъ приходятъ въ негодность, и потому вся ввозная торговля можетъ только состоять въ винахъ, сахарѣ и проч., и отъ того Одесса будетъ всегда первымъ вывознымъ россійскимъ портомъ, и тогда можетъ быть первымъ торговымъ портомъ въ Россіи».

Библиотека "Руниверс"

Природа Крыма очень понравилась великому князю, но не понравилось ея коренное населеніе: «Нѣтъ бѣднѣе и лѣнивѣе сихъ южныхъ татаръ», читаемъ въ журналѣ; «ибо какъ природа имъ все даетъ безъ дальнѣйшаго труда, то и нужды ихъ тѣмъ самымъ отмѣнно ограничены». Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «Еслибъ Крымъ былъ не въ татарскихъ рукахъ, то бъ былъ совсѣмъ другимъ. Тамъ, гдѣ помѣщики и переселенцы русскіе или малороссійскіе, то все иначе: и хлѣбъ есть и обширные сады,—словомъ, пользуются богатствомъ благословенной сей земли».

Нельзя не пожелать, чтобы путевые журналы В. Кн. Николая Павловича были изданы въ полномъ видѣ, такъ какъ, суда даже потѣмъ весьма скуднымъ отрывкамъ изъ нихъ, какіе пока напечатаны, можно составить уже понятіе, насколько это важный и любопытный матеріалъ по самому ихъ содержанію, независимо отъ личности автора.

. О. Л.

Черты характера гр. П. А. Румянцова. Въ одной рукописной повѣсти А. М. Марковича (1790†1865), издателя «Дневныхъ Записокъ» его дѣда Якова Марковича, мы встрѣтили слѣдующее мѣсто: «Въ часъ досуга онъ (одно изъ лицъ повѣсти) забавлялъ его милость (другое лицо повѣсти), разсказывая, напр., великолѣпное путешествіе императрицы Екатерины чрезъ Новгородсѣверское намѣстничество, какъ принималъ ея величество гр. Румянцовъ, какъ жилъ онъ въ своихъ готическихъ замкахъ въ Вишенькахъ и Ташанѣ, какъ мыши съѣли у него (Румянцова) 20 тысячъ ассигнацій, какъ въ разговорѣ называлъ онъ всѣхъ—батушка, какъ одного простодушнаго просителя увѣряли, будто графъ любитъ, чтобы его называли такъ-же, и какой отвѣтъ получалъ отъ графа проситель на это фамиліарное привѣтствіе; какъ графъ любилъ по окончаніи обѣда сидѣть часа по два за столомъ, часто къ большому затрудненію собесѣдниковъ, какъ спросилъ онъ однажды у г. Жоравки (Ив. Тим., генер. есаулъ и членъ малорос. коллегіи)—скажите, батушка, какая самая выгодная промышленность въ Малороссіи? и какъ тотъ отвѣчалъ: быть опекуномъ, ваше сіятельство! какъ портной Заика просилъ чина и какъ фельдмаршалъ потребовалъ, чтобы онъ сшилъ ему, не снимая мѣрки, мундиръ»... Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ приведенныя здѣсь подробности взяты Марковичемъ изъ разсказовъ лицъ, лично знавшихъ Румянцова, такъ какъ Марковичъ всю жизнь прожилъ около Глухова и въ

Библиотека "Руниверс"

своей молодости, конечно, зналъ многихъ современниковъ знаменитаго правителя Малороссіи. Относительно съѣденныхъ мышами ассигнацій можно сказать, что этотъ случай былъ очень возможенъ при томъ значительномъ скопленіи денегъ у Румянцова, какое у него, повидимому, бывало обыденнымъ явленіемъ. У насъ имѣется рукописный «Журналъ представленій его сіятельству г. генералъ-фельдмаршалу многихъ орденовъ кавалеру, сущему побѣдителю Отоманской имперіи», веденный въ 1792 г. однимъ изъ управляющихъ Румянцова—Подлузскимъ; въ этомъ «журналѣ» находимъ, напр., счетъ денегъ, имѣвшихся въ мартѣ 1792 г. въ Черешенкахъ, *въ кладовой*. Въ этомъ счетѣ значится:

1) «Пріемъ покойнаго Петра Мартыновича Юркевича: серебряныхъ—23681 р. 64 к.; золотыхъ империалами—830 р.; голландскихъ червоныхъ на 28 р. 50 к.; ассигнацій—46375 р.; мѣдныхъ—21277 р. 55 к.».

2) «Пріемъ флигель-адъютанта Данила Петровича Юркевича въ 1790 г.: ассигнацій на 41000 р., мѣдныхъ—3417 р.».

3) «Къ оному числу 1791 г. вступило: ассигнаціями—43155 р., мѣдными—5753 р.».

Вмѣстѣ съ тѣмъ показанъ, впрочемъ, и расходъ; ассигнацій въ расходѣ значится—24800 р.; слѣдовательно въ мартѣ 1792 г., въ Черешенской *кладовой* находилось ассигнацій на 105730 р.—При такомъ обиліи бумажекъ было чѣмъ и мышамъ поживиться...

А. Л.

Хозяйство гр. П. А. Румянцова. *(Донесеніе одного изъ его управляющихъ).* Извѣстно, что въ 1789 г. Румянцовъ фактически пересталъ быть правителемъ Малороссіи и поселился въ своемъ имѣніи Ташани. Тутъ онъ прожилъ безвыѣздно до самой смерти. Удалившись отъ дѣлъ, Румянцовъ тѣмъ не менѣе старался по возможности слѣдить за хозяйствомъ въ своихъ обширныхъ «экономіяхъ». У насъ имѣются свѣдѣнія о хозяйствѣ Румянцова въ слѣд. шести экономіяхъ: Гомельской, Топальской, Кочуровской, Вишенской, Лѣвицкой и Парафіевской. Въ каждой изъ этихъ экономій былъ особый управляющій, при чемъ въ Вишенкахъ сосредоточено было главное управленіе имѣніями. Въ 1792 г. Румянцовъ нашелъ нужнымъ поставить надъ всѣми этими управляющими особаго надзирателя или ревизора, въ лицѣ одного изъ Н.-Сѣверскихъ чиновниковъ надв. совѣтн. Осипа Подлузскаго;

Библиотека "Руниверс"

послѣдній былъ обязанъ, въ свободное отъ службы время, объѣзжать экономіи для подробнаго ихъ осмотра, о чемъ затѣмъ и доносилъ Румянцову въ Ташань. Одно изъ такихъ донесеній Подлузскаго объ осмотрѣ имъ, лѣтомъ, въ 1792 г., Кочуровской и отчасти Вишенской экономій и приводимъ здѣсь, какъ заключающее въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о хозяйствѣ и богатствахъ Румянцова въ черниговскихъ его имѣніяхъ.

«Случившіеся четыре свободные отъ присутствія 21, 22, 23 и 24 сего маія дни, къ великому моему удовольствію, употребилъ оные на поездку въ Кочуровку [1])... Тамъ пошелъ я съ Старцевымъ (управляющимъ Кочуровскимъ) вовнутръ большого дворца и нашелъ я въ господскихъ покояхъ желаемую чистоту; въ нижнемъ этажѣ на полу, въ залѣ, на двохъ брускахъ, стоитъ одинъ кожею обитый за замками и печатью Старцова сундукъ съ дорогими турецкими на лошадей попонами, уздами, саблями, кинжалами, пистолетами и прочими принадлежащими къ тому вещами; я велѣлъ отпереть сундукъ и всѣ вещи освидѣтелствовалъ; хотя и немалѣйшей сырости воздуха въ сундукѣ не было, но въ случившійся тогда хорошій день всіо приказалъ пересушить, и всѣ богатыя на сѣдлы покрывалы налагаемыя, видѣлъ въ совершеной цѣлости... Въ верхнемъ этажѣ большихъ покоевъ хранящуюся хрусталную посуду приказалъ перетереть и всю пиль очистить.—Въ круглой залѣ на потолокѣ показывается отъ дожжа течь и отъ оной въ местахъ почернѣло; кровля неминуемо требуетъ поновленія. Вышедши изъ большихъ покоевъ на лѣво, былъ я въ флигелѣ;—тамъ цѣлостно хранятся въ ящикахъ серебряныя, фарфоровыя и протчія разныя вещи, коихъ всѣхъ по описямъ не могъ я пересвидѣтелствовать, а толко наружно обозрѣлъ. На правую сторону большихъ покоевъ, въ погребѣ—разныя вины и ратафія въ пѣску, въ бутылкахъ, цѣлы; а кои въ ящикахъ, то иныя неполны бутылки, а иныя (какъ сказываетъ Старцовъ) полопались и сихъ послѣднихъ тамже и стекло разбитое хранится. Въ томъ же погребѣ и фаянсовая посуда лежитъ...

Близъ большого дома, въ прудѣ—карповъ много, но всѣ младыя, а у Черешенкахъ я ни одного карпа не увидѣлъ, видно зимой, не имѣя продуховинъ, задохлись. Въ аранжереѣ деревьевъ лимонныхъ, апелсиновыхъ и протчихъ родовъ съ плодами и цвѣтами, такъ же и разной для стола зелени изобилно, и огороды разными для стола

[1]) С. Кочуровка—въ глуховскомъ уѣздѣ; теперь—Кучеровка.

Библиотека "Руниверс"

и поварни сѣменами засажены и хорошо удобрены. Въ садахъ деревья яблоновыя и грушевыя отъцвѣли, и гусени обчищены, словомъ садовника, по моему малому знанію, нашолъ я въ должности исправнымъ. Огороды коноплями, а нивы яринными сѣменами засѣяны и рожъ на всѣхъ около Кочуровкѣ нивахъ обѣщаетъ богатую жатву. Заключаю бытіе мое въ Кочуровкѣ симъ, что управленіе тамошнимъ хозяйствомъ Старцова, имѣющаго страхъ и радѣніе къ добру господина, ни малѣйше меня не огорчило, а къ болшему его куражу обѣщалъ я испросить ему милость у в. сіятелства. Десятый уже годъ, опредѣленный отъ митрополита Кіевского въ Кочуровку, священникъ Антоній Голяховскій, есть человѣкъ благоговѣйный и въ своемъ званіи и должности прилѣжный и скромный. Онъ, устроивши тамъ домишокъ и все нужное, безмѣрно тревожится теперь, что нѣтъ ему утвержденія отъ соизволенія в. с—ва. Я навѣдывался о его состояніи у крестьянъ кочуровскихъ и у Старцева: всѣ единогласно доброе объ немъ говорятъ. Да и самъ преосвященный вчера приказалъ мнѣ доложить в. сіятелству, что сей священникъ заслуживаетъ по его добрымъ качествамъ быть въ Кочуровкѣ. А ежели соизволите и другого ково туда назначить, то хотя и исполнитъ преосвященный изволеніе в. с—ва, но сей добрій іерей въ обидѣ останется. (Сіи слова суть преосвященного).

При совершенной моей преданности и таковой же благодарности за премногія в. с—ва ко мнѣ милости, нижайше вторично прошу о подносителѣ сего Львѣ Лѣниковскомъ [1]). По сущей истиннѣ признаюсь, что ни отецъ его, ни онъ самъ и никто меня не просилъ рекомендовать в. с—ву. Но узнавъ о его добрыхъ качествахъ и охотномъ трудолюбіи, неимѣющаго притомъ покровителя и дарующаго насущный, осмѣлился отправить его при семъ, доволно зная и примѣтивъ, что и я, и мнѣ подобные, старые в. с—ва слуги, получивши и чины и пропитаніе, работаемъ не съ такимъ уже рвеніемъ и прилѣжностію, когда мы ничего не имѣли. А сей юностный—вѣрно не упуститъ употребить весь свой трудъ, чтобъ заслужить у великаго въ свѣтѣ героя, великихъ для себя милостей на будущое продолженіе своей полезной жизни. Чина хотя онъ и не имѣетъ, но позволяетъ законъ давать чинъ за науки. Вижу и примѣчаю и не могу посовѣсти не сказать, что Вишенское главное правленіе одно толко имѣетъ на себѣ именованіе, а ползы ни малѣйшей, хотя Данило Петровичъ и сидитъ съ

[1]) Сынъ Н.-Сѣверскаго протопопа.

Библиотека "Руниверс"

Кокоревымъ надъ мѣсячными, присылаемыми изъ другихъ экономій вѣдомостми. Я ему совѣтовалъ, что бумагу можво разсмотрѣть въ два дни, а протчія 28 каждаго мѣсяца дни—лучше употребить на обозреніе хозяйства и таковымъ частнымъ обозреніемъ дать примѣтить каждому прикащику держать ухо востро.—Тутъ то бы вся въ хозяйствѣ исправность получила лучшій видъ и ползу. Предъ симъ, въ послѣднюю мою бытность въ Черешенкахъ, былъ я трожды у Данила Петровича. Онъ мнѣ ни единаго слова про экономію не упомянулъ. Весма мнѣ чувствительно, что таково его молчаніе не отвѣчаетъ моему усердію и потому просплъ я его, чтобъ пожаловалъ ко мнѣ поутру. Тутъ то я расположился спросить у него наединѣ—почему многія сотни строевого лѣса отъ пилной машины по разнымъ рукамъ ищезли? Почему скирды сѣна въ чужую ползу послужили? (о всемъ мнѣ Домбровскій [1]) сказывалъ). Да еще желалъ я получить точное отъ Дан. Петр. обясненіе, какой ради причины мною въ Черешенскихъ денегъ, противу его вѣдомости собственнаго его пріема, нашолъ я лишнихъ 1066 р. съ копейками. Но на другой день вмѣсто посѣщенія его, услышалъ я отъ Домбровскаго, что уже онъ въ 5-мъ часу утра въ Коропъ уѣхалъ. И такъ я, чтобъ не просрочить, отехалъ къ моей должности въ Новгородъ. Касателно главноуправляющаго Дан. Петровича необходимо нужно аккуратный щотъ произвесть по всѣмъ документамъ пріема и расхода денегъ, и начавши оный не долженъ ни я безъ него, ни онъ безъ меня—въ кладовой быть до совершеннаго окончанія; тогда точно узнать можно справедливо ли говорятъ, что и въ Коропъ изъ Черешенекъ ассигнаціи препровождаются... [2]).

Упоминаемый здѣсь Данило Петровичъ Юркевичъ былъ сынъ подполковника Петра Мартыновича Юркевича, одного изъ адъютантовъ Румянцова. Послѣдній, будучи адъютантомъ, въ тоже время былъ и главноуправляющимъ имѣніями Румянцова. Въ это время онъ купилъ себѣ Кролевецкое село Рождественное (изъ имѣній генерала Штофельна), въ которомъ было тогда болѣе тысячи крестьянъ. П. М. Юркевичъ управлялъ имѣніями до своей смерти, а послѣ его смерти управленіе это поручено было его сыну Данилу Петровичу, при чемъ денежныя суммы сначала были въ завѣдываніи его матери Ирины

[1]) Вишенскій управляющій.

[2]) Точками обозначены опущенныя мѣста (не имѣющія интереса) въ письмѣ.

Библиотека "Руниверс"

Петровны (рожд. Лайкевичъ). Д. П. Юркевичъ раньше былъ «поручикомъ при штатной короповскаго уѣзда командѣ». Но позже онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Румянцова. Эту должность онъ сохранялъ и въ 1792 г. Во время управленія имѣніями Румянцова, Д. П. Ю--чъ купилъ имѣніе въ с. Гирявкѣ, конотопскаго уѣзда, которое потомъ досталось его—сыну Николаю и дочери Ульянѣ, по мужу Блохиной

А. Л.

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Изд. подъ ред. К. Я. Грота. Томы 2-й и 3-й. Спб. 1896. въ 8 д. л.

Мы уже говорили о первомъ томѣ этой интересной переписки, заключающей въ себѣ множество интереснаго матеріала, какъ о русской литературѣ 40-хъ годовъ, такъ и о людяхъ, стоявшихъ около нея. Вышедшіе теперь два тома этого изданія заключаютъ въ себѣ тоже много, хотя мелкихъ, но иногда очень характерныхъ фактовъ изъ исторіи тогдашняго общества и литературы.—Для насъ особенно интересны имѣющіяся въ этихъ двухъ томахъ «Переписки» свѣдѣнія о первыхъ шагахъ молодого въ то время г. Кулиша на литературномъ и общественномъ поприщѣ, при заслуженной поддержкѣ вліятельнаго ректора С.-Петербургскаго университета П. А. Плетнева.

Свѣдѣнія эти приводимъ здѣсь въ отрывкахъ изъ писемъ, обозначая при послѣднихъ—годъ, число и мѣсяцъ.

1845 г. 2—II. «Нѣкто Пантелемонъ Кулѣшъ изъ Кіева, авторъ историческаго, очень интереснаго романа (особенно по многочисленности фактовъ для исторіи Малороссіи) «Михайло Чарнышенко», прислалъ мнѣ пять главъ изъ новаго своего еще непечатаннаго романа: «Чорная рада». Его письмо и сочиненіе препровождены мнѣ Юзефовичемъ, помощникомъ кіевскаго попечителя, который рекомендуетъ мнѣ его, какъ человѣка и съ талантомъ, и съ благими намѣреніями».

— 22—VIII. «Въ нашъ университетъ понадобился для инородцевъ учитель русскаго языка... Я остановился на Кулѣшѣ, который прекрасно (какъ вижу по письмамъ) знаетъ языкъ и желаетъ служить въ Петербургѣ».

Библиотека "Руниверс"

— 7—XI. «На дняхъ жду Кулѣша. Мечтается мнѣ, что онъ сниметъ съ меня много заботъ по Современнику[1]. Его письма заставляютъ меня надѣяться, что онъ пойметъ мою систему и исполнитъ ее».

— 14—XI. «Пріѣхалъ Кулѣшъ. Я велѣлъ ему ко мнѣ перебраться до пріисканія квартиры. Обѣдаетъ и чай пьетъ онъ со мною, а работаетъ и спитъ въ моемъ кабинетѣ, что въ университетской канцеляріи. Милый молодой человѣкъ, интересный и наружностію, и чистотою души, и умомъ. У насъ онъ будетъ учить русскому языку инородцевъ, а служба его настоящая въ V гимназіи. Жалованья у насъ 1200, да тамъ 2250 р. ас... Въ 6 ч. гулялъ съ Кулѣшемъ,—онъ все мое принимаетъ за образецъ».

— 17—XI. «Еще вчера вечеромъ отправилъ я Кулѣша съ визитомъ къ Максимовичу[2], который знаетъ его, видѣвшись съ нимъ въ Кіевѣ, и любитъ, ибо и мнѣ хвалилъ его. Кулѣшъ благоговѣйно исполняетъ что я ни предложу ему. Я предсказалъ, что Максимовичъ на завтра позоветъ его къ обѣду, и научилъ какъ отвѣчать. Сегодня все и пошло, какъ по писанному».

— 18—XI. «Кулѣшъ прочиталъ послѣ всю мою критику на «Мертвыя души», это почти вся моя эстетика. Я стараюсь всю свою теорію передать Кулѣшу, чтобы у насъ не было разноголосицы, какъ съ Никитенкой.

— 19—XI. «Я очень озабоченъ былъ, такъ какъ сегодня Кулѣшъ долженъ былъ читать въ университетѣ первую лекцію... Онъ, написавъ ее, прочиталъ мнѣ. Я его, какъ могъ, настроилъ. Наконецъ, она сошла благополучно. Онъ такъ деликатенъ, что хотя утромъ для чаю, къ обѣду и вечеромъ для чаю же является ко мнѣ, но всякій разъ, такъ и спѣшитъ оставить меня, чтобы не быть въ тягости.

— 24—XI. «Ты очень вѣрно оцѣнилъ достоинство присланныхъ пьесъ. Думаю, что онѣ еще не вдругъ попадутъ въ печать. Кулѣшъ, до прибытія ихъ, далъ мнѣ въ отдѣлъ повѣстей большой отрывокъ изъ своей «Чорной Рады». Я и не согласился бы взять отдѣльный этотъ кусокъ, если бы онъ не представлялъ въ себѣ цѣлаго, очень занимательнаго предмета—«Кіевскіе Богомольцы въ XVII столѣтіи», сюжетъ для всѣхъ русскихъ очень любопытный, а тѣмъ болѣе для

[1]) Плетневъ въ это время издавалъ „Современникъ", затѣмъ, въ 1847 г., переданный имъ Некрасову и Панаеву.

[2]) Павелъ Петровичъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета.

Библиотека "Руниверс"

Малороссіи, гдѣ (какъ извѣстно Кулѣшу) много явится подписчиковъ, какъ скоро увидятъ, что «Чорная Рада» не прекращается въ Современникѣ. Это частію уже подтвердилось и теперь: кіевскій Писаревъ, прежде всѣхъ русскихъ, уже прислалъ деньги на 5 экземпляровъ Современника 1846 г.

— 21—XI. «Кулѣшъ молодой человѣкъ высокихъ нравственныхъ и религіозныхъ правилъ. Онъ мнѣ болѣе и болѣе нравится».

— 12—XII. «Обѣдалъ у П. Максимовича. И Кулѣшъ тамъ. Онъ замѣтилъ, что Максимовичъ страстенъ къ Малороссіи, ничего не изучивъ ни въ ея исторіи, ни въ литературѣ... Вмѣстѣ поѣхали къ Александрѣ Осиповнѣ» (Ишимовной).

1846 г., 23—III. «Вечеромъ были только Максимовичъ съ женою, Лакьеръ, Кулѣшъ да Гребенка».

— 1—V. «Я согласенъ, что Герцъ (К. К.) много для меня работаетъ, но тутъ есть особая причина: онъ изъ оттисковъ составляетъ для себя книгу: Историческій сборникъ. Ему многаго не достаетъ, чтобы ты и я, подавая ему руку, убѣжденными оставались, что она въ рукѣ нашего брата по уму, сердцу и вѣрованію. Вотъ Кулѣшъ— такъ высокій образецъ чувствованій и дѣлъ».

— 8—V. «Я согласенъ, что фенноманія покамѣстъ чистый вздоръ. Со временемъ она будетъ что нибудь значить, если въ высшемъ слою ослабнетъ шведоманія. Только, мнѣ кажется, и тогда это мѣсто должна занять руссоманія, какъ теперь въ Малороссіи, не смотря на усилія Кулѣша и жолчь Павла Максимовича. Въ государствѣ, образовавшемся изъ разноплеменныхъ народовъ, всегда одинъ господствуетъ съ языкомъ своимъ: это законъ природы и дочери ея исторіи».

— 14—V. «Въ воскресенье ровно въ 11 часовъ пріѣхалъ на дачу ко мнѣ Кулѣшъ. Я растолковалъ моему гостю, что въ нѣкоторые часы на дачѣ (какъ теперь, напримѣръ), надобно и гостямъ, и хозяину работать что нибудь. Вотъ, онъ выпросивъ у меня карандашъ и бумаги, сѣлъ у окна въ залѣ—и началъ срисовывать извѣстную тебѣ ветхую часовню нашу...»

— 22—V. «Потомъ я составилъ для Шахматова (товарищъ министра нар.-пр.) записку о Кулѣшѣ... Погодинъ прислалъ въ здѣшнюю цензуру отрывки Кулѣшевой «Рады», ибо тамъ ужасно портятъ цензора [1]).

[1]) Погодинъ писалъ Плетневу: „У Кулѣша отличный талантъ и смыслъ. Жаль что для разнообразія недостаетъ или не видать еще веселости. Спасибо вамъ, что

Библиотека "Руниверс"

— 25—V. «Погодинъ прислалъ Кулѣшу его отрывокъ изъ «Чорной Рады», печатающійся въ Москвитянинѣ, съ тѣмъ, чтобы здѣсь процензировать его, такъ какъ тамъ ужасно измарали цензора самыя невинныя мѣста. Вотъ Кулѣшъ и пріѣхалъ ловить Никитенку (цензора), который согласился на цензированіе не иначе, какъ бы это была не журнальная статья (такой онъ не въ правѣ цензировать), а отдѣльное сочиненіе».

— 7—IX. «Въ четвергъ было собраніе академіи... Читали о посылкѣ Кулѣша».

— 16—X. «Въ субботу я обѣдалъ у Балабина, что спасло меня отъ непріятной встрѣчи съ Краевскимъ у Максимовича, гдѣ обѣдалъ Кулѣшъ. Въ воскресенье вечеромъ у насъ, кромѣ Кулѣша, обѣдавшаго съ нами, и Савича, пришедшаго въ 10 часу, никого не было. Кулѣшъ у Александры Осиповны учится по англійски».

— 30—X. «Касательно славянщины я того мнѣнія, что прекрасную можно сдѣлать вещь, изучая памятники ея исторіи и литературы,—но не далѣе. Возгласы о томъ и о семъ—все это глупыя бредни. Я тоже совѣтую Кулѣшу и касательно Малороссіи. Кстати: его судьба рѣшена; онъ скоро уѣзжаетъ».

1847 г., 4—I. «Изъ Малороссіи Кулѣшъ писалъ мнѣ два раза: въ первомъ письмѣ объявилъ, что онъ уже помолвленъ, а во второмъ, что послѣ крещенья будетъ и свадьба его. Пока я думалъ, что Кулѣшъ уѣдетъ за границу женихомъ, то боялся за его успѣхи въ славянскихъ языкахъ. Теперь полагаю, что онъ дѣла свои исполнитъ, потому что ему не нужно будетъ тратить время на страстную переписку».

— 25—I. «Очень трудно сойтить съ нынѣшнею молодежью. Хотя бы отвергала она лжеученія, но самые термины ея отверженія обличаютъ, что она воздоена млекомъ ядоноснаго ученія. Кулѣшъ былъ какъ то спасенъ отъ всего».

1848 г. 10—I. «Мой пріятель (Кулишъ) изъ Тулы [1]) прислалъ мнѣ письмо, которымъ увѣдомляетъ, что, не бывъ въ состояніи исправлять должности (смотрителя больницы), возложенной на него военнымъ тамошнимъ губернаторомъ Крузенштерномъ, онъ подалъ

вы пріютили его, а въ Кіевѣ, который хотятъ русить и который не имѣетъ ни профессора русской исторіи, ни профессора русской словесности, нѣтъ ему мѣста! О, любезное отечество!

[1]) Гдѣ Кулишъ жилъ послѣ ареста въ 1847 г.

Библиотека "Руниверс"

ему прошеніе о чистой отставкѣ, въ намѣреніи жить хоть бѣдно, но независимо. Мнѣ это не понравилось, тѣмъ болѣе, что едва ли выпустятъ его изъ службы, а думать будутъ о немъ хуже. Такова логика юной Россіи».

1850 г., 7—Х. «Кулѣшъ ко мнѣ пишетъ, что тульскій губернаторъ поручалъ ему срисовать памятникъ на Куликовомъ полѣ, и что рисунокъ его былъ представленъ государю и великимъ князьямъ въ ихъ проѣздъ черезъ Тулу; всѣ остались довольны, но судьба его не улучшена. Онъ познакомился съ какимъ то помѣщикомъ, который военное поприще промѣнялъ на занятіе живописца и Кулѣшъ теперь преимущественно предался живописи, въ которой успѣваетъ».

1851 г., 10—Ш. «Кулѣшъ съ женою пріѣхалъ сюда искать службы.—Ему разрѣшено служить во всѣхъ министерствахъ, кромѣ нашего. Онъ ищетъ теперь должности у Киселева».

Въ этихъ же двухъ томахъ «Переписки» находится не мало свѣдѣній и о другомъ уроженцѣ Малороссіи—Ст. Ив. Барановскомъ, тогдашнемъ профессорѣ русскаго языка въ гельсингфорскомъ университетѣ. Барановскій уроженецъ г. Конотопа (р. 1818†1890) былъ извѣстенъ своею страстью къ изобрѣтеніямъ во всевозможныхъ областяхъ, начиная съ языка и кончая двигательными машинами и воздухоплаваніемъ... Особенно онъ много трудился надъ опытами по замѣнѣ пара, какъ двигателя, сжатымъ воздухомъ (De la pneumotion. Helsingfors. 1857). «Это была (говоритъ о немъ человѣкъ, хорошо его знавшій) оригинальная, недюжинная личность, въ которой богатыя природныя дарованія, къ сожалѣнію, парализовались отсутствіемъ выдержки характера и внутренней умственной дисциплины». Сынъ Ст. Ив. Барановскаго—Викторъ (род. 1846†1879) извѣстенъ, какъ изобрѣтатель скорострѣльной пушки, при опытахъ надъ которою онъ и погибъ.

А. Л.

Кіевъ и университетъ св. Владиміра при императорѣ Николаѣ I. 1825—1855. Изданіе университета св. Владиміра съ 16 свѣтопечатями и 2 цинкографіями. Кіевъ, 1896. (gr.-in-4. Стр. IV+100).

Это роскошное изданіе принадлежитъ къ разряду т. наз. юбилейныхъ (1896 г.—столѣтіе рожденія имп. Николая I и открытіе памятника ему въ Кіевѣ) и состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей; введенія—имп. Николай Павловичъ и его политическая идея» (стр.

Библиотека "Руниверс"

1—3), краткаго историческаго и топографическаго очерка Кіева до и при имп. Николаѣ I (4—50) и очерка исторіи университета до 1855 г. (50—100).

Изъ введенія узнаемъ, между прочимъ, что, служа предначертанной политической идеѣ «со всей энергіей, къ какой только была способна его державная, чисто государственная натура, Государь, однако-жъ, чутко понималъ своимъ инстинктомъ, что одной силы и могущества государственной власти еще мало для полнаго разрѣшенія русскимъ народомъ его историческихъ задачъ; что наука и искусство—великіе пособники въ этомъ дѣлѣ. Онъ былъ ихъ покровителемъ, меценатомъ въ истинномъ смыслѣ слова.—При немъ писали Пушкинъ и Гоголь, произведеніями которыхъ онъ наслаждался, относясь къ ихъ творцамъ съ родительской заботливостью. При немъ создавали свои картины Брюловъ и Ивановъ, а Глинка клалъ основаніе русской музыкѣ. При немъ въ лицѣ Полевого, Надеждина и Краевскаго зарождалась русская журналистика, вліяющая на общественное мнѣніе, а Бѣлинскій писалъ свои горячія талантливыя статьи. При немъ создана была Археографическая коммиссія, давшая возможность поставить русскую исторію на прочныя основы. Университетскимъ уставомъ 1835 года онъ поднялъ значеніе русскаго университета на такую высоту, на которой онъ никогда не стоялъ. При немъ министрами народнаго просвѣщенія были Уваровы, попечителями учебныхъ округовъ—Строгановы и фонъ-Брадке, на каѳедрахъ сидѣли Грановскіе и Соловьевы.—Явленіе это, конечно, не случайное: личность монарха, его вкусы и стремленія налагаютъ отпечатокъ на всю его эпоху, особенно у насъ въ Россіи. Процвѣтаніе русскаго университета, русской науки, русскаго искусства въ царствованіе русскаго Николая I въ значительной степени обусловливалось его личными свойствами» (стр. 2 и 3).

«Своей задачей въ юго-западномъ краѣ Императоръ поставилъ завершить возсоединеніе этой искони русской окраины, начатое Екатериной II. Но репрессивныя, дисциплинарныя мѣры, по глубокому инстинкту Государя, тутъ недостаточны: болѣе надежнымъ средствомъ онъ считалъ силы науки и образованія. Съ этою цѣлью онъ и создалъ университетъ св. Владиміра, озарившій свѣтомъ науки юго-западный край,—свѣтомъ, при блескѣ котораго должно исчезнуть все ложное и фальшивое,—а возсіять должна правда, истина и добро» и т. д. (стр. 3).

Въ какой мѣрѣ озареніе края свѣтомъ науки и возсіяніе правды, истины и добра имѣли мѣсто въ связи съ учрежденіемъ университета

Библиотека "Руниверс"

св. Владиміра—подробно показано въ капитальномъ трудѣ г. Владимірскаго-Буданова: «Исторія императорскаго университета св. Владиміра», первый томъ котораго, именно посвященный времени импер. Николая Павловича, вышелъ въ 1884 году. Книга эта, несмотря на нѣкоторыя неизбѣжныя умолчанія и недомолвки, даетъ богатый матеріалъ для безпристрастнаго сужденія о положеніи университетской науки того времени и характерѣ ея дѣятелей. Свести этотъ матеріалъ (болѣе 700 страницъ), на протяженіи 50 страницъ разсматриваемаго изданія представляло задачу, безъ сомнѣнія, не легкую. Этимъ, конечно, должно объяснить нѣсколько внѣшнее впечатлѣніе, которое производитъ набросанный легкими штрихами очеркъ исторіи университета въ иллюстрированномъ университетскомъ изданіи 1896 года. Справедливость требуетъ сказать, что изданіе это не притязаетъ на научное значеніе. Заслуга его въ томъ, что оно способно возбудить интересъ къ предмету и заставить любознательнаго читателя обратиться къ трудамъ покойнаго Шульгина и г. Владимірскаго-Буданова. Разумѣется, ничего новаго настоящее изданіе не даетъ читателю да и не задается, повидимому, этою цѣлью. Для любителей легкаго чтенія книга представляетъ значительный интересъ. На ряду съ шеренгой именъ, датъ и цифръ читатель встрѣтитъ здѣсь нѣсколько глубокопоучительныхъ разсказовъ или воспоминаній, картинно воспроизводящихъ духъ эпохи, столь значительно разнствующій отъ духа новаго времени и въ то же время значительно къ нему приближающійся и родственный.

При всѣхъ очерченныхъ выше достоинствахъ этой половины новаго юбилейнаго изданія, которое въ фактической части своей отличается значительнымъ безпристрастіемъ, нельзя не указать и на нѣкоторые, неизбѣжные впрочемъ, недостатки ея. Главный изъ нихъ—неравномѣрность въ расположеніи матеріала. Данныя, сведенныя г. Владимірскимъ-Будановымъ въ третьемъ раздѣлѣ его книги (с. 529—662), который носитъ названіе: «Реакціи», т. е. 1849—1855 г. г., недостаточно оттѣнены во второй половинѣ изданія, какъ бы выпали изъ нея, что, безъ сомнѣнія, должно отнести не столько къ недостатку безпристрастія, сколько къ поспѣшности составителя, объясняемой причинами случайными. При томъ же, духъ человѣческій естественно склоненъ болѣе останавливаться въ прошедшемъ на картинахъ блестящихъ и явленіяхъ утѣшительныхъ, лишь оттѣняя ихъ тѣми неизбѣжными stubborn facts, которые слишкомъ громко заявляютъ о своемъ существованіи. Невполнѣ удобовразумительнымъ представ-

Библиотека "Руниверс"

лается намъ разсказъ о бѣдѣ, что «стряслась (надъ университетомъ въ 1847 г.) по поводу основаннаго въ Кіевѣ славянскаго (тайнаго) общества Кирилла и Меѳодія, которое задавалось разными неудобоисполнимыми проектами, по части внѣшней и внутренней политики» (стр. 77). Если общество, «существовавшее три мѣсяца въ умѣ трехъ ученыхъ мечтателей», можетъ быть названо тайнымъ обществомъ, то опредѣленіе понятія о тайномъ обществѣ дѣлается весьма затруднительнымъ. Въ популярномъ изданіи не слѣдовало бы воспроизводить понятія столь смутныя и почти необъяснимыя. Мы предпочитаемъ думать, что кирилло-меѳодіевское общество вовсе не было основано, а слѣдовательно и не существовало.

Очеркъ исторіи университета заключается слѣдующими словами: «быть можетъ, не все, что сдѣлано императоромъ Николаемъ Павловичемъ для Кіева, устоитъ предъ всесокрушающимъ дѣйствіемъ времени; но вѣримъ, что этого не можетъ случиться съ тѣмъ свѣточемъ науки, который зажженъ имъ въ этомъ краѣ. Онъ не угасъ въ тяжкую годину сомнѣній въ пользѣ высшей науки; не былъ заглушенъ бурями послѣдующихъ политическихъ переворотовъ. Здѣсь именно императоръ Николай I воздвигъ себѣ памятникъ «чудесный вѣчный»; «къ нему не заростетъ народная тропа» (стр. 100).

Предложенный въ настоящемъ изданіи очеркъ исторіи г. Кіева (стр. 4—50) представляетъ добросовѣстную сводку историческихъ, топографическихъ и частью статистическихъ данныхъ для внѣшней и внутренней исторіи нашего города до и при имп. Николаѣ I. Ограниченность мѣста, вѣроятно, не позволила дать исторической сводкѣ нѣсколько болѣе связный характеръ, внесла въ нее нѣкоторую разбросанность. Тѣмъ не менѣе, эта часть книги читается съ значительнымъ интересомъ и удовлетворяетъ своему назначенію. Нѣсколько рискованнымъ представляется обобщеніе (стр. 15), въ силу котораго имп. Павелъ I, будто бы «льготилъ историческимъ особенностямъ окраинъ», «какъ бы (?) стремился въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ возстановить польскія традиціи, навязанныя краю». Въ концѣ этого историческаго очерка находимъ слѣдующія прочувствованныя слова: «Граждане возрожденной матери городовъ русскихъ, мы должны тщиться сдѣлать нашъ городъ достойнымъ этого славнаго нарицанія. А въ сердцахъ своихъ мы навсегда должны запечатлѣть образъ Императора, преисполненнаго любви къ Россіи и заботъ о ея благѣ. Да напоминаетъ онъ намъ, что въ нашемъ Кіевѣ зарождалась національность и воплощающее ее русское государство, и что нашъ

Библиотека "Руниверс"

Кіевъ, гордый своимъ прошлымъ, долженъ и въ будущемъ быть свѣточемъ для всей русской земли, которой онъ долженъ подавать примѣръ самоотверженнаго служенія великому принципу, провозглашенному имп. Николаемъ Павловичемъ; принципу православія, самодержавія и народности».

Фототипіи, цинкографіи и виньетки, помѣщенныя въ книгѣ, исполнены превосходно, и вообще внѣшность изданія производитъ пріятное впечатлѣніе.

Н. М.

Акты, издаваемые Виленской Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIII. Акты Холмскаго гродскаго суда. Вильна. 1896. in.-4. Стр. CCXV,+399 и двѣ таблицы снимковъ автографовъ.

Настоящій томъ, говорится въ предисловіи, служитъ продолженіемъ изданнаго въ 1892 году XIX тома и заключаетъ въ себѣ документы холмскихъ судебныхъ книгъ съ 1604 по 1691 г., т. е. съ начала епископствованія Арсенія Андреевскаго до кончины епископа Августина Лодзяты.

Изъ послѣднихъ словъ уже ясно, что томъ этотъ посвященъ исторіи церкви, собственно борьбѣ православія съ католицизмомъ и уніей и подавленію послѣдними перваго; театромъ борьбы служили Холмская и Белзская земли. Изданіемъ такого тома въ текущемъ году, трехсотомъ со времени провозглашенія уніи на Брестскомъ соборѣ, «въ виду торжественнаго празднованія и славословія уніи въ австрійской Руси», Виленская археографическая коммиссія желаетъ показать «настоящую правду, основанную не на тенденціозныхъ выдумкахъ, а на судебныхъ документахъ старой Польши» и тѣмъ подорвать «идеализацію уніи съ неизбѣжнымъ обманомъ и ложью, имѣющими цѣлью заманить въ іезуитскую западню еще тѣ православные народы, которые не испытали на себѣ послѣдствій соединенія съ Римомъ». Съ этой цѣлью авторъ «Предисловія» г. В. Площанскій излагаетъ исторію борьбы православія съ католицизмомъ и уніей по біографіямъ «управляющихъ холмско-белзской епархіей съ 1604—1691 г.», уніатскихъ и православныхъ епископовъ, вводя въ эти біографіи тѣ факты ихъ частной и общественной жизни, которые заключаются

Библиотека "Руниверс"

въ актахъ разсматриваемаго тома. Наибольшій объемъ, интересъ и значеніе имѣетъ біографія Меѳодія Терлецкаго (1630—1649 г.г.). Далѣе слѣдуютъ отдѣльныя статьи: «Уніатскій женскій монастырь въ Холмѣ», «Уніатская гимназія въ Холмѣ», Свѣдѣнія объ «имѣніяхъ холмской православной (послѣ уніатской) каѳедры». За отдѣльными статьями помѣщена статья, посвященная «Римско-католическому духовенству холмской епархіи XVII в.», собственно высшему: бискупамъ и суфраганамъ; въ ихъ біографіяхъ онъ также, какъ и въ біографіяхъ епископовъ, располагаетъ въ хронологическомъ порядкѣ факты, извлеченные изъ заключающихся въ томѣ документовъ; далѣе авторъ касается исторіи «имѣній Холмской римско-католической епископіи», «римско-католическаго монашества со школами въ Холмѣ», «Десятины», которая платилась въ пользу католическаго духовенства, и, наконецъ, «нѣкоторыхъ рѣшеній Холмскихъ сеймиковъ 1636—1681 г.г.», рѣшеній, имѣвшихъ предметомъ борьбу исповѣданій. Таково содержаніе «предисловія», представляющее собою, какъ мы говорили выше, систематическій сводъ актовыхъ данныхъ. Всѣхъ актовъ въ настоящемъ томѣ—352, и по содержанію они представляютъ большой интересъ не только для исторіи церкви, но и политическихъ событій 1648—1657 г.г., насколько тѣ событія могли отразиться на далекой окраинѣ Руси.

Къ актамъ приложены двѣ таблицы снимковъ автографовъ, изъ коихъ заслуживаютъ вниманія тѣ, которые принадлежатъ наиболѣе извѣстнымъ дѣятелямъ края: митрополитамъ, епископамъ, игуменамъ. Въ концѣ тома имѣются обычные личные и географическіе указатели.

И. Каманинъ.

Древнѣйшій планъ города Кіева 1638 года. Издалъ Б. И. Ханенко. Кіевъ. 1896 [1]).

Изданіе г. Ханенка представляетъ точное воспроизведеніе (facsimile) извѣстныхъ плановъ кіевскихъ пещеръ и кіевопечерской лавры съ частью г. Кіева, приложенныхъ Кальнофойскимъ къ его «Тера-

[1]) Настоящая рецензія была доставлена въ редакцію раньше, чѣмъ въ мѣстныхъ газетахъ (Кіевлянинъ № 322) появился отчетъ о засѣданіи церковно-археологическаго общества, въ которомъ помѣщенъ отзывъ пр. Голубева объ изданіи г. Ханенка. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

тургимѣ»; къ чертежамъ приложены объясненія ихъ изъ книги Кальнофойскаго (въ русскомъ переводѣ) и предисловіе (никѣмъ не подписанное). Изданіе чрезвычайно изящное и роскошное. Книга, сколько намъ извѣстно, издана въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, предназначенныхъ для разсылки извѣстнымъ учрежденіямъ и лицамъ; въ продажу поступило нѣсколько экземпляровъ по необыкновенно высокой цѣнѣ (10 рублей).

О значеніи плановъ Кальнофойскаго распространяться нѣтъ надобности; оно извѣстно всякому, интересующемуся исторіею Кіева, и перепечатка ихъ несомнѣнно будетъ встрѣчена сочувственно всѣми любителями старины. Но настоящее изданіе представляетъ одну особенность, на которую нельзя не обратить вниманія. Къ третьей таблицѣ (планъ Лавры и части Кіева) приложено на отдѣльномъ листѣ en regard *обратное изображеніе* нѣкоторыхъ частей плана. Объясненіе этой особенности находимъ въ предисловіи. Анонимный авторъ, упомянувъ о противорѣчивыхъ выводахъ, дѣлаемыхъ изъ плана Кальнофойскаго различными изслѣдователями, продолжаетъ: «Наконецъ, въ исходѣ прошлаго 1895 года, профессоръ Н. И. Петровъ нашелъ, что подлинный первоначальный планъ Кальнофойскаго, самъ по себѣ довольно правильный и точный, искаженъ былъ при гравированіи, въ которомъ участвовало не менѣе двухъ граверовъ (?). Первоначальный граверъ вырѣзалъ первую и вторую таблицы плана т. е. планы дальнихъ и ближнихъ пещеръ, и награвировалъ на третьей таблицѣ самый Печерскій монастырь, а также Кіевоподолъ и замковую, нынѣ Флоровскую гору, какъ крайніе пункты плана (?). По крайней мѣрѣ (?) все это награвировано правильно. Но этотъ граверъ почему-то не догравировалъ третьей таблицы, которая восполнена и докончена какимъ-то другимъ неопытнымъ граверомъ, вырѣзывавшимъ недостававшее противъ чертежа на гравировальной доскѣ такъ, какъ онъ представлялся его глазамъ, а не наоборотъ, какъ бы слѣдовало. Вслѣдствіе этого, при оттискѣ на бумагѣ, вырѣзанныя имъ части плана вышли въ извращенномъ видѣ, и ихъ слѣдуетъ разсматривать и изучать съ оборотной стороны. Въ такомъ извращенномъ видѣ награвированы на третьей таблицѣ Никольскій монастырь и Старый городъ. Можетъ быть, вслѣдствіе такого искаженія плана, онъ изъятъ былъ изъ обращенія и не приложенъ къ большинству экземпляровъ «Тератургимы» Кальнофойскаго, почему и дошелъ до насъ чуть ли не въ единственномъ экземплярѣ. Настоящее изданіе имѣетъ въ виду дать средства къ возстановленію подлиннаго плана о. Кальнофойскаго».

Библиотека "Руниверс"

Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ приведенными въ цитированномъ отрывкѣ мнѣніями пр. Петрова. Не говоря о томъ, что самое предположеніе пр. Петрова представляется чрезвычайно натянутымъ (какимъ образомъ граверъ могъ вырѣзать въ обратномъ видѣ *часть* плана, которая должна составлять продолженіе уже награвированнаго рисунка?), лучшимъ опроверженіемъ догадокъ г. Петрова можетъ служить расположеніе зданій на спорныхъ участкахъ плана. Если принять предлагаемыя г. Петровымъ поправки, то Никольскій монастырь долженъ находиться у самой ограды К.-П. лавры, а Софійскій соборъ—долженъ представлять крайнее зданіе Стараго Кіева по направленію къ Днѣпру; дальше отъ Днѣпра лежитъ будто бы Михайловскій монастырь, церкви св. Василія и св. Симеона и замокъ на Киселевкѣ; между Софійскимъ соборомъ и Днѣпромъ находится рядъ пустынныхъ холмовъ, покрытыхъ кое-гдѣ лѣсомъ. Всякому сколько нибудь знакомому съ топографіею современнаго Кіева, ясна ошибочность подобныхъ предположеній: Никольскій монастырь (Аскольдова могила) удаленъ отъ Лаврской ограды по крайней мѣрѣ на пол-версты; Михайловскій монастырь, церкви св. Василія (Трехсвятительская) и Симеона (Андреевская?) находятся надъ обрывомъ, обращеннымъ къ Днѣпру; на той же линіи, но нѣсколько дальше отъ Днѣпра надъ Подоломъ лежитъ Киселевка; между Софійскимъ соборомъ и обрывомъ расположена древнѣйшая часть Стараго Кіева; холмы же, изображенные на планѣ, находились за Золотыми воротами.

Итакъ, мы рѣшительно не можемъ принять рекомендуемыхъ предисловіемъ поправокъ къ плану Кальнофойскаго. Не можемъ мы согласиться и съ высказаннымъ въ предисловіи мнѣніемъ, что большое полуразрушенное зданіе съ покосившимся крестомъ представляетъ «дворецъ князей Олельковичей противъ Никольскаго монастыря». Не знаемъ, почему авторъ предисловія предполагаетъ существованіе у Никольскаго монастыря дворца Олельковичей, которые жили въ замкѣ на Киселевкѣ. Что же касается загадочнаго строенія, то объясненіе даетъ ему самъ Кальнофойскій: «43) дорогою на сѣверозападъ идемъ черезъ погостъ Спасскій, т. е. мимо церкви Преображенія Господня (ее построилъ изъ камня св. Владиміръ, но стѣны ея теперь едва стоятъ, мусоръ покрылъ всю землю)». Наконецъ, не можемъ не отмѣтить еще одной ошибки предисловія: авторъ полагаетъ, что планъ Кальнофойскаго былъ перепечатанъ Закревскимъ.

Не смотря на всѣ указанные недостатки, изданіе г. Ханенка, представляетъ большой интересъ для занимающихся исторіею Кіева.

Библиотека "Руниверс"

Планъ Кальнофойскаго, какъ справедливо замѣчено въ предисловіи «извѣстенъ больше по переизданію его кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ въ его «Описаніи кіево-печер. Лавры» 1826 г.». Точное воспроизведеніе этого плана, подающаго поводъ къ столь разнообразнымъ толкованіямъ, дѣлаетъ его болѣе доступнымъ для изслѣдованія. Желательно только, чтобы изданіе было повторено въ большемъ количествѣ экземпляровъ и продавалось по болѣе доступной цѣнѣ.

В. Щербина.

Поправка. Въ апрѣльской книжкѣ „Кіевской Старины“ за текущій годъ на стр. 56-й, въ статьѣ В. В. Лапина „Харьковское Общество благотворенія“, въ примѣчаніи къ эпиграфу 2-й главы вкралась слѣдующая опечатка (пропускъ строки): *вмѣсто* словъ „Девизъ этотъ представляетъ и т. д.“—*нужно читать* „Девизъ этотъ, *принадлежащій перу Державина, былъ принятъ обществомъ послѣ, того, какъ нѣкоторыми членами было забраковано стихотвореніе, которое* представляетъ и т. д.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ г. Кіева поступило въ продажу
НОВОЕ ИЗДАНІЕ КІЕВСКОЙ КОМИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ:

О Кіевской старинѣ. Два чтенія. Составилъ В. Щербина. Изд. 2-е испр. и дополненное, съ 6 рисунками. Уч. Ком. М. Н. П. допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. Цѣна 15 к.

Пріобрѣтающіе непосредственно отъ Коммиссіи въ количествѣ не менѣе ста экземпляровъ пользуются уступкою 30%, при покупкѣ не менѣе 500 экземпляровъ—40%. Пересылка на счетъ покупателя, но пріобрѣтающіе не менѣе тысячи экземпляровъ пользуются безплатной пересылкой. Съ требованіями обращаться къ члену Правленія комиссіи нар. чтеній Владиміру Ивановичу Щербинѣ (Печерскъ, Рыбальская ул., № 14). На тѣхъ-же условіяхъ продаются слѣдующія изданія Комиссіи:

1) **Слѣпушкина.** О томъ, какъ Богданъ Хмѣльницкій освободилъ Украйну отъ польской неволи. Изд. 4-е. Цѣна 15 к.

2) **Андріевскаго.** Первый русскій книгопечатникъ. Изд. 3-е. Цѣна 5 к.

3) **Его-же.** Крымъ и крымскіе татары. Изд. 3-е. Цѣна 10 к.

4) **Его-же** В. А. Жуковскій. Біографическій очеркъ. Изд. 2-е. Цѣна 5 к.

Первыя три названія одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. какъ для школъ, такъ и для публичныхъ народныхъ чтеній, а четвертое—только для школъ.

Библиотека "Руниверс"

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1897.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что, въ общемъ дастъ, гг. подписчикамъ—

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

1) еженедѣльный, семейный художественно-литературный журналъ

52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. 52

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается: 1. 52 нумера—«Хроника событій за недѣлю».—II. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

съ картинами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ,

отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками

(ПО ОБРАЗЦУ ДОРОГИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНІЙ).

2) ежемѣсячное литературное приложеніе

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы русскихъ и иностранныхъ пи-

Библиотека "Руниверс"

сателей, а также стихотворенія научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Ежемѣсячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами) изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

Для 52 нумеровъ «Живописное Обозрѣніе» и книгъ, пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей.

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ.—Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, І. І. («Максимъ Бѣлинскій») «Ясное утро». Большой романъ—Случевскій, К. К. «Мой дядя». Разсказъ.—Чеховъ, А. П. «Контрабандисты», больш. ром.—Голицынъ, Д. П. князь «Муравлинъ») «Рѣзанновы». Ром. изъ больш. свѣта.—Гнѣдичъ, П. П. «Чужое». повѣсть.—Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ. К. М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой разсказъ.—Тихановъ. В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ. И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева) «Любимица», повѣсть.—Величко, В. Л. «Принципы», разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть.—Мережковскій, Д. С. «Святой городъ», повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть.—Тангіева Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ, В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ», бол. ром.—Ѳедоровъ, А. М. «Въ степи», бол. ром.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», ром. Чюмина, О. Н. «Злыя чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.—Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣсть.—Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калхаисъ», повѣсть.—Ежовъ, М. Н. «Случайные гости» повѣсть.—Меньшиковъ Н.—«Игра судьбы», романъ. Н. «Игра судьбы» ром.—Уманецъ, Е. О. »За что?», повѣсть. Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло» разсказъ.—Якунинъ-Захарьинъ, И. Н. «Сноха» разсказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка», разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая» разсказъ—Майковъ, М. «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Иловайскій, П. І. «Дочь ростов-

Библиотека "Руниверс"

щика», романъ —Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣки», повѣсть.—Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳанасьевъ, И. И. «Позорное наслѣдство», романъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

На годъ съ доставкой и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р.—въ Москвѣ **7** р. **75** к.

На полгода (съ доставкою по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—За границу: на годъ—16 р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою)—одинъ рубль. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается безплатно.

3—2

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета 1897.
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

◆ ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ И ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ. ◆

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на зеленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ помѣщаются романы повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

2) Двѣнадцать нумеровъ «Моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ».

3) Стѣнной календарь разсылается, какъ прибавленіе, при первомъ нумерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ числѣ 52-хъ безплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 г., получатъ:

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя

А. МИХАЙЛОВА—„ГРѢХИ ПРОШЛАГО".

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р.—На три мѣс. 2 р.—На одинъ мѣс. 1 р.

Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА"

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.

4 Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества. 2

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): На годъ 4 рубля. На полгода 2 рубля. На три мѣсяца 1 рубль.

Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества", въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

Новый большой художественный альбомъ—

„Библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Доре"

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной оберткѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) 1 руб. 50 коп. Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты

Библиотека "Руниверс"

Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аѳонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ рубль. Безъ доставки—75 коп.

Главная контора: Спб. Кіевскій пр., У аничкина моста д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—2

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
на 1897 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи: отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченіе изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

3—2

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-Петербурскія Вѣдомости“

въ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.			Съ казенными приб.		
	на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	на годъ.	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р.— к.	9 р.— к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р.— к.	10 р.— к.
Съ пересылкою иногородн.	17 р.— „	10 „— „	5 „ 50 к.	2 „ — „	19 „ — „	11 „ — „
За границу	26 „ — „	14 „— „	8 „ — „	3 „ — „	28 „ — „	16 „ — „

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА“

въ 1897 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціей проф. В. Н. Латкина.

Отдѣлы журнала: 1) оригинальныя статьи, 2) хроника—законодательства, гражданскаго, и уголовнаго суда, экономическое и земское обозрѣнія, 3) критика и библіографія, 4) замѣтки и извѣстія, 5) приложенія.

Въ теченіе 1896 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Дриля—Цѣлесообразна-ли современная ссылка въ качествѣ карательной мѣры; проф. В. Ивановскаго—Общія начала въ

Библиотека "Руниверс"

устройствѣ губернскихъ властей; В. Каткова—Чекъ; М. Левитскаго—Къ вопросу о законахъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства: проф. А. Александренка—Тайный надзоръ за дипломатами въ XVIII в.; И. Кашкарова—Къ вопросу объ улучшеніи служебнаго быта кандидатовъ на судебныя должности; П. Коробки—Замѣтки мироваго судьи; проф. А. Гольмстена—Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права; А. Левенстима—Докторъ Гроссъ и его проектъ улучшенія слѣдственной части; О. Пергаментъ—Новые австрійскіе проекты гражданскихъ процессуальныхъ законовъ; Н. Водовозова—Католическая школа въ политической экономіи; И. Баралевскаго—О судопроизводствѣ въ Пріамурскомъ краѣ: Я. Городыскаго—Практика судебно-административныхъ учрежденій; Е. Васьковскаго—Недостатки устава гражданскаго судопроизводства; проф. В. Даневскаго—О необходимости преподаванія судебной медицины юристамъ; проф. В. Лебедева—Націонализація земли и поземельная реформа; А. Тимофеева—Условное освобожденіе; Н. Максимова—О реформѣ судебныхъ учрежденій въ степныхъ областяхъ; А. Лонгинова—Слабыя стороны проекта уголовнаго уложенія; А. Башмакова—Право представленія и поколѣнное преемство; И. Озерова—Сравнительная преступность половъ; А. Дукмасова—О надзорѣ за привлеченіемъ къ отвѣтственности; Г. Вольтке—Объ указной долѣ овдовѣвшаго супруга; К. Дворжицкаго—Бродяги и законъ; В. Волжина—Процессуальный порядокъ уменьшенія наказаній по степенямъ; Н. Дружинина—Крестьяне и общее гражданское право; проф. Загоровскаго—Къ вопросу о пересмотрѣ нашего судебнаго права; Н. Полетаева—Граница уголовной отвѣтственности душевнобольныхъ Ф. Клинберга—къ вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія; В. Волжина—Законы, карающіе нарушенія постановленій о лѣсахъ; М. Левитскаго—По поводу 6-ой статьи устава о цензурѣ; проф. П. Суворова—Монастыри и церкви, какъ юридическія лица; А. Лонгинова—Недостатки законоположеній о надзорѣ за судебными установленіями; М. Левитскаго—О судебной карьерѣ; Б. Боуффала—О пропинаціонномъ правѣ; М. Мыша—О личномъ цензѣ для участія въ городскихъ выборахъ; С. Саблера—Къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ; В. Ефимова—О послѣднемъ проектѣ межеваго устава; К. Чихачева—Объ юридической силѣ кассаціонныхъ рѣшеній; А. Леонтьева—Юридическое положеніе мѣщанъ въ отношеніи къ домамъ въ городахъ; В. Каткова—Заключеніе договоровъ при посредствѣ электричества; В. Гессена—О прекращеніи подданства; Н. Полетаева—Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторженію брака; Л. Бѣлецкаго—Замѣчанія на проектъ уголовнаго уложенія; М. Ретвиха—По поводу статей 173—175 мироваго устава; З. Корсака—Новыя работы по вопросу о первичной поземельной собственности: В. Волжина—Розыскъ обвиняемыхъ чрезъ публикаціи; В. Кобцева—къ вопросу о слабой уголовной репрессіи суда присяжныхъ; В.

Библиотека "Руниверс"

Акимова—Патронатъ; Д. Никольскаго—XVI-ая сессія института международнаго права и мн. др.

Цѣна за годовое изданіе:

Въ СПБ. безъ доставки . . . . . 8 р.
Съ доставкою . . . . . 8 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города . . 9 р.

Подписчики, желающіе получать сверхъ того рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой и пересылкой 13 р. Подписка на рѣшенія отдѣльно, безъ журнала, стоитъ 4 р. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности, равно и учащіеся пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т. е., 4 р. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассаціонными рѣшеніями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (СПБ. Новоисаакіевская улица, д. № 14, кв. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ проф. *В. Н. Латкинъ.*

3—1

Годъ въ 1897 году третій

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1897 г.

I. Узаконенія и распоряженія правительства.
II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министерства Юстиціи.
III. Циркулярныя распоряженія Министерства Юстиціи.
IV. Свѣдѣнія о занятіяхъ Высочайше утвержденной Коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части.
V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи преимущественно въ области судоустройства, уголовнаго права и судопроизводства, гражданскаго права и судопроизводства, торговаго права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу.
VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.
VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библіографическій указатель юридической литературы русской и иностранной

Библиотека "Руниверс"

VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.

IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» 1894—1896 г.г. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ:—Н. И. Архангельскаго, Н. И. Барковскаго, А. П. Башилова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. М. Бобрищева-Пушкина, Л. С. Бѣлецкаго, Е. В. Васьковскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю. Витте, кн. В. А. Волконскаго, А. К. Вульферта, Н. Н. Галкина-Враскаго, А. Г. Гасмана, М. Е. Гегидзе, В. М. Гессена, С. К. Гогеля, И. М. Гордона, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. Г. Гусакова, В. В. Давыдова, В. П. Даневскаго, В. Ѳ. Дейтриха, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, М. А. Дьяконова, Я. К. Есиповича, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго, К. П. Змирлова, Н. И. Ивановскаго, Д. Д. Иванова, П. А. Ифланда, А. И. Каминки, Н. П. Карабчевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдиновскаго, А. А. Левенстима, А. О. Линскаго, А. В. Лихачева, В. И. Лихачева, П. А. Логанова, М. А. Лозина Лозинскаго, А. И. Лыкошина, П. Н. Миклашевскаго, Р. Р. Минцлова, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, Э. Э. Пирвица, А. Ф. Поворинскаго, К. З. Постовскаго, Н. Г. Принтца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. Фонъ-Резона, Н. Ф. Селиванова, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, И. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, М. С. Студентскаго, А. Т. Тимановскаго, А. Г. Тимофѣева, С. Н. Трегубова, Н. А. Тува, Д. В. Туткевича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, И. Я. Фойницкаго, А. Г. Чайковскаго, Г. Ф. Шершеневича и др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Библиотека "Руниверс"

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій.*

3—1

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1897 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

Библиотека "Руниверс"

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Учебные труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1897 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб., сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или посредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ.*

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII).

Въ 1896 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между, проч., напечатано: «Карьера Струкова» Пов. Эртелл. «О Развитіи Русскаго Народнаго Хо-

Библиотека "Руниверс"

зайства» Проф. К. Исаева. «Трильби». Ром. Ж.-дю-Морье. «Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго». «Любовь и ревность у дѣтей» Д-ра В. Якубовича, «Въ дудкѣ» Пов. Вас. Немировича-Данченко. «О направленіяхъ современной Эстетики» Э. Радлова. «Quo Vadis» Ром. Ген. Сенкевича. «Воспоминанія о А. И. Герценѣ» Н. Тучковой Огаревой. «Любовь» ром. О. Шапиръ. «Наслѣдственность пола» Е. Чижова. «Въ капканѣ» Пов. П. Боборыкина. «Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго» М. Чайковскаго. «Двѣ новеллы: a) «Наука любви и b) Любовь сильнѣе смерти» Д. Мережковскаго. «Новѣйшая испанская литература» Проф. А. Шепелевича. «Зеркала» Пов. З. Гиппіусъ. «Сѣверный полюсъ и путешествіе Нансена» М. Венюкова. «Фридрихъ Ницше» Оч. Л. А. Саломэ. «Жилищная нужда рабочихъ классовъ» Д. Герценштейна. «Гоголь и А. О Смирнова въ 1842—44 г.г.» В. Шенрока. «Новая французская школа въ музыкѣ» и «Ново-Германская музыка» А. Коптяева. «Александръ Дюма» и «Новыя теченія во Французскомъ романѣ» З. Венгеровой. «Новая побѣда науки» А. Гершуна. «Богъ театра» Разск. Я. Крюковского. Идея Иліады» Н. Минскаго «Таможенное разоруженіе» В. Бирюковича. «Исторія одного идейнаго преступленія» Проф. И. Оршанскаго. «Письма къ M-me Віардо и Г. Флоберу И. С. Тургенева». Искусство и дѣйствительность» Изъ соч. Дж. Рескина. «Реорганизація С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности» Н. Арефьева. «Къ звѣздамъ» Раз. Ѳ. Сологуба. «Москва и Римъ» Проф. А. Брикнера. «Польскій публицистъ-художникъ» К. Льдова. «Тургеневъ и Толстой» Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. «Новая женщина и разводъ» П. Тверского. «Женскіе типы въ трагедіяхъ Расина» Проф. Ѳ. Батюшкова. «Сельско-Хозяйственные отхожіе промыслы» В. Бирюковича. «Плоскогорье» Ром. Л. Гуревичъ. «Нѣмецкій студентъ конца вѣка» Проф. А. Трачевскаго. «Атомизмъ и энергетизмъ» Проф. А. Введенскаго. «На конкурсѣ». Раз. А. Стерна., и мн. друг.—Стихи: Н. Минскаго, Д. Мережковскаго, З. Гиппіусъ, К. Льдова, К, Фофанова, К. Бальмонта, Ѳ. Сологуба, О. Чюминой и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ:

I. «Вопросы самообразованія» (Статьи проф. Боргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шимкевича, проф. К. Поссе, проф. Л. Шепелевича, Н. Усова, проф. А. Брикнера и др. II. Областной отдѣлъ». III. Земскій отдѣлъ» (Статьи Земское и городское самоуправленіе» М. Стиваля, «Земскіе финансы» В. Бирюковича, «Взаимное земское страхованіе» П. Ск—ского, «Земское и городское самоуправленіе» П. Кузнецова и др.). IV. «Провинціальная печать» Л. Горева. V. «Внутреннее обозрѣніе». VI. «За предѣлами европейской Россіи» (Статьи: «Въ Сибири», «Кому просвѣщать Сибирь»? «Земство въ Сибири», «Ссылка въ отдаленныя мѣста Сибири», «Земская школа въ Сибири» и др. Н. Арефьева. «Кавказъ» М. П., «При-

Библиотека "Руниверс"

балтійскій край» П. К. «Привислянскій край» М. П. «Финляндскія дѣла» П. Кузнецова). VII. Кореспонденціи изъ-заграницы». VIII. Изъ жизни и литературы». IX. «Критика» X. «Библіографія». XI. «Литературныя замѣтки» А. Волынскаго (Статьи: «Власть тьмы», «Современная русская беллетристика», «Философскія теченія въ русской поэзіи», «Книга Куно-Фишера о Шопенгауэрѣ», «Два послѣднихъ романа Золя», «Польскій романистъ Сенкевичъ» и др.).

Подписная цѣна на журналъ понижена (безъ измѣненія объема и состава книженъ). Разсрочка для иногородныхъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ:

Условія подписки:

	Годъ.	1/2 г.	1/4 г.	1 мѣс.
Для иногородныхъ . . .	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
» городскихъ (съ дост.)	11 »	5 » 50 к.	2 » 75 к.	90 к.
» заграничныхъ . . .	14 »	7 »	4	

Подписка принимается: въ Гл. Конторѣ, Спб., Троицкая, 9; въ Москвѣ, въ Отдѣл. Конт. книжн. магаз. К. Тихомирова, Кузнецкій мостъ; въ кн. маг. Карбасникова, «Новое Время», Печковской и др.

Редакторъ-Издательница *Л. Я. Гуревичъ.*

3—1

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА

Екатеринославскія Губ. Вѣдомости.

«Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» выходятъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неоффиціальная часть «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостей» имѣетъ программу частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ; передовыя по вопросамъ общегосударственной и мѣстной губернской жизни; статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго хозяйства, прикладныхъ знаній и пр.; театральныя рецензіи; корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи и другихъ мѣстъ; обозрѣніе печати; внутреннія и внѣшнія извѣстія; справочный отдѣлъ банковыя свѣдѣнія, вѣдомость о прибывающихъ грузахъ, списокъ назначенныхъ къ слушанію въ судѣ дѣлъ и проч.; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и разсказы, переводные и ориги-

Библиотека "Руниверс"

нальные. «Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» имѣютъ цѣлью служить главнымъ образомъ, мѣстнымъ интересамъ и нуждамъ, причемъ даютъ читателямъ и всѣ выдающіяся свѣдѣнія изъ русской и иностранной жизни.,

Въ 1897 году въ «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» еженедѣльно будетъ печататься, въ видѣ прибавленія, особый **«отдѣлъ екатеринославскаго уѣзднаго земства»** открываемый по ходатайству земскаго собранія, въ которомъ, помимо свѣдѣній о дѣятельности Екатеринославскаго уѣзднаго земства, будутъ помѣщаться свѣдѣнія, касающіяся вообще земскаго дѣла, народнаго образованія, медицины, а также по сельскому хозяйству, примѣнительно къ югу Россіи, по хлѣбной торговлѣ, найму рабочихъ и прочія полезныя для сельскаго населенія сообщенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

на годъ	8 р.	на три мѣсяца . . .	2 р. 60 к.
на полгода	4 р. 40 к.	на одинъ мѣсяцъ . .	1 р.

Преподаватели учебныхъ заведеній платятъ 6 руб. въ годъ.

Подписка принимается: а) въ конторѣ редакціи при Губернской Типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится по 1 руб. ежемѣсячно, начинается съ января.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

на 1897 годъ

(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ).

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходитъ по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общеобразовательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также по-

Библиотека "Руниверс"

реводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ $^{8}/_{20}$ февр. 1884 г., подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р., за 1885—1895 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ Редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги.

„Воскресное Чтеніе за слѣдующіе годы существованія его при Академіи: за $18^{37}/_{38}$ г. (т. I), $18^{41}/_{42}$ (V), $18^{47}/_{48}$ (XI), $18^{48}/_{49}$ (XII), $18^{51}/_{52}$ (XV), $18^{53}/_{54}$ (XVII), $18^{54}/_{55}$ (XVIII), $18^{55}/_{56}$ (XIX), $18^{56}/_{57}$ (XX), $18^{57}/_{58}$ (XXI), $18^{60}/_{61}$ (XXIV), $18^{61}/_{62}$, (XXV), $^{63}/_{64}$ (XXVI), $18^{64}/_{65}$ (XXVII) $18^{65}/_{66}$ (XXIX), $18^{66}/_{67}$ (XXX), $18^{67}/_{68}$ (XXXI), $18^{68}/_{69}$ (XXXII), $18^{69}/_{70}$ (XXXIII), $18^{70}/_{71}$ (XXXIV), за 1879, 1880, 1881, 1882 и 1883 г.г. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи» (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. Н. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политическій дѣятель. В. Е. Завитневича. Древнія изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его же, Слово сказанное 10 іюля 1888 г. В. Ѳ. Пѣвницкаго). Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія, м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ: а) св. Кипріана карѳагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—13 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—8—Цѣна каждой части 2 р съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» (Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 г.г.). Изд. 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласснаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ) Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.;

Библиотека "Руниверс"

т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й изд. 2-е, ц. 3 р; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и назначеніе) Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р съ перес.

Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа І. Христа С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ѳ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1894 т. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. В. Ѳ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. *В. Пѣвницкій*

3—1

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ 1897 году на Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1897 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками 7—8 листовъ in 8⁰.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляетъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья. Средней Азіи и Сибири):

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодческихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

Библиотека "Руниверс"

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ. Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ) Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулагинъ, акад В В. Латышевъ, Н. М. Мартьяновъ, (Минусинскъ), В. А. Машковъ (Варшава) еписк. Никаноръ, П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В Траубенбергъ, проф. А. А. Штукенбергъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. каждая книжка отдѣльно 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются; Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Катановъ.*

2—1

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

въ 1897 году.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «Русская Старина», вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается и въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить чи-

Библиотека "Руниверс"

тателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой. Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала, въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, домъ № 145, кв. № 1.

Редакторъ *Н. Дубровинъ*.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

1 «Церковный Вѣстникъ»—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «Христіанское Чтеніе»—ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Примѣч. Доселѣ «Христ. Чтеніе» издавалось по одной книжкѣ въ два мѣсяца. Съ будущаго 1897 года оно, въ удовлетвореніе желанія многихъ подписчиковъ, будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печ. листовъ. Цѣна на него остается прежняя, т. е. 5 рублей на годъ, и только подписчики, получающіе его совмѣстно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ» за два рубля, приплачиваютъ на почтовый расходъ за шесть дополнительныхъ книжекъ одинъ рубль.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаетъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1,000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное

Библиотека "Руниверс"

собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1897 г. будетъ изданъ третій томъ въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ толкованія на разныя мѣста св. Писанія, бесѣды на разные случаи, а также письма къ діакониссѣ Олимпіадѣ и вся остальная переписка св. отца.

Новые подписчики, желающіе получить и первые два тома, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—по 2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

а) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ **Твореній Св. Іоанна Златоуста»—6 р. 50 к.**; за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—6 р. 50 к.**

б) За оба журнала 8 (восемь) руб. съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»**—9 (девять) руб. съ пересылкой.

ЦѢНА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

За оба журнала 10 (десять) руб.; съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»**—11 р. 50 к.; за каждые отдѣльно 7 (семь) руб.; съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»**—9 рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Пески, уголъ 7-й улицы и Дегтярной д. № 26—30, кв. № 8), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ*.

2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной

Библиотека "Руниверс"

жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ) VI. Мѣстная хроника VII. Наука и искусство VIII. Театръ и музыка IX. Отголоски (маленькій фельетонъ) X. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библіографія XVI. Смѣсь XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ XVIII. Почтовый ящикъ XIX. Календарь XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Сторонніе сообщенія XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиканжи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный Край» будетъ печататься новымъ болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ

Съ доставкою иногороднимъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
11 —	10 50,	10 —	9 20,	8 50,	7 80,	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Съ доставкою въ Харьковѣ:

10 — 9 50, 9 — 8 35, 7 50, 6 75, 6 — 5 25, 4 50, 3 40, 2 40, 1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

3—2

Библиотека "Руниверс"

1897 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ“

съ безплатнымъ приложеніемъ

«Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ

безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкою СЕМЬ руб.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—3 рубля.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Передовыя статьи. Обзоръ постановленій отечественнаго и послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностраннаго законодательствъ.—Статьи и замѣтки спеціально юридическаго содержанія.—Рисунки и иллюстраціи къ тексту статей на общемъ основаніи.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи.—Фельетонъ —Рѣшенія Правительств. Сената.—Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и процессахъ.—Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты.—Движеніе по государственной и общественной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собр. узак. и распор. прав.).—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, признанныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору «Юридической Газеты» за справками по дѣламъ какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣ-

Библиотека "Руниверс"

шеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти редакція принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе въ «Юридической Газетѣ», въ отдѣлѣ «Почтоваго ящика», справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе подписного года, дѣлается безплатно. Лица же, желающія получить по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу присылаютъ кромѣ двухъ рублей и стоимость отвѣтной телеграммы.

§ 2. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія, болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Справки и порученія по судебнымъ и административнымъ департаментамъ Правит. Сената, равно какъ и по всѣмъ, вообще, кромѣ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената (см. выше § 1-й), центральнымъ и мѣстнымъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ (правительственнымъ и общественнымъ) должны производиться на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 5. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ «Юридическую Газету»; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностного лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 6. При внесѣ полной годовой подписной платы и при неисполненіи условій, указанныхъ выше въ §§ 1—5 настоящей программы, всѣ требованія, запросы и порученія оставляются безъ движенія, такъ какъ порученія, предусмотрѣнныя § 1, обязательны для конторы, если подписчикомъ исполнены требованія указанныя въ § 1 и 5, а порученія, предусмотрѣнныя въ §§ 2—4, могутъ считаться обязательными для конторы лишь тогда, когда послѣдняя изъявитъ согласіе принять исполненіе возлагаемаго на нее порученія.

§ 7. Контора редакціи «Юридической Газеты» также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ

2-ой годъ изданія. „НОВОЕ СЛОВО" 2-ой годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «**Новое Слово**» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на запросы и нужды провинціи, съ которою желательна живая связь. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно большаго числа мѣстъ свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ мѣстной жизни. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще «письма изъ провинціи».

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, мы желаемъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Максимовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимиряевъ, Проф. К. Тимиряевъ, Ант. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.), проф. В. Г. Ярошкій, А. И. Эртель и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Вслѣдствіе этого годовая подписка на «**Новое Слово**» принимается.

съ 1-го октября 1896 года по 1-ое октября 1897 года.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р	— к.
» » » » » полгода. . .	5 »	— »
» » » » » три мѣсяца. .	2 »	50 »
» » безъ пересылки на годъ. .	9 »	— »
» » съ перес. за границу на годъ.	12 »	— »

Библиотека "Руниверс"

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій О. Н. Поповой, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Спасская ул. (уг. Надеждинской) д. № 15, кв. № 1. Отдѣленіе конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала «**Новое Слово**» въ книжномъ магазинѣ «Трудъ» —Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова, и изданій по подпискѣ, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію. Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно. Новый каталогъ выйдетъ въ сентябрѣ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

„ЖИЗНЬ”

Журналъ будетъ выходить съ 1 января 1897 г. въ С.-Петербургѣ три раза въ мѣсяцъ (1, 11 и 21) книгами большого формата in 8⁰ въ 10—12 печ. листовъ (160-200 стр.) каждая.

Въ программу журнала войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Романы, повѣсти, разсказы (преимущественно русскихъ авторовъ) стихотворенія и пр.

II. Научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанья и искусствъ, въ популярномъ изложеніи.

III. Статьи по общественнымъ вопросамъ.

Библиотека "Руниверс"

IV. Критика и библіографія.
V. Русская жизнь.
VI. Заграничная жизнь.
VII. Театръ. Музыка. Живопись.
VIII. Смѣсь.

Подписная цѣна за годовое изданіе «Жизни», состоящее изъ тридцати шести книгъ, семь рублей съ доставкой и пересылкою. За-границу—7 руб. золотомъ.

При обращеніи непосредственно въ контору «Жизни» (С.-Петербургъ, Ковенскій пер., д. № 30) допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальныя.

По особому соглашенію съ конторой допускается разсрочка на болѣе льготныхъ условіяхъ (отъ 1 р. ежемѣсячно).

КОНТОРА РЕДАКЦІИ

С.-Петербургъ. Ковенскій пер., д. № 30.

Редакторъ-Издатель *С. В. Воейковъ*.

1—1

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LV, 1896 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

СТР.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ О ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ ВЪ ЮЖНОЙ УКРАИНѢ ВЪ XV СТОЛѢТІИ. **В. Антоновича** . . . . . 1—19

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ. **Н. Бѣляшевскаго.** 20—64

III. КЪ ВОПРОСУ О СТАРИННЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ СКАЗАНІЯХЪ. По поводу брошюры проф. Н. Сумцова «Къ библіографіи старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаній». **А. Крымскаго** . . . . . 65—76

IV. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА. (1817—1830 г.г.) 77—92 . . . . . 225—233

V. НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВЛЕВОЛЫНСКАГО БЫТОПИСАНІЯ. **Волынца** . . . . . 93—109

VI. НОВЫЯ ДАННЫЯ О СОЮЗАХЪ НЕЖЕНАТОЙ МОЛОДЕЖИ НА ЮГѢ РОССІИ. **В. Ястребова.** . . . . . 110—128

VII. РАЗВАЛИНЫ ЮРЬЕВОЙ БОЖНИЦЫ ВЪ С. СТАРОГОРОДКѢ. **М. Константиновича.** *(Съ рисункомъ и планомъ)* . . 129—136

VIII. ШАРОНЪ. (Разсказъ). **Ѳ. А. Кудринскаго.** . . . . . 137—165

IX. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. **Н. Сумцова.** 166—177

X. АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА И. И. СЕРДЮКОВА. 178—224 . . . . . 337—374

Библиотека "Руниверс"

СТР.

XI. СВАДЬБА МАЛОРУССКАЯ, КАКЪ РЕЛИГІОЗНО-БЫТОВАЯ ДРАМА. **Хр. Ящуржинскаго** . . . . . 234—273

XII. СВѢДѢНІЯ О ПОХОДѢ ВЪ КРЫМЪ МИХАЙЛА ДОРОШЕНКА. **К. Мельникъ.** . . . . . 274—286

XIII. ПРИ СТАРЫХЪ ПОРЯДКАХЪ. (Изъ недавняго прошлаго Волынской духовной семинаріи). **Константина Храневича** . 287—326

XIV. ОСТАТКИ ДРЕВНЯГО ГОРОДИЩА ВЪ М. СНѢТИНѢ ЛУБЕНСКАГО У., ПОЛТАВСКОЙ ГУБ. **Василія Ляскоронскаго** 327—336

XV. ПО ПОВОДУ СТА ЛѢТЪ ОТЪ СМЕРТИ ГРАФА РУМЯНЦОВА. **Ал. Лазаревскаго.** . . . . . 375—395

XVI. ПЕРВЫЙ КІЕВСКІЙ АРХЕОЛОГЪ М. Ѳ. БЕРЛИНСКІЙ. **В. Щербины.** . . . . . 395—417

XVII. КОЛЛЕГІЯ ПАВЛА ГАЛАГАНА ВЪ КІЕВѢ (По поводу исполнившагося 1 октября текущаго года двадцатипятилѣтія ея существованія). **В. Науменка.** . . . . . 418—433

XVIII. ПО ПОВОДУ 25-ТИЛѢТІЯ СЦЕНИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ М. Л. КРОПИВНИЦКАГО. **Д. А.** . . . . . 434—440

ОТДѢЛЪ II й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Письмо святителя Феодосія Углицкаго. **А. Л.** б) Къ исторіи возстанія Наливайка. **В. А.** в) Изъ разсказовъ о дикихъ лошадяхъ на югѣ Россіи. Сообщилъ **В. Н. Ястребовъ.** г) Полтава восемьдесятъ лѣтъ назадъ. **Егора Акимова.** д) Къ исторіи бродячихъ сказаній о мудрыхъ судьяхъ. **А. Крымскаго.** е) Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича. Сообщ. **В. Науменко.** ж) Сказки о жабахъ. **В. Милорадовича.** з) Какъ поймали Наполеона Бонапарта въ лебединскомъ уѣздѣ. —* и) Отецъ Петръ. —* і) Черниговскій воспитательный домъ семьдесятъ лѣтъ назадъ. к) Недоразумѣніе. **А. Л.** л) Протоіерей Н. А. Лащенковъ. (Некрологъ). м) Замѣтки для будущаго біографа М. А. Максимовича. **В. Науменка.** н) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. о) Шпага Карла XII Кн. **Александра Дабижи.** п) Вѣсти о судьбѣ историко-статистическихъ матеріаловъ по

Библиотека "Руниверс"

СТР.

Полтавщинѣ **В. Василенка.** р) Сообщеніе очевидца о великомъ пожарѣ въ Кіевѣ на Подолѣ 1811 года. Сообщ. **П. Голубовскій.** с) Артиллерійскій музей въ Петербургѣ. **Н. Бѣляшевскаго.** т) Изъ путевыхъ замѣтокъ Великаго Князя Николая Павловича (1816 года). **О. Л.** у) Черты характера гр. П. А. Румянцова. **А. Л.** ф) Хозяйство гр. П. А. Румянцова. **А. Л.** 1—17, 37—51. . . . . 65—85

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Списокъ населенныхъ мѣстъ кіевской губерніи. Изданіе 3 Кіевск. Губ. Стат. Комитета. **Ал. А—ча.** б) А. Н. Лисовскій. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченка. **И. Стешенка.** в) Выставка древностей, представляемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею на воззрѣніе Государя Императора. **Б.** г) Записки наукового товариства імени Шевченка. Виходять у Львові під редакциею Михайла Грушевскаго. **Н. М.** д) Волынскій историко-археологическій сборникъ. Вып. 1. Изданіе распорядительнаго комитета Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества. **Н. Бѣляшевскаго.** е) Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Выпускъ 2. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Б. Д. Гринченка **А. Л.** ж) Rocznik kółka naukowego Tarnopolskiego za rok 1895. **А. Л.** з) Указатель неоффиціальнаго отдѣла Кіевскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей за 1871—1895 г.г., **А. Л.** и) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Изд. подъ ред. К. Я. Грота. Томы 2-й и 3-й **А. Л.** і) Кіевъ и университетъ св. Владиміра при императорѣ Николаѣ I. 1825—1855. Изданіе университета св. Владиміра съ 16 свѣтопечатями и 2 цинкографіями. **М. Н.** і) Акты, издаваемые Виленской Коммиссеій для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIII Акты Холмскаго гродскаго суда **И. Каманина.** к) Древнѣйшій планъ города Кіева 1638 года. Издалъ Б. И. Ханенко. **В. Щербины.** 18—36, 52—64 . . . 86—98

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» (*въ концѣ книги*). . . . . .

Библиотека "Руниверс"

СТР.

ОБЪЯВЛЕНІЯ о журналахъ 1897 г. 1—4, 1—12 . . . 1—26

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (353—368 369—384, 385—400, 401—418).

2) Любецкій Архивъ. (209—224).

Библиотека "Руниверс"

Пятокъ. 4. День и ночъ были во всемъ зъ вчорайшими сходніе. Сей день никуда не бывалъ здому предреченной ради притчини.

Субота. 5. День былъ свѣтлій, тихій и теплій израдной погоди, ночъ такова жъ. Явились къ намъ еще вчорайшого дня отецъ Ісаия Заславскій зъ ердіакономъ Іоанномъ Заславскимъ зъ скаргою на ігумена Гамалѣевского Германа Кононовича за его показуемое имъ и другимъ законникамъ обиди зъ жалобою, которіи и подали доношеніе и обѣдали сегодня у насъ. Жена моя зъ дочерю Пазею пріехали въ Глуховъ зъ гостини своей отъ степнихъ маетностей. Обозний енералний Яковъ Лизогубъ зъ походу отъ Полши, черезъ С.П.Бурхъ, повернулся въ Глуховъ сегодня и сталъ у войсковомъ дворѣ.

Неделя. 6. День былъ зранку и черезъ все время до ночи зъ туманомъ, хмаренъ и холоденъ, такова жъ и ночъ была, а къ свѣту випогодилась. Обѣдалисмо въ дому и съ нами тіотка Кондзеровская и Гапка. Збѣгшого римара Степана козакъ зъ монастира Петропавловского Глуховского привезлъ, которий за тотъ побѣгъ и былъ наказанъ.

Понедел. 7. День былъ израдной погоди, свѣтелъ, тепелъ и тихъ. Обѣдалисмо вкупѣ, матка отехала по обѣдѣ въ Роменъ на Тулиг.

Вовтор. 8. День былъ израдной погоди свѣтелъ, тепловатъ и тихъ, такова жъ и ночъ. Сегодня рано поехалъ я и заехавши до обозного енер., поздравилъ его поворотомъ зъ походу, и отъ него поехалъ былъ у футорѣ, оттоть въ Сварковъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ у вечеру вернулся въ городъ и заехавши знову до обозного енер., доволно у него зъ судіею енер. Забѣлою просидѣлъ. За долгъ Манжули заплатилъ я черцямъ Глинской пустинки 1 р. Посланъ козакъ въ Кіевъ до архиерея Кіевского зъ писмомъ родител. и доношеніями отца Ісаии и дякона, законниковъ Гамалѣевскихъ.

Середа. 9 День и ночъ были противъ вчорайшихъ изрядной погоди, а къ свѣту морозъ. Сей день продновали у себе и подпіяхомъ ради тезаименитства моего, а били у насъ отецъ Ісаия,

Библиотека "Руниверс"

законникъ Гамалѣевскій, попъ отецъ Мойсей, тіотка п. Кондзеровская и Гапка.

Четвер. 10. День и ночъ были противъ прежнихъ изрядной погоди. Сегодня былъ я рано въ судѣ, а обѣдалъ у себе зъ род. и зъ берейтеромъ Платомъ. После обѣда ездилъ смотрѣть ученія конского и до обозного заездилъ. Циганокъ Свар. повернулся съ Кіева и припровадилъ шевця утекшого Никиту зъ женою его и зъ синомъ. Такъже нѣкоторіе покупки: 2000 орѣховъ волоскихъ, да орѣховъ же волоскихъ приливанихъ 400, да дерену бочонокъ и шестодневникъ воскресний и 80 р.

Пятокъ. 11. День былъ израдной погоди, тихъ и холодноватъ, къ вечору хмаренъ зъ малимъ дощемъ да густимъ, ночъ тиха, хмарна и влажна. Сегодня поехавши я зъ дому, заездилъ до брата п. Михайла, а оттоль въ Сварковъ, где и ночевалъ. Сеей ночи противъ суботи згорѣло въ селѣ Сварковѣ дворовъ два, совсѣмъ старого и маладого Опанаса Сиваковъ, а третий дворъ, где попъ живалъ и четвертий отратовали.

Субота. 12. День былъ вѣтрянъ почасти, хмаренъ, зъ дощемъ густимъ, передъ вечоромъ дощъ пересталъ и въ ночѣ випогодилось, а къ свѣту туманъ. По обѣдѣ зъ Сваркова поехалъ черезъ футоръ до Глухова и заехавши до обозного енералного, посидѣлъ мало зъ п. Михайломъ и повернулся домой на ночъ.

Неделя. 13. День былъ сперва съ туманомъ, а посля немного вияснился. Ночъ тиха, ясна и холодна, къ свѣту туманъ. Рано были у князя Боратинского и у княгинѣ, а обѣдали у Боратинскаго зъ род., зъ п. Михайломъ и Андреемъ Миклашевскимъ, и подпіяхомъ. Оттоль зайшовши до Андрея Миклашевскаго, играли у карти зъ виграшомъ 20 к.

Понедел. 14. День былъ хмаренъ почасти и свѣтелъ, ночъ такова жъ, къ свѣту дожчъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ пріехали п. Михайло, Андрей Миклашевскій, Чуйкевичъ Федоръ, Лукомскій и играли въ карти зъ проиграшомъ моимъ 2 р. и 4 к.

Вовтор. 15. День былъ увесь зъ вѣтромъ и дощемъ, отчего умножилась грязь, ночъ такова жъ. Никуда не ездили зъ дому

Библиотека "Руниверс"

для негоди. Зъ Бѣлополовки отъ дочери Ганни прислано писмо зъ обявленіемъ о тамошнемъ повоженню. Писалъ я въ Кіевъ до Петра, черезъ жолдака, о продажѣ гор. Писалъ я черезъ Омеляна до стар. Сухонос. о присилкѣ сюда хмелю, суши, сира, и горѣлокъ (?) приливанихъ, да до дворника Криворудского о приблудахъ.

Середа. 16. День былъ сперва вѣтрянъ велми и велми хмаренъ, съ дощемъ, а посля дощъ пересталъ и стало холодно, ночъ хмарна, вѣтряна и холодна. Рано поехали родитель и я въ Ясмань для споткоиня князя Шаховского, где и обѣдалисмо, и съ нами п. Михайло и Андрей Миклашевскій. У вечеру виехалисмо зъ обознимъ енералнимъ, при знаку, за Ясмань и уехавши верстъ зъ 4, стрѣтили князя и у Ясмань его запроводивши на квартеру, тутъ и ночлѣгъ имѣлисмо.

Четвер. 17. День былъ вѣтрянъ, почасти хмаренъ и почасти ясенъ, холоденъ, ночъ свѣтла, тиха и холодновата. Зъ Ясманѣ рано зъ княземъ пріехалисмо въ Глуховъ, которого привѣтствовали зъ палби пушечной и въ него подпіяхомъ. Оттоль шумніе зайшовши до Андрея Миклашевского, зъ п. Михайломъ и Холодовичемъ играли, зъ проиграшомъ моимъ 1 р. 80 к.

Пятокъ. 18. День былъ вѣтренъ, холоденъ, воздуха сухого, почасти хмаренъ, а посля свѣтелъ и тихъ, ночъ (?) Рано ездилъ въ склепъ, где зъ сулѣи насипалъ бутилокъ болшихъ 3, а меншихъ 2 петерцѣменту, да красного бутилокъ 2, да ціця волоского, и тое все въ склепу оставили. Купилъ я на кунтушъ сукна красносѣрого у Пуховича, локоть 5 зъ четверткою, по 40 а., итого 6 р. 16 а. Билъ у енералной канцеляріи и видѣлъ указъ до князя зъ сената, въ якомъ написано по п. 4-му: по челобитію подскарбѣя генералного Андрея Маркова селу Засуллю бить за нимъ попрежнему, буде у него прежная есть грамота, и оную осмотрѣть и ежели есть, то дать жалованную грамоту на оное село Засулле ему, подскарбію.

Субота. 19. День былъ почасти хмаренъ и свѣтелъ воздуха сухого и холоденъ, ночъ влажна, зъ малимъ дощикомъ, однако жъ холодна. Рано ездилъ я въ городъ, билъ у енер. к—ріи, а по-

Библиотека "Руниверс"

воротясь домой, закусилъ мало и поехавши, билъ у футорѣ и въ Сварковѣ, и оттоль на ночъ повернулся домой.

Неделя. 20. День былъ хмарний, тепловатъ зъ дощемъ густимъ, отчего награзило, такова жъ и ночъ била зъ вѣтромъ и дощемъ до свѣта, а свѣтомъ пересталъ. Были рано у князя, а обѣдали у Боратинского и подпіяхомъ.

Понедел. 21. День бѣлъ хмарний, знову зъ дощемъ, таковажъ и ночъ. Сегодня я никуда не ездилъ обѣдалъ въ дому, а род. у князя. Інструкцѣя подписана намъ въ комиссѣю енер., швакгеръ мой Андрей Полуботокъ, Андрей Миклашевскій, Петро Корецкій и я, и къ намъ опредѣленъ Степанъ Лукомскій, зъ которою у вечеру пріездили ко мнѣ Миклашевскій и Корецкій.

Вовтор. 22. День былъ подобній же вчорайшому и ночъ хмарніе зъ временнимъ дощемъ и незбитъ холодніе. Былъ у городѣ у дворѣ у князя и обѣдалъ, оттоль заехалъ до Миклашевского и игралъ въ карти, зъ проиграшомъ 4 а.

Середа. 23. День былъ хмарний зранку, великій дощъ, туманъ после, ночъ сходна, толко безъ дощу, а къ свѣту вияснилась. Рано былъ у князя и подпіяхомъ для именинника племянника его п. Якова Петровича, а оттоль заехавши до Миклашевского, игралъ въ карти безъ проиграшу, долго.

Четвер. 24. День былъ преизрадной погоди, ясний, тихій, холодний и сухій, ночъ сперва хмарна, вѣтряна и холодна, а къ свѣту зъ снѣгомъ. Сей день никуда я не ездилъ, кромѣ Андрея Миклашевского и то рано, а обѣдалисмо вкупѣ зъ род. въ дому, потому что князь на охоту ездилъ.

Пятокъ. 25. День былъ самой худой осѣнной погоди, хмаренъ, вѣтрянъ зъ густимъ снѣгомъ и метелицею, которая передъ вечоромъ перестала; ночъ хмарна, холодна къ свѣту зъ морозомъ, отчего ставъ по мѣстамъ и берегамъ стялся мало. Сей день для такой негоди никуда я не ездилъ.

Субота. 26. День былъ хмарний, воздуха сухого зъ морозомъ, ночъ такова жъ. Сегодня ездилъ я рано въ городъ до Андрея Миклашевского, въ которого квартери въпервое засѣданіе нашее

Библиотека "Руниверс"

было комисарского слѣдствія, а оттоль были у князя, зъ которимъ кушали род. и я у маіора гвардіи Хрущова, и подпіяхомъ. Жена зъ Тулиголовъ рано пріехала въ Глуховъ.

Неделя. 27. День былъ хмарний, воздуха сухого зъ морозомъ, отчего померзло все, ночъ такова жъ, а къ свѣту снѣжокъ густенькій. Были рано у князя, у церквѣ и у него кушали, а после обѣда зайшли зъ п. Михайломъ до Андрея Миклашевского и играли у карти, зъ виграшомъ 1 р. Ставъ Глуховскій здешній стявся въ первое.

Понедел. 28. День былъ хмаренъ зъ морозцемъ, отчего ставъ и болше скрепился, и тихъ, ночъ свѣтла, тиха зъ болшимъ морозцемъ, для чего стали по ставу ходить. Алексѣй зъ розсильщикомъ по Фармакѣя отправленъ и дано имъ 2 р. Обѣдалисмо въ дому зъ род. и съ нами п. Михайло, а по обѣдѣ ездили до Андрея Миклашевского играть у карти, зъ проиграшомъ 1 р. 73 к.

Вовтор. 29. День былъ хмаренъ, холоденъ, зъ туманомъ чили інеемъ, ночъ тожъ туманна, толко жъ холодна была. Рано былъ въ засѣданіи своей комиссѣи, обѣдалъ въ дому.

Середа. 30. День былъ зъ морозомъ, зъ інеемъ великимъ, ночъ подобная въ стужѣ, такъ же почасти хмарна, отчего болѣе ставъ замерзъ. Сей день засѣдали у комиссѣи, а оттоль пріехавши домой, обѣдалъ у себе, а по обѣдѣ ездилъ до Андрея Миклашевского и игралъ зъ выиграшомъ 80 к. Москвитинамъ, смолянамъ дорогобузкого уезду, человѣкамъ 5, уплатилъ за ихъ работу за 2 мѣсяца 6 р. Бабъ старую и шинкарку по дѣлу полковници Танской ведлугъ чаруванія, во вредъ якоби енерала Девейзбаха и въ ползу за арестомъ сидячого полковника Танского, въ судѣ енер. пекли, а присутствовали тому Гуревъ, родитель, Забѣла Михайло, суддя, и писаръ енер. Турковскій.

Четвер. 31. День былъ еще холоднѣйшій, зъ болшимъ інеемъ, ночъ мало яснѣйшая и холодна. Былъ я рано въ судѣ енер. и улику говорилъ противъ Кровнѣзкого[1]), повѣренного графа Гаврила

[1]) О Романѣ Кровницкомъ см. Опис. Стар. Малорос., I, 149 и 157.

Библиотека "Руниверс"

Рагозѣнского, а посля у своей былъ комисѣи и обѣдалъ у себе. Табакерку золотую далъ я родителеви для потрати, за которой вичищенне золотару заплатилъ 50 к. До брата Марка писалъ о Красношапчиномъ грунтѣ.

М—ць ноеврій. Пятокъ. 1. День былъ еще холоднѣйшій зъ болшимъ інеемъ, у вечеру отлигло, въ ночѣ дожчъ и тепло стало, къ свѣту туманъ. Былъ я у своей комиссѣи, а оттоль ездилъ до Сваркова, где и ночевалъ. Зъ Крисіокъ привезли бересту 80 пучковъ въ Сварковъ.

Субота. 2. День былъ хмарний, туманний, а посля и дощеватъ, ночъ безъ дощу, толко жъ тепла и хмарна. Отпустилъ я теселъ Крисковскихъ въ доми до запустъ, и велѣлъ двомъ лутшимъ дать гор. по 20 квартъ, по полчетверти жита и гречки, а подлѣйшому полчетверти гречки и квартъ 10 гор. По обѣдѣ зъ Сваркова поехалъ черезъ футоръ, где видѣлъ кобилъ 8, лошаковъ 2, лошатъ малихъ пригнаннихъ зъ футора Криворудского Янѣшевскимъ. Пріехавши въ Глуховъ, заехалъ до Андрея Миклашевского, где игралъ у карти зъ проиграшомъ 2 р.

Неделя. 3. День былъ хмарний, вѣтровлажний зъ дощемъ и снѣгомъ густимъ, ночъ подобная дневи, толко суха, а къ свѣту снѣжокъ малий. Рано были у князя, у службѣ у ст. Анастасіи и у него кушали, оттоль зайшли до Андрея Миклашевского, игралъ зъ виграшомъ 60 к. Князь Алексѣй Івановичъ Шаховскій обявилъ указъ именний ея величества, чтобъ сидѣть по прежнему въ судѣ обозному и Михайлу Забѣлѣ, суддѣ, енералнимъ. Максимъ Турковскій, которій сидѣлъ подъ карауломъ, освобоженъ.

Понедел. 4. День былъ хмарній зъ дощемъ, тихій и зъ снѣгомъ, ночъ тажъ хмарна, тиха зъ снѣгомъ. Рано ездилъ въ судъ, где повѣренний графа Гаврила окончилъ оправданіе, а я оттоль зайшовши до Андрея Миклашевского, комисіональніе дѣла отправляли и посля обѣдалъ въ дому, и никуда не ездилъ.

Вовтор. 5. День былъ хмарний зъ морозцемъ малимъ, тихій зъ снѣжкомъ, посля съ отлигою, ночъ такъ же хмарна, тиха, а къ свѣту зъ хорошимъ морозомъ. Рано ездилъ въ судъ енер. и закре-

Библиотека "Руниверс"

пилъ оправданіе отвѣтчика Кровнѣцкаго, повѣренного графа Гаврила Рагозѣнского. Оттоль заездилъ до Андрея Миклашевского въ засѣданіе, а оттуду до п. Михайла ездили всею компанѣею, где играли у карти безъ проиграшу моего.

Середа. 6. День былъ зъ морозомъ хорошимъ, хмарний, тихій, ночъ таковажъ. Банкетъ билъ у князя для именинници жени князь Якова и подпіяхомъ. Оттоль пойшовши у вечеру до Миклашевского, играли въ карти, зъ виграшомъ 2 р.

Четвер. 7. День былъ и ночъ подобніе прежнимъ, толко еще холоднѣйшіе. Сегодня рано были у князя и служби Божой у ст. Анастасіи слухалъ. Обѣдалъ въ дому и со мною п. Михайло Скор. У вечеру были у насъ Андрей Миклашевскій и Лукомскій и играли у карти, зъ виграшомъ 30 а. Кобилъ 8 продали моихъ носатихъ у взяли за нихъ 23 р. готовихъ, а еще на боргу (въ долгу) денегъ до Рождества Х—ва 6 р. 50 к.

Субота. 9. День былъ и ночъ подобніе прежнимъ. Обѣдали у насъ Андрей Миклашевскій, Корецкій и Лукомскій и сотникъ Новгородскій; по обѣдѣ играли у карти, зъ виграшомъ 2 р.

Недѣля. 10. День былъ подобній прежнимъ, толко зъ невеликимъ снѣжкомъ, такова жъ и ночъ. Сегодня били у князя и обѣдали тамъ. Фармакѣй пріѣхалъ грекъ, за которимъ ездилъ Алексѣй.

Понедел. 11. День и ночъ были противъ прежнихъ, толко въ день отлига зъ дощикомъ малимъ показалась на время, а къ вечору знову подобній прежнимъ морозъ. Сегодня кушалисмо компанеею нашею у п. Михайла и после играли въ карти, безъ проиграшу, куда пріехали полковники Миргородскій и Лубенскій Апостоли. Сегодня кушалисмо компанѣею своею у Андрея Миклашевского и играли въ карти, безъ проиграшу.

Вовтор. 12. День былъ и ночъ сходніе во всемъ прежнимъ, морозъ великъ съ инеемъ, да снѣгу нѣтъ. Сегодня кушалисмо компанѣею своею у п. Михайла, и после играли у карти, зъ виграшомъ нашимъ, куда потомъ пріехали полковники Миргородскій и Лубенскій, зъ полковъ своихъ, Апостоли.

Библиотека "Руниверс"

Середа. 13. День и ночъ были сходніе во всемъ прежнимъ. Рано никуда не ездилъ для того, что у банѣ рано мился. А после обѣда, у вечеру, ездилъ до Андрея Миклашевского, зъ которимъ такожъ п. Михайломъ, Миргородскимъ и Лукомскимъ, после его играли у карти зъ виграшомъ.

Четвер. 14. День и ночъ были во всемъ сходни къ прежнимъ, зъ морозомъ, безъ снѣгу. Сегодня рано были у князя и кушали, оттоль били у полковниковъ Апостоловъ на квартерѣ и играли у карти, зъ невеликимъ виграшомъ. Тамъ же я и вечералъ.

Пятокъ. 15. День и ночь были противъ прежнихъ холодніе. Ездилъ въ комиссѣю и после на Бѣлополовку, где съ полковниками Луб. и Мир. игралъ въ карти, зъ виграшомъ.

Субота. 16. День и ночъ были хмарніе, тихіе зъ разствореніемъ воздуха, а по обѣдѣ ездилъ въ Сварковъ, и оттоль домой ворочаючись, заехалъ до Синявина и тамъ посидѣвши, пріехалъ на ночъ въ домъ.

Неделя. 17. День и ночъ были подобніе вчорайшимъ. Былъ рано у князя, обѣдалъ въ дому, по обѣдѣ ходилъ на Бѣлополовку, играть въ карти, зъ виграшомъ моимъ же. По челобиттю моемъ, которое я далъ князю Шаховскому, а онъ въ С.П.Бурхъ въ синодъ отослалъ, а зъ синоду оное зъ указомъ прислано до архіепископа Кіевского, а отъ архіепископа опредѣлени на розискъ архимандритъ Нѣжинскій Сава Шпаковскій, да игуменъ Густинскій Гавріилъ Леополскій, и пріехали въ монастиръ Рихловской о предерзостяхъ Крисковского попа Ѳедора, которіе до старости Крис. и писали, требуючи присилкѣ Клима Пѣщанского и нѣкоторихъ мужиковъ Крисковскихъ къ допросу, почему онъ, Климъ, сегодня и отехалъ. Климу на кожухъ далъ 5 р., да черезъ его жъ послалъ футро сѣрое и киндякъ старостѣ Крисковскому, и приказалъ черезъ его жъ о нѣкоторихъ дѣлехъ господарскихъ.

Понедел. 18. День былъ хмаренъ, сходенъ къ прежнимъ, а ночъ тепла и зъ густенкимъ, толко жъ мокримъ снѣгомъ, отчего дорога еще зимняя поправилась. Сегодня рано билъ у комиссѣи, а после обѣдалъ дома зъ Чуйкевичемъ; у вечеру ходилъ на Бѣло-

Библиотека "Руниверс"

половку до полковниковъ, где на два верстати играли у карти, — полковники оба, Андрей Миклашевскій и я или п. Михайло и другіе.

Вовтор. 19. День былъ холоденъ зъ снѣгомъ великимъ и метелицею, которая къ вечеру перестала, а на то мѣстъ жестокій морозъ сталъ до свѣта, якого еще не бивало по сей день. Сегодня были у комиссѣи, обѣдалъ у себе зъ Чуйкевичемъ и никуда зъ дому не виездилъ. Извѣстился я, что опредѣлени въ Москву для переводу книгъ по силѣ указа отъ князя Шаховского 12 персонъ, а именно: зъ Кіевской епархіи—архимандритовъ 1 и ректоръ Дубневичъ, зъ Переяславля—игуменъ, зъ Печерского монастыра соборний чернецъ Юскевичъ, зъ Чернѣговской—игуменъ Макошинскій, протопопъ Ром. Савѣцкой, суддя енер. Борзна, полковникъ Полтавскій Кочубей, хоружій полковий Лубенскій Столповскій, да сотникъ Мглинскій Григорій Стороженко и бунчуковіе товарищи Семенъ Чуйкевичъ, да Василь Думитрашко Райча и зъ маистрату кіевского Нечай.

Середа. 20. День былъ зъ жестокимъ морозомъ, свѣтлій и тихій, и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо зъ п. Михайломъ у мене, онъ отойшолъ на Бѣлополовку, а я поехалъ въ Сварковъ и тамъ не бавлячись, повернулся домой. Княжна Варвара Алексѣевна Черкаская да жена князя Івана Юровича Трубецкого, невѣстка князя Юрія Юровича Трубецкого, пріехали въ Глуховъ и стали квартерою у Оболонского, писара судового.

Четвер. 21. День былъ и ночъ сходніе во всемъ зъ вчорайшими со жесточайшимъ морозомъ, свѣтліе и тихіе, почему и всѣ рѣки стали. Были рано у князя и съ нимъ ходили до Черкаской визиту отдать, а по службѣ былъ банкетъ у князя, где и мы обѣдали. По обѣдѣ, зайшли до Андрея Миклашевского и тамъ съ нимъ, зъ п. Михайломъ и Савкою Терлецкимъ играли у карти, зъ виграшомъ моимъ 1 р. 60 к.

Пятокъ. 22. День былъ сходенъ въ стужѣ, толко хмарний, зъ снѣговою густою метелицею, ночъ тожъ хмарна зъ малою отлигою. Сегодня въ первое зъездились въ квартеру на Бѣлополовку, въ дворъ гетмановой Апостоловой, мы, опредѣленніе въ коммесѣю.

Библиотека "Руниверс"

До п. Михайла черезъ Тараса отослалъ 50 р. на куплю въ Москвѣ, черезъ Андріяна и Каратаева, двохъ печей, 140 пуд. гипсу, дроту на штукатур. полъ пуда, гвоздей малихъ цвяшковъ на то жъ 40 тисячъ.

Субота. 23. День былъ хмарний, тихій, мало з оттеплѣвшимъ воздухомъ, ночъ хмарна жъ, вѣтряна и зъ доволнимъ снѣгомъ, который передъ свѣтомъ переставъ. Рано зъ Глухова поехалъ я и пріехалъ въ Туличолови на обѣдъ, где и заночевалъ. По обѣдѣ ездилъ на млинъ далний, где одно коло порадне мелетъ и розмѣру зъ путивокъ три, оттоль на Бутурлимовскій, где розмѣру гречки зъ полубочокъ, да жита въ скринѣ. Привезли теперъ зъ футора Калюжновского жита четвертей 50 до винницѣ Туличоловской.

Неделя. 24. День былъ хмарний, тихій, а посля вѣтрянъ, холоденъ, ночъ такова жъ, а къ свѣту зъ отлигою знатною, къ мокротѣ склонною. Службы Божой зде въ Тулиг. слушалъ и обѣдалъ. По обѣдѣ поѣхалъ зъ Тулиг. и пріехалъ передъ ночію въ Глуховъ. Отправленъ Янѣшевскій, конюшій, въ поля и зъ собою взялъ молодого коня гнѣдого. Ему жъ данъ приказъ пунктами о нѣкоторихъ дѣлехъ и 7 р. Теперъ зде въ Тулиг. горѣлки ничего не было, а вчора отсель въ Сварковъ отправлено гор. куевъ 2, одна до Демяна, а другая шинкарю дана Сварковскому. Въ Туличоловахъ устроенъ мѣрний новий до всѣхъ млиновъ, Федоръ Козенко, и данъ приказъ старостѣ и ему, въ такой силѣ, чтобъ мимо его ничего не брато зъ млиновъ, а что озмется, въ томъ ему квѣтоватись карбами зъ старостою и мѣрочниками. Отъ октовр. 16 (когда зъ старости со всего знята ревизѣя) до сего ноевр. 24, собралось розмѣру зъ млиновъ, а именно: зъ Бутурлимовского—жита четвертей 5, гречки на лицѣ пуд. 3, а дробинѣ 19, овса дробинѣ путивокъ 8, денегъ зъ ступника 70 к.; зъ дворового млина—жита четвертей 3 и путивокъ 6, гречки на лицѣ пудъ 1, а употреблено путивокъ 5, овса на дробину употреблено путивокъ 7.

Понедел. 25. День былъ хмарний, не холодний, а посля зъ дощемъ, ночъ также мокра зъ дощемъ и зъ вѣтромъ. Былисмо рано у князя и читали въ комиссѣи нашой доношеніе и екстрактъ

Библиотека "Руниверс"

о полку Гадяцкомъ, оттоль зайшовши въ войсковую енер. к—рію подписались на чолобиттѣ о бѣглихъ, и оттоль заехавши на Бѣлополовку, сидѣли и возвратясь въ дворъ, я обѣдалъ. По обѣдѣ ездилъ зъ п. Михайломъ до Андрея Миклашевскаго и тамъ играли въ карти, зъ виграшомъ 1 р. зъ лишкомъ.

Вовтор. 26. День сходенъ во всѣмъ вчорайшому, еще зъ болшимъ дощемъ, такова жъ и ночъ, отчего снѣгъ увесь почти пропалъ. Были въ комиссѣи и оттоль поворотясь, обѣдали, а по обѣдѣ ездилъ я на пастовникъ и вечеринку имѣлъ у писара Печерского и Ігумена Густинского, который пріехалъ зъ архимандритомъ Нѣжинскимъ Савою, въ Глуховъ, допрашивать архимандрити Новгородского Мануйловича, по силѣ указу синодалного, о томъ, что онъ отъ церкви козака одного отлучилъ за грунта.

Середа. 27. День былъ подобній вчорайшому, толко безъ дощу, а съ полдня вѣтеръ показался холодний и стало мерзнуть и черезъ всю ночъ до свѣта. Были у своей комиссѣи и окончили свое мнѣніе якимъ лутшимъ порядкомъ отправлять комисарскіе дѣла комисарамъ и протчіимъ зъ полковой и сотеннихъ старшинъ. Обѣдалъ у себе. По обѣдѣ жена поехала въ Сварковъ, где и ночевали. Андріянъ поехалъ въ Москву до господъ своихъ Толстихъ, черезъ которого къ нимъ и къ Анастасіи писалъ и послалъ 2 бочонки, одинъ—орѣховъ приливанихъ, а другій—дерену прилитого.

Четвер. 28. День былъ хмарний, вѣтряний, холодний зъ стужею и между тимъ свѣтлий, ночъ была подобная дневи, холодна и вѣтряна, отчего померзло все и гололедица стала. Были рано у князя Шаховского и подавали мнѣніе отъ нашей комиссѣи составленное о порядкахъ комиссарского званія, что и аппробовалъ. Обѣдалъ въ дому и со мною Федоръ Чуйкевичъ, и по обѣдѣ ездилъ до Андрея Миклашевского и игралъ въ карти, безъ проиграшу.

Пятокъ. 29. День былъ вѣтряний зъ снѣгомъ, толко невеликимъ и сухимъ, ночъ еще холоднѣйшая и болше вѣтряная. Рано ездилъ до князя Шаховского и подалъ ему челобитте на розищнковъ архимандриту Нѣжинского да ігумена Густинского поданное въ томъ, что они розискуючи про попа Крисковского на писмѣ ничего

Библиотека "Руниверс"

не писали, але толко голословно допрашивали. Ездилъ же я отъ князя посланний въ судъ енералний за тимъ, что суддѣ указу вой. енер. канцелляріи закрѣпою Гурева до родителя моемо, безъ подпису княжого не приняли, чтобъ впредъ принимали, не требуя подпису княжого. Отехалъ Климъ, подданний Крисковскій, которому на куплю жита далъ 60 р.

Субота. 30. День былъ очинъ вѣтрянъ и почасти холоденъ, ночъ хмарна, не такъ вѣтряна. Банкетъ былъ у насъ для тезоименитства родителя и былъ князь Шаховскій съ многими, и подпіяхомъ. По отездѣ гостей, шумни, игралисмо у карти зъ Гуревимъ, п. Михайломъ и Андреемъ Миклашевскимъ и Холодовичемъ, зъ проиграшомъ 2 р. 40 к.

М-ць Декаврій. Неделя. 1. День и ночъ были противъ прежнихъ, не такъ вѣтряніе, хмарніе, зъ нѣкоторою отлигою. Были рано у князя, обѣдалисмо у себе зъ род., у вечеру играли у карти у Андрея Миклашевского, зъ виграшомъ.

Понедел. 2. День былъ подобний вчорайшому и ночъ такова жъ. Сегодня рано ездилъ до сестри Чарнишевой, оттоль до своей комиссѣи и обѣдалъ у себе, а по обѣдѣ заходилъ ко мнѣ п. Михайло, зъ которимъ у пѣкетъ долго играючи, время просидѣли.

Вовтор. 3. День былъ подобний прежнимъ, хмаренъ, холоденъ, вѣтрянъ, да безъ снѣгу, ночъ такова жъ. Рано ездилъ въ свою комиссѣю, посля до архимандрита Нѣжинского, где и пункты и указъ мнѣ показивали о слѣдствіи въ Крискахъ. Обѣдалъ у себе, а по обѣдѣ у себе жъ игралъ у карти, зъ Михайломъ, Андреемъ Миклаш. и Холодовичемъ, съ проиграшомъ. У лазнѣ мился.

Середа. 4. День и ночъ были подобніе вчорайшимъ. Были рано у князя. Обѣдали у себе. У вечеру зездились ко мнѣ писаръ енер. Турковскій, Лисенко, хоружій енер. Горленко и Корецкій мирить сестру Чарнишеву зъ пасинкомъ ея Іваномъ Чарнишемъ, и принявши отъ нихъ претенсѣи, розехались по домамъ, а я ездилъ до Андрея Миклашевского и посидя, повернулся домой. Сегодня отехалъ отъ мене въ Москву мой мастеръ Василей Івановъ, кото-

Библиотека "Руниверс"

рому и денегъ далъ 5 р. 20 к. и росписку у него взялъ, и о присилкѣ его къ веснѣ—писалъ до Каратаева.

Четвер. 5. День былъ сходенъ прежнимъ, ночъ зъ отлигою и снѣгомъ малимъ. Рано ездилисмо въ свою комиссѣю, дома обѣдалъ, а по обѣдѣ пріехалъ швакгеръ п. Андрей Полуботокъ, съ которимъ ездили до Андрея Миклашевского, где игралъ въ карти зъ виграшомъ 45 к.

Пятокъ. 6. День и ночъ были сходніе противъ вчорайшихъ, толко зъ болшимъ морозомъ и инеемъ великимъ. Банкетъ былъ у князя Шаховского ради именинника сина его, и подпіяхомъ. Отехалъ Заруцкій Семенъ въ С.П.Бурхъ за дѣломъ родителскимъ, ради полученія грамоти на Засулле и за своимъ, черезъ которого писалъ я до Каратаева и 2 р. послалъ, и штановъ лосинихъ 3, рукавиць паръ 2 и фуфайку для починки и вимиття послалъ же. Писалъ же черезъ него до Михайла Хрущова и до Новоторжцова.

Субота. 7. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ. Сегодня для тезоименитства государинѣ принцесси Анни было молебствіе и обѣдали у князя.

Неделя. 8. День и ночъ были сходніе прежнимъ, толко зъ болшою стужею, а посля отлигою. Рано были у князя. Обѣдалъ я у себе и съ нами швакгеръ Полуботокъ, а у вечеру знову были у князя, которій, простившись со всѣми нами, зъ полночи поехалъ въ Суми; туда жъ швакгеръ поехалъ.

Понедел. 9. День былъ зъ отлигою, а въ началѣ ночи дожчъ пошолъ, а посля снѣгъ, и къ свѣту покрилъ землю гараздъ. Были рано у княжомъ дворѣ и на молебствіи ради тезоименитства государинѣ принцессѣ Аннѣ. Обѣдалъ у себе. Роздѣлался зъ Фармакѣемъ грекомъ черезъ медіяцѣю Петра Стерѣевича и Самойла Федорова, что онъ, Фармакѣй, долженъ заплатить родителеви 75 р., а мнѣ 375 р. наступуючого 1734-го году, априля 19. и на то далъ облѣкъ, а ему такіе денги должно доправить на Пѣперу съ товарищи или на поручникахъ.

Вовтор. 10. День былъ хмарний зъ отлигою, снѣгъ великій ишолъ и покрилъ землю, у вечеру пересталъ; ночъ тожъ хмарна,

Библиотека "Руниверс"

тиха, къ свѣту морозець. Сегодня былисмо у комиссѣи своей, обѣдалъ ръ род. По обѣдѣ зъ п. Михайломъ, Холодовичемъ и Павломъ Ломиковскимъ игралъ у карти, зъ виграшомъ 1 р. 70 к. Медіяторѣ въ справѣ сестри п. Чарнишевой зъезжджались и, побравши отъ ихъ реестри, розехались.

Середа. 11. День былъ зъ густимъ и доволнимъ снѣгомъ, ночъ тожъ хмарна, толко мало холоднѣйша, а къ свѣту зъ отлигою. Обѣдалъ я вмѣстѣ зъ родителемъ и женою у себе, а у вечеру ездилъ до Синявина и тамъ въ шахмати поигравши, повернулся домой.

Четвер. 12. День былъ сперва зъ густимъ снѣгомъ, холоденъ, а посля мокръ зъ дощемъ, такова жъ и ночъ была, а къ свѣту морозець. Согодня рано поехалъ я и былъ у футорѣ, а оттоль въ Сварковъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ пріехавши уже смеркомъ въ Глуховъ, заехалъ до князя Боратинского и у него посидѣлъ, и сталъ шуменъ отъ вина доволно. У футорѣ скирту жита, а другую овса домолочували и того жъ жита усипали у яму четвертей 4.

Пятокъ. 13. День былъ хмарний, теплій съ разствореніемъ, ночъ такова жъ. Получилъ писмо зъ Кіева отъ Петра черезъ слугу п. Стефана Миклашевского, что еще осталось гор. куеъ 52, якую де шафаръ Почерскій торгуетъ по 15 шаговъ. Отъ Янѣшевского козакъ зъ писмомъ, что виправа готова сюда, толко ждутъ дороги санной. Отъ стар. Перер. козакъ, что овци, пригнанніе зъ Гамал. туда, стали пасти (sic) да что требуютъ люде на откосъ денегъ на лѣто. Дѣло родителское зъ Коховскимъ рѣшено въ судѣ енер. и отказано Коховскому искъ пожилихъ денегъ для приходу бѣглого въ Короваи до указу 1718 году.

Субота. 14. День былъ хмарний, холодний, однако жъ мокрий, ночъ такова жъ, а къ свѣту холодна и вѣтряна. Сегодня рано ездилъ въ комиссѣю. Обѣдалисмо у себе и никуда не ездилъ.

Неделя. 15. День былъ вѣтрянъ, холоденъ, а зъ полдня вѣтеръ билъ же, толко теплій и мокрій, а къ вечору дожчъ якъ сталъ ити, то ажъ до свѣта ишолъ, отчего снѣгъ увесь почитать пропалъ. Рано, по прошенію брата п. Михайла, ездили мы, Андрей

Библиотека "Руниверс"

Миклашевскій, Корецкій, Ломиковскій, Лукомскій и Александеръ Левицкій, къ нему въ Дунаець, где обѣдали и ночевали и въ карти играли, зъ виграшомъ моимъ 3 р. 50 к.

Понедел. 15. День былъ подобній вчорайшому, хмаренъ, вѣтрянъ велми и мокръ. Такова жъ и ночъ, отчего и болше снѣгу пропало. Рано зъ Дунайця поехалисмо всѣ въ Глуховъ и я пріехавши домой, обѣдалъ зъ родителемъ и женою въ дому, и никуда нездилъ. У вечеру подданихъ Крисковскихъ за ихъ вини и непостоянство, что, подавши мнѣ суплѣку всѣ въ обидахъ на попа, посля зъ нихъ нѣкоторіе зрѣкались, наказивали кіевимъ боемъ.

Вовтор. 17. День подобній былъ прежнимъ, тепелъ, мокръ, вѣтрянъ велми. Ночъ такова жъ, толко вѣтеръ еще примножился, а съ полночи стала перемѣна воздуха и къ свѣту морозець. Рано ездилемъ въ свою комиссѣю, а обѣдали у себе и съ нами Столповскій, хоружій лубенскій. Отправленъ козакъ Глуховской сотнѣ въ Кіевъ, черезъ которого писалъ я до архіерея, чтобъ вновъ мѣючіе опредѣлитись розищики въ Криски по поданной моей на попа челобитной, принимали до себе и впредъ жалобу отъ подданихъ моихъ, якую они мѣютъ подать въ обидахъ вновъ отъ его попа имъ, подданнимъ, затѣяннихъ, а объ опредѣленіи другихъ розищиковъ, на мѣсто прежнихъ, писалъ князь Алексѣй Ивановичъ до архіерея и чтобъ хто присутствовалъ зъ сторони княжой отъ енер. к—ріи, тому розискови. Да писалъ же я въ Кіевъ до Тарноліота и до Петра о продажѣ вина моего простого по 29 копѣекъ тамошнего ведра, и о куплѣ вина волоского доброго буты, на родителя и мене.

Середа. 18. День былъ велми вѣтрянъ, толко жъ вѣтеръ не сухого мороза и того ради не мерзло велми, ночъ такова жъ, а къ свѣту тиха стала и тепломокра, отчего уже и найпаче снѣгъ и ліодъ стаялъ. Никуда я не ездилъ, толко отправилъ старосту Крисковского Шоха, давъ ему приказъ и 5 р.

Четвер. 19. Денъ былъ подобній прежнимъ, толко еще зъ туманомъ и мокрохладний, самий осѣнний, а не зимній, ночъ та-

Библиотека "Руниверс"

кова жъ зъ вѣтромъ. Ездилъ я рано на Бѣлополовку и билъ у п. Михайла на время, а не заставши своихъ, заехалъ до квартерѣ Миклашевского, а не заставши, пріехалъ домой и пріехавши засталъ, что баба, 18 лѣтъ при насъ жившая, нечаянно отъ глубокой старости умре, которую при Веригинѣ и погребли. Купилъ я въ лавкахъ оксамиту алого у Пуховича, локоть за 2 р. Била сестра п. Чарнишева у насъ и обявила, что пасинокъ ея, недождавшись окончанія миру, до которого не склонялся, отехалъ домой.

Пятокъ. 20. День былъ хмарний и велми туманний, мокрій зъ таяніемъ и осталного ліоду, такова жъ и ночъ, толко зъ убавкою вѣтра. Былъ у насъ отецъ Никифоръ, намѣстникъ, родителя и мене исповѣдалъ.

Субота. 21. День былъ зранку подобній вчорайшому, а съ полдня свѣтелъ показался, а къ вечору и велми ясенъ, такова жъ ясна и ночъ къ свѣту зъ морозомъ. Сегодня пріобщались св. Тайнамъ въ церквѣ княжой и у себе обѣдали.

Неделя. 22. День былъ зъ морозцемъ, и сегодня ничего не роставало, хмарній, а посля свѣтлій, такова жъ и ночъ, толко уже безъ морозу. Были рано у княгинѣ, а на службѣ у ст. Анастасіи, обѣдали тамъ же. А по обѣдѣ ездили зъ род. и княземъ Боратинскимъ до Глухова, а оттоль до капитана Сафонова и Кишкина, и посидя до позна, зъ шумомъ домой воротился. Зъ неделѣ на понеделокъ родился сынъ брату моему Марку Петро.

Понедел. 23. День былъ хмарний безъ морозу, толко жъ холодноватъ, а ночъ зъ дощикомъ, а посля зъ снѣжкомъ и зъ морозцемъ малимъ къ свѣту. Сегодня обѣдали мы въ дому, а родитель у Боратинского, куда и я по обѣдѣ пріехавши и виехавши оттоль противъ князя Шаховского, которого, зъ Сумъ едучого, стрѣтили за греблею Заруцкого и такъ совокупившись, пріехали съ нимъ въ Глуховъ, позно. Дочь моя Анна, зъ дочерю своею и зъ Калѣновкимъ пріехала зъ Бѣловодки сюда къ намъ.

Вовтор. 24. День былъ хмарний зъ малимъ морозцемъ, такова жъ и ночъ. Были рано у князя, а на службѣ у церквѣ Веригинской и вечерали у себе зъ родителемъ, а жена на уплави заболѣла.

Библиотека "Руниверс"

Рождество Х—во. Середа. 25. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ. Были у князя и обѣдали, и подпіяхомъ. Видѣлъ указъ чили манѣфестъ печатній, въ которомъ написано, что князь Андрей Черкаскій, бывшій губернаторъ Смоленскій, за нѣкоторое важное преступленіе зъ тестемъ своимъ Корсакомъ да зъ поручикомъ Аршеневскимъ да зъ домовимъ его управителемъ Пробишовскимъ, сосланы въ силку, онъ въ Джумгайское зимове, а они въ Сѣбиръ, въ разніе городи.

Четвер. 26. День былъ и ночъ сходніе вчорайшимъ, толко жъ зъ болшимъ морозцемъ. Сегодня были у князя и обѣдали, а по обѣдѣ ездилъ до Гурева и тамъ посидѣвши, позабавилъ, а оттоль пріехавши домой, ходилъ до п. Михайла и посидѣвши мало, повернулся домой.

Пятокъ, 27. День былъ зъ морозцемъ хорошимъ и зъ снѣжкомъ маленкимъ, а къ вечеру отлигою, такова жъ и ночъ. Обѣдали у князя Шаховского, а посля зъ п. Михайломъ ездили до Кочубея и не заставши его, повернулись домой и у его играли у нѣкетъ долго, а посля пріехалъ домой. У вечеру зъ С.П Бурху пріехалъ атютантъ княжій Леонтиевъ зъ указомъ, за подписаніемъ собственной руки ея величества, чтобъ Михайлу Шереметцеву отдать индукту на 6 лѣтъ по 30 тисячъ, за добрими поруками Отъ архіерея Кіевскаго получилъ писмо, что въ монастиръ Гамалѣевскій на мѣсто Германа Конашевича игумена опредѣленъ архимандритъ Лѣнкевичъ.

Субота. 28. День и ночъ были сходніе прежнимъ, толко гораздъ зъ болшимъ морозомъ, особливе въ ночѣ. Сегодня рано причащали княгиню Шаховскую, которая еще отъ прошлого понеделка занемогла на головную болѣзнь. Былъ я рано у князя, а обѣдалъ у себе и со мною Гапка и тіотка Конзеровская.

Неделя. 29. День былъ хмарний, а посля свѣтлій зъ хорошимъ морозомъ, а ночъ еще мало холоднѣйшая и къ свѣту снѣгъ, толко малъ. У церквѣ на службѣ у ст. Анастасіи были, обѣдали у князя. Господаръ мой Будинскій, до сего времени при моемъ домѣ господарство правившій, отставленъ и въ доплатку далъ ему 5 р. 80 к. черезъ Клима.

Библиотека "Руниверс"

Понедел. 30. День былъ хмаренъ зъ снѣжкомъ, толко невеликимъ и ночъ такова жъ, толко къ свѣту морозъ жестокій показался. Сегодня зъ дому никуда не ездилъ, а игралъ у пѣкетъ зъ п. Михайломъ, сидячи въ хатѣ. Василій Гуревъ присилалъ своего служителя, что его жена родила ему сына.

Вовтор. 31. День былъ хмарний зъ морозомъ и ночъ такова жъ, а къ свѣту вияснилось. Не ездилъ я никуда съ дому и обѣдалъ у себе, и съ нами п. Михайло, пріехавши отъ обѣду княжого. Увѣдомился я, что Михайло Шереметцевъ, которий подписался за индукту давать по 30 тисячъ рублей, не сискалъ ни единой поруки, и для того, при паспортѣ княжомъ, поехалъ меншій его братъ у Михайловку до швакгра моего Андрея Полуботка, чтобъ онъ въ порукахъ подписался для того, что онъ зсилался на его, что онъ поручится.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

Библиотека "Руниверс"